

РОССИЯ

XVIII в.

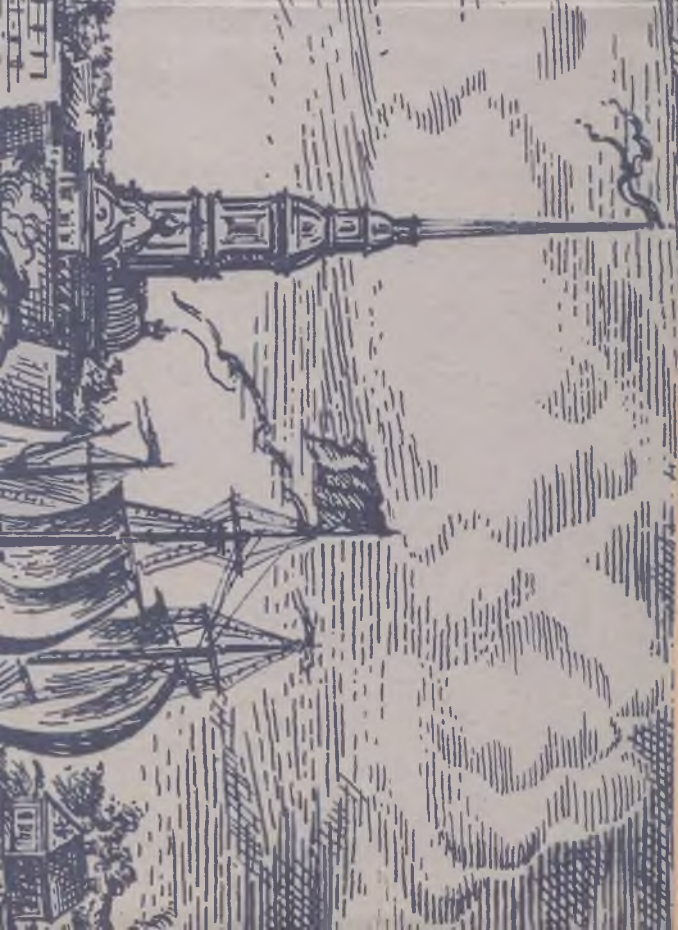
ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ

РОССИЯ

XVIII в.

ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ

51880
02

*Подготовка текстов,
вступительная статья и комментарии
Ю. А. ЛИМОНОВА*

Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю. А. Лимонова.— Л.: Лениздат, 1989.— (Б-ка «Страницы истории Отечества») — 544 с.
ISBN 5-289-00420-3

Сборник хронологически является продолжением вышедшей в 1986 году книги «Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев». В него вошли документальные рассказы иностранцев о путешествиях в Россию (в Москву, Петербург, по Сибири, по Волге и т. д.). Книга дает возможность расширить знания об истории нашей страны.

Р $\frac{4703000000-240}{M171(03)-89}$ 202—89

84.34(4)

ISBN 5-289-00420-3

РОССИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СОЧИНЕНИЯХ XVIII в.

Записки, воспоминания, дневники путешествий иностранцев, посетивших Россию в XVIII в., составляют целую библиотеку. На протяжении всего столетия в стране находились тысячи людей из всех стран мира. Это были купцы, ремесленники, инженеры, военные, ученые, специалисты по отдельным отраслям знаний, дипломаты, туристы, разведчики, авантюристы и просто искатели счастья. Политика и культура, экономика и быт, религия и нравы — все отразилось в записках и мемуарах, докладах и тайных реляциях. Огромная страна явилась темой бесчисленных сочинений. Но что же видели иностранцы в России XVIII в.?

~~В~~ XVIII век для России — эпоха коренной перестройки. Именно с этого времени страна встала на путь общенационального прогресса и реформ. По сравнению с прошлым, XVII в. стали иными государство и государственные институты, общество и его инфраструктура. Русь Московская превращалась в Российскую Империю. На мировую арену выступило фактически новое, ранее неизвестное государство. Российская Империя — это огромная и могучая страна, чья территория располагалась в трех частях света: в Европе, Азии и Америке, чьи интересы проявлялись почти на всех этапах развития мировой политики, наконец, чей потенциал, влияние, а подчас и простое вмешательство, определяли ход мировой истории — от колонизации Аляски до вхождения в состав России Закавказья и спасения его населения от уничтожения иранскими шахами, от выступления в качестве международного гаранта самого существования Германской Империи до создания первого греческого государства — Республики Ионических Островов, от избавления от национального, культурного и даже религиозного гнета украинского и белорусского народов и до политики «вооруженного нейтралитета», в результате действия которой была решена мирным путем сложнейшая проблема международных отношений, прекращена агрессия Великобритании, защищена Американская революция и сохранена молодая республика — Соединенные Штаты Америки.

Огромные изменения произошли в русской экономике XVIII в. Были освоены колоссальные по своей площади территории Поволжья, Сибири, Черноземного Центра, Слободской и Южной Украины. Черноземная зона становится житницей страны. Россия полностью удовлетворяет себя хлебом и сельскохозяйственными продуктами, которые вскоре уже становятся ощутимыми статьями русского экспорта. Интенсивное развитие мануфактур обеспечивало резкий подъем промышленности России. Появилась специализация отдельных промышленных районов металлургии и металлообработки. Для XVIII в. характерны общий рост русских городов, значительное развитие в них ремесла, торговли, промыслов. В условиях укрепления и развития единого всероссийского рынка торговля приобретает огромное значение. Кроме городских центров, в деле общего процесса купли-продажи имеют исключительное значение местные ярмарки (их было свыше 1500). Их оборот составлял многие десятки миллионов рублей серебром. Особенность внешней торговли заключалась в преобладании вывоза над ввозом и широким экспорте продуктов русской металлургии. В середине 80-х гг. XVIII в. их вывоз достиг громадного для того времени объема — 2 млн. пудов.

Неизмерим вклад России XVIII в., русского народа в сокровищницу мирового прогресса. Уже само по себе создание Академии наук и Московского университета, Академии художеств и Медико-хирургической академии, создание целой системы светской школы, насчитывающей десятки тысяч учащихся и массовый выпуск научной, светской политической книги, чей репертуар включал многие и многие тысячи названий, — все это огромный успех в области науки, культуры, просвещения. Нет сомнения, что научная и творческая деятельность таких ученых, как М. В. Ломоносов, Л. Эйлер, С. П. Крашенинников, В. Н. Татищев, И. И. Ползунов, И. П. Кулибин, таких просветителей, как Н. И. Новиков, И. П. Пнин и первый русский революционер А. Н. Радищев, таких писателей, как Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, таких художников, скульпторов и архитекторов, как Д. Г. Левицкий, Ф. С. Рокотов, М. Ф. Казаков, Д. Кваренги, В. И. Баженов, Э. М. Фальконе, В. В. Растрелли, Ф. И. Шубин, — этапы огромного, даже в масштабе мировой цивилизации, общего развития русской культуры, науки, просвещения.

Конечно, русское государство было классовым, стремившимся к исполнению и исполнявшим требования и желания господствующего класса — помещиков, дворян и чиновников. В России XVIII в. существовало крепостное право. Самодержавная власть — император и весь государственный аппарат —

охраняла и защищала сословно-крепостнический строй, который базировался на эксплуатации народных масс, и прежде всего крестьянства, составлявшего $\frac{9}{10}$ населения Российской Империи. Вряд ли мог вести свою активную, подчас агрессивную, внешнюю политику царизм без материальных ресурсов. Все достижения политики, экономики, культуры были возможны благодаря неустанной деятельности простого русского труженика, истинного создателя материальных и духовных богатств России.

Для России XVIII в. характерно и еще одно немаловажное явление. Значительные изменения во всех сферах экономической и политической жизни, естественно, вели феодально-крепостнический строй к разложению, к формированию в его недрах новых производительных сил. Самая характерная особенность России XVIII в. — это возникновение ростков нового прогрессивного строя, возникновение капиталистического уклада.

Громадны и всеобъемлющи проблемы, ставящиеся и решаемые в огромной стране. Но и масштабы преобразований, и качественные изменения в обществе — все привлекало иностранцев в России XVIII в.

Одну из наиболее ярких и полных картин России начала XVIII в. эпохи царствования молодого Петра) дает книга голландца де Бруина (1652—1727) — художника, этнографа, писателя. Опытный путешественник, проницательный наблюдатель, он многое увидел и зафиксировал во время своих поездок по стране. Основная ценность книги — изображение первоначального этапа петровской реформы, когда сосуществовало и новое, еще не окрепшее, но развивающееся, и старое, на первый взгляд стабильное, незыблемое, а на самом деле обреченное на слом. Это сосуществование нового и старого де Бруин видит во многом: и в обществе, и в культуре, и в быту.

В июне 1701 г. де Бруин отплывает из Гааги в Архангельск и с сентября того же года по июль 1703 г. живет в России. Второй раз он посещает страну в 1707—1708 гг. В 1711 г. де Бруин издал книгу о своих путешествиях «через Московию в Персию и Индию». Написанная в форме дневника, содержащего правдивую информацию по вопросам политики, культуры, быта, снабженная иллюстрациями, книга имела огромный успех и принесла заслуженную известность голландскому путешественнику. Она неоднократно переиздавалась и была переведена на многие языки.

Книга де Бруина отражает постоянное стремление автора увидеть, понять и воспроизвести действительность, время, эпоху. Вот почему она рассказывает о петровских преобразованиях. Они касаются самых разнообразных сфер деятельно-

сти — от изменения делопроизводства в приказе, где, по мнению автора, «все деловые бумаги ведутся теперь таким же образом, как у нас, голландцев», до новых способов финансирования строительства флота, при которых «каждая тысяча душ крестьян обязана доставлять все, что нужно для постройки одного корабля и всего, относящегося до этой постройки».

Совершенно уникальны записки де Бруина по истории Москвы. Он единственный из иностранцев, кто дает топографическое описание города в начале XVIII в. Хороший художник, профессиональный топограф, любитель зарисовок достопримечательностей, он не только сделал рисунки и планы, но и составил краткий рассказ о памятниках архитектуры столицы и даже ее отдельных районов. Де Бруин описывает монастыри, церкви Кремля, надворотные башни, укрепления и целые «части города». Некоторые его сведения очень любопытны, например сообщение о строительстве в Кремле деревянного здания театра, о московских бревенчатых мостовых, о расположении присутственных мест.

Чрезвычайно ценен рассказ де Бруина о той экскурсии, которую он совершил по приглашению царя Петра. Отметим, что до него подобный осмотр никому из иностранцев не разрешался. Автор пишет, что «Его величество... приказал показать мне в Москве все, что заслуживало внимания в церквях и других местах этого города». Вел экскурсию И. А. Мусин-Пушкин, «Главный смотритель монастырей», т. е. глава Монастырского приказа. Он показал голландцу основные святыни русской православной церкви — образ Владимирской божьей матери (его по традиции приписывают кисти св. Луки Евангелиста, который писал якобы «с натуры») и ризу Христа, которая была на нем при казни. Экскурсант увидел облачения патриархов и московских митрополитов, а также храмовую утварь — дароносицы, чаши и ложечки для причастия. Де Бруин обратил внимание на «большую книгу, которую носят в крестные ходы в известные праздники; книга эта осыпана была драгоценными камнями, а внутри ее находились во множестве изображения из Св. Писания, и все буквы — золоченые». Автор описал также и внутреннее убранство храмов в Кремле.

Не менее интересны рассказы де Бруина о встречах с выдающимися современниками. Он видел и наблюдал в повседневной жизни многих деятелей русской истории. Это прежде всего сам Петр I. Характерно, что царь в записках де Бруина предстает не как грозный монарх, величественный государственный деятель, а как интересный собеседник, внимательный слушатель, любезный человек, радушный хозяин.

Де Бруин знал любимца царя Александра Даниловича Меншикова, боярина князя Ю. Ю. Трубецкого, князя Д. Г. Чер-

касского, боярина Ф. А. Головина, боярина И. А. Мусина-Пушкина и других.

Книга де Бруина сохранила нам картины целых регионов России. Во время первого путешествия эти районы проходили по маршруту Москва — центральные районы России — Среднее Поволжье (Коломна, Борки, Касимов, Елатьма, Муром). Книга содержит насыщенный рассказ о волжских городах — Казани, Тетюшах, Симбирске, Самаре, Саратове, Царицыне. Очень подробно говорится о природном, экономическом, политическом положении крупнейшего города в районе Каспийского моря — Астрахани. Специальная глава посвящена западному побережью Каспия, вплоть до Шемахи. Уже оттуда де Бруин уехал в Персию и далее, на юго-восток Азии.

Оценивая в целом сочинение голландца, надо признать, что доброжелательность и объективность де Бруина во многом способствуют усвоению и пониманию информации, находящейся в книге. Надо отметить и литературный талант автора. Он проявился при изображении современников, политических событий, природы, памятников, т. е. всего того, что видел, наблюдал и слышал де Бруин. Достоинства книги и объективность автора заставляют оценить сочинение де Бруина как одно из лучших произведений о России первой половины XVIII в.

В отличие от записок де Бруина мемуары герцога Лирийского непосредственно посвящены дипломатической и политической жизни столицы, или, точнее, русского двора. Автор мемуаров принадлежал к одному из знатнейших родов Европы. Он прямой потомок Марии Стюарт. Именно он и был послан в Россию. «Дюк Лирийский», как именовали его русские, стал первым испанским послом в Петербурге. Он прожил в России три года и в 1730 г. уехал из Петербурга в Вену. В 1731 г. он командовал испанскими войсками в Италии. Умер в 1733 г. в Неаполе, где исполнял обязанности посла. Мемуарное и эпистолярное наследство герцога в виде отдельного тома воспоминаний было издано его сыном в Париже перед самой революцией в 1788 г. Дипломатическая переписка герцога была издана позднее, во второй половине XIX в.

Воспоминания герцога, составленные на дневниковой и эпистолярной основе, — достаточно правдивый и точный исторический источник. Подобные мемуары исключают описание фактов по припоминанию, что естественно при создании произведений через определенный отрезок времени. В воспоминаниях герцога почти каждый факт основан на записи в дипломатической депеше, синхронной событию. В этом значительная их ценность. Другое достоинство мемуаров в сравнительно спокойном изложении, даже в некоторой «объективности» при повествовании.

Герцог описывает события с ноября 1727 г. по ноябрь 1730 г. Все это время посол был тесно связан с царским двором. Как дипломата его мало интересовали вопросы внутренней политики России, ее социальные или культурные проблемы. Его внимание привлекало в основном отношение русских монархов и высших чиновников к вопросам европейской внешней политики, к вопросам взаимоотношения с Испанией. Казалось бы, круг вопросов сугубо профессиональный и на первый взгляд довольно узкий. Тем не менее автор довольно умело нарисовал картину петербургских верхов конца 20-х гг. XVIII в. Герцог подробно рассказывает о внуке Петра Великого, сыне царевича Алексея — императоре Петре II. Он отмечает стремление Долгоруких, ближайшего окружения императора, вернуться к старым, допетровским порядкам. Посол довольно подробно рассказывает о создании группы «верховников», состоящей из представителей родовитого дворянства и высшей бюрократии. Именно они составили и подали «Кондиции» (условия) императрице Анне. По этим обстоятельствам она лишалась прав самодержицы и Россия превращалась в государство, правление которого напоминало бы Польшу или Англию, где была ограничена власть монарха. Под влиянием дворянства и гвардии Анна уничтожила «Кондиции».

Пожалуй, наиболее интересны в записках портретные характеристики современников, составленные герцогом на основе личного общения, наблюдений, слухов, а также всякой иной, самой разнообразной информации, которой пользовались и пользуются профессиональные дипломаты и разведчики. Подобные «портреты», заимствованные из посольского досье, предназначенного для практической работы членов дипломатической миссии и преемника самого посла, содержат любопытные характеристики. Они составлены по несложному плану: умственный потенциал описываемого, его достоинства и недостатки, основные свойства характера, положение в обществе, личные средства и связи. Часто добавляется описание внешности.

Чьи же «портреты» находим в мемуарах герцога Лирийского? Это серии характеристик, досье на членов императорской династии, начиная с Анны. Вот, например, рассказ о Елизавете Петровне, будущей императрице: «Принцесса Елисавета, дочь Петра I и царицы Екатерины, такая красавица, каких я никогда не видывал. Цвет лица ее удивителен, глаза пламенные, рот совершенный, шея белейшая и удивительный стан. Она высокого роста и чрезвычайно жива. Танцует хорошо и ездит верхом без малейшего страха. В обращении ее много ума и приятности, но заметно некоторое честолюбие». В книге даны также характеристики русских дипломатов, государствен-

ных деятелей, а также иностранных послов, аккредитованных при петербургском дворе. Меткие, лаконичные, иногда злые, они дают многое для понимания событий, происходящих в Петербурге.

Записки де Рюльера несколько отличаются от мемуаров герцога Лирийского. Они посвящены одному, правда очень важному, эпизоду истории России — перевороту 1762 г. и вступлению на престол Екатерины II. Автор книги «История и анекдоты революции в России в 1762 г.» шевалье Рюльер (1735—1791) был секретарем барона Бретейля, французского посла в Петербурге. Он прожил в столице около двух лет и был очевидцем событий, которые описывает. По своей должности Рюльер и занимался сбором информации. Талантливый беллетрист (его хвалил сам Вольтер), он суммировал свои наблюдения и написал книгу о перевороте 1762 г. По возвращении Рюльера из России во Францию сочинение секретаря посольства распространилось во множестве списков. Им зачитывался не только весь Париж. Оно стало известно при всех королевских дворах Европы. Сама тема, главные действующие лица, их поступки, драматизм ситуаций — все привлекало внимание читателей, в том числе и высокопоставленных государственных деятелей. Читал сочинение Рюльера и его государь — король Людовик XVI. Между тем книга, ввиду ее направленности и того фактического материала, который она содержит, не публиковалась при жизни Екатерины II. Интересно, что и русский перевод был опубликован только в XX в., после революции 1905 г., настолько фактическая основа книги была далека от официальной версии событий 1762 г.

Книга Рюльера, как он сам подчеркивает, посвящена только заговору и перевороту 1762 г. Она не претендует ни на широкие политические обобщения, ни на глубокие научные выводы. Книга Рюльера — плод суммирования, систематики отдельных фактов, информации, собранной энергичным и умным профессиональным разведчиком, человеком, который и по роду своей деятельности, да и по своим личным качествам не брезгает использовать, фиксировать любой слух, любое сообщение, любую сплетню, независимо от их характера и источника распространения. Для Рюльера они пригодны все, лишь бы укладывались в его схему рассказа. Вот почему, при всей реалистичности характеристик, они подчас грешат субъективностью именно из-за «всеядности» автора, отсутствия авторского отбора в потоке информации. Несмотря на некоторые просчеты при создании характеристик, свою основную задачу автор решает полностью. Ведь главная цель книги — собрать конкретные данные, нарисовать конкретную картину, показать конкретных людей.

В начале книги даны характеристики главных действующих лиц и их окружения. Даже сами по себе подобные портреты представляют значительный интерес. Описывая Петра III, Рюльер дает четкую, весьма правдоподобную характеристику голштинскому «уроду», «чертушке», — по выражению императрицы Елизаветы. Отметим, что она полностью совпадает с наблюдениями других современников. Итак, в книге Рюльера читаем: «Беспредельная страсть к военной службе не оставляла его (т. е. Петра III.— Ю. Л.) во всю жизнь; любимое занятие его состояло в экзерциции (т. е. в воинских упражнениях.— Ю. Л.). Его наружность, от природы смешная, делалась таковою еще более в искаженном прусском наряде... Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное лицо довольно живой физиономии, которую он еще более безобразил беспрестанным кривлянием для своего удовольствия. Однако он имел несколько живой ум и отличную способность к шутовству». К этой характеристике трудно добавить что-либо, и тем не менее Рюльер указывает, что Петр III был «жалок», что у него не было никаких дарований и был он попросту глуп, и т. п. Несмотря на плохо скрытую неприязнь автора книги к антагонисту императора — Екатерине, Рюльер дает, в общем, положительную характеристику «похитительнице престола». Она умна, хитра, хорошо разбирается в политике, умеет привлекать людей, честолюбива, что толкает ее к достижению тех целей, которые она перед собой поставила.

Рюльер очень хорошо показывает, и это надо отнести за счет ума и наблюдательности автора, что ни отрицательные черты императора, ни положительные Екатерины сами по себе не являлись залогом успеха столь быстрого и бескровного переворота, если бы не были нарушены основные направления русской политики, попрано национальное достоинство страны. Петр III, русский император, открыто стремился стать «вассалом» прусского короля Фридриха II, с которым в тот момент воевала Россия. Император потребовал прекратить войну с Пруссией и начать с Данией, своей бывшей союзницей. Русская армия посылалась на помощь Фридриху. Попытка введения для русского законодательства прусских законов, огромный приток немцев, которые, как при Бироне, получали государственные посты, издевательство над русской культурой, языком и религией и, наконец, открытое недовольство народа — вот основные причины успеха переворота 1762 г.

В общем надо признать, что, несмотря на всю направленность записок, а подчас тенденциозность, они, безусловно, являются интереснейшим памятником истории быта и нравов определенного круга русского общества 60-х гг. XVIII в. Записки также любопытны как превосходный памятник той исто-

рико-политической литературы, которая выпускалась по случаю каких-либо экстраординарных событий при королевских дворах Европы. Как видим, благодаря Рюльеру, секретарю французского посла барона Бретеяля, Россия также не избежала этой участи.

Одним из наиболее интересных источников по истории России XVIII в. являются «Записки графа Сегюра» (1753—1830). В России он прожил около четырех лет — с 1785-го по 1789 г. Его записи, документы и докладные записки о пребывании в этой стране послужили лучшей и самой яркой частью обширных мемуаров французского посла.

«Записки» графа Сегюра открываются рассказом о приезде в империю. Свои первые впечатления от России он связывает с Петербургом. Сегюр отмечает «гений» Петра, благодаря которому возник город: «Под серым небом, несмотря на стужу... повсюду можно было видеть следы силы и власти и памятники гения Петра Великого... Я был приятно поражен, когда в местах, где некогда были одни лишь обширные бесплодные и смрадные болота, увидел красивые здания города, основанного Петром и сделавшегося менее чем в сто лет одним из богатейших, замечательнейших городов в Европе». По приезде в Петербург Сегюр деятельно знакомится с русским двором и со своими коллегами — послами европейских держав. В чем видит свою основную цель, главную задачу молодой блестящий посол короля Франции? Перед ним очень нелегкая задача — наладить взаимоотношения между его страной и Россией. Для Франции это чрезвычайно важно.

Во многом благодаря стараниям Сегюра был заключен русско-французский торговый договор 1787 г. Франция получила возможность торговать на тех же условиях, что и англичане, а русские товары освобождались от тяжелых пошлин в Марселе. Именно этим дипломатическим и политическим целям и задачам, разрешению их в спорах и контактах с русской дипломатией и государственными деятелями и посвящены мемуары Сегюра. Но не только им. Одновременно целая галерея современников Сегюра проходит перед нами. Картины быта, нравов, описание путешествий императорского двора к южным пределам страны и даже изображение природных ландшафтов содержатся в книге. И все-таки, пожалуй, наиболее рельефны и интересны у Сегюра портреты его знаменитых современников. Это прежде всего зарисовки характеров выдающихся личностей, которых он хорошо знал и с которыми он сталкивался на протяжении всего пребывания в России. Речь идет о Екатерине II и Потемкине. Сегюр наблюдал обоих и на дипломатических приемах, и при решении государственных дел, и в домашней обстановке. Наблюдений было много и самых разно-

образных. Он подметил некоторые особенности характеров Екатерины и Потемкина и пишет о них с известной долей иронии и даже предубеждения, что, впрочем, естественно для иностранца, француза, дипломата, представляющего в России недружественную державу. И тем не менее в «Записках» находим очень интересные, живые, полнокровные изображения. Так, он отмечает большой государственный ум Екатерины, ее энергию, волю, самообладание, чувство такта и меры. Для Сегюра она образец политического деятеля. Екатерина решительно, четко ставит цель и стремится к ее достижению, много и плодотворно работает, пытается контролировать своих министров. В ряде случаев Сегюр пытается иллюстрировать отмеченные черты характера примерами. Екатерина стремится к созданию «хороших» законов для населения огромной страны, пытается обезопасить ее от внешних врагов, ревностно относится к защите ее интересов на международной арене.

Конечно, в описании попадает несколько слащавых характеристик императрицы. Их можно отнести и за счет комплиментов опытного царедворца, светского человека и дипломата, а также за счет общего понимания идеальных отношений между «добрым» монархом и его «простым» народом. Но иногда подобная идиллия нарушается как по воле автора, так и в силу объективной исторической действительности. Описание того, что «ее (Екатерины.— Ю. Л.) управление было покойное и мягкое», вдруг прерывается рассказом о восстании Емельяна Пугачева, а затем убийстве несчастного Ивана V, главного соперника императрицы, обреченного на пожизненное заключение в крепости. Впрочем, некоторые отрицательные черты Екатерины не укрылись от наблюдательности французского посла. Это гипертрофированное тщеславие, «беспредельное» честолюбие, сухость и рационализм, переходящие в безбрежный эгоизм. Эти черты, так точно подмеченные и откровенно описанные, дополняют портрет Екатерины II и совпадают с тем, что отмечают другие современники при характеристике этого выдающегося государственного деятеля своего времени и незаурядной личности.

Автор «Записок» стеснен в меньшей степени условностями при изображении Потемкина. Этот портрет получился, пожалуй, не менее жизнен, чем портрет Екатерины. Сегюр рисует его сочными красками. «Светлейший князь» предстает перед нами со всеми достоинствами и недостатками. Он умен, энергичен, деятелен, но иногда он ленив, тщеславен, апатичен. Сегюр пытается дать понять читателю, что он был со «светлейшим» на дружеской ноге. Возможно. Правда, сквозь известную легкую фамильярность при изображении Потемкина проглядывают определенные боязнь и страх, а также зависимость от решений

всесильного фаворита. Но и это понятно. Потемкин был всемогущ.

Что можно сказать о социальной и политической направленности «Записок»? Увлечение модной философией эпохи Просвещения, чтение трудов энциклопедистов, восторженное отношение к такому понятию, как «свобода», наконец, личное участие в Войне за независимость в Америке, казалось бы, дает заранее ответ на вопрос, как Сегюр мог оценить то, что видел в России, каких вообще классовых позиций он придерживался. В самом деле, французский посол превосходно знает, что такое крепостное право в России. Сегюр видел нищету и разорение народа, который находился под «милостивым правлением» «матушки-государыни». Более того, из-под его пера срываются точные, превосходные описания социальных контрастов. Вот что Сегюр пишет о путешествии Екатерины II на юг в 1788 г. «Бедные поселяне с заиндедевшими бородами, несмотря на холод, толпами собирались и окружали маленькие дворцы, как бы волшебною силою воздвигнутые посреди их хижин, дворцы, в которых веселая свита императрицы» пировала, сидя за «роскошными столами». Картина контрастов, объективность художественного образа чрезвычайно правдивы и убедительны. И все же в «Записках» нигде и никогда мы не найдем осуждения того строя, который господствует в России. Нигде и никогда автор не будет критиковать абсолютизм и феодализм в России. И в политике, и в литературе Сегюр, несмотря на свой либерализм и внешнее преклонение перед свободой, полностью поддерживает общество социального неравенства, ради которого он деятельно и так верно служит французским монархам — Людовику XVI, Наполеону Бонапарту и Людовику XVIII.

Особым видом «записок иностранцев» можно полагать дорожные дневники наших «ученых немцев» — петербургских академиков — П. С. Палласа, С.-Г. Гмелина, И. П. Фалька. В качестве специалистов они были приглашены на работу в Россию. Ученые участвовали в ряде академических экспедиций в европейскую и азиатскую части страны. Сбор и систематика данных о природе, населении, достопримечательностях принесли превосходные результаты и внесли неоценимый вклад в мировую науку. Достаточно сослаться на появление первых в мире работ, посвященных флоре и фауне всей России и отдельно ее огромного региона — Сибири. Совершенно уникальны дорожные дневники академиков, содержащие описание «естественной истории».

Публикуемый в настоящем издании отрывок взят из труда «Путешествие по разным провинциям Российского государства», изданного в 70—80-е гг. XVIII в. Его автор — Петр Си-

мон Паллас (1741—1811). В 1768 г. он возглавил одну из академических экспедиций. В ее состав входили и русские ученые Н. П. Соколов, В. Ф. Зуев, Н. П. Рычков. Были обследованы Среднее и Нижнее Поволжье, Заволжье, Урал, Зауралье, Алтай, Западная Сибирь, юг Восточной Сибири и Забайкалье. Кроме того, в некоторые районы выезжали отдельные члены экспедиции: Н. П. Соколов в Восточную Сибирь, В. Ф. Зуев в район низовий Оби и побережья Северного Ледовитого океана, Н. П. Рычков в Казанскую губернию. Успех экспедиции превзошел все ожидания. Материалы, наблюдения и исследования ученых явились огромным вкладом в мировую науку. Они не потеряли свое значение и в настоящее время, так как позволяют установить эволюцию природных ландшафтов, флоры и фауны Европейской и Азиатской России за последние 200 лет.

Результатом экспедиции, окончившейся 30 июля 1774 г., были многочисленные сочинения по ботанике, зоологии, но прежде всего географии. Они были опубликованы на латинском, немецком и русском языках в Петербурге и Лейпциге. Богатейшие собрания по флоре, фауне, палеонтологии и этнографии вошли в фонд Академической Кунсткамеры.

Знания, трудолюбие и талант исследователя во многом способствовали научной карьере Палласа. В 1777 г. он был назначен членом топографического отдела Российской Империи, в 1782 г.— коллегии советником, в 1787 г.— историографом Адмиралтейской коллегии. Но Паллас не стал кабинетным ученым. В первой половине 90-х гг. он изучает климат Южной России. В 1796 г. совершает поездку в Крым, в Симферополь. В результате появляются его исследования, посвященные климатологии юга Европейской России. В 1810 г. Паллас вернулся в Берлин, где вскоре скончался.

Яркий представитель науки эпохи Просвещения, Паллас был разносторонним ученым, эрудитом, знатоком и специалистом в ряде естественных и даже гуманитарных знаний. Многие открытия Палласа опережали современное ему состояние науки. Он открыл множество новых видов млекопитающих, птиц, рыб, насекомых, растений; исследовал остатки вымерших животных: мамонта, буйвола, волосатого носорога. В области теории науки Паллас высказал ряд идей эволюции органического мира, впервые дал целостное изображение систематики животного мира в виде родословного древа; первый отметил следы древнейшего уровня Каспийского моря, определил его старые границы. Наконец, нельзя не отметить его постоянный интерес к «небесной природе», к космосу, к «космическим посланцам»— метеоритам. Один из редких железокатенных метеоритов даже получил название «Палласово железо», палласит, в честь ученого.

Отрывок, помещенный в настоящем издании, содержит описание пути по Восточной Сибири и Забайкалью. Рассказ Палласа начинается с повествования о Красноярске. Ученый дает данные о местоположении города, его климате, топографии, торговле, ремесле. Характерная особенность, по мнению путешественника, — это интенсивная торговля с Востоком и исключительное плодородие почв и дешевизна сельскохозяйственных продуктов, «ни в которой части сего государства земные продукты так дешевы не находятся, как здесь. Едва можно поверить, если скажу, что, как я туда приехал, в городе ржаной муки пуд (т. е. 16 кг.— Ю. Л.) по две копейки и по пяти денег (т. е. по 2,5 копейки.— Ю. Л.), пшеничной же по четыре копейки с деньгою (т. е. 4,5 копейки.— Ю. Л.)... мясо от пятнадцати до двадцати пяти копеек пуд... Очень много Паллас приводит данных о посевах, урожае, распахке целины и т. д. Цель своих столь подробных рассказов ученый видит в желании «показать, сколь благополучен в плодоносной сей стране крестьянин». Особое внимание уделяет ученый флоре и фауне Красноярского края и их промышленному освоению.

Дальнейший путь экспедиции шел из Красноярска на Канский острог и далее в Иркутск. Ученый продолжает свои наблюдения и поиски. Он с гордостью сообщает о приобретении палеонтологической редкости — туши волосатого носорога, найденного около Вилюйского острога. Отмечает Паллас и районы вечной мерзлоты по реке Вилюй. Подробно он описывает Ангару, ее берег и Байкал. Побывал он и в Удинске, и в Селенгинской округе. Паллас внимательно осмотрел район города Кяхты, собрал информацию о русско-китайской торговле, о статьях вывоза и ввоза в Россию. Затем путешественник дает подробное описание Даурии. Красота мест, великолепные ландшафты, разнообразие форм живой природы увлекают Палласа. И тогда сквозь оболочку сухого, педантичного ученого прорываются чувства глубоко эмоционального человека: «Различные гор кабаны, положением своим и фигурою в удивление приводящие; приятной зеленью покрытые долины, гребень гор в разных местах пресекающие; продолговатые, из молодых березок и осинок, большею частию на северной стороне, с самых вершин до низу простирающиеся рощицы; множество оленей и других диких зверей, еще более различных птиц в сие вешнее время делали страну столь приятно, что приятнее и уединеннее желать больше не можно, и я нигде в моей жизни лучше не видывал». Ничем иным, как чистым восторгом перед красотой природы, эти строки объяснить нельзя.

В целом описание Забайкалья вызывает глубокий интерес. Тщательность и объективность описания дают великолепный материал, значение которого не только не утрачено, но даже уве-

личилося в настоящее время. В самом деле, материал Палласа может сыграть решающую роль при сравнительном анализе экологических условий региона в XVIII в. и в нынешнем XX в. Сам метод фиксации и синтез наблюдений Палласа много дали географической науке и вызвали восхищение и подражание очень многих, вплоть до великого путешественника Гумбольдта.

Мемуары, записки иностранцев о России XVIII в. очень разнообразны и по содержанию — фактология, направленность, — и по жанру — форма, методика подачи материала. Но в этом разнообразии предметного описания и плюрализма мнений их значение и ценность. Восполняя, дополняя, а подчас даже оспаривая друг друга, записки дают возможность увидеть тот образ России XVIII в., который складывается у иностранцев, очевидцев происходящих грандиозных перемен в великой стране, в истории великого народа.

Ю. ЛИМОНОВ

К. де БРУИН

ГЛАВА I

Решение сочинителя на второе путешествие. Отъезд его из Гравенгаги. Прибытие в Архангельск

Мне кажется, что я ничем лучше не могу начать моего труда, как благодарением богу за благополучное, по благодати и промыслу его, начало и окончание этого другого моего путешествия. Вспоминая ежедневно <с> удовольствием о моем первом путешествии, описание которого сделано мною для моих соотечественников, вскоре переведенное на фран-

цузский язык и принятое с такою благосклонностью людьми разного рода, что потребовалось немедленно новое издание его, я решился пустить в свет описание и этого путешествия, полагая, что и оно принесет своим читателям не меньшее удовольствие, как и первое.

По возвращении моем после девятнадцатилетнего странствования в мое отечество мною овладело желание увидеть чуждые страны, народы и нравы в такой степени, что я решился немедленно же исполнить данное мною обещание читателю в предисловии к первому путешествию совершить новое путешествие через Московию в Индию и Персию. Намерение это не нравилось лучшим друзьям моим, которые представляли мне против него всевозможные неудобства и опасности, неразлучные с подобным предприятием; но моя страсть, подстрекаемая успехами первого моего предприятия, решила меня довольно легко отнестись ко всем опасностям, как бы велики ни были они, ожидавшим меня в будущем, а, напротив, надеяться на счастливый конец. Притом, достигши возраста более зрелого и большей опытности, я полагал, что теперь мог бы основательнее делать всякого рода наблюдения, чем тогда, когда я был гораздо моложе;

и наконец, опытность моя и постоянное обращение и со-
вещание с учеными и любителями всяких редкостей вну-
шили мне уверенность, что я в состоянии сделать теперь
открытия более важные и полезные, чем когда-либо
прежде. Исполненный таких надежд, я старательно обо-
зрел несколько кабинетов редкостей и научился пригото-
влять и хранить в спирту всякого рода птиц, животных
и рыб, чтобы в целости перевозить их. Я предположил
также снимать с природы на полотне или бумаге различ-
ные произведения морей, также цветы, растения, травы,
плоды с их листьями и тому подобное. Впрочем, на это
смотрел я как на прикрасу и дело второстепенное; глав-
ная же цель моя была осмотреть уцелевшие древности,
подвергнуть их обыску и сообщить о них свои замечания,
с тем вместе также обращать внимание на одежду, нра-
вы, богослужение, политику, управление, образ жизни,
свойства народов, равно как обряды при рождении,
свадьбах и погребении людей, обитающих в чужих стра-
нах; наконец, исследовать и обозреть земли и города со
всевозможною точностию и, по возвращении своем, со-
ставить всему виденному собственными, как говорится,
моими глазами верное описание.

Я выехал из Гравенгаги, места моего рождения, 28
июля 1701 года вечером в Амстердам. В этом городе я оста-
вался до 30-го того же месяца, а на следующий день,
в 4 часа пополудни, прибыл на простой лодке в Тексель.
Здесь я узнал, что военный корабль «Оуденаарден», под
начальством капитана Румера Влака, получил приказа-
ние сопровождать московские корабли и готов того же
утра отплыть в 9 часов с пятью или шестью купеческими
кораблями по направлению в Архангельск. Корабль же,
на который я решился взойти, не приходил еще в Тек-
сель, почему я и принужден был его дожидаться по 1
августа. В этот день я наконец перешел на него в 10 ча-
сов утра. Это было прекрасное судно, по имени «Иоанн
Креститель», о восьми пушках и с отрядом в восемнад-
цать человек, шкипер же — Геррит Буис из Саардама.
Мы лавировали с западным — юго-западным ветром, на-
правляясь на запад, в Тексель, к которому, возвратясь
на купеческом судне на корабль, и пристали перед обе-
дом.

На другой день, в 9 часов утра, пустились мы далее
и пробыли в море до часу пополудни. Здесь лоцман наш
оставил нас, и я вручил ему несколько писем к друзьям
моим, извещая их о своем путешествии. Мы держали
путь на северо-запад к северу до вечера, когда повернули

к северо-северо-западу и повстречали десять кораблей, из которых одни плыли в Голландию, а другие на Восток. В полночь настало затишье и продолжалось до утра 3-го числа месяца. В полдень подул с запада — юго-запада ветер.

4-го числа, с рассветом дня, ветер усилился, и мы продолжали наш путь на северо-запад при переменной погоде и повстречали еще несколько кораблей, плывших в различных направлениях.

5-го числа был северо-северо-западный ветер, и снова мы встретили много кораблей, между которыми были и рыболовные из Гренландии; рыболовы этих последних судов сообщили нам сведения о своем плавании и ловле. То же самое повторилось и в следующие дни.

8-го числа ветер подул на запад, и мы распустили все наши паруса, пользуясь прекрасной погодой. Но ветер затем изменился, стал дуть к юго-юго-востоку, а мы продвигались на северо-восток и к вечеру приблизились к самым передовым островам Норвегии, не замечая их по случаю пасмурной и дождливой погоды.

9-го числа мы находились на высоте 61° , имея опять пасмурную погоду, как и прежде, чередовавшуюся с дождем, равно как и в следующие дни. Блуждая таким образом в этом море, мы видели чрезвычайно больших рыб, называемых обыкновенно гиллен, голова и нос у которых заостренные. Далее мы видели еще и многих других рыб, между прочим так называемых подскоппен, с широкими головами, плававших вокруг нашего корабля: они вдесятеро больше дельфинов, столько же длинны, как шлюпки, и относительно более толсты, чем велики, и водятся только на Севере. После нескольких перемен ветра и погоды, в продолжение которых море было то тихо, то бурно, 16-го числа воздух прояснился настолько, что мы увидели землю около 7 часов утра: то были скалы или хребты, самые передовые северного берега, названные на карте Луфурт. Они довольно высоки и разделяются на несколько частей. <...> Когда мы подошли к ним довольно близко, я снял* остальную часть острова с другой внешней оконечностью, где я усмотрел еще небольшие скалы, которые, казалось, соединены были с тем же островом, удаленным теперь от нас на два или на три часа. <...> Мы двигались вперед затем довольно спо-

---

* Здесь и далее автор ссылается на рисунки и чертежи, приложенные им к первому изданию «Путешествий», вышедшему в свет в Амстердаме в 1711 г (Прим. сост.)

койно, вместе с несколькими кораблями, встретившимися нам случайно, и видели опять, как перед тем, особый род рыб, длиною в половину корабля, соразмерной толщины и с громадными головами. Между ними, конечно, были такие, которые созданы лишь воображением, как рассказывали нам это люди, видевшие якобы их мертвыми. В Балтийском море попадаются также какие-то птицы, похожие на наших уток или нырков, только поменьше и с острым клювом; пером эти птицы сверху черные, а сысподу белые. В эту ночь и следующий день, 17-го числа, был сильный туман и дождь. В 8 часов мы встретили корабль, отплывший из Гамбурга 30 июля в Архангельск. Туман все еще продолжался и мешал нам видеть землю, но вдруг небо прояснилось и перед нашими глазами предстала земля. Продвигаясь постоянно вперед, мы находились уже теперь на высоте $70^{\circ} 36'$ близ земли Лоппе и высокой каменистой скалы на юго-восток от нас. У ней стоял один французский корабль, хозяин которого приплыл к нам в шлюпке и взошел на корабль. Так как он говорил только по-французски, а у нас на корабле не было, кроме меня, никого, кто бы знал этот язык, то при разговоре с ним я служил переводчиком. Он рассказывал нам, что пять месяцев тому назад он отправился из Байонны в Гренландию, из которой вернулся домой, поймавши девять китов, и последнего из них в четырех или пяти часах от места, в котором мы тогда находились; что он надеялся найти еще китов у этого берега и спрашивал нас, не видали ль мы хоть одного на своем пути. Получив от нашего шкипера несколько полезных указаний, он сообщил нам еще, что у одного из пойманных им китов вместо усов были зубы длиною в пять дюймов, а жиром из него он наполнил 32 бочки и $7\frac{1}{2}$ бочек соли, которая находилась на задней стороне шеи кита. К этому прибавил, что такую добычу имел он уже несколько раз; что, очистив сказанную соль в Байонне, отправлял ее в нашу и другие земли, что соль эта употребляется для очищения цвета лица женщин и придает им известную свежесть молодости, что соль эта — отличное средство от многих болезней, мало известное в прежнее время, почему за нее выручались тогда большие деньги. Он хвастался также, будто соотечественники его были первые, начавшие ездить в Гренландию. Мы видели еще около семи кораблей в этой местности и продолжали наш путь вечером. Погода все-таки была переменная, что продолжалось по 20-е число, когда в 8 часов утра мы были, казалось, в шести или семи часах от острова Лоппе, бывшего

от нас на юго-восток, но нам уже не видно по причине весьма пасмурной и облачной погоды, иногда прояснявшейся на короткое время, утром же 24-го туман был до того густ, что мы с трудом могли видеть на пространстве от одного конца корабля до другого. 25-го мы находились на высоте $72^{\circ} 23'$, где к вечеру сделалось затишье, и затем опять большой туман ночью, в темноте которой один из матросов поймал большого сокола, усевшегося на корабль наш; но сокол этот отнюдь не хотел есть во все время, пока был в неволе. Так как туман и дождь постоянно продолжались, то мы и не могли иметь ни малейшего сведения о земле в 27-е число, но спустя день, когда погода прояснилась, мы увидели землю. <Когда мы> продвига<лись> по направлению к северу, к Ламбаску, настал благоприятный нам юго-западный ветер, чему мы очень обрадовались, потому что не посмели бы воспользоваться этим ветром, если б туман продолжался, из опасения потерять эту землю из виду. Поэтому мы должны были держаться в море. Земля, находившаяся теперь у нас в правой стороне, была берег Лапонии, состоящий под властью московского царя и называемый вообще твердый берег (материк) Лапонии. В этой стране есть цепь гор, не особенно высоких и почти всюду равной высоты, идущих вдоль моря: цвет этих гор с виду рыжеватый, а почва бесплодная. Во многих местах горы эти покрыты снегом, накапливающимся в расселинах, где он никогда и не тает. Тогда настала совершенная тишь, и мы немедленно бросили якорь 29-го числа, чтобы не отодвигаться назад. Но немного спустя снова прояснилось, и поднялся свежий восточный ветер, и мы, с увеличением его, продолжали наш путь поближе к земле на юго-восток, причем увидели несколько кораблей, и наконец 30-го вошли в так называемое Белое море, вода которого казалась более светлой, чем вода океана, которая зеленовата, между тем как у берегов России мутная, по причине рек, изливающихся в него. Миновав гористый берег, мы нашли землю ровнее, частью покрытую кустарником на пространстве доброго часа. В 8 часов мы очутились у острова Креста, чрезвычайно каменистого и находящегося с правой стороны недалеко от материка. Остров этот наполнен крестами, беспрестанно открывающимися взору по мере приближения к нему. Когда мы были уже за этим островом, мы увидели Россию, держа путь свой на юго-запад — юг и оставляя на востоке мыс Серый, далеко выдающийся в море: Около вечера мы увидели семнадцать кораблей, стоявших на

якоре у берега, и, пробираясь далее, присоединились к ним за час до полуночи и стали возле двух английских кораблей, стоявших на трехсаженной глубине перед рекой Архангел, в десяти часах от города.

Утром 31-го нас было двадцать одно судно, именно: одиннадцать голландских, восемь английских и два гамбургских корабля. Здесь мы узнали, что отпльвшие из Текселя вперед нас двумя днями тоже пришли бросать тут якорь. Так как погода была прекрасная, то мы поджидали только лоцманов, чтобы тотчас войти внутрь, но напрасно; почему один из гамбургских кораблей решился отправиться без лоцмана, но он скоро раскаялся в том, потому что тут же сел на мель у левого берега этой реки. Мы не удивились, узнавши, что русские сняли все вехи, чтобы затруднить шведов, появившихся было с несколькими кораблями несколько недель тому назад у устьев этой реки и распространивших повсюду ужас. Англичане, недовольные такою задержкой, также вышли из терпения и продвинулись было утром с шестью кораблями, но первый из этих кораблей и, как мы после узнали уже, еще два сели крепко на мель, а остальные воротились назад. Наконец после полудня отплыли туда все английские корабли с лоцманами, явившимися тогда, а за ними и один небольшой корабль из наших, который благополучно прошел таким образом без лоцмана посверх мели и бросил якорь поблизости лугов, пользуясь прекрасной погодой, много тому способствовавшей. Материк здесь, показавшийся с разных сторон и покрытый мелким лесом, вдавался с бухтой внутрь реки. <...> 2 сентября мы все были снабжены лоцманами, за исключением одного английского корабля, и в 11 часов при южном ветре пустились на парусах, направляясь к востоку. Мы прошли несколько мест, где было не более пятнадцати-шестнадцати футов глубины, и около 3-го часа стали на якорь близ лугов, без малого в шести часах от Архангельска; сено лежало еще в кучах на полях. Английские и другие корабли также остановились там же, потому что далее приближаться к городу не дозволялось, и нужно было, чтобы каждый корабельщик прежде отправился туда лично. Это внушило мне с прочими, отправлявшимися туда, также пуститься и сесть в шлюпку. Поэтому около 5 часов я вместе с другими сошел с корабля в намерении пробраться кратчайшим путем между островами, но мы скоро заблудились. Мы начали было уже отчаиваться в успехе нашего предприятия, как встретили небольшую барку, управляемую одним русским, которого

мы и просили быть нашим проводником, так как ночь приближалась и время было уже очень темное, а мы и так уже сделали, как полагаю я, три поворота компаса, несмотря на то что с нами было четыре шкипера. Наконец мы заметили у одного острова русское судно на якоре. Так как была уже полночь и дождь лил ливнем, мы решились взойти на это судно и дожидаться на нем дня, будучи не в состоянии, по совершенной темноте, добраться до твердой земли; в противном случае мы намеревались сойти на остров и там развести порядочный огонь в лесу. С рассветом мы продолжали наш путь; в 6 часов прибыли в Новую Двинку, в трех часах от города. Мы остановились тут, не имея возможности идти далее без дозволения местного начальства. Немного было домов в этом месте, в котором трудились над возведением нескольких окопов, из опасения высадки неприятелей. Тут же приготавливали три брандера (зажигательных судна)... с тяжелой цепью, толщиной в руку, чтобы запереть вход шириною в девяносто сажен. Это орудие и окоп назначались против шведов, которых постоянно опасались после последней попытки их. Я успел снять это место, дома которого все были в некотором расстоянии от реки... Наконец местный начальник прибыл, угостил нас чаркой водки и дозволил отправиться далее. Мы тотчас же пустились и 3-го числа, за 3 часа до полудня, прибыли в Архангельск. Я поместился у одного нидерландца, Адольфа Боувгуйсена, который сообщил мне, что незадолго до этого шведы появились было в этих местностях с тремя военными кораблями, с одним судном, двумя гальотами и с небольшою баркою, намереваясь разрушить селение Мутовку, в десяти часах отсюда; и они сделали бы это, если б не один русский, по имени Курепин, бывший у них рулевым, который отвратил их от такого намерения, представив, что это совершенно разрушило бы их намерение идти на Архангельск¹. Они послушались его совета и потом отправились как приятели под английским флагом к устью реки, в которую и вошли с двумя своими гальотами и небольшою баркою, взявши другого русского в переводчики, и 15 июня 1701 г., около 7 часов пополудни, прибыли в Новую Двинку. Но немало они были удивлены, когда увидели, что их тут же приветствовали несколькими выстрелами из пушек, чего они никак не ожидали. Это заставило их бросить один свой гальот и барку и удалиться на шлюпке к другому гальоту, который сел было на мель и теперь опять вышел на воду. После этого они возвратились на свои корабли, стоявшие

у устья реки, и отправились от Новой Двинки уже в полночь, потому что в это время года светло так, как бы был ясный день. Исполненные досады, они разразились своим гневом на маяке, который подожгли, равно как и два селения: Кую, в семи часах от города, на том же берегу, и Полишинскую, лежащую на другом берегу Белого моря. Они плавали еще несколько дней в этой местности и потом удалились наконец восвояси. Русские, обрадованные их отъездом, бросились на вино, в изобилии оставленное шведами, и, желая ознаменовать свою победу, сделали несколько неосторожных выстрелов, попавших в бочку с порохом, который и взорвал большую часть корабля, причем четверо русских было убито, а двадцать ранено. Шведы при этой поездке их потеряли, как полагают, только одного человека, которого тело, упавшее в воду, досталось в руки русских.

4-го числа того же месяца некоторые из наших кораблей пристали к городу после того, как их вновь осмотрели, не находилось ли на них запрещенных товаров. Английский корабль, упомянутый нами выше и оставшийся у устья реки, за неимением лоцмана, хотел также в это время подойти к городу, но имел несчастье сесть на мель. На другой день поднялся ветер такой сильный, что нельзя было подойти к этому кораблю, чтобы снять с него товары; ветер все усиливался более и более, и 6-го числа пополудни корабль дал течь так неожиданно, что в полчаса на нем было уже более семи футов воды. Люди принуждены были спасаться со своими пожитками посредством нескольких канатов и одной барки; но груза, состоявшего исключительно почти из табаку, перевезти было уже невозможно. Это был один из лучших кораблей, когда-либо виденных в этих местах. Он поднимал триста ластов² и имел сорок пушек, из которых тогда было на нем только восемнадцать и тридцать человек моряков. От этого несчастья в короткое время он так погрузился в воду, что волны пошли через него. Он назывался «Решимость» и состоял под начальством капитана Брайнса. Таково было злополучие, постигшее этот великолепный корабль. Но не меньшее постигло бы и гамбургский корабль, который в последний день августа сел было на мель, если бы не сняли вовремя груз, отчего и тронулся он. В противном случае крушение произошло бы на глазах наших, так как место, где он сел, было еще опаснее, чем то, где погиб английский корабль. Наконец, избежавши всех этих опасностей, мы счастливо вошли в пристань.

Описание самоедов, или самоютов.

Их нравы, жилища и образ жизни

ШГО того же месяца (сентября) я отправился с одним другом моим по реке в его сельский дом, который был в двух или трех часах от города. Прежде, нежели прибыли туда, вышли мы на берег, чтобы в лесу посмотреть на один народ, который называют самоедами, что значит на русском языке людоеды, или люди, которые едят сами себя. Почти все они дики и обитают в этой стороне в большом числе вдоль моря до самой Сибири и даже в оной, как уверяют другие. Люди эти, от семи до восьми мужчин и столько же женщин, помещались в пяти отдельных палатках, у которых было от шести до семи собак, привязанных к особым колышкам и поднявших большой лай при нашем приближении. Мы застали этих людей за работой, т. е. за деланием весел, сосудов для выкачивания воды из лодок, маленьких скамеек, или стульцев, и подобных поделок из дерева, которые они обыкновенно приносят для продажи в город и на корабли. Нужное им дерево получают они, сколько им надобно, в лесах, работая как мужчины, так равно и женщины. Что касается роста, они... невелики, особенно женщины, имеющие премалые ноги. Цвет кожи у них смугло-желтый, на вид некрасивы, с продолговатыми глазами и выдающимися скулами (дутыми щеками). У них свой язык, но употребляют и русский. Одежда мужчин и женщин одинакова, изготовляемая из оленьих шкур. Верхнее платье простирается от шеи до колен, и сшито оно шерстью наружу, у женщин разных цветов, которые украшают они кусочками сукна, красными и синими, другие употребляют к тому также кусочки прочих обыкновенных материй. Волосы их, совершенно черные, спускаются с головы, как у дикарей, и по временам они подстригают их клоками. Женщины заплетают часть своих волос и привязывают к плетенкам небольшие круглые медные кусочки с перевязками из красного сукна для придания себе красоты. Они также носят пестрые шапки, белые внутри и черные снаружи. Между женщинами есть такие, у которых волосы так же спускаются с головы, как у мужчин, почему трудно бывает и отличить их друг от друга, тем более что мужчины редко имеют бороду, а только несколько волос на верхней губе, но большая часть — ничего, что происходит, может быть, от их дурной пищи. Все они носят

нижнее платье, вроде поддевки, и штаны из того же вещества, а на ногах сапоги, почти всегда белые, отличающиеся у женщин опять только черными перевязками. Употребляемые ими нитки делаются из жил животных. Вместо носовых платков они употребляют березовые стружки, чрезвычайно курчавые, которых у них всегда довольно в запасе, чтобы утираться ими, когда они потеют или едят. Палатки их делаются из лык или коры, сшитой длинными полосами, которые спускаются до земли и препятствуют таким образом входу в оные ветра. Палатки эти вверху открыты для выпуска дыма и здесь вверху черные, а в остальных частях везде рыжеватые, и поддерживаются они жердями, которые высовываются в сказанное верхнее отверстие. Вход в палатку около четырех футов³ вышиной прикрыт большим куском той же коры, который они приподнимают, когда входят в палатку или выходят из нее. Посредине палатки разводят огонь. Они питаются трупами быков, овец, лошадей и других животных, которых подбирают на больших дорогах или которых дарят им, также кишками и другими внутренностями этих животных. Все это они варят и едят без хлеба и без соли. Бывши у них, я видел большой котел (чугун) на огне с этими съедобными прелестями, которые кипели, и никто не считал за нужное снимать с варева пену, которая обильно отделялась на котле. Во всех углах палатки было также сырое лошадиное мясо, производившее отвратительный запах. Осмотревши все это хорошенько, я изобразил виденное. <...> И в то время когда я занимался, мужчины и женщины собрались вокруг меня, посматривая таким взглядом, который показывал, что работа моя нравится им. В одной из этих палаток я видел ребенка восьми недель, лежавшего в люльке или в яслях из желтоватого дерева, похожих очень на крышку с коробки. Эта люлька у изголовья снабжена полуобручем, идущим над головой ребенка, и висела на двух веревках, привязанных к жерди. Она завешена была кругом серым сукном вроде полога с отверстием наверху и распахивалась сбоку для того, чтобы можно было класть в люльку и брать из нее ребенка, который был спеленат в такое же серое сукно, обмотанное в трех местах веревкою — через грудь, середку и ножонки дитяти,— оставляя голову его и часть шеи открытыми. Как ни противны эти люди, но дитя не было неприятно и телом довольно бело. К сожалению, на этот раз время не дозволило мне кончить мое изображение, тем же более что часть женщин и дети были в лесу, и я счел кста-

ти отложить окончание остального до моего возвращения назад. Таким образом, мы пустились далее в путь и через несколько времени прибыли в сельский дом моего друга и жили там приятно.

Во время нашего пребывания в этом доме нам принесли утром несколько видов репы (или брюквы) различных цветов, поразительной красоты. Были тут фиолетовые, как наши сливы, серые, белые и желтоватые, все исписанные жилками красноватыми, похожими на киноварь или на самую лучшую красную камедь (лак китайский), на вид так же приятными, как и цвет гвоздики. Я списал несколько этих плодов на бумаге водяными красками, также послал в натуре несколько плодов в Голландию в коробке, наполненной сухим песком, к одному приятелю моему, охотнику до таких любопытных вещей. Кроме того, я привез с собою репы, с которых я снимал, в Архангельск, где не хотели верить, чтобы в натуре были такие репы, и не верили до тех пор, пока я не показал им самые репы. Так мало здесь обращают внимания на подобного рода вещи. <...>

13-го того же месяца я возвратился опять к оставленным мною самоедам и снимал там одну из палаток их, т. е. внутреннюю ее часть, раскрыв самую палатку на две стороны, чтобы лучше высмотреть все находящееся в ней. Я был там с моим другом, которого посадил с левой, а трех самоедок с правой стороны, из коих одну просил держать люльку по моему усмотрению, в присутствии ее мужа. <...>

В палатках этих обыкновенно по обеим сторонам лежат олени шкуры, на коих самоеды сидят, спят и греются. Обстоятельство это вместе со способом их готовить свои мясные припасы, обыкновенно испорченные, причиняют зловоние невыносимое. Друг мой, сидевший возле меня, когда я снимал ребенка в люльке, почувствовал себя от сказанной вони до того дурно, что у него пошла носом кровь и он принужден был выйти из палатки, несмотря на то что мы были предупреждены на этот счет и употребляли водку и табак. Этому удивляться нечего, потому что сами эти люди имеют пренеприятный запах, замечаемый при приближении к ним и который я скорее всего приписываю их обыкновенной пище и неопрятности в изготовлении оной.

Я поспешил уйти из этого непривлекательного помещения и просил самоедов посетить меня в Архангельске — мужчину и женщину, покрасивее сложенных и одетых по-ихнему наилучшим образом, чтобы снять их. Они

обещались мне прийти и исполнили свое обещание спустя несколько дней. Я представил одну самоедку в том виде, как она находится. <...> Она представлена в платье, которое было пестро и из оленьих шкур, украшено белыми, серыми и черными полосами. Изображенная мною самоедка разодета была, как новобрачная, чрезвычайно опрятно по их обыкновению, с ног до головы. Она постоянно держала глаза свои устремленными на мои, стояла неподвижно в таком положении и казалась так довольна моим делом, что другая самоедка, прибывшая вместе с нею, очевидно, завидовала ей и очень огорчилась моим отказом снять и ее также. Но мне немало труда стоило это выполнить да и согласить войти в мое пристанище, тем же более, что я решил снять изображение и с ее мужа. Для этого я склонил их остаться у меня несколько дней. Зимнее платье этого последнего показалось мне самым подходящим для моего предприятия, и я попросил его надеть оное. Верхняя одежда его состояла целиком из одного меха, вместе и с шапкою, бывшею у него на голове. Он надевал и снимал эту одежду, как бы рубаху, так что из-под нее видно было только одно лицо; рукавицы у него из того же меха привязывались к рукавам этой одежды. От этого самоед совершенно казался скорее медведем, чем человеком, когда и самое лицо его было закрыто. Сапоги его привязаны были под коленами повязкой. Одежда эта была такая теплая, равно как и печь моей комнаты, что самоед мой принужден был несколько раз снимать ее и выходить вон, чтобы освежиться на воздухе. Он представлен на изображении... с кишкою в руке, чтобы показать, чем он питается. Подле него лежит еще несколько кишок и ободранная лошадиная голова. В этот день ему подарили околевавшую лошадь, которую он стащил с невыразимою радостью к себе в лес, где, зарезав ее, содрал с нее шкуру и голову ее прислал ко мне для того, чтобы снять и ее. Он сделал это не без сожаления, потому что лошадиные головы у этого народа составляют такое же лакомое кушанье, как у нас самые лучшие телячьи. Сказанная лошадь была уже лет около тридцати и, конечно, не особенно жирна, но самоед говорил о ней с таким же удовольствием, как у нас говорят о хорошем быке. Я представил также одного из оленей этого самоеда, а на полу изобразил его лук и стрелы, концы которых выглядывают из колчана, как их держат в их стране. Колчан этот носят за спиною, на тесьме, перекинутой через левое плечо и спускающейся концами наперед. В стороне от

самоеда лежит пища его оленя — белый мох, о котором буду еще говорить в своем месте. Я представил лицо самоеда и принадлежности его в несколько большем объеме, чем все остальное, для того чтобы лучше передать все существенное. <...>

Так как я жил в помещении довольно низком, то я попросил самоеда въехать в мою комнату на санях с его оленями и снял все это, чтоб показать, как запрягают этих животных там.

Эти сани длиною обыкновенно бывают восемь рейнских футов, шириною в три фута и четыре дюйма и спереди загнуты вверх, как наши коньки. Он садится на задке, поджавши ноги, иногда выставляя одну из них в висячем положении наружу. Спереди у седока проходит небольшая планка, сверху закругленная... и такая же планка, только повыше, приделана и позади его; сам же он держит в руке длинную палку с набалдашником на конце, которая служит ему для того, чтоб поднять ею оленей своих. На переднем конце саней приделываются еще две крючковатые планки, по правую и по левую сторону, которые вертятся, как блоки, и через которые проходят постромки, а оттуда проводятся между ног оленей, у шеи которых постромки эти привязываются к недоузду. Вожжа, или повод, который ездок держит в правой руке, привязывает <ся> к ремню, повязанному вокруг головы оленя. Но так как я любопытствовал испытать эту упряжку и поглядеть получше и на самый бег оленей, то я упросил все того же самоеда снарядить двое саней и в каждые из них запрячь по два оленя. Таким образом мы отправились на лед и проехали несколько раз по реке. Я вышел затем из саней, чтобы лучше рассмотреть все, и нашел, что самоед не вполне хорошо снарядил те сани, которые он ввозил в мою комнату. <...>

На сказанной реке я заметил, что лошади, увидевши оленей и самоедов, разбегаются в испуге, запряженные ли в санях или не бывшие в упряжи. Это же случается и в городе и заставляет поэтому видеть в этом страх лошадей, внушаемый в них сими животными и людьми. Олени бегут с быстротою, превосходящею быстроту лошадей, не выбирая наезженной дороги, и бегут всюду, куда только их правят; а желая, чтобы мчались быстрее, подгоняют их, причем они приподнимают голову свою так, что рога ее касаются спины. Они никогда не потеют, но, когда устанут, высовывают язык на сторону, и если сильно разгорячатся, то ускоренно дышат, как собаки. Для ловли этих животных этот народ употребляет троя-

кого рода стрелы. Первый род — обыкновенные с одним острием, другой — с двумя остриями и третий — с весьма острым, спереди клинообразным, концом. (...) Самоеды называют их, вместе с русскими, стрелами, а одну — стрела, снаряд же дугообразный, с которого спускаются стрелы, зовут луком. Отправляясь охотиться на белок, они употребляют особые стрелы, называемые ими томар; эти стрелы с тупыми концами, похожими видом на грушу из кости или рога, для того, собственно, чтобы, убивая белку, не испортить шкурки или меха, что уменьшает цену их. Охота за оленями бывает зимой, и для нее употребляют деревянные коньки (лыжи) длиною в пять футов и шириною в полфута, которые с середины привязываются к оконечности ступни (цыпочкам) ремнем, а от этого ремня идет другой ремень, охватывающий пятки, прикрепленный к дереву. Вооружив таким образом свои ноги, самоеды скользят поверх снега и по холмам с невероятною быстротою. Лыжи эти подшиты снизу кожей с ноги оленя, шерстью наружу, для того чтобы не подаваться назад и иметь возможность остановиться, всходя на гору. При этом самоеды имеют в руке палку, снабженную на конце лопаткою, которою они, завидя оленей, бросают в них снег, для того чтобы загнать их в ту сторону, где поставлена западня для поимки их в том случае, когда они находятся на таком расстоянии, на котором нельзя достать в них. На другом конце этой палки приделан небольшой обруч или кружок, имеющий в поперечнике около четырех дюймов, снабженный небольшими струнами и похожий на четверугольник, и таким снарядом пользуются они для того, чтобы по временам останавливаться там, где застрянет кружок, втыкая в снег конец палки, проходящий сквозь этот кружок и несколько выходящий вон из него. Когда они загоняют зверей в расставленные для них силки, то они попадают в оные, словно рыбы в вершу, причем не успевших освободиться они тут же убивают. Затем шкуру продают или делают из нее одежду, как сказано выше, и питаются мясом их. Не меньшую пользу извлекают они от прирученных оленей, продавая часть их, а другую употребляя для возки своих саней в зимнее время. Если случится, что дикий самец-олень повяжется с прирученною самкою, то самоеды убивают приплод от такой помеси, потому что такие молодые олени непременно убегают в пустыню в течение первых же трех или четырех дней. Прирученные же совсем другого свойства: они остаются в лесах, бегая близ жилищ самоедских, и самоеды умеют

зывать оленей, а диких заманивать в силки, которые они им расставляют. Животные эти сами отыскивают себе корм, состоящий из известного белого моху, растущего на болотах. Они умеют находить этот корм даже тогда, когда он покрыт горою снега, который и разрывают они своими ногами до тех пор, пока не достигнут до самого моху. Этот мох составляет почти единственную пищу их, хотя, за отсутствием его, они могут есть и траву, и сено. Северные олени очень похожи на обыкновенного оленя, но только сильнее его и имеют более короткие ноги. <...> Они почти все белые, но есть и серые между ними; подошва ног их покрыта некоторого рода черным рогом. Рога у них падают и меняются ежегодно весной, и они покрыты волосяною кожицею, которая тоже падает с наступлением зимы. Вообще животные эти живут обыкновенно от восьми до девяти лет.

Кроме этой охоты на суше самоеды занимаются еще и другою, на воде,— охотой на морских собак⁴, которые в марте и апреле месяцах держатся на Белом море, куда, как вообще полагают, стекаются они с Новой Земли на время совокупления. Они совокупаются на льду, где самоеды подстерегают их, одетые для поимки их таким образом, что они менее всего кажутся похожими на человеческие создания. Охоту эту они производят таким образом: они продвигаются к месту, где эти <животные> находятся, по льду, простирающемуся иногда в море на полчаса от земли, вооруженные палкою, снабженной багром и привязанной к веревке почти сажен в двенадцать длиною. Завидев животных, они подползают к ним на брюхе сколь возможно ближе в то самое время, когда животные совокупаются, и приостанавливаются, как только удостоверятся, что животные приметили их движение. Затем они подвигаются еще немного и, когда приблизятся на такое расстояние, с которого могут уже достать, мгновенно бросают в них свой багор. Почувствовав в себе орудие, прикрепленное к веревке, животные возвращаются в воду. Тогда самоед подергивает веревку, привязанную у него к поясу, до тех пор, пока раненое животное, выбившись из сил, не попадет в его руки. Иногда животное это, будучи ранено, от боли, которую причиняет ему в ране соленая вода, выскакивает опять на лед, где и убивают его. Мясо его употребляют в пищу, шкуру — на одежду, а жир продают. В этой морской охоте случается иногда и так, что раненая морская собака бросается в воду с такою силою и ожесточением, что увлекает за собою и бедного охотника, кото-

рый, будучи не в состоянии отделаться скоро от веревки, повязанной вокруг его тела, погибает самым плачевным образом. Подобную же проделку употребляют иногда самоеды и на охоте за оленями, ползая по снегу, покрытые оленьей шкурой, промеж прирученных животных, и затем, приблизившись таким образом к дикому животному, бросаются на него и убивают; но при этом нужно, чтоб охотник держался непременно под ветром, ибо в противном случае животные эти, обладая удивительным чутьем, тотчас открывают его. Таким-то образом охотник достигает своей цели и делает иногда хороший улов.

Все это я узнал от жены самоеда, которая приезжала ко мне со своим мужем, когда я снимал его изображение. Это была самая красивая и приятная из всех самоедок, каких только можно было найти у этого народа. Я старался расположить ее как-нибудь в свою пользу, для того чтобы разведать у нее о том, что мне хотелось знать об этом народе. Ничто так не способствовало к этому, как добрый сосуд с водкой, которую женщины этой стороны пьют так же, как и мужчины, до тех пор, пока не станут шататься и повалятся на землю. Так случилось и с этой женщиной, и не считалось то предосудительным, но муж ее, глядя на то, помирал со смеху. Впрочем, она скоро приподнялась и начала горько жаловаться и испускать струи слез, вспомнивши, что у нее нет детей и что четверых она уже лишилась, как объяснила мне причину слез ее хозяйка дома, в коем я снимал; действительно, нередко случается, что пьяные, вспомнивши о том или другом предмете, то и дело возятся с ним. Разговаривая однажды с этой самоедкой вообще о детях, она рассказала мне о способе погребения их детей; способ этот чрезвычайно странный. Когда умрет грудной ребенок, которого обыкновенно кормят грудью в продолжение года, не отведавши еще мяса, они завертывают его в сукно и вешают на дерево в лесу. Так как обычаи их отличаются от обычаев других народов, то я употребил все усилия узнать об этом, сколько то было мне возможно. Когда у них родится дитя, они тотчас дают ему имя, по имени того, кто первый войдет в их палатку, будь это человек или животное, или же по имени первого встреченного ими при выходе из палатки, человек ли то, животное или птица. Часто они дают ему имя даже той вещи, которая первая представится их взору, как-то: реки, дерева или другого чего-нибудь. Детей же, умерших более году, зарывают в землю между несколькими досками.

Когда самоеды вознамерятся жениться, то выскивают себе невесту по-своему и затем торгуют ее и условливаются в цене за нее с ее ближайшими родственниками, точно так, как это бывает у нас при покупке коня или вола. Дают за невесту иногда от двух до трех или четырех оленей, которых ценят обыкновенно от пятнадцати до двадцати золотых за голову. Это количество уплачивают иногда, переводя на деньги, по обоюдному согласию. Таким образом, они набирают себе столько жен, сколько только могут содержать; но есть и такие самоеды, которые довольствуются и одною женою. Когда добытая жена опротивеет им, они сейчас возвращают ее родителям ее, у которых они купили ее, лишаясь только данной за нее платы, и родители обязаны взять ее себе назад. Я слышал, что самоеды, живущие на морском берегу и в Сибири, которые женятся таким же образом, продают своих жен, когда они надоедят им. Когда у них умирают отец или мать, они сберегают кости их, не погребая оных. В то же время я слышал от очевидцев, что самоеды топят своих родителей, когда они достигнут уже такой старости, что не годятся ни к какой работе. Наконец, когда умирает мужчина, они вырывают в земле яму и кладут в нее его, одетого так же, как и при жизни, и засыпают яму землею. Затем вешают около его на дереве лук, колчан, топор, котел и все вещи, которые употреблял покойный при жизни. Женщин самоеды хоронят таким же образом, ничего особенного не прибавляя к тому.

Осведомившись об их обычаях и образе жизни, я пожелал ознакомиться с их богослужением. Для этого, по указанию моих приятелей, я обратился к одному самоеду, которого я угостил водкою, чтоб привести его в хорошее расположение духа, ибо без этого они чрезвычайно скрытны и высказываются неохотно. Я вспомнил при этом слова Св. Писания о том, что язычники, не знающие закона, все-таки исполняют оный, озаряемые только одним светом природы; из этого я заключил, что люди эти также могут иметь в их совести некоторое понятие об этом предмете. Предложивши ему несколько вопросов на этот счет, в ответ получил от него, что он так же, как и соотечественники его, верит, что есть одно небо и один бог, которого они называют *Неуна*, т. е. божество. Что они совершенно уверены, что нет ничего выше и могущественнее бога, что все зависит от него, что Адам, общий отец всех людей, сотворен богом или происходит от

него, что он пребывает на небе, но потомство его ни на небе, ни в аде, что все те, которые делают добро, будут помещены в место более возвышенное, чем ад, где они не знают никаких мучений, напротив, наслаждаются небесными радостями. Самоеды поклоняются, впрочем, своим идолам, почитают солнце, луну и другие небесные светила, даже некоторых животных и птиц, по своему произволению, в надежде получить от них какую-нибудь выгоду. Перед идолами своими они ставят известный кусок железа, на который навешивают разные палочки, толщиной с ручку ножа и длиною в палец; палочки эти заострены одним концом, представляя таким образом как бы голову человека: на них делаются небольшие ямочки — для обозначения глаз, носа и рта. Эти маленькие палочки обвертывают в оленью кожу, и к ним привешивают еще медвежий или волчий зуб или что-нибудь подобное. Между самоедами есть человек, которого они называют шаманом или кудесником, что значит жрец, или, скорее, чародей, и они верят, что такой человек может предсказать им счастье или несчастье, как-то: будут ли они иметь удачу на охоте, выздоровеют ли больные люди или умрут и прочие подобные вещи. Когда самоеды хотят узнать от такого кудесника, что их ожидает в ближайшем, то зовут его к себе, и когда он является, набрасывают ему на шею веревку, потом стягивают ее до такой степени, что тот падает, словно мертвый. По прошествии некоторого времени кудесник начинает несколько двигаться и затем совершенно приходит в себя. Когда он начинает свои предсказания, кровь выступает у него из щек и останавливается, когда он кончит предсказание, если ж он снова начинает предсказывать, то снова начинает течь и кровь, как рассказывали мне это люди, часто бывшие очевидными тому свидетелями. Эти чародеи носят на своем платье множество железных пластинок и таких же колец, которые издают страшный шум, когда они входят куда. Впрочем, те из них, которые живут в этой местности, не имеют на себе ничего подобного, а просто носят на лице проволочную сетку, к которой привязывают всякого рода зубы разных животных. Когда такой кудесник умирает, самоеды строят подмости из бревен, огороженные сверху со всех сторон против вторжения диких животных; потом кладут покойника на верх оных в лучшей его одежде, а подле него помещают его лук, колчан, топор и т. п.; далее привязывают также оленя — одного или двух, если покойник имел их при

жизни, и оставляют таким образом этих животных на привязи, пока они околеют с голоду, если, впрочем, не сорвутся и не убегут куда-нибудь.

Все эти сведения сообщили мне люди, жившие в этой местности, и мне подтвердил их еще один русский купец, Михаил Остатёв (Остафьев?), которого я пригласил к себе, узнав, что он ездил по Сибири летом и зимою, отправляясь в Китай, и что в этих путешествиях своих он провел четырнадцать лет. Это был человек лет шестидесяти, с здоровыми познаниями и суждением. Он сообщил мне, что самоеды распространены в Сибири до главных рек ее, как-то: Оби, Енисея, Лены и Амурса, впадающих в Великий океан. Последняя река составляет границу самых крайних владений московского царя со стороны Китая, так что сказанные обитатели уже не переходят за нее. Между реками Леной и Амуром живут якуты, которые суть особый вид татар, и ламуты, питающиеся оленями, как и самоеды: число их простирается до 30 000; они отважны и воинственны. Есть еще другой народ у берегов моря, называемый юкагиры, или югра. Эти уже во всем походят на самоедов в одежде и живут в пустынях (в степях). Как собаки, они едят кишки и другие внутренности сырьем. Все эти народы говорят различными языками. Есть еще тут и четвертый народ, коряки, называемые так от страны, в которой они обитают, и живут они точно так же, как и самоеды. К этим последним можно присоединить еще другой народ, называемый чукчи. Эти люди раздирают себе щеки, засовывают в отверстия плоские кусочки моржовых зубов и оставляют оные таким образом зарастать, считая то украшением. Мужчины здесь умываются мочою жен своих, а жены — мочою мужчин. Народ этот считают самым презренным, но он, говорят, очень искусен в чародействе. В этом сами они уверяют и всегда носят при себе кости своих умерших отцов, употребляя их при чародействах своих. Далее, они поклоняются дьяволу. Но что наиболее необыкновенно у этого народа, это то, что они немедленно предлагают путешествующим и чужим своих жен и дочерей — почет, которым они считают себя обязанными по отношению к незнакомым. Так-то обычаи этих народов разнятся от обычаев европейцев. Русский, сообщивший мне все эти подробности, сказал мне еще, что, пять или шесть недель путешествуя по краям, где живут эти народы, он нашел еще и шестой народ на морском берегу, называемый лежачие чукчи, потому что они лежат либо сидят в своих палатках в продолжение

всей зимы. Палатки эти делаются из моржей и заносятся снегом целые пять месяцев в году. Потому и заготавливают они в своих палатках себе нужное пропитание в сухом виде. Впрочем, этих животных едят они, как есть, и сырым, а как наступит весна, выходят тотчас из жилищ своих. Рассказывали, что несколько лет тому назад здешние самоеды умудрились ранить рогатый скот русских тонким ольховым копьём промеж малых ребер либо в уши, от чего животные эти, проболев некоторое время, околевали, самоеды же пользовались колелым скотом. Прodelка эта была открыта, многих поймали и перевешали для примера, одних за ноги, других за ребра. Несмотря на это, прошлой зимой они снова повторили свою проделку: виновных тоже переловили и заключили в крепкую темницу, но они нашли средство освободиться и бежать, оставив после себя только одного малого ребенка, которого правитель области сохранил и окрестил в русскую веру.

Между прочими известиями узнал я еще во время моего здесь пребывания, что не далее, как семь лет тому назад, открыт был остров у левого берега Китая, который и подчинен власти московского царя, несмотря на то что нужно употребить, пожалуй, год времени, чтобы достигнуть до этого острова из Москвы, что остров этот изобилует соболевыми и другими мехами, хотя не известно еще, есть ли на нем другие достойные внимания произведения, что народ, наконец, населяющий этот остров, походит на тех, о которых я сейчас говорил.

При мне 18 сентября была здесь в вечернюю пору сильная буря, снесшая множество кровель с домов. Я обедал в этот день у г-на Гоутмана, вовсе не думая о том, какая беда готовится, и только что вышел было из дому, как вдруг подле меня упало сверху несколько длинных половиц, не причинив, впрочем, мне вреда, но которые заставили меня поскорее опять войти в дом. Так как бывшие в доме совсем не замечали бури, то они были очень удивлены, узнавши теперь о ней, и когда кто-то зашел на чердак поглядеть, то оказалось, что большая часть крыши была сорвана, и все радовались моему спасению.

25-го числа сего месяца около полудня прибыли из Москвы на четырех судах пятьсот человек русских драгунов. Это было в воскресенье: мужчины и женщины высыпались на берег реки, и так как все были одеты по-праздничному, то это представляло довольно приятное зрелище.

Наши последние корабли отправились обратно в отечество 14 октября и счастливо добрались до моря, кроме корабля «Белый орел», который сел на мель близ лугов.

Нужно было снять с корабля половину груза, чтобы поставить его в возможность подняться и пойти далее по воде. Были бы большие затруднения, если б погода в это время не была такая прекрасная. Таким образом, он, как и прочие, вышел 19-го числа тоже в море.

ГЛАВА III

Описание Архангельска.

Изобилие в жизненных припасах.

Доход от таможен и проч (его)

Царь имеет прекрасное место для постройки кораблей в получасе от Архангельска, на северо-запад от него; оно расположено очень приятно, вне большой дороги. Все корабли, приходящие в город и выходящие из него, проходят через него. Тут находилось много кораблей на якорях, поджидавших другие корабли, возвращавшиеся на родину. <...> На реке у оконечности берега можно видеть корабль совершенно готовый, но палуба которого еще не окончена. Селение в стороне... называется Соломбаль.

Что до города Архангельска, то он лежит на северо-запад от Московии, на северо-восток от р. Двины, впадающей в Белое море, в шести часах от него. Город расположен вдоль берега реки на три или четыре часа ходьбы, а в ширину не свыше четверти часа. Главное здание в нем есть палата, или двор, построенный из тесаного камня и разделяющийся на три части. Иностранные купцы помещают свои товары и сами имеют для помещения несколько комнат в первом отделении, находящемся налево от реки. Здесь же помещаются и купцы, ежегодно приезжающие сюда из Москвы и выжидающие отъезда последних кораблей, возвращающихся в свое отечество. Иностранцы, которые приезжают сюда каждый год, останавливаются там же; но спустя некоторое время после отплытия их кораблей, бывающего обыкновенно в октябре месяце, они помещаются в других местах где-нибудь, до времени возвращения их в Москву, в ноябре и декабре месяцах, когда дороги сделаются удобными для езды по снегу на санях и лед окрепнет до того, что можно переезжать по нем реки.

Входя в эти палаты, проходишь большими воротами в четырехугольный двор, где по правую и левую сторону расположены магазины. Наверху длинная галерея, на которую ведут с обеих сторон лестницы; здесь по левую сторону находятся покои, о которых было говорено сейчас. Во второе отделение вход через подобные же ворота, где находится другая палата, в конце которой — дума со множеством покоев. Несколькими ступенями восходишь на длинную галерею, где на левой руке помещается приказ или суд, а внизу его дверь, выходящая на улицу. Судебные приговоры исполняются в этой же палате, за исключением приговоров над лицами, осужденными на смерть, исполнение коих производится в различных местах, указываемых в самих приговорах. В этом дворе хранятся вещи, принадлежащие его царскому величеству, сложенные во множестве деревянных и отчасти каменных магазинов, собственно для того и устроенных, но которыми пользуются и иностранные купцы. Третьи ворота ведут опять в особую палату, назначенную для товаров русских людей, в которой и купцы, хозяева этих товаров, также имеют помещения для себя, но не так удобные, как покои наших купцов. Улица перед палатою довольно просторная и доходит до реки. Летом, когда сюда приходят корабли, строятся два больших бревенчатых моста, продвигающихся в эту реку, для удобства переноски товаров, выгружаемых и нагружаемых во всякого рода суда. Барки, служащие для перевозки хлеба на корабли, довольно большие.

Кремль, в котором живет правитель (воевода)⁵, содержит в себе лавки, в которых русские во время ярмарки выставляют свои товары. Кремль окружен бревенчатою стеною, простирающеюся одной частью до самой реки.

Что до зданий, все дома этого города построены из дерева, или, лучше сказать, из бревен, необыкновенно на вид толстых, что кажется чрезвычайно странным снаружи для зрителя. Однако же есть и хорошие дома внутри, снабженные порядочными покоями, в особенности принадлежащие иностранным купцам. Стены в этих зданиях гладкие, обшитые красиво тоненькими дощечками, и бревна в них служат отчасти лишь поддержкою строения. Гладкая сторона всегда находится потому внутри, а неровная — вне. В каждой комнате обыкновенно одна печь, затопляемая снаружи. Печи эти большею частью очень большие и устроены таким образом, что они не только не безобразят, напротив, составляют украшение

комнаты, так как они изяшно сделаны. Купцы заморские, как называют обыкновенно иностранных христиан, проживающих здесь, содержат в домах своих такую чистоту и опрятность, какую находим мы у наших значительнейших людей, и комнаты их наполнены картинами и рухлядью очень хорошею.

Улицы здесь покрыты ломаными бревнами и так опасны для проходящих по ним, что постоянно находишься в опасности упасть. Вдобавок в городе находятся беспорядочно разбросанные развалины домов и бревна после пожара. Но снег, выпадающий зимою, уравнивает и сглаживает все.

В этом городе есть две церкви для богослужения — одна реформатская, а другая лютеранская, в которых два раза по воскресеньям говорят проповеди. Они отстоят недалеко друг от друга на берегу реки. Проповедник (пастор) живёт тут же, подле церкви, и кладбище, на котором хоронят покойников, так же как и у нас, расположено между жилищем и церковью. В продолжение зимы в церквях этих служение не совершается по причине весьма жестокого холода в них, а отправляют службу в одном из покоев пастора, назначенном для этого и хорошо отапливаемом.

Я снял вид этого города со стороны реки, с одного из наших кораблей, который стоял там на якоре. (...) На нем (изображении), все обозначено числами, по крайней мере то, что особенно заметно, как, например: 1. Церковь Успения Богородицы; 2. Лютеранская церковь; 3. Реформатская; 4. Немецкое подворье; 5. Приказ и Арсенал великого князя; 6. Русское подворье; 7. Гостиный двор на берегу реки; 8. Собор; 9. Кремль. Что до главного управления, то прежде начальник имел в этом городе во всем неограниченную власть, но в прошлом году управление здесь изменено и установлены четыре выборных бургомистра, из коих 1-й живет в городе, 2-й — в Колмогорах и двое последних — в местах окрестных. Таким образом, теперь власть правителя простирается только на войско, бургомистры же ведают управление гражданскими делами. Сюда ежегодно приезжает главный таможенный смотритель ко времени прибытия товаров для охранения доходов, извлекаемых его царским величеством из торговли, а также для закупки вещей, потребных для двора его. Этот таможенный начальник имеет четырех пособников, или помощников, отправляющих службу его в его отсутствие и называющихся «гостинные сотни», т. е. выборные, из которых избирается

и самый таможенный начальник. Кроме того, из народонаселения берут несколько человек, число которых не определяется, и размещают их по городам и селениям. Люди эти обязаны трудиться в продолжение года без всякого вознаграждения и повиноваться приказаниям таможенных начальников и их помощников, по отношению ко всему тому, что касается доходов великого князя. Для этого их рассылают по всем местам и дают им войско, на случай надобности, чтобы препятствовать тайному провозу запрещенных товаров и задерживать тех, которые производят оный. По прошествии года их сменяют другими.

Что до предметов жизненной необходимости, то они находятся здесь в изобилии. Там много живности, и чрезвычайно дешевой: так, например, пара куропаток стоит четыре штивера⁶ Птиц этих имеется там два рода, из коих первые садятся на деревьях, цветом похожи на наших и отменно хороши. Другие — странная вещь! — зимой белые и называются по-русски куропатки. Водится здесь и два рода тетеревов — птиц величиной с наших индейских петухов и с прекрасным пером. Самцы этих птиц обыкновенно черные, с примесью самого темного синего цвета, самки же гораздо меньше величиной и цвета сероватого. Оба имеют под глазами прекрасный кружок. Зайцев там также множество, и в продаже они по четыре штивера за зайца. Зимой все они белые, кролики же, напротив, черные. Бекасы стоят здесь два и три штивера один. Много там и уток, и между прочим одна порода их, называемая гагарой, имеющая весьма быстрый полет и залетающая весьма высоко. Во время полета своего гагары производят шум, очень похожий на голос человека. Они плавают так же быстро, как и летают; но бегать они не могут, потому что устройство ног их, идущих от задней части тела, неудобно для бегу.

Реки богаты рыбою. Окуней такое множество, что ими можно накормить двадцать человек за каких-нибудь двадцать штиверов. Лучше их — караси, которые поменьше окуней, но вкусом отличные, и я не думаю, чтобы они находились в нашей стране, потому я и сохранил несколько их в спирту. Строением своим они почти такие же, как и форель, — темноватые и с блестящей чешуей. Шуки здесь весьма обыкновенны, так же как и превосходные угри — особый вид рыбы, похожий на наших вьюнов. Множество корюшки, пескарей, стерлядей, камбалы, мерлана, палтуса и еще темноватой рыбы, которую туземцы называют хариус, вкуса удивительного

и такой же почти величины, как треска. Вся эта рыба ловится в четырех часах от города, в одном заливе, образуемом рекою, где вода спокойная, стоячая. Излишне было бы говорить о лососи, которая, как всякому известно, высылается отсюда соленая и копченая к нам и в чужие страны. Здесь находится еще белая лосось, которую русские называют мекльма⁷ и которую получил я сушеную. Я видел одну такую рыбу: она очень походила на икру, имела две ноги сзади, и туземцы называли ее Pasciskaet⁸. В ней, внутри ее тела, находится две мыши (мышцы?), называемые Miski, и ворвань, которая употребляется русскими как лекарство. Эта рыба ловится на берегу Лапонии, почему ее можно иметь только в сушеном виде.

Мясо также изобильно. Лучшей говядины можно купить за один штивер фунт; ягненок около десяти недель стоит пятнадцать штиверов, теленок такого же возраста — от тридцати до сорока штиверов, смотря по времени года. Здесь всякий имеет индеек в своем дворе; четыре или пять цыплят или один гусь стоят от шести до восьми штиверов. Пиво здесь очень хорошее, но продавать и даже варить его воспрещается без особого разрешения великого князя, которое дается за известную ежегодную плату. Жители, однако ж, могут варить пиво в количестве, потребном для их только семьи, уплачивая по пятьдесят штиверов за $1\frac{3}{4}$ меры (бочку) солода. Есть, впрочем, довольно таких, кто изъят от такой платы.

Сюда привозят вино и водку из Франции морем, но последняя очень дорога по причине большой пошлины, которую она обложена. Но в этой стороне гонится своя водка из хлеба, которая очень хороша и цены умеренной. Иностранцы не пьют, кроме последней, никакой другой водки.

Царь ежегодно получает значительный доход от пошлин, установленных в этом городе. Говорили прежде, что доходы эти простирались до трехсот тысяч рублей, но это неверно. Я нашел по точным справкам, что в прошлое время они не восходили за сто восемьдесят или сто девяносто тысяч рублей, считая рубль в пять серебряных голландских гульденов.

Ежегодно сюда приходит от тридцати до тридцати пяти наших кораблей, но в настоящий год их сюда прибыло пятьдесят и тридцать три английских, а прибавив к ним гамбургские, датские и бременские, число всех их простирается до ста трех купеческих кораблей. Причина

этому та, что туземные купцы привозили обыкновенно в мирное время множество товаров в Ригу, Нарву, Ревель и даже в Королевец⁹ и Гданск и что большая часть торговли здесь прервана войною со Швецией, так что вся она теперь перешла в Архангельск. Считают также, что его царское величество в нынешний год получит пошлин, наложенных на эти товары, с прибытия первых кораблей до отплытия последних из них, до ста тридцати тысяч рублей, или двухсот шестидесяти тысяч риксдалеров. Это число, по договору, следует половину уплатить риксдалерами, а другую — хорошим золотом (червонцами); когда же хотели было вносить все червонцами, русские не согласились на это, потому что они предпочитают им риксдалеры. Все это, разумеется, относится до товаров заграничных. Главные из этих товаров, привозимых сюда, суть: золото, шелк, сукна, саржа, золотые и серебряные предметы роскоши, и т. п., также кружева, золотые нитки (канитель), индиго и другие краски. Говоря о пошлинах, которыми облагались товары, заметим здесь, что с 1667 по 1699 год платили по двадцати риксдалеров с бочонка вина¹⁰, вместо пяти риксдалеров, которые платятся только в течение последних трех лет. Однако же и теперь еще платят по тридцать шесть риксдалеров с бочонка водки и сорок риксдалеров с пины испанского вина, содержащей в себе два бочонка.

Из России вывозят в иностранные земли поташ, вайду¹¹, юфту, пеньку, сало, лосиную кожу и многие другие роды пушных товаров — все произведения страны. Мне сказывали также, что в реках Коле, Варзухе, Ваймуге и Солзе находятся раковины, в которых есть достаточно и жемчугу. Есть такие, которые стоят по двадцать пять гульденов жемчужина и вдвое более этого, особливо в окрестностях Омфала.

Вот все, что я мог заметить здесь, проводя оставшееся у меня время в обществе господ Христофора Брантса и Ивана Лупа, которые находили себе удовольствие, обязывая меня. Во все это время мы забавлялись игрой, пляской, питьем и едою, часто далеко за полночь. Г-н Брантс немало предавался этим развлечениям, будучи великим любителем музыки и превосходно играя на клавишине.

В таком-то удовольствии проводил я мое пребывание в этом городе.

Отъезд из Архангельска.

Способ путешествовать в России зимою.
Описание Вологды и монастыря Троицы.
Приезд в Москву

Я выехал из Архангельска 21 декабря (1701 г.) в три часа пополудни с г-ном Аврамом Кинзиусом, которого сопровождали два солдата и который снабжен был подвоею, т. е. приказанием, чтобы ему давались лошади бесплатно; но ямщики все-таки не преминули и при этом извлечь для себя малую толику. Г-н Кинзиус имел шесть саней, к которым я присоединил и свои сани, разместивши пожитки свои между пожитками г-на Брантса. Для подобных поездок санями нужно запастись в Архангельске, ибо ямщики доставляют одних только лошадей. Сани эти делаются так, что один человек может удобно улечься в них. Нужно иметь также свою постель, шубы и добрые одеяла, чтобы защититься от сильного холода. Задок саней покрывают рогожей, а все остальное обивают сукном или кожей. Сверху сани покрываются мехом или кожей, подбитой сукном, или одной кожей для защиты себя от дождя и снега. Лежа на такой постели, не чувствуешь ни малейшего холода. Таким образом мы ехали день и ночь, запрягая в каждые сани по паре лошадей, которых переменяют через пятнадцать верст, коих пять полагается на один час. В конце каждой версты у русских стоит знак с надписью верст. В настоящее время верста содержит в себе сто сажень, а каждая сажень — три аршина или голландских локтя. При езде из саней выходят только один раз, чтобы поесть. Миновав множество селений, мы прибыли 22-го числа в 3 часа пополудни в город Колмогоры, отстоящий в пятидесяти верстах от Архангельска.

Город этот довольно велик и лежит на юго-запад от Двины — одной из величайших и знатнейших рек целой России. Река эта имеет источник свой в южной части Вологодской области и, протекая довольно значительное пространство, принимает в себя множество других рек и впадает двумя рукавами в Белое море (как было сказано уже прежде) несколько ниже Архангельска. Так как г-н Кинзиус знаком был с архиепископом этого города, называемым по-русски владыкой, который есть духовная особа, заведывающая епископией, то мы пошли посетить его. Он весьма благосклонно принял нас и угостил ко-

ричневою водкой, красным французским вином и прекрасным пивом — напитком, обыкновенным в этой стране, как замечено нами выше. Он предложил также нам блюдо египетских фиников и другие освежающие лакомства. Это был человек лет пятидесяти, по имени Афанасий¹² Он жил в своем подворье, довольно обширном и соединенном с монастырем. Проведши весьма приятно два часа времени в разговоре с ним, человеком умным и любителем искусств, мы пошли с ним вниз в один покой, наполненный оружиями. Между прочим, здесь были две небольшие медные пушки, собственной его отливки, и две железные, захваченные со шведских судов на реке у Архангельска, о которых говорено было выше. Когда мы были готовы уже удалиться и благодарили его за хороший прием, он велел проводить нас в нашу гостиницу пятерым духовным лицам, из которых один нес нам пять хлебов, а остальные — сушеную рыбу и другие съестные припасы. Мы выехали вновь в дальнейший путь в 10 часов вечера на свежих лошадях, которых получили с большим трудом, потому что незадолго перед нами проследовало много проезжих, так же как и мы, снабженных подорожными, которые поразобрали большую часть лошадей, находившихся в городе.

23-го числа была благоприятная погода, и мы проехали несколько лесов, изобиловавших пихтовыми деревьями двух родов — елью и сосной, из коих одни простирали свои ветви вдоль всего ствола, другие имели их только на вершине. Попадались также ольховые деревья и береза. Проехав двадцать пять верст, прибыли мы в деревни Ступино, далее пятнадцать верст — Ракула, еще двадцать верст — Устье, пятнадцать верст — Прилука, где мы обедали, а через пять часов — в Николу, отстоящую от прежнего на восемнадцать верст. Оттуда восемнадцать верст — в Калино, а от него девятнадцать верст — в Сийское — последнее, состоящее в ведении Архангельской области. Оттуда <из Сийского> проехали в Березник, в стране Важской, где мы взяли свежих лошадей и где нужно было несколько раз переезжать реку Вагу, откуда, проехав тридцать верст, прибыли в Усть-Вагу, где и подкрепили себя пищей и питьем. В этом селении остановились мы, после чего продолжили наш путь. <Вскоре> приехали мы в деревню Кицко, девятнадцать верст отсюда, следуя большей частью вдоль реки. Еще проследовав пятнадцать верст, проехали Золотилово.

25-го числа, сделав двадцать верст, мы приехали в Шенкурск, главный город страны Важской, на реке Ваге. Оттуда двинулись мы далее и через пятнадцать верст приехали в Усть-Паденку, деревню, названную по реке Паденке, при устье которой она лежит. Тут мы поели и тронулись далее к Усть-Почи, в пятнадцати верстах деревню... Течением реки, вдоль которой мы ехали, было двадцать верст до Болтинской, куда прибыли в самую полночь.

26-го сделали еще двадцать верст и очутились в Павлове, а затем через тридцать верст в Заозерье, где, поевши, пустились в Низово (или Нижнее), куда прибыли через двадцать четыре версты, а оттуда через восемнадцать верст — в Вакомину. Между этими двумя деревнями мы проехали через большое селение Верховажье, где один раз в неделю бывает большой торг. Далее поехали мы в Шилович (иначе называется Великий Двор), в восемнадцати верстах от прежнего: в него мы прибыли в полночь. Проехав еще пятнадцать верст, очутились мы 27-го числа в Золотой, оттуда направились в Ергинку, в двадцати пяти верстах, а потом четырнадцать верст в Ратчину, далее пятнадцать верст — Самжена, на реке Самжене, а 28-го, проехав еще пятнадцать верст, прибыли в Филинское, затем переехали большой лес Каменев, который в ширину имеет добрых двадцать верст, а через двадцать пять верст приехали в Двиницу, на реке того же имени, где мы узнали, что недавно еще трое русских купцов, ехавших тоже из Архангельска, были ограблены двадцатью шестью человеками разбойников и что один из этих грабителей снял с главного из купцов, мне знакомого, серебряный крест, который носят обыкновенно в этой земле на груди, хотя товарищи грабителя отговаривали его от этого, потому что крест вообще весьма уважается. Негодяй этот, сам имевший на себе крест, снял его со своей шеи и, надев на шею купца, сказал ему: «Ну, теперь мы братья с тобой, поменявшись крестами!» Известие это встревожило было нас; впрочем, пораздумав хорошенько, мы все-таки решили продолжать наше путешествие, не дожидаясь общества купцов, которые могли проезжать из Архангельска, и приготовили наше оружие для защиты в случае надобности.

И так мы, проехав 25 верст, прибыли 29-го числа без всякого приключения в Рабангу (Рабанское), на реке Сухоне, а оттуда в 3 часа пополудни приехали в Вологду. Город этот, как известно, составляет украшение этой страны. Мы остановились у г-на Воутер Эвоутс де Ионг, голландского купца, которого я знал еще в Архангель-

ске и который принял нас весьма почетно. На другой день я пошел прогуляться по городу и видел главную церковь, называемую собором, построенную тем же итальянским зодчим, который строил подобное здание в Московском Кремле. Эта церковь была о пяти башнях, покрытых жостью, которые русские называют главами, т. е. головками, церкви, и на каждой из них водружено по большому кресту. В этом городе есть еще другие каменные церкви, числом 21, из которых у большей части главы также покрыты жостью, с позолоченными крестами, что производит прекрасное впечатление, когда солнце играет на этих главах и крестах. Кроме того, есть еще сорок три деревянных церкви, три мужских монастыря и один женский, главным украшением которого есть каменная церковь, построенная посреди и окруженная деревянными кельями монахинь, в особом месте, в которое ведут небольшие ворота. Обозревши хорошенько эти здания, я пошел посмотреть лавки и торжище, наполненное всякими товарами, и я заметил, что разные товары продаются в особом месте, отдельно, т. е. говядина, например, в одном отделении, сено, лес, пушные товары, сало и прочее — в других. Оттуда я прошел большими воротами в другое здание, недоконченное еще и которое начато было царем Иваном Васильевичем¹³ с целью сделать из него крепость¹⁴, но его не достроили по причине страха, наведенного в то время татарами, которые заставили этого князя удалиться из Москвы. Затем я пошел прогуляться вдоль реки Вологды, протекающей через город. Другая часть на западном берегу не так важна... хотя это часть одного и того же города, имеющая, впрочем, особого градоначальника. Длина города составляет добрый час, ширина же около четверти часа. (...) Это есть место, через которое приходят все товары, идущие из Архангельска, для отправки за пределы этой страны. В настоящее время здесь находится три или четыре склада для товаров наших голландских купцов. Город лежит под 59° 15' северной широты, на восточном берегу реки, довольно широкой в этом месте.

Мы выехали далее отсюда 30-го числа в 10 часов вечера и на другой день в 6 часов утра прибыли в Грязовец, сделавши таким образом сорок верст. Мы приказали покормить здесь наших лошадей, имевших в этом большую потребность, потому что им предстояло сделать еще двадцать верст пути. В этот день проезжих собралось тут санях на пятидесяти, из которых одни выехали из Архангельска прежде нас, а другие после. Впрочем, мы не все вместе продолжали наше путешествие: было

только двадцать саней, отправлявшихся по московской дороге. Сделав столько же верст, мы прибыли в час пополудни в Обнорский Ям, куда мы послали солдата, чтобы приготовить нам свежих лошадей, которые тотчас и были заложены. Таким образом, ехали мы тридцать верст и приехали в Телячее, а еще через тридцать верст в Ухорский Ям, а семь верст далее — в Даниловский (Данилов) — прекрасное и большое местечко, где ведется торговля и где находится большой конный завод, на котором в числе лошадей есть более двух тысяч, принадлежащих царю. Тут остались мы до 4 часов пополуночи и прибыли через двадцать три версты в Вокшеру (Вокшерский Ям), где застал нас первый день 1702 года. Пустившись далее и проехав деревню Тверово (или Творино?), прибыли мы в Ярославль, один из знатнейших городов в России. Между сим городом и последним селением протекает река Волга, которая в этом месте очень широка; мы переехали ее у самого города, а затем и реку Которость, протекавшую также близ города с юга и впадающую на востоке в Волгу. В городе этом я нашел весьма много каменных церквей, о которых я еще буду говорить впоследствии, так как я все их снял на обратном моем путешествии. Переехавши Которость, мы въехали в предместье, называемое Трупино, где и пробыли четыре часа, чтобы поесть и переменить лошадей. Мы отправились отсюда в 10 часов и так спешно ехали, что 2-го числа <января 1702 г.> в 7 часов утра прибыли в деревню Николу (Никольское), сделав пятьдесят пять верст, а через шесть верст были уже в Ростове, который мы только проехали.

Митрополит имеет свое местопребывание в этом городе, наполненном множеством каменных церквей, которые служат ему большим украшением. Город стоит на правом берегу озера того же имени, которое лежит на восток от места, где мы проезжали город. Отсюда открывается много маленьких деревень. Большая часть народонаселения питается здесь чесноком и луком. Монастырь царевича Петра, окруженный несколькими домами, не далее как в получасе отсюда. Мы пустились далее и в час пополудни приехали в Вашку, сделавши таким образом тридцать восемь верст. Мы здесь обедали, а сделавши двадцать верст, далее приехали в Переслав<ль>-Залесский, главный город области того же имени, плохой и расположенный на запад на берегу Переславского моря или озера. Было 9 часов вечера, когда мы прибыли сюда, а в полночь мы отправились уже далее.

Сделав тридцать верст, 3-го числа в 6 часов утра приехали мы в Тарбеево. Отсюда до Троицы нужно беспрестанно спускаться и подниматься на небольшие горы на протяжении тридцати верст. Сюда приехали мы в час пополудни и оставались шесть часов. В это время осмотрел я монастырь того же имени (Троицкий), мимо которого проехали мы, подъезжая к селению. Он окружен высокой прекрасной стеной из камня, из которого воздвигнуто и все здание монастыря. Углы стены, которая выведена четырехугольником, украшены прекрасными круглыми башнями, а между этими угóльными есть и другие башни, четырехугольные. Из последних башен видны две четырехугольные с лицевой стороны монастыря, которые лучше всех других, и мимо них-то проходит большая дорога. Монастырь этот отстоит в доброй четверти часа от селения, на правой стороне, идучи в Москву. Он имеет спереди трое ворот; средние ворота, через которые я решил пройти, имеют два свода, под которыми находится небольшая сторожка, занятая солдатами, которые были также и у наружных ворот. Пройдя в эти ворота, видишь посреди главную церковь, отдельно стоящую от прочих зданий. Палаты его царского величества, великолепные и царские снаружи, находятся по правую сторону, и ход в них идет двумя различными лестницами; передовая сторона этих палат чрезвычайно обширна. Они имеют несколько ярусов, но внутренность их не соответствует наружной красоте. Трапезная иноков, другое большое здание, стоит против палат и видом похожа на оные. Все окна украшены маленькими колонками, и камни расписаны различными красками. Церковь, о которой мы сейчас сказали, находится между этими двумя зданиями. Есть еще здесь четыре другие значительные церкви и пять меньшего объема. Монастырь этот с виду походит на крепость, и архимандрит или настоятель его составляют в нем высшую власть. В нем обыкновенно бывает от двухсот до трехсот иноков, из коих двое-трое сопровождали меня повсюду с большой вежливостью, желая удовлетворить моему любопытству. Монастырь этот обладает огромными доходами, извлекаемыми из тридцати шести тысяч крестьян, подвластных ему, от погребения многих знатных господ, также имеющих здесь и свои могилы или склепы, от служения обеден по умершим и от других подобных вещей.

Самое селение довольно обширно в длину и наполнено с правой стороны кузницами со стойлами для ковки лошадей. Пустившись отсюда, через тридцать верст достигли мы деревни Братовщины, где осмотрели наши то-

вары и наложили на них печати, которые снимаются только в таможне в Москве. Пробывши тут нужное время, мы в 3 часа пополудни отправились далее и целых тридцать верст должны были сделать, прежде нежели достигли Москвы. В Москву наконец приехали мы в 8 часов утра 4-го числа и направились в Немецкую слободу, т. е. в часть города, преимущественно назначенную для жительства немцев, где находится большая часть их купцов. Впрочем, некоторые из них живут и в самом городе Москве. Прежде всего я отправился к г-ну Вилему Гуртсену, на которого мне указал упомянутый выше г-н Брантс: он жил именно в этой слободе и также только этого вечера приехал из Архангельска в свое обыкновенное жилище. На другой день царь¹⁵ посетил его в сопровождении множества придворных господ, в восьми санях, из коих сани его величества были наименее украшены. Посещение царя продолжалось целых два часа, и здесь-то в первый раз я имел хороший случай увидеть этого великого государя.

ГЛАВА V

Сочинитель допускается в присутствие его царского величества.

Водосвятие.

Потешные огни в Москве

С 1649-го цари московские завели обычай посещать знатнейших из своих друзей, как иностранцев по происхождению, так и русских господ, живущих в Москве и в Немецкой слободе, незадолго до праздника крещения, причем посещаемые обязаны угощать гостей, что называется, славить. Царей в это время сопровождают князья и прочие вельможи, их любимцы. Это в текущем 1702 году началось 3 января по старому счислению. Первый выезд свой сделал царь к г-ну Брантсу, к которому приехало, таким образом, в 9 часов утра до трехсот человек, в санях и верхами. Столы были там накрыты вперед в самом лучшем порядке, и сначала разносили множество лакомств, затем холодные, а потом, на перемену, и горячие яства. Веселились там как нельзя лучше и напитков не пощадили. Его величество удалился в 2 часа, отправившись оттуда со всем своим обществом в дом г-на Лупа, где его также угощали, а потом и к некоторым другим господам. За-

тем пустились отдыхать по домам, нарочно для того приготовленным. На другой день государь посетил также г-на резидента Гульста, побывав в некоторых других местах. Этот господин почтил и меня приглашением к себе, поговорив прежде обо мне с его величеством, по хорошему отзыву высокопочтенного г-на Николая Витсена¹⁶, бургомистра и советника города Амстердама. Меня поместили в особом покое, в котором мог бы я предстать пред государем. Случай привел князя Трубецко-го¹⁷ в этот покой, и он, хотя не знал меня, но, видя во мне иностранца, спросил меня по-итальянски, понимаю ли я итальянский язык. Я отвечал ему, что понимаю, чем он, казалось, был очень доволен и порядочно долго разговаривал со мною об этой стране, равно как и о многих других, в которых он бывал, так же как и я. Затем он отошел от меня и доложил обо всем разговоре нашем его величеству, который тотчас пожаловал со всем своим обществом в то место, где находился я. Так как я не ожидал его так скоро, то и был несколько смущен, но, вскоре оправясь, я приветствовал его с глубочайшим почтением. Государь, казалось, удивился и спросил меня по-голландски: «Почему признаете вы, кто я? И почему вы меня знаете?» Я отвечал, что видел изображение его величества в Лондоне у кавалера Годфреда Кнеллера и что оно очень сильно врезалось в мою память. Так как он, казалось, остался доволен таким ответом, то я присовокупил, что, кроме того, я уже имел счастье видеть его величество выезжавшим из дворца, когда он отправлялся к г-ну Брантсу, чем он, по-видимому, еще довольнее был и спросил меня, из какого я города, кто мои родители, живы ли они еще, есть ли у меня братья и сестры. По ответе моем на все это его величество предложил мне несколько вопросов о первом моем путешествии, спросил, в котором году я предпринимал оное, сколько времени употребил на него, каким образом совершал я это путешествие и как возвратился из оно-го. Затем он расспрашивал меня в особенности об Египте, о реке Ниле, также о городе Каире, его величине, как он построен, в каком состоянии находятся части, отделенные от древнего Каира, об Александрии и о многих других местах, присовокупив при этом, что ему неизвестно о том, что есть другая местность, называемая Александретта. Я отвечал, что эта последняя местность служила пристанью для Алеппо, сообщив ему, в каком расстоянии находится она от него. Все эти расспросы государь сделал на голландском языке и желал, чтобы я продолжал говорить

на этом языке, сказав, что он меня очень хорошо понимает. И это оказалась действительная правда, потому что он передал сопровождавшим его русским вельможам все, что я говорил ему, с такой точностью, которая удивила резидента и прочих господ голландцев. Затем он приказал мне поговорить с упомянутым выше князем Трубецким по-итальянски, понимавшим этот язык довольно хорошо, а сам потом отошел от меня со своими. Пробывши у г-на резидента добрых три часа с особенным удовольствием, царь уехал со своими особами, чтобы сделать еще несколько других посещений в слободе, ибо это был последний вечер для того; праздник водосвятия должен был справляться на завтрашний день, т. е. в воскресенье, и на следующий затем день, понедельник, 6 января по старому летосчислению. В этот самый день прибыл сын фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева¹⁸ и донес его царскому величеству, который был в церкви, приятную новость о разбитии русскими шведов в Ливонии, в пяти или шести часах от города Дерпта. Он доложил царю, что шведов легло в этом сражении 4000 человек и что взято несколько сот пленных, в числе коих находилось много и офицеров. Этот сын Шереметева сам был в этом сражении и, посланный своим отцом для точнейшего донесения о всех подробностях битвы его величеству, изложил это донесение таким живым образом, что произвел всеобщую радость. Праздник, о котором я выше упомянул, совершается перед появлением Иисуса Христа, и я был самовидцем этого торжества.

В столичном городе Москве, на реке Яузе, подле самой стены Кремля, во льду сделана была четырехугольная прорубь, каждая сторона которой была тринадцать футов, а всего, следовательно, в окружности прорубь эта имела пятьдесят два фута. Прорубь эта по окраинам своим обведена была чрезвычайно красивой деревянной постройкой, имевшей в каждом углу такую же колонну, которую поддерживал род карниза, над которым видны были четыре филенки (дощечки), расписанные дугами; в каждом углу этой постройки имелось изображение одного из четырех евангелистов, а наверху — два полусвода, посреди которых был водружен большой крест. Сказанные филенки, расписанные изнутри, изображали апостолов и других святых. Самую красивую часть этой постройки, на востоке реки, составляло изображение крещения господа нашего во Иордани Иоанном Крестителем, с предстоящими по правую руку четырьмя ангелами, без всяких других изображений. Каждая же

из наружных филенок имела на себе изображения ангельских головок с крыльями — три внизу и две сверху. На западной стороне воды в проруби сделаны были четыре ступеньки, на конце одной из коих прикреплена ступенька довольно значительного весу, для того чтобы можно было сойти вниз к воде. Патриарх, или духовное лицо¹⁹, совершавший этот обряд, сошел по этим ступенькам к самой воде, которая в этом месте была глубиною в восемь футов. На полу разостланы были большие красные покровы, обнесенные четверугольной огородкой, имевшей в ширину от одного угла к другому по сорок пять шагов, а во всех кругом — сто восемьдесят шагов. Кроме этой были еще две другие огородки, устроенные вроде перил, на расстоянии четырех шагов одна от другой, вышиною в четыре фута и также покрытые красными покрывами. На краях самой воды, или проруби, с западной стороны воздвигнуты были три деревянных алтаря, изящно убранных, покрытых тоже изящными красными покрывами. Четыре двери открывали вход в это здание, по одной с каждой стороны, и главная дверь была к югу от Кремля. Они были также расписаны, но не так искусно, и представляли изображения священных предметов. Обозревши все это хорошенько, я взошел на пригорок, находившийся около Кремля, между двумя воротами, именно поблизости ворот, называющихся Тайницкими или Тайными, через которые должен был проходить крестный ход. Он начал приближаться в 11 часов, вышед из церкви Соборной, т. е. из места собрания святых, главнейшей из московских церквей в Кремле. Весь этот ход состоял единственно из духовенства, за исключением только нескольких человек из мирян в светских платьях, которые шли впереди и несли хоругви, укрепленные на длинных древках. Духовенство все одето было в свое церковное облачение, которое было великолепно. Священники низшего чина и монахи, в числе двухсот человек, шли впереди, предшествуемые множеством певчих и мальчиков, принадлежавших к хору, одетых в светское платье, и каждый держал в руках книгу. По правую и левую руку вооруженные солдаты и скороходы, имевшие только трости, которыми они расчищали место, открывая путь шествию и сохраняя хороший порядок. После сказанных священников шли те, которые облечены были в епископские одежды, человек до трехсот. Первые двенадцать человек из них были митрополиты или кардиналы, облаченные в одежду, называемую обыкновенно саккос. Затем шли четыре архиепископа, три епископа и множество

архимандритов или монастырских настоятелей. Когда сих последних прошло около двухсот, то появилось все то, что разные священники несли в ходе, а именно: большое древко с фонарем, представляющим свет слова божия, в честь образов или для придания им блеска; далее два позолоченных херувима, называемые по-русски репидами, тоже на двух древках. Затем два креста, поясной образ Иисуса Христа, почти в натуральную величину; за ним чрезвычайно большая книга (Евангелие?), наконец, двадцать золотых и серебряных шапок, богато усыпанных драгоценными камнями и несомых каждая особым человеком. По окончании хода главнейшие участники в оном из духовенства надели сказанные шапки. Шапка митрополита была вся золотая, украшенная жемчугом и драгоценными камнями. Шапки эти называют митрами, и они составляют головное покрытие высокого духовенства. Митрополит, занимавший место патриарха, шел тотчас за большой книгой (Евангелием?), держа в руках большой золотой крест, усыпанный драгоценными камнями, и касаясь от времени до времени челом до этого креста, причем священники постоянно поддерживали его под руки с обеих сторон. Прибыв в таком порядке на берег реки и закончив обряд, продолжавшийся добрые полчаса, митрополит приблизился к воде и погрузил троекратно в оную крест, произнося, подобно тому, как делает это обыкновенно патриарх, следующие слова: «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое!» Затем все возвратились в Кремль, но двести священников, которые шли впереди крестного хода, не возвратились в том же порядке, а рассыпались почти все в разные стороны. Те же, которые облечены были в торжественные священнослужительские ризы, продолжали обратное свое шествие в добром порядке. Между прочим, я заметил, что два человека, довольно плохо одетые, несли чан или котел, который я не мог хорошенько разглядеть, покрытый холстом. За этой посудиною точно таким же образом несли другую такую же, с оловянной чашей, наполненной водою, которую, как освященную (святую воду), несли во дворец для того, чтобы окропить ею покой и образа. Только что крестный ход вошел в Кремль, тотчас же отнесены были туда и все те предметы, которые употреблялись при водосвятии, и я видел при этом, как один русский, окунув большую метлу в воду, начал ею кропить окружающих его зрителей, которые, по-видимому, не очень-то были довольны таким кроплением. Мне казалось даже, что такое действие его

было вроде забавы. Описанный обряд, продолжавшийся до 2 часов пополудни, привлек чрезвычайно огромную толпу народа, которую стоит посмотреть, и она представляла довольно приятное зрелище на реке. Так как Кремль стоит на некоторой возвышенности, то от него видны были тысячи народа, мужчин и женщин, толпившихся до самых стен и в стенах его. Когда мы, возвращаясь назад, пришли к Кремлевским воротам, то встретили там такую давку, что насилу выбрались из оной. Таким образом, любопытство наше обошлось нам довольно дорого, не говоря уже о том, что было опасно оставаться на холодном снегу такое продолжительное время.

Праздник этот в старину отправляли с гораздо большею торжественностью, потому что их царские величества и все знатные вельможи государства присутствовали на нем. Но ныне царствующий государь сделал в этом, равно как и во всех других делах, большие перемены. Подробнее об этом скажем еще ниже.

9-го числа начало таять, даже пошел дождь, и вообще сделалась такая оттепель, какой не бывало уже многие годы.

11 января праздновали великую радость по случаю победы, одержанной над шведами оружием его величества, о которой упомянуто было выше. Были потешные огни близ Кремля, посреди базара или рынка, который довольно низмен и довольно широк; в середине находились потешные огни, простираясь от одного конца площади до другого. Подле Кремля сделаны были из досок большие хоромы, со стеклянными окнами, в которых его величество угощал знатнейших придворных сановников своих, иностранных посланников, находившихся в это время в Москве, и между другими датского посла и резидента голландского, разных офицеров и некоторых наших иноземных купцов. Чтобы придать тени этим хоромам и украсить их, впереди порасставили в три ряда молодые деревья. Обед начался в 2 часа пополудни, а около 6 часов вечера зажгли потешные огни, продолжавшиеся до 9 часов. Изображение поставлено было на трех огромных деревянных станках, весьма высоких, и на них установлено множество фигур, прибитых гвоздями к доскам и расписанных темною краскою. Рисунок этого потешного огненного увеселения был вновь изобретенный, совсем не похожий на все те, которые я до сих пор видел. Посередине, с правой стороны, было изображено Время, вдвое более натурального росту человека; в правой руке оно держало песочные часы, а в

левой — пальмовую ветвь, которую также держала и Фортуна, изображенная с другой стороны, с следующей надписью на русском языке: «Наперед поблагодарим Бог!» На левой стороне, к ложе его величества, представлено было изображение бобра, грызущего древесный пень, с надписью: «Грызая постоянно, он искоренит пень!» На третьем станке, опять с другой стороны, представлен еще древесный ствол, из которого выходит молодая ветвь, а подле этого изображения — совершенно спокойное море и над ним полусолнце, которое, будучи освещено, казалось красноватым и было со следующей надписью: «Надежда возрождается». Между этими станками устроены были малые четырехугольные потешные огни, постоянно горевшие и также с надписями. Второй из них, около которого я случайно находился и который был первый зажжен его царским величеством, представлял четырехугольный крест. Третий изображал виноградную лозу, а четвертый — клетку с птицей, с различными надписями. Так как эти последние были освещены, подобно как это бывает в наших Нидерландах, то видно было все, что они изображали. Кроме того, посреди этой площади представлен был огромный Нептун, сидящий на дельфине, и около него множество разных родов потешных огней на земле, окруженных колышками с ракетами, которые производили прекрасное зрелище, частью рассыпаясь золотым дождем, частью взлетая вверх яркими искрами. Когда настало время зажигать потешные огни, многие духовные и другие господа вышли из упомянутых хоромов, сопровождая его царское величество, и стали под крытое место (навес), устроенное посреди всех поименованных приготовлений, для совершения там некоторых обрядностей. Над входом в это крытое место, украшенное множеством разных знамен, помещена была воинская стража. Невозможно было бы перечесать несметное множество народа, собравшегося на это зрелище со всех сторон. Сестра царя²⁰ со множеством боярынь поместилась для того, чтоб поглядеть на все, в одной башне в конце этой площади. Другая значительнейшая башня, бывшая там, освещена была огнями сверху до низу; большие столы с потешными огнями, о которых я говорил выше, горели сыпавшимся с них огнем, каждый более четверти часа. В то же время раздавались и пушечные выстрелы, которые были и перед обедом. Когда потешные огни сгорели, столы накрыли вторично; но тогда я возвратился в слободу, где услышал еще девяносто пушечных выстрелов в 10 часов, а потом еще не-

сколько выстрелов и позднее. Самым необычайным в этом случае и при подобном стечении народа показалось мне то, что не произошло никакого беспорядка, благодаря тому что со всех сторон расставлены были солдаты и стража. Только пред самым окончанием этого собрания, вскоре за полночь, несколько французских офицеров, поспоривших о чем-то между собою, обнажили шпаги и наделали шуму подле хоромов его царского величества. Для отвращения подобных случаев на будущее время через несколько дней выставили в Немецкой слободе близ Голландской церкви столб, на котором привязаны были топор и шпага, с тремя объявлениями — на русском, латинском и верхненемецком языках, — воспрещающими всякому, под смертную казнь, обнажать шпагу и биться на поединке.

ГЛАВА VI

Ужасная казнь в Москве.

Великолепная свадьба одного любимца его царского величества.

Сочинитель допущен в присутствие царицы

9го числа этого месяца совершали страшную казнь в Москве над 50-летней женщиной²¹, убившей своего мужа, которую присудили зарыть живою в землю по самые плечи. Я любопытствовал взглянуть на нее и нашел ее наполовину закопанной, и она показалась мне очень еще свежее и приятной наружности. Она была повязана вокруг головы и шеи белым полотном, которое она, впрочем, попросила развязать, потому что оно очень давило ее. Ее стерегли трое или четверо солдат, которым приказано не позволять давать ей ни есть, ни пить, что могло бы продлить жизнь ее. Но дозволено было бросать в яму, в которой она была зарыта, несколько копеек или штиверов, за которые она и благодарила наклоном головы. Деньги эти употребляют обыкновенно на покупку восковых свечей, которые и зажигают перед образами тех святых, к которым взывают осужденные, частью же на покупку гроба. Не знаю, берут ли себе иногда часть из них приставленные сторожа за то, чтоб тайком дать осужденным поесть; ибо многие довольно долго проживают в таком состоянии. Но виденная мною женщина умерла на другой же день после того, как я ее видел. В тот же день сожгли живым одного мужчину, пре-

ступление которого мне было не известно. Позднее я про страннее расскажу о правосудии в этом государстве; в настоящее же время буду продолжать мое повествование по порядку времени.

26-го числа праздновали свадьбу²² известного любимца царского Souskie, московского дворянина, с Schorkofskaja, сестрою князя Fedder Schorkofskaja, также любимца его величества, как и жених. Князь этот пригласил на свадебное пиршество свое всех главных бояр и боярынь придворных, иностранных посланников и большую часть наших и иноземных купцов с их женами. Всем приглашенным гостям дан был приказ быть на свадьбе в старинной одежде этой страны, более или менее богатой, по установленному на этот случай правилу. Свадьба самая праздновалась в Немецкой слободе, в доме генерала Лефорта, недавно умершего. Это было громадное каменное здание в итальянском вкусе, в которое нужно было всходить по лестнице с правой и левой стороны по причине большого протяжения самого здания. В нем были великолепные комнаты и прекраснейшая зала, покрытая богатыми обоями, в которой собственно и праздновалась свадьба. Для умножения великолепия было принесено заблаговременно множество серебряных сосудов, которые и выставлены для зрения на приличном им месте. Так, стояли два громадных леопарда, на шейной цепи, с распростертыми лапами, опиравшимися на щиты с гербом, и все это было сделано из литого серебра. Потом большой серебряный глобус, лежащий на плечах Атласа из того же металла, и, сверх того, множество больших кружек и другой серебряной посуды, часть которой взята была из царской казны. Место сбора приглашенных на свадьбу, долженствовавших составлять поезд, было назначено в городе, близ Кремля, в двух больших домах, стоявших друг против друга. Царь и приглашенные собрались сюда рано утром: мужчины в одном доме, а женщины в другом. Отсюда двинулись в 10 часов, чтобы направиться к Кремлю, у которого я и поместился, чтобы лучше рассмотреть поезд, который казался тем еще прекраснее, что и погода была отличная. Царь впереди всех ехал на величавом черном коне. Платье на нем было из золотой парчи, самой великолепной: верхний кафтан испещрен был множеством узоров различного цвета, а на голове у него была высокая красная шапка, на ногах желтые сапоги. Конь его, в богатейший упряжи, покрыт был прекрасным золотым чепраком, а на передних ногах его блестили серебряные кольца шириною в четыре пальца. Величавый

вид государя, чрезвычайно красиво сидевшего на лошади, составлял немалое украшение всего зрелища: всадник поистине был царственный. По левую руку его находился господин Александр Данилович Меншиков²³, одетый также в платье из золотой парчи, на отличном же коне, богато убранном и имевшем на передних ногах, как у царского коня, серебряные кольца. Главнейшие князья следовали затем по два в ряд, смотря по достоинству, все верхами на лошадях и одинаково одетые, числом двадцать четыре пары. Доехавши таким порядком до дворца, его величество приостановился, чтобы подождать других отставших, и здесь, стоя на одном месте четверть часа, он заставлял выделять своего коня разные прыжки. Остановился царь таким образом у ворот... Кремлевского дворца, где находились его покои, и вверху над ними помещались в открытом месте: государыня, сестра его величества, царица²⁴, или императрица, три маленьких княжны, ее дочери от покойного последнего царя, брата нынешнего царя. Когда царь проезжал эти ворота, княжны приветствовали его низким поклоном, и государь отвечал им тем же. Затем, когда и все упомянутые выше знатные чины тоже проехали, по два в ряд, видно было, что несли несколько факелов, окруженных великим числом пешей прислуги. За ними ехали все значительные лица, по два же в ряд, всего шестьдесят пар, одетые так же, как и впереди их проехавшие. За этими следовали гости, наш резидент и иностранные купцы, которых платье и шапки совершенно отличались от прочих. У всех у них, впрочем, были желтые сапоги, но шапочки низкие и простые, вовсе не такие величественные, как у всех других. Их было семнадцать пар, а во всем поезде было, таким образом, двести четыре человека, большей частью богато разодетых. У большей части лошадей были серебряные удила, а у некоторых и серебряные, шириною в два пальца или около того, и довольно толстые цепи, которые висели от маковки головы до узды и привязаны были к луке седла; цепи эти издавали довольно приятный звон. Были, впрочем, цепи и из белого листового железа. За всем этим ехало пять саней, из которых в первых трех сидели три доктора-немца, а в остальных двух — самые старинные купцы из нашей земли. Затем следовала большая повозка, покрытая красным сукном и назначенная для двух цариц (императриц): так русские именуют тех боярынь, которых его царское величество назначает для присутствия в этом обряде, как жен государства, и

такое название принимают они, как скоро вступают в эту должность. Первая из этих боярынь, супруга князя Федора Юрьевича Ромодановского²⁵, который правил Москвою в отсутствие его величества, налицо не находилась по случаю болезни, так что другая боярыня, супруга (Ивана) Ивановича Бутурлина²⁶, одна должна была отправлять свою обязанность. На голове у нее была маленькая из белого поярка шапочка, в форме сахарной головы (конусообразная), с небольшим околышем, и с нею в... карете сидели две почетные госпожи. Карету везли двенадцать белых лошадей, и вокруг нее шло множество прислужников, одетых в красные платья. За этой каретой следовали еще другие двадцать пять карет поменьше, но одинаково убранные с первыми, и каждую из них везли две белые лошади: в одной из этих малых карет сидела невеста, а в остальных — русские госпожи. Между этими каретами ехали обыкновенные санки, влекомые клячей, к хвосту коей они были привязаны, а в санях сидел маленький человечек, такой же невзрачной наружности, как его лошадка и санки, одетый по-жидовски. Я подозревал, что везли этого человечка, таким образом, как бы вроде наказания за какую-нибудь провинность его, за которую он должен был представлять из себя такую особу; и я не ошибся, как подтвердили мне то многие люди, знавшие этого человека и общившие мне, что то был действительно жид, только принявший христианскую веру. Затем ехали еще семь других саней, наполненных девицами из соотечественниц моих, а далее еще несколько пустых карет, которые и замыкали собою поезд. Таким образом поезд этот проехал через Кремль и часть города до церкви Богоявления, где совершался обряд венчания в присутствии царя и множества особ этого блестящего собрания. Удовлетворив свое любопытство, я отправился в мою гостиницу подкрепить себя пищей, а потом пошел в хорошее местечко в слободе, чтобы опять увидеть поезжан там, где должна была играть свадьба. Все общество прибыло туда в 3 часа после полудня в количестве пятисот человек, мужчин и женщин, которые разместились в разных покоях, так что мужчины и женщины не могли видеть друг друга. Княжна, сестра его величества, и царица со своими тремя молодыми княжнами поместились за особым столом с несколькими придворными господами. Новобрачная — за другим столом с другими господами; а та, которая представляла царицу (императрицу), сидела одна, на возвышенном помещении, огороженном ре-

шеткою. Остальные госпожи — как русские, так и иностранные — были в другой комнате; музыканты же помещены были на таком месте, откуда все могли их хорошо слышать. После обеда, чисто царского, продолжавшегося весело несколько часов, новобрачных повели в их спальню, в нескольких шагах от дома, на берегу Яузы. Это был небольшой деревянный дом, нарочно выстроенный, в одном конце коего поставили постель совершенно простую. Большая часть общества разъехалась между 10-ю и 12-ю часами, но оставшиеся в слободе почивали по разным домам, на воротах которых было написано мелом, кто где должен остаться. Они были нарочно приготовлены по приказанию его царского величества для того, чтобы русские легче могли назавтра явиться к месту, где оставались новобрачные, а оттуда направиться в гости в дом генерал-майора Менезия, где вдова его живет и в настоящее время. Боярыня, представлявшая царицу (императрицу), и ночевала в этом огромном каменном здании, по-царски устроенном и находящемся на большой улице слободы, а новобрачная явилась туда на другой день рано утром. Его величество также прибыл сюда в 10 часов, но без сопровождения иностранцами. Пробывши здесь часть времени, он поехал в надлежащем порядке к дому г-на Лупа, который ожидал его у ворот вместе с несколькими нашими (голландскими) купцами. Государь приостановился немного с сопровождавшими его, не сходя с лошади, и г-н Луп угощал его величество здесь разными напитками (сладкими водками).

Не хочу обойти здесь молчанием одно обстоятельство, которое порядком насмешило всех. Жених ехал верхом на превосходном жеребце, а другой господин ехал на кобылице, ни в чем по красоте не уступавшей жеребцу. Оба животных были в яру и приготовлены уже к случке, и жеребец не замедлил покрыть кобылицу. Всадник, ехавший на кобылице, проворно и ловко соскочил с нее, а жених не потерял даже своего стремени. Случай этот произвел общий и громкий смех. Шутку эту хотели проделать еще при выходе из дому, но тогда это не удалось.

Вскоре затем увидел я царевича, верхом на лошади, в сопровождении множества боярских детей, а стремянной прислужник вел под уздцы лошадь его. За ним следовала карета новобрачной, как сказано выше, парой, а за этой — большая карета в двенадцать лошадей, в которой сидела боярыня, представлявшая царицу (императ-

рицу), потом следовало множество других карет, наполненных русскими госпожами. Когда приехали к дому, в котором праздновалась свадьба и в который я постарался пробраться другой дорогой, его величество вошел в дом, а за ним следовала молодая, которая, впрочем, прошла в другое здание отдельного помещения, налево, где жил некогда генерал Лефорт, вдова коего там еще находилась. Большая карета приостановилась, чтобы осторожней проехать, потому что она по высоте своей с трудом проходила в ворота, да не могла поворотить и назад по чрезвычайной узости улицы. Во время такой остановки молодой царевич сошел с лошади и стал у кареты, где и оставался до тех пор, пока карета не прошла наконец в ворота, причем верх кареты зацепился за арку ворот и остался на ней. После этого царевич прошел через двор в дом, а названная царица (императрица) вышла из кареты и вошла в дом по лестнице с правой стороны. Иностранные гости и жены их отправились за ней туда же. Здесь оставались все так же долго, как и перед тем, пока это второе собрание не кончилось.

Но последний день, т. е. третий, решено было праздновать в немецких платьях, и все оделись в эти платья, кроме нескольких русских боярынь, оставшихся в своих платьях. И в этот день еще раз отправились все к новобрачным, но уж не с общим поездом, а порознь. За столом мужчины и женщины сидели вместе, как это водится у нас, и после пира плясали и прыгали для удовольствия его величества и всех гостей. Таким образом, окончилось это свадебное торжество почти за полночь, на описание которого, полагаю, читатель гневаться не будет по причине особенностей оного.

2 февраля, в воскресенье, после полудня, в 3 часа, привезли на санях часть шведских пленных, о которых говорено было выше. 4-го числа приехали за мной, чтобы представить меня его величеству, который находился в это время во дворце князя Александра Даниловича Меншикова, его главного любимца. Дворец этот называется Семеновским, по имени села, находившегося в получасе от слободы. Я застал его величество занятым испытанием нескольких пожарных огнегасительных труб, вновь привезенных из Голландии, которые оказались хорошими. Увидя меня, государь подозвал меня к себе и повел в комнаты. (...) «Вы многое видели,— сказал он мне,— но сомневаюсь, чтобы вы когда-нибудь видели подобное тому, что вам сейчас покажут». Он велел, вслед за тем, одному бедняку-русскому, которого нарочно при-

вели сюда по его приказанию, распахнуть свое платье. Я содрогнулся при виде этого несчастного. Взглянув на его тело, я увидел у него выше пупа на три пальца справа опухоль, похожую на кишку, длиной почти в руку и шириной в четыре пальца, в которую выходила вон вся принимаемая им пища; и этот бедный страдалец прожил уже девять лет в таком положении. Несчастье это произошло от удара ножом, который до того раздражил и повредил часть обычного пищеводного прохода, что никакие лекарства не излечили повреждения. Это был мужчина двадцати пяти лет. Я откровенно сознался, что не видел никогда ничего подобного, но прибавил, что я также знал одного человека, у которого испражнения совершались ртом, чему государь, в свою очередь, немало удивился. Затем он велел подавить несколько рану несчастного, для того чтобы лучше ознакомить меня со свойством болезни, и вся пища выходила оттуда вполнину переваренная. Поговорив со мною часа с два, его величество, приказавший во все это время угощать меня разными напитками, оставил меня, и князь Александр подошел ко мне. Он сказал мне, что царь, узнав, что я искусен в живописи, пожелал, чтобы я снял портреты с трех юных малых княжен, дочерей брата его, царя Ивана Алексеевича, царствовавшего вместе с ним до кончины своей, последовавшей 29 января 1696 года. Это, собственно, и было главным поводом, прибавил он, для чего я приглашаюсь теперь ко двору. Я с удовольствием принял такую честь и отправился с сим вельможей к царице, матери их, в один потешный дворец его величества, называемый Измайловым, лежащий в одном часу от Москвы, с намерением прежде увидеть княжен, чем начать уже мою работу. Когда я приблизился к царице, она спросила меня, знаю ли я по-русски, на что князь Александр ответил за меня отрицательно и несколько времени продолжал разговаривать с нею. Потом царица приказала наполнить небольшую чарку водкой, которую она и поднесла собственноручно князю, и князь, выпив, отдал чарку одной из находившихся здесь придворных девиц, которая снова наполнила чарку, и царица точно таким же образом подала ее мне, и я, в свой черед, опорожнил ее. Она попотчевала также нас и по рюмке вином, что сделали и три молодые княжны. Затем был налит большой стакан пива, который царица опять собственноручно подала князю Александру, и этот, отпивши немного, отдал стакан придворной девице. То же повторилось и со мною, и я только поднес стакан ко рту,

потому что при дворе этом считают неприличным выпивать до дна последнее подносимый стакан пива. После этого я переговорил насчет портретов с князем Александром, который довольно хорошо понимал по-голландски, и когда мы уже собирались уходить, царица и три ее дочери-княжны дали нам поцеловать правые свои руки. Это самая великая честь, какую только можно получить здесь.

Спустя несколько дней играли свадьбу некоторых особ из царского двора во дворце князя Александра. Его величество присутствовал на свадьбе вместе с князем-кесарем, дядей своим... и со множеством придворных вельмож и боярынь, также со многими купцами, английскими и голландскими, и немецкими девицами.

Стол, имевший вид лошадиной подковы, накрыт был в большой зале. Его величество и русские господа занимали одну половину стола, а госпожи — другую. Князь-кесарь, князь Александр, также английские и голландские купцы поместились за круглым столом посреди залы, и за этим столом поместился и я. После великолепного обеда, когда столы были убраны, танцевали весело польский. Превосходная музыка помещена была в стороне, откуда слышна была очень явственно.

В ту же ночь князь Александр отправился на несколько дней в деревню, где у него были какие-то дела. 11-го числа г-н Павел Гейнс, датский посланник, также уехал по делам в свое отечество, с намерением возвратиться весною опять в Москву, где он оставил на это время супругу.

5 марта я имел честь обедать с его величеством в Преображенском — обыкновенном месте жительства этого государя. После обеда он повел меня в палаты царицы, желая взглянуть на портреты княжен, мною уже начатые, и там он довольно долго разговаривал с царицею о моих путешествиях. 11-го числа он посетил вместе с некоторыми из своих вельмож г-на Брантса и там осматривал в моей комнате изображения, сделанные мною в Архангельске, которыми он, казалось, был очень доволен. Разговаривая о разных предметах, государь повел речь о нескольких пушках, имевших, как полагали, гербы или клейма Генуэзской республики, изображавшие, как и пушки венецианские, льва с простертою переднею лапою, положенною на книге. Правда, что так как пушки те были очень древни и гербы на них уже весьма изгладились, то и трудно было разобрать, действительно ли было там изображение льва. Государь, желая разъяснить это сомнительное обстоятельство, решил тотчас же от-

правиться осмотреть пушки, и согласились всем обществом собраться для этого во дворце князя Александра. Когда его величество прибыл туда в назначенное время, то князь Александр сделал от себя подарок всем, находившимся тогда у него, большею частью из иноземных купцов, которых он особенно уважал, именно каждому дал по золотой медали, на которой было изображение его величества с лавровым венком на голове и вокруг с русскою надписью: «Петр Алексеевич, Великий Царь всея России». На оборотной стороне изображены были два орла, с обозначением дня месяца 1702 года, февраля 1-го.

После великолепнейшего угощения здесь отправились все в Преображенский дворец, который считается как бы обычным местом пребывания капитана, так как его величество не принимал еще до сих пор на себя более высокого чина. Дворец этот был на расстоянии одного доброго получаса от города и очень близко от дворца князя Александра. Тут же находился и арсенал полка гвардейцев его величества. В этом-то арсенале и осматривали мы те три пушки, о которых выше сказано, и оказалось, что лев на них виден еще достаточно ясно, хотя и довольно уже испорчен. Пушки эти довольно коротки и сделаны были наподобие мортир. Я решительно не мог дознать, каким это образом в давно минувшие времена пушки эти попали в руки русских.

ГЛАВА VII

**Великолепные празднества,
данные его величеством вне Москвы
большому обществу господ и госпож,
на коих находился и сочинитель.**

Особенности в отношении царицы.

Его величество потешается на Москве-реке.

Празднование пасхи русскими.

Отъезд его величества в Архангельск

Пока мы занимались рассматриванием сказанных пушек, приготовили уже все необходимое для поездки в имение князя Александра, называемое Алексеевским и находящееся близ Леоновского, в двенадцати верстах от Москвы, где у этого князя была дача на реке Яузе. Это прекраснейшее ме-

стечко, где устроены были удивительные садки, наполненные отборной рыбой. Но лучше всего для меня показались там громадные конюшни, хотя они были деревянные, так же как и самый дом. В конюшнях этих было более пятидесяти лошадей превосходной красоты. На даче мы нашли уже нескольких немецких девиц, которых его величество пригласил туда для устройства нескольких приятных пирушек. Мужчин было всего десять человек: наш резидент, трое англичан, а остальные — голландцы, не считая нескольких русских вельмож; женщин же всех было тринадцать, в том числе и молодая русская девица, сестра князя Александра.

Нас великолепно принимали там и угощали вечером различными кушаньями, мясными и рыбными. Накрыто было два стола в огромной зале: один длинный стол, за которым поместился его величество с разными господами, а супротив — женское общество, и другой круглый стол, посреди залы, за которым кушали англичане и большая часть немцев, или, скорее, голландцев. После ужина каждый отправился в назначенный для него покой. Русские в одной половине, и женщины — в другой; иностранцы только остались вместе еще несколько часов и веселились.

На следующий день был другой пир, подобный вчерашнему, а для возбуждения веселия расположена была музыка в одной стороне зала из скрипок, басов, труб, трубок, гобоев, флейт и проч(его), как в наших странах. Когда убрали столы по окончании обеда, весело танцевали польский, и его величество был очень весел, поощрял всех к веселию и шуткам, не забывая и вина. Ночью разошлись отдохнуть для того, чтобы опять повеселиться завтрашний день, который также прошел во всякого рода удовольствиях и забавах, но так, что я никого не видел слишком обремененного от напитков, и затем все отправились по своим домам.

В это время я получил дозволение взять к себе на дом портреты молодых княжен, нарисованных мною в рост, для окончания. Царь приказывал мне несколько раз кончить их поскорее, потому что он должен был отослать куда-то эти портреты, но куда именно, я не знал. Я исполнил это приказание с возможной поспешностью, представив княжен в немецких платьях, в которых они обыкновенно являлись в общество, но прическу я дал им античную, что было предоставлено на мое усмотрение.

Перехожу теперь к изображению царицы, или императрицы, Прасковьи Федоровны. Она была довольно до-

родна, что, впрочем, нисколько не безобразило ее, потому что она имела очень стройный стан. Можно даже сказать, что она была красива, добродушна от природы и обращения чрезвычайно привлекательного. Ей около тридцати лет. По всему этому ее очень уважает его величество царевич Алексей Петрович, часто посещает ее и трех молодых княжен, дочерей ее, из коих старшая, Екатерина Ивановна, — двенадцати лет, вторая, Анна Ивановна, — десяти и младшая, Прасковья Ивановна, — восьми лет. Все они прекрасно сложены. Средняя белокура, имеет цвет лица чрезвычайно нежный и белый, остальные две — красивые смуглянки. Младшая отличалась особенною природною живостью, а все три вообще обходительностью и приветливостью очаровательною.

Любезности, которые оказывали мне при этом дворе в продолжение всего времени, когда я работал там портреты, были необыкновенны. Каждое утро меня непременно угощали разными напитками и другими освежительными, часто также оставляли обедать, причем всегда подавалась и говядина, и рыба, несмотря на то что это было в великий пост, — внимательность, которой я изумлялся. В продолжение дня подавалось мне вдоволь вино и пиво. Одним словом, я не думаю, чтобы на свете был другой такой двор, как этот, в котором бы с частным человеком обращались с такой благосклонностью, о которой на всю жизнь мою сохранию я глубокую признательность. Ободренный такою внимательностью, я принял смелость поднести его величеству в Преображенском дворце по книге моих путешествий, нарочно для того мною переплетенных, лъстя себя надеждой, которая и оправдалась, что государь этот благосклонно примет мое приношение.

29 марта он катался на шлюпке по Москве-реке против течения за три или четыре версты от моста, что у Кремля. Затем он спустился по ней, уже благоприятствуемый течением, с большою быстротою, за три или четыре версты по сю сторону того же моста, к которому он опять потом возвратился. Князь Александр ожидал его здесь вместе с несколькими английскими и голландскими купцами, которых он опять угощал по желанию мясным и рыбным кушаньем, невзирая на великий пост, доставив каждому из них полную свободу то или другое употреблять по выбору. Но сам государь, равно как и сопровождавшие его, кушали только одно мясное.

Месяц апрель начался такою резкою теплотою, что лед и снег быстро исчезли. Река от такой внезапной перемены, продолжавшейся сутки, поднялась так высоко, как не запомнят и старожилы. Мельницы на Яузе все были весьма попорчены; рыбные пруды и низменные места позади домов на далекое пространство были залиты водою, равно как и улицы затоплены, что обыкновенно случается здесь весною, когда тают снега. Немецкая слобода затоплена была до того, что грязь доходила тут по брюхо лошадям. Царь, узнавши об этом, приказал очистить слободу и взять меры для отвращения такой грязи и нечистоты.

5 апреля утром, около 6 часов, загорелся в Немецкой слободе дом одного из наших соотечественников. Царь тотчас же явился сам на пожар и лично давал надлежащие распоряжения для прекращения огня, как это его величество делает и всегда в подобных случаях. В Москве есть особая стража, наблюдающая во все часы ночи и поднимающая тревогу немедленно, как только произойдет подобное несчастье.

В этот же день отправлялся праздник пасхи, к великому удовольствию русских, сколько по причине желанного времени воскресения Иисуса Христа, столько же и ради окончания великого поста. В ночь перед пасхой, а также весь первый и второй день по всей Москве звонят в колокола не переставая. Встречаясь, русские дарят друг друга пасхальными яйцами, что продолжается и в течение четырнадцати следующих дней. Обычай этот одинаково соблюдается знатными и простолюдинами, старыми и малыми, которые взаимно одаряют один другого яйцами, для чего постоянно носят их при себе. На улицах и путях видите лавки с крашеными и вареными яйцами. Наиболее употребительный цвет, в который окрашивают эти яйца,— цвет голубой сливы, но есть и зеленые, даже белые, весьма хорошо окрашенные краской, наконец, есть и расписанные очень искусно яйца, стоящие от двух до трех риксдалеров каждое. На многих делается надпись: «Христос воскрес!»». Знатные люди запасают множество таких крашеных яиц, которые раздают посещающим их на праздниках, причем целуются с приходящими в уста, говоря: «Христос воскрес!», на что те отвечают: «Воистину воскрес!» Простой народ христосуетя описанным образом и на улице, и никто не отказывается от такого христосования, какого бы пола или звания он ни был, будут ли то мужчины или женщины. Прислуга также не пропускает случая и приносит также

яйцо в покой своим хозяевам, за что и получает от этих последних подарок, называемый праздничное, или праздник. Мне также принесли двенадцать или четырнадцать таких яиц, весьма чисто окрашенных женщинами. В старину такие взаимные одарения пасхальными яйцами считались делом важным, но с некоторого времени это очень изменилось, как и все остальное. Впрочем, русские вельможи и иноземные купцы поздравляют еще пасхальными яйцами ныне царствующего государя и получают взамен подобные яйца из его собственных рук; но вообще это уже теперь как-то не в большом употреблении.

9-го числа царь опять потешался катаньем на Москве-реке. Гребцы на шлюпке его величества, равно как и княжны, сестры его, одеты были в белые рубахи, по-голландски, с оборками наперед. Все иностранные купцы накануне еще получили приказание заготовить к плаванию по две рубахи от каждого купца. На каждой шлюпке было по две небольшие мачты, для того чтобы можно было плыть на парусах, в случае, если ветер будет благоприятный. Плавание должно было начаться на Москве-реке от увеселительного дома генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, лежащего на этой реке, недалеко от города Москвы, насупротив прекрасной дачи его величества, называемой «Воробьевы горы». Генерал этот в предшествовавший день угощал там в своем доме его величество и все его общество. Оно состояло из царевича, сестры его величества, сопутствуемой тремя или четырьмя русскими боярынями, из множества знатных господ придворных и других, также из нашего резидента, нескольких иностранных купцов и из пятнадцати или шестнадцати немецких господ. Все шлюпки стояли наготове перед сказанным увеселительным домом, числом около сорока, и в каждой от десяти до двенадцати гребцов. Когда царь сел в свою шлюпку и все общество также разместилось, тронулись плыть и поплыли с необыкновенной быстротой, проплыли мост и направились в Коломенское — большой увеселительный дворец его величества, стоящий от Москвы в двадцати верстах, если плыть водою, по берегу же, сухим путем, только в семи верстах. В Коломенское прибыли около 7 часов вечера и нашли там истинно царский ужин. На следующий день угощение продолжалось также и притом с музыкою. В 3 часа после обеда возвратились в город — одни в каретах, другие в колясках, а кто верхом на лошади. На следующий день г-н Брантс прини-

мал и угощал у себя его величество, в сообществе с голландским резидентом и многими англичанами и голландцами. Здесь так хорошо веселились, что царь пробыл до 11 часов вечера, а остальные гости пропировали и до 2 часов пополуночи.

19 числа я получил приказание отнести портреты княжен, конченные уже мною, во дворец царицы для показа ей. Я отправился туда с шурином князя Александра²⁷. Так как царица была нездорова и даже лежала, то я показал ей портреты перед ее постелью. Она, казалось, осталась довольна, поблагодарила меня и подарила мне кошелек золота, подав его мне собственной рукой, которую она, сделав мне честь, дозволила поцеловать. Затем она спросила меня, останусь ли я в Москве на такое время, в которое мог бы вторично написать портреты княжен. По утвердительном на это ответе моем одна из княжен предложила нам по маленькой золоченой чарке водки, а потом по стакану вина, после чего мы и удалились. Отсюда я приказал отнести портреты во дворец князя Александра, где я свернул их в надлежащий сверток для отправления. В ночь за этим днем царь отправился в Архангельск в сопровождении князя Александра, патриарха Никиты Мойсеевича Зотова²⁸, Великого хранителя печати Федора Алексеевича Головина²⁹, первого государственного министра г-на Гаврилы Ивановича Головкина³⁰, князя Григория Григорьевича Ромодановского³¹, боярина князя Юрия Юрьевича Трубецкого и одного стольника, т. е. служащего при столе его величества.

Между тем делались приготовления, необходимые для очистки улиц в слободе, и приступили к работам по этому делу 26 апреля. Прежде всего сгребли грязь с улиц в кучи, для того чтоб свезти ее потом, и для распоряжения этими работами выбрали двух немцев. Они так хорошо распорядились, что к концу недели слободские улицы оказались в таком удовлетворительном состоянии, что по ним можно было ходить уже совершенно сухо.

3 мая получено было, по письмам из Архангельска, известие, что вследствие прохода льда вода так высоко поднялась, что никто еще такой не запомнит, отчего она причинила много вреда, а именно: большая часть домов, расположенных близ Новодвинской крепости, снесена; строевой лес на лесном дворе или верфи его величества весь тоже унесен водой; один корабль, стоявший уже на лесных подмостках, перевернут; несколько судов, бывших у города, прибиты к мосту купеческих палат, и, наконец,

вода поднялась вообще так высоко, что затопила несколько городских домов.

На следующий день начали вывозить из слободы грязь и навоз, сложенные прежде в кучи, и всякий домохозяин, делая это на свой счет, мог по произволу свозить грязь или в свой сад, для поднятия почвы, или в другое какое-либо место, и вообще куда найдет для себя более удобным. Но чтобы еще скорее подвинуть работу эту, немецкие купцы собрались в господской гостинице, в прекрасно расположенном доме, с отличным садом позади. Здесь они выбрали еще двух смотрителей, вдобавок к прежним двум, чтобы они постарались исполнить это дело, с общего совета, самым наилучшим образом. Избрание это производилось по большинству голосов, причем каждый писал на особом клочке бумаги имя того, кого он избирает. К этим избранным прибавили затем еще восемь человек в качестве помощников и дали им достаточное полномочие.

9 мая, в день св. Николая, получили письма из Голландии, от 28-го числа прошлого месяца, с печальной новостью о кончине его величества, короля Британии Вильгельма III³², после кратковременной, четырехдневной только, болезни. Новость эта поразила ужасом всех иностранцев, в особенности же моих соотечественников, которые знали лучше, чем кто другой, достоинства этого государя и которые наложили у себя шестинедельное жаленое (траур) по этому случаю.

19-го числа мы получили новые письма, извещавшие нас, что в Голландии было большое наводнение, захватившее несколько селений, причем погибло множество народа. В письмах этих присовокуплялось, что союзники³³ заняли Кейзерсварт.

21-го числа русские отправляли праздник Владимирской божией матери, называемой так по городу, в котором, говорят, Дева Мария явилась некогда; в память этого-то события и бывает праздник в одной из церквей Москвы. Бывает это всегда в четверг перед пятидесятницей, и день этот называется русскими семик. В этот день несколько священников отправляются рано утром к известной яме, или колодцу, куда бросают убитых на большой дороге или так где-нибудь, а также и тех, которых казнили смертию по суду, о чем мы выше сего уже говорили. Колодцы эти, числом три или четыре, в окрестностях Москвы засыпаются затем землею ежегодно, а на следующий год вырывают новые, что обыкновенно делается накануне праздника. В этот же день хоронили и

мать царицы, умершую только накануне, ибо у русских покойников не держат долго не погребенных, о чем подробнее мы скажем еще в другом месте. Похороны матери царицы совершились вполне запросто, без всяких обрядностей. В тот же день утром был в Москве пожар, погашенный только к 10 часам. 3 июня был пожар в одной деревне, лежащей недалеко от Москвы, а 14-го числа — третий пожар, опять в Москве.

В это время несколько купцов отправилось отсюда в Архангельск.

ГЛАВА VIII

Описание земных произведений, плодов, загородных домов (дач), рыбных прудов и других предметов, до которых русские охотники. Русские отшельники, или пустытники; заключенные

Живя в Москве, я иногда делал прогулки за город с моими друзьями. Однажды, гуляя таким образом в лесу в июле месяце, я нашел там известную ягоду, которую русские называют костяникой; вкусом она кисловата. Люди зажиточные едят ее с медом или сахаром, как мы едим землянику. Из нее делают род лимонада и прохладительный напиток, который предписывают и больным. Леса вокруг Москвы полны этой ягоды, которая растет по всей России в густом лесу, но наилучше — в тени деревьев. Название костяники означает собственно ягоду костистую (т. е. с косточкой), и она действительно такова. Всякий стебелек этой ягоды имеет три или четыре веточки, и на них-то сидят ягоды по двадцати... Листья ее зелены и летом, и зимой, а ягоды ее созревают в упомянутом месяце. Другая ягода, называемая брусника, покрупнее первой и в которой каждая ягодка имеет свой особый стебель, как у нас смородина, — от двадцати до тридцати ягод в одной кисти. Ягода эта растет не выше пяди от земли, костяника же — целой половиной выше. Ежегодно в Москву привозят бездну брусники, и иностранцы и русские делают из нее разные запасы и употребление. Русские кладут ее в сосуды и наливают холодной водой, остав-

ляя так на всю зиму, затем они выливают воду и наполняют новой сосуд, а из настоявшейся воды делают питье, чрезвычайно освежительное и довольно приятное на вкус, особенно если прибавить сахару или меду. Для того чтоб освежиться хорошенько, едят и самую ягоду с частью меда. Немцы выжимают бруснику, извлекают из нее сок, который варят с медом и сахаром до известной густоты, и едят такое варево с жарким, которому оно придает удивительно приятный вкус. Они также сохраняют такое брусничное варево в небольших сосудах, подмешивают туда соку и из других выжатых ягод, и из этого образуется лакомство, которым они угощают своих приятелей и которое чрезвычайно освежительно. Лист брусники похож на лист пальмы... и тоже постоянно зелен, летом и зимою.

Эта страна естественно изобилует во множестве всякого рода растениями. Там произрастает обыкновенная белая капуста, которой русские заготавливают большие запасы и которую простолюдины едят по два раза в день. Огурцы, которые русские едят, взяв в руки, как мы яблоки или груши, которых они также запасают громадное количество, сберегают их целый год и которые и знатные люди очень охотно и во множестве потребляют. Много в этой стороне и чесноку, до которого русские большие охотники и запах которого слышен издалека. Хрен у русских также в общем употреблении, и они искусно готовят из него разные приправы к рыбе и говядине. Репы там разного рода в изобилии, точно так же как и красной капусты, которую иностранцы завезли сюда с недавнего только времени. Есть также спаржа и артишок, но едят их только одни иностранцы. Артишоки растут и в земле. Мы научили русских разведению желтой, белой и красной моркови (пастернаку и свекловицы), которых у них множество, а также салата и сельдерея, прежде им неизвестных, а теперь очень ими любимых.

Окрестности Москвы изобилуют земляникой, большею частью мелкой; ее едят там пригоршнями. Малина также растет там, равно как и дыни, во множестве чрезвычайно крупные, но не так вкусные, как в Италии, потому что водянисты, похожи на наши огурцы, имеют довольно воды, но мало семян.

Что касается до плодовых деревьев, то в России много мелкого ореха, но грецкого мало. Яблоки там разного рода, хороши, красивые на вид, кислые, равно как и сладкие, вкусны, и я видел такие прозрачные, что насквозь видны были семечки. Груши там не так хороши,

да их мало, и какие есть, то и те мелкие. Сливы и вишня тоже плохие, за исключением тех, которые растут у немецких купцов в садах; есть там земляника тоже в довольном количестве; сады же этих последних чрезвычайно чисты, полны множеством различных цветов, а сады русских запущенны, дики, не возделаны и без всяких украшений. Фонтаны и водометы русским не известны, хотя воды у них много везде, и они легко могли бы устроить их с небольшими издержками. В этом отношении заметна, впрочем, некоторая перемена, равно как и в улучшении построек домов и садов, особенно с тех пор, как царь побывал в наших странах. Так в особенности князь Данило Григорьевич Черкасский развел голландский сад в своей деревне Сетове в тринадцати верстах от Москвы. Сад этот большой, содержится чисто и в порядке, но и то правда, что князь имеет для этого особого садовника из Голландии: потому сад этот лучше рассажен, расположен и с большими украшениями, чем все остальные в этой стране.

Вообще в Москве мало любопытных предметов. Лучшее украшение загородных домов москвичей состоит в их рыбных прудах, из которых три действительно достойны удивления. Часто их бывает по два и по три около дома, довольно больших и богато полных рыбою. Когда приезжают к ним дорогие им гости, они тотчас забрасывают невод в воду и тут же, в присутствии своих гостей, налавливают разной рыбы блюд на двадцать или тридцать, а иногда и больше, как я то сам видел.

Никогда не забуду одной прогулки моей с несколькими голландками в деревню г-на Стрешнева³⁴, богатого человека, жившего в Факелове, в пятнадцати верстах от Москвы, где приняли нас с обязательнейшею любезностью. Супруга этого господина, красивая и приветливая женщина, делала со своей стороны все возможное, чтобы доставить нам удовольствие. Мы нашли прекрасно построенный дом, со многими отличными комнатами. Кроме того, в нем была очень хорошая голландская кухня безукоризненной чистоты, в которой госпожи наши тут же изготовили несколько блюд рыбных по нашему способу, несмотря на то что у нас припасен был порядочный запас из холодной говядины; сверх того, подано было еще блюд двадцать рыбного кушанья, приготовленного по русскому способу, с разными превкусными подливами. После обеда пригласили нас в другую комнату, где висело на перекладинах несколько веревок для качелей, и предложили нам покачаться: приятное препро-

вождение времени, весьма обыкновенное здесь. В свою очередь, хозяйка дома сама велела двум молоденьким и миловидным девицам покачать и ее. Качаясь, она взяла к себе на колени своего малого ребенка и начала петь вместе с сказанными служанками чрезвычайно приятно и способом очаровательным, прося нас в то же время извинить ее и уверяя, что она непременно пригласила бы из Москвы музыку, если б только дозволило время. Когда мы засвидетельствовали ей нашу благодарность за все доставленные ею нам удовольствия, она повела нас к пруду и приказала закинуть сеть, чтобы снабдить нас свежую рыбою на дорогу. После всего этого мы распростились с хозяевами и сели в карету, вполне довольные оказанным нам приемом.

Близ этой деревни, или дачи, я видел дерево необычайной толщины и красоты с широко раскинувшимися ветвями, которого ствол имел $3\frac{1}{2}$ сажени в обхвате у корня. Это был белый тополь, который русские называют осиной.

Большая часть иностранцев имеют позади домов своих, или дач, обыкновенно сад, в котором они старательно разводят множество разного рода плодовых деревьев и цветов, выписываемых из наших стран. Цветники в этих садах ограждены дощечками вместо палым. Так как почва этой земли сама по себе родит цветы плохо, а цветы лесные очень посредственны, то для русских нет большего удовольствия, как подарить им пук цветов, который они с наслаждением несут домой. Впрочем, из более знатных русских некоторые владеют тоже уже хорошими садами и разводят в них и цветы.

Что касается нравов этих людей, то в сношениях своих наблюдают они между собою довольно странный обычай. Пришедши куда-нибудь и вступивши в комнату, они не говорят прежде ни слова, но ищут глазами изображения какого ни есть святого, которое всегда имеется в каждом покое. Отыскав оное, они кладут перед ним три поклона, осеняя себя в то же время крестным знаменем и произнося: «Господи, помилуй!»— или же: «Мир дому и живущим в нем!», и опять совершают крестное знамение, затем они уже здороваются с хозяевами и ведут с ними беседу. То же самое делают они, посещая и чужестранцев, сотворя поклон перед первой попавшейся им на глаза картиной, из опасения не отдать прежде богу подобающего ему почтения.

Самое распространенное препровождение времени у них считается соколиная охота на птиц и с гончими со-

баками на зайцев. В этом отношении у них есть точные постановления: каждый может держать известное только число собак, сообразно своему положению. Кроме этих, у них мало обыкновенных развлечений. Самые употребительнейшие инструменты их суть: арфа о четырех струнах, цимбалы, волынка и охотничий рожок. Они находят большое удовольствие глазеть во время работы также на калек и пьяных, уже через меру выпивших.

Когда они отправляются к кому-либо в гости, то садятся обедать в 10 часов утра и расходятся в час пополудни, чтобы уснуть дома,— зимою ли то, или летом.

Приемы писать у них следующего рода: они берут в левую руку бумагу, кладут ее на колени и пишут таким образом, что им нужно. Впрочем, некоторые начинают писать так же, как и мы, особенно в разных канцеляриях; шьют они совсем отлично от нас: они надевают на персток на первый палец, который, вместе с большим, употребляют для того, чтобы тянуть иглу с ниткой к себе, а не от себя, как это делается у нас. Они помогают себе в шитье и ногами, которые у них обыкновенно босые, и мастерски придерживают двумя первыми пальцами ноги материю, которую шьют точно так, как у нас, придерживают ее коленами или прикалывают ее к чему-нибудь. Впрочем, я видел в разных местах не раз и таких, которые шьют иначе.

В начале июля я ходил с одним моим приятелем в Преображенское посмотреть на трех пустынников, сидевших там в заключении уже дня четыре или пять. Проживали они близ Азова, у небольшой речки, впадающей в Дон. Я был поражен их видом, одеждой и прибором. Самый старший был мужчина за семьдесят лет, двое других — за пятьдесят. Первый жил в сказанном месте лет сорок, в пещере, где и был однажды захвачен татарами, продан туркам, от которых скоро бежал и возвратился опять в свое пустынное жительство, в котором и оставался с тех пор до последнего времени. Как полагают, их обвиняли в том, что они уклонились от русской веры, но они не сознавались в этом, просили, чтоб их испытали, заявляя, что они готовы подвергнуться тягчайшим наказаниям во славу Иисуса Христа в случае, если они окажутся отступниками, хотя они не умеют ни читать, ни писать. На них были только одни кафтаны из грубой шерстяной ткани; волосы спускались у них до поясницы, точно у дикарей, нечесанные и закрывающие лицо до того, что нельзя было и видеть его, если не отстранить волос рукою. На груди у них был большой железный крест, весом добрых фунта четыре, при-

крепленный к железной же полосе, перекинутой через плечи и ниспадавшей на спину, где она прикреплялась к другой, железной же, полосе, служившей вместо пояса и соединявшейся наперед с нижним концом того же креста на груди. Двое младших оказывали большое уважение к старейшему, которого они поддерживали под руки всякий раз, когда он вставал на ноги, что он сделал и в то время, когда мы подошли к нему. Они должны были оставаться в заключении до возвращения его величества. Однако ж их посадили вместе, не заковывая уже в железа, в помещение без кровли, где они и сидели на рогожах в одном углу, в некотором расстоянии друг от друга. Заключенные, бывшие тут кроме этих отшельников, большею частию закованы были по ногам в железа и оковы: эти были так коротки, что они с трудом могли двигаться. Сверх того, при каждом было по сторожу, а также и вне темницы находились сторожа, для того чтоб заключенные отнюдь не могли уйти. Эта темница высока и сделана из брусьев, с отверстием вверху (но внутри с разными прикрытиями) и спереди образует небольшой четверугольник. Любопытство заставило меня посетить сих отшельников и в другой раз, но я узнал, что их перевели уже в другую, соседнюю темницу, в которой они и должны были оставаться впредь до нового о них распоряжения. Эта милость последовала им благодаря чьему-то ходатайству.

В конце этого месяца получено было известие о новой победе, одержанной над шведами³⁵ войсками его величества. Немного спустя царица поручила мне написать в другой раз портреты ее княжен, тоже во весь рост и в той же одежде, как и первые портреты. Мне очень хотелось было отказаться от этой работы, и я всепокорнейше просил ее уволить меня, так как мне пора была уже продолжать мое путешествие, но, увидав, что это было неприятно для нее, я решился и по другим также основаниям исполнить ее просьбу и принялся за работу, не теряя времени.

5 июня большинство купцов, остававшихся еще в Москве, отправились в Архангельск. По обыкновению, мы провожали их, как и других прежде, за десять верст от города до деревни, лежащей на реке Яузе, где раскинули несколько палаток, в которых и провели некоторое время в обществе с несколькими господами. Затем, выпивши за здоровье отъезжающих друзей наших, мы возвратились в город, кто в карете, коляске, а кто и верхом.

Спустя несколько дней, прогуливаясь однажды в саду позади нашего дома с ружьем, как делал я часто и прежде этого, с целью застрелить куличка или утку на пруду или

на Яузе, я увидел у себя над головою высоко в воздухе журавля. Я тотчас же зарядил ружье пулей, так как птицу эту, по ее величине, трудно убить дробью, и был так счастлив, что попал в журавля, который и упал в пруд. Это вообще случай необыкновенный, потому что птица эта редко попадает в этой местности. У некоторых господ есть, впрочем, по деревьям прирученные журавли, которых привозят, обыкновенно, из других мест. Убитого мною журавля я велел изжарить, и мы нашли, что вкус его мяса отзывается рыбой.

ГЛАВА IX

Описание Москвы.

Число церквей и монастырей в этом городе и другие его особенности

Время теперь поговорить несколько подробнее о владениях его величества, который был так милостив ко мне (чего другим не было дано), что лично дозволил мне с полною свободой говорить о всем том, что, по-моему, заслуживало упоминания или описания, не удаляясь от истины.

Я начну с города Москвы, который я снял в эти дни с высоты дворца царского, называемого Воробьевским,—огромного деревянного здания в два яруса. В нижнем жилье этого дворца было сто двадцать четыре покоя, и я полагаю, что столько же было и в верхнем. Он обнесен был деревянною стеною, расположен же на высоте горы, против Девичьего монастыря, по другую сторону Москвыреки, в трех верстах на запад от столицы. Я был и прежде за несколько дней до этого в этом дворце вместе со многими другими господами и некоторыми господами, и всех нас принимал здесь в то время шурин князя Александра. Сам царь выбрал это место, как наиболее пригодное для моей цели, и оно действительно было таково. Но так как сестра его величества занимала этот дворец на время лета, то я просил сказанного шурина князя Александра проехать со мною к ней и доложить ей о поручении, которое я получил от царя. Она отвечала, что я могу приезжать во дворец во всякое время, какое я найду удобным для себя, но пожелала, чтобы я не привозил туда с собою более одного служителя. Таким образом я отправлялся туда несколько дней сряду и исполнил свой снимок водяными красками на бумаге, из самых верхних окон... С этой вы-

соты ясно видно все, что только находится в городе и в окрестностях его. На снимке все обозначено числами, а именно: 1. Новый Девичий монастырь. 2. Помещение для одного из пехотных полков. 3. Воротники, или дом заставного начальника. 4. Место, называемое Сушово. 5. Новинский монастырь. 6. Саввинский монастырь. 7. Церковь Николая на Щепках. 8. Церковь Благовещения. 9. Девичий Страстной монастырь. 10. Сретенская башня, или башня Сретенских ворот. 11. Петровский монастырь, или монастырь св. Петра. 12. Кремль, или замок. 13. Троицкая башня. Это название церковной колокольни, находящейся снаружи Кремля. 14. Собор, или главнейшая церковь города, где большая часть обретается мощей. 15. Иван Великий, или самая высокая башня (колокольня) в Кремле. 16. Церковь Филатова, или красивая церковь, построенная Филатовым. 17. Церковь Воскресения в Барашах³⁶. 18. Кадаши — место жительства полотняных ткачей их величеств близ церкви. 19. Церковь св. Николая. 20. Церковь пророка Илии. 21. Таганка, т. е. церковь, названная по месту, где она построена. 22. Андрониев монастырь. 23. Красивый монастырь Спас Новый. 24. Палаты Крутицкого монастыря. 25. Донской монастырь, или монастырь Донской божией матери. 26. Спаса новый монастырь, или новый монастырь, посвященный нашему Спасу. 27. Андреевский монастырь. 28. Даниловский монастырь. 29. Река Москва. 30. Воробьева гора.

Многие писатели полагают, что некогда город Москва был вдвое больше того, как он есть теперь. Но я, напротив, дознал по самым точным исследованиям, что теперь Москва гораздо больше и обширнее того, чем была когда-нибудь прежде, и что в ней никогда не было такого множества каменных зданий, какое находится ныне и которое увеличивается почти ежедневно. Москва лежит под $55\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты. Ее называют Моско, Мусков и Москва. Она лежит в полуденной стороне, посреди Московской России, на небольшой реке Москве, по которой и самый город так назван. В окружности Москва имеет добрых три часа ходьбы до земляной стены, или вала, начиная с Покровских ворот, от которых улица того же названия Покровка простирается до Красной стены Китая. Отсюда пошел я мимо Мясницких ворот, с улицею того же имени. На земляном валу стоят двое каменных ворот. Третьи ворота — Сретенский пролом, который собственно есть дорога, ведущая к городским воротам, ибо с этой стороны вовсе нет никаких ворот у земляного вала, а есть только просто открытый ход или отверстие. Четвертые — Петров-

ские ворота, от которых идет улица того же имени к городу. Пятые — Тверские. Шестые — Никитские ворота, с улицами под теми же именами. Седьмые — Арбатские ворота. Восьмые — Пречистенские ворота, некогда Чертольские, называвшиеся также с улицею. Девятые — Всесвятские, там же лежащие. Десятые — Кокуевские³⁷, повыше речки Неглинной. Одиннадцатые — такие же другие ворота, и двенадцатые — Таганские, или Яузские, также с улицею.

Сделавши обход всего описанного пространства, на другой день я обошел стену города, называемого Белым городом, и нашел, что в окружности она имеет полтора часа ходьбы. Между каждыми из названных ворот города возвышается в самой стене по две башни, а между некоторыми воротами — и по три башни. Башни эти четырехугольные, вовсе не приспособленные для установки на них пушек, и отстоят они одна от другой на четыреста шагов, исключая одно место, которое вовсе не имеет башен: оно находится между двумя воротами, и его величество приказал развести здесь сад, чтобы нельзя было обойти стену, а должно было войти в город именно в этом месте, то есть с севера.

Москва разделяется на четыре части, из которых первую составляет замок, или крепость, называемый Кремль-город, лежащий на берегу Москвы-реки, идущей с западной стороны и впадающей в реку Оку близ города Коломны, в тридцати шести часах от Москвы; Ока же впадает в Волгу близ Нижнего Новгорода, во ста часах от Москвы. Замок этот, или Кремль, опоясан высокою каменною стеною, снабженною многими башнями... лучший вид его — со стороны реки, недалеко от большого моста. В Кремле пятеро ворот, а именно: Спасские, на которых находятся часы, Никольские, Каменного моста³⁸, Трисвятские³⁹ и Тайнинские, ведущие через сухой ров до самой реки. В самом Кремле пушек вовсе нет, но когда вздумают позабавиться пальбою из них, берут оные из Арсенала: тогда ставят их на базаре или на большом торге, находящемся перед Кремлем, где дворец царский, построенный из больших и крепких камней, однако, довольно мрачен. Тут же патриарх имеет свое местопребывание и все канцелярии или судебные места, называемые по-русски приказами, равно как и дома некоторых знатнейших придворных господ, которые, впрочем, его величество начал приобретать в свою собственность, за исключением одного дома. Посреди большой площади, окруженной различными зданиями, возносится башня, или колокольня, Иван Великий,

подле которой находится громадный колокол, упавший с колокольни во время пожара в 1701 году и разбившийся от падения. Говорят, он весит 266 666 фунтов голландских, или 336 центнеров, т. е. 8000 пудов с лишком, считая пуд равным тридцати трем нашим фунтам. Вылит этот колокол в царствование великого князя Годунова. На площадку, где он висел, нужно всходить по ста восьми ступенкам, идущим между двумя башнями, и, взошедши туда, можно видеть еще место, откуда он упал. Колокол этот величины чудовищной; по краям его с одной наружной стороны вылита русская надпись с тремя выпуклой резьбы головами. Поднявшись еще выше, на тридцать одну ступеньку, выходишь на другую площадку, где в оконных арках колокольни висят еще восемь колоколов, а через двадцать ступеней выше этого — другие девять колоколов, висящих в таких же окнах колокольни, один другого меньше, из коих некоторые по два вместе. С высоты этой Ивановской колокольни открывается самый лучший вид на город, со множеством каменных церквей, которыми он наполнен. Церковные и колокольные главы некоторых из них вызолочены, что производит чрезвычайное впечатление, когда солнечные лучи падают на эти главы и играют на них; но великолепнее всех Соборная церковь. Кроме церквей в городе этом есть множество и других красивых каменных зданий; и теперь еще в Кремле строится новый Арсенал и возводится другое деревянное здание перед воротами св. Николая, для представления в нем театральных произведений. Для этого в текущем году прибыло из Гданска общество (труппа) актеров, которые в эту зиму представляли уже несколько пьес в доме покойного генерала Лефорта. Русские уже пытались подражать этим актерам, давши сами несколько небольших представлений, которые, по правде сказать, оказались довольно плохи, как это можно себе представить. Но, однако ж, справедливо и то, что народ этот обладает замечательными способностями, кроме уже того, что он любит подражать, как в хорошем, так и в дурном. Даже тогда, как они заметят какие-нибудь хорошие приемы обращения, различные от ихних, они откровенно признаются, что те лучше, чем их приемы, которые не дозволяют им, как они говорят, быть добрыми.

Сказавши о первой части города, перехожу к другой, составляющей собою около четвертой части Кремля со стороны города. Называется она Китай-город и составляет почти середину всего города; эта часть обнесена высокою каменною стеною, называемою Красная стена, потому что

некогда она действительно была красного цвета, но побелена в правление царевны Софьи Алексеевны⁴⁰ и ее меньших братьев. Церковь св. Троицы⁴¹, построенная одним итальянским зодчим и составляющая одну из главных церквей города, находится среди этих стен как раз против Кремля. Здесь же происходит и главное торжище, всегда полное народа; также находятся большею частью лучшие господские дома, гостиный двор с купеческими товарами и замечательнейшие лавки, расположенные по отдельным улицам, смотря по роду товаров, выставляемых и продаваемых там. Есть также тут и крытые ряды для торгующих сукнами, материями разными, парчами, шелковыми тканями, мехами и другими подобными товарами. Иностранные купцы тоже имеют здесь свои магазины, в которых и сидят они по целым дням. Наконец, мастеровые и мелкие торговцы помещаются в особых улицах, так же как и другие.

Третья часть этого города называется Белый город, или Белая стена. Эта часть с Китай-городом совершенно охватывает Кремль до самой Москвы-реки и имеет также свою стену. Небольшая речка Неглинная протекает через эту часть, имея с одной стороны (на одном берегу) Арсенал, а с другой — большой кабак, или дом, в котором продается водка.

Четвертая часть, находящаяся внутри земляного вала, называется Скородом, то есть сделанный наскоро. Это название произошло по тому обстоятельству, что вал этот возведен был в очень короткое время, преимущественно со стороны рек Москвы и Неглинной, для того чтобы прикрыться от татар, при царе Федоре Ивановиче⁴², в 1584 году. Царь этот был сын царя Ивана Васильевича, первого князя, принявшего титул царя, после покорения царств Касимовского, Казанского, Астраханского и Сибирского. Слово «царь»⁴³ есть славянское и значит собственно король, а не император, как объясняют его некоторые писатели. Славяне слово «император» понимают в смысле кесарь или цесарь, а «король» — в смысле короля. Немцы также ошибаются, полагая, что название «царица» значит императрица, так как под названием этим должно разуметь только королеву.

Большая часть слобод, или места жительства стрельцов, то есть военных людей, помещается в этой последней части города. Прежде они жилали и внутри Красной и Белой стены, но с некоторого времени государь выселил их оттуда по причине беспокойного их нрава и беспрестанных почти возмущений.

Относительно зданий, ничто мне не показалось здесь так удивительным, как постройка домов, которые продаются на торгу совершенно готовые, так же как и покои и отдельные комнаты. Дома эти строятся из бревен или древесных стволов, сложенных и сплоченных вместе так, что их можно разобрать, перенести по частям куда угодно и потом опять сложить в очень короткое время. Продаются они в таком виде по сто и по двести рублей за сруб (каждый рубль стоит пять голландских гульденов), отдельные же комнаты продаются по цене, соразмерно с этой же стоимостью целых домов.

По ту сторону земляного вала находятся, говорят, деревни, пригороды и монастыри, которыми город окружен и которые теснятся друг к другу, весьма густо населенные. Есть такие деревни, которые примыкают даже к самому валу. Немецкая слобода отстоит только в получасе от него, и за нею виднеется еще множество деревень.

Церквей и монастырей в городе Москве, в Кремле и в других частях ее, равно и поблизости ее, за земляным валом, такое множество, что их насчитывают до шестисот семидесяти девяти, полагая в том числе монастыри и часовни. Постройки этих церквей завершаются, обыкновенно, куполом в виде яблока не для того, чтоб уподобить их своду небесному, как объясняют это некоторые писатели, но для того, чтобы слышнее было в них пение священников. Другие думают, что русские приписывают колоколам особое достоинство, приятное богу; но они ошибаются. Русские только освящают колокола и звонят в них по большим праздникам во время богослужения.

Монастыри, находящиеся в Москве и в окрестностях ее, все имеют различные наименования. В Кремле два монастыря: один мужской, называемый Чудовым монастырем, или монастырем чудес, тот, в котором погребают цариц и царевен (царей погребают в другом месте, о чем будет сказано ниже), другой — Вознесенский, или монастырь Вознесения Иисуса Христа, женский. Есть также большие и богатые монастыри за земляным валом, близ города, каковы: Спасский, или Спаса; Симоновский; Андрониевский, во имя св. Андроника; Донской, посвященный иконе божией матери, прославившейся чудесами на Дону; Данилов, или монастырь Даниила; Девиный, или Большой монастырь девиц; Новинский; Златоустовский, или монастырь Златоуста; Ивановский, или св. Иоанна; Рождественский, или монастырь рождества Христова; Варсонофьевский, посвященный святому Варсонофию; Зачатейский, или монастырь св. Зачатия; Моисеевский, т. е. мо-

настырь Моисея; Страстной, т. е. Страшной; Воздвиженский, называемый так по месту нахождения; Сретенский, или монастырь Сретения; Николаевский, во имя св. Николая, с двумя другими, того же имени, монастырями. Таким образом, всех монастырей числом двадцать два.

Улицы города почти все покрыты бревнами или бревенчатыми мостами таким образом, что в летнее время, когда идут дожди, улицы эти почти непроходимы по причине топкой грязи, которой они наполняются. А так как торгового народу в Москве великое множество, то для лавочек их по этим улицам они должны довольствоваться небольшими помещениями, которые вечером они и запирают, уходя домой. Впрочем, в Москве есть много и очень больших улиц и довольно широких.

В Москве находятся также разные приказы или канцелярии, из коих главный — Посольский, или Иностранных дел; затем Разрядный, или такой приказ, в котором ведутся списки русского дворянства, правителей (губернаторов) и других главноуправляющих лиц; Дворцовый приказ, в коем ведут счеты всему тому, что относится до содержания его величества; Поместный приказ, в котором ведутся книги (списки) всем поместьям России, и, наконец, Стрелецкий приказ, заведывающий стрельцами или военными людьми, которых число значительно уменьшилось со времени последнего возмущения. Все эти приказы помещаются в каменных... покоях, похожих скорее на темницы, чем на что-либо другое. Часто, впрочем, они и служат таки местами заключения и там содержат преступников, закованных в отдельных местах, а должники, содержимые за долги, разгуливают там везде в ножных кандалах. Главные чины или писари сидят там в отдельных комнатах, а в некоторых приказах они сидят за длинным столом, покрытым красным сукном, похожим на комнатные обои. В Иноземном приказе имеются списки всем иностранным чиновникам. Заведование землями царств Казанского и Астраханского и областями, к ним присоединенными, сосредоточивается в Казанском дворце. Устроен теперь еще и новый приказ для Адмиралтейства, называемый Оружейным, в котором хранятся списки оружия; аптека, равно как и Палата Золотая и Серебряная, в коей ведутся именные списки золотых и серебряных дел мастеров, состоящих на службе его величества и получающих тут свое жалованье. Заведование большей частью государственных доходов сосредоточивается в приказе Большой казны. Суд над дворянами, приказными чинами и писарями производится в Судном Володимирском и Судном Московском прика-

зах. В Печатном приказе ведается доход с печатей и ведутся здесь особые списки. Монастыри все подведомы Монастырскому приказу, а духовные дела, т. е. те, кои касаются браков, наследства, равно тяжбы, разбираемые третейским судом, семейные несогласия, блудные и подобные тому дела ведаются в приказе Патриаршем. Ямской приказ заведывает ямщиками, которые требуются в течение всего года для службы его величества. Во время пребывания моего в Москве все эти восемнадцать приказов находились в Кремле; вне же его были и многие другие, а именно: Пушкарский приказ, заведывающий пушками; Сибирский — по делам Сибири; Разбойный приказ, в котором разбираются и судятся убийства и некоторые другие преступления. Начальником сих приказов обыкновенно бывает один из главных любимцев царских или из первых военных чинов государства, которого его величество или возводит по своей милости в эту должность или жалует оную в виде награды за службу. Это составляет также ступень для достижения самых высших должностей или званий, именно: звания боярина или государственного советника, каковые звания лучше всего можно сравнить с грандами в Испании или с пэрами во Франции. Сюда причисляются также окольниковы, т. е. бояре, сопровождающие государя; думные дворяне, или дворянские советники Думы; думные дьяки или секретари... стольники, или служащие при столе его величества; дворяне, или придворные, и, наконец, жильцы — должность менее значительная, чем все выше исчисленные. Первейшие дворяне или люди, имеющие честь быть любимцами царицы, возводятся в должности спальников, или дворян постельной палаты. За ними следуют дворецкие, кравчие, чашники и другие.

Возвратясь из Нидерланд(ов), его величество учредил кавалерский орден св. апостола Андрея, который он и возложил уже на четырех человек, а именно: боярина Федора Алексеевича Головина, первого государственного министра и адмирала; гетмана козацкого⁴⁴, г-на Принцена, чрезвычайного посланника короля прусского, и генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, которым всем пожалован был крест св. Андрея, с изображением этого святого, усыпанный брильянтами. Что касается величия русского двора, то должно заметить, что государь, правящий сим государством, есть монарх неограниченный над всеми своими народами; что он все делает по своему усмотрению, может располагать имуществом и жизнью своих подданных, с низших до самых высших, и наконец,

что всего удивительнее, власть его простирается даже на дела духовные, устройство и изменение богослужения по своей воле: это уже такая область, касаться которой другие венчаные особы воздерживаются из опасения возбудить против себя духовенство.

Сказавши о награждениях, даваемых за разные заслуги и за исполнение служащими их обязанностей в мирное и военное время, за отправление ими разных дел, переходу к наказаниям за преступления. Тяжелые преступления наказываются здесь сожжением. Для исполнения этой казни устраивают небольшой четырехугольный деревянный сарай, который обкладывают снаружи и внутри соломой. В этот-то сарай запирают преступника по произнесении над ним приговора и затем зажигают солому: от дыму и пламени несчастный сперва задыхается, а под конец сгорает. Кроме того, отсекают топором голову на плахе, иных вешают, других зарывают живых в землю по самые плечи, как описано уже выше. Но, несмотря на жестокость свою, эти казни совершаются там так тихо и без шума, что если они исполняются в одном конце города, то о них и не знают даже жители другого конца. Преступников, не заслуживающих смертной казни, наказывают кнутом: это длинная ременная плеть (бич), которой бьют по обнаженной спине так сильно, что наказываемый может умереть после нескольких ударов. Кара эта производится так: палач для этого выбирает из среды зрителей человека, по его мнению самого здорового и крепкого, и кладет ему на спину преступника таким образом, что руки его проходят через плечи этого случайного помощника палача и придерживаются на груди у него. Ноги преступника связывают веревкой, а прислужник палача держит голову за волосы; в таком положении преступнику дают столько ударов кнутом, сколько присуждено, и удары эти, ревностно наносимые, немедленно срывают кожу с обнаженной спины. Наказание батогами назначается за преступления не столь значительные. При этом наказании преступника кладут на землю ничком, и два человека садятся ему один на голову, а другой на ноги и держат таким образом до тех пор, пока палач не исполнит назначенного числа ударов батогами по спине. Когда делают преступнику допрос (пытают его), то его вздергивают на воздух (на дыбы) и бьют сказанным кнутом, потом раскаленным железом водят по ранам, происшедшим от ударов. Но самое мучительное наказание состоит в том, что преступнику выбривают маковку головы и каплют на нее по капле холодной водой. Наказание несостоятельных

должников или таких, которые отказываются удовлетворить своих заимодавцев, состоит в том, что их выставляют перед приказом и в несколько приемов дают им по три удара палкою по ногам. За долг во сто рублей, равняющихся пятистам наших гульденов, наказывают таким образом ежедневно, в течение целого месяца; за долги больше или меньше ста рублей наказывают, соразмеряясь с долгом, по тому же правилу. Когда и после этого должник не может рассчитаться с заимодавцем, то продают все его имущество и вырученными деньгами удовлетворяют заимодавца. Наконец, если и этого будет недостаточно для покрытия долгов, то самого должника с женою и детьми отдают заимодавцу в услужение, причем службу эту оценивают только в пять руб. в год за мужчину и в половину этого за службу женщины, и, кроме того, заимодавец обязан кормить и одевать служащих у него должников своих. В таком служении должники находятся, таким образом, до тех пор, пока долг их не покроеется вполне.

Полагают, что город Москва находится в середине, как бы в лоне страны, во ста двадцати немецких милях от границ во все стороны, в восьмидесяти шести милях от границ Польши и в четырехстах шестидесяти милях от границ государства Персидского, или от города Тарку, состоящего под владычеством московским, по сю сторону Каспийского моря. Мили эти измеряются количеством пешеходного пути, пройденного в добрый час времени. Кроме того, от Москвы до последней пограничной местности, находящейся во владении русского царя в Сибири, или до реки Аргуни, отделяющей владения эти от владений китайского хана, считается семь тысяч шестьсот верст, или тысяча триста двадцать миль, а оттуда до Пекина, столицы Китая,— две тысячи пятьсот верст, как это слышал я от г-на Эвергарда Избранта⁴⁵, совершившего туда путешествие в качестве посла его царского величества. Что касается Московской Руси вообще, то та ее часть, которая по-латыни называется «Черная Русь», иначе «Красная Русь» и иногда «Малая Русь», лежит на юг от Королевства Польского, между областями Полесьем, Волынью, Подолом, Трансильванией, или Седмиградией, Угрией и Верхней, или Малой, Польшей: это самая северо-восточная часть и вместе с тем самая обширная страна в Европе, находящаяся между Северным и Ледовитым морями, рекою Яиком, Каспийским морем, частью Волги, Крымской, или Перекопской, Татарией, Днепром, или Борисфеном, Великим княжеством Литовским, Ливонией, Эстони-

ей, Ингрией, королевством Швецией и Шведской Лапони-ей. Главные города ее суть: Москва, Владимир, Новгород, Смоленск, Казань, Булгар, Астрахань, Вологда, Псков, Рязань, Ярославль, Переяславль, Архангельск и Св. Николай. Это русское царство начало управляться с 1545 года великим князем и царем Иваном Васильевичем, умершим в 1584 году. В этом же году ему наследовал сын его, Федор Иванович, который скончался в 1598 году. После него тогда же Борис Годунов завладел престолом и умер внезапно в 1605 году. Ему наследовал сын его, Федор Борисович⁴⁶, царствовавший всего только три месяца и умерщвленный Лжедмитрием в 1606 году. Этот Лжедмитрий вступил на его место и после годичного царствования своего был сожжен русскими на берегу реки. За ним в 1610 <году> избран в великие князья Василий Иванович Шуйский, которого его же подданные выдали полякам через два года, а в 1613 году Михаил Федорович Романов возведен был на царство и царствовал тридцать два года, скончавшись в 1645 году. Ему наследовал сын его, Алексей Михайлович, умерший 29 января 1676 года, а за ним царствовал сын Алексея, Федор Алексеевич, который скончался 27 апреля 1682 года, не оставив по себе детей. Спустя несколько времени после кончины Федора русские возвели на престол брата его, Петра Алексеевича, а возмущившиеся стрельцы в том же году избрали и брата его, Ивана Алексеевича, которого и посадили на престол вместе с Петром. Но Иван Алексеевич умер 29 января 1696 года.

В России до 1700 года было одиннадцать патриархов, а именно: 1) Иов, 2) Гермоген, 3) Игнатий, которого, впрочем, не числят в ряду патриархов, потому что он был римско-католического исповедания, при Лжедмитрии, 4) Филарет, 5) Иоасаф, 6) Иосиф, 7) Никон, 8) Иоасаф, 9) Птирим, 10) Иоаким и 11) Адриан, умерший в 1700 г., после коего преемника ему нового не избрали и до сего времени.

В 1689 году в Москве было сорок четыре боярина, или государственных советника разных родов, а именно: двое бояр Черкасских, трое Голицыных, один Одоевский, трое Прозоровских, пять Салтыковых, трое Урусовых, трое Шереметевых, один Долгорукий, один Ромодановский, один Троекуров, один Репнин, один Волконский, один Козловский, один Бярятинский, один Щербатов, двое Головиных, один Шеин, двое Бутурлиных, один Пушкин, один Хилков, один Стрешнев, один Собакин, двое Милославских, двое Нарышкиных, один Соковнин, один Юшков, один Матюш-

кин. Все они — царские советники и заведовали различными делами государства.

Войска русского государя простираются обыкновенно до сорока шести или пятидесяти тысяч человек, кроме нескольких конных полков и копейщиков, получающих жалованье из царской казны ежегодно деньгами, хлебом и другими необходимыми вещами. В военное время призываются все русские дворяне, составляющие, таким образом, весьма солидное ополчение, доходящее до двухсот тысяч человек, включая в то число и их прислужников, которых многие из этих дворян имеют при себе по десять и даже двадцать человек, а менее значительные держат по три человека.

Главнейшие доходы России, о коих было уже говорено выше, получаются от мехов, хлеба, кожи, поташу, вайдовой золы⁴⁷, пеньки, рогож, щетины, дегтя или смолы, сала и проч., и проч. сырого товару. Много дохода приносят и кабаки, т. е. питейные дома, принадлежащие царю, в коих продаются водка, пиво и мед. Таможни также доставляют значительные доходы. Из Архангельска морем вывозят икру и карлек, т. е. пузырь рыбы стерляди, которая во множестве ловится в Астрахани и в других местах Волги. Этот карлек употребляют для очистки вина, но из него добывается и хороший клей. Он употребляется и красильщиками при окрашивании вещей.

Не лишним будет, кажется мне, прибавить здесь сведения о долготе дней и ночей в России. Равноденствие наступает здесь 8 сентября, и тогда дни бывают равны ночи (по 12 часов); но 24-го числа день имеет 11, а ночь — 13 часов. 10 октября день равен 10, а ночь — 14 часам, 26-го того же месяца день имеет 9, ночь — 15 часов. 11 ноября день — 8, ночь — 16 часов, 27-го того же месяца день — 7 часов и ночь — 17. 12 декабря день начинает прибавляться. 1 января день — 8 часов, ночь — 16. 17 января день — 9, а ночь — 15 часов. 2 февраля день — 10, а ночь — 14 часов, 18 февраля день — 11, а ночь — 13 часов, 6 марта — весеннее равноденствие, и дни равняются ночи. 22 марта день — 13, а ночь — 11 часов. 7 апреля день — 14, а ночь — 10 часов, 23 апреля день — 15, ночь — 9 часов. 9 мая день — 16, ночь — 8 часов, 25 мая день — 17, а ночь — 7 часов. 12 июня дни начинают убывать. 6 июля день имеет уже 16, а ночь — 8 часов. 22 июля день — 15 часов, а ночь — 9. 1 августа день — 14, а ночь — 10 часов. 23 августа день имеет уже 13, а ночь — 11 часов и так далее.

Перемены в обычаях страны.

Торжественные ворота, воздвигнутые в Москве.

Торжественный въезд царя
по случаю взятия Хотенбурга⁴⁸

Время произвело великие перемены в этом государстве, в особенности со времени возвращения царя из путешествия. Прежде всего он повелел изменить род одежды, как мужской, так и женской, и особенно распоряжение это касалось до придворных лиц, которые исправляли там различные должности, кто бы они ни были, даже самые дети. Таким же образом стали одеваться и русские купцы, и другие русские люди, так что по одежде их нельзя отличить от наших соотечественников. В этот же год обнародован был указ, воспрещавший всем русским выходить за городские ворота не в польском кафтане или не в нашей (голландской) одежде, чулках и башмаках. Иностранные слуги первые обязаны были исполнять этот указ, за нарушение коего стража срывала их с запяток саней и взыскивала с них известную пеню, после чего и отпускала их; но указ этот не касался ни крестьян, ни сельских жителей вообще. Так как перемена со временем может совершенно изгладить даже из памяти старинную русскую одежду, то я и изобразил на полотне одежду девиц, представив одну вполоборота, чтобы лучше можно было видеть украшения назади головы. <...>

Надо заметить, что открытая прическа обозначает девицу, потому что было бы бесчестием для замужней женщины, если б она явилась с непокрытой головой. Женщины носят на голове меховую шапочку, сверху гладкую, а снизу круглую, со всех сторон остроконечную, наподобие короны, и усеянную драгоценными камнями, равно как и самый ее верх. Шапочка эта назади несколько длиннее, чем спереди, и имеет два острых конца. Называется она треух.

Головной убор девиц... который также имеет вид короны и усеян жемчугом и брильянтами, называется перевязкою. Некоторые привязывают к этому убору ленты, называемые связки. Украшение, носимое девицами на шее, называется ожерелье, а в ушах — серьгами. Верхняя одежда их, подбитая мехом, называется шубой, нижняя — телогрейкой, или сарафаном, сорочка — рубахой. Рукава в рубахе у них до того широки и собраны в складки, что на них идет от шестнадцати до семнадцати аршин полот-

на. Браслеты или украшения на руках называются у них зарукавья. На ногах они носят так называемые чулки, которые обыкновенно не подвязывают, а обувь их, из красной или желтой кожи, с весьма высокими каблуками и острыми носками, называется башмаками.

Кроме описанной перемены в одежде, русским приказано было брить бороды; но усы носить дозволяется, хотя придворные чины и другие лица не носят уже и усов. Для того же, чтобы приказание это исполнялось в точности, заведены были особые бородобреи, чтобы они брили бороды без различия всем тем, кого встретят с бородою. Многим из русских распоряжение это казалось до того горьким, что они старались подкупить деньгами тех бородобреев, которым поручено было брить всех; но это не помогало, потому что вслед за тем они попадали на другого бородобрея, который не соглашался ни на какой подкуп. Такое бритье совершалось даже за столом царя и везде в другом месте, даже над самыми знатными вельможами. Невозможно выразить скорбь, какую причиняло это бритье многим русским, не могшим утешиться оттого, что они потеряли бороду, которую они так долго носили и которую считали признаком почета и знатности. Есть и теперь еще много таких, которые дали бы бог знает что за то, чтобы отбыть такого несчастья.

Перемены в одежде не так значительны между женщинами, за исключением знатных особ, которые носят вообще наряды и платья, употребляемые у нас.

Вначале, для приведения распоряжения об одежде в исполнение, нужно было выписать из заграницы шляпы, башмаки и другие необходимые вещи. Но так как это было неудобно и дорого, то русские сами стали было делать шляпы. Сначала это самоделье шло довольно плохо, но потом они усовершенствовались, когда выписали иностранных мастеров и стали учиться у них: я уже упоминал, что русские — искусные подражатели и любят поучиться.

В этом же году сделано было похвальное распоряжение относительно нищих, мужчин и женщин, шатающихся во множестве по московским улицам, которые тотчас окружают вас со всех сторон, как только вы остановились в лавочке и хотите купить что-нибудь. При этом особенно неприятно то, что в толпе этих нищих замешиваются часто воры, которые обрезают кошель с деньгами, и совесть русских как-то легко выносит подобные проделки. Желая уничтожить это зло, его величество запретил нищим просить по улицам милостыни; с другой же стороны,

он запретил всем без исключения и подавать милостыню, под опасением взыскания пени в пять рублей, или двадцать пять гульденов. В то же время, чтоб обеспечить существование бедных, заведены близ каждой церкви — как внутри, так и вне Москвы — богадельни, на содержание которых царь приказал отпускать ежегодно жалованье. Таким образом уничтожено было это великое неудобство, ибо нельзя было выйти из церкви без того, чтобы толпы нищих не преследовали вас с одного конца улицы до другого. Мера эта имела еще и то доброе последствие, что многие бездельные бедняки стали работать из опасения попасть в богадельню, ибо нищие, естественно, не любят труда и не смотрят на нищенство как на постыдное дело. Это напомнило мне одно происшествие, которое не лишним нахожу рассказать здесь.

Однажды в гостиницу, в которой я жил, пришел один молодой парень, который попросил милостыни у одного господина, тоже живущего в той гостинице. Господин спросил его, отчего он не старается доставать себе средства к жизни какую-нибудь работой или поступлением куда ни есть в услужение. Парень ответил, что его никогда ничему не обучали, а в услужение никто его не берет. Купец (это был он), видя честную наружность парня, сказал ему: не хочет ли он служить у него? Что он готов принять его к себе в услужение, если только он будет прилежно исполнять свою должность и если притом он представит кого-нибудь, кто бы поручился за него. Такое поручительство необходимо и совершенно обыкновенно в этой стране, и без оногo нельзя и всчинять иска в случае, если нанятый слуга обворует хозяина. Бедняга отвечал, что он не знает никого, кто бы мог за него поручиться, но что бог да будет его порукой и он призывает его в свидетели, что будет честно служить хозяину. Купец удовольствовался этим, взял себе в услужение парня, который и действительно верно служил ему. Между тем случилось, что в этом доме он довольно близко сошелся с одною служанкой, которая и забеременела от него. Как только служанка заметила свою беременность, тотчас же открылась в том ему и советовала ему жениться на ней, потому что он был первый, лишивший ее невинности. Хотя парень и не очень-то был склонен на женитьбу с нею, потому что она была гораздо старше его, но, наконец, чувствуя себя обязанным исполнить данное им ей обещание, а с другой стороны, помышляя об ответе, который он должен дать в поступке своем перед порукой своим, богом, он пришел к заключению, что должен уступить поневоле, и обещал служанке женить-

ся на ней. Он и действительно женился на ней и стал промышлять небольшою торговлей на деньги, заслуженные им у своего хозяина. Торговля ему так повезла, что теперь он имеет уже одну из лучших суконных лавок в Москве, и богатство его считается уже до тридцати тысяч гульденов. Он живет с своей женой очень согласно; но так как ей уже шестьдесят лет, а бывшие у них дети все перемерли, то он уговаривает ее поступить в монастырь, где он и содержал бы ее, с тем чтобы самому вступить в новый брак, иметь опять детей, чего русские законы не возбраняют; но старуха жена до сих пор не решилась уступить его просьбе.

Преобразования, о которых я говорил выше, проникли и в приказы, или канцелярии, где все деловые бумаги ведутся теперь таким же образом, как у нас, голландцев. Царь обратил на это заботливое свое внимание, равно как и на все то, что считает он благом государства, в котором ничего не делается без его участия или веденія и все дела проходят через его руки. С чрезвычайным старанием он укрепил уже Новгород, Псков, Азов, Смоленск, Киев и Архангельск, и, несмотря на громадные издержки, которые он должен был употребить на эти укрепления, в его казне все-таки находится около трехсот тысяч рублей, собранных его старанием и добрым хозяйством, как это объявил мне однажды сам царь и что впоследствии подтвердили мне многие другие лица, и все это невзирая на расходы по войне, устройству кораблей и других потребностей государства. Правда, что построение кораблей делается на общественный счет, и каждая тысяча душ крестьян обязана доставлять все, что нужно для постройки одного корабля и всего, относящегося до этой постройки.

Крестьяне в России суть крепостные его величества, разных бояр, дворян и монастырей. Эти последние владеют большим числом душ, в особенности Троицкий монастырь, о котором было уже говорено выше.

Таким образом, подданные этого государя должны молить бога о продлении его жизни и ниспослании благословения на его царствование для того, чтобы все более и более преуспевали в познании множества полезных вещей. Они даже могут надеяться на это благословение божие, потому что наследный царевич, будучи всего четырнадцати лет, следует уже по пути своего отца и проявляет в этой нежной молодости много здравого смысла и замечательные способности. Царь и прилагает особенное старание об его воспитании, обучая его для этого латинскому и немецкому языкам.

14 сентября привели в Москву около восьмисот шведских пленных — мужчин, женщин и детей. Сначала продавали многих из них по три и по четыре гульдена за голову, но спустя несколько дней цена на них возвысилась до двадцати и даже тридцати гульденов. При такой дешевизне иностранцы охотно покупали пленных, к великому удовольствию сих последних, ибо иностранцы покупали их для услуг своих только на время войны, после которой возвращали им свободу. Русские тоже купили многих пленных, но несчастнейшие из них были те, которые попали в руки татар, которые уводили их к себе в рабы в неволю, — положение самое плачевное.

20 сентября получено было известие о взятии войсками его величества Нотенбурга, который сдался на известных условиях после троекратного приступа. 23-го числа служили в церквах благодарственный молебен по поводу этого завоевания.

К концу месяца стал выпадать первый снег, и в начале октября начались морозы; но вскоре за ними пошли дожди, затянувшиеся, как и до того, на довольно продолжительное время.

В этом году в Архангельск прибыло очень много купеческих кораблей, так что насчитывали их до 154, а именно: 66 английских, в сопровождении четырех военных кораблей; столько же голландских, с тремя военными же кораблями, 16 гамбургских, 4 датских и 2 бременских. Впрочем, из английских было много небольших судов с незначительным грузом.

В середине ноября река Яуза замерзла позади нашей слободы, и многие немцы, а также некоторые русские катались по ней на коньках, так как снегу еще не было. Я приказал сделать ручные санки, какие употребляются при этом у нас в Голландии, и воспользовался случаем провезти с ними на коньках одну госпожу, что представляло зрелище, до тех пор здесь невиданное. В продолжение тридцати двух лет это был второй только случай моего катанья на коньках, и я нашел, что нелегко забывается то, чему однажды хорошо выучишься. Но удовольствие это продолжалось недолго, ибо на другой же день стал падать снег.

23 того же ноября сгорел до основания Посольский приказ в Кремле, и пожар этот произвел большое смятение.

В начале декабря получено было известие, что царь прибыл в город Пешик⁴⁹, в девяноста верстах от Москвы. Оттуда он отправился на дачу господина Лофкрейлиса⁵⁰,

дяди его, в тридцати верстах от Москвы,— зовется она Сальников, и, наконец, поближе, к князю Михайлу Яковлевичу Черкасскому, губернатору Сибири; это последнее находится в семи верстах от Москвы и называется Никольское.

Тогда стали готовить все необходимое для въезда его величества. Большая часть иностранных купцов получила приказание доставить большее, против обыкновения, число лошадей, с прислужником, одетым в немецкое платье, чтобы везти пушки, взятые у шведов. Иностранные министры, наш резидент, английский консул и несколько купцов на следующий же день по получении сказанного известия отправились в Никольское на поклон к царю, возвратились оттуда рано утром на другой день. Это было 4-го числа, именно в тот день, когда назначен был въезд царя. Для этого приготовлено было немецкое платье на восемьсот человек и построены из дерева двое триумфальных ворот на Мясницкой улице. Первые ворота были внутри Красной стены, насупротив Греческого монастыря, близ типографии и дома фельдмаршала Шереметева: вторые — в Белой стене, подле приказа Адмиралтейства, в четырехстах шагах от первых. Улицы и предместье полны были народа, собравшегося поглядеть на торжество. Я проехал город и выехал из него, чтобы видеть весь торжественный въезд процессии с самого его начала. Я прибыл в то время, когда шествие приостановилось на время, для того чтобы все привести в надлежащий порядок, причем распорядился всем сам царь лично. Он был на ногах уже, а не на коне, и я приблизился к нему, чтобы приветствовать его, поздравить с благополучным возвращением. Поблагодарив, он обнял меня, поцеловал и, казалось, был доволен, что нашел меня еще в своих владениях. Затем он взял меня за руку и сказал: «Пойдем, я хочу показать тебе несколько корабельных флагов». Затем прибавил: «Ступай теперь туда далее и снимай все, что только пожелаешь». В то время, как я был занят этим, вдруг ко мне подходит какой-то русский господин в сопровождении нескольких прислужников и выхватил у меня из рук бумагу, на которую я снимал. Он подозвал к себе потом одного немецкого офицера, чтобы объяснить со мною и узнать, что это я такое делаю. Когда же он узнал, что снимаю по приказанию его величества, то он тотчас же возвратил мне начатый мною снимок, который я и окончил: без дозволения царского снимать что-либо было бы невозможно.

Шествие происходило следующим образом: впереди шел полк гвардии в восемьсот человек, под начальством

полковника Риддера, родом немца. Половина этого полка, шедшая впереди, одета была в красное, по-немецки, а другая половина — по-русски, потому что за недостатком времени не успели покончить им новые платья. Между теми и другими шли пленные шведские солдаты и крестьяне, попеременно, по три в ряд, в семи отрядах, от восьмидесяти до восьмидесяти четырех человек в каждом, составляя, таким образом, около пятисот восьмидесяти человек, окруженных тремя ротами солдат. За этими вели двух прекрасных подручных лошадей, и шла рота гренадер, одетых в зеленые кафтаны с красными отворотами, на немецкий покрой, за исключением шапок, обшитых медвежьим мехом, вместо шляп. Это были первые гвардейские grenадеры. Далее шли шестеро с бердышами, пять гобоистов, наигрывающих весело, и шесть офицеров. Потом его величества Преображенский полк, числом в четыреста человек, одетых в новые немецкие кафтаны из зеленого сукна, с красными отворотами, и в шляпах, обшитых серебряным белым галуном. Царь и господин Александр были во главе этого полка, предшествуемые девятью немецкими флейтщиками и несколькими превосходными подручными лошадьми. Затем следовал отряд Семеновского полка, также гвардии его величества, одетый в голубые кафтаны с красными отворотами. Далее несли знамена, взятые у шведов. Впереди — два знамени, в сопровождении большого третьего, которое несли четыре солдата и которое водружено было на Нотенбургской крепости. Потом пять корабельных флагов и двадцать пять знамен синих, зеленых, желтых и красных, из коих каждое несли два солдата. На большей части этих знамен изображено было по два золотых льва с короною наверху. За знаменами следовали сорок пушек, из которых каждую везли четыре или шесть лошадей, все одной масти; четыре большие мортиры и пятнадцать полевых чугунных орудий — больших и малых, потом еще мортира и четырнадцать тяжелых полевых чугунных орудий, чрезвычайно длинных; каждое из них везли от шести до восьми лошадей. За всем этим везли деревянный ящик, наполненный поварской посудой; далее — десять саней с ружьями, три барабана и еще сани с кузнечным прибором и огромным мехом. Далее шли пленные офицеры — сорок человек, каждый между двумя солдатами, и наконец, несколько саней с больными и ранеными пленными в сопровождении нескольких русских солдат, которые и замыкали шествие.

Был уже час пополудни, когда шествие это вступило в город. Прошед в Тверские ворота, лежащие на север, оно

приблизилось к первым Триумфальным воротам, и когда первый полк прошел через эти последние, его величество приостановился на четверть часа, чтобы принять поздравления от духовенства и подкрепить себя закуской. Так как улица здесь была широкая, то Триумфальные ворота состояли из трех арок, или проходов: в середине — большой и по бокам — два поменьше, которые и примыкали к стене. Все ворота были увешаны коврами, так что плотничной работы совсем не было видно. Наверху ворот устроена была вислая площадка, на которой стояли, по два в ряд, восемь молодых юношей, великолепно разодетых, сливавших свое пение с музыкой. Ворота увешаны были гербами, из коих некоторые имели иносказательные изображения с приличными подписями. Посверх стоял огромный орел и множество знамен. Лицевые стороны домов, находящихся по соседству с Триумфальными воротами, также все увешаны были коврами и украшены изображениями, а на вислых крыльцах их развевались флаги лент, стояли музыканты, и гремела музыка на всевозможных инструментах, которым подтягивал и орган, что все производило гармонию чрезвычайно приятную. Улицы усыпаны были зелеными ветками и другою зеленью в том месте, где находились разные господа. Княжна, сестра его величества, царица и княжны ее, три молоденькие дочери, в сообществе множества русских и иностранных госпож помещались поблизости, в доме Якова Васильевича Федорова, чтобы хорошо видеть это торжественное шествие. Сделавши приветствие княжнам, царь продвинулся ко вторым Триумфальным воротам, точно так же, как и первые, разукрашенным. Прошедши в этом месте город, он направился далее, через Мясницкие ворота, к Немецкой слободе. Когда царь прибыл сюда, в слободу, к двору голландского резидента, последний поднес ему вина, но царь отказался и потребовал пива, стакан которого и имел честь поднести ему я. Он только отхлебнул пива и продолжал свое шествие в Преображенское. Когда он вышел из слободы, стало уже темно; его величество сел на лошадь и поехал в сказанное Преображенское, чем и окончилось это торжество.

Хотя народу было бесчисленное множество, собравшегося отовсюду в Москву поглядеть на шествие, но, сколько я знаю, не произошло никакого несчастья и все обстояло в порядке и спокойно, к удовольствию всех и каждого, несмотря на то что улицы были загромождены разного рода временными постройками.

Освящение Измайловского дворца.

Подарки, принесенные туда.

Убийство одного французского хирурга.

Обычаи русских при браке, рождении, погребении, свадьбе, а также и обычаи между иностранцами, проживающими в Москве

12 декабря царь совершенно неожиданно приехал в 10 часов утра обедать к г-ну Лупу, прибывшему накануне из Архангельска. Не зная, что там царь, я также отправился туда для поздравления этого купца с благополучным возвращением. Его величество, бывший только с двумя русскими придворными, увидев меня, приказал мне войти к нему. Я принял смелость поднести ему несколько стихов, набросанных мною по случаю взятия Хотенбурга, прося его извинить недостатки, потому что я вовсе не поэт, и смотреть на мое приношение как на выражение моей преданности и моей радости об его завоевании. Государь принял их очень благосклонно и приказал мне рассказать г-ну Лупу подробности вшествия царского в Москву, что я исполнил, к удовольствию его величества. Затем выпили по несколько полных стаканов за продолжение новой славы, приобретенной его величеством. В 2 часа царь возвратился домой.

19-го числа я получил приказание царицы (императрицы) доставить в Измайлово три портрета, сделанные мною вторично с молодых княжен во весь рост. Их высочества отправились из Москвы, должно быть, в одно время со мною, потому что они только что вышли из кареты, как и я прибыл туда. Брат императрицы ожидал уже их с несколькими священниками, для того чтобы торжественно ввести их в Измайловский дворец, вновь отстроенный минувшим летом, потому что старый совсем разрушился. Это был день, в который освящали новый дворец, прежде чем двор войдет в него. Доложивши о себе, я получил приказание подождать в первом покое, где я нашел множество придворных девиц. Пол устлан был сеном в этом покое, и в правой стороне его находился большой стол, уставленный большими и малыми хлебами, и на некоторых из сих хлебов лежали пригоршни соли, а на других — серебряные солонки, полные соли. По обычаю русских, родственники и знаемые тех, которые переезжали в новый дом, как бы посвящали его некоторым образом солью, и даже в продолжение нескольких дней сряду. Это приношение соли (и

хлеба) было в то же время знаком всякого успеха, желаемого новым жильцам, желания, чтобы они никогда не нуждались ни в каких необходимых для жизни вещах. Даже тогда, когда русские переменяют жилище, то они оставляют на полу в том доме, из которого выезжают, сено и хлеб, как бы в знак благословений, которые они желают тем, которые будут жить в этом доме после них.

Стены покоя, в котором я находился в ожидании, украшены были над дверями и окнами семнадцатью различными изображениями греческого письма, на которых были представлены важнейшие святые русских, которых они обыкновенно помещают в первом покое. Это, впрочем, не мешает, чтобы изображения эти находились и в других внутренних покоях. Брат царицы стоял у входа второго покоя вместе со многими другими господами и несколькими священниками, которые, также стоя, держали в руках книги и пели духовные песнопения. Царица, окруженная несколькими боярынями, находилась в третьем покое во все время богослужения, продолжавшегося добрых полчаса. Когда служба кончилась, меня провели в один обширный покой обождать там, куда вскоре вошла и эта государыня, которой я пожелал всякого благополучия через переводчика, бывшего подле меня. Она взяла меня за руку и сказала: «Я желаю показать тебе несколько покоев», — с такой очаровательною добротой, какой я никогда не замечал в особе ее сана. Затем она приказала одной придворной девице налить мне небольшую золотую чарку водки, которую и подала мне сама, сделав мне затем честь, дозволив поцеловать ее руку, чего удостоили меня и молодые княжны, бывшие также здесь. После этого царица отпустила меня, приказав явиться к ней через три дня; затем я и удалился.

Так как приближался праздник рождества Христова, то я принял смелость поднести в дар царице сделанное мною изображение рождества Иисуса Христа и несколько четок, вывезенных мною из Иерусалима, и я просил ее принять то и другое вместо хлеба и соли. (Я тоже поднес четки и молодым великим княжнам.) Она, казалось, была очень довольна и отблагодарила меня, сделав же, в свою очередь, мне дорогой подарок — перстень, а четки для молодых княжен приказала мне самому отнести к княжнам. Я нашел этих последних за столом в другой комнате, где я и вручил им свой подарок и возвратился потом опять в покой царицы. Одна из княжен пришла туда же вслед за мной и поднесла мне небольшую чарку водки, а потом и большой стакан вина, после чего я удалился, нижайше отблагодарив их.

25-го числа русские отправляли праздник рождества Христова по своему обряду, и царь начал делать обычные посещения своим друзьям, так же как и в прошлом году.

Под исход года время настало дождливое, отчего дороги сделались до того дурны, что купцы и другие путешественники из Архангельска и других мест оставались по пяти и шести дней в дороге долее против обыкновенного. Давно уже не видали зимы, подобной нынешней. Но в начале января, с новым годом, погода вдруг переменялась: сделалось ясно и настали жестокие морозы. В первый день нового, 1703 года деланы были приготовления, необходимые для потешных огней, по случаю взятия Нотенбурга. Потешный огонь сожжен был на берегу Москвы-реки, позади Кремля, в месте, называемом «Царский луг», с которого, по старинному обычаю, в известный день в году приносилось сено (трава) в храмы. Огонь этот отличался от предшествовавшего только иносказательными изображениями.

На следующий день его величество посетил г-на Брантса в сопровождении двухсот особ, которые все вместе с его величеством были угощаемы в зале нижнего жилья при звуках труб и литавр. Между прочими вещами нам показывали там одну шпагу чудовищной величины, длиной в пять с половиной футов и шириной в три с половиной дюйма, с ножнами соответственной же величины, и шпага эта весила с ножнами более тридцати фунтов. Тот господин, которому она принадлежала, обнажил ее по моей просьбе, и оказалось, что она была обоюдоострая. Лезвие ее, впрочем, было довольно легкое и соответственно с тяжестью рукоятки или чашки. Будучи в ножнах и опущенная концом на землю, шпага эта была так тяжела, что довольно сильный человек с трудом поднимал ее одною рукою. Мы в числе трех человек пытали это один после другого, не желая вовсе польстить ее владельцу. Владелец же этот был сын последнего воеводы астраханского, по имени Петровского⁵¹, убитого стрельцами, сбросившими его с высоты башни. Сын же этот был еще ребенком, когда это случилось, и расвирепевшие стрельцы было и его повесили за ноги и сняли только через двое суток. Такое истязание изувечило его ноги, так что и теперь он почти не владеет ими. Впрочем, немного они все-таки служат ему, при помощи приспособленных к его ногам башмаков и костылей под мышками.

К вечеру явился тот, кто представляет патриарха, в священническом плаще и распевая под звон колокола. Это было знаком для того, чтоб расходиться: его вели-

чество тотчас же удалился со всем своим обществом доканчивать посещения, которые он хотел еще сделать. 6-го числа праздновали крещение, точно таким же образом, как и в прошлом году, с тою только разницей, что в этот раз не было уже в ходу такого множества духовенства. Также не несли и такого количества шапок, о каком говорили мы в прошлом году, так что можно полагать, что со временем будет еще больше перемен в отношении подобных торжественных ходов.

20-го числа царь прислал приказ важнейшим русским господам, господам и многим другим особам в числе трехсот человек явиться в Измайлово в 9 часов утра. То же самое предписано было и иностранным послам, большей части купцов и супругам их; таким образом, должно было собраться до пятисот человек, из которых каждому предложено было непременно принести царице подарок при ее поздравлении. Подарки эти состояли обыкновенно в разных изящных вещах и редких изделиях, золотых и серебряных, в великолепных медалях и тому подобных вещах, смотря по желанию каждого. Но прежде поднесения подарков их записывали в книгу, с обозначением имени каждого приносившего дар, а затем вручали их в руки одной из молодых княжен, которая дозволяла после этого целовать приносителю руку свою. Большая часть бояр и боярынь, вручавших вначале свои подарки, разъехались по домам, остальных же пригласили к обеду. После обеда были пляски и веселились до полуночи, после чего уже разошлись.

В ту же ночь в Москве случилось печальное происшествие на свадьбе у капитана Стата. На свадьбе этой два лекаря плясали со своими женами, как вдруг явились туда и два офицера, которые вздумали было отнять у мужей их жен, с тем чтобы самим поплясать с ними. Произошла ссора, кончившаяся тем, что один из офицеров, состоявший на службе его величества, по имени Бодон, обнажил шпагу и проколол ею насквозь одного из лекарей, называвшегося Гарре, родом француза. Не имея ничего для обороны, лекарь упал и тут же умер. В то же время другой лекарь, по имени Гови, ранен был другим офицером, капитаном Саксом. Почувствовав рану, Гови зажал ее пальцем и обратился было в бегство, но капитан погнался за ним и заставил его вбежать опять в свадебную комнату, где он и упал без чувств подле своего товарища. Но здесь один из друзей Гови, уняв кровь, истекавшую у него из раны, привел его в чувство. Названные офицеры до этого еще стали было приставать к господам, что один из быв-

ших там лекарей, схватив шпагу, а другой, вооружившись стулом, заставили их удалиться из комнаты. Раздраженные сим офицеры снова ворвались в комнату, сделали вторичное нападение на сказанных лекарей и тут-то, на глазах всего общества, совершили описанное выше убийство. Нетрудно представить себе всю сумятицу и ужас, какой произвело это происшествие. Пользуясь суматохой, офицеры скрылись и были взяты только через два уже дня и заключены под стражу. Полковник их, сам бывший свидетелем убийства, уговорил слугу своего разными льстивыми увещаниями принять преступление на себя и заявить, что это будто бы он нанес смертельный удар, обещая ему за то прощение и свое покровительство. Этот невинный слуга поддался на это и принял на себя всю вину. Однако ж, когда его призвали к допросу, он признался во всем и указал действительного убийцу, но было уже поздно, как увидим это ниже, в своем месте.

В это время царь порешил отправиться в Воронеж в сопровождении нескольких русских вельмож и нескольких немцев, которые и получили приказание изготавиться к этой поездке. 25-го числа я также получил приказание через г-на Кинзиуса, который объявил мне накануне еще, что его величество желает, чтобы я до моего отбытия из его государства взглянул на эту местность, на имевшиеся там корабли и на все, достойное там примечания. Я принял повеление и приготовил все необходимое мне для такого путешествия.

Между тем приблизилось время бракосочетания боярина Ивана Федоровича Головина⁵², сына Федора Алексеевича Головина, первого государственного министра, с госпожою <Анною> Борисовною Шереметевой, дочерью Бориса Федоровича Шереметева, фельдмаршала, который отправляем был его величеством во многие посольства, и особенно к венскому двору, где он приобрел большое расположение и получил Мальтийский орден.

Так как бракосочетание это имело некоторые особенности и так как оно происходило между двумя особами, знатнейшими в государстве, то я приведу здесь отдельное его описание. Совершалось оно 28-го числа того же месяца во дворце боярина Федора Алексеевича Головина, с нарочным великолепием для того убранном. Это деревянное здание, хорошо сложенное по правилам искусства, со множеством прекрасных покоев, высоких и низких, лежит не-вдалеке за Немецкой слободой, на другой стороне реки Яузы. В отличном порядке там расставлено было множество столов в одном верхнем громадном покое, в кото-

ром гремела и музыка. В другом смежном покое приготовлен был стол для сестры его величества, царицы и трех юных княжен; для множества придворных девиц и для многих русских господ и госпож — особый стол. Собралось туда и множество любопытных зрителей. Около 11 часов молодой вышел один в приемный покой, что на левой руке, где принимал поздравление от господ, которых угощали, по его приказанию, очищенной. В 12 часов ему доложили, что время идти к месту венчания, куда он и отправился, сопровождаемый звуками труб и литавр, ожидавших его у входа. Местом венчания была небольшая дворцовая часовня, находившаяся в нескольких шагах от дворца. Трудно было бы воспроизвести все великолепие этого торжества. В нем его величество принял на себя обязанность распорядителя (маршала) и везде присутствовал лично сам. Как только жених прибыл в часовню, послали за невестой в дом покойного г-на Гутмана, в Немецкой слободе, насупротив Голландской церкви. Дом этот уже несколько времени уступлен был, по приказанию его величества, фельдмаршалу, отцу невесты. В него невеста была накануне еще препровождена из Москвы. Все русские и немецкие господа, приглашенные на свадьбу, также отправились для сопутствования невесты, которую приняли следующим образом: первым ехал литавщик верхом на белой лошади, сопровождаемый пятью трубачами, на таких же лошадях — впереди три, позади два. Затем следовали шестнадцать дворецких, избранных из русских и иностранцев, все на прекраснейших конях. Потом ехал его величество в отличной голландской карете, с шестернею лошадей, серых с яблоками. За ним — пять пустых карет, также шестерней каждая; далее — коляска шестерней для невесты и некоторых других боярынь. Между тем княжна, сестра его величества, царица и три молодые княжны отправились в брачный дворец в каретах, но не колесных, а на полозьях, вроде саней, каждая в особой, и в каждой из этих карет или саней запряжено было тоже по шесть лошадей. Кроме того, тут ехало множество придворных девиц. Спустя полчаса появилась невеста с девицами, которые сопровождали ее и которые размещены были в помянутых выше пустых каретах. Когда невеста приблизилась ко дворцу, ее встретили там два боярина, представлявшие ее (посаженых) отцов. В эти должности избраны были один русский боярин и г-н Конигсег, посланник польский; оба они приняли невесту за руку и повели ее в часовню, где она и заняла место подле своего жениха. За невестой следовали княжна, сестра его величества, моло-

дые княжны и другие придворные девицы, и все эти особы остановились у входа в часовню. Несколько русских и немецких девиц разместились по сторонам часовни, потому что самая часовня была так мала, что могла вместить в себе лишь от десяти до двенадцати человек. Из вошедших внутрь часовни были его величество, царевич, жених и невеста, два отца (посаженых) и двое или трое русских господ. Так как мне любопытно было поглядеть на этот обряд, то я поместился позади жениха. Он был одет в великолепное немецкое платье, так же как и его невеста, на которой было белое атласное, шитое золотом платье, а головная прическа вся убрана брильянтами. Назади у нее, под бантом из лент, висела толстая коса, по моде, бывшей долгое время в употреблении в Германии. Кроме того, на маковке головы у нее была маленькая коронка, усеянная тоже брильянтами.

Когда начался обряд, священник стал перед брачащимися и начал читать книгу, которую держал в руке, после чего жених надел кольцо на палец своей невесты. Тогда священник взял два гладких венца, раззолоченные на диво, дал их поцеловать брачащимся и затем возложил их на головы жениху и невесте. Затем он снова начал читать и, соединив правые руки жениха и невесты, провел их таким образом троекратно вокруг по часовне. После этого священник взял чашку с красным вином, которого и дал выпить жениху и невесте. Эти последние, отпивши вина, возвратили чашку священнику, который и передал ее служившим при нем. Его величество, расхаживавший во все это время с маршальским жезлом в руке, видя, что священник снова принялся читать, приказал ему сократить обряд, и минуту спустя священник дал брачное благословение, а его величество приказал тут жениху поцеловать невесту. Невеста обнаружила сначала некоторое сопротивление, но по вторичному приказанию царя она повиновалась и поцеловалась с женихом. После этого отправились прежним порядком в свадебный дом. Во все время обряда венчания царица и придворные девицы стояли у окон, выходивших к часовне.

Немного спустя сели кушать: молодой — меж мужчинами, а молодая — меж женщинами, за общим столом в большом покое. Свадебный пир продолжался три дня сряду, которые проведены были в пляске и в других всевозможных удовольствиях. На третий день угощали дворецких. Свадьба эта особенно отличалась от прочих, случающихся у простых людей, описывать которые считаю бесполезным, потому что они не раз описаны были другими еще прежде меня.

Остановившись достаточно на описании бракосочетаний, перехожу к обрядам при рождении и погребении.

Как только родится у кого дитя, тотчас посылают за священником, чтобы отправил молитву очищения. Но очищение это простирается тоже и на всех присутствующих при молитве, у которых священник спрашивает имена и которых благословляет. К новорожденному не впускают никого прежде священника. По прибытии священника новорожденному дают имя по имени того святого, память которого празднуется за восемь дней до рождения или через восемь дней по рождении дитяти. В то же время ребенка причащают Св<ятым> Таин<ством> по их обыкновению еще прежде крещения его, что в особенности делается у людей значительных. Крестят охотнее новорожденных по истечении пяти или шести недель, когда они здоровы и крепки. При рождении мальчика мать берет очистительную молитву через пять недель, для чего она отправляется в церковь, а при рождении девочки — через шесть недель. Тогда же избирают (для крещения) крестных отца и мать, которых и не переменяют уже впоследствии. Эти крестные отцы и матери не могут вступать между собою в брак, и невозможность эта простирается даже до третьей степени духовного родства.

При похоронах или погребении русских, особенно у знатных людей, все друзья покойного обоого пола провожают тело, даже и не приглашаемые к тому. Покойника кладут в гроб, который несут на носилках от четырех до шести человек; гроб покрывается богатым погребальным покровом, а верх, который следует впереди тела, обивается сукном подешевле. Женщины, ближайšie к покойному, поднимают громкие вопли и причитания, по греческому обычаю. <...> Священники также громко поют похоронные песни; но у простолюдинов вообще все это совершается с гораздо меньшею торжественностью.

Обряды иностранцев в России отличаются от описанных выше. Вообще ни при рождении, ни при бракосочетании обряды эти не отличаются от тех, которые соблюдаются у нас; но этого нельзя сказать относительно празднования свадеб, которые справляются там с большею, чем у нас, торжественностью. Желанных гостей приглашают обыкновенно двое дворецких, которые в зимнее время разъезжают для этого в богатых санях на паре лошадей, разукрашенных лентами. Впереди этих дворецких едут обыкновенно двое верховых, а позади их, на запятках саней, стоят двое слуг. Число званых гостей бывает обыкновенно

венно от ста до ста пятидесяти, а иногда и больше, смотря по тому, сколько найдут нужным и сколько налицо русских господ и госпож, которых приглашают. Маршал считается главою всех присутствующих на свадьбе. Он держит в руке большой жезл, увешанный на конце лентами, как знак его власти. При помощи дворецких, которых обыкновенно бывает двое, он начинает и провозглашает здоровье всех. Кроме того, есть еще четыре, шесть или восемь поддворецких, которые обязаны приготовить дом, убрать его обоями и снабдить всем необходимым. Они помогают также дворецкому и в прислуживании гостям. Их можно узнать по прекрасной ширинке на правой руке, такой же, как и у дворецкого, с тою только разницей, что у дворецкого она богаче. Ширинки эти повязывают им свадебные девицы, подружки невесты. Девицы эти вводятся в зал, где празднуется свадьба, с большой торжественностью, под звуки множества инструментов. Кроме того, с той и другой стороны, в честь жениха и невесты, выбирают двух отцов, двух матерей, двух братьев и двух сестер, которых и вводят в зал таким же образом. Затем садятся за стол, где всякому место заранее назначено. Крайчий⁵³ помещается между двумя подружками, напротив невесты, и подружки и ему также повязывают на руку ширинку. Жениха сажают между отцами и братьями, а невесту — между матерями и сестрами. После стола угощают, в другой уже комнате, маршала, дворецких и крайчего. Затем — пляска, которую открывает маршал с невестою; после этого он просит других госпож плясать с дворецкими. За сим пляшут отцы с матерями, потом братья с сестрами и, наконец, жених с невестою и две-три других пары. По окончании этих плясаний маршал кричит: «Вольно!» — и тут уже пляшут, кто хочет. Такие свадебные празднества продолжаются обыкновенно три дня сряду, и в последний день подружки невесты угощают маршала, дворецких, их помощников и крайчего.

Похороны у них совершаются следующим образом: тело умершего держат несколько дней на дому и накануне торжественного погребения приглашают на оное знатнейших лиц — земляков покойного, затем большую часть купцов и нескольких других друзей, проживающих в городе и в слободе. Приглашение это делается двумя лицами, тоже из нации умершего, назначенными уже для того или избранными со стороны родственников покойника. Приглашатели эти одеты в черные длинные плащи, с крепом на шляпах. К выносу хотя и собираются обыкновенно в 2 часа пополудни, но самое предание тела земле совершается в

зимнее время — уже ночью, а в летнее — тоже довольно поздно вечером. В провожатых набирают пятнадцать-шестнадцать плакальщиков и десять-двенадцать носильщиков, все из женатых, одетых в черное и также в длинных плащах, которые имеются и хранятся собственно для этого в церквах. Плакальщики помещаются в лучшем покое, с правой стороны, с самыми близкими родственниками умершего, мужчинами, и все приходящие к выносу раскланиваются с ними при входе. Носильщикам повязывают на шляпу креп, а другой кусок крепа надевается им через плечо, вроде ширинки, иногда же прибавляют к этому им и белые перчатки. На двух столах, приготовленных в двух различных покоях, ставятся всякого рода освежительные напитки, и каждого постоянно угощают вином, лимонадом, сделанным из пива, сахарными печеньями или конфетами и лимонами, если они имеются. До выноса еще тела из дому каждому из носильщиков делается обыкновенно подарок — серебряная ложка с вырезанным на ней именем покойного. Иногда такие же подарки раздают и пастору, учителю школы и плакальщикам. Если умершая — девица, то вместо ложек одаряют те же лица золотыми кольцами, также с вырезанным на них именем покойницы. Носильщики перед выносом приколачивают крышку гроба, и затем, как только тронется погребальное шествие, школьный учитель и ученики его начинают пение, держа в руке книги; у реформаторов, впрочем, пение это бывает только на кладбище. Шествие движется таким образом, как и у нас, и во время оно не прочитываются ничьи имена. Впереди тела идут юные школьники, сопровождаемые своим учителем, пастором и похоронным настоятелем. Затем непосредственно следует тело, сопровождаемое ближайшими родственниками покойника, плакальщиками, купцами и офицерами, которые идут не в порядке по два в ряд, как это делается у нас, но разом по четыре или по пять — одним словом, как им заблагорассудится. Прибыв на кладбище и опустив гроб в могилу, начинают снова погребальное пение. Затем пастор произносит, по обыкновению, речь и благодарит провожатых покойника за честь, которую они оказали; носильщики же, снабженные все лопатами, засыпают гроб землею и тут же наполняют ею почти всю могилу; потом провожатых приглашают опять в дом покойного, но по этому приглашению никто почти большею частью уже не ходит в сказанный дом, кроме носильщиков, которых угощают там разными напитками и табаком. Иногда произносится погребальная речь и в церкви, и на нее приглашают также и

женщин. Вдова умершего отправляется туда в сопровождении ближайших приятельниц, и все они при этом одеты бывают в креповые одежды. Женщины нередко выражают свою скорбь по умершему и на улицах. Похороны, случается, заканчиваются тризной. Погребальное шествие летом совершается в каретах и на лошадях по невозможности идти пешком. Гробы делались прежде из дубового дерева, но теперь это воспрещено, так как его величество дает этому лесу другое назначение, и потому делают <ся> они из досок других дерев.

Число проживающих здесь реформаторов считается теперь до двухсот человек. Лютеран же здесь гораздо больше, и эти последние имеют две церкви, тогда как другие, первые, имеют в слободе только одну церковь. Уже несколько лет тому назад проживают здесь также два немецких <и>езуита, которые обучают по-латыни многих детей знатного происхождения.

ГЛАВА XII

Отъезд его царского величества в Воронеж, куда сопровождает его и сочинитель со многими другими спутниками. Замечательности в дороге. Прибытие в Воронеж

Настало время отъезда в Воронеж, и государь приказал, чтобы ему сопутствовали из русских господ: Иван Алексеевич Мусин-Пушкин⁵⁴, главный смотритель монастырей в России, бывший перед сим губернатор Астрахани, с достоинством оставивший эту последнюю должность; Алексей Петрович Измайлов⁵⁵; князь Григорий Григорьевич Гагарин⁵⁶; Иван Андреевич Толстой⁵⁷, губернатор Азова; Иван Давыдович, коломенский губернатор; Александр Васильевич Кикин⁵⁸, главный дворецкий и камергер его величества; Нарышкин⁵⁹, сын дяди царя, и многие другие господа любимцы, которые прибыли в Воронеж уже после нас. Царь удостоил этой чести (сопутствовать ему) и г-на Конигсга, чрезвычайного посланника польского; г-на Кейзерлинга, посланника прусского; г-на Белозора, уполномоченного г-на Огинского, одного из главных генералов и лучших друзей короля польского; также некоторых офицеров своего двора и сына знаменитого генерала Лефор-

та. Кроме того, он пригласил с собою трех купцов: из англичан г-на Генриха Стилса, человека весьма хорошего и чрезвычайно уважаемого царем; также Фому Гиля и голландца г-на Авраама Кинзиуса — все трое лица весьма преданные его величеству. Его величество пожелал, чтобы я отправился вперед с сими тремя господами, и мы последнего января пустились в путь. Царь последовал за нами в следующую ночь с остальным обществом. Мы приказали сделать подрезы под наши сани для большей легкости и удобства езды, так как земля не везде еще была покрыта снегом. Его величество соизволил снабдить нас подводами, и у нас было шестеро саней для нас и слугителей наших, по три лошади на каждые. Мы отправились из Немецкой слободы в 3 часа пополудни и должны были менять лошадей каждые двадцать верст.

От Москвы до Воронежа на каждой версте стоит верстовой столб, на котором по-русски и по-немецки выставлен 1701 год — время постановки этих столбов. Между всеми этими столбами, довольно высокими и окрашенными красною краской, посажено по девятнадцать и по двадцать молодых деревьев по обеим сторонам дороги; иногда деревца эти понасажены по три и по четыре вместе, переплетены ветвями, вроде туров, для защиты их и для того, чтобы они крепче держались в земле и не выходили из оной. Таких верстовых столбов счетом 552: они занимают пространство почти на сто двадцать одну милю, считая по пять верст в миле, и указывают расстояние от Москвы до Воронежа и других окрест лежащих мест. Полагаю, что число молодых деревьев, посаженных между верстами, никак не меньше, если не больше, 200 тысяч. Сказанные версты и деревья тем более полезны, что без них зимою трудно было бы найти дорогу, покрытую снегом, и притом в России и ночью ездят так же, как и днем.

Проехавши через два часа времени двадцать пять верст, мы прибыли в Жилино, переменили лошадей и отправились далее за двадцать верст в местечко Ульянино... в которое и прибыли в 8 часов вечера. Мы вышли из саней и пошли в довольно порядочный дом, принадлежащий его величеству, в несколько комнат, деревянный. Вход в него идет через довольно красивый *Savage*, или крыльцо о пяти ступеньках и о пяти шагах. Здесь получили мы пиво и нашли, что в комнатах было хорошо натоплено, потому что поджидали его величество. Царь приказал понастроить таких домов через каждые двадцать верст для удобства проезжающих. Мы пробыли здесь ча-

са с два и пустились потом далее в чрезвычайно сырую погоду с падающим снегом. Лошади везде были уже готовы, и мы видели огни по всем селениям, через которые проезжали, так как крестьяне стояли у своих ворот с пучками зажженной соломы для выражения их радости приезде царя. Огни эти производили ночью приятное впечатление. Отсюда мы сделали тридцать верст до Коломны, в которую приехали перед рассветом и в которой подождали прибытия царя. Он прибыл в 9 часов утра с сопровождавшими его в то самое время, когда я осматривал внутренний и наружный вид города. Я вышел из Пятницких ворот, т. е. пятницы, или пятого дня недели, и прошел до ворот Косых; кроме этих двух ворот, там и нет больше никаких других. Город этот опоясан прочною каменною стеной, в шесть сажен высоты и в две толщины, снабженною многими башнями, круглыми и четырехугольными, отстоящими друг от друга на двести шагов, но пушек на них нет. Город в окружности простирается на полмили, и речка Коломенка, от которой и город получил свое имя, течет подле города. Я должен бы сказать кое-что здесь о реке Москве, но так как позднее мы ехали по ней, то рассказ о ней и откладываю до другого раза, собственно для того, чтоб продолжать здесь описание города Коломны. Стена с одной стороны почти совершенно разрушена, и нужно пройти через гору довольно высокую, чтоб приблизиться к задним воротам, где уже земля идет низменная, по ту сторону реки. У вторых ворот есть предместье, где продаются разные товары. Я видел утром также несколько сот крестьян, проходивших через эти последние ворота и несших разные съестные припасы в город. Положение города почти круглое, и он обнесен сухим рвом со стороны наиболее возвышенной, где стена очень высока. Самое лучшее здание в городе есть церковь Успения божией матери. Она хорошо сооружена из камня и довольно велика. К этому можно прибавить еще палаты архиепископа, все же остальные постройки незначительны.

Удовлетворивши своему любопытству, я отправился в дом губернатора Ивана Давыдовича, где я нашел уже его величество со всем его обществом за столом. Когда я подошел к царю, чтобы приветствовать его, он обернулся ко мне, поцеловал меня и затем, выслушав мое сообщение о том, что я делал, он велел мне сесть также за стол. После хорошего обеда... в 2 часа пополудни отправились мы в дальнейший путь и приехали в загородный господский дом Александра Васильевича Кикина, в пяти верстах от этого города. Здесь нас превосходно угостили.

Самый дом был прекрасное деревянное двухъярусное здание, в котором и внутренние покои были отлично устроены и убраны; вид из него открывался прекрасный на окрестность во время хорошей погоды, какова была в это время. Мы оставались тут до 5 часов, а к 9 часам утра прибыли к Иван-озеру, лежащему близ селения Иван-озера, во ста тридцати верстах от дома г-на Кикина. Река Дон, или Танаис, берет начало свое в этом озере, из которого она вытекает длинным каналом, с весьма чистою и превкусною водою, как нашел ее царь и все остальное его общество, несмотря на то что самое озеро, которое скорее можно назвать прудом, весьма болотисто. Половина воды этого озера течет с одной стороны, а остальная половина — с другой: явление весьма замечательное. Из этого-то места его величество начал в 1702 году проводить канал, чтобы открыть сообщение р. Дона с Балтийским морем. Царь лично исследовал здесь еще прежде всю местность и почву земли, точно так же, как он сделал это в другой раз с нами. Канал этот весьма глубокий, начало свое имеет в р. Доне, и он должен прорезать озеро Ивановское до небольшой речки Шаты, которая впадает в р. Упу, а эта последняя — в р. Оку, которая изливается в Волгу. Таким образом можно будет достигнуть предполагаемой цели, т. е. устроить сообщение между этою рекою и Балтийским морем. Сообщение это будет установлено посредством множества шлюз (ов), длиной в восемьдесят шагов и шириной в четырнадцать, под управлением и указанием князя Гагарина, которого достоинства и прекрасные качества, равно как и ревность к службе его величества, общеизвестны. Его величество приказал провезти нас в санях к сказанным каналам и показал нам эту доведенную до совершенства работу, которая состоит из семи запертых шлюз (ов), сделанных из дикого (серого) камня. Здесь же я видел мельницу для добывания илу, устроенную на голландский образец, посредством которой его величество приказал, прорубив лед, вытащить грязь или землю, годную для выделки торфа, что делается здесь так же, как и в наших краях. Множество гумен, или риг, было наполнено торфом, который мы испытывали и нашли очень хорошим.

После того как его величество угостил нас прекрасным обедом, мы отправились в 3 часа в поместье г-на Лефорта, отстоявшее отсюда в тридцати верстах. Так как поместье это лежит не на большой дороге, то трое из наших возчиков свернули вправо, вместо того чтобы

следовать за остальным поездом, и мы заехали в один из домов его величества (кабак), отстоявший в пяти верстах от места, из которого мы выехали. Я вошел в этот дом с двумя офицерами-французами, а между тем наступила ночь, и мы остались там до 10 часов, поджидая наших спутников: но так как никто из них не появлялся, то мы пустились опять в дорогу по пустыне, в которой не встречали ничего, кроме разбросанных там и сям рощиц.

3-го февраля (1703 г.) прибыли мы в 9 часов утра в имение князя Александра Даниловича Меншикова, отстоящее от поместья г-на Лефорта во ста десяти верстах. Помещичий дом Меншикова — громадное прекрасное строение, похожее на увеселительный дом, с красивым кабинетом (покоем) наверху, в виде фонаря, покрытого отдельною кровлею, раскрашенною очень красиво всеми возможными цветами. В самом доме множество отличных и удобных комнат, довольно высоко расположенных над землею. Войти в него можно только через ворота крепостцы: и дом, и крепостца окружены одним и тем же земляным валом, или стеною, которая, впрочем, не занимает большого пространства. Есть здесь и довольно верков, или укрепленных мест, достаточно снабженных пушками; все это местечко прикрыто с одной стороны горою, а с другой — болотом или озером. Когда я вошел в покой, где находился царь, его величество спросил меня, где я был. Я отвечал: «Там, где было угодно небу и моим возчикам, потому что я не знал ни языка, ни дороги». Ответ мой рассмешил царя, и он передал его русским господам, в обществе которых он находился. В наказание меня он подал мне полный стакан вина и угостил вообще на славу, приказав в то же время палить из пушек при каждой заздравной чаше. После обеда он повел нас на вал и угощал там нас различными водками на каждом верке. Потом он велел заложить сани, чтобы проехать через замерзшее болото и посмотреть оттуда на все, для нашего удовольствия. Его величество взял меня в свои сани, не забыв и водок, следовавших за нами, которых он и не шадил-таки в разных местах. Оттуда мы вернулись в замок, где опять пошли в ход стаканы, которые согревали и горячили нас. Так как у замка этого не было еще имени, то его величество назвал его тут же Ораниенбургом.

Селение князя Александра, лежащее подле замка, называется Слободка. Мы выехали из этого прекрасного местечка в 9 часов вечера. 4 февраля, проехав довольно пространство, пообедали около 10 часов порядочно, а по-

том подвигались вперед медленно, потому что было очень мало снега. Государь, впрочем, не останавливался до самого селения Ступина, где построено десять судов, которое мы проехали ночью, и 5-го числа в час утра прибыли в Воронеж, отстоящий от Нового Ораниенбурга⁶⁰ на сто девяносто верст. В продолжение ночи все ехавшее общество отстало друг от друга и приезжало в Воронеж отдельными частями. Молодой Лефорт и я были первыми из приехавших, и так как заранее не было сделано никакого распоряжения о размещении нас по жилищам, то мы прямо отправились с Лефортом в дом шаутбенахта (вице-адмирала) Рееса. Тут мы узнали, что он уже три недели не оставлял своей постели по причине падения из коляски. Утром мы навестили его, чтобы засвидетельствовать ему наше сожаление об его несчастьи. Он принял нас чрезвычайно вежливо и просил распоряжаться его столом и домом. Царь прибыл в час пополудни при громае пушек с его дворца и кораблей, которые стояли замерзшие во льду. Он вскоре явился навестить контр-адмирала и, изъявив сожаление об его несчастьи, после того отправился к Федору Матвеевичу Апраксину⁶¹, который заведовал Адмиралтейством, как сказано было мною уже выше. Нам приказано было идти туда же, и там нас превосходно угостили под громами пятидесяти пушек, паливших от времени до времени, и таким образом закончился этот день.

Между тем велено было приготовить в замке комнаты для немецких господ и угощать их всякого рода мясною пищею, по их желанию. Не было пощады и напиткам, и г-н посланник Конигсег, заведовавший столом, распоряжался ими отлично. Гг. Стилс, Кинзиус и Гиль остановились у одного из своих друзей, а Лефорт и я — у г-на шаутбенахта; но мы с ним ходили также иногда обедать и в замок, то есть во дворец. Его величество с русскими поместился в одном частном доме на набережной. 6-го числа мы ходили смотреть корабли, где обедали и весело пили у Федора Матвеевича, который угостил нас обедом и на следующий день. Это был заключительный пир, так как 8-го числа начинается у русских великий пост. 9-го числа я испрашивал у царя дозволение осмотреть и снять все наиболее замечательное, что он тотчас же и дозволил мне, сказав: «Мы поели, попили и порядочно повеселились; затем мы немного отдохнули, а теперь время уже и за работу приниматься!»

Описание Воронежа.
Поездка к реке Дону.
Возвращение в Москву.

Отъезд его величества в Шлейтеленбург

Город Воронеж лежит под $52\frac{1}{2}^{\circ}$ широты на вершине одной горы; он окружен деревянной стеной, которая вся сгнила, и разделяется на три части. Важнейшие русские купцы населяют одну часть города, которая называется Акатов. В городе находится большое канатное заведение, а пороховые склады помещаются в погребах вне городских стен. На склоне горы, вдоль реки, теснится множество домов, занимающих собою пространство шагов в четыреста. В лучших из этих домов живут: адмирал Головин, начальник Адмиралтейства Апраксин, боярин Лев Кириллович, Александр Данилович и другие знатные русские. Эти дома расположены насупротив крепости, а далее — дома контр-адмирала и других морских офицеров, позади же их тянутся улицы, населенные разными мастерами и рабочими по постройке кораблей.

Город Воронеж находится на запад от реки Воронежа, от которой и получил свое имя. Крепость стоит по другой стороне этой реки, и сообщение с нею совершается через большой мост. Крепостные рвы наполнены водой из старой реки. Самая крепость есть четырехугольное здание, с башнями на четырех своих углах и множеством больших покоев, и снаружи здание это обещает многое. Пески дюн занесли новую реку до такой степени, что она стала несудоходной, и корабли поэтому должны проходить по старой реке. Крепость составляет в то же время и главный магазин, да ее собственно так и называют — магазином. Внутри ее находится более ста пятидесяти пушек, действительно самого лучшего качества, без лафетов, но это для того, чтобы их можно было переносить, смотря по надобности. Крепость защищена во многих местах частоколом и снабжена довольно хорошим войском (гарнизон), которое размещено также и в окрестностях города для отражения набегов татар. Верфи для постройки кораблей находятся теперь подле крепости, а прежде постройкою их занимались везде, по всем местам. Собственно магазин стоит по другой стороне. Это огромное здание в три яруса, из коих два нижние — каменные, а третий верхний — деревянный. В нем множество поко-

ев, наполненных всевозможными предметами и принадлежностями, необходимыми для морского дела, распределенными по отдельным местам, до самой одежды и всего, что нужно для матроса. Заведение, где изготавливают паруса, находится подле этого магазина.

Насчитывают в этом городе и окрестностях до десяти тысяч жителей. На полях из города видны два или три окрестных селения.

10-го числа я пошел отыскивать место, с которого можно было бы с удобностию снять город. Для этого я выбрал местечко самое высокое на горе, отстоящей в двух верстах на юго-запад от города. Там-то я и начал было свою работу, но продолжать ее не мог по причине бывшего сильного холода и ветра. На другой день я опять пошел туда пешком, для того чтобы согреться на дороге, и взял с собою моего слугу и трех матросов контр-адмирала: последних для того, чтобы они воздерживали от помехи мне русских, которых привлекало любопытство посмотреть, что я делаю. Я велел спутникам моим заpastись большою рогожей, несколькими кольями, топором и лопатой для вырытия в земле ямы, в которой бы я мог удобно поместиться. Вырывши яму, я сделал себе из рогожи защиту со стороны спины, чтоб на меня не так сильно дул ветер. Поместившись таким образом в яме, мне уже нетрудно было видеть и рассматривать город и все пространство вдоль реки. Но я недолго просидел так, не бывши открытым. Два корабельных плотника, англичане, увидели меня с реки и прислали двоих или троих людей узнать, что я делал. Увидев этих людей, приближавшихся к нам, я велел матросам, вооруженным полукопьями, не подпускать их ко мне, не говорить никому, что я делаю, и, в случае, если спросят об этом, отвечать, что они ничего не знают. Между тем на горе собралось более пятидесяти человек русских, привлеченных любопытством и новизною зрелища, которого они не понимали, что оно означало; но когда они приблизились, матросы разогнали их, и они не смели подойти ко мне.

Когда я возвратился вечером в мое жилище, то я узнал от контр-адмирала, что там распространили слух, будто бы на вершине горы зарывают живым одного из царских слуг, но неизвестно было, кого именно и за что; что этот несчастный был зарыт уже по пояс и держал в руках книгу (так объяснили бумагу, на которой я снимал); что подойти к нему нельзя было никому, потому что трое часовых стояли там и не допускали никого. Даже самые офицеры поверили этой молве и спрашивали

друг друга, кто бы это был такой, которого постигла такая жестокая кара. Когда же 12-го числа все увидали, что несчастный преступник переменил место и что они, следовательно, обманывались в своих догадках, то забрали себе в голову другую нелепицу.

В некотором расстоянии от прежнего места находилось старое кладбище, где меня прежде встречали несколько дней тому назад и куда я теперь снова переместился для моей же съемочной работы. Не зная уже, что и думать, русские пришли к заключению, что, должно быть, я был какой-нибудь пророк, прибывший из-за моря с намерением посетить древние кладбища, служить по покойникам обедни и отправлять другие религиозные обряды, так как у меня постоянно была в руках книга. Они рассказывали также, что я ходил почти всегда в сером угорском плаще, что за мною следовал всегда слуга, который носил для меня какую-то голубую мантию, и что, наконец, меня сопровождали всегда три матроса контр-адмирала. Эти забавные сплетни могли бы накликать на меня беду, так как любопытных постоянно собиралось множество, если б только самого царя не было в то же время в городе.

Я снял изображение этого города. <...> Буква А показывает помещение его величества. Б. Место, где строятся корабли. В. Дворец или крепость. Г. Амбар или магазин. Д. Дом, в котором изготовляются паруса. Е. Дом Князя Александра Даниловича. Ж. Дом Федора Матвеевича. З. Успение Богородицы, или церковь Успения божией матери. И. Церковь Козьмы и Дамиана, соприсчисленных к лику святых. I. Собор или храм собрания святых и их образов. К. Церковь Пречистой Богородицы, или Пятницы, — название, которое дано, говорили мне, вследствие того, что Дева Мария явилась здесь в известную пятницу особенным чудесным образом, почему ей и усвоили это название. Л. Старая река. М. Новая. Н. Гора, с которой я снимал вид города. Так как я нашел некоторые древние гробницы весьма необыкновенные, то и их снял я на особом изображении, представляющем старое кладбище. Они находятся на горе, разрушенной превратностями времени, полураскрытой во многих местах и с провалом между двух уцелевших ее остатков, что легко можно видеть, если обойдешь ее кругом. Кладбище это, таким образом, есть только как бы небольшая гора, на которой и до сих пор еще попадаются черепа и кости, с остатками гробов. На вершине видны еще две гробницы, из которых одна повреждена немного, а другая совершенно разрушена. Я попросил одного русского взобраться на вершину

этой горы, на которой росли еще два дерева, чтобы он попытался вытащить из земли несколько костей, торчавших из нее и сделавшихся от влияния воздуха белыми, как мел, на совершенно черной здесь земле, что производило довольно необыкновенное впечатление, но он не в состоянии был достать кости, потому что земля крепко замерзла. <...> Проход, ведущий туда по сю сторону реки, находится на левой стороне, внизу сказанной горы, а на правой, в глубине, близ реки, находится Чижовское — предместье с несколькими мельницами.

Что касается до кораблей, стоящих тут, то мы видели их на воде пятнадцать, а именно: четыре корабля военных, из которых самый большой о пятидесяти четырех пушках; три корабля для кладки с продовольствием; два брандера и шесть бомбард. На берегу же стояли, готовые уже к спуску на воду, пять военных кораблей, построенных по голландскому образцу, о шестидесяти или о шестидесяти четырех пушках: два — по образцу итальянскому, от пятидесяти до пятидесяти четырех пушек; один галеас, или большая галера, по венецианскому образцу, и четыре простых галеры; кроме того, есть еще семнадцать галер в Чижове, в двух верстах от города. Изготавливались еще и были в работе пять военных кораблей: четыре, устроенные по английскому образцу, из них два о семидесяти четырех пушках и другие два — о шестидесяти или шестидесяти четырех пушках; пятый же, носящий имя его величества, потому что он строился под его наблюдением, — о восьмидесяти шести пушках. Там изготовлен и один пакетбот, тоже под его надзором. На берегу по другой стороне реки видны были еще с двести бригантин, большая часть которых построена в Воронеже. Около этого времени на р. Днепре, близ Крыма, находилось четыреста больших бригантин и на р. Волге — триста плоскодонных барок; более восемнадцати военных кораблей — у Азова, одно бомбардирское судно и одна яхта. Кроме того, у царя есть много и других кораблей, из коих самый большой — о шестидесяти шести пушках; четыре корабля — от сорока восьми до пятидесяти пушек; пять кораблей — о тридцати шести пушках; два — о тридцати четырех и другие поменьше, из коих самый меньший — о двадцати восьми пушках.

Этого же числа (т. е. 12 февраля) его величество потешался катаньем по льду на парусах в приспособленной для того равнине. 13-го вечером сбросили бомб с двадцать с двух кораблей и много других бомб с одной двадцативесельной барки. По возвращении моем (с этого зре-

лица домой) я узнал от контр-адмирала, что царь послал отыскать меня. Я отправился тотчас назад и нашел его именно на том корабле, с которого, как я видел прежде, выброшено было несколько бомб на дорогу. Я застал государя за пирушкой и узнал здесь, что завтра, т. е. 14-го числа, он намеревался отправиться со своим обществом на Дон, или Танаис, верст за двенадцать от Воронежа, осмотреть стоявшие там корабли. На другой день мы отправились туда в 3 часа пополудни, большею частью верхом, остальные же в колясках, и когда мы отъехали уже немного от города, его величество остановился у одной небольшой церкви и своротил несколько в сторону взглянуть на одну мельницу довольно необыкновенного вида, устроенную одним черкасским (малороссийским) мастером, вроде восьмиугольника. Внутри этого мельничного здания находятся четыре мельницы, которые действуют одновременно, без крыльев и всяких других наружных приспособлений для действия ветром. Но внутри этой главной мельничной постройки устроены семь парусов, подобных парусам на лодках, и само здание снабжено и закрывается снаружи большими окнами или дверями. Когда подует благоприятный ветер, открывают два или три окна с той стороны, с которой дует ветер, и через эти окна или двери ветер надувает паруса и приводит в быстрое обращение всю машину. <...>

Осмотрев мельницу, его величество присоединился к нам в коляске и торопил нас ехать скорее дальше, чего все наше общество в одно время исполнить не могло. Впрочем, мы достигли цели нашей поездки еще до наступления вечера. Прежде всего, по приезде на место выстрелили из всех пушек с кораблей, а потом мы посетили несколько из этих кораблей, где все пили весело и на славу.

Вечером нас угощали пирушкой в доме Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина. После ужина многие пошли на корабли, по недостатку помещения, потому что в этой местности не начинали еще строиться на прочное и постоянное житье, но говорят, что здесь будет со временем город.

На другой день мы ходили смотреть постройки, сооруженные для отвода течения р. Дона по другому направлению. Для этого устроен был шлюз с той стороны Дона, в которую желали сообщать ему новое течение. Река эта, называемая Танаис, а туземцами — Донец⁶², весьма славится в России. Она протекает мимо Перекопа, или Малой Татарии, с восточной стороны и, сделав множест-

во изгибов, уклоняется значительно в сторону, очень близко к Волге, после чего, наполнившись притоками множества речек, течет к Азову, некогда Танаис называемому, и впадает в Меотийское море, где и отделяет Европу от Азии. В местности, в которой мы были, к великому удивлению нашему, нашли мы много слоновых зубов, из которых я сохранил один у себя, ради любопытства, но не могу понять, каким образом зубы эти могли попасть сюда. Правда, государь рассказывал нам, что Александр Великий⁶³, проходя этой рекой, как уверяют некоторые историки, доходил до небольшого городка Костенка⁶⁴, находящегося верстах в восьми отсюда, и что очень могло быть, что в то самое время пало тут несколько слонов, остатки которых и находятся здесь еще и поныне.

Затем мы возвратились к кораблям, где нас превосходно угощали. Всего кораблей здесь было тринадцать: одиннадцать военных и два грузовых — для склада продовольствия. Один из этих военных кораблей, выстроенный под надзором и указанием самого его величества, блистал пред всеми остальными всевозможными украшениями, и в нем капитанская каюта обита была ореховым деревом. Подле этого корабля был еще другой, сделанный мастером из англичан, также чрезвычайно красивой отделки; все же остальные корабли не представляли ничего особенного. В полдень нас угощали рыбою, после чего мы вернулись на корабли, где пили шибко при стрельбе из пушек:

Во время всех этих веселостей один русский матрос имел неосторожность подставить руку к жерлу пушки и получил оттого рану, после чего упал сверху вниз, причем переломил себе, по-видимому, несколько ребер. Случай этот хотели было скрыть от его величества, но он узнал о нем, пошел взглянуть на несчастного и, поглядевши, нашел, что бедняк находится при последнем издыхании.

В 8 часов вечера мы, расставшись друг с другом, разошлись, а в 10 возвратились и прибыли в Воронеж в дождливую погоду. 16-го числа я собрался утром отправиться в Москву с моими тремя товарищами, получивши на то дозволение государя; но так как дождь совершенно испортил дорогу, то мы должны были добыть себе восемь повозок, колеса которых велели обить шинами. 17-го числа утром мы явились проститься с его величеством, который дал нам поцеловать свою руку и потом обнял нас и пожелал доброго пути. В то же время он посоветовал нам пройти посмотреть несколько мортир, находившихся на берегу реки, верстах в двух от города, что мы и

исполнили, не оставаясь, впрочем, там долго. Мортиры эти имели окружность в тринадцать ладонь, а длину в восемь и находились против одного холма, близ риги или сарая, в котором они были вылиты. Около полудня я получил приказание еще раз явиться к его величеству. Он забавлялся еще катаньем по льду на парусах: лодка его перевернулась при быстро сделанном им повороте, но он оправился и опять поставил ее в ход. Спустя полчаса после этого он приказал мне следовать за ним одному. Он сел в наемные сани о двух лошадях, из которых одна тут же упала в яму, хотя ее и вытащили скоро, а другая осталась на льду. Он приказал мне сесть подле него и сказал: «Поедем на шлюпку, я хочу, чтоб ты видел, как мечут бомбы, потому что тебя тогда не было, когда палили из этих mortir». Доехавши до места, мы осмотрели шлюпку и устроенный посредине ее снаряд, на который кладется mortira так, что ее можно поворачивать по желанию, в какую хочешь сторону. Бомбардир изготовился и дал знак в предостережение стоявшим на равнине, куда направлена была mortira. Тогда мы сошли со шлюпки, и mortira выпалила. Бомба взвилась довольно высоко и при падении лопнула. Его величество был так внимателен ко мне, что спросил меня, желаю ли я посмотреть еще несколько выстрелов из mortir, на что я отвечал, что необходимости в том не имею. После этого я сопровождал его к г-ну Стилсу, а немного спустя и в дом, где он жил, бывший недалеко, где я имел честь окончательно проститься с ним. Государь обнял меня и при этом сказал мне по своему обыкновению: «Да сохранит тебя бог!»

Было уже три часа пополудни, когда я опять пришел домой, где, подкрепившись немного пищей, изготовился в путь. Я поблагодарил шаутбенахта за оказанную им мне честь и за все его для меня одолжения и оставил его в лучшем здравии, чем тогда, когда в первый раз приехал к нему, чему я душевно был рад. Это славный господин, очень уважаемый всеми, в особенности же государем.

Мы отправились вечером; ночью сперва пошел снег, а потом и частый дождь. Утром 18-го числа мы были в пятидесяти восьми верстах от города Воронежа, ехавши на тройках в каждой повозке, опять по той же дороге, по которой ехали прежде в Воронеж.

Мы заметили, что большая часть царских домов (кабаков) около Воронежа заселена была черкасами⁶⁵. Люди эти очень опрятны и так же опрятно содержат и свои дома, вообще нрава они веселого и живут весьма приятно, забавляясь всегда игрою на скрипке и других струн-

ных инструментах. Такие музыканты встречались нам во всех домах его величества до самого поместья, или замка, князя Александра. Они тотчас же начинают свою музыку, как только кто-нибудь приедет к ним, и продают тут же мед и водку; между ними есть и женщины, оказывающие проезжим разные услуги. Одежда у них особенная, вовсе не похожая на русскую, в особенности одежда женщин. Обыкновенное платье женщин составляет рубашка, подвязанная поясом, вокруг которого пришивается полосатая ткань, висящая до самых ступней ног, вроде юбки. Вокруг головы у них повязан белый платок, и часть подбородка у них также повязана. Один конец сказанного платка изящно как-то повязан на одной стороне головы, а другие концы его бывают особенным образом распущены. Они носят еще тоже посверх всей головы чепец, как арабские или еврейские женщины на Востоке. Рубашка у них на два пальца ширины около шеи и сборчатая так, как в старину носили манжеты. Но всего лучше можно судить об этой одежде по приложенному изображению, которое я снял в малом виде с одной из красивых женщин, точь-в-точь, как мы нашли ее в ее доме, в теплом покое. Подле нее стояла служанка, месившая хлеб; несколько ребятишек ее сидели, по обыкновению своему, на печке.

Было 3 часа пополудни, когда мы оставили это местечко, в сырую, дождливую, пополам с снегом, погоду. Проехавши пятнадцать верст далее, мы достигли до небольшой речки, отчасти освободившейся уже от льда, но довольно глубокой для того, чтобы можно было переехать ее вброд. Несмотря на то, мы все-таки искали броду целые два часа, но бесполезно. Поэтому мы приказали двум из наших слуг переплыть речку на лошадях, а третьего слугу послали тоже через речку в селение разведать, нет ли где-нибудь места на речке, где бы можно было переправиться; но этот последний посланный, вернувшись из деревни, объявил, что такого места нет, причем он уже не решился вторично переплывать реку с другого берега к нам; посему мы отпустили его опять в деревню, в которой он уже был, приказав ему дожидаться там нас до следующего утра. В то же время мы не имели никакого известия об одном из наших слуг, мертвецки напившемся накануне и пересаженном нами поэтому в особые крестьянские сани. Вообще, оставаясь на одном месте в таком затруднительном положении, люди наши, чтоб не замерзнуть от холоду, поставили наши повозки в кружок, для защиты нас от ветра, на время нашего совещания о

том, что делать. Было уже 9 часов вечера, а мы не видали никакой помощи ниоткуда. Наконец, так как в местности, где мы находились, не оказалось никакого жилья, то мы порешили возвратиться назад по нашей дороге, чтоб добраться до какой ни есть деревушки, хотя бы лежащей и не на большой дороге, в каковую деревню мы и дотащились в 11 часов вечера и нашли там кой-какое продовольствие для себя и лошадей наших. В эту деревушку ночью явился и тот слуга, которого мы было потеряли, и он рассказал нам, что извозчик его в то время, как он спал, выпряг из саней лошадей и исчез с ними, что он узнал об этом только тогда, когда уже проснулся, и принужден был отыскать себе другого возчика, давши ему деньги и обещав их еще больше, и что, наконец, он едва-едва, через силу, добрался до нас.

На другой день я увидел, что ось в моей повозке изломалась по небрежности наших людей; обстоятельство это вместе с морозом и снегом, выпавшим в продолжение ночи, было причиной, что я решился поставить мою повозку на полозья, а колеса уложить на эти же сани, чтобы воспользоваться ими в случае, если переменится погода. В заключение один из наших возчиков ушел от нас (случай довольно здесь обыкновенный), оставив нам лошадей в надежде, что товарищи его приведут их с своими. Таким образом, нужно было на его место взять другого возчика. Мы взяли всего троих возчиков, с санями и лошадьми, и запаслись большими досками и бревнами для устройства как-нибудь мостика через речку. Солнце ясно светило, но в то же время было очень холодно. В 10 часов утра мы опять возвратились к тому месту, где накануне пытались переехать реку, и нашли ее замерзшею до того, что несколько лошадей прошло по льду, хотя, правда, некоторые из них и проваливались на нем. Мы рассудили, впрочем, чтобы легче и безопаснее перевезти повозки, выпрячь лошадей, причем употребили в дело также наши доски и бревна для переезда на более глубоком месте реки. При такой переправе не обошлось без того, чтобы некоторые лошади не уходили под лед; но так как все мы дружно работали, то общими усилиями и повытаскали всех провалившихся, и дело обошлось без несчастия. В час пополудни мы могли уже продолжать наш путь и через час еще доехали до местечка, где нашли свежих, готовых к упряжи лошадей. Проехав далее и сделав всего двадцать семь верст, нам оставалось еще две версты до небольшого городка Романова. В этот городок мы переехали через речку Белый Колодезь по мос-

ту, покрытому на полтора фута льдом, и мы обедали там под звуки музыки черкасов.

Было 11 часов ночи, прежде чем мы могли отправиться далее, не получив раньше этого времени лошадей от местного начальника. С остальных повозок здесь сняли колеса, поставив оные на сани так же, как еще прежде сделал это я с своею повозкой. Ночью мы проехали через большое селение Студенки, а 20-го числа, с рассветом дня, прибыли на станцию с верстовым столбом, на коем значилось 136 верст, где, не останавливаясь, взяли свежих лошадей. В двух верстах далее отсюда мы поворотили направо, по направлению к городу Доброму, лежащему в версте от большой дороги на р. Воронеже. На сто пятьдесят первой версте мы достигли одного большого селения, а на сто пятьдесят четвертой — другого селения, в которое надо было проезжать такую скалистую и крутую горою, что с левой стороны дороги принуждены были устроить загородку, сверху до самого низу, чтобы предотвратить возможность падения. Затем мы проехали еще три селения, и на верстовом столбе последнего значилось 157 верст. Немного далее большая дорога оказалась так полна мерзлой воды, что невозможно было ехать далее, и, таким образом, мы принуждены были поискать дороги получше, на правой стороне большой дороги, и, отыскав такую, переехали на нее благополучно все, за исключением одной повозки с кладью, очень тяжелой, которая провалилась сквозь лед в воду, но ее скоро вытащили, не испортив и не изломав в ней ничего. Наконец, проехав еще несколько селений, мы приехали в дом князя Александра, лежащий в ста девяноста верстах от Воронежа. Мы не останавливались, впрочем, в оном, а обедали в одном ближайшем от него селении. По приезде нашем сюда было 6 часов пополудни, и мы должны были ждать до 10 часов, пока приготовили нам лошадей. 21-го числа в 4 часа мы были уже в двухстах восемнадцати верстах от Воронежа, потом в двухстах тридцати восьми верстах, и наконец... город Скопин, который показался нам довольно обширным, и между им и нами разбросано было еще несколько деревень.

Так как мы имели право на подводы только до этого места, то мы направились в город и проехали туда через мост длиной в версту, проведенный через болото. Город этот незначительный. Крепость, где живет градоначальник, находится в конце главной улицы; она окружена деревянной стеной и ничем особенно не отличается ни внутри, ни снаружи. Прежде всего нам отвели помещение, за-

тем явились к нам бургомистры от градоначальника и принесли в подарок водки, меду, пива, хлеба и проч(его). Мы потребовали тридцать лошадей вместо двадцати четырех, чтобы легче и удобнее было везти наши повозки, и наше требование было удовлетворено.

Мы отправились в дальнейший путь за час до захождения солнца и сделали в эту ночь сорок верст; затем, переменяв лошадей, проехали до 311-й версты от Воронежа, поблизости к имению г-на Лефорта, в которое и приехали 22-го числа утром, в 7 часов. Г-н Лефорт дал нам письменное приказание для своего управляющего хорошенько угостить нас и снабдить лошадьми и всем, что нам потребуется. Мы оставили здесь колеса с наших повозок, чтобы легче и с меньшим числом лошадей ехать далее, чему способствовали также мороз и снег, значительно поправившие дорогу. Нас накормили вдоволь, и мы, пробывши здесь час времени, продолжали путь свой, доехали до 329-й версты от Воронежа, а в 3 часа пополудни были уже в трехстах сорока семи верстах от него, в селении Подосинки, где оставались обогреться и подкрепиться. Шел снег, а ветер и мороз все еще продолжались. Переменяв еще раз лошадей вечером, мы проехали в продолжение ночи несколько селений и город Николы Зарайского, довольно посредственный. Проехали город не без затруднений, по причине множества крестьян, заставивших его своими санными обозами и отправлявшихся в Москву с разными припасами своими. 23-го числа утром, бывши уже в четырехстах двадцати верстах (от Воронежа), мы продолжали нашу дорогу на свежих лошадях до селения Городны, куда прибыли в 9 часов, но не останавливались в нем. Река Ока была в семи или восьми верстах отсюда, и вскоре мы переехали и ее. После этого мы должны были переехать довольно крутую, высокую гору, через которую была только одна узкая дорога, идущая по левому берегу реки. Въезжая на эту гору, мы встретили несколько саней, для которых должны были приостановиться, чтобы дать им проехать, чего иначе они сделать не могли, потому что на скате горы дорога была очень узка и они должны были проехать около нас. Путь, который они взяли, объезжая нас, был так неудобен, крут и усеян большими камнями, что лошади и сани беспрестанно подвергались опасности, тем же более, что большая часть лошадей шла на произвол судьбы без возчика. Вдобавок к этому возник спор между крестьянами и нашей прислугой, дошедший до толчков между ними, за то, что одни не дали места и не посторонились вовремя

при встрече друг с другом. Многие из сих крестьян были пьяны и подстрекали других, которые сошли уже с возов и наступали на нас, числом человек двадцать. Я лежал в своих санях, когда мне сказали об этой схватке. Я тотчас же выскочил из саней с двумя пистолетами и шпагой в руке; Кинзиус и Гиль пошли за мной также вооруженные — один пистолетами, а другой саблей. В таком виде мы направились к саням г-на Стилса, которые были последними и первые подвергались нападению. Мы нашли его уже вышедшим из саней, но без всякого оружия, и русские, окружавшие его, угрожали ему насилем. Но он, как человек разумный, дал знак своему слуге уступить дорогу, ласково обратился с увещаниями к крестьянам, справедливо рассуждая, что самоуправство было бы для нас роковым и губительным, ибо увидел, что ниже, под горой, было еще значительное число русских крестьян, которые не замедлили бы напасть на нас все при первом же толчке; но, увидев, что мы подошли не для ссоры, некоторые крестьяне стали тише, заставили отступить пьяных своих товарищей, и таким образом все уладилось. Когда наиболее зазорные угомонились и удалились, обе стороны продолжали свой путь — крестьяне в одну, а мы в другую сторону. Я, впрочем, не садился в сани до тех пор, пока мы не выбрались на вершину горы, хотя я с трудом подвигался вперед, потому что дорога была скользкая и ветер пружестокый, а кроме того, был такой мороз, что я едва мог шевелить пальцами. В это время я увидел воз, спускавшийся с вершины горы, об одной лошаденке, очень грузный и без возчика. Лошадь, не смоги сделать правильного поворота на одном изгибе дороги и от ветра и льду сбившись с торного пути, приблизилась к краю пропасти и затем свалилась прямо с отвесной крутизны вниз, на самый берег реки. Зрелище было поразительное! Сани разлетелись в щепы, и лошадь переломала себе, по-видимому, все ребра; я видел, впрочем, что она была еще жива и приподымала по временам голову.

Добравшись наконец с великим трудом до вершины горы, мы продолжали нашу дорогу и в час пополудни прибыли в город Коломну, сделавши, таким образом, 456 верст от Воронежа. Мы остановились в слободе в ожидании ответа на письмо его величества, которое мы послали в город. Дьяк, или городской писарь, получив это письмо, явился к нам, предлагал свои услуги и просил даже проехать в город, чтобы угостить там нас, но мы поблагодарили его и остались в слободе, после чего

он прислал нам водки, меду, пива и разных мясных кушаньев, что все мы отослали назад, имея свое продовольствие. Тем не менее мы приятельски проболтали с дьяком около двух часов и весело осушили с ним круговую чашу.

Около 4 часов мы отправились далее на свежих лошадях и до 9 часов сделали двадцать пять верст, прибывши в селение Косякову, где и остановились на два или на три часа покормить наших лошадей, которые должны были везти нас до самой уже Москвы. 24-го числа в 8 часов утра мы приехали в село Островец, сделавши еще сорок шесть верст. Здесь мы опять покормили лошадей и в 10 часов пустились дальше, и после стольких страстей прибыли наконец в полдень в Москву, в Немецкую слободу, проехав в последний раз всего двадцать пять верст.

27-го числа кантор и учитель лютеранской церкви Иоанн Фридерик Маас, уроженец кенигсбергский, был убит безо всякого повода к тому одним фендриком (прапорщиком) немцем, по имени Красо, который, взятый под стражу, признался в своем преступлении.

Я думал, что отдохну после такой мучительной поездки; но вечером 5 марта сделался у меня чрезвычайно сильный жар во всем теле, точно в горячке. Я тотчас же лег в постель и очень дурно провел всю ночь. С наступлением дня я все-таки встал с постели, но чувствовал такую слабость, что едва держался на ногах. Кроме того, у меня сделался кашель, беспокоивший меня и днем, и ночью. Жар во всем теле был до того жесток и силен, что никакие средства не могли утолить его, несмотря на то что я пил по сто раз в день. Пил я то молоко, то пиво, то кипяченую воду с тамариндом и сахаром — напиток, действовавший хорошо на меня в Египте; а для укрепления желудка я пил рейнвейн и другие пригодные для того напитки. В таком состоянии провел я пять дней и пять ночей без перерыва, находясь притом по ночам в бреду или как бы в каком помешательстве. Друзья мои, видя, что я со дня на день слабею, советовали мне пригласить врача. Но я отвечал им, что я сам себе врач, что я лучше всякого другого знаю свою природу и то, что ей пригодно, и что, наконец, я уверен, что хорошее воздержание поможет мне лучше всех врачей в мире; причина моего нездоровья была мне хорошо известна, да и, кроме того, я уже несколько времени чувствовал, что это случится со мною. На шестую ночь я спал хорошо, равно как и в следующие затем ночи, что меня значительно укрепило и облегчило. Наконец, продержавши правильную диету в продолжение

десяти дней сряду, я начал употреблять твердую пищу, после чего и кашель стал проходить. Кроме того, в один вечер у меня пошла из носу кровь, 70—80 капель, что и облегчило мою голову.

11-го числа его величество возвратился из Воронежа со всем своим обществом, а 13-го он велел казнить, после полудня, в своем присутствии, отрублением головы полковника Бодона, о котором говорено выше. Казнь эта исполнена была в Немецкой слободе подле столба, на котором привешены были топор и шпага. В то же время был повешен и фендрик (прапорщик) Красо. Затем прибит был приказ, которым воспрещалось обнажать шпагу, с угрозой за нарушение этого смертною казнию.

В воскресенье, 14-го числа, г-н Казимир Болюс, посланник французский, живший некоторое время в Москве неведомо, в первый раз представлялся царю в доме графа Федора Алексеевича Головина.

Того же дня его величество посетил г-на Брантса с некоторыми из своих, и его угощали там холодными кушаньями и подкрепительными напитками. По этому случаю я впервые вышел из дому, желая иметь честь проститься с его величеством и испросить у него вид на выезд из его владений. Он был так внимателен ко мне, что, нашедши во мне большую перемену, спросил меня, что со мной и отчего я так изменился. Я отвечал, что нездоровье мое приписываю излишества, которым предавался я во время поездки моей в Воронеж. На это он отвечал мне, что в подобных случаях нет ничего лучше, как принять шерсть той же самой скотины (лечиться тем, чем ушибся). Между тем подошли к нам г-н резидент и некоторые другие иностранцы.

Получив просимое мною дозволение и приказ господину Федору Алексеевичу Головину о виде для меня, я простился с государем, который удостоил меня чести поцеловать у него руку, а затем он, благословив меня, сказал: «Да сохранит тебя бог!»

Было уже около 10 часов, когда его величество отправился со своим обществом к г-ну Лупу и нескольким англичанам, перед отъездом своим в Шлейтеленбург (Шлиссельбург). Он уехал туда 15-го утром рано, не завернув даже в Преображенское.

Этого же числа было исполнение казни еще над двумя преступниками, а именно: над капитаном Саксом и над слугой полковника Бодона, которого тело и голова лежали еще на земле, на месте казни, а тело Красо висело еще на виселице; несколько солдат сторожили еще эти оба тела. Сказанных преступников (Сакса и слугу) взве-

ли на плаху, палач стал было уже подле них с топором в руке, чтобы нанести им роковые удары; но им объявлено помилование: смертный приговор капитана заменен вечною ссылкой в Сибирь, а приговор слуги Бодона — тридцатью ударами кнутом и пожизненной работой на галерах; несколько позднее, впрочем, я слышал, что слуга этот умер от одного наказания кнутом.

Наш резидент потребовал, именем его величества, от господина Головина вид для меня, и тот немедленно исполнил это требование.

21-го числа праздновали вербное воскресенье; 25-го — благовещение Девы Марии, праздник, весьма чтимый русскими, а 28-го числа — праздник пасхи. Кроме этого, во все это время не случилось ничего замечательного, за исключением разве пожара, бывшего еще раз в Москве 30-го числа, и того, что река Москва вскрылась и прошла 1 апреля. Быстрая оттепель чрезвычайно испортила дороги. 3-го числа в реке Москве была такая сильная прибывь воды, какой и старики не помнили. В это время у меня сделалась трехдневная лихорадка, но я отделался от нее после трех или четырех ее посещений.

ГЛАВА XIV

Сочинителю показывают достопримечательности церквей. Полотно, несгораемое в огне

Выздоровев от лихорадки, я отправился к Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, которому его величество, еще бывши в Воронеже, приказал показать мне в Москве все, что заслуживало внимания в церквах и других местах этого города. Этот вельможа, о котором я уже прежде говорил, принял меня весьма вежливо и объявил мне, что он готов исполнить приказание государя, когда это мне будет угодно. Я отвечал, что я желал бы сделать осмотр неотлагательно, если только это не противно его желанию, потому что я уже совсем готов к отъезду в дальнейшее мое путешествие в Персию, как это известно его превосходительству. Он велел мне 10-го числа утром быть у него в доме, уверяя, что приготовит все в ожидании меня. Я, разумеется, не пропустил случая быть у него в назначенное время и, явившись к нему, застал его уже готовым сесть на лошадь для отъезда на дачу. Он обязательно

сказал мне, что один господин, бывший тут же при нем, постарается проводить меня везде, где мне будет угодно. Первое место, в которое мы отправились, был Собор, в котором, как полагают, находится образ работы св. евангелиста Луки и риза Иисуса Христа, о которую воины, сторожившие его, метали жребий. Русские рассказывают, что риза сия досталась по жребию одному воину из Грузии, который принес ее в свою землю и подарил там своей незамужней сестре; что сестра эта, принявшая такой подарок за весьма драгоценный для себя, пожелала, чтобы, когда она умрет, с нею положили и ризу, покрыв ее оной; что когда все это так сделали, то на ее могиле тотчас же выросло большое дерево; что далее персияне овладели Грузией и шах персидский, услышав будто бы рассказ о могиле, приказал разрыть ее и вынуть оттуда сказанную ризу, которую и увез с собою в Персию; что спустя несколько времени после того он отправил в Московию посольство, с которым послал и сию ризу в дар великому князю московскому, как христианину; что москвитяне, якобы желая удостовериться, действительно ли то была риза Христова, собрали всех слепых, хромых и иных калек, полагая, что если она настоящая Христова риза, то, без сомнения, исцелит тех калек, и оказалось, что исцеление последовало, согласно с их надеждою; что с тех пор всегда хранили ту ризу для того, чтобы пользоваться ею в подобных случаях, и никогда, говорят, не случалось, чтобы она не оказывала исцеления. Русские утверждают все это как истину несомненную, и потому-то я и заговорил об этом прежде всего другого.

Церковь эта внутри четырехугольная и в длину имеет девяносто шесть рейнских футов. Свод ее поддерживают четыре больших столба, и все здание полно образами святых и изображений из Священной Истории. Есть изображения недурной работы, греческого пошиба, и они написаны всюду, даже на пяти небольших церковных главах, или куполах, сделанных в виде фонарей, из коих самая большая глава посредине, а остальные по четырем ее углам. Образ, про который говорят, что писан св. Лукою, находится на левой стороне от главного алтаря и представляет Деву Марию в поясном виде, с Иисусом Христом на руках, который как бы лобзает Святую Матерь, приложив свой лик к ее лику. Образ этот чрезвычайно темен и почти даже черный; но не знаю, было ли это влияние времени, или копоти от восковых свечей, или же вкус или пошиб живописи; как бы то ни было,

только верно то, что произведение не из замечательных, тем более что ничего на образе и не видно, кроме ликов и рук, все же остальное золоченое или покрыто золотом. На главе у сей св. девы прекрасный венец, усеянный жемчугом и драгоценными камнями, и на шее жемчужное ожерелье, висящее по одежде. Образ сей стоит в некотором углублении, под которым есть и престол. Между двумя колоннами перед главным алтарем стоит большой серебряный подсвечник, как и подсвечники в наших церквах, для поставления на нем свечей, и подсвечник этот сделан был в Амстердаме. Есть еще три других медных подсвечника, очень красиво расставленных посреди церкви. Кроме этого, в русских церквах вообще украшений немного. Впрочем, в описываемой церкви вокруг алтаря висят еще десять серебряных лампад. Русские не жгут масла, не употребляют его, а вместо него жгут восковые свечи, которые вставляют в трубочки или подсвечники, расположенные на верхней части лампад. Внизу больших подсвечников они привешивают обыкновенно страусовое яйцо.

Осмотрев эту церковь, мы пошли в Патриаршескую, которая находится наверху, в виде церковной главы. Направо в покое, находящемся против этой часовни, есть икона, изображающая Иисуса Христа, сидящего на престоле, вся золотая (в золотой ризе), за исключением лица и рук; тут же изображены Дева Мария и святой Иоанн Креститель на левой стороне, и затем с каждой стороны по апостолу на коленях; перед образом висит серебряная лампада. Между этой комнатой и дверью в церковь, на возвышении нескольких ступеней, находится амвон, на котором стоит патриаршее седалище, обитое черным бархатом. Вошедши в сказанную небольшую церковь, глазам представляется алтарь, а позади его небольшие хоры, наполненные образами святых. Образа сии отделяются друг от друга колоннами или столбиками, образующими как бы окна, и все там блестит золотом. С других сторон стены окрашены голубою краскою. В глубине свода (или купола) изображена глава Спасителя, занимающая почти все дно, а по бокам вокруг — другие изображения. Приемная патриарха, довольно просторная, находится насупротив этой церкви. При входе в нее, на левой руке, — кресло патриарха: все золотое, с подушкой из зеленого бархату и с золотой бахромой около ручек. На верхней его части (наверху спинки) находится небольшое изображение Иисуса Христа. Кругом этого кресла возвышение в три ступеньки.

По выходе отсюда нас повел отец в покой, где хранятся сокровища, большею частью старых патриархов. Весь покой заставлен был ящиками и сундуками, которые открывали для меня. В первом сундуке хранилось шесть патриаршеских митр, между которыми я увидел две большой цены, отдельно от других сохраняемые, украшенные крупным жемчугом, крупными брильянтами и другими драгоценными камнями. Остальные митры украшены были также, только не так богато. Тут же была и седьмая митра, которая унизана исключительно одним жемчугом, и эта митра митрополитов. Затем нам показали еще сундук, наполненный драгоценностями, между которыми замечательны были кресты, усеянные брильянтами, на золотой цепи. Все это принадлежности разных патриархов, употреблявшиеся и употребляемые при различных обрядах, крестных ходах и других торжествах или праздниках. Было здесь и множество поясов, унизанных драгоценными камнями; гребней, бывших в употреблении у прежних патриархов, большею частью довольно большого размера и сделанных из черепахи; несколько патриарших же посохов, усеянных на верхнем конце драгоценными камнями; множество ящиков с ризами и одеждами патриархов, в количестве семидесяти девяти одежд, все из золотой парчи, вышитой жемчугом и драгоценными же камнями. Из числа сих риз важнейшие девять чрезвычайно красивы и великолепны, все унизанные драгоценными камнями. В других ящиках хранятся прекрасные епитрахили, шириною в полторы ладони, и, между прочим, епитрахиль патриарха Константина, которую он надевал в 6176⁶⁶ году, по русскому счислению. Это одеяние сделано из одноцветной шелковой ткани и от времени уже довольно ветхо. Его и теперь употребляют еще в различных случаях, и хранится оно с другими одеждами, наиболее великолепными. Здесь же хранится множество блюд раззолоченных, бездна чаш и другой дорогой посуды. Удовлетворив здесь мое любопытство, я отложил осмотр других церквей до следующего дня. Но в этот следующий день, воскресенье, я отправился прежде к г-ну Мусину-Пушкину, чтоб узнать от него, нельзя ли мне взглянуть на ризу Христа, на что он ответил мне, что это невозможно, потому что она хранится в месте, запечатанном печатью его величества, так что без особого его разрешения и видеть ее нельзя. Мне было досадно, что я не подумал и не знал об этом пораньше. Затем я отправился опять в Собор досмотреть все, что было в нем замечательного. Мне показали там большую золо-

тую чашу, вышиною в две ладони, употребляемую при причащении, увенчанную по краям четырьмя прекрасными драгоценными камнями... на подножии которой представлено эмалевое изображение страстей Спасителя; затем вынули большое блюдо из того же металла, обделанное эмалью, так же как и чаша, и украшенное такими же четырьмя драгоценными камнями; две тарелочки, ложечка с агатовой ручкою; копьцо для мешания вина в чаше и один венец, весь в жемчуге и драгоценных камнях; и еще две малые чаши, агатовые, обделанные также драгоценными камнями. Русские рассказывают, что все эти драгоценные камни найдены были на дне бочки, которую св. Антоний (один русский) велел вытащить известным рыболовам, под условием, что он возьмет себе все, что окажется в сетях их, и это было в то время, когда он в плавании своем из Рима в Новгород предстал этим рыбакам, плавая на мельничном жернове.

После этого мне показали большую книгу, которую носят в крестные ходы в известные праздники; книга эта осыпана была драгоценными камнями, а внутри ее находились во множестве изображения из Св. Писания, и все буквы — золоченые. Все это хранилось отдельно, в ящиках, обитых красным бархатом. Здесь почивают мощи митрополита Петра в серебряной раке, с выпуклым изображением его на верху ее; далее показывали небольшую червленую частичку помянутой выше ризы Христовой, хранящейся в ковчеге под стеклом; мощи митрополита Иоанна, стоящие по другой стороне церкви в такой же раке, и мощи Филиппа в особой, подобной же, раке. После этого мне показали еще частицы мощей разных святых: руку Иоанна Златоуста, череп и всю главу Григория Богослова и проч(ее) и проч(ее). Отсюда, поблагодарив священника за труд, который он принял на себя для меня, я пошел в церковь св. Архангела Михаила, чрезвычайно красивую внутри и наполненную изображениями сверху донизу, как и первая церковь. Здесь погребены все великие князья московские, один возле другого, кроме двух последних, братьев настоящего царя, которые погребены вместе в другом месте. Все сказанные гробницы довольно возвышенны, и на них лежат великолепные покровы из красного бархата с бахромой из зеленого бархата, на которых русскими буквами вышиты надписи о времени рождения, летах покойников, кончине, также большие кресты, унизанные жемчугом. Но ни один из сих покровов не равняется в великолепии с покровом послед-

него умершего великого князя Ивана Алексеевича, который весь усеян драгоценными камнями.

По выходе из этой церкви я пошел в церковь Благовещения, небольшую и полную образов, подобно первым двум. В одном верхнем отделении здесь мне показывали тридцать шесть серебряных и несколько золотых ковчегов с мощами святых, которые разложили на одном длинном столе перед моим приходом. В лучшем из них... хранилась кровь Христова, в другом — небольшой крест, сделанный из древа настоящего креста Спасителя, а в прочих — рука св. евангелиста Марка, несколько костей пророка Даниила и мощи других святых, похожие на мумии; также много голов и других останков, чрезвычайно потемневших. Показавши мне все сказанное, предлагали еще отправиться и в другие церкви; но, удовлетворив в этом отношении своему любопытству, я извинился и поблагодарил моего вожатого за беспокойство его для меня, а других — за милость и одолжение, мне ими оказанное, сколько я знаю, никому из иностранцев доселе не делавшееся.

15-го числа апреля я отправился с г-ном Гансом Маттисом Поппе посетить князя Бориса Алексеевича Голицына⁶⁷ в прекрасном его поместье, устроенном как дача, в пяти верстах от Москвы. Едучи к нему, мы проезжали по превосходным владениям князя Михаила Черкасского⁶⁸, богатейшего из русских князей, имеющего, сверх множества поместьев, более 20 000 душ крестьян. Мы застали князя Бориса дома: он сидел в своем кресле, и я, после изъявления должного почтения, просил его снабдить меня видом из Казанского приказа, так как он был как бы вице-королем казанским и астраханским. Я обратился с такою просьбою потому, что г-н Поппе предупредил меня, что казанский, в особенности астраханский губернаторы могут не принять в уважение моего вида из Посольского приказа и поэтому могут воспрепятствовать продолжению моего путешествия. Князь Борис согласился на мою просьбу и из уважения к г-ну Поппе, другу его, распорядился выдачею желаемого мною вида утром следующего дня, вместе с письмами по этому предмету к губернаторам казанскому и астраханскому, за что мы отблагодарили князя и распростились с ним. Несколько месяцев тому назад этот князь был в Казани, по повелению его величества, для устранения некоторых неудовольствий, возникших между двумя знаменитейшими татарскими князьями, отцом и сыном, по следующему случаю: отец, увидев у своего сына одну из его жен, прельстился

ею и приказал похитить ее. Сын, оскорбленный такой выходкой отца, объявил ему войну и выступил уже в поле во главе 20 000 войска. Отец, с своей стороны, набрал наскоро до 40 000 человек, и враждующие стороны готовы были даже сразиться, как приехал на место ссоры князь Борис и помирил отца с сыном. Татарский князь, между прочими поминками, подарил Борису штуку толстого полотна, не горящего в огне. Князь Борис дал кусочек этого полотна и г-ну Поппе, который мне тоже уделил из своей доли. Он сказал мне, что полотно это сделано в Китае, в стране между Хиною и Богааром (Бухарой?), и что там и теперь еще делают его, т. е. в Тангуте. Некогда и я привез с острова Кипра камень Амианто, который обращают в пряжу, также в огне несгораемую. В давно минувшие времена из этой пряжи ткали и полотно, но искусство это теперь утрачено. <...> Плиний упоминает о подобном полотне, так же как и некоторые новейшие писатели, сообщающие сведения о римских древностях и об употреблении ламп в древних гробницах.

16-го числа я обедал у г-на Поппе в городе, где он жил, и, возвращаясь от него в слободу, увидел пожар, на который и пошел, чтоб посмотреть, как там действуют для прекращения огня; но я не видел там никаких других для этого мер, кроме разобранья и сломки соседних домов.

Виды для проезда мои были уже готовы, и я приготовился к отправлению в сообществе с одним армянским купцом, Яковом Давыдовым, который приезжал из Испани⁶⁹ в Голландию и жил некоторое время в Амстердаме. Мы согласились пуститься в путь 22-го числа апреля и плыть реками до Астрахани. Я употребил оставшееся у меня до отъезда время на прощание с нашим г-ном резидентом Ван дер Гульстом, которому я весьма много обязан за расположение его ко мне, также с гг. Брантсом и Лупом, оказывавшими мне множество одолжений, и преимущественно с г-ном Петром Койе, превосходно знавшим язык и обычаи страны (куда я отправлялся) и сообщившим мне многие сведения, которые очень пригодились во время моего путешествия. Потом благодарил я и других добрых моих друзей и тотчас пополудни выехал. Не нашедши, однако, лодки, которая бы доставила меня на судно моего армянина, отправившегося уже до Мячкова заранее, чтобы пройти пески и мели во время еще высокой воды, я принужден был нанять три повозки, для того чтобы догнать судно армянина сухим путем.

Отъезд из Москвы.

Течение Волги, города и места,
лежащие на ней.

Прибытие в Астрахань

И так я пустился в нанятой повозке в дорогу. Проехав десять верст, я миновал Коломенское — город, лежащий с правой стороны. Коломенское снаружи очень красиво, так как оно находится на некотором возвышении: в нем есть прекрасный монастырь, еще одна церковь и две башни. Здесь для переезда через реку с одного берега на другой перекинут мост, или, лучше, плот, составленный из связанных вместе бревен таким образом, что можно отвязать часть его и развести плот, когда нужно бывает пропустить суда, и затем опять свести его. Я проехал таким же образом мимо многих селений, лежавших на правом, возвышенном, берегу, местоположение которых было также очаровательно. К вечеру я въехал в лес, деревья которого не были высоки, и ехал лесом этим несколько часов, так что было уже довольно поздно, когда я приехал в Мячково. Я узнал там, что барки армян не приходили еще туда. В Мячкове было две избы, но, несмотря на то, я все-таки должен был переночевать в полуоткрытой риге или сарае и улечься там на жесткой земле.

23-го утром рано товарищ мой по путешествию прибыл с четырьмя барками и тремя другими армянами, которые также ехали в Испагань, и он сообщил мне, что корабль, на который мы должны были сесть и на котором у него была большая кладь сукна, ушел вперед верст на шестьдесят оттуда. Мы последовали за ним водою и нагнали его в 10 часов вечера; но так как было уже поздно и все было еще в беспорядке, то мы не пожелали войти на него, а расположились на берегу, где развели добрый огонь и поели отличных окуней и щук, которых мы купили на дороге у рыбаков за три штивера. Отсюда я написал несколько писем моим друзьям на родину и в Москву, и на другой день, 24-го числа, в 10 часов утра взошли на корабль наш. У русских в употреблении небольшие плоскодонные суда, называемые у них стругами, которые могут поднимать до трехсот тюков шелку, составляющих пятнадцать ластов, и имеют довольно значительную полость, или вместимость, одну мачту и один громадный парус, с которым плавают только тогда, когда ветер дует в

корму; когда же ветер противный, то плывут на шестнадцать веслах. Руль у них состоит из длинного шеста, значительно расширенного на том конце, который находится в воде; другой конец этого шеста проходит посверх судна и опирается на особо приспособленную для того деревянную стойку, или подставку. Кормчий судна управляет этим рулем с помощью веревки, привязанной промеж двух крыльев, которые крепко держат руль и которые можно поставить и отнять по желанию. На судне нашем находилось двадцать три гребца и пятьдесят два путника, русских и армян, считая с прислугою их. Река Москва очень извилиста до этого места и имеет почти везде около сорока сажень в ширину. В исходе второго часа мы проплыли мимо Смоленского монастыря (Смоленской божией матери), очень на вид красивого, с изящною колокольнею. Он стоит у опушки прекрасного леса, верстах в ста от Москвы. Плывя далее, мы не теряли его из виду с обеих сторон до 4 часов. Затем по обоим берегам реки мы видели страну более открытую, ровную, наполненную разными селениями, а к вечеру пошла уже страна более возвышенная. Мы спустили якорь и остановились на время ночной темноты. 25-го числа в 9 часов утра мы прибыли в Коломну, лежащую на юго-запад от р. Москвы. Это город епископский, в полуденной части России, находящийся на восток от Москвы. Я снял вид этого города с северной его стороны, с которой реки не видно... Город этот, о котором было уже говорено при путешествии в Воронеж, водою отстоит в ста восьмидесяти верстах от Москвы, по причине больших изворотов реки Москвы, через которую здесь находится мост, или, скорее, плот, подобный описанному выше (при селе Коломенском). Мы остановились здесь до 7 часов, чтобы дать время гребцам приготовить их паруса. Вечером мы достигли реки Оки, текущей с юга в том месте, где впадает в нее Москва. Ока тут довольно широка, равно как и р. Москва, которая казалась нам до сих пор вовсе не широкой. Источник р. Оки находится недалеко от границ Крымской Татарии. Река эта течет по полуденной части Московии и проходит на восток от города Москвы, через Московское княжество, и впадает в Волгу близ города Нижнего Новгорода. Местность, в которой мы теперь находились, была чрезвычайно приятна; с правой от нас стороны лежало местечко Кикино-Щурово, с двумя большими зданиями, из которых с правой жил местный начальник, а с левой — другое селение, также с большим зданием, в десяти верстах от Коломны. Течение реки теперь было бо-

лее прямое, и мы подавались далее вперед, не останавливаясь ночью. 26-го числа утром мы миновали с левой стороны селение Дединово с прекрасной церковью на берегу реки, в тридцати верстах от Кикина. Направо и налево видны были теперь леса из невысоких деревьев, и река шла постоянно одинаково широко. Около 10 часов опять показалось селение на реке, раскинутое большею частью в юго-западном направлении. Проехавши после полудня довольно далеко с востока на юг, прибыли к селению Белый Омут, расположенному в недалеком расстоянии от реки. В этот день увидели мы горы довольно высокие и красивые; но река здесь опять начала извиваться. Продолжая наш путь на восток—северо-восток, в 5 часов прошли мимо селения на правом берегу реки и несколько хижин на возвышенности; почва земли и деревья показали нам прелестными своею зеленью. Вскоре затем миновали мы снова селение, лежащее на самой крайней возвышенности, и я снял вид последнего. <...> Отсюда горы, бывшие у нас только с правой стороны, оставили нас, и мы заметили, что река значительно сузилась, а к вечеру по берегам потянулись направо и налево уже холмы, покрытые невысокими деревьями. Проехав ночью мимо нескольких селений, 27-го числа утром мы увидели высокую гору на правом берегу и множество селений на левом, где паслись притом коровы и овцы на лугах. Между тем ежедневно нам попадались рыбаки на малых лодках, выдолбленных из древесных стволов, и продавали нам множество окуней и шук очень дешево, так что на три или четыре штивера давали нам этой рыбы такое количество, что семь или восемь человек не могли, бывало, управиться с нею. Продвигаясь далее постоянно на восток, мы доплыли в 8 часов утра до одного острова с левой от нас стороны, довольно большого в длину и покрытого деревьями, а затем около полудня миновали многие селения с левой стороны, равномерно другие на горной стороне, тут же и прекрасный монастырь Богослова, выстроенный из камня и чрезвычайно живописно расположенный на горе среди деревьев. В стороне от монастыря расстилается большая зеленая равнина, простирающаяся до самой реки и покрытая стадами пасущегося на ней скота. Сказанный монастырь лежит на северо-запад от реки, в двадцати верстах от Переяславля. <...> Почва земли там чрезвычайно плодородна и потому усеяна частыми селениями. В 3 часа простились мы с гористой частью края, а час спустя мы доплыли слева до залива нашей реки, называемого проран, в пятнадцати верстах от Переяславля.

Немного спустя мы достигли до другого залива, такого большого, как и самая река, и простирающегося далеко вперед в материк. Еще час спустя мы увидели третий залив, но уже справа, который также вдавался вовнутрь земли, словно как река, к самым горам, и простирался во все стороны. Что касается до меня, то я полагаю, что это было просто наводнение. В этом же месте река снова начинает извиваться. В 6 часов мы увидели селение Фабренева на горе, а в низменной части этой местности почти везде было наводнение, залившее даже вершины деревьев и походившее на море. Почва земли с этой местности, казалось, пошла песчаная. Здесь мы часто встречали барки, шедшие из Казани и других мест; барки эти тащили (вверх, против течения) на берегу люди в большом числе и с великими трудностями. Правда, они плыли и на парусе, когда дул благоприятный ветер. В этой же местности мы увидели бездну уток, куликов, пигалиц и другой дичи и вечером доплыли до монастыря Боровского, сооруженного из камня, на горе, невдалеке от реки и близ одного селения, лежащего в трех верстах от Переяславля, где мы и остановились ночевать. 28-го числа утром мы проехали с правой стороны мимо города Переяславля в туманную погоду, которая помешала нам рассмотреть его, как бы я того желал. Он лежит не в дальнем расстоянии от реки, на горе, под 45° и 42' и называется Переяславль-Рязанский — название, полученное им от Рязанской области, или губернии, в которой он считается главным городом. Затем мы миновали множество селений, раскиданных по горам, и видели наводненные поля, довольно похожие на наши земли, из которых извлекают топливо и добывают торф, и вообще на местность между Гаагой и Лейденом. Далее, в восьми верстах за Переяславлем, мы заметили громадное селение, принадлежащее Тимофею Ивановичу Ржевскому, губернатору астраханскому, и нескольких русских под раскинутыми палатками, по-видимому веселившихся на берегу реки. Еще далее затем повстречали мы по обоим берегам множество селений и всю местность, залитую водой до того, что вода покрывала самые деревья. Река была очень широка в этом месте, и вечером мы очутились окруженные деревьями. Вода реки выступила из берегов до такой степени, что трудно было узнать настоящее речное русло и плыть по нему. Тем не менее погода была прекрасная, хотя и чрезвычайно жаркая. С помощью лодки, ежедневно отправляющейся на землю за дровами, я выходил на берег, чтобы поискать дичи. Вечером, в шести часах от Рязани, нас

обогнала большая барка на веслах, плывшая из Москвы. 29-го числа утром мы достигли, в десяти верстах от Рязани, одного углубления, или выгиба, в левый берег, в несколько сажен ширины, так что проникшая в это углубление речная вода образовала большое озеро, на котором ходили и барки. Так как в это время был сильный туман, то селений мы никаких здесь не видали. Через версту далее отсюда мы достигли до другого залива, где, сделав полукруглый обход, заканчивалось озеро, о котором мы сейчас говорили. Луга в этом месте кишели стадами лошадей и рогатого скота, и местами видны были высокие горы. В 9 часов мы видели только наводненные поля, но, достигши одного поворота, где река образовывала еще новый залив, мы увидели опять открытую землю и местечко, называемое Киструс, в несколько жалких домишек, около которого стояло множество барок. Здесь мы в 11 часов в первый раз натянули парус, при незначительном восточном ветре, и, проехав далее, увидели на правом берегу Терихов монастырь, с небольшой подле него деревенькой. Около полудня показался монастырь Солосад, с довольно большою каменной церковью, а его селение — вблизи, вдоль берега, на возвышении. После полудня проплыли мы опять несколько под парусом. Далее затем мы проезжали опять берега, залитые наводнением, так что вода достигала до ветвей высоких деревьев. Такие наводнения случаются здесь ежегодно, вплоть до июня месяца, когда вода начинает уже спадать. Затем, миновав еще несколько селений по обоим берегам и повстречав суда, остановились на ночь. 30-го числа мы заметили утром рано деревушку с несколькими хижинами на песчаном холме, окруженном с обеих сторон рекой, низменном и покрытом кустарником; это было нечто вроде острова. Около 10 часов прибыли к селению Теринскому, на правой руке, куда и отправили было небольшое судно за пивом, но понапрасну: его там не оказалось. Теперь были мы во ста верстах от города Касимова, а в полдень увидели селение, которое на возвышенности далеко раскинулось вдоль реки; через два часа показалось другое на конце одного холма, за коим потянулась уже равнина, большею частью бывшая под водой. (...) Здесь мы в другой раз пошли было на парусе при попутном северо-восточном ветре; но это продолжалось недолго, и мы должны были снова взяться за весла. Проехавши таким образом мимо нескольких селений, мы опять увидели затем поля, до того залитые водою, что ничего не было и видно, кроме неба, воды да верхушек дерев.

Вечером мы встретили струг его царского величества, нагруженный якорями, отправляемыми в Азов и сопровождаемый другим судном, поменьше. Мы приветствовали друг друга несколькими ружейными и пистолетными выстрелами. Когда мы были уже в тридцати верстах от Касимова, то поплыли ночью только на восьми веслах, для того чтобы другая половина людей могла отдыхать поочередно.

1 мая утром попадались нам несколько селений по обеим сторонам, а также и зеленые поляны на возвышенностях, а в час пополудни мы прибыли к городу Касимову, лежащему на левом берегу реки, на вершине и по склону одной горы. Он не обнесен стеною, хотя довольно велик, и все дома в нем деревянные, точно так же как и находящиеся в нем четыре церкви. Есть в нем и башня, при мечети турецкой, или татар, которые проживают в городе. Я пошел было в город с несколькими армянами купить кой-чего съестного, в особенности пива, но ни того, ни другого не нашел на площади, которая очень плохая была.

Мы поплыли на веслах вслед за нашим судном, которое продолжало свой путь во время нашего отсутствия, и с трудом догнали его только через час, миновав несколько селений. Наши люди, также вышедшие на берег в наше отсутствие, отыскали в лесу спаржу, из которой и состряпали себе превкусное кушанье. Спаржа была тонка и длинна, но вареная оказалась превкусною и питательною. Я выбрал себе из нее самую крупную и приготовил по нашему способу.

Когда мы проехали еще мимо нескольких селений с юго-востока, то поднялся противный нам ветер, такой сильный, что мы едва могли удержать наше судно от того, чтобы оно не ударилось о правый берег. Мы даже и ударились было уже о берег один раз, но скоро оправились и вышли опять на волну; при этом случае я заметил, что суда, подобные нашим, плохо слушаются руля. Вечером мы прибыли к одному большому селению, расположенному на горе, спускающейся к реке. Я снял вид с него. (...) Ночью миновали мы еще несколько сел и 2 мая утром достигли до Елатьмы, находящейся в шестидесяти верстах от Касимова. Город этот стоит на вершине горы и значительно продвигается внутрь страны, таким образом, что с реки, на левом берегу коей к югу лежит, всего его видеть невозможно. Он довольно обширен, с восьмью церквами, и несколько каменных домов его расположено вдоль левого берега реки. Он окружен многими деревнями, а ча-

стью лесом, и представляет с обеих своих сторон довольно красивый вид, а далее виднелись еще многие селения. Около 5 часов встретили мы слева обширный луг с пасшимися на нем стадами, а потом и речной залив, который, казалось, проходил между лугами и деревьями к одному селению, расположенному на горе. Река в этом месте стала очень широка, и берега с обеих сторон покрыты были деревьями. В некоторые дни мы видели здесь несметное множество гусей, летающих в воздухе большими стаями.

3-го числа проплыли мы мимо Мурома — города, расположенного на одной горе, спускающейся к реке. Город этот с виду довольно большой, с семью каменными и многими деревянными церквями. Говорят, что здесь родится лучший во всей России хлеб. Он отстоит от Елатымы на шестьдесят верст и заселен русскими и татарами. Говорят также, отсюда начинают встречаться татары, называемые мордва.

Продолжая наш путь по реке, в этих местах опять чрезвычайно широкой, мы видели по берегам селения и поля, совершенно залитые водою. Одно из этих селений лежало у подошвы одной горы, тянувшейся на несколько часов отсюда. Почва земли здесь песчаная и наполненная таким множеством камней, что трудно причалить к берегу. Здесь же мы видели одного человека, который, подходя к нам, беспрестанно осенял себя крестным знаменем и от времени до времени клал земные поклоны. Русские наши, увидев его, поплыли к нему на лодке, чтобы вручить ему все, что каждый пожелал дать ему, и между прочим несколько хлебов. Это был бедняк-нищий. Несколько далее мы видели еще трех женщин, таких же бедных, с детьми, коих они держали на руках; мы также и им дали милостыню. Эти бедные люди живут в горах и, как только появится судно, выходят из своих трущоб просить подавания.

Наконец увидели мы два селения на сих горах, а далее снова равнину. В 5 же часов подняли мы парус и проплыли некоторую часть реки при северном ветре, приблизились к новым горам, довольно высоким, хотя без деревьев, но в то же время чрезвычайно зеленевшим, на конце коих лежало два селения. Они были по правой руке, и мы направились прямо на восток, под ветер. Вскоре затем, доплыв до одного кабака, я вышел на берег с несколькими людьми в надежде найти там пиво; но нашли там прескверное пиво <и> только через час догнали наше судно. Миновав несколько селений, поднялся противный

ветер, довольно сильный, который принудил нас остановиться на несколько часов. После того, отправясь далее, мы пропустили две реки: Ворсму-реку, впадающую с правой стороны, и в восьми верстах далее затем — р. Клязьму, впадающую с левой стороны и текущую сюда от Владимира.

4-го числа мы проехали мимо одного селения, а в 10 часов опять показались берега несколько возвышенные, и миновали селение Избылец, лежащее в сорока верстах от Нижнего. Мы встретили в этом месте барку о десяти веслах, шедшую чрезвычайно быстро против течения реки, берега которой чрезвычайно сближаются здесь с обеих сторон и покрыты лесами, а в некотором отдалении представляют тянущиеся горы. В 3 часа мы прибыли к монастырю Дудину, чрезвычайно красиво стоящему среди деревьев на склоне горы, на вершине которой тянулось селение Подвязье; монастырь можно заметить. Тут опять принуждены были прибегнуть к парусу, чтобы продвинуться вперед хотя сколько ни есть. К 7 часам очутились мы у селения Алена, заметного только по верушкам его.

Вечером ветер подул с такою яростию и волны поднялись такие сильные, что мы принуждены были остановиться у левого берега реки, но 5-го числа ветер стих, и мы до свету еще пустились снова в путь и, миновав несколько селений, прибыли наконец к верфи, которая тянется вдоль реки до самого предместья Нижнего, в котором первым представился нам прекрасный большой каменный монастырь, окруженный такою же стеною; каменная церковь посредине, тоже окруженная каменными и деревянными домами, простирающимися до самой реки; другая каменная церковь, довольно большая и изящно построенная напротив горы, тоже окруженная со всех сторон домами. Затем показался город, который русские называют просто Нижний, другие зовут его Нижний Новгород, или Малый Новгород, еще другие — Нижний Новгород. Это небольшая область, или княжество, с большим городом и кремлем на скале, при слиянии Оки с Волгою. Город обнесен прочною каменною стеною, и нужно прежде пройти большую длинную улицу или базар, чтобы очутиться у Ивановских ворот, которые находятся на берегу реки. Ворота эти построены из больших и толстых камней и сами по себе чрезвычайно толсты и низки для прохода. Через эти ворота, поднимаясь постоянно в гору, проходишь по большой улице, покрытой деревянными мостами, до других ворот — Димитровских. Близ сих во-

рот стоит лучшая каменная церковь, называемая собор, с пятью главами, окрашенными зеленою краской и украшенными сверху красивыми крестами; подле церкви — большой каменный, отлично сооруженный дворец митрополита, в середине которого изящная небольшая церковь с колокольнею, а затем еще две церкви — одна деревянная, а другая каменная. Приказ, или канцелярия, также находится подле этих ворот: он деревянный, равно как и дом губернатора. В остальном город сам по себе не представляет ничего особенного, что бы заслуживало обозрения, так как он невелик и все дома в нем деревянные. В нем только двое описанных выше ворот; страна же в окрестности его довольно приятна на глаз и покрыта деревьями и множеством рассыпанных там и сям домов. Стены его защищены башнями — круглыми и четырехугольными, — и между ними есть одна башня чрезвычайно большая и высокая, которая видна на далекое расстояние. У ворот со стороны материка, в помещении охранительной стражи, на вышке стоят четыре пушки. Предместья очень обширные, особенно то, которое выходит к стороне реки и в котором находится несколько каменных церквей и где гора, разделенная на несколько холмов, застроенных церквами и домами, представляет очень красивое зрелище. Всего местоположения, впрочем, нельзя и обозреть сразу по причине холмов и отлогостей, которые ограничивают вид. Река здесь постоянно заставлена множеством судов, приходящих или уже пришедших сюда со всех сторон.

На другом берегу этой реки лежит большое село, принадлежащее Григорию Дмитриевичу Строганову⁷⁰, с прекрасною каменною церковью и близ нее с каменным же господским домом, где живет по временам он сам.

Сим вечером отсюда отплыло сорок восемь больших десятивесельных барок, на которых в каждой было человек по сорок, для нагрузки этих барок, замерзших во льду, лесом. Все эти барки, находившиеся в сем городе, принадлежат этому купцу, которого считают, как сказано выше, самым богатым в России. Он платит по три риксдалера каждому, которого он нанимает для нагрузки его лесу. Вечером же стали звонить по случаю праздника вознесения господня, имеющего быть на следующий день. Мы накупили здесь потребное для нас продовольствие, и в особенности водки, которая здесь очень хороша, почему армяне и не упустили случая закупить ее, сколько им было нужно, заплатив за четыре штофа только два гульдена. Съестных припасов здесь также в изобилии. Ягненок

или простой баран стоит от тринадцати до четырнадцати штиверов; две небольших утки — один штивер; хорошая курица — три штивера, двадцать яиц — один штивер; два белых хлеба порядочной величины — один штивер; черный хлеб в семь или восемь фунтов — также один штивер. Пиво также здесь очень вкусно и дешево.

Полагают, что город Нижний отстоит от Москвы на восемьсот верст, или в ста шестидесяти часах; но сухим путем — не более ста часов. Он стоит на южной стороне р. Оки, по которой мы плыли, начиная от Коломны, как уже сказано выше, и эта река впадает здесь в р. Волгу, называвшуюся в древности Ра. Обе эти реки при соединении своем имеют в ширину 4000 футов, если только можно в этом верить тем, кто измерял их зимою, по льду. Город Нижний населен только русскими, и татар более в нем не видно. Он весьма многолюден. <...> Я очень желал снять вид этого города со стороны реки, но никак нельзя было склонить к этому русских по случаю праздничного дня; ибо они в такие дни ничего не делают, как только пируют. Я видел даже многих из них в пьяном состоянии валяющимися по улицам. Забавно глядеть, как эти жалкие люди всякий день без исключения бродят около кабаков или питейных домов. Я оставался несколько часов в одном из этих домов, где мы купили водку для себя, чтоб полюбоваться на проказы и странные движения выпивших, когда вино начинает отуманивать их головы. При этом они должны были оставаться на улице, потому что им не дозволяется входить в дом продажи напитков: они стоят у дверей, где находится стол, на который желающие выпить кладут свои деньги, после чего им отмеривают известное количество желаемой водки, которую черпают из большого котла деревянной ложкой и наливают в деревянную же чару или ковш. Самая малая мера водки стоит полштивера (две полушки). Прислуживает пьющим, таким образом, особый человек, который тем и занимается целый день, что разливает и подает водку, другой же помогает ему тем, что получает с пьющих деньги. Женщины приходят сюда так же, как и мужчины, и выпивают ничем не меньше и не хуже их. Я видел также, как совершали подобное шествие и в такой кабак, в котором продавалось только пиво и в который дозволялось уже входить всем желающим выпить пива.

6-го числа мы взошли на наше судно и, намереваясь отправиться, старались людей наших собрать всех на оное, ночь же провели не в дальнем расстоянии на реке. На следующий день рано утром мы продолжали наше пу-

тешестве, плыли вдоль города и предместья, вид коих показался мне так хорош, что я снял-таки его. <...> Продвигаясь все далее вперед, мы видели на левом берегу еще два селения, из которых одно, чрезвычайно большое, называется Весна, а на правом берегу — монастырь Печерский, большое и все каменное, кроме кровли, здание, со множеством домов по обеим его сторонам, в версте от города (Нижнего). Кроме того, мы видели еще небольшую церковь, называемую Вознесение, на горе, и несколько сот народу, мужчин и женщин, собравшегося туда со всех сторон, из города и других окрестностей, для отправления праздника, который и праздновали они, веселясь под раскинутыми палатками.

Мы оставались в трех верстах от города до семи часов утра, 7-го же числа пустились далее, минуя многие селения, друг возле друга лежащие на возвышенностях, переходящих в равнину. Следуя вперед, около полудня встретили опять довольно сёл на возвышенности, которые были высоки, похожи одно на другое и находились все в воде. По правую руку показалось опять селение на возвышенности, а далее и другое, внизу при реке. После 3 часов горы появились и образовали долину с небольшими деревьями, а около 5 часов предстало селение на одной, а другое на берегу реки. В 6 часов прибыли мы к селению Татинец, лежащему на той же стороне у реки, распустили парус с юго-западным-западным ветром, вскоре перешедшим в холодноватый. Тут мы опять заметили слева несколько селений, также один остров, в середине реки уже без деревьев, а к вечеру — опять несколько сел. Потом мы проследовали мимо реки Керженца с левой стороны, а с правой — мимо большого селения Лыскова, с хорошей каменной церковью. Затем с левой показался Макарьевский монастырь. Это большой каменный монастырь, окруженный отлично каменной же стеной и похожий больше на замок или на крепость; стена у него четырехугольная, и на каждом ее углу по башне. Кроме того, он имеет еще башню между этими башнями. Он лежит вплоть на реке. Я очень хотел было снять вид этого монастыря, но было уже поздно, да и много стреляли из ручных орудий. Подле монастыря раскинулось большое селение и хан, или большой деревянный караван-сарай, в котором купцы складывают свои товары. Это место, в котором ежегодно в июле месяце бывает значительная ярмарка⁷¹ и куда съезжается большая часть русских купцов отовсюду, хотя ярмарка продолжается всего только пятнадцать дней. Наши русские,

ездившие туда за покупкою рыбы, узнали там, что тому назад всего четырнадцать дней один губернатор, ехавши из Москвы, был окружен тремя барками русских разбойников, которых в каждой барке сидело по восемнадцать человек; что губернаторский струг, будучи снабжен достаточным оружием и без тяжелого груза, так хорошо защищался, что разбойники, потеряв трех человек убитыми, обратились в бегство; что обстоятельство это заставило губернатора воротиться в Москву, но что одного из своих людей он должен был оставить в городе для лечения ран, полученных им в схватке с разбойниками.

Мы решили поэтому быть настороже и приготовили наши оружия, чтоб защищаться в случае нужды из сорока ружей и пистолетов, бывших у нас; в то же время на целую ночь мы оставляли часовыми сторожами одного русского и одного из ехавших с нами армян.

8-го числа с рассветом дня мы прибыли к селению Бармину, отстоящему в ста верстах от последнего города, который оставили мы позади себя; следуя же далее, увидели справа разные села и острова, покрытые лесом. В 8 часов утра мы проплыли мимо большого селения Фокина, принадлежащего графу Головину. Оно тянется довольно далеко, вдоль берега реки по возвышенности, и, как говорили, в нем до 7000 домов. Здешние поселяне причалили на своих лодках к нам для продажи хлеба.

Продолжая наш путь, мы встретили множество островов по реке, которая в этом месте чрезвычайно расширяется. В 10 часов мы миновали реку Суру, текущую с юга, где начинаются высокие горы, у подошвы которых расположено большое село, называемое Василь, а на вершине их — Василь-город, которого, впрочем, с реки и не видно. Мне говорили, что городок этот невелик, без стен, и все дома в нем деревянные, а лежит он в ста двадцати верстах от Нижнего. Этот край заселен довольно черемисскими татарами, которые простираются даже за Казань. Поблизости тут лежит еще два селения, а следуя далее, проплыли мимо реки Ветлуги, впадающей с левой стороны, и мимо монастыря Юнга на правом берегу. В 4 часа мы достигли города Козмодемьянска, отстоящего в сорока верстах от предыдущего города: он довольно обширен и расположен вдоль речного берега на правой стороне, а частью на горе, но стен у него нет. Здесь ветер подул к югу, мы распустили наш парус и, продвигаясь вперед, увидели вскоре берега, поросшие липами, а в реке встретили много островов, но гор никаких нигде не было видно. Ночью мы проехали мимо города Чебоксар,

стоящего на правом берегу, в сорока верстах от последнего города, также на холме. Он показался мне чрезвычайно живописным. В тридцати верстах за этим городом мы проехали город Кокшайск на левом берегу реки. 9-го числа утром мы увидели на берегу высокие горы и обогнали один большой струг, в сопровождении нескольких других, плывших в Казань; погода была удушливая и теплая. В полдень мы уже были у Беловольска, находящегося в восьмидесяти верстах от Казани, на правом берегу, а после того прибыли в Беловольск, в который люди наши сходили закупить продовольствие. В 3 часа мы проплыли под парусом, с благоприятным ветром, мимо города Свияжска, который лежит на горе и имеет кремль. В нем много каменных церквей и монастырей, но стены и дома деревянные. Река Свияга, идучи с юго-востока, обтекает его кругом, образуя из него как бы остров, и впадает в Волгу. Напротив города, на том же берегу, в углу горы, видна раскинувшаяся деревня, называемая Солдатская слобода, между которою и городом течет р. Свияга и потом впадает в Волгу... где впереди Свияги находится остров. Мы проплыли мимо сказанной горы и, продолжая наш путь на юго-восток и минуя несколько сел, в 6 часов увидели город Казань с левой от нас стороны, на расстоянии четырех верст. Казань с виду очень красива по множеству церквей и монастырей, находящихся в ней, и по кремлю, окруженному каменною стеною. Мы проехали немного вперед напротив верфи, где строились корабли, в шести или семи верстах от города, в месте, где река очень широка. Там сорок барок или кораблей на спускном помосте (стапелях) и множество других судов, начатых стройкой и стоявших более впереди, подле города. Нам рассказывали, что всех судов должно быть построено тут триста восемьдесят, из коих одна часть назначена в Астрахань, для охраны Каспийского моря, а другая — в разные иные места. Я снял вид Казани в то время, когда мы плыли, возможно лучшим образом.

Город этот находится в Азии, в западной части московской Татарии, на реке того же имени, туземцами называемой Казанкой и впадающей в Волгу. Это столица царства того же имени (Казанского), лежащего между Булгарией и черемисами. Город обнесен деревянною стеною. Подаваясь далее, мы видели несколько больших островов, казавшихся лесами в реке, и тут мы должны были снова приняться за весла, так как ветер, дувший с запада, при извилинах реки был против нас. Сделав десять

верст, увидели мы селение Нижний Услон и потом вскоре несколько других — все на правом берегу. На горах находились печи для обжигания извести, в которых, по-видимому, работали, а на левом берегу были поля, залитые водою.

Утром 10-го числа мы достигли реки Камы, впадающей в Волгу с левой стороны, в шестидесяти верстах за Казанью. Она очень широка, течет с северо-востока с такою быстротою, что одним течением воды ее барки гонятся на расстоянии нескольких часов. Говорят, что вода Камы темновата, но я этого не заметил, а нашел справедливым то, что вода эта до такой степени сладка и приятна, что, смешавшись с водою Волги, вода этой последней реки значительно делается лучше на вкус.

Пропустив мимо несколько сел, в 8 часов очутились мы у селения Киренска, лежащего на холме, близ самой реки. В полдень мы прибыли к небольшому городу Тетюши, или Тетюш, в девяноста верстах за Казанью, на высокой горе правого берега. Он окружен деревянной стеной и состоит из плохих домишек и небольших церквей. Плыв мимо его, с реки видите только часть его стены. Тут же, на берегу реки, есть небольшая деревня, в которую люди наши ходили поискать кой-какого продовольствия и льду для охлаждения наших напитков, так как здесь мы заметили, что снег лежал еще на горах.

В 3 часа пополудни подул северо-восточный ветер, и мы подняли парус, а в 5 часов проплыли мимо одного длинного острова на левой стороне, называемого старицей, в сорока верстах за Тетюшем, а вечером доплыли до многих других островов, покрытых деревьями. Тут опять настала тишь, почему снова должны были грести по реке, которая в этом месте шириной более мили, а на правом ее берегу воздымались высокие горы. Так как ветер в это время поднялся чрезвычайно сильный и противный нам, то часть ночи мы простояли на якоре.

11-го числа утром я вышел на берег с моими армянами и несколькими русскими для покупки продовольствия близ города Симбирска, лежащего на правом берегу, на горе, в трех верстах от реки. Рассказывают, что некогда это был очень древний город, разрушенный великим Тамерланом⁷². Но следов этого не оказалось никаких, по которым мог бы я точнее узнать о городе, а время не позволяло мне пройти в самый город. Некоторые думают, что тут же есть несколько и других городов и местностей более высоких, развалины которых и теперь будто бы находятся налицо, но все это весьма сомнительно. Меня уве-

ряли, впрочем, что близ Царицына находятся еще следы древнего замка и стен его. Наконец, утверждают, что есть еще много чрезвычайно древних и весьма значительных городов между Казанью и Астраханью, и в числе их город Ахтуба на реке Уфе, о которых, впрочем, я ничего не мог узнать верного. Правда, что река Уфа известна; известно также, что она находится между Саратовом и Царицыном, по ту сторону Волги, впадает в эту последнюю и что протекает прежде разные земли до самой Сибири. Знают также, что город Ахтуба лежал на этой реке, но теперь от него не осталось ни малейших следов, все каменные материалы из него вывезены для постройки Астрахани и других мест.

Вышед на берег, я нашел предместье, или слободу, Симбирска довольно обширное, разбросанное частью вдоль реки, частью же на горе, на которую нужно было взойти, чтобы добраться до торгового. Здесь я увидел пожар; огонь охватил уже несколько домов, находившихся на горе: пять-шесть домов были объаты пламенем, а через полчаса пламя охватило уже более двадцати домов, которых нельзя было загасить и отстоять по причине сильнейшего ветра, препятствовавшего разобрать вовремя соседние дома, чем бы можно было еще приостановить распространение огня.

Что касается до продовольствия, то тут мы нашли его таким же дешевым, как и в Нижнем. Я весьма желал пройти в самый город, но не мог этого сделать, потому что барка наша спешила идти далее. Я увидал, впрочем, что город довольно велик и окружен деревянной стеной, что в нем восемь каменных церквей, три или четыре монастыря и более десяти тысяч домов, в которых обитают только русские; татары живут лишь в ближних слободах. Около 2 часов мы возвратились на свою барку на весельной лодке, что было не без опасности, потому что река в некоторых местах круто и быстро поворачивала и была очень глубока, отчего здесь бывает такое сильное движение волн, которое легкая лодка едва может выдерживать и одолевать. Город этот отстоит от Казани на сто восемьдесят верст. Затем мы видели множество островов на реке, поросших деревьями, на вид довольно красивыми, и по берегам — горы, видневшиеся из-за сих дерев.

Тридцать верст далее от последнего города мы проехали мимо селения Сенгиля, которое довольно большое и расположено вдоль реки. Также мимо некоторых других, заселенных русскими, со стадами овец, пасущихся тут на пажитях, но на левом берегу не было заметно вообще деревьев.

Около семи часов показалось на правой руке село Бектяжка, а час спустя — другое, по имени Новодевичье село, довольно обширное, густо застроенное, раскинутое как бы между двух гор: одной частью на горе, а другой — вдоль реки, — с несколькими церквами и высокою колокольней. Мы проехали мимо гор, которые зеленели и представляли красивый вид.

Ночью мы встретили барку на веслах с русскими, которые спросили нас, откуда и куда мы плывем и что за барка наша. Мы отвечали, что мы — его величества и что мы советуем им держаться подалее от нас, чтоб их не принудили силой к тому, как врагов, после чего эти люди оставили нас, конечно, из опасения.

12-го числа утром мы видели горы направо и налево, из которых одни покрыты сосновым лесом — явление, которого мы до сих пор не встретили. Река в этом месте была в ширину не более версты, но зато очень глубока. В этот год вода в ней была так высока, что затопила все земли и местности, о которых я уже упоминал выше, таким образом, что были многие речки, впадавшие в Волгу, которых, за наводнением, нельзя было различить. Бывшие с нами русские, ничего не знающие о подобного рода вещах, не могли сообщить нам никаких сведений о причине подобного явления, сам же я выходить и дознавать на берегу не мог, потому что барка наша не останавливалась.

В 9 часов, поворотив к юго-западу, заметили справа равнину между высоких гор, а затем селение Серый Буерак, лежащий в двадцати верстах от Самары. Наши люди выходили туда за продовольствием, и река в этом месте была очень широка. Мы видели, между прочим, там остров, залитый водою и, как видно, поросший лесом, а в 10 часов, на левом берегу среди равнины, — высокую гору, круглую, почти без деревьев, называемую Царев курган. Замечательно, что русские рассказывали нам, что это была могила одного царя, а другие — императора татарского по имени Маммона, который плыл по Волге с семьюдесятью другими татарскими царями с целью покорить Россию; что он умер в этом месте и его воины, которых он привел сюда в большом числе, в касках и на щитах сносили сюда землю, чтобы насыпать ему могилу, из которой и образовалась сказанная гора.

В расстоянии небольшого часа от этой горы далее находится другой холм, называемый Кабья гора, покрытый деревьями и тянущийся до Самары. Левый берег здесь до того порос деревьями, что за ними его и видеть почти не-

льзя. Это почти исключительно синильник (вайда) и ольха. В этих же местах находится лучшая сера, которую открыли здесь только два года тому назад. Работают здесь по производству этой серы в настоящее время более четырех тысяч человек — русских, черемисов и мордвы. Его величество присылает сюда смотрителей и солдат для надзора за рабочими.

В 2 часа пополудни прибыли мы к городу Самаре, лежащему на левой стороне, вдоль реки, на восток, на склоне и вершине горы, невысокой и безлесной, заканчивающейся вместе с городом на берегу... а не так, как описывают город другие, помещая его в двух верстах от берега. В конце города виднеется река Самара, от которой город берет свое имя. Говорят, что река эта впадает в Волгу в пяти или шести верстах отсюда. Этот город довольно обширен, весь деревянный, и домишки в нем плохие. Стены, снабженные башнями, тоже деревянные и со стороны суши довольно велики. Город занимает почти всю гору, а предместье тянется вдоль речного берега. Считают, что от Казани Самара отстоит в трехстах пятидесяти верстах. Когда плывешь мимо города, видишь городские ворота, множество небольших церквей и несколько монастырей.

В двадцати пяти верстах далее отсюда, с правой стороны, впадает в Волгу р. Аскула, где собственно и вливается река Самара. В этом месте мы потеряли из виду горы, так как река сделалась очень широка, и мы снова увидели их немного позднее, на правом берегу, близко уже от нас.

Около 6 часов подались мы на север от реки, мимо нового селения по имени Мочик, (раскинувшегося) между деревьями вдоль горы. Страна эта казалась нам схожей с прежней, на левом берегу, покрытой лесом, но под водой. В этот день мы встретили много барок, вверх и вниз пливших, видели множество уток необычайно крупных, серых и белых, а около 7 часов — опять горы и лес, и затем миновали впадение речки Васильевой с левой стороны. Это маленькая речонка, близ которой мы увидели посреди Волги небольшой, продолговатый и узкий островок, поросший деревьями и весь залитый водою, показавшийся нам чрезвычайно странным, или необыкновенным. Между тем снова встретили мы прежние горы, скудно покрытые деревьями, но красноватого цвета. Тут стоял один струг, шедший из Астрахани, хозяин которого сообщил нам, что за ним плывут еще четырнадцать стругов, все на Макарьевскую ярмарку, о которой было уже

говорено выше. Часть их проплыла мимо нас в продолжение ночи. В 10 часов мы находились еще в шестидесяти верстах от Самары, близ селения Переполовенское.

13-го числа мы видели на левом берегу город Кашкур, в ста двадцати верстах от Самары. Городок этот невелик, окружен деревянной стеной, снабженной башнями, с несколькими деревянными же церквями. Предместье его, или слобода, находится подле же города. <...> В расстоянии часа далее отсюда есть еще другой город, называемый Сызрань, довольно обширный, со многими каменными церквями. Горы в этой местности бесплодные и безлесные, но далее они становятся гораздо лучше. Калмыцкие татары делают набеги из этих мест вплоть до Казани и захватывают все, что могут или сумеют: людей, скот и проч<ее> и проч<ее>. Немного далее затем река часто извивается между множеством больших островов, поросших лесом, а берега до того затоплены водою, что с трудом можно различить Волгу. Наконец горы опять показались на правом от нас берегу, и горы эти от большой засухи и сильного солнечного зною совершенно все выгорели, тогда как в другое время они были бы покрыты травой. Вследствие такой засухи крестьяне горячо желали дождя, с трудом находя возможность прокармливать кое-как свою скотину.

Затем мы в 4 часа пополудни миновали Село, лежащее на правой руке, у подошвы горы, в шестидесяти верстах от Кашкура. Мы встретили здесь три больших струга, из которых один принадлежит его величеству. Все эти струги нагружены были казацкими женами, отправляемыми в Казань: мужья этих жен были в прошлых годах схвачены и перевешаны за разбой. Впоследствии мы будем еще говорить об этом событии.

Час спустя мы увидели еще три селения на берегу реки, а с левой стороны достигли до реки Васильевой, на-супротив которой виднелась Новая деревня, принадлежащая Федору Алексеевичу Головину. Мы бросили здесь ночью на некоторое время якорь, чтобы дать отдохнуть нашим людям, которые порядочно-таки устали, проработав перед этим веслами целые шестьдесят верст.

14-го числа мы проплыли значительное расстояние благодаря ветру, дувшему с юго-запада в корму. Мимо нас проплыл в этот день большой струг, нагруженный горшками, отправляемыми на продажу в Астрахань. Около 11 часов мы были уже у Воскресенского, лежащего с правой стороны, на холме, вдоль реки, в шестидесяти пя-

ти верстах от Саратова, где мы увидели горы, чрезвычайно утесистые, покрытые сероватым песком и усеянные камнями. Мы встретили там рыболовов, которые дали нашим людям множество прекрасной рыбы, как-то: стерлядей, окуней, щук и т. п. — за безделицу водки, продажа которой здесь запрещена. Около 4 часов скрылась возвышенность и показалась равнина с левой стороны, покрытая лесом. Затем встретили мы несколько островов, а около 6 часов нас застигла жестокая буря, с грозой и дождем; которая до того взволновала Волгу, будто море, что мы должны были бросить якорь у левого берега реки. При этом барка наша ударилась о древесные корни так сильно, что мы подвергались очевидной опасности и думали уже, что потеряем наши две шлюпки; суда наши снабжены были только одним небольшим якорем, который нельзя было бросать на глубокой воде во время сильного ветра, потому что он не мог оказать сопротивления буре, которая, впрочем, продолжалась недолго.

Ночью мы вышли на берег, развели там большой огонь и нашли дубовые деревья, дикие розы и другие цветы. Это было в двадцати верстах от Саратова. Отдохнув немного на земле, мы возвратились на нашу барку; но только что пришли туда, как с одним из четырех армянских наших купцов сделался такой удар, что он слег. В таком состоянии он пробыл два или три часа, после чего стал несколько двигаться, но говорить ничего не мог.

Между тем мы приехали в Саратов, вынесли нашего больного армянина на палубу, где у него изо рта пошла свернувшаяся и запекшаяся кровь, которая заставила нас предполагать, что у него в горле был нарыв и что он не отделается так от него. Поэтому мы послали в город отыскать врача или хирурга, но таковых не оказалось там. Будучи не в состоянии оказать какое-нибудь пособие бедному больному, я отправился обозреть город, лежащий на юго-востоке России, на северо-восток от Волги, под горой и по ее покатости; предместье же его раскинуто вдоль берега реки на полчаса ходьбы. Я нашел город на возвышенном месте, без стен, но с деревянными башнями. В нем одни ворота, находящиеся в четверти часа от реки Волги; налево есть еще и другие ворота, но отдельно от города, и потом еще третьи, со стороны Москвы, по сухому пути, с частоколом между двумя последними воротами. Когдаходишь к городу с той стороны, которая лежит направо от реки, то видишь пропасть, в которой растет капуста и другая зелень. За последними воротами взорам представится открытая страна, а по ней

пролегает убитая дорога, которую астраханские, русские и другие купцы, едущие сухим путем, отправляются в Москву. В городе несколько деревянных церквей, и эти-то церкви и составляют самые достопримечательные здания в нем. Жители там все русские и почти все солдаты, находящиеся под начальством одного правящего, или губернатора. Восемь лет тому назад этот город обращен был в пепел пожаром, но после того он совершенно перестроен вновь. Татары, говорят, делают сюда набеги, распространяя оные вплоть до Каспийского моря и реки Яика. Считают, что Саратов отстоит на триста пятьдесят верст от Самары... Здесь мы видели множество стругов, наполненных солдатами, которых везли в Азов и в другие места. Мы выехали отсюда еще до полудня. С реки города вовсе не видать, кроме башен и церковных вершин; предместье лежит между двумя церквами.

Когда мы возвратились на нашу барку, то нашли своего больного в том же состоянии, в каком оставили его, и в 3 часа он умер. Это удивило нас и поразило, потому что еще в прошлую ночь мы видели его на берегу столь же здоровым, как каждый из нас. Товарищи его, армяне, обнаружили при этом чувствительную печаль, покрыли его бумажною тканью, которую привязали около его ног, положили ему на голову книгу, крест на перси и ладан на чело; потом двое стали читать книгу больше часу и изготовили ему саван, рубаху и порты — все из нового полотна. Сделавши все это, прислуга их отправилась искать место, пригодное для его погребения. Перед выносом его в могилу читали и пели в другой раз над телом. Когда же вынесли тело на залив, вдавшийся в землю, его опять всего раздели, обмыли голову и все его тело, которое положили на доску, надев на него новые порты и рубаху и повесив крест на шею таким образом, что он лежал у него на груди; затем ему вложили в правую руку четки со свечкой, а в левую — одну только восковую свечку. Потом ему наложили пластырь или просто тряпочки на глаза, на рот, уши и скрестили ему руки. Сделав все это, завернули его в саван и положили на носилки, покрытые ковром. Таким образом товарищи понесли его торжественным шествием на вершину горы, где вырыта уже была для него могила; при этом опять начали петь и читать из разных книг. Армяне, поцеловав покойного в чело, все, один за другим, опустили наконец его в могилу, и каждый из них бросил горсть земли на тело в ней, осеняя при том себя крестным знамением и совершая другие обрядности, бросая опять землю туда с большим сокрушением.

Наконец могилу засыпали землей и камнями, и затем в головах погребенного водрузили большой деревянный крест, а три других маленьких креста поставили наискось один против другого. Далее взвалили несколько больших камней на могилу и посыпали вокруг несколько пушечного пороху, не забыв при этом поставить в голове могилы восковую свечку. Покончивши весь этот обряд, все, один за другим, поцеловали камень, лежавший на могиле сверху других, и сожгли ладан, положенный на этом камне, затем подожгли порох и поднесли по небольшому стакану водки всем присутствовавшим при погребении. Все спутники наши с нашей барки находились при этом обряде погребения, и многие из них присоединили свои слезы к слезам армян; так печален был этот обряд, и в особенности по человеку, которого мы видели совершенно здоровым десять часов тому назад. Из всего времени три часа пошло на погребение. Погребенного звали Петр Архангел, он был житель Испагани, где жена его и дети напрасно ждали теперь к себе.

Помянутая гора отделена была от других гор и окружена дубовыми, вайдовыми и ольховыми деревьями, а кроме того, кустарниками розы, бывшими в цвету. Если бы земля была не так суха, то, без сомнения, мы нашли бы также цветы и растения. Тем не менее мы не могли сойти в долины, потому что они залиты были водою. Сказанная гора называется гора Сопоновская и находится в двадцати шести верстах от Саратова. <...>

После этого мы видели еще множество мест, самых приятнейших по их положению, именно гор и долин между ними. Ночью бросили мы на некоторое время якорь.

16-го числа нам представились опять скалистые горы, во многих местах обвалившиеся и усеянные гнездами ласточек, которые ежеминутно вылетали из гнезд и снова прятались в них. Река в этом месте также полна была островами, и мы увидали издалека еще Золотую гору, а в 3 часа — другие горы, которые больше покрыты были зеленью и деревьями; между же двумя горами протекала небольшая речка Дубовка, которая направляется к северо-западу, в двадцати пяти верстах от Камышина. Тут пошел дождь, но ненадолго, и солнце опять показалось. Затем мы увидали, спустя несколько часов, лес впереди гор, стоявший отчасти в воде, куда занесены были бурею два струга, в то время еще, когда была полая вода в реке; струги эти были совершенно целы еще. Мы видели здесь также рыбацьи шалаши, а до захождения солнца

проплыли мимо города Камышина, начатого постройкой всего четыре года тому назад и уже значительно обстроенного. Город этот довольно обширен, окружен земляным валом, над которым и тогда беспрестанно работали. На жительство сюда прибыли уже из Москвы до четырех тысяч семей. Гора, на которой построен город, особенно возвышена к стороне реки, обрывиста и чрезвычайно скалиста. Поблизости города, слева, бежит река Камышинка, текущая к западу. Говорят, что она берет начало свое из родника у Иловли, которая впадает в реку Дон, изливающуюся в Понт и отделяющую Европу от Азии. Казаки, живущие на берегу Дона, переплывали, как рассказывали нам, на лодках из этой реки в Волгу и делали в этих местностях много беспорядков, несмотря на то что сюда часто присылались войска для обуздания их. Так как меры эти оказались недостаточны для достижения сказанной цели, то и решено было выстроить здесь город, чтобы держать казаков в страхе. На другой стороне Камышинки сооружали и крепость, окруженную земляным валом, над коим и теперь работали, но сооружение это плохо продвигалось вперед, потому что рабочие не выносили тяжести работ по причине дурного здешнего климата. Если б не это обстоятельство, то его величество приказал бы прорыть тут канал для проезда в Черное море. Я выходил на берег взглянуть на сказанное сооружение, и мне сказали там, что хотели было построить и город на том месте, где начата была эта крепость, но что не сделали этого потому, что воздух в этом месте был очень нездоров. Намеревались также устроить здесь плотину между двумя горами, чтобы задержать течение Камышинки и не давать ей выхода в Волгу; но оказалось, что это предприятие также надо было оставить, потому что затворы шлюз(ов) не в состоянии были выдерживать напора воды, которая иногда стекает в Камышинку с соседних гор. Кроме того, грунт земли, находящийся тут под верхним слоем, такой каменистый и скалистый во многих местах, что не было возможности ломать его и сладить с ним. Все это вместе заставило подрядчика отказаться от его намерения во избежание тех неудач и убытков, которые он мог бы при этом понести.

До сих пор мы редко плыли на парусах, а пользовались только быстротой течения реки и веслами, делая около ста двадцати верст в сутки, т. е. в продолжение двадцати четырех часов.

17-го числа утром мы миновали реку Балыклею в девяносто верстах от последнего города, который мы прое-

хали, и здесь мы встретили большой струг его величества, шедший из Астрахани. <...>

В 11 часов поднялась жестокая буря со стороны гор, и мы принуждены были за каждое весло посадить по два человека, которые приложили все свои силы, чтобы не дать барке удариться о другой берег, именно о левый. Мы даже привязали барку нашу к деревьям, стоявшим в воде у подошвы гор; но час спустя погода прояснилась, мы продолжали наш путь и вскоре достигли до острова на левой стороне реки, называемого Алинда Лука.

Гора здесь своей вершиной придвигается к сказанному острову так близко, что оставляла нам для проезда чрезвычайно узкое пространство. Место это находится в шестидесяти верстах от Царицына. Несколько спустя внезапный порыв ветра бросил нас на мель, и барка наша долго не могла опять выйти на воду. Буря снова усилилась с северо-восточным ветром, полил сильный дождь, и мы стали под защиту гор, вторично привязавши нашу барку к деревьям. После этого мы вышли на берег на шлюпках, потому что барка не могла подойти к берегу по мелководью. Там мы разложили порядочный огонь, чтобы изготовить ужин. В то время как другие занимались этим, я пошел на гору поискать там цветов и растений, но все они погорели от зноя и позавяли. Кроме того, ветер дул чрезвычайно сильный, так что с трудом можно было держаться на ногах, что и заставило меня поскорее возвратиться к своим. Возвращаясь вдоль берега, я встретил нечто вроде небольшой часовни, далее по дороге — растения, росшие на берегу, сверху голубые, снизу сероватые либо синеватые. Я взял несколько их с собой по их красоте.

Погода продолжала быть дурной и холодной до 8 часов вечера, когда ветер стих и изменился в благоприятный для нас. Мы тотчас подняли парус и в 2 часа ночи прибыли к Царицыну, где стояли до утра 18-го числа, когда с восходом солнца пустились продолжать путь наш. Город Царицын построен на невысокой горе, объемом невелик и, как мне показалось, расположен четырехугольником и обнесен деревянною стеною, снабженной башнями. Предместье его раскинуто по берегу реки и частью вокруг города. Главная церковь каменная, но не достроенная еще; остальные церкви деревянные и едва видны. Я снял вид города с речной стороны. <...> Лежит город... в трехстах пятидесяти верстах от Саратова. Отсюда вплоть до Астрахани в лесах растет солодковый корень, ствол которого бывает вышиною от трех до четырех футов.

Продвинувшись несколько вперед, встретили мы остров Сарпинский, имеющий в длину двенадцать верст и находящийся с правой стороны, поблизости к нам. Позади этого острова идет речка от Дона и впадает в Волгу, которая, как говорят, не в состоянии, впрочем, поднять барки. Русские называют ее, подобно острову, Сарпинкой (Сарпой). Затем горы стали уходить из наших глаз, а равнина показываться с деревьями, то же и с левой стороны. В 10 часов мы были уже в шестидесяти верстах за Царицыном, и тут повеяло с севера приятным ветром, мы же подавались более и более к северу; через час встретили опять два острова с правой стороны, а затем миновали еще множество островов. Горы же все более и более удалялись от нас, простираясь, однако, по направлению к Чернояру, от которого мы... находились в сорока верстах. Здесь река Волга шириной от трех до четырех верст. Около 5 часов поднялся с северо-запада ветер, дувший в корму, но до того сильный, что мы едва могли удержать нашу барку от того, чтобы она не разбилась. Одна из шлюпок наших разбилась-таки у руля, и так значительно, что принуждены были обрезать канат и пустить ее на произвол ветра. Между прочим, можно было предвидеть и отворотить эту потерю, потому что за минуту перед тем я сходил в сказанную шлюпку, видя, что в нее вошла вода, и успел еще взять с нее охотничью собаку, которую и перевел на другую шлюпку, большего размера и лучшую. Ночью на эту последнюю шлюпку перешли и несколько путников, так как большая барка наша не могла помещать всех нас. К закату солнца мы прибыли в Чернояр, отстоящий на двести верст от Царицына; мы проплыли расстояние это так скоро потому, что ветер в этот день был нам попутный.

Город Чернояр лежит в трехстах верстах от Астрахани, на горе, на правом берегу реки. Первое, что представляется здесь глазам,— это сторожевой дом, которого видна, впрочем, только крыша. Есть в городе и другая, подобная же, караульня, деревянная, в виде фонаря. Самый город невелик и окружен деревянною стеной с башнями. Внутри его замечального ничего нет, и только виднелись семь или восемь горестных домов внизу, на берегу. Русские захотели сойти в город, как полагаю я, для того, чтобы раздать бедным горожанам деньги, собранные ими в пути во время дурной погоды. Так как ветер был довольно силен и быстрое течение реки отнесло нас на далекое расстояние от города, то мы принуждены были стать на якорь, но некрепкий канат вдруг порвался.

Я предвидел это и советовал было гребцам спустить парус, прежде чем подвигаться к городу, чтобы подплыть к нему на веслах. Берег здесь был довольно крут, и гребцам следовало только сойти в воду и притянуть барку к берегу веревками. Но русские все-таки отправились в город на шлюпке, а другие путники остались, между тем, на барке, под защитой гор. Я также было отправился в город, но ни меня и никого из нас не впустили туда, потому что было уже поздно, и стрельцы с помощью крестьян затворили городские ворота перед нашими глазами. Правда, они принесли нам на продажу хлеба, пива, молока, яиц и проч(его). Когда все возвратились на барку, то стали искать якорь, но напрасно, по причине ночной темноты, и отыскивали его уже после, когда показался день.

Город Чернояр заселен только одними солдатами, которые помещены здесь для отражения и защиты от набегов калмыцких татар, часто захватывающих стада туземцев и удаляющихся с ними к самой Самаре.

19-го числа в 6 часов утра мы пустились в путь наш на веслах, потому что ветер был противный нам. Плывая здесь, мы видели обрывистые горы с зеленеющими вершинами и песчаными боками; то же самое и на левой стороне. В этих местах река была шириною не более версты. Около полудня проследовали мы мимо горы Половинной, показавшейся на некоторое время на берегу реки и вдавшейся в глубь материка, в сорока верстах от последнего города. Затем, около 5 часов, снова показалась небольшая возвышенность, но без деревьев, с утесами, покрытая красноватым педком, и рыболовные снасти, устроенные в сорока верстах за Половинной горой... тут мы получили рыбу так же прекрасную, как и выше; здесь же мы видели залив Волги, уходящий далеко в материк. Проплыв еще далее сто двадцать пять верст, мы стали на якорь на время ночи и 20-го числа, с рассветом, продолжали опять путь наш. Ветер был благоприятный, и к 8 часам увидели гору Енотаевскую, на берегу реки, перед глазами. Тут была половина пути между Чернояром и Астраханью. Проплыв несколько верст, опять распустили парус под восточно-южный ветер. В 10 часов показался большой остров на левой стороне реки, а на нем равнина, чрезвычайно зеленая и усеянная небольшими деревьями с обеих сторон. Тогда поплыли мы далее, большею частью на юг, и к полудню встретили слева небольшую мель, в ста верстах от Астрахани. Здесь мы обогнули один довольно острый мыс, около которого река стремится с та-

кою быстротою, от которой нередко разбиваются барки; а река, между тем, имеет здесь более сорока сажен глубины. Час спустя повеял западный ветер, и мы спустились к югу. В 4 часа встретился большой остров, длиною в десять верст, где река с левой стороны была опять весьма широка. На одном конце этого острова находится стража из тридцати солдат, помещавшихся там в трех или четырех хижинах или шалашах, и все барки, проезжающие мимо, обязаны останавливаться здесь и приставать к берегу острова. В то время, когда мы стояли у острова с другой стороны реки, которая очень широка, проплыли две барки, шедшие из Астрахани. Увидевши их, солдаты погнались за ними на парусной шлюпке. Тут нашли мы также на якоре еще два больших струга, плывшие в Казань. В 5 часов отплыли мы с тем же самым ветром далее и через полчаса миновали опять остров. Волга здесь то с той, то с другой стороны становится шире, а материк то и дело переходит в холмы либо в равнины с деревьями и без деревьев, возвышенность же, которая позади лежит, простирается до самой Астрахани. На левом берегу видны одни кустарники вдоль берега. В 7 часов мы прошли мимо горы Плосконной, в двадцати двух верстах от Астрахани, а час спустя увидели севший здесь на мель и разбившийся большой струг, на котором, впрочем, видны были люди. В пятнадцати верстах от города мы увидели Соборную церковь, чрезвычайно большую и высокую. В это время ветер стих, и мы, продолжая свой путь при такой тиши, прибыли наконец, за час до полуночи, в Астрахань. Этот город находится в двух тысячах верстах, или четырехстах немецких милях от Москвы, считая по миле на добрый час, от Казани же — на половине этого расстояния.

ГЛАВА XVI

Описание Астрахани.

Разведение садов.

Изобилие рыбы. Образ жизни татар

Когда мы вышли на землю, то подвергнулись осмотру всего, что только было у нас на струге, за исключением одних моих пожитков и вещей. Я тотчас же послал отыскивать губернатора Тимофея Ивановича Ржевского, которому и предъявил два мои вида и письмо князя Бориса Алексеевича.

Он принял меня чрезвычайно вежливо и, прочитав письмо князя, предложил мне свой дом и все, что будет мне нужно на все время пребывания моего в этом городе. Я отблагодарил его и объяснил, что я должен оставаться с моими товарищами, армянами, язык которых мне был известен и с которыми я буду совершать и дальнейшее мое путешествие. Он нашел объяснение мое основательным и тотчас послал за моими пожитками на берег, которые, не осматривая, приказал отнести в армянский караван-сарай, где армяне обыкновенно останавливаются и где поместился и я вместе с Яковом Давыдовым, о котором я уже говорил выше. Только что отобедали мы, как пришли к нам восемь или десять человек от губернатора с разными приношениями. Это были: небольшой бочонок водки, две фляги с лучшей водкой, большой медный сосуд с красным отличным вином и два другие такие же — один с медом, а другой с пивом, четыре больших хлеба, два гуся и разные куры. Когда посланцы губернатора ушли, получив от меня по небольшому подарку (по моему обыкновению), ко мне присланы были два солдата с ружьями стеречь двери моей комнаты, и солдаты эти менялись каждую неделю. Прислали ко мне и одного русского, знавшего голландский язык, для сопровождения меня всюду, куда я пожелаю, и для служения мне в качестве переводчика.

Около этого времени губернатор получил известие о покорении крепости Нийен⁷³, которую его величество взял приступом 1 мая и в которой он захватил восемьдесят пушек, восемь мортир, три с половиной тысячи человек шведского войска, которому, впрочем, как рассказывали, он даровал свободу.

Обеспеченный столько губернатором, я пошел пройтись по городу, описание которого здесь представляю. Он лежит на восточном берегу Волги, известном под именем Скифии, но теперь ее называют Ногайей, то есть всю местность, находящуюся между Волгой, Яиком и Каспийским морем, равно как Астраханью, по имени главного ее города в прежнем Астраханском царстве. Город этот находится уже в азиатской Татарии, граничащей с Россией, и стоит на главном рукаве Волги, впадающей в нескольких часах отсюда в Каспийское море. Об этом море дальше скажу подробнее. Что до самого города, то он лежит под 46°22' северной широты на одном острове Долгом, отделенном небольшою речкой от материка. Его можно обойти кругом в несколько часов и видеть выход из горо-

да с высокого здания. Лучшая почва земли здесь идет к востоку до р. Яика; на запад простирается обширная равнина на семьдесят миль или часов до самого Черного моря и несколько миль на юг до моря Каспийского. В этой части страны находится превосходная соль, развозимая по всей России.

Этот город окружен прекрасною каменною стеною, в окружности добрый час времени. Он имеет десять ворот. Я отправился из Никольских ворот вдоль реки, оттуда к Красным воротам, местности более возвышенной, лежащей на крайнем конце. Отсюда же продвигаясь вперед в поле, я достиг Житных ворот у хлебного магазина, которые были заперты; но тут же недалеко есть другие ворота в кремль, в которые входят и выходят. Сказанный хлебный магазин находится вне городских стен и также окружен особою каменною стеною. Далее идут Мочаговские ворота, близ которых в некотором расстоянии от города есть еще другие деревянные ворота, не входящие в число городских. Это Татарские ворота, т. е. со стороны татар, где потому постоянно находится русская стража. От них приходите к воротам Решеточным и Вознесенским, между которыми... на стенах есть две башни, одна от другой на триста шагов. От последних ворот нужно воротиться опять к реке, чтоб дойти до Спасских ворот, стоящих вплоть у Волги, а от этих до Исадних ворот, за которыми находится рыбный, хлебный, зеленой, или овощной, торг и проч(ее). В некотором расстоянии отсюда видна другая башня, а на стене — Горянские ворота, за коими лесной рынок и жилище хлебников, которым не дозволяется жить в городе. Далее за последними воротами идут ворота Кабацкие, не доходя до другой башни, так что ворота приходится между этой и предшествовавшей башнями. Из этих десяти ворот шесть находятся у реки, а двое ворот в кремле, который лежит перед городской стеной. Есть еще в ней третьи ворота, называемые Пречистенскими, выходящие в город, напротив базара или большой улицы, на которой находятся главные лавки русских и армян. Проходя этими последними по пути в кремль, на левой руке видна Соборная церковь, которую начали постройкой пять лет тому назад, на иждивении митрополита, по имени Сампсония. Этому митрополиту присвоены особые права над духовенством, и для управления им он имеет у себя свой собственный приказ, или канцелярию. Он состоит в то же время митрополитом Терки — города, находящегося под властью его царского величества, по сую сторону Каспийского моря, на Черкас-

ских горах, в семиста верстах от Астрахани. Когда в прошлом году работали наверху, над куполом сказанной церкви, то часть купола обрушилась по непрочности поддерживающего фундамента. Поэтому принуждены это дело иначе повести, именно: в настоящее время возводят там пять небольших башен с куполами, на которых водрузят кресты. Помянутая церковь видом четырехугольная, имеет в окружности 206 шагов. Лицевая сторона шириной шестьдесят пять шагов, а стороны длиной по сорок семь шагов; задняя сторона этого здания примыкает отчасти к стене митрополичьих палат, которые составляют главное здание в городе, чрезвычайно обширное, длинное и все каменное. В очень близком расстоянии от этого здания на прекрасном ровном месте кремля находится дворец губернатора — большое деревянное строение, окруженное особо деревянною же стеною, снабженною двумя воротами — передними и задними. Дворцовая церковь, или часовня, находится вне сказанного дворца. Между передними воротами, у которых всегда находится стража, и домом губернатора есть прекрасная площадка. Вся совокупность двора называется Иваном Богословом. Самый дворец содержит большое количество комнат, прекрасно освещенных и чрезвычайно приятных, в особенности там хороша большая зала, находящаяся весьма высоко, вид из которой очарователен со всех сторон. У ворот кремля, достаточно снабженного артиллерией, стоит всегда стража. При входе в кремль перед воротами имеется стража с ее сторожевым домом; тут видите много орудий, а с правой руки находится канцелярия — каменное здание в несколько покоев, где в покое губернатора стоит стол, покрытый красным сукном.

Главная после Соборной церкви есть Воздвиженская, из штукатуренного кирпича. Купол на ней позолоченный, так же как и крест, величиной в три сажени. Купол внизу окрашен зеленою краскою, равно как и купол колокольни. Все остальные церкви деревянные, точно так же как и монастыри Троицкий и Пятницкий, из которых последний — девичий.

Всякого рода товары продаются по утрам на базаре, или торжище татарском, где русские и армяне также могут выставлять на продажу свои произведения, но после обеда татарам торговать не дозволяется, так как время это предоставлено для торгу только русским, к чему, впрочем, допускаются и армяне. Но индийцы совершают свои торговые сделки в помещениях своего караван-сарая.

Что до города, то большая часть улиц в нем довольно тесны, хотя и удобны для сообщения в сухую погоду, но они совершенно непроходимы в дождливое время, потому что почва земли там чрезвычайно жирная и пропитана солью, от чего она становится даже беловатою во время засухи.

Городом заведывают губернатор и три бургомистра, которые живут не в кремле, но в городе, из которых один присутствует в думе, а другой ведаёт кабаки, в которых продаются водка, пиво и мед, третий же управляет рыбною ловлей его величества.

За городом, со стороны реки, видны: Иванов монастырь — красивое каменное здание; за ним два других монастыря и несколько слобод, или предместий, из коих главная и самая большая — Солдатская, лежащая на восток от города вдоль речки Кутума, впадающей в Волгу. Корабли его величества находятся подле слободы Болда, насупротив города. Слободы Казанская и Шепелевская служат местопребыванием всякого рода людей. Татарская слобода отделена ото всех других и вся почти построена из земли и глины, которые сушат на солнце и делают из них камни или кирпичи. В этих постройках татары живут зимою, летом же — в поле, на открытом воздухе. В прошлом году почти половина города Астрахани выгорела от пожара именно внутри каменной стены; и теперь еще в ней видно много развалин и погорелых мест, но уже там сильно работают и обстраиваются вновь.

Удовлетворив отчасти любопытству своих глаз, я испросил у губернатора дозволения снимать что мне заблагорассудится, на что тотчас же и получил его согласие. Для приведения этого желания моего в исполнение я отправился на реку в небольшой лодке, но нашел, что течение и волнение реки было до того сильно, что я ничего не мог сделать, поэтому губернатор был так обязателен, что предложил мне большую барку, снабженную якорем; но пошедший в это время дождь осуетил мое намерение, а когда погода прояснилась после полудня, я принялся за работу, которую и кончил на другой день. Вид города показался мне чрезвычайно красив со стороны площади, и я снял его в этом положении... Мною все места и здания обозначены числами. Так, 1. Ивановский монастырь, или св. Иоанна; 2. Вознесенский монастырь, или Вознесения господина нашего Иисуса Христа. Оба эти монастыря — вне города; 3. Вознесенские ворота; 4. Церковь Смоленской божией матери; 5. Спасский монастырь, или Преображения Спаса; 6. Церковь Рождества Богоро-

дицы; 7. Дума; 8. Воздвиженская церковь, или Благовещения; 9. Кабацкие ворота; 10. Кремль, или крепость, стена которой начинается еще в городе; 11. Колокольни; 12. Часовые солнечные башни, принадлежащие к собору; 13. Собор, или главная церковь; 14. Троицкий монастырь; 15. Никольские ворота; 16. Губернаторский дом; 17. Иван Богослов — церковь, называемая так по имени одного святого; 18. Воскресенская церковь, или церковь Христа, изображенного на полотне⁷⁴; 19. Красные ворота, самые ближайшие к реке, со стороны Каспийского моря; 20. Волга, с другой стороны которой корабли насупротив города. В числе этих кораблей два сели на мель и совершенно сгнили от недосмотра некоего гамбургского уроженца, по имени Мейера, капитана корабля. Несколько выше есть еще пятнадцать других кораблей, прибывших в нынешнем году из Казани.

В этой местности стоит множество виселиц, а также и по другой стороне города, и на каждой из них по полдюжине совершенно обнаженных казаков, одежды с которых распроданы были на торге русскими, которые стащили оные с повешенных. Трупы повешенных от солнечного зноя почернели как смоль и отвратительны были на вид. Тех, которые повешены были ближе к городу, друзья их большею частью сняли с виселиц. Это были люди, к которым присоединилось несколько бунтовщиков и беглых русских из Астрахани и которые засели в одной местности, называемой Грачан, на реке того же имени, с тремя пушками и двумя знаменами; там-то осадили и окружили их, и они принуждены были сдаться на произвол победителей после шестнадцати дней осады и восьми храброй защиты и сопротивления. Случилось это 10 августа прошлого года. Большая часть побежденных были повешены на границах России, где они главным образом разбойничали; многие подверглись той же казни в Астрахани, кроме тридцати главных вожаков, которые отосланы были в Москву и там частью обезглавлены, частью тоже повешены. Жен же и детей их сослали в Казань.

Черкасский князь Альдридж-Хан-Болатович участвовал в этом походе во главе четырехсот татар своих с г-ном подполковником Лаврентием де Винем, швейцарцем, с тысячей человек русского войска, под начальством четырех обер-офицеров, и с пятьюстами стрельцами. Полк де Виня имел четыре пушки и две мортиры, а стрельцы — восемь пушек. Но эти последние прибыли уже тогда, когда местом завладели. Г-н де Винь сказывал мне, что во все время осады этого места в полночь

слышался вой четырехсот — пятисот шакалов, или диких собак, невыразимо неприятный, и что после сдачи осажденных ни одного шакала уже не было ни видно, ни слышно.

Войска, стоявшие в настоящее время в Астрахани, состояли: из одного полка де Виня в тысячу человек, не считая офицеров, т. е. полковника, двух майоров, пяти капитанов, десяти поручиков, десяти прапорщиков. Сержанты и капралы считались в числе солдат; шестьсот стрельцов московских под начальством шести капитанов и двенадцати сержантов; еще три других полка стрельцов из местных жителей, каждый полк в триста человек, под начальством одного полковника, трех стольников как капитанов; из двух полков конных, каждый в пятьсот человек здешних русских, всего около трех тысяч пятисот человек. Полк де Виня имел тринадцать пушек, остальные полки — более или менее, по соразмерности.

В съестных припасах в этой стране изобилие, за исключением ржи, привозимой из Казани и других мест, но в особенности мясо и рыба. Самая лучшая здесь рыба — белуга, которая попадаетса иногда сажени в две длиной; стерлядь бывает величиной в аршин, и можно сказать, что это лучшая рыба во всей России. В Москве ее продают живую по пять, шесть и даже семь рублей за одну, тогда как здесь по два и по три штивера. Ее готовят и жарят почти так же, как и семгу, и это поистине самая вкусная из рыб. Есть два вида этой рыбы, один с более длинным носом, чем другой, и вообще походит на осетра. <...> Я поручил засушить две таких рыбы, чтоб сохранить их. Севрюга ничем не отличается от осетра, или, как русские называют ее, осетрины. Икру извлекают из белуги, осетрины и севрюги и развозят ее всюду. Здесь есть еще очень хорошая рыба, называемая судак, которую приготавливают таким же образом, как и треску; потом множество щук, окуней и рыбы, похожей на сельди или небольших лещей. Самые грубые и дешевые суть Modiepe, с большими головами. Рыбный ряд дважды в день наполняется рыбой — утром и вечером, и Волга доставляет ее в таком огромном количестве, что часть ее, оставшуюся непроданной, отдают свиньям и другим животным. Простому народу дают ее по три и четыре, величиной по футу, за кусок хлеба, который тоже вовсе недорог. В лещах и карпах недостатка тоже нет. Наконец, прямо у рыбаков за городом можно купить севрюгу величиной с треску не дороже как за пять, за шесть штиверов, из чего также можно судить о цене здесь на рыбу вообще. Есть

еще тут у русских небольшая круглая рыба, в три дюйма толщины и соразмерной длины, которую они называют вьюн и которая ловится в одном месте, где впадает небольшая речка как бы в яму. Уверяют, что вьюны бывают и больше. Я сам наловил их множество разного рода в решето и сохранил многих из них в спирту, вместе с маленькими судаками. Я набрал бы и сохранил бы и многие другие породы рыб, если б только они были не так велики.

В окрестностях этого города (Астрахани) проживают около сорока семейств армян, которые имеют здесь свои лавки, как я уже заметил об этом выше. Индийцы живут там в своем караван-сараяе, где и совершают свои торговые дела. Число их не меньше армян, но жен или женщин у них нет.

Это место довольно обширно, обнесено четырехугольною каменною стеной, в которой есть несколько ворот. У двух главных ворот находится постоянная стража, и вечером эти ворота запирают в известные часы. Армянские купцы, приезжающие и отъезжающие, берут себе здесь помещение, и я также остановился здесь со своими армянами. Есть и такие армяне, которые постоянно живут тут и имеют свои лавки. Они имеют там свои ханы, или особые отделения. Отделение на время приезжающих в два яруса, с галереями, а отделение индийцев, находящееся совсем у других ворот, все деревянное. Недавно индийцы выстроили, впрочем, один каменный магазин из опасения огня, которому наиболее подвержены деревянные строения. Это новое строение довольно обширно и поместительно, в сорок квадратных футов. Армяне, следуя их примеру, также начали возводить себе подобное строение и вывели уже основание в высоту человека.

Вскоре по приезде моем в город Астрахань товарищ губернатора, Никита Иванович Апухтин, прислал ко мне нарочного просить меня пожаловать к нему. На другой же день я отправился к нему и имел честь увидеть там и г-на губернатора со всем его семейством и с несколькими господами, одетыми и причесанными по-немецки: все они собирались уже уехать, и коляски их дожидались их на дворе. Меня приняли чрезвычайно вежливо и попотчевали вином и пивом, после чего губернатор объявил мне, что князь Борис и сам его царское величество писали обо мне к нему. Затем он обратился ко мне с просьбою посещать его ежедневно и сказать ему, чем он может служить мне. Я поблагодарил его, и он тотчас же распростился и уехал со своим обществом. Когда он ушел из

комнаты, помощник его (т. е. губернатора) пригласил меня с одним товарищем по путешествию, Яковом Давыдовым, в другую комнату, где угощал нас разными персидскими лакомствами, беседовал со мною чрезвычайно любезно и ласково, что казалось в нем весьма естественным и свойственным его природе.

В следующие дни я решился обозреть окрестности и нашел, что большая часть садов состоит из виноградников и других плодовых деревьев, преимущественно из яблонь, груш, слив и абрикосов, плоды которых не из лучших родов. Но там есть дыни вкуса удивительного, лучше персидских и всяких других. Виноградники свои русские растят до высоты человека, затем подрезывают их так, чтобы выше они уже не росли, и привязывают их к жердям. Виноградные ягоды на этих кустах были черные или темно-синие и довольно мясистые, крупные, как это говорили мне, потому что я был там в такое время, когда ягод этих на дереве видеть сам не мог. Виноград, произрастающий в частных садах у армян и других жителей, собирается и продается большею частью на торгу; но вино выделывается из того винограда, который растет в садах или в упомянутых выше виноградниках, исключительно принадлежащих царю, который получает от этого значительный доход. Вина эти красные и на вкус довольно приятные. Почва земли здесь чрезвычайно песчаная, и так как в ней находится много источников, то жители делают из них большие колодцы в своих садах и проводят в них подземные каналы. Воду из этих колодцев добывают при помощи большого колеса, на которое привязывают ведра, и выливают ее в деревянные желоба, посредством которых она проходит по всему саду. Один верблюд приводит в движение все подобные колеса, находящиеся в том или другом саду. Сады эти или виноградники находятся в двух или трех верстах от города, и число их увеличивается постоянно. Так как они ничем не огорожены, то выстраиваются довольно высокие будки, в некотором расстоянии одна от другой, и в будках сих помещаются караульные, стерегущие, чтоб не воровали винограда во время его росту и зрелости. Мне рассказывали, что уже более ста лет как начали разводить здесь эти виноградники, и, как полагают, первые разводители их были персидские купцы, которые привезли из страны своей виноградные лозы.

Через несколько дней по прибытии моем в Астрахань я пошел навестить Серохан-Бека, посланника персидского царя к королю шведскому. Царь московский, воевав-

ший в это время со Швецией, не пропускал этого уполномоченного через свое государство и даже приказал взять его под стражу, вследствие чего посол этот и был задержан в Московии целые три года. Его сопровождало около шестидесяти человек, и он выехал из Москвы несколькими днями прежде меня. Посол принял меня весьма почетно, сидя на своей софе по-восточному, и тотчас же приказал подать мне кофе и кулабнабат; последний напиток был не что иное, как белый ликер, чрезвычайно приятный и составленный из сахару и розовой воды. Серохан-Бек хорошо сложен и приятной наружности. Усы у него тянулись до ушей, а борода висела на четверть аршина ниже подбородка, который был пробрит. На голове у него была белая чалма, а его платье составлял кафтан, опоясан был вокруг тела кушаком из золотой парчи; по правой руке его находился прекрасный ганжар⁷⁵. Он курил из кальяна по персидскому обычаю, и по обеим сторонам у него стояли два прислужника. Стоявший по левой его стороне вооружен был большою саблею, рукоять которой выходила из красных ножен. Этот посланник, разговаривая со мною, спросил меня, не хочу ли я ехать вместе с ним в Испагань, но я вежливо отказался от его предложения.

Затем я посетил г-на де Виня, человека достойного; после него — капитана Вагенера, который был у меня тотчас по приезде моем в Астрахань. Г-н де Винь пригласил меня на речную прогулку на двадцатичетырехвесельной барке в сопровождении сорока четырех солдат, десяти или двенадцати флейтщиков и гобоистов и нескольких барабанщиков, которые играли немецкий марш. Мы поплыли... в одно место, где лет сто двадцать тому назад находился древний город, от которого не осталось теперь ни малейших следов; впрочем, я нашел там в земле несколько человеческих костей.

Лет семь тому назад здесь, в горах, открыли присутствие селитры, которую с той поры и добывают там с большим успехом. Место это находится на восток от города, на левой руке от реки, следуя по ее течению. Мы забавлялись там стрельбою голубей и затем возвратились домой, проехав мимо кораблей, стоявших у другого берега реки.

4 июня была ночью страшная буря, от которой разбился один струг с лесом, стоявший под городом; на струге этом находился семьдесят один человек, из которых двадцать девять утонуло.

6-го числа из Персии прибыли восемь барок, из которых четыре принадлежало русским, а остальные магометанам. На барках этих приехало несколько армянских купцов.

Во все время пребывания моего в Астрахани губернатор постоянно оказывал мне тысячи одолжений, присылая частые подарки и угощая меня на дому у себя всеми возможными персидскими лакомствами; в то же время он неотступно просил меня заявлять ему, чем может он служить и быть полезным мне. Изо всех, впрочем, подарков его я брал только одно пиво, потому что ни за какие деньги не мог достать себе такого, какое было у него, и он не пропускал случая снабжать меня постоянно им в порядочном количестве. Так как он знал, что я должен был пробыть некоторое время в управляемом им городе, то он попросил меня снять портреты с него и сына его, в чем я и не мог отказать ему. С своей стороны он делал все, чем только мог одолжить меня. Так, между прочим, он подарил мне прекрасную птицу, пойманную в степи, и птица эта живет у меня до сих пор. Телом и ногами она очень похожа на цаплю, но голова у нее вовсе не цапли, и она очень красива, так же как и клюв ее. На голове у нее белый заостренный хохол; нос черный, длиною в десять дюймов, шириною в полтора, и конец его походит на две ложки, с желтым пятном. Птицу эту зовут лепелером, а русские — колпицей; говорят, в Персии водятся такие же птицы, и там называют их *goli*. <...> В этой стране водятся и цапли. <...> Они бывают разных цветов: белые и фиолетовые, как павлины, серые и черные. <...>

В продолжение моего здесь пребывания я имел случай ознакомиться хорошо с бытом татар, посещая жилища их в сопровождении капитана Вагенера, лежащие в трех или четырех верстах от города. Они живут кучками, каждая семья отдельно от другой и в некотором расстоянии друг от друга. Палатки их сделаны наподобие попугаевых клеток; сплетены они из решетинок или планок шириной в три или четыре дюйма и покрыты войлоком из верблюжьей шерсти или из конского волоса; некоторые на фут или два от земли и плотно покрыты тростником; более зажиточные или знатные из татар имеют, кроме того, полотняный навес или покрывку; но во всех палатках вообще имеется наверху отверстие для выхода дыму. В палатке находится тоже шест, выходящий на четыре или пять футов вон выше ее. На вершине этого шеста татары привязывают нечто вроде паруса разных цветов, который спускается вплоть до земли и висит, а держится на

довольно широком ремне, привязанном снаружи палатки к одной из ее сторон: с помощью этого ремня они поворачивают этот парус по произволу своему, для защиты себя от ветру или солнечного зноя. По выходе дыма из палатки, когда пожелают сделать у себя потеплее, татары закрывают отверстие, и в палатке делается так же тепло, как в печке. Внутренность и пол палатки покрыты у зажиточных людей прекрасными тканями и коврами, с софой на турецкий образец, представляющей некоторое возвышение и занимающей третью часть всей палатки. Тут же стоят чрезвычайно красивые чемоданы и сундуки, в которых татары хранят все самое ценное и дорогое у них, и вообще все в палатке очень чисто и в совершенном порядке. Когда они переменяют места стоянки, то складывают палатки на телеги и снимают с них верхние покровы. Жены и дети тогда помещаются внутри палаток, а мужа сопутствуют им верхом на лошадях.

Эти люди, увидав, что я пришел к ним из одной только любознательности, стали показывать мне все, что мне было угодно; но вначале они представили было некоторые затруднения для этого, потому что вообще не позволяют никому приближаться к палаткам, в которых живут их жены. Я видел там одну молодую, чрезвычайно красивую смуглянку, богато разодетую. Головной убор ее был весьма странный и сделан был из серебра или золоченой меди, покрытый весь золотыми червонцами, жемчугом и драгоценными камнями. Мне так понравился этот убор, что я решился снять с татарки портрет, что и сделал после. Между тем я снял несколько палаток в том виде, как они раскинуты были одна подле другой... и одну отдельную палатку. <...> Их телеги... на двух больших колесах; телега сделана из дерева, окрашена и покрыта тканью; она на двух шестах, крестообразно поставленных под передок и имеющих с обеих сторон по большой переводине. Когда татары раскидывают эти свои палатки, то колеса телеги закрываются палатками. <...> Более простые палатки покрываются только войлоком, равно как и самый парус, прикрепленный наверху, тоже войлочный, и палатки эти внутри тоже весьма посредственны. Так как народы эти живут только своими стадами, то для кочевков своих они всегда приискивают пастбища получше. Женщины их занимаются, подобно русским, шитьем одежды и других подобных вещей, которые они носят продавать в город. Другие женщины прядут, как у нас, вертящимся веретеном и, наконец, расчесывают шерсть для войлоков на свои палатки и прочее так же старательно, как и для

пряжи на ткань. Топливо их составляет коровий помет, который они обдeldывают в круглые куски и сушат почти так же, как у нас торф, складывая его в кучи подле своих палаток, а когда он высох, берут его с собою. В то время как я снимал палатки, татары собрались вокруг меня, смотрели на меня довольно дружелюбно и, казалось, дивились моей одежде, точно так же как и я удивлялся их одежде; все это доставило мне возможность чувствовать себя свободным между ними. Образ их жизни довольно сходен с образом жизни арабов, и они, казалось, были так довольны своими жилищами, как и мы своими роскошными дворцами и самыми лучшими домами. Все это навело меня на мысль о древнем образе жизни восточных народов, и я воображаю себе, что точно так же жили Авраам и другие патриархи, и если кто привыкнет к нему, то чувствует себя хорошо и ничего лучшего не желает.

Что касается до одежды женщин, то я снял портрет с одной молодой женщины этого народа, бывши во дворце губернатора и при содействии его, следовательно, с большим удобством, чем это мог бы сделать я в палатках их. На ней была красивая верхняя одежда, покрытая белым покрывалом, скрывавшим ее лицо; по просьбе моей она сняла покрывало и таким образом показала голову, покрытую другим белым покрывалом, чрезвычайно тонким и прозрачным, повязанным вокруг шеи довольно изящно, сквозь который виден был головной ее убор. Я попросил ее снять и этот второй покров, потому что он закрывал лучшее ее украшение, которое я желал снять, и она явилась мне такою, какими татарки бывают в своем кафтане и в своих платках. Головной убор ее весь покрыт был золотыми червонцами, как уже выше сказано, формы остроконечной, наподобие митры, и обшит множеством жемчугу, который нанизан был и на нескольких нитках, висевших от убора вниз, вместо кос. Род цветного шарфа, прикрепленного назади к этому головному убору, обмотан был у нее вокруг шеи и частью спускался наперед. Кроме того, на плечах у ней были серебряные цепи и такие же цепи около тела, вместо пояса, и на одной из них висели серебряные же ящички, в которые татарки кладут обыкновенно маленькие молитвенники и другие ценные вещицы. Волосы ее перевязаны были большой черной лентой с двумя пышными шелковыми пучками на конце. (...) Госпожа эта, с которой я рисовал одежду, принадлежала к знатной татарской семье; ее сопрово-

ждали три женщины, бывшие в ее распоряжении, а привел один татарин, знакомый губернатора.

Русские называют татар, живущих в этих местах, юртовскими татарами, потому что они здесь туземцы. Таким образом они не платят никакой подати его величеству и обязаны только поставлять несколько сотен своих людей на войну, когда он того потребует. Но в случае надобности они могут выставить в поле до 20 000 войска. Те татары, которых в Астрахани называют индийцами, бреют себе голову довольно странным образом, в одно известное время в году; они приказывают вырывать волосы с корнем кончиком перочинного ножа, так что кровь при этом течет у них ручьями по лицу. Жрец их или тот, кому поручают производить это бритье, совершает первый прием, и если он сделает это не совсем удачно, то присутствующие сами начинают это бритье. <...> Такая обрядность совершена была вне города, подле хлебного магазина, за несколько времени до моего прибытия. Совершающие эту обрядность суть индийцы, из коих некоторые живут также в Татарской слободе. Ногайские татары живут в палатках в окрестностях города Терки; но крымские татары постоянно здесь никогда не живут, а приезжают только по временам для продажи своих лошадей и рогатого скота.

20-го числа июня губернатор давал большой пир, на который приглашен был и я, где собрались также все главные русские офицеры и знатные купцы из армян. Перед обедом нас ввели в одну комнату, в которой мы нашли супругу губернатора и супругу сына его, находившихся на левой стороне, окруженных множеством прислужниц. На правой стороне этой комнаты стоял стол со всякого рода лакомствами и ликерами, свойственными утреннему времени. Немедленно госпожи эти подали каждому из нас по маленькой рюмке водки, как знак почета гостям в этой стране. Из сказанной комнаты прошли мы потом в залу, где был уже готов обеденный рыбный стол, так как был пост; после обеда, вечером, нас развезли по домам в карете. 29-го числа, в день св. Петра, в тезоименитство его царского величества, губернатор давал другой большой обед, на котором присутствовали вся городская знать и патриарх. Я не мог, по нездоровью, ни присутствовать на этом празднике, ни находиться на торжественной губернатора службе в соборе, как приглашали меня за несколько дней перед тем. На этом празднике очень веселились под гром пушек на валу, из которых па-

лили несколько раз, и под выстрелы еще одной пушки, выставленной перед дворцом. Госпожи находились в другом покое, по своему обычаю, а на следующий день угощали субалтерных офицеров и других, которых, впрочем, скоро и отпустили по домам.

2 июля получено было известие, что его царское величество со своим войском находился уже в пятнадцати верстах от Нарвы, взявши и овладев всем, что только встречалось ему на пути.

В этот же день я отправился в степную сторону вместе с сыном губернатора и несколькими русскими офицерами, которые имели при себе сокола. В двадцати верстах от города мы видели много дичи; но мы не могли подойти к ней из-за воды, которой была покрыта вся здешняя почва. Я выстрелил, впрочем, по одной утке, летевшей около меня. Затем мы забавлялись ловлей сетью рыбы в небольшой речке и наловили множество окуней и щук, которых приказали изготовить себе и съели. На этом пути мы видели много татар, стоявших здесь в своих палатках, и пастбища лошадей, принадлежащих астраханским господам. Из этих лошадей многие были очень хороши, и мы запрягли несколько их в наши коляски, но животные оказались чрезвычайно дикими, оставаясь летом на траве в прекрасных лугах, которыми изобилует здешняя местность. Замечательно, что все извозчики этого города имеют прекрасных лошадей: у них не найдешь даже ни плохой, ни исхудалой лошади, чего я никогда не видывал нигде в других местах.

Так как время отъезда моего приближалось, то я попросил и получил дозволение на столько мест, сколько мне было их нужно, в одном из стругов, который мне приглянется. Я избрал самый большой и самый приспособленный для удобного помещения всех моих вещей. Большинство армян также приготовлялось к отъезду, равно как и несколько персиян, возвращавшихся из Москвы в Шемаху. Ханский сокольничий тоже был в числе отъезжающих, с пятью или шестью соколами, которых он вез в Персию. Сокольничий этот приводил московскому царю слона, которого и передал астраханскому губернатору, отправившему его под надзором нескольких русских и одного грузина, но слон этот околел на дороге от усталости под г. Царицыном. Этот сокольничий просил меня от имени губернатора дозволить и ему поместиться на избранном мною струге. Чтобы доставить и этому место, я отправился утром на место и нашел, что армяне так

загрузили тот струг, что не оставили в нем никакого места. Я пошел к губернатору и просил его распорядиться снятием некоторой части кладь армян со струга, чтоб очистить в нем место для нас. Он отвечал мне, что в стругах недостатка нет и что я могу с избранного мною струга приказать снести всякую кладь, какую только пожелаю, для того чтобы поместить свои вещи по моему желанию. Я воспользовался его обязательным решением и взял себе все то помещение, которое было мне нужно, так как я испытал уже много неудобств, плывши по Волге до прибытия моего в этот город.

Г-н де Винь получил в этот день уведомление о том, что его царское величество пожаловал его в полковники, и 11-го числа он задал по этому случаю пир губернатору и главным офицерам. Я был также на этом пиршестве, и он угостил нас блестящим образом, при громе пушек и под звуки труб и барабанов. По выходе от него я отправился с несколькими армянами за город подышать чистым воздухом, на одну дачу, лежащую на реке. Виноград был уже довольно зрел, но большая часть других плодов уничтожена была насекомыми.

Когда уже я изготовился совсем к отъезду, запасшись всем необходимым для меня, даже до сетки от мух, которые невыносимы в этих странах, губернатор прислал мне два небольших бочонка водки, один с лучшею, а другой с простою водкой, небольшой же бочонок уксусу, четыре бочонка пива, один вина, три полости копченой свинины, порядочное количество сушеной рыбы, мешок печенья и другие припасы. Он дозволил также мне взять и небольшое судно, послав его вперед для того, чтобы можно было сложить на него часть груза с большого струга во время приближения этого последнего к Каспийскому морю, — распоряжение, необходимое по причине большой засухи, наступившей в это время в тех местах. Я простился с губернатором в 4 часа после обеда, поблагодарив его за все его одолжения и доброту ко мне в мое тут пребывание. Когда же я вернулся домой, то получил от него еще три запечатанные бутылки с очищенными водками. Наконец я сел на маленькое судно в сопровождении пяти солдат, которые даны были мне для перевозки вещей моих на корабль. Три армянина, товарищи мои по путешествию, также отправились, каждый на таком же особом судне.

Отъезд сочинителя из Астрахани.

Состояние Волги и описание Каспийского моря.

Местоположение Дербента.

Прибытие в Персию

12 июля (1703 г.) утром мы сели у Астрахани на судно, чтоб продолжать наше путешествие, и к обеду прибыли к месту в трех верстах от города, где армянские купцы приказали приготовить нам добрый обед и где пропировали с час времени при звуке нескольких инструментов; затем мы распростились с нашими друзьями и пустились дальше. Спускаясь вниз по реке, мы видели на берегу дюжины татарских палаток, которые разбросаны были довольно далеко внутрь страны. Вечером мы вышли на берег, в восьми верстах от города, для ночлега под охраной двух данных мне солдат. Я заснул, не запасшись своей сеткой от мух, полагая, что не буду еще иметь в ней надобности в первую ночь. Но скоро эти насекомые разбудили меня своим жаленьем и не дали уже мне ни на минуту покоя, и я с нетерпением ожидал рассвета.

С началом дня мы продолжали наше плавание, берег здесь был ровный и покрыт кое-где деревьями, появлявшимися все более и более. В 7 часов мы увидели, с левой от нас стороны, монастырь св. Иоанна, а немного далее — остров на реке и много больших каких-то птиц. В 11 часов мы проследовали мимо рыболовли, с обеих сторон омываемой рекой, словно какой остров, а напротив этой рыбной заимки возвышается сторожка с солдатами для наблюдения за судами, плывущими вверх по реке. Отсюда до Астрахани считается сорок пять верст. Что до рыболовли, то ее содержат на откупе несколько купцов Нижней, которые наловленную рыбу солят и отправляют далее. Для этого употребляется ими большой струг, который и нагружается рыбой. Река здесь в некоторых местах довольно узка, по причине островов, около которых она разделяется на несколько рукавов. Час спустя отсюда мы нашли другую рыболовлю, кругом которой все зеленело, покрытое множеством высокого тростника, но на самой земле ничего не было особенного: там цвели только цветы, была ежевика и большею частью дикие деревья.

В час пополудни пристали мы к сторожке, называемой Четыре Бугра, около которой возвышается четыре хол-

ма. Это было в шестидесяти верстах от Астрахани. К начальнику этого места я имел письмо от губернатора, в котором приказывалось доставить мне, буде нужно, льду для охлаждения моих напитков, что я и получил благодаря его вниманию. Тут река заперта плотиной (перегородкой), с проходами в некоторых местах, наподобие шлюза, для пропуска судов. В два часа мы продолжали наш путь, направляясь к югу, так как до этого места течение реки было по большей части на восток, при помощи сильного южного ветра. Это место совершенно поросло высоким тростником, но с левой стороны виднелось несколько небольших деревьев. Около 6 часов мы были уже в четырех верстах от Каспийского моря. Заметив, что мы проехали от Астрахани от восьмидесяти до девяноста верст, что составляет семнадцать часов пути, я отпустил солдат, сопровождавших меня, снабдив их письмом к губернатору этой области, в коем писал, что они хорошо прислуживали мне. Мы легли спать в эту ночь в первый раз на нашем судне, и теперь уже я не забыл прикрыться моею сеткой от мошек, которые не дали бы мне уснуть. Случалось, что люди умирали даже иногда от ужаления этих насекомых. Бывшую при мне охотничью собаку, которую получил я в Москве в дар от молодого Лефорта, они так крепко кусали, что наконец довели до того, что она бросилась в реку, из которой насилу ее вытащили, и поэтому я принужден был после этого взять и ее под свою сетку, где она и заснула спокойно.

Утром 14-го числа мы продолжали путь наш в шлюпке, и, проехав две версты, река пошла уже и берега ее покрылись тростником. Проплыв еще с версту, нашли мы наше грузовое судно невдалеке от Каспийского моря, где мы и остановились. Кормчий наш, впрочем, отправился к самому морю для измерения мелей, на которых он нашел воду высотой только на пять ладоней. Так как ветер был в это время южный и прямо в реку, то вода и не могла прибыть на те мели в скором времени. Кормчий поплыл туда вторично, в 5 часов, и нашел, что вода прибавилась еще на две ладони. А как наш струг сидел на восемь ладоней в воде, то мы и надеялись, что можем проплыть по тем песчаным мелям через два или три часа времени. В ожидании этого срока мы забросили сети и наловили довольно-таки окуней и несколько раков. Затем я вышел на берег с тремя или четырьмя особами в надежде, продвигаясь к морю, найти там дичь, но скоро принуждены были воротиться на струг, потому что местность берега оказалась чрезвычайно болотистой и затопленной. С правой стороны нельзя было достигнуть земли, тоже покры-

той высоким тростником, бывшим в воде. Глаза мои напрасно искали здесь, на чем бы можно было остановиться, так как, кроме травы и цветов, ничего не было. Я нашел тут лишь мотыльков чудной красоты, сверху красных, а снизу белых с крапинами.

В 9 часов вечера снесли на берег все, что только было легкого у путешественников, да и сами сошли, кроме двоих-троих, оставшихся на струге. Затем, когда мы прибыли к устью реки, то нашли его чрезвычайно узким, во многих местах берега вдавались в реку и справа и слева, и, сверх того, у самого входа в море оказались песчаные мели, обозначенные воткнутыми древесными ветками. Настала ночь, и мы должны были приостановиться до рассвета.

15-го числа мы подняли якорь и хотели было проплыть через мели, но сели на них; скоро, впрочем, мы выбрались на чистую воду, перенесши несколько тюков на грузовое судно. Затем мы и в другой раз сели на мель и потому принуждены были бросить якорь около вечера и опять воспользоваться грузовым судном для того, чтобы отправить на берег товары и всех седоков. Между тем подул северный, весьма благоприятный нам, ветер, и потому мы скоро очутились в море и увидели землю, с обеих сторон окруженную как бы венком, но с правой стороны холмистую. Сколько ни искал я глазами берега или места, куда бы можно было сойти, ничего не находил: все было в воде, со множеством бухт, поросших тростником.

16-го утром нас догнало грузовое судно с нашими товарами и седоками. Впереди между нами и открытым уже морем был еще с левой стороны один большой остров. Миновав этот последний остров, мы наехали тоже на последнюю мель и еще раз имели несчастье засесть на ней; впрочем, мы скоро опять выбрались на воду. Достигнув здесь уже до полутора саженьей глубины, мы позабрали с грузового судна всю нашу кладь и седоков, а самое судно отправили обратно в Астрахань с письмом, которое я тут же написал к губернатору.

Около полудня мы увидали в глазах у себя четыре горы, которые русские зовут Четыре Красных Бугра. Мы подошли к наиболее выдавшейся части их, называемой Красной Землей, во ста верстах от Астрахани. Скоро мы потеряли землю из виду и с ветром, подувшим на юг, тихо продолжали наш путь на юго-запад, при отличной погоде; но немного спустя мы бросили якорь на глубине полутора саженьей, так как ветер поворотил на восток.

Утром 17-го мы продолжали наше плавание под северным ветром на двойных парусах, погнавшим нас к

южной стороне. Поливший затем дождь изменил было погоду, но вскоре солнце разогнало тучи, начался довольно свежий ветер, который продолжался до вечера и поднял морские волны. Наш кормчий, утомившись, захотел было несколько отдохнуть и потому поручил руль другому, который скорехонько привез бы нас обратно в Астрахань, если б я не заметил его ошибки благодаря моему компасу, которым я постоянно руководствовался как на море, так и на суше. В продолжение ночи ветер изменился и мгновенно стих, так что мы принуждены были стать на якорь на восьмисаженной глубине.

Утром 18-го числа мы снова пустились в путь на парусах при дождливой погоде; затем настала тишь, но немного спустя поднялся с северо-запада ветер, и мы поплыли с ним по направлению к югу. Сначала солнце сияло, но вскоре ветер обратился в бурю, отчего все путники чувствовали себя нехорошо, не исключая и матросов, работавших, как и прошлый день, при управлении стругом; кроме их было у нас и несколько солдат, именно стрельцов двадцать один человек, да путешественников около пятидесяти, большею частию армян. Наш струг о двух небольших бронзовых пушках мог очень удобно вмещать в себе двести пятьдесят тюков, которые я уменьшил до ста восьмидесяти, для того чтобы иметь побольше места, как я уже сказал выше. Он был о трех рулях: один назад и по одному на каждом из боков. Подобного рода суда снабжаются обыкновенно одним только большим парусом, который удваивают еще при хорошем ветре, отчего они неспособны делать разные повороты, если не помогать им при этом веслами. В этот день кормчий наш снова принялся за руль после обеда, но, взявши направление чересчур высоко на восток, он не смог достаточно наполнять ветром паруса, и так как в то же время струг не слушал и руля, то нужно было спустить парус. Затем прибегнули к помощи другого руля, чтоб поворотить надлежащим образом струг, и подняли опять парус, что и дало мне понять, что люди эти не лучше и не более греков смыслят в мореплавании. Ветер постоянно дул северный, мы продолжали с ним наш путь, и хотя значительно уже продвинулись вперед в открытое море, но я нашел еще в нем воду приятную и годную для питья, но немного спустя она стала солоновата, цвета более зеленого, а волны морские очень короткие.

Проплыв в этом направлении всю ночь при ясном освещении луны, 19-го числа, утром, мы увидали с правой стороны на западе одну из персидских гор, называемую Самгаал, и, подаваясь далее на юг, вдоль берега, на

добрый час пути от земли, мы удвоили наш парус к 9 часам, имея все-таки по одной стороне от нас горы с лесами и песчаный берег. После небольшого затишья поднялся ветер с северо-востока, и мы продолжали наш путь на юго-восток, идя постоянно вдоль берега, чтоб обогнуть выдавшийся мыс остроконечной горы. <...> Эта часть берега чрезвычайно опасна до самого Дербента, потому что самгалы, живущие на сказанных горах, грабят со всех сторон, так что в сих местах никто не осмеливается приставать к берегу. Самгалы эти — магометане, и они расхищают все товары с кораблей, имевших несчастье быть выброшенными на их берег, не отвечая ни в чем ни перед кем, кроме своего князя.

В 3 часа ветер подул на восток, когда мы были у конца горы, в виду и на расстоянии часа от Дербента. Мы бросили здесь якорь, и на этом расстоянии я, не имея возможности познакомиться с городом, снял вид его. <...>

В продолжение ночи мы опять плыли на парусе с таким тихим ветром, что к рассвету следующего (20-го) дня очутились только по другой стороне города. Он лежит на запад, на морском берегу, и, казалось мне, имел около полутора часа ходьбы в окружности. На спуске горы со стороны моря город защищен каменной стеной и имеет трое ворот, из которых только одни открыты. К городу примыкает крепость, по правой стороне которой виден колодезь с подземным родником, лежащим довольно высоко. Город этот достаточно снабжен пушками, расставленными перед дворцом ханским, в числе шестидесяти, из коих многие медные; а так как стоит он на значительной высоте, то с моря имеет красивый вид. Большая часть камней крепости по $7\frac{1}{2}$ ладоней в длину, по $5\frac{1}{2}$ — в ширину, и высечены они очень хорошо, по древнему. Поэтому-то персы утверждают, что город этот принадлежит ко времени Александра. Невдалеке от него находится сорок каменных больших гробниц (плит), имеющих по 15 ладоней в длину, по $2\frac{1}{2}$ в ширину, но не высоких; тут же много водоемов, длинный каменный стол и лавки. Дербентская гора вся скалистая, наполнена источниками пресной воды, равно как и самый город изобилует ими. Те, которые никогда прежде не бывали здесь, обязаны, по древнему обычаю, дать что-нибудь, чтобы напиться здешней воды по-матросски, в противном случае туземцы грозят утопить всякого в воде, что иногда и случается. Слово Дербент значит город, лежит на северо-западе Азии и царства Персидского, на границах Грузии и Курии, между Каспийским морем и горой Кавказ, где

находится узкий проход (теснина). На день пути от Дербента живут разбойники... С ними соединяются русские казаки: те и другие занимаются грабежом на Каспийском море.

Здесь граница Дагестана, небольшой части Грузии и Курии, лежащей при Каспийском море и простирающейся почти на сорок миль. Жители в ней, татары, управляются собственным своим князем и находятся между Москвией и Персией; главный город у них Тарку, затем Андрей. Край этот вовсе не обозначается на картах, хотя в нем находится четыре князя, из которых главный князь — Самгалов, второй — Крым-Самгалов, третий — Бек и четвертый — Карабудаг-Бек. Город Тарку называется еще Тирк, или Тарки, а персами — Таргу. Город этот открытый, лежит напротив одной горы, у Каспийского моря, в восточной части Грузии, под властью его царского величества, и находится в трех днях пути от Низовой.

В полдень ветер подул с северо-востока, и мы скоро потеряли из виду Дербент, направляя путь наш на юго-восток. Вдоль этого берега мы видели на берегу множество деревьев, а в отдалении — горы. Час спустя пополудни ветер начал меняться на юго-восточный, и мы принуждены были оставить парус и бросить якорь в полчасе от земли, в одном месте, где берег покрыт был сплошь деревьями и такими же холмами. Ночью подул ветер с севера и позволил нам опять распустить парус.

Утром 21-го числа мы продолжали наше плавание при отличной погоде и солнечном сиянии, идя постоянно вдоль берега, в получасовом расстоянии от него. В 8 часов мы увидели мыс, или конец, Низовой, покрытый тоже деревьями. Мы направились к юго-востоку и около полудня стали у этого берега на якорь, на глубине воды в три сажени, и здесь нашли шесть других кораблей, отпльвших прежде нас из Астрахани. Тут высадился я на землю со всею моею кладью в 3 часа пополудни. Это был первый мой шаг, сделанный мною в Персии (21 июля 1703 г.).

Что до величины этого моря, то оно имеет в длину от четырнадцати до пятнадцати дней плавания при безветрии, в ширину же — от семи до восьми дней. Оно большею частью простирается с севера на юг, а вширь — с востока на запад. Полагают, что от Астрахани до Ферабата сто часов пути, а поперек — от Хуареса или Карагана до Черкассии или Ширвана — около девяноста часов. Море это не имеет ни прилива, ни отлива, и если когда выступает из берегов, то единственно вследствие волне-

ния от сильного ветра. Говорят, что оно посредине бездонно, равно как и около города Дербента; тем не менее дно оказывается, и его находят на глубине тридцати или сорока сажен. Вода в нем соленая, как уже сказано выше, и пресность ее у берегов происходит от рек, впадающих в него. Наконец, море это не имеет сообщения ни с каким другим морем, будучи окружено со всех сторон материком и высокими горами. Едва можно представить себе число рек, впадающих в него; их насчитывают до ста. Главнейшие из них суть: Волга, Кур и Аракс. Две последние соединяются, приняв в себя множество других рек, каковы: Быстрая, Аксай, Койсу, Кизил-Озен, Лаик, Семс, Ниос, Оксус (Гигон, Амударья), Арксантес (Сигон, Сырдарья), Дон, или Танаис, и проч(ие), исчислять которые было бы бесполезно. Самое море в древности называлось Гирканским, также морем Баху — у персиян, Кульзум и Астраханским морем; русские же зовут его Хвалынским. Более всего плавают по нем русские и моры, или магометане. Хотя царь московский прислал для этого в Астрахань несколько кораблей под начальством капитана Мейера, о котором говорено было выше, но купцы предпочитают плавать на простых русских судах для перевозки своих товаров, потому что они менее подвержены течи и, следовательно, товары на них безопаснее от порчи; без этого же первые были бы здесь более удобны и на них вдвое скорее можно было бы совершать плавание, если только постараться об этом. Впрочем, они имеют и другой недостаток, а именно: не будучи также плоскодонными, как простые русские суда, они не могут плотно подойти к берегам Низовой и Персии, где купеческие корабли проводят иногда и самую зиму.

ГЛАВА XVIII

Положение Низовой. Сильная буря.

Страшный песчаный ураган.

Отъезд и прибытие в Шемаху

На берегу Низовой нет ни селений, ни изб, так что там необходимо раскидывать палатку как для себя, так и для своих пожитков или идти дальше, вовнутрь страны, смотря по тому, что более удобно и для какой цели приезжают и останавливаются здесь. Сюда являются арабы, со своими верблюдами и лошадьми, и отыскивают тут путешественников для сопровождения их в Шемаху. Так как в то время,

когда мы высадились, у берега стояло много судов, то и народу на берегу было множество.

Утром, 22-го числа, мы ловили нашей сетью рыбу в небольшой речке, которая впадает в море двумя рукавами в получасе от нашей стоянки, но наловили мы немного, хотя по временам речка эта изобилует рыбой, которую ловят удочкой и сетями. Река эта называется Низовая, и это название свое сообщает и всей здешней стране. Она вытекает из горы, но как далеко отсюда — я не мог узнать.

23-го числа при юго-восточном ветре отплыло в море, перед вечером, пять кораблей, на которых отправились некоторые армянские купцы с своими товарами в Астрахань; пользуясь этим случаем, я послал с ними письма к моим друзьям в Астрахань и Москву.

Люди, занимающиеся перевозкой и выгрузкой товаров, доставляемых на этот берег, состоят из арабов и турок, которые живут здесь летом в палатках, а зимой — по селениям, довольно удаленным от берега.

24-го числа отправилось отсюда множество верблюдов, нагруженных товарами, в сопровождении русских купцов, которые путешествовали с нами от Москвы до Астрахани. Того же числа прибыл сюда один араб, у которого три разбойника отняли близ реки лошадь и рис, везенный им для продажи. Как только весть об этом распространилась на берегу, тотчас же десять или двенадцать человек пустились в погоню за разбойниками, но преследование их было безуспешно. Таким образом, бедняжка должен был лишиться своей лошади и товара.

В полдень разразилась с юго-востока сильная буря, поднявшая такую страшную песочную пыль между морским берегом и песчаными холмами на морском берегу, что не знали, куда и укрыться от нее. Хотя у нас была довольно большая палатка на двух прочных жердях, крепко привязанная к кольям, вбитым глубоко в землю, но я, опасаясь, чтобы ветер не сорвал ее, счел за лучшее уйти на самый край берега, где пыль была не так невыносима, потому что песок там был сырой и смоченный. Действительно, это вскоре и случилось, и мы должны были довольствоваться уже тем, что покрыли ею наши товары, укрепляя и обвязывая их возможно лучше, а также и два наши струга; а так как воздух в то же время был полон густыми облаками пыли, то всякий искал себе какого-нибудь убежища спрятаться — кто за обломками разбитых судов, потерпевших крушение, а кто и внутри сих судов. Это необыкновенное и ужасное явление подействовало на

большую часть людей так опасно, что некоторые полуослепли от него. Такая буря продолжалась до вечера, когда ветер стих, и мы раскинули снова нашу палатку, с великим трудом повытаскали наши тюки из песку, под которым они были погребены.

25-го числа утром несколько купцов, проживавших уже двенадцать дней на этом берегу, отправились в Шемаху при отличной погоде. Что до нас, то мы должны были ждать прибытия таможенного чиновника, которому нужно было уплатить пошлины, прежде чем уехать отсюда. Пошлины эти были по сорок шесть штиверов с тюка, каждый весом в четыреста фунтов — тяжесть, составляющая обыкновенный груз одной лошади. В этот же самый день поднялась снова буря, и такая свирепая, что на берегу едва можно было держаться, и мы даже принуждены были перебраться на другую сторону песчаных холмов, в трехстах шагах от моря, где мы и провели ночь. Матросы корабля его царского величества также перенесли туда под защиту нескольких шалашей. В нем находились два немца: один боцман, а другой пленный швед, которые подарили мне двух птиц, подстреленных ими и называемых русскими каравайки и довольно похожих на молодых цапель, только пером они черные или темно-синие; голову одной из них я из любопытства сохранил. Так как господа эти посещали меня ежедневно, то однажды они принесли мне и белого журавля необыкновенной величины и красоты.

Буря продолжалась всю ночь и кончилась только 26-го числа. Тогда таможенный чиновник прибыл к нам, осмотрел наши тюки и затем дозволил нам продолжать наше путешествие. На следующий же день, приготовившись как следует, мы отправились в путь, имея у себя сотню с лишним верблюдов, десять лошадей и трех ослов, постоянно придерживаясь моря, берег которого везде мы нашли в таком же виде, как и в месте нашей стоянки, где мы так сильно страдали от бури. Продвигаясь на юг, мы переправились через четыре небольшие речки: Самур, Балбалу, Бульбулатсу и Мордву. На этом берегу водятся большие, с маленькими головками, животные, которых здесь называют морскими собаками и между которыми иные попадают величиной с лошадь, коих шерсть жесткая, и потому кожа их отлично пригодна для обивки сундуков. В то время года, когда эти животные поднимаются, их встречают тысячами на берегу Низовой. После четырех часов пути мы остановились отдохнуть в одной долине, позади песчаных мелей, в полчаса от селения

Мордов, населенного арабами, живущими там в жалких землянках, подобно татарам, о которых я говорил выше. Мордов значит болото: и действительно, местечко это чрезвычайно болотисто по причине вод, стекающих в него с гор; это же составляет причину того, что здесь изобильно растет рис и водится множество птиц.

28-го числа мы продолжали наше путешествие берегом моря и, сделав шесть часов пути, остановились за два часа перед полуднем. В этом же месте мы несколько уклонились от моря, имея перед собой не в дальнем расстоянии высокие горы Персии. Мы нашли там один источник, бьющий из земли, и несколько жалких селений, состоящих из небольшого числа глиняных изб, жителей которых называют здесь морами или турками. Так как погода стояла отличная, то эти доли и горы представляли чрезвычайно приятный вид. В этой местности Каспийское море небогато рыбой; водятся, правда, карпы, но не слишком хорошие, и один вид сельдей, тоже не лучших.

29-го числа ночью мы продолжали наш путь и через добрый час вошли в горы, чрезвычайно высокие, дикие, скалистые и голые. Перебравшись через высокую гору Барму (Бармак?), мы остановились в 9 часов утра на одной плоской возвышенности, окруженной высокими горами, и здесь в глубокой долине нашли родник с довольно хорошей водой. Здесь же я застрелил большую хищную птицу, пером черную, с примесью серых и белых перьев, с распростертыми крыльями в сажень: она походила на сокола, но только гораздо больше его; туземцы называют ее тялаган, и перья ее очень хороши для письма.

Погода была все так же прекрасна, хотя дул довольно сильный северо-восточный ветер. Мы продолжали наше путешествие все на юг и миновали множество хижин, заселенных арабами. Мы встретили этих людей большое число, с их женами, детьми и скотом. Местность эта полна воров, что и заставляет путешественников быть настороже, чтобы не дать напасть на себя во время сна. Мы также стреляли время от времени из ружьев, давая этим знать, что мы знаем об опасности. Один из воров все-таки решился подойти к нам, чтобы разведать о нас, но за свою дерзость получил он в награду несколько палочных ударов.

В полночь мы пустились снова в дорогу и через час пути, или персидскую милю, называемую ими ферсанг, вступили в горы, покрытые деревьями. С рассветом уже мы проходили по узкой и скверной дороге, где должны

были сойти с лошадей и вести их под уздцы. Спустившись в равнину, мы дважды переехали реку Ататсу (Атачай?), что значит отцовская река, впадающую в Каспийское море и орошающую значительное и плодоносное пространство. На вершине одной горы мы нашли болото, полное воды, на котором было множество больших и малых птиц, а затем нашли источник хорошей воды, выходящий из горы и образующий канал, прикрытый сверху плотно камнем и землей. Это был рукав, или ветвь, речки, которую мы дважды уже переезжали вчерашнего дня и которую теперь, утром, еще раз переехали вброд, так как она неглубока по причине засухи, бывшей, говорят, в последние два года. Около 8 часов мы увидели влево от нас большой караван-сарай из обломков камней, а подле него кладбище со множеством гробниц, арабских и турецких. Пользуясь хорошей погодой, хоть и со значительным ветром, мы сделали привал недалеко от этого места, в долине, на берегу ручья, в четырех часах от маленького местечка, называемого Разарат, где несколько арабов раскинули свои палатки. Нужно было посылать за продовольствием за час пути отсюда.

В 2 часа пополудни мы снова пустились в дорогу, беспрестанно взбираясь на горы и спускаясь с них, и через четыре часа вошли в скалистые горы и перебрались через реку, называемую турками Окрутса, т. е. сухая река: она и действительно была тогда такова, полна кремней, равно как бывает такую и часто в летнее время, так что это больше был ручей, нежели река. Утром мы слышали крики фазанов в горах, где видели также и зайцев, встретившихся нам в первый раз на этом пути, и множество источников. В последний день месяца мы, в 8 часов, остановились в большой каменистой равнине, окруженной скалами, где нашли десять палаток арабов, снабдивших нас молоком, свежим маслом, яйцами и довольно порядочной водой. Мы убили здесь барана, привезенного нами из Астрахани, и устроили себе отличный обед. Убили также и козленка, подаренного мне астраханским губернатором, и таким безжалостным образом лишились общества его в пути.

В 2 часа пополудни мы продолжали наше путешествие по каменистым горам и очутились наконец у водомета или источника, называемого Борбеллаг (Бербеле?), около которого проживало в палатках множество арабов. Эта гора далеко не так высока, ровнее и обыкновенно покрыта бывает травой, но в это время последняя вся погорела от солнечного жара и сильной засухи. Это было 1-е

число августа месяца, и в этот день мы ехали всего только три часа, потому что в большие жары с верблюдами нельзя пройти более четырех, пяти или шести часов за один раз, да, кроме того, необходимо, чтобы караваны останавливались в таких местах, где есть вода. Мы остановились в трех часах от Шемахи; но так как на горах, окружавших нас, нисколько не было лесу, то для топлива и разведения огня мы должны были довольствоваться верблюжьим пометом, как это делается в Египте.

Мы отправились далее в путь в 2 часа пополудни и переправились через реку Сагансу (Сагат?), в которой мы нашли больше кремней, чем воды. Приближаясь к Шемахе, мы проходили мимо нескольких плодовых садов. На таможене нас приостановили для счета наших верблюдов, что, впрочем, сделалось довольно скоро, и затем, рано утром, мы вошли с правой стороны в город Шемаху и направились к армянскому караван-сараю, где один из армянских купцов угостил нас в этот день обедом⁷⁶

ГЕРЦОГ ЛИРИЙСКИЙ

ЗАПИСКИ
О ПРЕБЫВАНИИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ
РОССИЙСКОМ ДВОРЕ
В ЗВАНИИ ПОСЛА
КОРОЛЯ
ИСПАНСКОГО

Мая 16-го дня 1727 года я был у принца Евгения¹, который принял меня чрезвычайно ласково.

Принц Евгений Савойский, по мнению моему, совершенный герой; нет таких добрых качеств, которых бы в нем не было: он откровенен, учтив, прост в обращении, не теряя, однако же, приличия, и горд без тщеславия; он не способен обма-

нывать никого, и каждому слову, исходящему из уст его, можно верить, как самой истине; он красноречив, знает науки и читал много; говорит совершенно на пяти языках: латинском, французском, немецком, итальянском и испанском. Ненависть ему неизвестна, и угнетаемая добродетель всегда найдет в нем защитника. На войне он всегда весел, бдителен, внимателен и ровен, даже находясь в жесточайшем огне. Никто лучше его не знает военного искусства: это доказывают десять сражений, им выигранных. В политических делах он проницателен и изъясняется хотя в немногих словах, но очень ясно. Он ненавидит комплиментов и не терпит благодарности за оказанную им милость. Будучи справедлив в высочайшей степени, он не отречется дать удовлетворение каждому честному человеку, ежели сей, думая быть от него оскорбленным, потребует оно. Словом, это совершенный человек во всех отношениях.

Июня 5-го дюк Бурнонвильский получил от графа Цинцендорфского записку, которою он приглашал обоих нас приехать к нему сего же дня утром, в Луксембург. Мы тот же час отправились туда и с самого приезда занялись делами с сим министром и с принцем Евгением.

От них мы узнали, что вчера вечером приехал курьер из Петербурга с известием, что царица Екатерина I² скончалась 17 мая в 10 часов вечера от болезни, которая, продолжавшись некоторое время, кончилась нарывом в груди. Они сказали, что это происшествие не изменит ни в чем настоящей нашей системы, потому что новое русское министерство решилось следовать принятым покойною царицей правилам, в чем удостоверяет императора князь Меншиков, первый русский министр, в почтительном письме, которое он писал по сему случаю к его величеству.

После сего граф Цинцендорфский рассказал нам, что происходило в Петербурге по смерти Екатерины.

Как скоро она скончалась, князь Меншиков поставил караул у всех входов дворца, а на другой день поутру пригласил во дворец царевича³, внука последнего царя, герцога и герцогиню голштейн-готторпских⁴, принцессу Елисавету⁵, дочь покойной царицы, и всех вельмож и первейших министров русских. Меншиков объявил им, что царица скончалась в прошедшую ночь, вруча ему свое духовное завещание, которое он тут же и прочел. В самом начале завещания она объявила единственным своим наследником вышесказанного царевича, внука своего супруга. Все, бывшие в собрании, выслушав это, тотчас закричали «ура!». Тетка его, герцогиня голштинская, первая пала к его ногам, а за нею и все прочие и тут же присягнули в верности. Остальное содержание духовной относилось к образу правления и назначало регентство, которое долженствовало продлиться до того времени, когда новому царю исполнится 16 лет, а тогда ему было только 12. В члены совета регентства назначались: герцог и герцогиня голштинские, принцесса Елисавета, сестра герцогини, князь Меншиков, государственный канцлер граф Головкин, адмирал граф Апраксин, царский обер-гофмейстер барон Остерман⁶ и князь Дмитрий Голицын⁷. В конце духовной Екатерина предписывала поддерживать союз и согласие с императором и следовать той же системе, которой она следовала. Но статья, относящаяся до малолетства царя, осталась без исполнения, потому что тут же объявили его совершеннолетним, и герцог голштинский, оскорбляемый Меншиковым, чрез два месяца уехал со своею супругою в свои владения.

Известие о кончине Екатерины I огорчило меня до чрезвычайности, ибо одна из главнейших причин, по которой я принял посольство в такую отдаленную от ног

моего государя страну, состояла в том, что мне хотелось узнать лично такую великую государыню, которую и лучшие писатели не могут выхвалить достойно. Но меня много успокаивало уверение императорских министров, что эта великая потеря не сделает никакой перемены в настоящих делах, потому что на другой день ее кончины все было в величайшем спокойствии, хотя тогда можно было опасаться величайшего волнения. Правда, что за недолгое до смерти царицы время был открыт заговор, главою которого были генерал Толстой⁸ и генерал Дивьер⁹, родом португалец; но их обоих схватили, и заговор их не имел никаких последствий.

Июня 21<-го> получили мы известие о смерти епископа любского, двоюродного брата герцога голштинского, который должен был жениться на принцессе Елисавете московской.

Вместе с сим получено также известие об обручении царя с дочерью князя Меншикова.

В 28<-й> день приехал курьер из Берлина с известием, что король английский Георг умер в Оснабрюке 13<-го> числа от апоплексического удара.

Июля 26<-го> приехал второй курьер из Мадрида, который огорчил меня так же, как и первый, потому что я не получил с ним никакого повеления, и маркиз де ла Паз все притворялся, что не знает о кончине царицы. Наконец 4 августа приехал третий курьер и привез мне новые кредитивы и наставления. Маркиз именем королевским предписывал мне ехать как можно скорее к месту моего назначения.

Войско короля прусского состоит из 70 тысяч человек отличнейших, кои служат с величайшею точностию.

Октября 19<-го> был я с графом Секендорфским в городе Потсдаме, желая видеть славный гренадерский, или, лучше, исполинский, полк, состоящий из 2500 человек, из которых самый малый ростом в 6, а самый высокий — в 7 с лишком геометрических футов.

Октября 25<-го> приехал я в Данциг. Случилось, что в том же трактире, в котором я остановился, жил также граф Маврикий Саксонский, побочный сын короля польского, который был избран в герцоги курляндские, о чем я буду говорить после. Он был мне очень хорошим приятелем в Париже, и поэтому я был очень рад, встретившись с ним здесь, и мы не разлучались во все то время, которое пробыл я в Данциге. Он мне подробно рассказал о состоянии своих дел в Курляндии и просил хлопотать о нем при дворе петербургском. Я обещал ему

это, разумея, при удобном случае, но притом сказал, что буду стараться о нем как приятель, а не как посол, потому что не имею от короля, моего государя, повеления мешаться в это дело. После сего он убедительно просил меня выхлопотать из рук русского министерства множество записочек, кои получал он от разных дам и хранил в сундуке, который отняли у него русские, и что в том же сундуке находится журнал любовных шашней при дворе короля, отца его, примолвя, что ежели журнал этот откроется, то наделает ему много хлопот. Все это я обещал ему и, приехав в Москву, действительно услужил ему дружески.

Ноября 9<-го> отправился я очень рано и, проехав 4 лье, прибыл к обеду в Митаву. Почти за пол-лье от сего города встретился я с генерал-майором Миром, который нарочно был послан Польскою комиссиею мне навстречу для поздравления меня с приездом. Пересев в его карету, я приехал в Митаву в полдень. Четверо из главных членов комиссии тотчас явились ко мне с визитом, и именно: князь епископ вармийский, граф денгофский, генерал литовский, граф Дунин, референдарий коронный, и князь Радзивилл. Они повезли меня обедать к референдарию, где была также вдовствующая герцогиня курляндская¹⁰, дочь Иоанна, старшего брата Петра I. Генерал Ласси, бывший в Митаве от российского двора, также приезжал ко мне, и я ужинал у него.

На другой день, 10<-го> числа, представлялся я герцогине курляндской Анне Иоанновне и был очень хорошо принят от ее высочества.

От нее поехал я обедать к епископу вармийскому.

Курляндия и Семигалия суть две соединенные области, объявленные в 1561 году наследственным герцогством для дома Кетлера, который, желая поддержать себя, отдался уже тогда под покровительство Польши, завися от нее в виде лена. Дом Кетлера, один из древнейших в Европе, кончится в лице нынешнего герцога Фердинанда, 70-летнего старца, не имеющего наследников. Уже с лишком 27 лет, как он, поссорясь с курляндским дворянством, выехал из своих владений и живет в Данциге.

Его дворянство, видя, что герцог Фердинанд не проживет долго по причине глубокой его старости, решилось составить сейм для избрания ему преемника и 5 июля 1726 <года> избрало без всякого прекословия графа Маврикия, побочного сына короля польского и курфюрста саксонского. Граф присутствовал при сем избрании и

согласился на него; но Польская республика тут же воспротивилась этому, объявив, что в силу ленного владения и условия, сделанного Кетлером на случай, если дом его угаснет, Курляндское герцогство зависит уже прямо от короля и Речи Посполитой польской. Князь Меншиков, генералиссимус русских войск, немедленно после вышесказанного избрания графа Маврикия приехал в Митаву, где еще находились граф и депутаты сейма, и, полагаясь на свою силу и на имя тогдашней царицы, старался склонить сейм избрать его в наследники герцогу Фердинанду, что, однако же, ему не удалось. Он имел несколько свиданий с графом Саксонским, но не мог получить от него того, чего желал, и все это кончилось условием, чтобы тот из них, кто сделается герцогом курляндским, заплатил другому сто тысяч ефимков.

Между тем Курляндской сейм, собравшись вновь в главной митавской церкви, подтвердил свое избрание, и граф Саксонский, желая поддержать оное, возвратился в Курляндию в мае 1727 года и укрепился с небольшим числом войска на одном острове, лежащем в заливе Балтийского моря, в одном лье от Митавы, который по местоположению своему даже неприступен; но князь Меншиков отправил корпус русских войск под начальством генерала Ласси, чтобы вытеснить графа Саксонского. Ласси, пришед к острову, послал сказать графу, что имеет повеление от царицы, своей государыни, объявить ему, чтобы он, нимало не медля, выехал из Курляндии. Хотя Ласси требовал, чтобы граф оставил Курляндию через 4 дня, но он отправился в тот же самый день. После сего Ласси велел объявить графским людям, чтобы они сдались без сопротивления, а он велит проводить их до польской границы; но вместо сего отправил их, со всем их и графским имуществом, в Ригу, где и держали их несколько недель.

Между тем Польская республика принудила своего короля не утверждать сделанного курляндцами избрания в герцоги графа Саксонского, и король, хотя и против своей воли, принужден был сделать это, в ожидании удобнейшего случая помочь своему сыну. После сего республика составила комиссию, членов которой я поименовал выше, и отправила ее в Митаву для переговоров с курляндскими депутатами о присоединении герцогства к короне польской. В то же самое время республика объявила на своем сейме графа Саксонского виновным в оскорблении величества и врагом отечества.

По приезде некоторых членов комиссии в Митаву князь Меншиков, по их требованию, велел сдать полякам всех людей и вещи графа Саксонского, кои содержались в Риге, совершенно вопреки их капитуляции.

Курляндские депутаты не могли согласиться насчет образа правления, который поляки хотели ввести по смерти герцога Фердинанда, и протестовали против всего, что сделали последние. Таким образом, Польская комиссия, не произведя ничего положительного, кончилась в декабре 1727 <года>.

Но прежде нежели она разошлась, российский двор велел своим генералам, Ласси и Бибикову, объявить ей, что царь никак не допустит до того, чтобы Курляндия была присоединена к Польше, а требует, чтобы, по силе особенных условий, сделанных курляндцами с поляками, герцогом был который-либо из германских государей.

Вот все, что я мог узнать о курляндцах в течение нескольких дней, кои я пробыл в Митаве.

Из Нарвы я выехал 21 ноября утром и, проехав две ночи и день, наконец прибыл в Петербург 23 <-го> числа в полдень. От Нарвы до сего столичного города считается 142 версты.

На другой день, 24 ноября, я уведомил о своем приезде министров царских и иностранных дворов, а поелику я принял титул только полномочного министра, то и обязан был сделать первый визит членам регентства, а именно: государственному канцлеру графу Головкину, генерал-адмиралу Апраксину, вице-канцлеру и гофмейстеру царскому барону Остерману и князю Дмитрию Голицыну.

На первой аудиенции у его величества был я 31 декабря. Речь говорил я на кастильском языке, а отвечал на нее, от имени царя, барон Остерман по-русски.

По окончании сего обер-церемониймейстер привел меня на аудиенцию к великой княжне, сестре его величества¹¹ Тут речь произнес я на французском языке, а барон Остерман, стоявший при ней с левой стороны, отвечал мне, по ее повелению, на том же языке.

После сего представлялся я принцессе Елисавете и говорил ей речь также по-французски, а ее высочество приказала своей статс-даме, графине Салтыковой, отвечать мне, что она и исполнила на французском языке.

На другой день послал я просить позволения представиться герцогине мекленбургской¹² и герцогине Параскевии¹³, дочерям царя Иоанна, старшего брата Петра I, но они не могли исполнить моей просьбы, потому что отъезжали того же дня в Москву.

Вот письмо, которое отправил я 10 января 1728 (года) к маркизу де ла Паз.

«Полагаю, что королю, нашему государю, весьма нужно знать в подробности систему правления русской земли, которая подвергается величайшей опасности, если бог не отвратит сего, упасть опять в прежнее свое состояние.»

Со времени низвержения князя Меншикова барон Остерман, гофмейстер царский и вице-канцлер, считался первым министром; но, будучи иностранцем, он не смеет ничего делать по собственному своему побуждению и сносится во всем с тремя другими членами регентства, поступая с величайшею осторожностью и скрытностью. Хотя государю не исполнилось еще 13 лет, но, как он был объявлен совершеннолетним, то никто не смеет (ни) говорить ему ни о чем, ни подавать ему советов. Один только Остерман имеет над ним некоторую власть, но и его замечания уже не уважаются. Царь не терпит ни моря, ни кораблей, а страстно любит псовую охоту. Здесь, в Петербурге, негде охотиться, но в Москве очень можно, почему никто не сомневается, что, приехав туда один раз, он едва ли возвратится сюда, и причины, для сего приводимые, кажутся мне не неосновательными.

Главная причина, для которой покойная царица и Петр I основали здесь свою резиденцию, была та, чтобы иметь всегда в глазах рождающуюся морскую силу, которая была для них величайшим наслаждением, и для того, чтобы держать в почтении государей, своих соседей, и именно шведских. Юный монарх не походит на них: он ненавидит морского дела и окружен русскими, кои, не терпя отдаления своего от родины, всегда толкуют ему ехать в Москву, где жили его предки, и при этом выхваляют московский климат и множество дичи в ее окрестностях, а здесь климат не только нездоровый, но и грустный и нет мест для охоты.

Многие думают, что коронация совершится прежде поста и что после сего царь возвратится сюда. Но я думаю, что этому не бывать, потому что еще ничто не готово для сего торжества, и купцы, поехавшие в Лион для закупки шелковых и штофных материй, не могут воротиться прежде исхода сего месяца или начала будущего, а генерал Ягужинский¹⁴, зять государственного канцлера, уверял меня, что коронация будет не прежде, как после пасхи, и, наверное, мы не воротимся прежде лета.

Барон Остерман также в отчаянии, что плоды данного им царю хорошего воспитания пропадают и что он

сам подвержен ежедневно интригам русских, которые на каждом шагу расставляют сети, чтобы он, запутавшись в них, упал и погиб. Он знает это очень хорошо, и люди, заслуживающие доверия, говорили мне, что он решится после коронации отказаться от звания гофмейстера и просить об отставке. На сих днях он занемог, и кровь, пущенная ему, была вся черная и почти гнилая. Болезнь эта сделалась оттого только, что он вынужден был говорить царю о его образе жизни, а его величество, выслушав его, отошел, не сказав ни слова. Через несколько дней он стал говорить то же, примолвив, что его величество сам чрез несколько лет велел бы отрубить ему голову, если бы он не представил ему пропасти, в которую он теперь стремится, и что он не может быть свидетелем его гибели и отказывается от звания гофмейстера. Царь обнял Остермана и со слезами на глазах просил не оставлять его, но в этот же самый вечер он принялся за прежнее.

Чтобы лучше понять настоящее состояние сего двора, надобно знать, что здесь две партии. Первая — царская, к которой принадлежат все те русские, кои главнейше стремятся к тому, чтобы выгнать отсюда всех иностранцев. Эта партия разделяется надвое: одна состоит из Голицыных, другая — из Долгоруковых, как я объясню после. Вторая партия называется великой княжны, сестры царской, и к ней принадлежат барон Остерман, граф Левенволд и все иностранцы. Цель сей партии состоит в том, чтобы поддерживать себя против русских милостию и покровительством великой княжны, которую царь по сие время весьма много уважает. Левенволда ненавидят не только русские, но и все честные люди, а прискорбнее всего то, что Остерман очень любит такого человека, которого всячески стараются отдалить от двора.

Но более всех доверенности царь имеет к принцессе Елисавете, своей тетке, которая отличной красоты и ведет себя очень благоразумно. Она уважает Остермана и обращается с ним ласково.

Его величество также очень любит молодого князя Долгорукова Ивана Алексеевича¹⁵, который, по молодости своей, угождает ему во всем, и потому нельзя сомневаться в том, чтобы он не остался главнейшим фаворитом и не сверг со временем барона Остермана и всех других; как ни старались удалить сего Долгорукова, но по сие время сделать этого не могли. Он сын князя Алексея Долгорукова¹⁶, второго гофмейстера царского. Князь

Иван служит камергером и пользуется такою доверенностию, что не оставляет царя ни на минуту и даже спит в одной с ним комнате. И отец содействует много к доставлению царю удовольствий; им удалось бы уже удалить Остермана, если бы русские вельможи были согласны между собою.

Голицыны и Долгоруковы суть главнейшие и сильнейшие из всех русских бояр; но с некоторого времени они враждуют между собою; если которому из них вздумается посадить в министерство кого из своих, другие тот же час противятся этому, так что иные думали, что, не могли согласиться на сей счет, они прибегают к третьему, и именно к барону Шафирову¹⁷. Сей последний имел одну должность с Остерманом и был любимцем покойного царя; теперь он живет в ссылке в Москве, где также находится царица, бабка нынешнего царя¹⁸, у которой Шафиров бывает каждый день, а как нет сомнения, чтобы она не получила большего веса в правлении, когда двор приедет в Москву, то многие, зная, как много она ненавидит иностранцев, думают, что она низвергнет Остермана и на его место посадит Шафирова. Но как скоро здесь узнали, что он беспрестанно бывает у царицы, то догадались о его замысле и послали к нему повеление отправиться в Архангельск, прежде даже приезда двора в Москву.

Хотя Шафиров человек со способностями и чрезвычайно искусный в делах, но удаление Остермана было бы невозвратимую потерю для нашего союза. Самые враги Остермана не могут упрекнуть его в том, чтобы он худо служил своему государю, чтобы давал ему дурные советы и позволял кому-либо подкупать себя подарками или деньгами; на него нападают только за то, что он очень дружен с Левенвольдом, как я сказал выше, и что дозволяет царю делать все, что ему угодно, не останавливая его ни в чем. Что касается до первой статьи, то обвинители его правы, но не правы в последней: ибо в этом он нимало не виноват, и ежели его представления не имели того действия, какого бы от них ожидать надлежало, то в этом виноваты сами же русские, которые не помогали ему и не помогают надлежащим образом; они так его ненавидят, что готовы обратить в преступление самые лучшие его дела. Несмотря на все это (да не подумает король, чтобы Остерман был совершенный человек), он лжив и готов сделать все, чтобы достичь своей цели, не имеет религии, потому что три раза уже менял ее, и чрезвычайно коварен; но это такой человек, в котором мы имеем нужду и без которого не сделаем здесь ничего.

Русские боятся большой власти, которую принцесса Елисавета имеет над царем; ум, способности и искусство ее пугают их, поэтому им хочется удалить ее от двора, выдав ее замуж. Хотя это трудновато, однако же может сделаться, если начатые о сем переговоры кончатся удачно. Граф Маврикий Саксонский не оставил своих притязаний и своей надежды, и, зная, что русский двор никогда не допустит присоединения Курляндии к Польше, он держит здесь тайно доверенного человека для ходатайства по его делам, кои идут хорошо. Одно из главнейших его предложений состоит в том, чтобы вступить в брак с принцессою Елисаветою, а как величайшее желание русских состоит в удалении принцессы от двора, к чему присовокупляется и выгода, что Курляндия не будет присоединена к Польше, то они и приняли благосклонно предложение графа, и это дело идет так хорошо, что теперь думают пригласить его в Москву, хотя еще не решено, исполнить ли его предложение или нет; это хранится в величайшей тайне, и я не без труда мог узнать о том. Таким образом, я не сомневаюсь, чтобы граф Мориц не успел в своем искании, а русские вместе с тем достигнут до своего желания удалить принцессу.

Им хочется сделать то же и с великою княжною и сыскать ей хорошего жениха, но это очень трудно, потому что найдется мало государей, кои захотели бы искать себе невесты в Москве. Русские были бы очень рады помянуться с Пруссиею, заставляя царя жениться на старшей дочери его прусского величества и выдав за королевского принца Пруссии великую княжну; но я не думаю, чтобы король прусский согласился на это, ибо все его желание состоит в том, чтобы сделать мену со свояком своим, королем английским.

Теперь появляется новый фаворит, граф Бутурлин, зять фельдмаршала князя Голицына, и все враги дома Долгоруковых стараются ввести его в милость у царя; но меня уверяли, что Бутурлин помирит обе партии, Голицыных и Долгоруковых, и если это правда, то Остерманова партия погибнет безвозвратно, да и сам он падет непременно.

Вот состояние, в котором теперь находится двор и министерство; но я не ручаюсь, чтобы через неделю не случилось чего-нибудь совершенно противоположного, ибо нет в Европе двора непостояннее здешнего».

Января 12(-го), в Новый год по старому стилю, я поднес царю очень хорошее ружье работы Диего Искибеля, которое ему очень понравилось, и когда я приехал во

дворец с поздравлением, то он приказал мне остаться обедать с ним — милость, каковой он не оказывал ни одному иностранному министру. За столом он был ко мне очень благосклонен и пил за здоровье короля, моего государя, на что я отвечал бокалом вина, которое я выпил за здоровье его царского величества, обратясь с оным к принцессе Елисавете.

Января 17<-го>, а по старому стилю 6<-го>, день крещения, был обряд водоосвящения на реке. Гвардия и весь Петербургский гарнизон выстроились на Неве, где было устроено здание арками, а в нем прорубь со ступенями до самой воды. Его величество вышел из дворца в 11 часов и, прибыв к реке, стал в первый раз перед Преображенским полком, которого он был полковником, после чего пошел в Троицкую церковь, где обедню служил архиепископ коломенский с двумя другими епископами. По окончании божественной службы его величество пришел опять к своему полку и стал перед ним с еспонтоном в руке, а духовенство все, в процессии, пришло к месту водоосвящения, которое совершил архиепископ коломенский. По окончании сего обряда все войско сделало залп, и вместе с тем была пушечная пальба с крепости, и царь вел свой полк, с еспонтоном в руке, до самого дворца.

Января 20<-го> его царское величество отправился со всем своим двором в Москву и, проезжая чрез Новгород и Тверь, пробыл по одному дню в каждом из сих городов. Повсюду принимали его с восторгом.

Я выехал из Петербурга в Москву 5 февраля в 4 часа пополудни вместе с польским посланником и его супругою.

Февраля 11<-го> мы отправились из Клина в 4 часа утра и в 1 час приехали в небольшое селение Черный Ям, где и обедали. Там мы нашли вдовствующую герцогиню курляндскую, которая очень обласкала нас. Желая приехать в Москву пораньше, до которой отсюда считается только 25 верст, мы недолго сидели за столом и, не останавливаясь нигде, приехали туда благополучно в 7 часов вечера.

Царь приехал в Москву 30 января, но не въезжал еще торжественно по причине простуды, которая причинила ему боль в груди. Его величество остановился в загородном доме... в 7 верстах от Москвы. И великая княжна также занемогла: на ней показалась сыпь, похожая на корь.

Царь немедленно по приезде своем отправился инкогнито к своей бабке, которая жила в одном монастыре и

никогда еще не видела его. Небесполезно будет, если я о ней скажу несколько слов.

Царица, бабка царская, происходит из дома Лопухиных, одного из древнейших в России. Петр I женился на ней в 1698 году, и она родила ему царевича Алексея, умершего в 1718 году и оставившего после себя сына, ныне владеющего государя. Они жили очень согласно между собою до тех пор, пока ненависть царицы к иностранцам и ко всем обычаям европейским, кои царь очень любил, не произвела между ними охлаждения, так что Петр, наконец, удалил ее в монастырь, а вскоре потом в Шлиссельбургскую крепость, где она и оставалась до кончины царицы Екатерины. Внук ее, вступив на престол, перевел ее в один из московских монастырей, но она никогда не была пострижена, хотя царь, супруг ее, и принуждал ее к тому.

Таким образом, Петр II приехал к ней, но она что-то ему не понравилась, и потому он не имел к ней доверенности, хотя она и ласкалась эту надеждою по причине большого ее желанья властвовать. Несмотря, однако же, на это, он назначил ей на содержание по 60 тысяч рублей в год и отвел ей комнаты во дворце с услугою. Когда я видел ее, она была уже старухою, но меня уверяли, что она была отличной красоты.

Чрез день по приезде моем я был с визитом у герцогини курляндской, которая жила недалеко от меня и приняла меня очень ласково.

Царь, освободясь от болезни, въехал торжественно в Москву 15 февраля.

Февраля 19<-го> его величество назначил в члены Верховного совета князя Василия Долгорукова, который был послом во Францию, и князя Алексея Долгорукова, своего второго гофмейстера, и таким образом совет составил из шести членов, вместо прежде бывших четырех.

Из депеши моей к королю, моему государю, от 10 января видели, что в России были две партии: голицынская и долгоруковская. По приезде двора в Москву барон Остерман пристал к Долгоруковым и тем много содействовал к сопротивлению голицынской партии, которая, быв открытым врагом иностранцев и иностранных обычаев, хотела отдалить Остермана и заставить царя остаться в Москве, возвратиться к старинным русским обычаям и отказаться от роли, которую Великий Петр I стал играть в свете.

Февраля 22<-го> его величество пожаловал князя Ивана Долгорукова, своего любимца, в обер-камергеры и

в тот же день возложил на него орден св. Андрея. Вторым его любимец, граф Бутурлин, произведен в генералы и назначен прапорщиком в кавалергардский корпус.

За несколько до сего дней получил я повеление от короля, моего государя, просить царя о принятии в свою службу г. Кейта, брата графа, наследственного маршала Шотландии. Сей Кейт уже 9 лет имел в Испании чин полковника, но оставался без полка, потому что был не католического вероисповедания. Его царское величество так был милостив, что тот же час велел принять его в свою службу с чином и жалованьем генерал-майора.

Марта 1 (-го) царица, бабка царская, была в первый раз у его величества, но юный государь, боясь, чтобы она не стала говорить с ним о делах государственных, сделал так, что не оставался с нею наедине, и хотя обращался с нею весьма вежливо, однако же не допустил ее говорить ни о чем.

Марта 7 (-го) совершилась коронация его величества.

Марта 9 (-го) чужестранные министры получили приглашение от имени его величества приехать вечером на Царицын луг, где был фейерверк и бал.

Марта 10 (-го) его величество велел кормить народ на большой дворцовой площади, где были сделаны два больших фонтана — один с красным, а другой с белым вином.

Марта 11 (-го) его величеству угодно было почтить дом мой и ужинать у меня. Я принял его так великолепно, как только мог: у меня было накрыто три стола, по двадцати кувертов на каждом, а до ужина и после ужина был большой концерт. Вот все, что я мог сделать, смотря по малому времени, которое имел для приготовления к сей чести, ибо его величество приказал уведомить меня только накануне. Царь пробыл у меня за час пополуночи, а за столом просидел с лишком полтора часа, чему все удивились, потому что он остается за столом, обыкновенно, не более четверти часа. (...)

Я забыл сказать, что в день коронации царь произвел в генерал-фельдмаршалы князя Трубецкого¹⁹ и генерала князя Долгорукова, который командовал войсками в Персии, да еще четверых в генерал-лейтенанты.

Марта 13 (-го) получено известие, что герцогиня голштейн-готторпская разрешилась от бремени принцем, и по сему случаю был на другой день, 14 (-го) числа, во дворце бал, на который приглашен был и я со всеми чужестранными министрами.

Марта 17 (-го) барон Абихсдаль, обер-церемониймей-

стер, был у меня и после длинного предисловия сказал мне с величайшею доверенностию, что он желал бы поговорить со мною об одном деле, с тем чтобы оно осталось между нами. Дело состояло в том, что он спросил меня, буду ли я доволен, ежели его величество пожалует мне орден св. Андрея, и может ли носить сей орден тот, кто имеет уже орден Золотого Руна? На это я отвечал, что все знаки отличия, которыми угодно будет его величеству меня удостоить, я приму за величайшую для себя честь, но просить о том никогда не стану. Что же касается до второй статьи, то я могу его уверить, что Золотое Руно не мешает другим орденам, потому что король, мой государь, получил от папы разрешение, чтобы кавалеры сего ордена могли получать и другие, и что теперь у нас более 20 кавалеров Руна носят и другие ордена.

Почти в то же самое время получил я официальную депешу от маркиза де ла Паз, которою он уведомил меня именем короля, что как бракосочетание принца астурийского с инфантою португальскою и принца бразильского с нашею инфантою донною Марияною Викториею уже заключено, то его величество повелевает мне торжествовать оба сии бракосочетания особенным праздником. Вследствие сего я решился объявить царю о сем событии и просил аудиенции, которую и назначили 28(-го) числа в три часа пополудни. На сей аудиенции я говорил царю речь от имени короля, моего государя, и его величество отвечал мне с изъяснением величайшего дружественного расположения к королю.

По выслушании сего ответа я хотел удалиться, но барон Остерман сказал мне, чтобы я подошел к царю, который желает украсить меня своим орденом св. Андрея в ознаменование доброго известия, от меня полученного, и уважения к моей особе. Тут князь Иван Долгоруков, обер-камергер, поднес его величеству знаки ордена на вызолоченном серебряном блюде, и его величество, взяв их, возложил на меня. Признаюсь, что манера и случай, которым воспользовался его величество оказать мне эту милость, заставили меня принять сей орден с величайшею благодарностию, ибо клянусь, что хотя обер-церемониймейстер и говорил мне о том за несколько дней, но я нимало не думал, чтобы это случилось в сей день. По принесении мною благодарности его величество приказал мне остаться обедать с ним: ему угодно было почтить меня без всякой со стороны моей заслуги.

Апреля 1(-го) его величество изволил пожаловать ко мне обедать со всеми кавалерами ордена св. Андрея и

министрами Верховного совета. У меня было накрыто три стола, за которыми служили в одно время, да, сверх того, стол для солдат и служителей, бывших при его величестве... Его величеству угодно было остаться у меня до 6 часов, он был очень весел и очень доволен.

В половине апреля дошло даже до самого царя какое-то писание, неизвестно кем сочиненное, в котором оправдывался князь Меншиков и восхвалялись великие способности и ум сего несчастного министра. Писание заключалось тем, что ежели не призовут его опять, то дела никогда не пойдут хорошо. Очевидно было, что эта бумага была писана самим князем или кем-либо из преданных ему. Поэтому произведен был строгий розыск и издан царский указ, которым обещана была большая награда тому, кто откроет сочинителя. Вследствие сего узнали, что духовник царицы-бабки получил тысячу ефимков за то, чтобы он постарался ввести его в милость царицы. Духовника взяли тотчас к допросу, и как он признался в своем преступлении, то его наказали строго, а Меншикова отправили на Березовый остров у Ледовитого моря, в 10 тысячах верстах от Москвы. Свояченица его Варвара была сослана в какой-то монастырь на границе персидской, а другая его свояченица, жившая в Москве, была взята, и уже хотели было ее пытаться, но как она призналась во всем, чего от нее требовали, то и оставили ее только в заключении. За несколько дней до сего происшествия княгиня Меншикова умерла с печали от несчастья своего мужа, которого сказанное писание повергло еще в большее, ибо если бы он или его друзья не сделали этого, то я думаю, что ему позволили бы жить спокойно в Ораниенбурге.

Мая 2(-го), по старому стилю, день пасхи, все мы, чужестранные министры, приехали во дворец для поздравления царя, и его величество заставил нас выпить по рюмке вина за свое здоровье; то же самое было и в комнатах обеих принцесс.

Барон Остерман, заботившийся только о том, чтобы держать Русское царство в том положении, в котором оставил его Петр I, желал, чтобы двор возвратился в Петербург, где царь может гораздо лучше знать все то, что делается в свете. Но это не нравилось русским, которые, занимаясь более своими, нежели государственными делами, старались удерживать его в Москве, чтобы быть поближе к своим домам и деревням. И действительно, при помощи князя Ивана Долгорукова, царского фаворита, они склонили Остермана на то, чтобы двор возвратил-

ся в Петербург не прежде зимы, а чтобы заставить царя еще более полюбить Москву, то его возили по ближайшим загородным домам, забавляя его беспрестанно псовой охотой, которую он любил чрезвычайно, и твердя о величайшей разности климата московского и петербургского. И в самом деле, они говорили правду, потому что нет земли и климата лучше московского.

Именно в это самое время обнаружилась ненависть князя Долгорукова — фаворита к барону Остерману, к которому царь имел еще некоторое уважение. Она простиралась до того, что однажды он велел мне сказать, без всяких околичностей, что ежели я люблю Остермана более, нежели его, то он сделается мне явным врагом.

Каждый легко поймет, что такое признание требовало от меня величайшей осторожности, но, по счастью, я остался в согласии с обоими, отвечав фавориту, что мне нельзя не бывать часто у Остермана по делам моего посольства, как у министра, который назначен вести переговоры с чужестранными, и в то же время я дал почувствовать Остерману, что приязнь моя к Долгорукову происходит оттого, что мне очень хочется угодить царю, который любит Долгорукова. Сим я успокоил обоих и могу сказать, что тот и другой остались мне хорошими приятелями.

Мая 18(-го), в день восшествия царского на престол, был большой съезд ко двору для принесения поздравления великой княжне, сестре его величества. Ее высочество сделала мне честь, приказав мне остаться обедать у нее, и за столом была весьма милостива ко мне.

Здоровье ее было не очень в хорошем состоянии: врачи думали, что у нее чахотка, и вследствие сего лечили ее так, как будто у нее была грудная болезнь. Но не чахотка была причиною ее болезни, и только один врач мог ее вылечить, именно брат ее. Его величество по восшествии своем на престол имел такую доверенность к своей сестре, что делал для нее все и не мог ни минуты оставаться без нее. Они жили в величайшем согласии, и великая княжна давала удивительные советы своему брату, хотя только одним годом была старше его. Мало-помалу, однако же, царь привязался к своей тетке, принцессе Елисавете, а фаворит его и другие придворные, кои не любили великой княжны за то, что она уважала Остермана и благоволила иностранцам, всячески старались выхвалять принцессу, которая не любила своей племянницы, и сделали то, что чрез полгода царь не говорил уже с ней ни о каких делах и, следственно, не имел к ней никакой бо-

лее доверенности. Великая княжна, у которой душа была превосходнейшая, чрезвычайно страдала оттого, что брат удалился от нее, и это страдание усугублялось еще тем, что тетка совсем перестала ходить к ней и обращалась с нею весьма холодно. Вот настоящая причина ее болезни, и грусть ее была так велика, что она впала в изнурительную лихорадку, которая чуть было не свела ее в могилу, но крепкое ее телосложение и молодость избавили ее от сей опасности.

Царь пробыл несколько недель в подмосковных, но возвратился 30(-го) числа и на другой день сделал смотр обоим гвардейским полкам. Он пригласил меня на сей смотр, и я остался довольным экзерцициею сих полков.

Июня 2(-го) поехал я к барону Остерману и очень удивился, нашед у него фаворита Долгорукова и отца его. Они заметно смутились при моем входе, почему я счел приличным сократить мое посещение и, посидев немного, откланялся, с большим желанием узнать, зачем они приезжали.

Я узнал это на другой день от самого фаворита, к которому я заехал. Он сказал мне, что пробыл у Остермана более четырех часов, что Остерман со слезами на глазах просил его о дружбе, уверяя, что он никогда и ничего не будет делать без его согласия и будет говорить с царем не иначе, как при нем; что после сего они разговаривали о здоровье царском, условясь, чтобы впредь всегда ездил за город с его величеством врач, и что, наконец, они говорили о домашних делах. Он примолвил, что не любит и никогда не будет любить Остермана. Беседу нашу прекратил присланный от царя звать Долгорукова к себе.

Июня 4(-го) получено известие о кончине герцогини голштинской, которая без прекословия была первою красавицею в Европе. Русских мало опечалило это горестное известие, да и сам царь не грустил, однако же велел надеть траур на три месяца. Герцогиня была дочерью Петра I и покойной царицы Екатерины и вышла за герцога голштейн-готторпского в 1725 году.

Царь, пробыв в Москве только два дня, уехал опять за город, но фаворит велел мне сказать, что когда я назначу день своего праздника, то уведомил бы его, и он уговорит его величество быть на нем.

Июня 23(-го) получил я письмо от маркиза де ла Паз, который дал мне знать, что его величество король, наш государь, совершенно одобряет то, что я принял Андреевский орден, и повелевает мне благодарить царя, именем его величества, за отличие, мне оказанное.

Приготовив все для праздника, который я должен был дать по случаю сугубого бракосочетания, я отправил нарочного к фавориту с просьбою доложить о сем царю и просить его о назначении дня. Мне отвечали, что его величество назначил 27 <-е> число, и что он возвратится в Москву единственно для того, чтобы быть на моем празднике, и что я могу приехать туда, где теперь находится его величество, для формального приглашения. Я очень был доволен сим знаком милости, потому что никому не давалось позволения видеть его величество, когда он занимался охотою с избранным обществом.

Вследствие сего я отправился в подмосковную фаворита, Горенки, где находился царь, и его величество принял меня с отличным благоволением. Пригласив его формально на свой праздник и отобедав с ним, я рано возвратился в Москву для приглашения принцесс.

Его величество приехал в город в ту же самую ночь.

Наконец 27 <-го> числа я дал свой праздник, и, по мнению общему, он был лучше всех, какие только бывали в России. Бал длился до 3 часов утра, и царь уехал с величайшим удовольствием с моего праздника, который стоил мне 6979 рублей, или 2000 испанских пистолей.

Июля 10 <-го>, по старому стилю, день св. Петра, тезоименитства царского, я приехал во дворец с графом Вратиславским, и царь приказал нам остаться обедать...

Стол кончился почти в 5 с половиною часов, и как нам сказали, что в это же самое время начнется бал, то мы и остались там в беседе с бароном Остерманом и князем Василием Долгоруковым. Вскоре пришел граф Ягужинский сказать, что меня зовет к себе фаворит, и провел меня до его комнат, где я нашел фельдмаршала Долгорукова, с которым и познакомился. <...>

Сегодняшний бал продолжался до двух часов утра, и царь обращался со мною благосклоннее обыкновенного, так что весь двор заметил это.

В тот же день простили барона Шафирова и позволили ему приехать ко двору поцеловать руку у царя. Он был любимцем Петра I и вице-канцлером, но несколько уже лет находился в опале, быв лишен всех чинов и ордена св. Андрея. Остерман, который очень его боялся по причине больших его способностей, всегда сопротивлялся его прощению; но Долгоруковы, которым он был сродни, успели помочь ему, с тем, однако же, чтобы он оставался без должности и имел бы только счастье видеть своего государя. Впрочем, все дело состояло единственно в том, чтобы навести страх на Остермана.

Июля 22<-го> царь возвратился в Москву по случаю дня рождения своей сестры, великой княжны, и для того, чтобы принять от графа Вратиславского две богатые кареты, присланные в дар царю от императора.

Июля 23<-го>, по окончании приема карет, мы были у руки великой княжны и тот же час сели за ужин с его величеством и принцессами, после чего танцевали до первого часа пополуночи.

В сей же день царь возвратил фельдмаршалу Долгорукову чин подполковника гвардии, которого, как и всех прочих, он был лишен Петром I за то, что он пристал к его сыну, отцу нынешнего государя, умершему в 1718 году.

В тот же день его величество пожаловал орден св. Александра Невского гофмаршалу Шепелеву и статскому советнику Наумову.

Июля 31<-го> приезжал ко мне фаворит Долгоруков. На изъяснение мое о необходимости и последствиях возвращения в Петербург он уверял меня, что и он сам желает уговорить к тому царя, но как его родитель и другие все стараются удержать царя в Москве, то ему не хочется, чтобы кто-либо знал о его намерении, и даже с Остерманом он не будет говорить о том. Наконец, он обещал мне склонить на то царя, как скоро выпадет столько снега, чтобы можно было ехать на полозьях, но просил содержать это в тайне, что я ему и обещал. Таким образом мы расстались.

В начале августа фаворит Долгоруков и барон Остерман, бывшие явными между собою врагами, помирились. Немало содействовал этому и я, хлопотав о сем с лишком четыре месяца. Со стороны Остермана я не нашел ни малейшего сопротивления, но очень трудно было уломать фаворита. Он имел врожденное отвращение к Остерману, которое поддерживали родственники и соотчичи, не желавшие между ими согласия, потому что Остерман был неспособен давать ему, подобно им, дурные советы, и поэтому всячески старались побуждать его к низвержению Остермана. Но наконец фаворит понял, что для него нужно жить в ладах с сим просвещенным министром, и потому он пристал к нему и не делал ничего, не посоветовавшись прежде с ним.

В это же время возвращено имение всем тем, у которых оно было конфисковано Петром I за участие их в деле царевича, родителя нынешнего государя. Эту милость исходатайствовал фельдмаршал Долгоруков, который и сам в то время попал в опалу, но Екатерина I возвра-

тила ему и честь, и чины. Теперь он в великой милости у царя, который ему ни в чем не отказывает.

Августа 29(-го) я имел честь крестить с великою княжною дочь одного придворного контролера, а как здесь в обычае дарить куму, то я поднес ее высочеству табакерку, осыпанную бриллиантами, ценою в 500 испанских пистолей, или в 1750 рублей.

Сентября 6(-го) — день св. Наталии, именины великой княжны. По сему случаю был при дворе праздник, состоявший, как и прежде, из ужина, бала и фейерверка.

Сего же дня получил орден св. Александра Невского генерал-лейтенант Балк.

На сем празднике все заметили величайшую перемену в обращении царя с принцессою Елисаветою: прежде он беспрестанно говорил с нею, а теперь не сказал ей ни одного слова и даже ушел не простившись. Настоящей причины сей перемены я не знаю, а разным слухам, рассеваемым ее врагами, верить нельзя.

Сентября 9(-го) я долго беседовал с князем-фаворитом. В сильных выражениях говорил я ему против всего того, что англичане могли бы затеять во вред нашего союза, и склонил его к тому, что он обещал мне убедить государя твердо держаться своих условий, не внимая никаким противным предложениям. После сего я долго уговаривал его о продолжении дружбы с бароном Остерманом, доказывая, что ежели они будут жить согласно между собою, то тем лучше могут служить государю и тем сильнее могут противиться своим врагам. Он мне обещал это.

Немедленно после сего я стал говорить ему о нашем возвращении в Петербург, а он сказал, что уже два раза заговаривал о том государю и надеется, что около зимы мы отправимся туда, но между тем, однако же, он в этом не уверен, потому что пока еще можно будет охотиться, то настоятельно говорить нельзя, а как скоро придет время, он всячески будет стараться об отъезде при первом выпавшем снеге.

По окончании сей политической беседы он дал мне знаки ордена св. Александра, чтобы я мог надеть их завтра на праздник сего святого, не надевая уже ордена св. Андрея, как то делает сам царь и все кавалеры Андреевские, кои вместе с тем и Александровские, точно так, как во Франции все кавалеры ордена св. Духа суть кавалеры и ордена св. Михаила.

Сентября 10(-го) все кавалеры Александровские были приглашены во дворец, и по окончании обедни мы обедали с его величеством, заняв места по старшинству.

Сентября 16(-го) — именины принцессы Елисаветы. Ее высочество пригласила нас в свой дворец в 4 часа пополудни на ужин и на танцы. Царь приехал не прежде, как к самому ужину, и едва только он кончился, то уехал, не дожидаясь бала, который я открыл с великою княжною. Никогда еще не показывал он так явно своего неблагорасположения к принцессе, что очень ей было досадно, но она, как будто не заметив сего, показывала веселый вид во всю ночь. На этом бале потерял я перстень в 2000 ефимков, но его нашли на другой день, подметая комнаты.

Через два дня после сего царь отправился опять на охоту за город и пробыл там пять недель. Министры последовали его примеру, и, таким образом, в Москве остались только великая княжна и иностранные министры.

Октября 14(-го) царь возвратился в Москву.

Октября 17(-го) его величество получил от короля польского орден Белого Орла, который возложил на него граф Вратиславский.

В это же время я узнал, что граф Вратиславский старается женить царя и выдать замуж великую княжну. Императору и герцогу бланкенбургскому хотелось сделать мену с Россиею, женив царя на дочери герцога брауншвейг-бевеернского, а старшего сына сего герцога — на великой княжне. Но едва только граф заговорил о том, то получил отказ, потому 1) что герцогиня бевеернская была сестрою матери царской и, следовательно, дети ее были двоюродными его величеству, поэтому брак сей не мог состояться, как совершенно противный русской церкви, запрещающей бракосочетание между близкими родственниками; 2) потому что не хотели русскую великую княжну выдать за принца младшего; 3) потому что царь не имел еще ни малейшего желания вступить в брак, а болезнь великой княжны не позволяла вступать в переговоры о ее бракосочетании до тех пор, пока она не выздоровеет от своей тяжкой болезни.

Вместе с сим граф Вратиславский, вследствие повеления, полученного им от своего двора, предлагал также о бракосочетании принцессы Елисаветы с маркграфом бранденбург-байрейтским. Он говорил о том с Остерманом, который одобрил его, и обещал узнать от фаворита, можно ли будет надеяться успеха.

Октября 23-го, день рождения государя, праздновали с величайшею пышностью.

Октября 25(-го) я представил царю две борзые собаки, кои нарочно выписал из Англии, и его величество так

был доволен, как будто я подарил ему величайшую драгоценность. В тот же вечер он поехал опять за город, сказав, что воротится не прежде, как выпадет первый снег.

В тот же день приехал в Москву Джеймс Кейт, который, как сказано выше, по желанию короля, моего государя, был принят в русскую службу с чином генерал-майора. Давно уже мы были искренними друзьями, и как он приехал прямо из Мадрида, то рассказал мне много такого, чего я не знал.

В ноябре болезнь великой княжны дошла до того, что и сами врачи признались в невозможности ее исцеления. Вследствие сего отправили к царю курьера, и он приехал в Москву 18(-го) числа.

Ноября 19(-го) врачи предписали великой княжне пить женское молоко, как единственное средство, которое может спасти ее и которое предлагал я с лишком за четыре месяца до сего.

Ноября 21(-го) умер великий адмирал Апраксин, и чин этот был упразднен. Это был очень хороший человек, совсем не враг иностранцам, чрезвычайно храбр и имел большое состояние, из которого небольшую только часть отказал своей родне, а все остальное велел раздать своим друзьям и служителям, но большую часть завещал царю.

Новое лекарство, предписанное великой княжне, подействовало хорошо, и ей сделалось было лучше, но 28(-го) числа она дошла до того, что впала в беспамятство и некоторое время считали ее уже умершею, потому что она вся охолодела, и врачи отчаялись совсем в ее жизни.

Ноября 30(-го) долго беседовал я с фаворитом и сильно настаивал на возвращение наше в Петербург, представляя ему, как это полезно не только для царской службы, но и для него собственно, потому что удалит его величество от старых русских, которые ежедневно старались отвратить от него царя. Я прибавил к этому, что кончина великой княжны, которая нам угрожает, была бы самым благовидным предлогом уехать из Москвы, где его величество лишится той, которую он любил так нежно. Мне удалось убедить его, и он уверил меня, что употребит все возможное склонить на то царя, но просил не говорить о том никому.

Декабря 1(-го) был я у Остермана и нашел его в слезах о состоянии здоровья великой княжны. Он сказал мне, что трепещет за царя и не ручается за его жизнь, ес-

ли он не выедет из Москвы, климат которой, по его мнению, нездоров для него, а особенно смотря на участь его сестры. В ответ на это я пересказал ему все то, что фаворит говорил мне накануне, и Остерман, поблагодарив меня за то, просил убедительно напомнить ему об этом при первой встрече.

Великая княжна провела ночь со 2(-го) на 3(-е) число довольно хорошо, ибо спала около 6 часов, но утром 4(-го) напала на нее жестокая лихорадка, которая уменьшилась к вечеру, и в 10(-м) часу она, помолившись, хотела лечь спать, но едва только легла в постель, как на нее напали такие жестокие судороги, что она скончалась не более как в две минуты.

Так кончила жизнь великая княжна Наталия Алексеевна, сестра Петра II, имев от роду 14 лет и несколько месяцев. Она украшалась всеми возможными хорошими качествами; не была красавицею — но что значит красота, когда сердце совершенно! Она была покровительницею иностранцев и говорила очень хорошо на французском и немецком языках, была идолом всех честных людей, перлом России — словом, так совершенна, что бог не дозволил ей жить долго на сем свете.

Царь, узнав о кончине своей сестры, впал в величайшую печаль, не мог заснуть во всю ночь и утром, в 4 часа, переехал из Слободского дворца, где умерла великая княжна, в Кремлевский.

В этот день я не мог видаться с Остерманом, хотя заезжал к нему два раза, но 5(-го) числа застал его дома в таком горестном состоянии, что он едва мог говорить. Я утешал его как мог, советуя, чтобы он поберег себя для спасения жизни государя, заставив его оставить Москву. Он отвечал, что в этом состоит все его желание и что он будет неутешим, если царь не согласится на это.

Я искал случая увидаться с фаворитом, но не мог найти его до 8(-го) числа.

Между тем Остерман запискою просил меня побывать у него, чтобы поговорить об одном важном деле. Я приехал к нему 6(-го) числа поутру и нашел его в отчаянии от неосторожности и болтовни графа Вратиславского. В самый день кончины великой княжны князь Сергей Долгоруков обедал у графа Вратиславского, который, напившись порядочно, сказал, что ему весьма хочется, чтобы царь переехал в Петербург, примолвив, что он считает себя очень несчастным, что не может обратить на себя благоволения не только царя, ни даже его фаворита, с тех пор как приехал в Москву; что другие (а это был я),

приехавшие прежде его, были счастливее его, но что никто более его не желает царю славы и счастья. Остерман сказал мне, что фаворит узнал уже это и говорил ему с сердцем, потому что он ненавидит Вратиславского и потому что хотя князь Сергей и дядя ему, но он был явным его врагом.

Декабря 8<-го> долго я беседовал с фаворитом и, засвидетельствовав сожаление о кончине великой княжны, дал ему почувствовать необходимость возвращения в Петербург, примолвив, что это весьма нужно: для государя — по причине его здоровья; для государства — чтобы у его величества под глазами были завоевания, сделанные его дедом, и флот, который истребится, если двор еще долго останется в Москве, и, наконец, для самих Долгоруковых — потому что если с царем случится какое несчастье, то они пропадут совсем, ибо общая ненависть к ним так велика, что народ передушит их всех; но в Петербурге, какое бы ни случилось несчастье, он и весь род его не подвергнутся никакой опасности. Он был согласен со мною во всем и обещал то же самое, что и прежде, т. е. убеждать царя возвратиться в Петербург.

Переговорив о сем деле, князь стал сильно жаловаться мне на графа Вратиславского и пересказал то, что я слышал уже от Остермана, но к этому прибавил, что граф жаловался на него князьям Сергию и Василию Долгоруковым, кои ему отъявленные враги.

Декабря 11<-го>, по старому стилю, — день св. Андрея. Все мы, кавалеры сего ордена, были во дворце для поздравления царя, но по случаю кончины великой княжны праздника не было.

Декабря 29<го> возвратился из китайского посольства граф Савва Рагузинский²⁰ и привез с собою множество любопытных вещей. Он был принят весьма мило, за то что искусно вел свое дело, успев восстановить торговлю и доброе согласие между Россиею и Китаем, кои несколько лет находились в таком расстройстве, что не знали, как и пособить этому. Но граф Савва, преодолев врожденную недоверчивость и хитрость китайцев, успел заключить с ними весьма выгодный для России трактат.

Продолжая свою реляцию в виде журнала, скажу, что в первый день января 1729 <года> я положительно узнал, что никакими средствами не могли ни в чем обвинить графа Александра Нарышкина и что причиною его опалы была ненависть к нему князя Алексея Долгорукова, отца фаворита.

Января 7<-го> был я у тела великой княжны, которое было выставлено во дворце с величайшим великолепием. Как в России ведется обыкновение целовать руку умерших государей, то я не хотел устранить себя от сего обычая и поцеловал руку у покойницы с величайшим умилением.

Января 12<-го>, день Нового года по старому стилю, был я с поздравлением у царя, а потом обедал у фаворита и имел время порядочно поговорить с ним. Он сказал мне, что, считая меня своим другом, убедительно просит не дружить с Бутурлиным, камергером принцессы Елисаветы, потому что он ни на что не годится; что прежде он был с ним дружен, но, узнав, что это нехорошо, он оставил его; что обер-шталмейстер Ягужинский живет дружно с Бутурлиным, который водит его за нос, но что он, фаворит, очень сожалеет о Ягужинском, потому что его любит, и сделает все, что только может, чтобы прервать эту связь, а как я дружен с Ягужинским, то он просит меня помогать ему в этом. Я дал ему слово и действительно через несколько дней говорил Ягужинскому так настоятельно, что он обещался раздружиться с Бутурлиным, что и сделал. Фаворит был много мне обязан за это доброе дело.

Января 13<-го> Остерман сказал мне, что фаворит уведомил его о всем том, что он говорил со мною с глазу на глаз, и что они условились погубить Бутурлина, потому что очень опасно было оставлять его на таком месте, на котором он мог давать дурные советы государю; но прежде исполнения сего они хотели прервать дружбу между им и Ягужинским, чтобы не подвергнуть опале последнего.

Я заезжал к фавориту 17, 20 и 23<-го> числа и нашел, что он очень охладел в нашем деле, как о том уже предуведомил меня Остерман. Мне хотелось вселить в него поболее жара и потому говорил ему сильно, доказывая необходимость возвращения в Петербург. Он обещал мне то же, что и прежде. Правда и то, что отец его, узнав кое-что из наших совещаний, старается не отходить от царя ни на минуту и чтобы еще более отвратить его от возвращения в Петербург, то уговорил его ехать на охоту на несколько недель за 50 верст от Москвы, в той уверенности, что по возвращении в Москву начнется уже оттепель и дорога испортится так, что поездку должно будет отложить до будущей зимы, ибо он очень хорошо знал, что царь не выедет из Москвы летом по причине множества дичи в окрестностях сего города, чего нет в Петербурге.

В это время отец фаворита приучил царя ездить каждый день поутру, как скоро он оденется, в одну подмосковную его величества, село Измайлово, в одной миле от города, для того, во-первых, чтобы удалить его от всех тех, кои могли говорить ему о возвращении в Петербург, во-вторых, для того, чтобы он не занимался государственными делами и чтобы поселить в него, елико возможно, мысль о введении старых обычаев, и, наконец, для того, чтобы заставить его жениться на одной из своих дочерей.

Января 28(-го) узнал я наконец от фаворита, что о возвращении в Петербург и думать более нельзя, потому что этому сильно противятся и более, нежели когда, стараются отворотить от сего государя. Я воспламенял его всячески, но понапрасну, ибо увидел, что отец и родня так его застрашали, что он не смел более и говорить о том.

Января 31(-го) совершились похороны великой княжны, с величайшим торжеством и великолепием. Государь присутствовал во все время сего обряда. По окончании божественной службы открыли гроб, и его величество дал последнее целование усопшей, с величайшею нежностью.

Февраля 4(-го) я долго пробыл у Остермана и сильно говорил ему о возвращении в Петербург, сказав, что я получил от короля, моего государя, повеление следовать всюду за его величеством и что если мы проведем весь год, не видев его и не имея никого, с кем вести переговоры о делах, то бесполезно будет для короля держать меня в России, и это даже неприлично для королевского достоинства. Он соглашался со мною и просил меня поговорить о том с фаворитом и сделать последнее усилие.

Февраля 5(-го) я отправился к графу Вратиславскому и говорил ему то же, что Остерману, и довел его до того, что он согласился ехать со мною к государственному канцлеру и к прочим министрам.

Февраля 7(-го) граф Вратиславский и я были у государственного канцлера, у Остермана и у всех прочих членов Верховного совета. Мой товарищ согласился, чтобы я говорил за нас обоих, и, вследствие сего, я изобразил сколько можно сильнее неудобства, происходящие от отсутствия царя на три и на четыре месяца, за 40 или 50 миль от Москвы, в такое время, когда мы не знаем, чем кончится конгресс, и что в случае войны присутствие его величества в Москве необходимо для распоряжения

относительно выполнения условия, заключенных на Венском конгрессе. После сего изобразил я им, как противно достоинству наших государей, что мы так долго живем в Москве, не зная, с кем говорить о делах, и что, наконец, мы принуждены будем донести нашим государям о бесполезности нашего пребывания здесь в таких обстоятельствах. Все министры выслушали нас внимательно и обещали стараться отвратить государя от преднамеряемой поездки.

Февраля 8(-го) отправился я один к фавориту и в сильных выражениях сказал ему то, что я говорил министрам совета, примолвив, что все жалуется на образ жизни царской и всю вину слагают на отца его, князя Алексея; что вся ненависть к отцу может пасть и на него самого, и, следственно, для собственной его пользы надобно сделать так, чтобы царь чаще показывался народу, не уезжая из Москвы на такое долгое время, и ознакомился бы поболее с теми, кои приезжают ко двору. Он с благодарностию принял откровенность, с которою я говорил ему, и обещал всячески стараться остановить предположенную поездку.

Через четыре дня после сего я опять был у него, 12(-го) числа. Он сказал мне, что все то, что я говорил ему в последнее свидание, так на него подействовало, что он сильно говорил государю, и ему удалось сделать то, что вперед его величество будет ездить на охоту не более как за 8 или 10 лье от Москвы. Это принесло мне немалое удовольствие потому, что сделал это я один, придумав ехать с Вратиславским ко всем министрам говорить о сем деле.

После сего я очень часто виделся с министрами и с фаворитом, но в течение двух недель не случилось ничего замечательного. В это время нашел я нужным донести королю о настоящем положении русского двора и отправил к нему очень подробную депешу, из которой представляю здесь выписку, чтобы знали, в каком положении находились тогда дела.

«Все были очень недовольны чрезмерною властью дома Долгоруковых, кои управляли всем без исключения. Фаворит, уверенный в царской к нему любви, не всегда бывал при государе и большую часть времени проводил в своих забавах. Я, любя его, часто говорил ему о том, но все понапрасну. Не было недостатка в людях, кои, желая погубить фаворита, говорили царю о дурной его жизни; и даже сам отец его из зависти к нему искал случая уменьшить власть его. Это покажется странным, но действительно было так.»

Князь Голицын, бывший послом в Испании, а теперь камергер, сначала понравился было его величеству. Он происходил из такого дома, который всегда враждовал с Долгоруковыми, и был умен, а отец его был одарен отличными способностями и человек очень решительный. Все ожидали, удостоится ли князь Голицын благоволения к себе государя, ибо в этом случае дом Долгоруковых придет в опалу, следствием чего будет большая перемена в правлении, и все иноземцы должны будут считать себя погибшими, потому что Голицыны, все вообще, ненавидят их.

С другой стороны, все в Москве роптали на образ жизни царя, приписывая это тем, кои окружали его величество. Любившие отечество приходили в отчаяние, видя, что государь каждый день поутру, едва одевшись, садится в сани и отправляется в подмосковную с князем Алексеем Долгоруковым, отцом фаворита, и с дежурным камергером и остается там целый день, забавляясь, как ребенок, и не занимаясь ничем, что нужно знать великому государю. Мне очень хорошо было известно, что одна из главнейших целей князя Алексея состояла в том, чтобы удалить царя от принцессы Елисаветы, но как это не все знали, то всю вину слагали на него. У него была еще другая причина увозить царя каждый день за город, и именно: любовь его ко второму своему сыну — Николаю, которого он хотел ввести в милость и тем удалить старшего. Фаворит знал все, что против него замышляют, но, несмотря на это, не было средства заставить его бывать чаще с царем. Весьма часто говорил я ему об этом, но он всегда отвечал мне, что не ездит с государем за город потому, что не хочет быть сообщником сопровождающих его. Но образ жизни его ясно показывал, что он во время царских отъездов хотел веселиться.

В то же время Верховный совет не собирался. Государственный канцлер лежал в подагре; Остерман был в отчаянии и оттого занемог; князь Голицын притворился больным и не хотел даже слышать о делах; князь Алексей Долгоруков был беспрестанно с царем, а князь Василий Долгоруков занимался только интригами, стараясь, чтобы двор не возвращался в Петербург. Но он мог бы пособить горю, если б захотел, потому что князь Алексей, который один только мог действовать на государя, следовал слепо его советам, но он находил удовольствие видеть дела в дурном положении, думая посредством сего ввести старинные обычаи.

При этом, однако же, не было недостатка в людях, кои извещали царя о ропоте народном и о дурном поведении Долгоруковых и пр<очее>, и это заставляло надеяться, что его величество, одаренный пронципательным умом и решительным характером, может принять меры, кои произведут большую перемену в делах.

В таком беспорядке могло бы случиться что-нибудь такое, что было бы противно достоинству короля, моего государя, и потому я счел обязанностью донести о том его величеству, присовокупив, что я делаюсь совершенно ненужным в России, где достаточно будет одного резидента или секретаря, на которого можно возложить небольшое число дел, оставшихся для переговоров».

В исходе февраля сослали графа Александра Нарышкина на житье в его деревню, в 50 с лишком лье от Москвы, но как не могли уличить его ни в чем против государя или государства, то очевидно сделалось, что причиною опалы его был страх, который он внушал, и ненависть к нему его соперников и врагов.

Марта 8<-го>, день восшествия на престол царя, был съезд ко двору для целования руки. При сем случае его величество пожаловал орден св. Александра Невского графу Краму, посланнику бланкенбургскому (за которого я просил); барону Остерману, посланнику мекленбургскому и брату вице-канцлера; генерал-лейтенанту Лефорту; камергеру Строганову и генералам Измайлову и Леонтьеву. Вечером все мы, иностранные министры, ужинали с государем, и после прекрасного фейерверка начался бал, который продолжался до 7 часов утра. Принцесса Елисавета не была на этом празднике, сказавшись больною, но выздоровела на другой же день, о чем много было толков.

Марта 12<-го> царь отправился на охоту за 12 лье от Москвы и пробыл за городом до святой недели. Хотя его отсутствие не продолжалось так долго, как было положено прежде, но, несмотря на то, ропот не прекращался. Всю вину возлагали на князя Алексея Долгорукова, который, под предлогом царской забавы, каждый день выдумывал новые, чтобы удалить его величество от всех, и это по четырем причинам: 1) чтобы иметь совершенно его в своей власти; 2) чтобы вселить в него старинные русские правила и некоторую ненависть к законам и благим учреждениям Петра I; 3) чтобы заставить его, мало-помалу, жениться на одной из своих дочерей и 4) чтобы сими поездками уменьшить доверенность к Остерману, по-

тому что Долгоруков боялся, и не понапрасну, чтобы сей благоразумный министр, заботившийся только о том, чтобы воспитать своего государя в правилах его деда, не заставил его не токмо жить в Петербурге, но и вступить в брак с какою-нибудь иностранною принцессою. Фаворит был совершенно другого мнения с отцом, но никак не смел идти против него и, сколько волею, столько же и неволею, решился не советовать его величеству ни в пользу, ни против видов своего отца.

В самый день царского отъезда я поехал к фавориту и долго просидел у него. Он, любя меня, говорил со мною откровенно, и я воспользовался сим случаем говорить ему так, как будто бы я сам был русский. Я изъяснил ему ропот народный на его отца и всех Долгоруковых и следствия, кои могут произойти от дурного воспитания государя, и погибель всех их; намекнул ему об обязанности его самого и отца его советовать царю заняться делами государственными и держать Россию в том цветущем и грозном положении, в которое поставил ее великий дед его; чтобы он хотя несколько раз присутствовал в совете и заставлял докладывать себе о государственных делах. Я привел ему в пример короля французского Людовика XV, который, быв еще ребенком, присутствовал в своем совете, дабы научиться искусству царствовать, также пример нашей покойной королевы савойской, которая, сделавшись правительницею Испании в 14 лет, имела терпение присутствовать в каждом собрании совета. Словом, я высказал ему все то, что внушали мне дружба к нему, почтение к государю его и небольшая моя опытность. Но хотя он и соглашался со мною во всем и благодарил меня, однако же мне показалось, что не слишком много хотел последовать моим советам по причине своего нерешительного характера, о котором я уже говорил.

Вследствие сего я отправил к королю с первым курьером донесение, в котором повторил все то, о чем писал уже несколько раз, т. е., что русское государство скоро придет опять в прежнее свое состояние, чему пособить никто не хочет, и что царя не только не будут уважать его соседи, но что он делается совсем бесполезным для своих друзей и союзников; что иностранные министры играют очень жалкую роль при дворе, потому что видят государя только в праздничные дни и то мимоходом, не обращая на себя никакого внимания; что Остерман страдает и страдания его умножаются еще более оттого, что каждый день отнимают у него способы помочь злу,— словом, что один только бог может устранить сей беспоря-

док, внушив царю, когда он возмужает, желание последовать славному примеру своего деда.

Через несколько после сего дней приехал из Сибири курьер с известием, что караван, отправленный в Китай в 1726 году, возвратился на границы. Его известие принесло величайшее удовольствие министерству, которое увидело следствия негоциаций графа Саввы Рагузинского.

Марта 17<-го> жена и обе дочери князя Долгорукова, отца фаворитова, приезжали к царю во время его охоты, что заставило многих призадуматься, потому что все знали, что Долгорукову хотелось женить царя на одной из своих дочерей. Думали, что в это же самое время будет и сговор, однако же ошиблись. Я много говорил о сем деле с Остерманом, который признался, что также боится этой свадьбы, но никак не думает, чтобы дело это было уже так далеко.

Апреля 4<-го> государь возвратился в Москву, и мы узнали, что, вместо сговора его на дочери Долгорукова, его величество имел некоторое неудовольствие на сего министра, которое, однако же, осталось без всяких последствий.

В это время было в Москве чрезвычайное множество больных, так что в каждом доме лежало в постеле с лишком три четверти слуг, и многие стали бояться какой-то заразы. Но когда по повелению царя были вскрыты тела умерших скоропостижно и других, то нашли, что эта болезнь не была нимало заразительною.

Апреля 18<-го> царь занемог простудною лихорадкою с кашлем, но, пролежав в постеле в испарине, он выздоровел через три дня.

В исходе апреля князь Голицын, начальствовавший в Украине, донес, что татары делают некоторое движение, и просил о присылке некоторого числа пехотных войск, потому что в мирное время никогда их не бывает в тамошних местах. Посему отправили к нему три полка под начальством генерал-майора Бутурлина, которого выбрали не потому, чтоб считали его способным, а для того, чтобы отдалить его от двора.

Мая 6<-го> царь отправился на охоту в подмосковную на две недели и возвратился.

Мая 24<-го> поехал опять, верст за 50 от Москвы.

Июля 10<-го>, день св. Петра, именины царские, был во дворце праздник с обыкновенным великолепием и продолжался три дня с иллюминацією.

Июля 16<-го> царь поехал на охоту.

Августа 4<-го> г-н Дитмар, агент шведский, получил от двора своего повеление объявить русскому министерству, что его шведское величество соглашается признать царю титул императора и чрез несколько дней пришлет о том свою грамоту. И действительно, чрез восемь дней Дитмар получил эту грамоту и поднес ее.

Сим средством несогласие между обоими дворами кончилось. В то же самое время Дитмар получил кредитив на звание чрезвычайного посланника и представил его. Русский двор был очень доволен.

Сентября 10<-го> — день св. Александра Невского и кавалерский праздник. Царь рано возвратился в Москву, и по окончании обедни все кавалеры имели честь обедать с его величеством, который вечером опять отправился на охоту.

Сентября 12<-го> намерение отправить князя Куракина в Берлин вдруг переменяли и на его место назначили князя Голицына, который был в Испании. Причина этому была та, что царь не скрывал благорасположения своего к последнему, и это встревожило Долгоруковых, кои, боясь, чтобы он не сделался наконец фаворитом, удалили его от двора и, с посылкою его в Берлин, дали ему чин действительного тайного советника, дабы, возвратясь, он не мог уже так часто бывать при государе, по званию камергера; ибо в России такой обычай, что кто имеет чин действительного тайного советника, тот уже не может занимать места камергера.

Сентября 12<-го> царь отправился на охоту, и с ним поехали фаворит, отец его, мать и сестры. А как эту поездку устроил также князь Алексей Долгоруков, то все думали, что теперь-то он достигнет своего желанья, которым так долго занимается,— женить царя на одной из своих дочерей.

Сентября 20<-го> прусский министр возобновил трактат, заключенный его двором в 1725 году с императрицею Екатериною, и хотя это очень скрывали, но я узнал, что трактат главнейше состоял в гарантии с обеих сторон о сохранении завоеваний, сделанных у шведов в последнюю войну, и в оборонительном союзе в случае нападения.

Важного ничего не случилось до 23 октября, дня рождения царского. Думали, что его величество приедет в Москву, и потому все было приготовлено для торжествования сего дня; но он не приехал, и весь праздник состоял только в большом обеде во дворце, к которому были приглашены все чужестранные министры и первейшие

придворные чины; а угощал барон Остерман, по званию своему обер-гофмейстера.

Причина, по которой царь не возвратился в Москву, состояла в том, что князь Алексей Долгоруков так ревновал ко всем, что ему пришла в голову мысль, что ежели его величество проговорит хотя полчаса с другим, то он лишится его милости, да сверх того, как он занимается только мыслию выдать одну из дочерей своих за царя, то боялся, чтобы в Москве кто-либо из его врагов не помешал ему в этом. Я был уверен, что бракосочетание будет объявлено по возвращении царя в Москву, но в этой уверенности был только я один из всех чужестранных министров. Граф Вратиславский и другие не хотели верить этому, потому что Остерман сказал им, что этому быть нельзя, и, полагаясь на это, они уведомили свои дворы, что хотя и говорят о бракосочетании царя с одною из княжен Долгоруковых, но до этого еще далеко. Остерман и мне говорил то же; но я, быв твердо уверен, что Долгоруковы скоро успеют в своем намерении, положительно донес королю, что царь женится тотчас по возвращении своем в Москву.

Ноября 20(-го) царь возвратился в Москву, и тут уже стали погромче говорить о свадьбе.

Наконец 30(-го) числа царь призвал к себе министров Верховного совета, фельдмаршалов и других первейших особ и объявил им, что вступает в брак с княжною Екатериною, старшею дочерью князя Долгорукова и сестрою фаворита. После сего все подошли к руке, а потом отправились в апартаменты княжны для того же.

Декабря 11(-го), день св. Андрея, все кавалеры сего ордена съехались во дворец, а вечером свершилось обручение с величайшею пышностью.

Как скоро все было готово для сего обряда, фаворит отправился из дворца за принцессою, которая приехала с большою свитою.

Весь дипломатический корпус был приглашен во дворец, а генералам и вельможам русским было приказано собираться там же в 3 часа пополудни.

Как скоро принцесса приехала ко дворцу, то ее встретили у крыльца обер-церемониймейстер и обер-гофмаршал, кои проводили ее в залу, где уже все было готово для совершения обручения. Она села у наоя в кресла, а по левую у нее сторону сели принцессы крови, на табуретках, по правую же — вдовствующая царица, в креслах, а назад — мать ее, сестра и родня.

Креслы царские были поставлены против кресел принцессы, подле стола, на котором лежало Евангелие; по правую сторону было место для чужестранных министров, а по левую — для русских вельмож.

Посередине залы стоял наложник, а подле него — архиепископ новгородский, первенствующий в России, со всем духовенством, в полном облачении. Против наложника был устроен великолепный балдахин, поддерживаемый шестью генерал-майорами.

Царь, получив донесение от обер-камергера о приезде принцессы, вышел в залу и, посидев несколько минут, стал с нею под балдахин, где архиепископ обменял их перстнями, по уставу греческой церкви. По окончании сего царь и принцесса сели опять на свои места, и тут все присутствовавшие подходили к целованию их рук, и была пушечная пальба. Затем сожжен был прекрасный фейерверк, и начался бал, который продолжался очень недолго, потому что принцесса очень устала. Ужина не было, но для желающих поставлены были столы.

Надобно заметить, что хотя дом Долгоруковых был из древнейших в России и в это время сильнейшим по любви к нему государя, но все они так боялись других, что в день обручения караул во дворце состоял из целого батальона гвардии — 1200 человек, между тем как в обыкновенное время занимают его только 150; даже приказано было гренадерской роте, которой капитаном был фаворит, войти в залу тотчас за царем и поставить часовых ко всем дверям, даже велели зарядить ружья боевыми патронами, и если бы произошло какое смятение, то стрелять на недовольных. Это распоряжение сделал фаворит, не предупредив о том фельдмаршала Долгорукова, своего дядю, который очень удивился, увидя эту роту в зале, как он сам сказывал мне после.

В 7 часов принцесса возвратилась к себе с тою же свитою.

Декабря 17(-го) граф Вратиславский отправил курьера в Вену с двумя дворянами своего посольства, с графом Мелезимо и бароном Биленбергом. Он не открыл мне настоящей причины отправления курьера, но я очень знал, что он должен был выслать Мелезима, а что касается до Биленберга, то, по его словам, он послал его с просьбою о выдаче ему неполученного жалованья, но это была неправда, а вот настоящее дело.

Граф, желая подслужиться к Долгоруковым, чтобы чрез них получить орден св. Андрея, которого он не мог достать, как ни хлопотал о том, отправил Биленберга в

Вену для того только, чтобы исходатайствовать у императора фавориту и отцу его титул князя империи и герцогство Козельское в Силезии, которое было некогда пожаловано князю Меншикову. Вратиславский вздумал, что никто не отгадает его, но я тот же час догадался, сказал ему откровенно, и он мне признался.

Но причина отправления Мелезима была совсем другая: с год уже, как он влюбился в княжну Долгорукову, обрученную ныне с государем; все это знали, так же как и то что он не нравился княжне, и поэтому граф Вратиславский решился выслать его, чтобы он не сделал какого дурачества, которое наделало бы много хлопот его сиятельству, из которых он не вышел бы сух.

Декабря 21<-го> получил я известие о заключении мира в Севилье между королем, моим государем, и министрами Ганноверского союза. Тотчас отправился я с сею новостью к барону Остерману, который, быв очень предан Австрии, стал обращаться со мною не с такою уже, как прежде, доверенностью, а существовавшая до сего между мною и Вратиславским прекратилась совершенно; он даже старался всеми силами расстроить меня с двором и фаворитом, в чем и успел было на несколько дней. Надобно сказать, что в беседах моих с графом Вратиславским до обручения царского он никак не хотел верить, чтобы государь вступил в брак с княжною Долгоруковою, а я, напротив того, всегда утверждал, что это сбудется. По обручении, Вратиславскому было досадно, что он ошибся, и он воспользовался случаем поссорить меня с фаворитом, дав ему под рукою знать, что уже полгода я распускаю по всей Москве слух, будто князь Алексей Долгоруков хочет насильно заставить царя жениться на его дочери. Фаворит сначала поверил этому, но я, узнав о том, разуверил его так, что он привязался ко мне еще более прежнего и стал очень много презирать Вратиславского.

До Нового года не произошло ничего любопытного; но в начале 1730<-го> объявлено о бракосочетании фаворита с дочерью покойного фельдмаршала Шереметьева, которая была очень богата и очень хороша собою.

Также в начале сего года пришло известие о смерти славного князя Меншикова в ссылке. Страшный урок для фаворитов, ибо Меншиков был таковым и, управляя Россиею деспотически, вдруг лишился и чести, и имени и был принужден кончить дни свои в монастыре на берегах Белого моря, где трудами рук своих он снискивал себе пропитание.

Января 17<-го>, по старому стилю, день крещения, было водоосвящение по обыкновению, на котором царь присутствовал лично.

В сей день его величество пожаловал своего фаворита в майоры гвардии: это была последняя милость, оказанная сим возлюбленным государем.

Января 18<-го>, поутру, его величество почувствовал в себе лихорадку и не выходил из комнаты, а как болезнь не уменьшилась и в следующие два дня, то стали догадываться, что она должна быть очень сильна.

Января 21<-го> узнали, что царь занемог оспою, которая высыпалась много, но тут же увидели, что она была злокачественна; однако же на третий день, когда его величество пролежал в сильной испарине, то лихорадка прошла, и потому стали надеяться, что он освободится от сей опасной болезни.

С 23<-го> по 28<-е> число оспа выступала сильно так, что все считали, что его величество вышел из опасности; но вечером 28<-го> напала на него такая жестокая лихорадка, что стали опасаться за его жизнь, а как она не уменьшалась, то 29<-го> числа его причастили Св<ятым> Таин<ством>.

Между тем Долгоруковы составили уже духовное завещание, по которому царь должен был назначить своим преемником на престоле принцессу, его обрученную невесту; но когда бумагу эту поднесли царю для подписания, то в нем не было уже ни языка, ни сил, и, наконец, он испустил последнее дыхание в долговременном бесчувствии 30<-го> числа в 1 час 25 минут пополудни.

Так кончил жизнь свою Петр II, имев от роду 14 лет 3 месяца и 7 дней, владев Россиею 2 года 8 месяцев и 13 дней. Потеря его была невознаградила для России, потому что добрые качества сего государя давали надежду на счастливое и славное царствование. В нем было много ума, сметливости и скромности. В нем не было заметно никакой склонности к каким-либо порокам, а пьянство, в то время общее, совсем не было по его вкусу. Собою он был очень красив и росту чрезвычайного по своим летам. Он хорошо говорил по-немецки, по-латыни и по-французски и имел хорошие понятия в науках, но, сделавшись государем в 11 лет, оставил совсем науки, а окружавшие его русские старались отвадить его от чтения, чтобы он не научился. Он не имел еще столько твердости духа, чтобы действовать по собственному побуждению, чем воспользовавшись, князь Алексей Долгоруков, его гофмейстер, и сын его, фаворит, делали все по своей воле

и с таким деспотизмом, что прочие не слишком много сокрушались о кончине сего юного государя. В течение двух лет, проведенных им в Москве, его заставляли беспрестанно ездить на охоту, чтобы удалить его от всех, и держали всегда в своих руках. Наконец, заставили его согласиться на брак с княжною Екатериною Долгоруковою; но это согласие было принужденное, и многие были такого мнения, что свадьбе никогда не бывать. Правду сказать и то, что он нимало не уважал ее, и я сам был свидетелем, что он едва на нее взглядывал. Замечательно было то, что с самого того дня, как он объявил о намерении своем вступить в брак, то впал в такую задумчивость, что ничто более его не развлекало, и он даже говорил своим приближенным, что умрет скоро и что жизнь ему уже наскучила.

Наконец, Россия лишилась Петра II, который, по-видимому, мог быть великим государем, если бы когда-либо избавился от ига Долгоруковых. С ним кончилось мужское поколение дома Романовых, царствовавшего 118 лет, ибо царь Михаил Федорович, дед Петра I, был избран на престол в 1612 году.

Лишь только министры Верховного совета увидели, что государь скончается непременно, то собрались во дворце с знатнейшими вельможами и стали рассуждать о наследовании престола. Мнения разделились на четыре стороны.

Первая сторона была Долгоруковых, которым хотелось возвести на престол обрученную невесту царскую, для чего они и составили было духовную, что, однако же, им не удалось, как сказано выше, и потому, увидев, что противники сильнее их, они отказались от своего намерения.

Вторая сторона была царицы, бабки покойного царя, которой действительно предлагали корону, но она отказалась под предлогом глубокой своей старости и болезней.

Третья сторона желала видеть на престоле принцессу Елисавету, дочь Петра I.

Наконец, четвертая старалась о герцоге голштинском, мать которого была старшею сестрою принцессы Елисаветы.

Но обе последние стороны были так слабы, что о предложении их даже и не рассуждали.

Тут дом Голицыных, упавший было во время владычества Долгоруковых, поднял голову и вздумал ввести образ правления, подобный английскому. Князь Дмитрий Голицын, член Верховного совета, заговорил первый, и к нему

пристали брат его, фельдмаршал, Долгоруковы и большая часть бывших в собрании и таким образом положили избрать на престол принцессу Анну, вдовствующую герцогиню курляндскую, дочь царя Иоанна, старшего брата Петра I, но с тем чтобы она подписала условия, на которых ее избрали.

...Они ожидали кончины государя, которая и последовала 30 января, как я уже сказал, в 1 час поутру, а в 5 часов Верховный совет, Сенат, коллегии, весь генералитет и полковники, бывшие тогда в Москве, собрались во дворце.

Собрание открыл, за отсутствием государственного канцлера, страдавшего простудю, князь Дмитрий Голицын речью, в которой сказал, что поелику богу угодно было отозвать к себе государя Петра II, то надлежит подумать об избрании верховного главы для всей Российской Империи, а как вдовствующая герцогиня курляндская одарена всеми добрыми качествами, то, кажется, нельзя сделать лучшего выбора.

Его предложение было принято всеми с громким одобрением, и тут же было приказано генералам объявить о сем войску.

Вместе с сим были назначены три депутата для поездки в Митаву, где они объявят герцогине об избрании ее на царство и проводят ее до Москвы. Депутатами были назначены: от Верховного совета — князь Василий Лукич Долгоруков; от Сената — князь Михаил Голицын, сенатор и брат князя Дмитрия Голицына, а от войска — генерал-лейтенант Леонтьев.

После сего общего собрания Верховный совет собрался один и составил статьи, кои царица должна была подписать прежде, нежели примет престол. Сии статьи были вручены депутатам с приказанием объявить ей, что ежели она не примет их и не подпишет, то избрание уничтожается.

Депутаты отправились того же вечера, а Верховный совет принял в свои руки правление государством и своевольно назначил в свои члены фельдмаршалов, князей Голицына и Долгорукова.

Объявление во всенародное известие об избрании герцогини на престол и моление о ней в церквах было отложено до тех пор, пока получитя известие, что она подписала статьи.

В самый день кончины царя я потребовал почтовых лошадей для курьера, которого хотел отправить в Испанию, но правительство не только отказало мне в выдаче

подорожной, но не велело никого пропускать за границу до 3 февраля.

Я забыл сказать, что по избрании новой государыни обер-церемониймейстер ездил от имени Верховного совета ко всем чужестранным министрам с известием о сем и с уверением, что ее величество сохранит все договоры, заключенные ее предместниками, и те же дружественные сношения с нашими государями.

Февраля 6(-го) я виделся с фаворитом Долгоруковым, который сказал мне, что по кончине царя он ни во что более не вступается.

Февраля 10(-го) прискакал из Митавы курьер с известием, что депутаты приехали туда 5(-го) числа и что царица не только приняла престол, но и подписала статьи, ей предложенные. Эта весть наполнила радостию всех тех, кои хотели управлять государством, как республикою, и на другой день издали манифест о ее восшествии на престол, с повелением молиться в церквах о ее здравии и все указы писать от ее имени.

Февраля 12(-го) приехал также из Митавы генерал Леонтьев и был у всех первых министров, после чего было назначено собрание Верховного совета на следующее утро. В это собрание были приглашены первейшие чиновники, военные и гражданские, так что в нем находилось человек до 80.

Собрание открылось чтением подписанных царицею статей, коих до того не сообщали никому. После сего князь Дмитрий Голицын сказал, что каждый из присутствующих может свободно объявить свое мнение, и, тут же обратясь к генералу Ягужинскому, который в ту пору стоял подле самого стола, сказал ему, чтобы он взял статьи, прочел их и, подумав, сказал то, что он думает о них. Ягужинский смутился от сего предложения и не знал, что делать, а Голицын, заметив это, велел ему не выходить из комнаты. От сего Ягужинский побледнел, и тут Голицын, подозвав к себе статс-секретаря Степанова, велел ему поговорить яснее с генералом. Степанов вывел Ягужинского в ближнюю комнату, куда через несколько минут пришел фельдмаршал князь Долгоруков с одним майором гвардии, которому велел взять у генерала шпагу и отвести его в дворцовую караульню, где не выпускать его из глаз. После сего министры Верховного совета объявили, что ежели кто из присутствующих желает предложить что-либо для лучшего образа правления, тот может изложить это письменно и мнение его будет рассмотрено после.

Причиной ареста Ягужинского был генерал Леонтьев. Сначала назначали было первого для поездки в Митаву, но, не знаю почему, это переменили. Ягужинский был всегда привержен к царице, и, узнав от государственного канцлера, своего тестя, о статьях, он отправил в Митаву одного преданного себе человека, именем Сумарокова, с письмом к ее величеству, которым умолял ее не налагать на себя ига, а быть твердою и что он со своими друзьями пожертвует своею жизнью для возведения ее на престол с тем же самодержавием, с которым царствовали ее предшественники. Сумароков приехал в Митаву спустя пять часов после депутатов, и князь Василий Долгоруков, узнав о его приезде, сам отправился к нему, арестовал его и, отобрав от него письмо Ягужинского, послал в Москву в подлиннике с генералом Леонтьевым.

Об аресте Ягужинского велено было объявить по всей армии, что сей генерал арестован за то, что писал к царице письмо, противное пользам отечества и служб ее величества.

Вечером того же дня были взяты под арест с лишком 30 человек, но людей незначительных.

Февраля 14 (-го) Ягужинского разжаловали и сняли с него орден св. Андрея.

Февраля 15 (-го) князь Черкасский, вследствие дозволения, данного в собрании 15 (-го) числа, подал Верховному совету мнение, подписанное с лишком 390 человеками. Генерал Матюшкин подал также свое, подписанное не более как 25 человеками. Князь Черкасский подал свое мнение для того только, чтобы, пока оно будет рассматриваться, выиграть время и приготовить все то, что он замыслил в пользу царицы. Мнение Матюшкина состояло в том, чтобы всю власть вручить Верховному совету; оно было составлено теми, кои держали сторону Долгоруковых.

Февраля 20 (-го) явилось третье мнение, подписанное 15 человеками; говорили, что оно было написано князем Куракиным.

Но все сии три мнения остались без разрешения от Верховного совета, который заботился только о том, чтобы в нем было не более восьми человек, кои распоряжались бы всем, т. е. Долгоруковы и Голицыны.

Во ожидании приезда царицы Верховный совет и дворянство собирались каждый день, но никак не могли согласиться на новую систему правления.

Наконец 21 (-го) февраля царица приехала и остановилась в подмосковном селе Всесвятском, где вознамерилась остаться до торжественного своего въезда в Москву.

Февраля 22(-го) тело покойного царя предали земле с величайшим великолепием. Как скоро принесли его в церковь, то архиепископ новгородский отслужил обедню, после чего царица-бабка, принцесса Елисавета и герцогиня мекленбургская дали ему последнее целование, а потом погребли с обыкновенными обрядами.

Между тем новая государыня жила в Всесвятском и, казалось, была довольна, что взошла на престол, она даже повелела, чтобы все дела шли так точно, как она подписала в Митаве. Но 23(-го) числа сделалось такое дело, которое заставило всех призадуматься. Вышед в переднюю комнату, она велела позвать к себе всех офицеров гвардии Преображенского полка, кои тут случились, и сказала им, что поелику богу угодно было призвать ее на престол, то она желает быть их полковником, подобно своим предшественникам, и дала уже повеление объявить о том. Все офицеры пришли в восторг от сих слов и бросились лобызать руки нового полковника, орошая их слезами. Тотчас засим ее величество велела призвать к себе кавалергардов и сказала им то же, после чего была провозглашена полковником гвардии Преображенского полка и капитаном кавалергардов. Такая решимость удивила и поразила всех тех, кои не хотели видеть ее самодержавною, ибо в числе многих других их замыслов был и тот, чтобы царица не имела никакой власти над гвардией; но когда она сделала это, то все замолкли и даже восхваляли ее за это.

Февраля 25(-го) прибыли в Всесвятское Верховный совет, Сенат, генералитет и дворянство. Князь Дмитрий Голицын говорил за всех и просил ее величество удостоить принятием ордена св. Андрея и быть гроссмейстером одного, подобно своим предшественникам. Она приняла это милостиво, после чего государственный канцлер, как старший из кавалеров, взяв знаки сего ордена, поднес их ее величеству.

Февраля 26(-го) я приехал к ее величеству с поздравлением, но как частный человек, и она приняла меня весьма милостиво.

После того как я откланялся, ее величество изволила отправиться для торжественного шествия в Москву. Духовенство в полном облачении встретило и приветствовало ее у городских ворот, а во время шествия стреляли три раза из всей городской артиллерии. Ее величество проехала через трое триумфальных ворот, нарочно для сего устроенных с величайшим великолепием; на них было множество надписей и иероглифических изображений.

Марта 1<-го> царица принимала всех министров, и мы принесли ей поздравление с благополучным пришествием ее в Москву.

Марта 3<-го> все войска и дворянство собрались в Кремлевском дворце и присягали. Главнейшая статья присяги состояла в том, чтобы быть верным государыне и отечеству. Верховный совет составил было две формы присяги — одну обыкновенную, а другую с тем, чтобы быть верным государыне и Верховному совету; но сочинители последней не осмелились предъявить ее.

Власть Верховного совета, который вздумал было дерзновенно управлять по своей воле не только государством русским, но и самую государынею, кончилась 8 марта, и, к счастью, очень спокойно, хотя и надлежало было опасаться какого-либо смятения. Я считаю бесполезным описать подробно это великое событие.

Князь Черкасский всегда думал возвратить царице самодержавие, с которым царствовали ее предшественники. По сему делу был он в согласии с Ягужинским, и когда последнего арестовали, то он сильно вступился за него. Черкасский считался человеком совестливым и больших способностей, в чем действительно отдавали ему справедливость. Мало-помалу он приготовил многих для исполнения своего намерения, несмотря на Верховный совет, который всячески старался привлечь его на свою сторону; но сей честный человек никогда не хотел согласиться на делаемые ему предложения, так что совет принял было намерение арестовать его и сослать в Сибирь, но Черкасский, узнав о том, решился предупредить своих врагов. Вследствие сего 7<-го> числа он, переговора с приверженными к нему, коих было с лишком 300 человек дворян да, сверх того, офицеры гвардии, велел им собраться 8<-го> числа, без шума, в приемные дворцовые комнаты. Они исполнили это, и Черкасский, приехав, велел доложить государыне, что он просит позволения предстать перед нею. Царица уже знала о намерении Черкасского посредством жены его. Ее величество повелела позвать к себе Верховный совет, чтобы в присутствии оного принять дворянство, и когда последнее было введено, то Черкасский подал следующее прошение, которое царица приказала ему прочитать вслух:

«Всевысочайшая и всемилостивейшая государыня императрица. Хотя ваше императорское величество воссели на престол России по воле высочайшего царя царей и по желанию всего народа, но вашему императорскому величеству угодно было подписать условия, предложен-

ные Верховным советом, чем засвидетельствовали ваше благоволение к сему государству. Мы приносим вашему императорскому величеству всеподданейшую благодарность за таковую великую милость, и не токмо мы, но и дети наши будем навсегда обязаны сохранить чистосердечную признательность и чтить имя вашего величества.

Несмотря, однако же, на это, всемилостивейшая государыня, в сказанных условиях находятся некоторые статьи, кои заставляют народ ваш опасаться бедственных на будущее время происшествий, из которых враги нашего отечества могут извлечь величайшую для себя пользу. Рассмотрев внимательно условия, мы изложили на письме мнения наши и с достоподобным почтением представили их Верховному тайному совету на рассмотрение, и просили, чтобы после сего, для блага и спокойствия всей империи, была установлена, по большинству голосов, форма правления надежная и твердая. Но, всемилостивейшая государыня, Верховный тайный совет не токмо не рассмотрел представленных от нас различных предположений, но объявил нам, что ничего нельзя сделать без соизволения вашего императорского величества.

Посему, зная врожденное милосердие вашего величества и желание удостоверить всю свою империю в своем благорасположении, мы дерзаем, с глубочайшим почтением, просить, дабы вы соизволили повелеть, чтобы представленные нами различные мнения были рассмотрены генералитетом и дворянством, назначив для сего по одному или по два человека из каждого семейства, и чтобы, по обсуждении всех статей, была установлена такая форма правления, которая изберется большинством голосов, и после сего представлена на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение.

Мы обещаем вашему величеству всевозможную верность и употребим все усилия для утверждения благоденствия вашего, почитая вас, как мать отечества, и хотя это прошение подписано немногими, потому что мы боимся собираться во множестве для подписания оногo, однако же большая часть вашего дворянства изъявила на то свое согласие, в доказательство чего многие подписали уже вышесказанные мнения.

Москва, 25 февраля (7 марта) 1730 года».

По прочтении сего прошения министры Верховного совета просили ее величество войти в ее кабинет для рассуждения, но герцогиня мекленбургская, сестра ее, подошед к ней, сказала, что тут рассуждать не о чем, а надобно подписать. Вдруг в зале поднялся большой шум,

и государыня, призвав к себе караульного капитана, сказала ему, что, находясь не в безопасности, она приказывает ему, чтобы он не повиновался никому, кроме генерал-лейтенанта Салтыкова, подполковника гвардии и родственника ее величества. После этого она, взяв перо, подписала прошение дворянства, которое, поцеловав ее руку, вышло в другую комнату. Там единогласно положили облечь государыню самодержавием, после чего, возвратясь, просили новой аудиенции. Государыня назначила ее после полудня, и тогда, по собрании всего дворянства, было представлено ее величеству следующее прошение, которое она велела прочесть вслух князю Кантемиру:

«Всевысочайшая и всемилостивейшая государыня. Вашему императорскому величеству благоугодно было для величайшего блага отечества подписать наше прошение, и мы не находим слов для выражения вашему величеству благодарности нашей за сей знак высочайшего ее благоволения. Обязанность наша, как верных подданных вашего императорского величества, требует от нас не оставаться неблагодарными; и посему мы являемся пред ваше величество с величайшим благоговением для изъявления нашей признательности и всенижайше просим соизволить принять самодержавие, с которым царствовали ваши предшественники, и уничтожить условия, присланные вашему величеству от Верховного совета и подписанные вами. Всеподданнейше просим ваше императорское величество соизволить вместо Верховного тайного совета и Высокого сената учредить Правительствующий сенат так, как он был учрежден Петром I, дядею вашего величества, составив его из 21 члена, и чтобы теперь и впредь убылые места в этом Правительствующем сенате, также губернаторы в губерниях и президенты в коллегиях были замещаемы людьми, избираемыми дворянством по жребию, как то было установлено Петром I. Всеподданнейше просим, чтобы ваше величество, вследствие того, что подписать изволили, благоволили теперь же составить правление так, как оно должно оставаться на будущее время.

Наконец мы, всенижайшие подданные вашего императорского величества, надеемся быть счастливыми при новой форме правления и при уменьшении налогов, по врожденному вашему величества милосердию, и можем спокойно кончить жизнь свою у ног ваших.

Москва. 25 февраля (7 марта) 1730 года».

Министры Верховного совета при чтении сего прошения стояли как пораженные громом, и никто из них не осмелился сделать ни малейшего движения.

Тотчас за сим царица велела государственному канцлеру, который хотя и был членом совета, но держался стороны дворянства, принести все бумаги, подписанные ею как в Митаве, так и в Москве, и когда он принес их, то ее величество изорвала их в присутствии всех, и тут дворянство и военные с громким кликом радости стали целовать руки государыни, своей самодержицы.

Немедленно за сим ее величество приказала генералу Чернышеву освободить из-под стражи генерала Ягужинского, а фельдмаршал Долгоруков отдал ему шпагу и орден св. Андрея при входе в залу собрания, где государыня всемилостивейше допустила его к своей руке, изъявляя ему знаки своего благоволения.

После сего царица повелела князю Василию Долгорукову оставаться у себя дома, определив на его место обер-гофмейстером вышесказанного генерала Салтыкова. Долгоруков занимал это место с выезда из Митавы и обращался с царицею как с пленницею, чтобы достичь цели собственных своих намерений. Он-то воспламенил Верховный совет, которого был членом, к ограничению власти государыни, так что ее величество сделалось бы не более как невольницею в золотых цепях. Но мы скоро увидим, что неограниченное его высокомерие было наказано по достоинству.

В тот же самый день государственный канцлер послал ко всем чужестранным министрам с объявлением о том, что случилось, приглашая их приехать завтра во дворец для принесения поздравления ее величеству.

Так кончились все замыслы министров Верховного совета.

Все это дело было ведено герцогинею мекленбургскою, княгинею Черкасскою и ее сестрою, которые одни только могли говорить с императрицею в то время, когда при ней не было никого.

Величайшим было счастьем, что происшествие это обошлось без кровопролития, которое случилось бы наверное, если бы министры Верховного совета сделали малейшее сопротивление и если бы императрица вышла в свой кабинет для рассуждения. Но верно также и то, что за это заплатили бы члены совета; ибо против них было не только дворянство, но и все военные, а их было только пятеро, именно: фельдмаршал Голицын и брат его Дмитрий, фельдмаршал князь Долгоруков и князя Василий и

Алексей Долгоруковы. Государственный канцлер Головкин был на стороне дворянства, а вице-канцлер барон Остерман притворился больным и лежал в постеле с самого дня кончины царя, но давал советы царице чрез свою жену, которая каждый день приезжала ко двору.

На следующий день, 8(-го) марта, все чужестранные министры, в праздничных кафтанах, были представлены царице и поздравили ее с самодержавием.

Марта 12(-го) ее величество наградила князя Черкасского за оказанные им услуги, пожаловав его в действительные тайные советники, а через несколько дней украсила его орденом св. Андрея.

Марта 15(-го) царица, обдумав хорошенько, назначила 21 сенатора для составления верховного судилища. Они были следующие: государственный канцлер граф Головкин, фельдмаршалы князя Голицын, Долгоруков и Трубецкой, князь Дмитрий Голицын, князь Василий Долгоруков, вице-канцлер барон Остерман, князь Ромодановский, генерал Ягужинский, князь Черкасский, генералы Чернышев, Ушаков, Молчанов и Салтыков, князь (Г.) Юсупов, князь Юрий Трубецкой, князь Барятинский, князь (Б.) Юсупов, генерал Сукин, статский советник Новосильцов и граф Михаил Головкин.

Чрез два дня после этого генерал Салтыков просил уволить его от присутствия в Сенате по причине занятий его по званию обер-гофмейстера, и его место в Сенате занял князь Шаховской.

В это же время царица повелела сделать новую присягу ей одной, как самодержице всероссийской, что и было исполнено 16(-го) числа.

Марта 17(-го) ее величество составила свой двор, и все удивились, что она назначила обер-гофмейстериною жену фельдмаршала Голицына и камергером — сына его да князя Куракина, зятя его, тогда как князь Голицын со своим братом были явными поборниками власти Верховного совета; но очень скоро я узнал причину этого.

При дворе была партия немецкая, пользовавшаяся всею доверенностию государыни, и ее составляли: барон Остерман, камергер Бирон²¹, любимец ее величества, и граф Левенволд, которого она пожаловала в обер-гофмаршалы. Они, как иностранцы, видя, что имели нужду в подкреплении своей партии кем-либо из русских вельмож, велели сказать фельдмаршалу Голицыну, что ежели он пристанет к ним, то они введут его опять в милость, а от него желают только того, чтобы он поддерживал их и жил с ними в согласии. Голицын, от природы гордый,

упорствовал несколько дней, но наконец сдался и присоединился к немцам, кои потом заступились за него так, что ее величество пожаловала жену, сына и зятя его в вышесказанные чины, а ему самому — бриллиантовый перстень в пять или шесть тысяч ефимков.

В тот же день ее величество нарядила комиссию для истребования отчета от князей Долгоруковых, отца и сына, любимцев покойного царя. В эту комиссию назначены князь Юсупов и генерал Ушаков. Нельзя вообразить себе, сколько они украли: не только они подобрали себе в руки все бриллианты несчастного Меншикова (а их было очень много), но и все казенные; лучших лошадей с придворной конюшни, серебро в деле, собак и, наконец, все то, что стоило чего-нибудь. Комиссия объявила им, что ежели они тотчас не возвратят всего, то она приступит к формальному розыску. Поэтому они принуждены были отдать все, что накрали, а небольшие деньги, взятые ими в казначействе, были им прощены.

В тот же день, марта 17<-го>, умер барон Абихсдаль, обер-церемониймейстер, после двухнедельной болезни. Для меня это была величайшая потеря, потому что он был единственным мне утешением между людьми, не знающими, что такое дружба. Он был родом из Швейцарии, был очень умен, учен и имел чрезвычайную память — словом, был отличный человек, добродетелен, друг своих друзей и не доверял никому иначе, как узнав его хорошенько, после чего уже имел к нему всю доверенность. Он был очень привязан к службе своего государя и приходил в отчаяние, если дела шли нехорошо. Он пользовался общим уважением и никогда ни о ком не говорил дурно. Словом, это был истинно честный человек и совершенно бескорыстный. Таков был этот добрый и единственный друг мой в России, которого я никогда не забуду. Потеря его для меня тем чувствительнее, что он умер в кальвинском вероисповедании, которого был жарким последователем.

Через несколько дней после сего приехал курьер из Персии с известием, что Тахмас, сын София, предместника похитителя престола Митивиса, провозглашен и признан в Испагани законным государем, а Ешреф удалился в Кандагарскую область. Поэтому русское министерство стало ласкать Тахмасова посла более прежнего и хотело вступить с ним в переговоры, согласно с прежними его инструкциями, но он отвечал, что, по данным ему повелениям, он обязан был трактовать с Петром II, а теперь ему надобно будет иметь новое повеление для вступления

в переговоры с министрами царицы, да сверх того, когда он отправился из Персии, тогда государь его был изгнанником, лишенным престола; но теперь дела совсем переменились, и потому он должен ждать новых повелений. Несмотря, однако же, на это, он имел чрез несколько дней первую свою аудиенцию у царицы и представил ей кредитивные грамоты, кои привез с собою на имя покойного царя.

Марта 29<-го> царица в первый раз присутствовала в Сенате и там пожаловала в сенаторы генерала Тараканова, на место князя Ромодановского, дяди ее величества, который умер 27<-го> числа.

Апреля 1<-го> персидский посол был на первой своей аудиенции и представил свои кредитивные грамоты; вместе с сим он просил о назначении министров для переговоров с ним. При сей церемонии не было ничего замечательного, разве только то, что после того, как посол представил свои кредитивы царице, стоявшей на престоле, все персияне, с ним приехавшие, вошли для целования руки ее величества, оставя в передних комнатах, по обычаю своей земли, свои туфли, что, по их понятиям, составляет знак почтения и покорности. Кредитивы завернуты были в богатую персидскую парчу, и посол представил их государственному канцлеру, который отвечал ему, именем царицы, в выражениях, очень лестных для его государя.

На другой день началась светлая неделя, а как в пост все говели, то и не случилось ничего замечательного; в самый день пасхи был приезд ко двору для поздравления ее величества.

Апреля 10<-го> ее величество украсила своего обергофмейстера Салтыкова орденом св. Андрея.

Апреля 15<-го> министры бланкенбургский и голштинский представили свои новые кредитивные грамоты.

В тот же день ее величество изволила дать великолепный обед офицерам полков гвардии и оказала им честь обедать с ними.

До обеда она пожаловала генерала Ушакова в подполковники гвардии Семеновского полка, а прежде он был майором Преображенского, но сей чин отняли у него Долгоруковы.

Наконец настал день, ознаменовавшийся гибелью того несчастного дома, который, имев в виду пример князя Меншикова, не умел воспользоваться оным, а поступал так, что пришел в ненависть не только у дворянства, но и у народа. Апреля 19<-го> князя Алексея Долгорукова с

женою, сыновьями и дочерьми сослали в его деревни; князя Василия арестовали; князя Михаила, брата фельдмаршала, сделали губернатором в Астрахань; князя Ивана, брата Алексеева,— губернатором в Вологду; князя Александра — губернатором в Алтырь, а князя Сергия сослали в его деревни. В тот же самый день всех Долгоруковых лишили чинов и орденов.

Тогда же было повелено генералу Бутурлину отправиться в своей должности в Дербент, а генерал Еропкин был послан в Гилянскую область.

Мая 3(-го) ее величество пожаловала княгиню Голицыну, жену фельдмаршала, в обер-гофмейстерины, как сказано выше, и статс-дамами: баронессу Остерман, графиню Ягужинскую, княгиню Черкасскую, генеральшу Чернышеву, графиню Бирон, графиню Головкину, Лопухину и Салтыкову. Тогда же изволила назначить к себе шесть фрейлин. Никто из Долгоруковых не удостоился сей чести, и потому Голицыны одержали здесь победу. Все это сделали, как я уже сказал, граф Левенволд и граф Бирон.

Сии же оба немца ввели в великую у царицы милость барона Остермана, и все трое всячески старались обратить внимание двора на графа Вратиславского и барона мардефелдского, прусского министра, между тем как на меня едва смотрели, по сказанной выше причине.

Мая 6(-го) посланник прусский представлялся царице и известил ее величество, что король, его государь, пожаловал графу Левенволду орден Черного Орла. Государыне угодно было самой украсить графа сим орденом, и велев ему снять с себя Александровский, она надела на него прусский. Никто не удивился этой милости, потому что граф был всегда очень привязан к прусскому двору и был задушевным другом посланника, который, видя, что он так силен у русского двора, исходатайствовал ему сей знак отличия, дабы еще более привязать его к стороне своего государя.

В тот же день ее величеству угодно было пожаловать орден св. Андрея графу Бирону, которого за два дня до сего она сделала своим обер-камергером, но он отклонил от себя эту милость, а просил украсить сим орденом г. Бракеля, великого маршала курляндского, и ее величество ту же минуту исполнила его прошение.

Мая 7(-го) царица пожаловала орден св. Андрея фельдмаршалу Трубецкому.

На другой день, 8(-го), она пожаловала барону Остерману графское достоинство и вместе с тем очень хорошую землю в Лифляндии.

Мая 9(-го) совершилась коронация государыни с величайшим торжеством. Я не стану описывать сей церемонии, потому что она была такая же, как и Петра II, с тою только разницею, что была гораздо великолепнее.

В сей день ее величество оказала много милостей: пожаловала большую деревню фельдмаршалу князю Голицыну; произвела пятерых в генерал-аншефы, четверых в генерал-лейтенанты, троих в генерал-майоры, двоих в действительные тайные советники, двоих в тайные советники, двоих в статские советники, да орденом св. Александра (пожаловала) генералов Сукина и Тараканова.

Мая 10(-го) представлялись все иностранные министры, и ее величество приняла их, стоя на своем престоле; по правую сторону престола находились все министры и вельможи русские, а по левую — дамы. Признаюсь, что я в жизнь свою не видывал такого великолепного двора, каков был в сей день русский.

Мая 12(-го) ее величество изволила быть в дворцовом саду в предместье, называемом Немецким, куда пригласили всех чужестранных министров. Там был бал и ужин, и ее величество изволила пить за здравие короля, моего государя, так как именно сей день был днем св. Филиппа, по старому стилю. Ее величество при сем случае оказала мне много чести, изволив публично благодарить меня за то, что я во всем поступал отлично.

В 11 часов вечера ее величество оставила сад и осмотрела все иллюминации, и когда подъехала к моей, то еще изволила оказать мне честь, приказав остановить свою карету у ворот моего дома, где я стоял, и, позволив мне поцеловать свою руку, благодарила меня еще раз.

Отличие, оказанное мне ее величеством, произвело великую зависть в министрах, приверженных к венскому двору, и, боясь, чтобы я, вошед в милость царицы, не нанес много вреда их интересам, они употребили все усилия, чтобы лишить меня благорасположения ее величества. Но не зная, каким образом напасть на меня, они прибегли ко лжи, что и произвело желанное ими действие, ибо вскоре заметил я великую перемену в обращении государыни со мною: каждый раз, как я бывал у двора, она принимала меня с величайшим равнодушием, а все приближенные к ней убегали от меня, как от заразы. Несмотря на все это, я не хотел оправдываться совершенно, предоставляя то времени, и действительно, чрез несколько месяцев я получил случай оправдаться так, что

ее величество, убедаясь в моей невинности, возвратила мне свое благоволение, и я посрамил своих врагов, как скажу после.

Мая 14-го был еще бал и ужин во дворце, и я никогда не видывал такого славного праздника и лучшего ужина.

Наконец, 16(-е) число было последним днем праздников, данных по случаю коронации царицы. Сей день начался аудиенциею персидскому послу и всем азиятцам, бывшим в Москве: армянам, грузинам, персиянам, калмыкам, татарам, китайцам и казакам. После этого выставили народу двух жареных быков с двумя фонтанами вина и бросали ему деньги. Засим был бал и ужин, что продолжалось до двух часов. Стол ее величества был устроен на троне, и она изволила ужинать с обеими своими сестрами. Принцесса Елисавета и принцесса мекленбургская не присутствовали на этом празднике, потому что были опасно больны. В той же зале было пять столов, а всех кувертов 360. Все было устроено с величайшим великолепием и порядком. После ужина все вошли в апартаменты царицы, откуда смотрели прекрасный фейерверк, которым и кончились все праздники.

Июня 4(-го) ее величество изволила переехать в загородный дворец, называемый Измайловским, и осталась там на все лето.

Выехав из Москвы, генерал Мамонов, который, по своему чину поручика кавалергардов, ехал подле кареты ее величества верхом, был поражен апоплексическим ударом и упал с лошади замертво. От сего происшествия все ужаснулись и государыня очень перепугалась.

Июня 22(-го) граф Вратиславский получил из Вены диплом на достоинство графа Св(ященной) Римской империи для обер-камергера Бирона, которому он и вручил его того же вечера, вместе с портретом императора, осыпанным бриллиантами, ценою в 12 тысяч ефимков.

В тот же самый день ее величество пожаловала новому графу один город в Лифляндии, с землями, к нему прилегающими, что все стоит с лишком 60 тысяч руб. ей.

По этому случаю я донес королю, моему государю, что венский двор думает только о раздаче в России милостей и подарков, между тем как мы не делаем ничего, и что нет возможности прервать союза между обоими дворами иначе, как делая то же самое.

Июля 6(-го) кончили совершенную гибель дома Долгоруковых. Князь Алексей, отец обрученной невесты Петра II, был сослан со всем своим семейством на Березов остров, где прежде его содержался несчастный Мен-

шиков; князь Василий — в Соловецкий монастырь, лежащий на одной скале Белого моря, и где нельзя прожить более нескольких лет, потому что место это очень нездорово, и где питаются только рыбою, без хлеба и вина. Князья Сергей и Иван, братья Алексеевы, были сосланы первый в Ораниенбург, а второй в Пустозерск, а князя Александра, другого брата Алексеева, послали служить лейтенантом морским в Каспийском море. Таков был трагический конец этой ветви дома Долгоруковых, которую любил Петр II, и кажется, что падение оной было справедливым судом Божиим, для наказания их дурных дел, безмерного высокомерия и тщеславия.

Июля 8(-го) приехал из Польши граф Потоцкий, близкий родственник царицы, которая приняла его очень милостиво и велела отвести ему комнаты во дворце. Он приехал затем, чтобы поздравить ее величество от прима-са Польши, своего дяди, и чтобы разведать о намерениях русского двора относительно к польским делам.

Июля 9(-го) ее величество возложила орден св. Александра на князя Куракина, своего камергера, прежде бывшего министром при французском дворе.

Июля 11(-го) получил я новые кредитивные грамоты, и хотя на другой же день сообщил копию с оных государственному канцлеру Головкину, но не мог еще иметь аудиенции, потому что 13(-го) числа поутру царица отправилась на богомолье в Троицкий монастырь, лежащий в 12 милях от Москвы.

Она возвратилась 19 июля, и на другой день государственный канцлер дал мне знать, что ее величество изво-лит принять меня 23(-го) поутру в селе Измайловском, куда я и приехал в назначенный час и был введен графами Бироном, обер-камергером, и Левенволдом, обер-гоф-маршалом.

Августа 13(-го) граф Потоцкий откланялся царице, которая украсила его орденом св. Андрея, а 14(-го) чис-ла он отправился в путь на Гродненский сейм.

Сентября 10(-го) праздновали, по обыкновению, день ордена св. Александра, и мы все, кавалеры сего ордена, имели честь обедать и ужинать с ее величеством, после чего был сожжен прекрасный фейерверк. В тот же день государыня возложила сей орден на генерала Вейсбаха, который вместе с сим получил повеление ехать на Грод-ненский сейм в качестве министра ее величества.

В это же время ее величество приказала сформиро-вать третий полк гвардии, который назвала Измайлов-ским, и полковником оного пожаловала генерала Левен-

волда, а подполковником — генерала Кейта. Производство последнего принесло мне большое удовольствие, потому что я любил его душевно, да сверх того, по моему ходатайству, он был принят в русскую службу два года тому назад.

Октября 12(-го) ее величество определила генерала Ягужинского генерал-прокурором Сената и в то же самое время повелела ему присутствовать при всех конференциях по иностранным делам, что много уменьшило кредит графа Остермана, который от сего перестал распоряжаться негоциями по своей воле, как делал до сего. Ягужинский еще при Петре I был уже генерал-прокурором, и все были им довольны, и как скоро он снова вступил в сию должность, то дела пошли очень скоро и к общему удовольствию. Но всех более был доволен я, потому что сей генерал был всегда моим искренним другом и оставался таковым до конца.

В тот же день ее величество пожаловала орден св. Андрея графу Бирону, и этот случай показался мне очень удобным для принесения моего оправдания. Приехав к нему 13(-го) числа, я застал его одного и поздравил его с новою полученною им милостию. Получив от него те же уверения в приязни, какие он мне делал в последний раз, я сказал ему, что, полагаясь на его дружбу, хочу открыть ему свое сердце, и именно, что ему неизвестна та ложь, которою некоторые люди очернили меня в глазах ее царского величества, и что я могу доказать ему свою невинность в коротких словах.

Во-первых, я никогда не был, как сказали, искренним другом князя Василия Долгорукова и первым его советником, ибо не только я не имел с ним никаких связей во все то время, когда я был коротко знаком с князем Иваном, фаворитом Петра II, но он всячески старался поссорить нас, в чем и успел месяца за четыре до кончины царя, в чем свидетельствуюсь графом Левенволдом, обер-гоф-маршалом, который понапрасну старался помирить нас.

Во-вторых, царице сказали, будто я сильно противился ее самодержавию, давая советы тем, кои хотели ее ограничить. На это скажу, что во все время, как спорили о сем самодержавии, я всячески удалялся от сообщества русских, чтобы не слышать даже и разговоров о сем деле, и что в беседах со своими приятелями я всегда смеялся над их республиканским жаром, считая это глупостию, и утверждал всегда, что все споры кончатся объявлением царицы самодержавною; и что я всегда предуведомлял о сем мой двор, как могу доказать то копиями с своих де-

пеш, кои представлю его сиятельству, прося его сделать мне милость поверить, что я еще не сошел с ума; и что как для короля, моего государя, все равно, будет ли царица самодержавною или нет, то я не так глуп, чтобы мешаться в дело, которое до меня совсем не касается.

В-третьих, мои враги рассеяли слух, будто бы я привязан к графу Маврикию Саксонскому, хлопочу за него и постоянно переписываюсь с ним. Не отрицаюсь, что нахожусь с ним в дружеских связях с лишком 15 лет, но эта дружба не так сильна, чтобы я вздумал быть его агентом, что не прилично ни моему званию, ни моему происхождению; что в дела графа Маврикия совсем не вступается король, мой государь, а я не таков, чтобы захотел вмешаться в них без повеления его величества; что, проезжая через Данциг, я встретился там с графом, который просил меня выхлопотать несколько любовных записочек, находившихся в сундуке, который взяли у него в Курляндии и который находится в русской канцелярии; что я несколько раз говорил о том графу Остерману, изъясняя, что не могу и не хочу говорить с ним о делах графа Саксонского, но прошу только о возвращении его любовных записочек, кои совершенно неважны для Русского государства; что хотя граф Остерман и обещал мне всегда возвратить сии записочки, но не исполнил своего обещания и что граф Саксонский раза три или четыре писал ко мне о них, но ничего не писал о других каких делах. Я прочел ему сии письма и клялся, что никогда не говорил о делах сего графа ни прямо, ни околичностями. Вместе с сим я назвал графу Бирону людей, рассевавших сии ложные обо мне слухи, примолвив, что я всюду нахожу ядовитость и злость графа Остермана и других, которых я не хотел назвать по имени (т. е. графа Вратиславского, барона мардефелдского и барона Крама), кои боялись, что если я удостоюсь получить благоволение ее величества, то они не могут успеть в своих замыслах; но что, благодаря бога, я презираю таких врагов и иду по стезе чести и истины, не совращаясь с нее, для их удовольствия, и что в этом именно состоит обязанность моего звания и происхождения.

Наконец, просил я графа довести все это до сведения государыни и вместе с тем уверить ее величество, что ни один из ее подданных не уважает и не любит ее более меня.

Граф Бирон слушал меня с величайшим вниманием, и когда я перестал говорить, то сказал, что о всем том, что я говорил ему, он непременно донесет государыне, причем

признался, что действительно старались вселить в ее величество все то, что я говорил ему; но что он, по чести, может уверить меня, что ее величество уже разуверилась на мой счет и уважает меня так, что при всяком случае говорит обо мне с отличием; а что касается до него, то он был и хочет всегда быть моим другом и употребит, при этом случае, все возможное, чтобы доказать мне это, присовокупив к тому, почти со слезами на глазах, другие выражения его привязанности и почтения ко мне.

От графа Бирона поехал я к графу Левенволду, моему истинному другу, пользовавшемуся всею доверенностью царицы и Бирона. Я говорил ему то же, что и последнему, а он обещал мне стараться разуверить государыню.

Октября 21<-го> было погребение тела графа Василия Салтыкова, умершего 18<-го> числа. Он был дядя царицы, мать которой была его сестрою. Это был очень хороший человек и искренний мне друг. Смерть его для меня была очень прискорбна, потому что он не переменился ко мне даже в то время, когда все от меня бегали.

Октября 28<-го> царица возвратилась в Москву из Измайловского и стала жить в новом дворце, который она построила и который был очень красив и убран великолепно.

На другой день, 29<-го>, был я у графа Бирона, для поздравления его с благополучным возвращением. Он сказал мне, чтобы я приехал во дворец в три часа пополудни, потому что государыня хотела говорить со мною.

В назначенный час я приехал во дворец, и она, пожаловав мне поцеловать свою руку, приказала мне идти за нею в ее кабинет вместе с графом Левенволдом, который будет между нами переводчиком. Вошед туда, ее величество изволила сказать мне, что она узнала от обер-камергера графа Бирона, что я думаю, будто она не расположена ко мне, и поэтому она хочет успокоить меня на этот счет. Правда, что по приезде ее в Москву говорили ей обо мне дурно; что это время было такое критическое, что она не знала, кто ей друг и кто враг, и потому была принуждена верить всему, что некоторые люди говорили ей обо мне и о других; но, убедясь в злости моих врагов и в моей невинности, она призвала меня к себе, чтобы лично самой засвидетельствовать мне, как теперь она выведена из заблуждения, уважает меня и уверяет в своем ко мне благоволении.

Слова сии привели меня в такое восхищение, что я едва собрался с духом отвечать на них; но, поцеловав ее

руку, я сказал, что почтение мое к ее величеству было всегда неизменно и ничто не могло принудить меня сделать что-либо против ее особы; что я благодарю бога, что мог объяснить ее величеству истину, и никогда не забуду оказанной ею мне чести. К этому примолвил я, что меня огорчает только то, что я получил повеление от короля, моего государя, выехать из России, ибо ничто не принесло бы мне такого утешения, как прожить несколько лет у ног ее величества. Она благодарила меня за это, изъявив сожаление, что я так скоро отъезжаю, и потом удалилась.

Враги мои, узнав о том, что было на этой конференции, чуть было не померли от бешенства, а особливо графы Остерман и Вратиславский, кои, как я уже сказал, были главнейшими моими клеветниками. Сим оправданием обязан я графу Бирону и генералу Левенволду, кои при сем случае оказали мне всю свою дружбу и не успокоивались до тех пор, пока не открыли всей лжи, рассеянной на мой счет австрийцами.

Характеры лиц, бывших при русском дворе

В этом небольшом сочинении я опишу характеры главнейших лиц, коих я знал при русском дворе, и постараюсь сделать это с величайшим беспристрастием. Опишу также характеры чужестранных министров, бывших в России в мое время, и могу уверить, что пером моим руководствовала истина и что я лично знал всех тех, о которых говорить буду. Начну с царя Петра II.

Петр II был высокого роста, красив собою и сложен хорошо; на лице его видна была задумчивость; сложение крепкое, поступь величественная и сила необыкновенная. Хотя и трудновато сказать что-либо решительное о характере 14-летнего государя, но можно было догадываться, что он будет вспыльчив, решителен и, может быть, жесток. Он не терпел вина, то есть не любил пить более надлежащего, и весьма щедр, так что щедрость его походила на расточительность. Хотя с приближенными к нему он обходился ласково, однако же, не забывал своего высокого сана и не вдавался в слишком короткие связи. Он быстро понимал все, но был осмотрителен, любил народ свой и мало уважал другие. Словом, он мог бы быть, со временем, великим государем, если бы удалось

ему поправить недостаток воспитания, данного ему Долгоруковым.

Ц а р и ц а А н н а

Царица Анна была вдовствующею герцогинею курляндскою, когда была возведена на престол, и дочерью царя Иоанна, старшего брата Петра I. Она толста, смугловата, и лицо у нее более мужское, нежели женское. В обхождении она приятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любит пышность до чрезмерности, отчего двор ее великолепием превосходит все прочие европейские. Она строго наблюдает повиновение к себе и желает знать все, что делается в ее государстве; не забывает услуг, ей оказанных; но вместе с тем хорошо помнит и нанесенные ей оскорбления. Словом, я могу сказать, что она совершенная государыня, достойная долголетнего царствования.

В е л и к а я к н я ж н а Н а т а л и я

Великая княжна Наталия, сестра Петра II, была украшена всеми возможными добрыми свойствами. Она не только не была красавицею, а напротив, дурна лицом, хотя и хорошо сложена; но добродетель заменяла в ней красоту: она была любезна, великодушна, внимательна, исполнена грации и кротости, так что всех привлекала к себе. Она совершенно говорила на французском и немецком языках, любила чтение и покровительствовала чужеземцам. Все это заставляло воссылать теплые к небу молитвы о ее долгоденствии, но всевышнему угодно было отозвать ее к себе, после долговременной болезни, 4 декабря 1728 <года>, на 15<-м> году ее жизни. Смерть ее оплакали и русские, и чужеземцы, знатные и бедные.

П р и н ц е с с а Е л и с а в е т а

Принцесса Елисавета, дочь Петра I и царицы Екатерины, такая красавица, каких я никогда не видывал. Цвет лица ее удивителен, глаза пламенные, рот совершенный, шея белейшая и удивительный стан. Она высокого роста и чрезвычайно жива. Танцует хорошо и ездит верхом без малейшего страха. В обращении ее много ума и приятности, но заметно некоторое честолюбие.

Герцогиня мекленбургская

Герцогиня мекленбургская, сестра царицы Анны, чрезвычайно живого характера, не имеет скромности и откровенно высказывает все, что ей приходит в голову. Она чрезвычайно толста.

Принцесса Параскевия

Принцесса Параскевия, вторая сестра царицы, отличается способностями, очень дурна лицом и худощава, здоровья слабого.

Теперь приступлю я к описанию характеров знатнейших вельмож и начну с фаворита царя Петра II.

Князь Иван Долгоруков

Князь Иван Алексеевич Долгоруков отличался только добрым сердцем. Государь любил его так нежно, что делал для него все, и он любил государя также. Ума в нем было очень мало, а проницательности никакой, но зато много спеси и высокомерия, мало твердости духа и никакого расположения к трудолюбию; любил женщин и вино; но в нем не было коварства. Он хотел управлять государством, но не знал, с чего начать; мог воспламеняться жестокою ненавистью; не имел воспитания и образования,— словом, был очень прост.

Граф Головкин

Граф Головкин, государственный канцлер, старец почтенный во всех отношениях, осторожный и скромный; с образованностию и здравым рассудком соединял он в себе хорошие способности. Он любил свое отечество и хотя был привязан к старине, но не отвергал и введения новых обычаев, если видел, что они полезны; был привязан к своим государям, и его подкупить было невозможно, посему-то он держался при всех государях и в самых затруднительных обстоятельствах, потому что упрекнуть его нельзя было ни в чем.

Граф Апраксин

Граф Апраксин, великий адмирал, брат царицы, супруги царя Федора Алексеевича, старшего брата Петра I. С величайшим усердием служил он Петру I; имел посредственные способности, был храбр, и решителен, и довольно прозорлив; но, не выезжая никогда из своей земли, он не любил нововведений, сделанных Петром I до того, что не пожалел бы ничего, чтобы восстановить старинные обычаи. Иноземцев ненавидел смертельно и был очень корыстолюбив, за что чуть было не погиб, но отделался деньгами. В политических делах был вовсе несведущ, и хотя был великим адмиралом, но не знал даже первых начал мореходства.

Барон Остерман

Вице-канцлер барон Остерман, родом немец; отец его был лютеранским пастором в одной вестфальской деревушке. Барон приехал в Россию в очень молодых еще летах и, выучившись основательно языку сей земли, достал себе место в какой-то канцелярии, где, по знанию многих языков, был замечен Петром I, который стал употреблять его как переводчика. Остерман умел также обратить на себя благоволение князя Меншикова, который вывел его так скоро, что он сделался вице-канцлером на место барона Шафирова, который также ему покровительствовал. По смерти царицы Екатерины Меншиков сделал его наставником и обер-гофмейстером Петра II, и за это Остерман стал стараться о гибели своего благодетеля и скоро успел в этом. Он имел все нужные способности, чтоб быть хорошим министром, и удивительную деятельность. Он истинно желал блага русской земле, но был коварен в высочайшей степени, и религии в нем было мало, или, лучше, никакой; был очень скуп, но не любил взяток. В величайшей степени обладал искусством притворяться, с такою ловкостью умел придавать лоск истины самой явной лжи, что мог бы провести хитрейших людей. Словом, это был великий министр; но поелику он был чужеземец, то не многие из русских любили его, и потому несколько раз был близок к падению, однако же всегда умел выпутываться из сетей.

Князь Дмитрий Голицын

Князь Дмитрий Голицын, министр Верховного совета, был одним из числа тех стариков, которые, покачивая головою, всегда говорили: «К чему все сии затеи? Разве мы не можем жить так, как живали наши отцы и деды, которые не пускали к себе иноземцев!»

Впрочем, он был человек сведущий, но чрезвычайно злой, несносно тщеславен и до невероятности горд.

Князь Василий Долгоруков

Князь Василий Лукич Долгоруков, также министр Верховного совета, был умен и недурен собою. Он был посланником в Швеции, Дании, Польше и во Франции и всюду заслужил имя искусного и хитрого министра. Он очень хорошо говорил на многих языках, и с ним приятно было провести время в разговорах; но вместе с сим он очень любил взятки, не имел ни чести, ни совести и способен был на все по корыстолюбию. Наконец, он понес достойную казнь за свои интриги: царица сослала его на один пустынный остров Белого моря.

Князь Алексей Долгоруков

Князь Алексей Долгоруков, второй наставник царя Петра II, министр Верховного совета и отец фаворита, был ума очень ограниченного и, не зная никаких хороших светских обращений, был коварен и не терпел иностранцев; был рабом двора, предан старинным обычаям и набит тщеславием до того, что вздумал возвести на престол дочь свою, заставив царя Петра II жениться на ней. Но преждевременная смерть государя разрушила его замыслы, а царица Анна сослала его в Сибирь, со всем его семейством.

Фельдмаршал Голицын

Фельдмаршал князь Голицын, герой России, был человек умный и благородный; очень хорошо знал военное искусство, был храбр и любим войсками; смел, отважен и великодушен; иноземцев не любил, но, несмотря на это, отдавал справедливость достойным из них; знатные люди

его боялись, а Петр I уважал. Словом, это был истинно великий человек.

Фельдмаршал Долгоруков

Фельдмаршал князь Долгоруков — человек умный, храбрый, честный и довольно хорошо знавший военное искусство. Он не умел притворяться и часто доводил искренность до излишества; был отважен и очень тщеславен; друг искренний, враг непримиримый; нельзя сказать, чтобы он ненавидел иноземцев, но и не жаловал их слишком. Он жил благородно, и я поистине могу сказать, что это такой русский вельможа, который более всех приносил чести своему отечеству.

Князь Михаил Долгоруков

Князь Михаил Долгоруков, брат фельдмаршала, был такой тщеславный человек, какого я не встречал никогда; для него все было безделица; но вместе с сим он готов был сделать все, чтобы достичь до своей цели. Ума у него было немного; он лгал ужасным образом; был коварен; не любил никого и скуп до чрезвычайности — словом, в нем не было ничего путного.

Фельдмаршал Сапега

Фельдмаршал Сапега, поляк, не отличался ничем, кроме личной храбрости; но о военном искусстве не имел и начального понятия; ума в нем не было ни крошки; он был злопамятен и горяч, коварен и способен на все, лишь бы только достичь до своего намерения; напивался каждый день.

Фельдмаршал Трубецкой

Фельдмаршал князь Трубецкой был очень прост и тщеславен, впрочем, человек добрый; он заикался.

Фельдмаршал Брюс

Фельдмаршал Брюс родился в Москве; отец его был шотландец. Он служил с величайшим отличием, и Петр I

очень уважал его; одаренный большими способностями, он хорошо знал свое дело и русскую землю, а неукоризненным ни в чем поведением он заслужил общую к себе любовь и уважение.

Князь Черкасский

Князь Черкасский — человек благородный, умный, образованный лучше многих своих соотечичей, отличавшийся бескорыстием и любивший иностранцев, но робкий и нерешительный.

Граф Бирон

Граф Бирон, обер-камергер и любимец царицы Анны, родом курляндец, долго служивший ее величеству с величайшею верностью. В обращении он был весьма вежлив; имел хорошее воспитание; любил славу своей государыни и желал быть для всех приятным; но ума в нем было мало и потому позволял другим управлять собою до того, что не мог отличать дурных советов от хороших. Несмотря на все это, он был любезен в обращении; наружность его была приятна; им владело честолюбие, с большею примесью тщеславия.

Граф Левенволд-старший

Граф Левенволд-старший, генерал-лейтенант, полковник третьего гвардейского полка, родом лифляндец; человек, одаренный способностями, храбрый, отважный и лживый. Он любил славу своей государыни и пользовался особенною доверенностию ее величества; но русские ненавидели его за то, что он старался употреблять всюду иностранцев. Страшный игрок и вместе с тем скряга, он любил взятки; но, впрочем, был такой человек, с которым можно было советоваться.

Граф Левенволд-младший

Граф Левенволд, младший брат вышесказанного, обер-гофмаршал, был такого дурного характера, каких я встречал мало. Счастлием своим он был обязан женщи-

нам. Ничто не останавливало его в достижении его намерения, и он не пощадил бы лучшего своего друга и благодетеля, если бы видел для себя какую-либо из того пользу. Честолюбие его и тщеславие простирались до высочайшей степени. Религии в нем совсем не было, и едва ли он верил в бога; одна только корысть управляла им; он был лжив и коварен. Все вообще его ненавидели. Но вместе с сим он был ловок в обращении, хорошо служил и умел давать блестящие при дворе праздники; наконец, в нем был ум и красивая наружность.

Г е н е р а л В е й с б а х

Генерал Вейсбах, немец, недалежного ума. Он считал себя величайшим полководцем, но другие не только не говорили о сем, а напротив, имели дурное мнение как о его храбрости, так и о его опытности. Он был скуп и тяжел в обращении, а впрочем, честный человек.

Г е н е р а л Б о н

Генерал Бон, также немец, генерал от инфантерии, служил долго и порядочно знал свое дело; человек честный, но чрезвычайно робкий, если боялся навлечь на себя неудовольствие двора. В обращении он был осторожен и холоден со всеми, а с офицерами своими поступал с неизъяснимою надменностью.

Г е н е р а л Л а с с и

Генерал Ласси, генерал от инфантерии, родом ирландец, знал свое дело в совершенстве; его любили, и он был человек честный, не способный сделать ничего дурного и везде пользовался бы славою хорошего генерала.

Г р а ф М и н и х²²

Граф Миних, немец, служил генералом от артиллерии; он очень хорошо знал военное дело и был отличным инженером; но самолюбив до чрезвычайности, весьма тщеславен, а честолюбие его выходило из пределов. Он был лжив, двоедушен, казался каждому другом, а на деле не

был ни чьим; внимателен и вежлив с посторонними, он был несносен в обращении с своими подчиненными.

Г е н е р а л Г ю н т е р

Генерал Гюнтер, немец, был генералом от артиллерии; дело свое знал очень хорошо; был честный человек, надежный и постоянный друг своим друзьям, но враг непримиримый и весьма мстительный; он был умен и очень уважаем от русских.

Г е н е р а л М а т ю ш к и н

Генерал Матюшкин, генерал от инфантерии, служил очень хорошо и порядочно знал свое дело; человек добродетельный и совершенно честный.

Г р а ф Я г у ж и н с к и й

Граф Ягужинский, генерал от кавалерии и обер-шталмейстер, родом поляк и очень низкого происхождения. Пришед в Россию в молодых очень летах, он принял русскую веру и так понравился Петру I, что сей государь любил его нежно до самой своей смерти. Он не слишком много знал военное дело, да и сам не скрывал этого, но был человек умный, способный, смелый и решительный. Полюбив кого один раз, он оставался ему искренним другом, а если делался врагом, то явным. Говорили, будто он лжив, но я не заметил в нем этого порока. Решась на что-либо, он был тверд в исполнении оногo и к государям своим был весьма привязан. Но если случалось ему выпить лишний стакан вина, то он мог наделать множество глупостей; однако же после, оставив эту дурную привычку, он сделался совсем другим. Словом, это был один из способнейших людей в России.

Г е н е р а л Ч е р н ы ш е в

Генерал от инфантерии Чернышев был умен, храбр и служил хорошо; но был чрезвычайно скуп и лжив и не любил иностранцев.

Князь Юсупов

Князь Юсупов, генерал от инфантерии, татарского происхождения, родной брат которого был в то время еще магометанином; человек хороший, хорошо служивший и довольно хорошо знавший свое дело; он был покрыт ранами; любил чужеземцев, весьма привязан к своему государю,— словом, был одним из тех людей, кои идут прямою дорогою; но сильно любил пить.

Генерал Ушаков

Ушаков, генерал от инфантерии,— человек храбрый, исполненный чести, чрезвычайно привязан к своему государю; сердце у него доброе.

Граф Салтыков

Граф Салтыков, генерал от инфантерии и обер-гофмейстер,— человек весьма хороший. Он служил очень хорошо и был весьма храбр; хотя ум у него был небольшой, но он знал свое дело.

Генерал Мамонов

Мамонов, генерал от инфантерии,— человек храбрый, умный и решительный; служил хорошо и был хороший офицер; но был зол и коварен, и все его боялись.

Барон Абихсдаль

Барон Абихсдаль, обер-церемониймейстер, родом швейцарец; человек чрезвычайно умный, с большими сведениями и удивительной памяти. Он был осторожен; честный человек; любил своих друзей и не доверял тем, коих дружба казалась ему сомнительною, но предавался неограниченно тем, которых знал за честных людей и кои полагались на его доверенность. Он был очень привязан к службе своего государя и уважаем всеми. Ни о ком не говорил он дурно и поистине был таким человеком, которого называют честным и некорыстолюбивым.

Вот характеры знатнейших людей, с которыми я был знаком при русском дворе.

Теперь я скажу свое мнение о всех чужестранных министрах, кои там были в одно со мною время.

Г р а ф В р а т и с л а в с к и й

Граф Вратиславский, посол императора, происходил от одного из древнейших домов богемских. Долгое время был он министром при Ратисбонском сейме, а потом послом в Польше, откуда был перемещен в Россию по смерти графа Рабутинского. Но нельзя было выбрать человека к этому двору хуже его. Русские любят, чтобы чужестранные министры были вежливы, щедры и жили великолепно, а в графе не было ни одного из сих качеств. Хотя он и твердил о своем великолепии, но жил так, что всегда заметна была какая-то скупость. Он беспрестанно хвастался добротой своего сердца, но я не знал человека лживее его; болтун до того, что не позволял никому сказать слова и не слушал того, что ему говорили. Воспитания не имел никакого и потому обращался очень невежливо со всеми, даже с дамами. Он был очень страстен и мстителен; ума в нем было мало, а самолюбие несносное. Я не знал человека, который так легко доверял бы всякому. Словом, он скорее способен был забавлять детей сказками старух, чем быть министром, и кажется, что друзья графа Рабутинского послали его в Россию для того только, чтобы увековечить там память последнего, которого поведение и искусство были удивительны.

Б а р о н м а р д е ф е л д с к и й с т а р ш и й

Барон мардефелдский-старший был десять лет прусским полномочным министром в России; он был очень умен, рисовал отлично и очень хорошо играл на лютне и мог бы считаться любезным и приятным в обществе человеком, если бы все это не потемнялось множеством его недостатков. Душа в нем была такая корыстолюбивая, что он из денег готов был пуститься на все. Религии в нем не было никакой, и, несмотря на это, он был непримиримый враг католицизма. Мне не случалось видеть человека, который бы так был уверен в успехе всего, чего ни пожелает, и по этому легкомыслию он рассеивал такие новости, коих основанием было одно только его желание,

чтобы они были справедливы. Он был зол и лжив, не способен делать никому добра, но очень склонен наделать много зла, не только умышленно, но и потому, что управлялся во всем пристрастием. Самолюбие его было ужасно, и ему ничто не казалось хорошим, кроме того что было сделано им самим или приверженными к нему. Словом, можно сказать, что он был любезный повеса, любивший забавляться и хорошо покушать.

Барон мардефелдский младший

Барон мардефелдский, племянник и преемник вышесказанного, был человек умный, но очень злой, не имевший никакой чести. Он вел очень дурную жизнь: любил играть и проигрывал более, чем мог заплатить; не имел ни малейшей способности быть министром и обладал всеми пороками своего дяди, не имея хороших его качеств.

Лефорт

Г-н Лефорт, чрезвычайный польский посланник, родом женевец и племянник славного Лефорта, любимца Петра I. Это был весьма хороший человек, не способный ни к чему такому, что могло бы запятнать его характер. Он был совершенно бескорыстен и готов жертвовать всем для своих друзей; очень хорошо знал все, что делалось, и за все это его уважали при дворе. Но хотя он был и неглуп, но о делах говорил так дурно, как будто ни одно не бывало у него в руках. Дом его был открыт для всех, и он жил довольно хорошо.

Вестфален

Г-н Вестфален, чрезвычайный посланник датский, был умен, опытен и имел много познаний; человек очень честный, нимало не способный к дурным каким делам и очень привязанный к службе своего государя; но самолюбие и тщеславие его были несносны. Беспрестанно занятый величеством своего короля, он думал, что все государи должны уступать его государю. Он обсуживал все и выводил важные заключения из пустяков, случавшихся при дворе или между дипломатическим корпусом. Он жил

очень уединенно и редко ездил на чужие обеды, для того чтобы не быть принужденным звать к себе других.

Барон Цедеркрейц

Барон Цедеркрейц, чрезвычайный посланник шведский, был очень красивый мужчина. Он следовал за Карлом XII во всех его походах, был честный человек и любил своих друзей, но был недалекого ума и легко позволял себя обманывать. Жена его, которая управляла им совершенно, была коварна, тщеславна и скупа.

Дитмар

Г-н Дитмар, преемник Цедеркрейца, человек был неглупый и хороший; был несловоохотен, знал хорошо русский язык, и его любили все.

Барон Стамбкен

Барон Стамбкен, посланник голштинский, был человек весьма рассудительный, писал удивительно хорошо, но говорил дурно. Он был осторожен, учен и скромн; служил хорошо своему государю, жил благородно и напивался каждый день. Впрочем, он любил своих друзей и был не способен сделать что-либо дурное.

Граф Бонде

Граф Бонде, преемник вышесказанного, был такой глупец, каких я встречал редко: невежда, тяжел в обращении, надоедавший своими вопросами и со всем тем думавший, что в нем много ума. Он был зол и скуп, так что из денег готов был сделать всякую подлость, — словом, это был человек без всяких достоинств.

Генерал Тессин

Генерал Тессин, также министр голштинский, очень отличался от своего товарища — в нем было много ума. Получив хорошее воспитание, он был любезен, весел,

очень откровенен и не способен ни к какой подлости — словом, человек совершенный во всех отношениях и хороший министр.

Д е д ь е

Г-н Дедье, чрезвычайный посланник голландский, не имея ни способностей, ни ума, ни достоинства, был невежда, дурно воспитан, тяжел в обращении и настоящий голландец.

Б а р о н А с с е б у р г

Барон Ассебург, посланник волфенбюттельский, — молодой человек знатного происхождения — был умен, осторожен, скромен и исполнен чести и добрых качеств и притом любезен в обращении и умел быть хорошим другом.

Б а р о н К р а м

Барон Крам, посланник бланкенбургский, походил на обезьяну и был настоящий педант; всегда погруженный в политику, он каждый день ходил по министрам, чтобы думали, что он трактует о делах. Он был неглуп, но лжив, хотя почти плакал о всякой безделице. Он считал себя за величайшего министра в Европе, хотя мог быть только хорошим школьным учителем.

Б а р о н О с т е р м а н

Барон Остерман, посланник мекленбургский и брат вице-канцлера, был величайший глупец, но, несмотря на это, считал себя человеком с величайшими способностями. Он всегда говорил загадками; жил очень уединенно, и его никто не уважал.

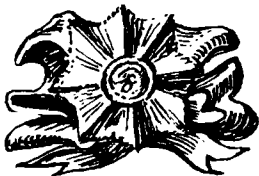
Г о г е н ц о л л е р н

Г-н Гогенцоллерн, резидент императорский, был человек честный, добросердечный, но глупый, не знавший

ничего, и пьяница. Но, несмотря на это, он хорошо знал русскую землю.

В и л д е

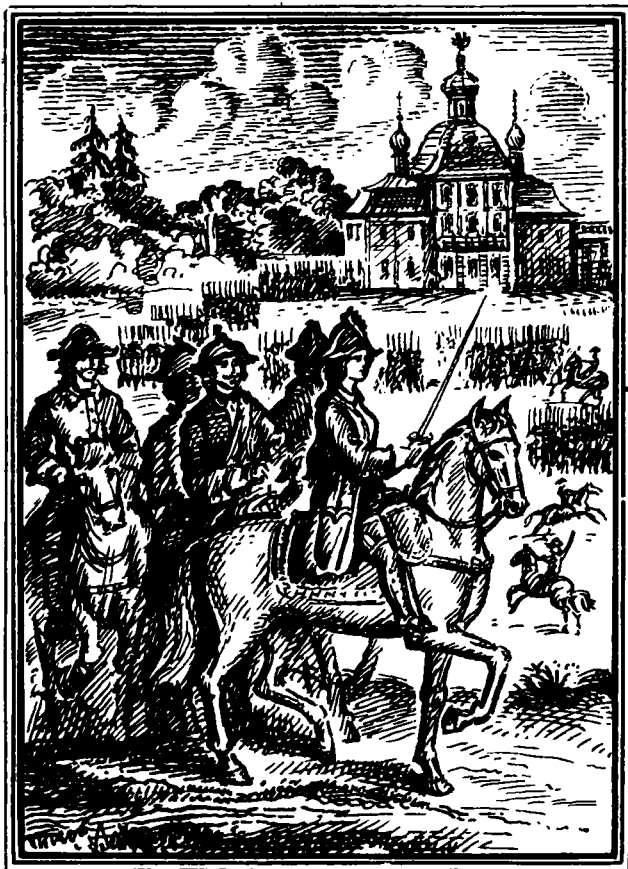
Г-н Вилде, резидент голландский, из амстердамских купцов, не имел ни ума, ни достоинства и скорее был купцом, нежели министром. Вместе с сим он был скуп и служил посмешищем для двора, так же как и его жена, которая прежде была у него кухаркою.

К.-К. РЮЛЬЕР

ИСТОРИЯ
И
АНЕКДОТЫ
РЕВОЛЮЦИИ
В РОССИИ
В
1762 г.

Я

был свидетелем революции, низложившей с российского престола внука Петра Великого, чтобы возвести на оный чужеземку. Я видел, как сия государыня, убежав тайно из дворца, в тот же день овладела жизнью и царством своего мужа. Мне были известны все лица сей ужасной сцены, где в предстоящей опасности развернулись все силы смелости и дарований, и, не принимая

никакого личного участия в сем происшествии, путешествуя, чтобы познать различные образы правления, я почитал себя счастливым, что имел пред глазами одно из тех редких происшествий, которые изображают народный характер и возводят дотоле не известных людей. В повествовании моем найдутся некоторые анекдоты, несоответственные важности предмета, но я и не думаю рассказывать одинаковым языком о любовных хитростях молодых женщин и о государственном возмущении. Трагический автор повествует с одинакою важностию о великих происшествиях и живописует натуру во всем ее совершенстве. Мой предмет другого рода, и картина великих происшествий будет снята с подлинной природы.

Наперед надобно изложить, откуда проистекала та непримиримая ненависть между императором и его супругою, и тогда обнаружится, какими честолюбивыми замыслами достигла сия государыня до самого насильственного престола.

Великая княгиня Екатерина Ангальт-Цербстская, принцесса Августа Софья Фредерика, родилась в Штеттине 21 апреля 1729 г<ода>. Отец ее, Христиан Август,

князь Ангальт-Цербстский, служил в армии короля прусского генерал-фельдмаршалом и был губернатором Штеттина. По избрании ее в невесты наследнику российского престола Петру Федоровичу она прибыла с матерью своею, княгинею Иоганною, в начале 1744 года в Москву, где тогда находилась императрица Елисавета с двором своим. 28 июня того же года она приняла греко-российскую веру и наречена великою княжною Екатериною Алексеевною¹, а на другой день обручена со своим женихом. Бракосочетание их совершилось 21 августа 1745 года.

В первые свои годы она жила не в великом изобилии. Ее отец — владелец небольшой земли, генерал в службе короля прусского — жил в крепости, где была она воспитана среди почестей одного гарнизона, и если мать ее являлась иногда с нею ко двору, чтобы обратить некоторое внимание королевской фамилии, то там едва замечали ее в толпе придворных.

Великий князь Петр Федорович², с коим она была в близком родстве, по разным политическим переворотам призван был из Голштинии в Россию, как ближайший наследник престола, и когда принцессы знатнейших европейских домов отказались соединить судьбу свою с наследником столь сильно потрясаемого царства, тогда избрали Екатерину в супружество. Сами родители принудили ее оставить ту религию, в которой она воспитана, чтобы принять греко-российскую, и в условии было сказано, что если государь умрет бездетен от сего брака, то супруга его непременно наследует престолом.

Сама натура, казалось, образовала ее для высочайшей степени. Наружный вид ее предсказывал то, чего от нее ожидать долженствовали, и здесь, может быть, не без удовольствия (не входя в дальнейшие подробности) всякий увидит очертание сей знаменитой женщины.

Приятный и благородный стан, гордая поступь, прелестные черты лица и осанка, повелительный взгляд — все возвещало в ней великий характер. Возвышенная шея, особенно со стороны, образует отличительную красоту, которую она движением головы тщательно обнаруживала. Большое открытое чело и римский нос, розовые губы, прекрасный ряд зубов, нетучный, большой и несколько раздвоенный подбородок. Волосы каштанового цвета отличительной красоты, черные брови и... прелестные глаза, в коих отражение света производило голубые оттенки, и кожа ослепительной белизны. Гордость составляет отличительную черту ее физиономии.

Замечательные в ней приятность и доброта для пронизательных глаз суть не иное что, как действие особенного желания нравиться, и очаровательная речь ее ясно открывает опасные ее намерения. Живописец, желая изобразить сей характер, аллегорически представил ее в образе прелестной нимфы, представляющей одной рукою цветочные цепи, а в другой скрывающей позади себя зажженный факел.

Став супругою великого князя на 16-м году возраста, она уже чувствовала, что будет управлять владениями своего мужа. Поверхность, которую она без труда приобрела над ним, служила к тому простым средством, как действие ее прелестей, и честолюбие ее долго сим ограничивалось. Ночи, которые проводили они всегда вместе, казалось, не удовлетворяли их чувствам; всякий день скрывались они от глаз по несколько часов, и империя ожидала рождения второго наследника, не воображая в себе, что между молодыми супругами сие время было употребляемо единственно на прусскую экзерцицию, или стоя на часах с ружьем на плече.

Долго спустя великая княгиня, рассказывая сии подробности, прибавляла: «Мне казалось, что я годилась для чего-нибудь другого». Но сохраняя в тайне странные удовольствия своего мужа и тем ему угождая, она им управляла, во всяком случае, она тщательно сокрывала сии нелепости и, надеясь царствовать посредством его, боялась, чтобы его не признали недостойным престола.

Подобные забавы не обещали империи наследственной линии, а императрица Елисавета непременно хотела ее иметь для собственной своей безопасности. Она содержала в тюрьме малолетнего несчастливца, известного под именем Иоанна Антоновича, которого на втором году младенчества, свергнув с престола, беспрестанно перевозила из края в край империи, из крепости в крепость, дабы его участники, если таковые были, не могли никогда узнать о месте его заточения. Елисавета тем более достойна хвалы, что даровала ему жизнь; и зная, как легко производится революция в России, она никогда не полагалась на безопасность носимой ею короны. Она не смела ложиться до рассвета, ибо заговор возвел ее самую на престол во время ночи. Она так боялась ночного нападения, что тщательно приказала отыскать во всем государстве человека, который бы имел тончайший сон, и этот человек, который, по счастью, был безобразен, проводил в комнате императрицы все время, в которое она спала. При таком-то страхе оставила она жизнь тому человеку,

который был причиною оною. Даже родители были с ним неразлучны, и слух носился, что в темнице своей, к утешению или, может быть, к несчастью, они имели многих детей, опасных совместников, ибо они были старшая отрасль царского дома. Вернейшая против них предосторожность состояла в том, чтобы показать народу ряд других наследников; сего-то и недоставало; уже прошло 8 лет, и хотя природа не лишила великого князя всей чувствительности, но опытные люди неоспоримо доказывали, что нельзя было надеяться от него сей наследственной линии.

Придворный молодой человек, граф Салтыков, прекрасной наружности и недалёкого ума, избран был в любовники великой княгини. Великому канцлеру российскому Бестужеву-Рюмину³ поручено было ее в том предупредить. Она негодовала, угрожала, ссылаясь на ту статью свадебного договора, которою, за неимением детей, обещан был ей престол. Но когда он внушил ей, что препоручение сие делается со стороны тех, кому она намерена жаловаться, когда он представил, каким опасностям подвергает она империю, если не примет сей предосторожности, какие меры, более или менее пагубные, могут быть приняты против нее самой в намерении предупредить сей опасности, тогда она отвечала: «Я вас понимаю, приводите его сего же вечера».

Как скоро открылась беременность, императрица Елисавета приказала дать молодому россиянину поручение в чужих краях. Великая княгиня плакала и старалась утешить себя новым выбором. Но наследство казалось несомнительным, новые выборы не нравились. За поведением ее присматривали с такою строгостию, которая не согласовалась ни с принятыми нравами, ни с личным поведением Елисаветы. В самом деле, хотя русские дамы недавно появились в обществе, хотя еще в конце прошедшего столетия они жили в заключении и почитаемы были за ничто в домашней жизни, но так как обычай совершенно запирает и приставляет к ним евнухов не был в сей земле в употреблении, отчего происходило, что женщины, заключенные посреди рабов, предавались совершенному разврату. И когда Петр Первый составил в России общества, то он преобразовал наружную суровость нравов, уже весьма развращенных.

Казалось, что последние императрицы нимало не потратили славы своего царствования, избирая довольное число фаворитов из всех состояний своих подданных, даже рабов. В настоящем царствовании юный любимец Ра-

зумовский управлял империею, между тем как простой казак граф Алексей Григорьевич Разумовский⁴, коего прежняя должность была играть на фаготе в придворной капелле, достиг до тайного брака с императрицею. Таковой брак нимало не удивителен в той стране, где государи за несколько пред сим лет без разбора соединялись с последними фамилиями своих подданных; но теперь особенная причина не дозволяла сей государыне обнародовать. Елисавета дала себе священный обет оставить корону своему племяннику от старшей сестры, и от хранения сего обета, коего она не забывала при всех своих слабостях, произошло то странное поведение, что она имела явно любовников и втайне мужа. Еще чаще открывались столь большие состояния у людей, не имевших никакой другой заслуги, кроме минутного угождения императрице.

Но, по тайной зависти или по убеждению совести, на которой лежали первые проступки великой княгини, сия последняя находила препятствия при всяком выборе, который она делала. Низкое происхождение (ибо она искала и в сем классе) не скрывало их от ужасной в сей стране ссылки.

Она была в отчаянии, когда судьба привела в Россию кавалера Виллиамса, английского посланника, человека пылкого воображения и пленительного красноречия, который осмеливался ей сказать, что «кротость есть достоинство жертв, ничтожные хитрости и скрытый гнев не стоят ни ее звания, ни ее дарований; поелику большая часть людей слабы, то решительные из них одерживают первенство; разорвав узы принужденности, объявив свободно людей, достойных своей благосклонности, и показав, что она приемлет за личное оскорбление все, что против них предпримут, она будет жить по своей воле». Вследствие сего разговора он представил ей молодого поляка, бывшего в его свите.

Граф Понятовский⁵ свел в Польше искренние связи с сим посланником, и так как один был прекрасной наружности, а другой крайне развратен, то связь сия была предметом злословия.

Может быть, такие подробности не относятся до моей истории, но поелику Понятовский сделался королем, то всегда приятно видеть, какие пути ведут к престолу. В родстве по матери с сильнейшею в Польше фамилией, он сопутствовал кавалеру Виллиамсу в Россию, в намерении видеть двор, столь любопытный для двора варшавского, и, будучи известен своею ловкостью, чтобы полу-

чить сведения в делах, он исправлял должность секретаря посольства. Сему-то иноземцу, после тайного свидания, где великая княгиня была переодета, изъявила она всю свою благосклонность. Понятовский, съездив на свою родину, вскоре возвратился в качестве министра и тем несколько сблизился со своею любезною. Важность сего звания давала ему полную свободу, а неприкосновенность его особы доставляла его смелости священное покровительство народного права.

Великий князь, сколь ни был жалок, однако не позволил более жене управлять собою и чрез то всего лишился. Предоставленный самому себе, он явился глазам света в настоящем своем виде. Никогда счастье не благоприятствовало столько наследнику престола. С юных лет, обладателем Голштинии, он мог еще выбирать одну из двух соседственных корон. Известно, что герцоги голштинские долгое время были угнетаемы Даниею, где царствовала старшая отрасль их фамилии; сильнейшие державы Севера принимали участие в их вражде; сии герцоги, руководствуясь всегда одною политикою, брали себе в супружество принцесс шведского и российского домов и наконец восходили на тот или на другой престол. Оба сии престола предлагаемы были великому князю Петру, который, соединяя в себе кровь Карла XII и Петра I, в одно и то же время избран был народом на шведский и призван был императрицею, как наследник, на российский престол. Избирая царство по особенной благосклонности, он предоставил шведскую корону своему дяде, так что дом его, занимая ныне все престолы Севера, одолжен ему своею славою; но жестокая игра судьбы, которая, казалось, в продолжение двух веков приготавливала ему славу, произвела его совершенно ее недостойным.

Чтобы судить о его характере, надобно знать, что воспитание его вверено было двоим наставникам редкого достоинства; но их ошибка состояла в том, что они руководствовали его по образцам великим, имея более в виду его породу, нежели дарования. Когда привезли его в Россию, сии наставники, для такого двора слишком строгие, внушили опасение к тому воспитанию, которое продолжали ему давать. Юный князь взят был от них и вверен подлым развратителям, но первые основания, глубоко вкоренившиеся в его сердце, произвели странное соединение добрых намерений, под смешными видами, и нелепых затей, направленных к великим предметам. Воспитанный в ужасах рабства, в любви к равенству, в стремлении к героизму, он страстно привязался к сим благородным идеям, но

мешал великое с малым и, подражая героям — своим предкам, по слабости своих дарований, оставался в детской мечтательности. Он утешался низкими должностями солдат, потому что Петр I проходил по всем степеням военной службы, и, следуя сей высокой мысли, столь удивительной в монархе, который успехи своего образования ведет по степеням возвышения, он хвалился в придворных концертах, что служил некогда музыкантом и сделался по достоинству первым скрипачом. Беспредельная страсть к военной службе не оставляла его во всю жизнь; любимое занятие состояло в экзерциции, и чтобы доставить ему это удовольствие, не раздражая российских полков, ему предоставили несчастных голштинских солдат, которых он был государем. Его наружность, от природы смешная, делалась таковою еще более в искаженном прусском наряде; штиблеты стягивал он всегда столь крепко, что не мог сгибать колен и принужден был садиться и ходить с вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное лицо довольно живой физиономии, которую он еще более безобразил беспрестанным кривлянием для своего удовольствия. Однако он имел несколько живой ум и отличительную способность к шутовству. Один поступок обнаружил его совершенно. Без причины обидел он придворного и как скоро почувствовал свою несправедливость, то в удовлетворение предложил ему дуэль. Неизвестно, какое было намерение придворного, человека искусного и ловкого, но оба они отправились в лес и, направив свои шпаги на десяти шагах один от другого, не сходя с места, стучали большими своими сапогами. Вдруг князь остановился, говоря: «Жаль, если столь храбрые, как мы, переколемся. Поцелуемся». Во взаимных учтивостях они возвращались ко дворцу, как вдруг придворный, приметив много людей, поспешно вскричал: «Ах, ваше высочество, вы ранены в руку. Берегитесь, чтобы не увидели кровь!» — и бросился завязывать оную платком. Великий князь, вообразив, что этот человек почитает его действительно раненым, не уверял его в противном, хвалился своим геройством, терпением и, чтобы доказать свое великодушие, принял его в особенную милость.

Не мудрено, что льстецы легко овладели таким князем. Между придворными девицами скоро нашел он себе фаворитку — Елисавету Романовну Воронцову⁶, во всем себя достойную. Но удивительно, что первый его любимец и адъютант Гудович Андрей Васильич⁷, к которому он питал неизменное чувство дружбы, был достопочтенный молодой человек и прямо ему предан.

Итак, союз супружества, видимо, начал разделяться, когда граф Понятовский в одном загородном доме, идучи прямо к великой княгине, без всякой побудительной причины быть в том месте, попался в руки мужа. Понятовский, министр иностранного двора, в предстоящей опасности противопоставлял права своего звания, и великий князь, видя, что таковое происшествие принесет бесславие обоим дворам, не смел ничего решить сам собою, а приказал посадить его под караул и отправил курьера к управляющему тогда империей любимцу. Великая княгиня, не теряя присутствия духа, пошла к мужу, решительно во всем призналась и представила, сколь неприятно, а может быть, и губительно будет для него самого разглашать о таком приключении. Она оправдывалась, упрекая его в любви к другой, что было всем известно, и обещалась впредь обходиться с этою девицею со всею внимательностью, в которой она, по гордости своей, до сих пор ей отказывала. Но так как все доходы великого князя употребляемы были на солдат и ему недоставало средств, чтобы увеличить состояние своей любовницы, то она, обращаясь к ней, обещала давать ей ежегодное жалованье. Великий князь, удивляясь влиянию, которого она еще на него не имела, и убеждаемый в то же время просьбами своей любезной, смотрел сквозь пальцы на бегство Понятовского и сам старался загладить стыд, который хотел причинить.

Случай, долженствовавший погубить великую княгиню, доставил ей большую безопасность и способ держать на своем жалованье и самую любовницу своего мужа; она сделалась отважнѣе на новые замыслы и начала обнаруживать всю нелепость своего мужа столь же тщательно, сколь сперва старалась ее таить. Она совершенно переменяла систему, и в будущем, избрав своего сына орудием своего честолюбия, она вознамерилась доставить ему корону и пользоваться правом регентства — начертание благоразумное и в совершенной точности сообразное с законами империи. Но надлежало, чтобы сама Елисавета отрешила своего племянника. Государыня кроткая, нерешительная, суеверная, которая, подписывая однажды мирный договор с иностранным двором, не dokonчила подписи, потому что шмель сел ей на перо, в племяннике своем она уважала те же права, какими воспользовалась сама. Оставалось одно средство... при кончине ее подменить завещание, — средство, которому бывали примеры и между монархами и по которому Адриан наследовал Траяну.

Между тем как замышляли сию хитрость, переворот в общих делах Европы похитил у великой княгини нужного ей поверенного — великого канцлера Бестужева, которого перемена придворных связей лишила места. Его отдаление влекло за собой и графа Понятовского, которого отозвали к своему королю, и великая княгиня с чувством глубочайшей горести у ног императрицы тщетно умоляла ее, со слезами, возвратить ей графа, на которого сама Елисавета взирала с беспокойною завистью, и начала жить при дворе, как в пустыне.

Таким образом она провела несколько лет, имея известные связи только с молодыми женщинами, которые так же, как и она, любили поляков и были худо приняты при большом дворе за юные свои прелести; она вставала всегда на рассвете и целые дни просиживала за чтением полезных французских книг, часто в уединении и не теля никогда времени ни за столом, ни за туалетом. В сие-то время положила она основание будущему своему величию. Она признавалась, что уроками всей своей тонкости обязана была одной из своих дам, простой и не замечательной наружности. В сие-то время заготовила она на нужный случай друзей; значительные особы убеждались по тайным с нею связям, что они были бы гораздо важнее во время ее правления; и поелику под завесою злополучной страсти происходили некоторые утешительные свидания, то многим показалось, что при ее дворе они вошли бы в особенную к ней милость. Таково было ее положение, когда скончалась императрица Елисавета 5 января 1762 г<ода>.

Оставляя до времени исполнение великих предначертаний, она старалась в сию минуту еще раз получить свою власть кротчайшими средствами.

Министры, духовник, любимец, слуги — все внушали умирающей императрице желание примирить великого князя с женою. Намерение увенчалось успехом, и наследник престола в настоящих хлопотах, казалось, возвратил ей прежнюю свою доверенность. Она убедила его, чтобы не гвардейские полки провозглашали его, говоря, что в сем обыкновении видимо древнее варварство и для нынешних россиян гораздо почтеннее, если новый государь признан будет в Сенате.

<...> Министры были на ее стороне, сенаторы предупреждены. Она сочинила речь, которую ему надлежало произнести. Но едва скончалась Елисавета, император, в восторге радости, немедленно явился гвардии и, ободренный восклицаниями, деспотически приняв полную власть,

опроверг все противопологаемые ему препятствия. Уничтожив навсегда влияние жены, каждый день вооружался против нее новым гневом, почти отвергал своего сына, не признавая его своим наследником, и принудил таким образом Екатерину прибегнуть к посредству своей отважности и друзей.

Петр III начал свое царствование манифестом, в котором полную деспотическую властью дарил российское дворянство правами свободных народов; и как будто в самом деле права народные зависели от подобных жертвований, сей манифест произвел восторги столь беспредельной радости, что легковерная нация предположила вылить в честь его золотую статую. Но сия свобода, которую на первый раз понимали только по имени и которой права не способен был постановить подобный государь, была не что иное, как минутная мечта. Воля самодержца без всякой формы не переставала быть единственным законом, и народ, неосновательно мечтавший о каком-то благе, но его не понимающий, огорчился, видя себя обманутым.

Художник, долженствовавший вырезать новые монеты, представил рисунок императору. Сохраняя главные черты его лица, старались их облагородствовать. Лавровая ветвь небрежно украшала длинные локоны распущенных волос. Он, бросив рисунок, вскричал: «Я буду похож на французского короля!» Он хотел непременно видеть себя во всем натуральном безобразии, в солдатской прическе и столь неприличном величию престола образе, что сии монеты сделались предметом посмеяния и, расходясь по всей империи, произвели первый подрыв народного почтения.

В то же время он возвратил из Сибири толпу тех несчастных, которыми в продолжение стольких лет старались населить ее пустыни, и его двор представлял то редкое зрелище, которого, может быть, потомство никогда не увидит.

Там показался Бирон, бывший некогда служитель герцогини курляндской, приехавший с нею в Россию, когда призвали ее на царство, и, как любимец государыни, достигший до ее самовластия; но, восходя столь скромным путем, он управлял железным скипетром и в девять лет своего правления умертвил одиннадцать тысяч человек.

Сие ужасное владычество было в самую блистательную эпоху, ибо все государственные части, чины и должности находились тогда в руках знаменитых инозем-

цев, которых Петр I избирал во время своих путешествий. Долговременные занятия возвели их на главные места во всех заведениях, и Бирон, такой же иноземец, удерживая их честолюбие под игом строгости, подчинил их власти всю российскую нацию. Насильственно сделавшись обладателем Курляндии, где дворянство за несколько пред сим лет не хотело принять его в свое сословие, он вознамерился сделаться правителем Российской Империи с неограниченною властью. Его возлюбленная, избрав при смерти своим наследником ребенка нескольких недель, говорила ему со слезами: «Бирон, ты пропадешь!» — и не имела духа отказать ему. На сей раз все было предусмотрено. Он незадолго перед сим тирански погубил всех тех ссыльных, которые были для него опасны, дабы, приняв бразды правления, безбедно явить себя милосердным. В жертву народной ненависти приказал он казнить одного из своих приверженцев, заткнув ему рот и обвинив его во всех мерзостях, учиненных в сие царствование. Он хотел присвоить себе корону, но погиб при первом заговоре. Три недели верховной власти стоили ему двадцатилетней ссылки. Он возвратился оттуда под старость лет, не потеряв ни прежней красоты, ни силы, ни черт лица, которые были грубы и суровы. В летние ночи уединенно прогуливался он по улицам города, где он царствовал и где все, что ни встречалось, вопило к нему за кровь брата или друга. Он мечтал еще возвратиться обладателем в свое отечество, и когда Петр III свержен был с престола, Бирон говорил, что снисходительность была важнейшею ошибкою сего государя и что русскими должно повелевать не иначе, как кнутом или топором.

Тут явился низложивший Бирона фельдмаршал Миних, дворянин графства Ольденбургского, бывший поручик инфантерии в армиях Евгения и Марембурго⁸, и, обоими уважаемый, он сделался простым инженером, когда на досуге зимних квартир попало ему <несколько> разбитых, изорванных листов негодной французской геометрии; превзошед дарованиями всех отличных людей, с которыми Петр Великий привлек его на свою сторону, он прославился в России проведением канала, соединяющего Петербург с древнею столицею, и известен в Европе победами, одержимыми им над поляками, татарами и турками.

По взятии города Данцига, откуда осажденный им король Станислав успел убежать, Бирон-правитель, упрекая его в сей оплошности, приказал судить его тайным государственным судом.

Миних, оправданный, не забыл сего зла и через 8 лет, когда родители Иоанна предложили ему вступить в заговор против регента Бирона, в ответ взял у них стражу, вошел во дворец и приказал его связать. Звание сие возложил он на мать императора и под именем ее управлял несколько времени империею; но, будучи ненавидим сею высокомерною женщиною, он удалился со славою и жил в уединении и с достоинством. Сие, однако ж, не избавило его от ареста и суда вместе с прежнею министериею, когда получила престол Елисавета; спокойно вошел он на эшафот, где надлежало рубить его на части, и с тем же лицом получил себе прощение. Сосланный в Сибирь и хранимый пред глазами в уединенном домике посреди болота, его угрозы, а иногда одно имя заставляло еще трепетать правителей соседних сторон, и искусство, которому он был обязан первым своим возвышением, сделалось утехою долговременного его уединения. На 82-м году возвратился он из ссылки с редкою в таких летах бодростию, не зная, что у него был сын, и тридцать три человека его потомства выступили к нему навстречу с распростертыми объятиями; при таком свидании тот, которого не трогали тление, перевороты счастья, к удивлению своему, плакал.

С того времени как Миних связал Бирона, оспаривая у него верховную власть, в первый раз увиделись они в веселой и шумной толпе, окружавшей Петра III, и государь, созвав их, убеждал выпить вместе. Он приказал принести три стакана, и, между тем как он держал свой, ему сказали нечто на ухо; он выслушал, выпил и тотчас побежал куда следовало. Долговременные враги остались один против другого со стаканами в руках, не говоря ни слова, устремив глаза в ту сторону, куда скрылся император, и думая, что он о них забыл, пристально смотрели друг на друга, измеряли себя глазами и, отдав обратно полные стаканы, обратились друг к другу спиною.

Недалеко от них стоял Лесток, низложивший правительницу и возведший на престол Елисавету. Лесток, уроженец ганноверский, обучаясь хирургии в Париже, попал в Бастилию, потом приехал в Россию искать своего счастья и скоро очутился в Сибири. По возвращении из первой ссылки он сделался хирургом великой княгини Елисаветы, которой, представив права ее на трон, в продолжение года ревностно трудился в заговоре, привлек один на свою сторону Швецию и Францию, и, видя его открытым, между тем как Елисавета в столь очевидной

опасности не находила другого средства, как отказаться от всех своих предприятий, он нарисовал великую княгиню на карте с обритою головою и себя на колесе, а на другой стороне — ее на престоле, а себя у подножия, украшенного лентою, и, показывая ей ту и другую сторону, сказал: «Сего же вечера одно, или завтра другое». В ту же самую ночь он повел ее во дворец с сотнею старых солдат, которые служили Петру I, ее родителю. Они достигли первой караульни, где ударили тревогу, но Лесток или великая княгиня порвала ножом кожу на барабане — присутствие духа, за честь которого они всегда спорили. Стража, охранявшая комнату бывшего в колыбели императора, остановила Елисавету и приставила к груди штык. Лесток вскричал: «Несчастный, что ты делаешь? Проси помилования у своей императрицы!» — и часовой повергся к ногам. Таким образом возведя на престол великую княгиню, руководимый беспокойным своим гением и затевая всегда новые связи с иностранными державами, он скоро погиб от министров. По возвращении его, когда заговор императрицы Екатерины увенчался успехом, он неутешно сокрушался о том, что в его время была революция без его участия, и со злобною радостью замечал ошибки неопытных заговорщиков.

Таким образом, всякий день являлись замеченные, по крайней мере, по долговременным несчастьям лица, и двор Петра III пополнялся числом людей, одолженных ему более, нежели жизнью; но в то же время возрождались в нем и прежние вражды, и несовместные выгоды. Потеряв все во время несчастья, сии страдальцы требовали возвращения своих имуществ; им показывали огромные магазины, где, по обыкновению сей земли, хранились отобранные у них вещи, — печальные остатки разрушенного благосостояния, — где по порядку времени представлялись обломки сих знаменитых кораблекрушений. В пыли искали они драгоценных своих приборов, бриллиантовых знаков отличия, даров, какими сами цари платили некогда им за верность, и часто после бесполезных исканий они узнавали их у любимцев последнего царствования.

Петр III клонился к своему падению поступками, в основании своем добрыми; они были ему губительны по его безвременной торопливости и впоследствии совершены с успехом и славою его супругою. Так, например, бесполезно было для блага государства отнять у духовенства несметные богатства, и Екатерина, по смерти его привлекая на свою сторону некоторых главнейших и

одарив их особенными пансионами более, нежели чего лишила, без труда выполнила сию опасную новизну. Но Петр III своенравием чистого деспотизма, приказав сие исполнить, возмутил суеверный народ и духовенство, коего главные имущества состояли в крепостных крестьянах, возбуждали их к мятежу и льстили их молитвами и отпущениями грехов.

Доверенность, которую приобрела сия государыня в Европе, и силу в соседственных державах основала она на союзе с королем прусским, и сей самый союз, предмет и цель ее мужа, возбудил против него справедливое негодование. Действительно, в то время как Россия, союзница сильнейших держав, вела с ним кровопролитную и упорную войну, Петр, исполненный глупой страсти к героизму, тайно принял чин полковника в его службе и изменял для него союзным планам. Как скоро сделался он императором, то явно называл его: «Король мой государь!» — и сей герой в роковую минуту, в которую, казалось, никакие силы удивительного его гения не в состоянии были отворотить предстоявшей ему гибели, с сим счастливым переворотом вдруг увидел себя в наилучшем положении, победители его, русские, переходили в его армию, и он в награду почтил императора чином своего генерала. Но русская нация, повинувшись, негодовала, что должна еще проливать кровь, чтобы возвратить свои победы, и, в долговременном навыке питая ненависть к имени прусскому, видела в своем государе союзника своему врагу.

Петр, усугубляя беспрестанно таковые же неудовольствия, прислал в Сенат новые свои законы, известные под именем Кодекса Фридерикова, кои король прусский сочинял для своего государства. Был приказ руководствоваться ими во всей России. Но по невежеству переводчиков или по необразованности русского языка, бедного выражениями в юридических понятиях, ни один сенатор не понимал сего творения, и русские в тщательном опыте сем видели только явное презрение к своим обыкновениям и слепую привязанность к чужеземным правам. В народе, не имевшем благоразумных законов, в народе, у коего узаконенная форма уголовных следствий допускала бить обвиняемого, пока не признается в своем преступлении, и если упорно отрекался, то бить обвинителя, пока не сознается в лжесвидетельстве, — в таком, говорю, народе нельзя сказать, чтоб подобная привязанность не была полезна. Без сомнения обязанность монарха — извлечь его из такого варварства; и поелику столь неосторо-

жно предприняты им планы были, а потом благоразумно выполнены его супругою, то надобно думать, что они были предначертаны с общего согласия в счастливых минутах их супружества. Оставляем политикам труд сравнивать два столь несходные, хотя на одинаких основаниях, правления, замечать, как сия государыня, истребляя все русские обычаи, умела искусно заставить забыть, что она иностранка; и наконец, исследовать, не облегчились ли для его наследницы способы исполнения тех же самых начертаний, которые совсем не удались императору и стоили ему жизни после всех его усилий.

Негодование скоро овладело гвардейскими полками, истинными располагателями престола.

Сии войска, привыкшие с давних лет к покойной службе при дворе, в царствование по наследственному праву женщин, получили приказ следовать за государем на отдаленную войну и, с сожалением оставляя столицу, против воли приготавливались в поход. Минута, близкая к мятежу и всегда благоприятная тому, кто хочет поднять в войске знамя бунта. Император вел их в Голштинию, желая воспользоваться могуществом, отмстить обиды, нанесенные предкам его Даниею, и возвратить прежнему своему участку все отнятые у него земли и независимость. Самая лестная цель сего похода долженствовала быть — свидание на пути с королем прусским; место было назначено.

Все опасались, чтобы герой, имевший такую власть над исступленным своим почитателем, не потребовал от него при первом случае новой армии из сотни тысяч русских, и целая Европа, внимательно наблюдая сие происшествие, опасалась революции.

Однако в городе думали только о праздниках. Торжество мира происходило при военных приготовлениях. Нестовая радость наполняла царские чертоги, и так как близок был день отъезда в армию, то двор при прощании своем не пропустил ни одного дня без удовольствий. Праздность, веселость и развлечения составляют свойство русского народа, и хотя кротость последнего царствования сообщила некоторую образованность умам и благопристойность нравам, но двор еще помнил грубое удовольствие, когда праздновалась свадьба шута и козы. Итак, вид и обращение народное представляли шумные пиршества, и полугодичное царствование сие было беспрерывным празднеством. Прелестные женщины разоряли себя английским пивом и, сидя в табачном чаду, не имели позволения отлучаться к себе ни на одну минуту

в сутки. Истошив свои силы от движения и бодрствования, они кидались на софы и засыпали среди сих шумных радостей. Комедиантки и танцовщицы, совершенно посторонние, нередко допускались на публичные праздники, и когда придворные дамы посредством любимицы жаловались на сие императору, он отвечал, что между женщинами нет чинов.

В шуму праздников и даже в самом коротком обхождении с русскими он явно обнаруживал к ним свое презрение беспрестанными насмешками. Чудное соединение справедливости и закоренелого зла, величия и глупости видимо было при дворе его. Двое из ближайших к нему любимцев, обещав за деньги ходатайствовать у него, были жестоко биты из собственных его рук; он отнял у них деньги и продолжал обходиться с ними с прежнею милостию. Иностранец доносил ему о некоторых возмутительных словах, он отвечал, что ненавидит доносчиков, и приказал его наказать. За придворными пиршествами следовали ужасные экзерциции, которыми он изнурял солдат. Его страсть к военной тактике не знала никакой меры; он желал, чтобы непрерывный пушечный гром представлял ему наперед военные действия, и мирная столица уподоблялась осажденному городу. Он приказал однажды сделать залп из ста осадных орудий, и дабы отклонить его от сей забавы, надлежало ему представить, что он разрушил город. Часто, выскочив из-за стола со стаканом в руке, он бросался на колени пред престолом короля прусского и кричал: «Любезный брат, мы покорим с тобою всю вселенную!» Посланника его он принял к себе в особенную милость и хотел, чтобы он до отъезда в поход пользовался при дворе благосклонностию всех молодых женщин. Он запирали его с ними и с обнаженною шпагою становился на караул у дверей; и когда в такое время явился к нему великий государственный канцлер с делами, тогда он сказал ему: «Отдавайте свой отчет принцу Георгу, вы видите, что я солдат». Принц Георг голштинского дома был ему дядя, служивший генерал-лейтенантом у короля прусского; ему-то он иногда говорил публично: «Дядюшка, ты плохой генерал, король выключил тебя из службы». Как ни презрительно было таковое к нему чувство, он поверял, однако, все сему принцу по родственной любви к своей фамилии. В то время, когда уже был лишен престола, он хотел сделать его обладателем, принудив Бирона уступить ему так называемые права свои на герцогство Курляндское, и еще с самого начала своего царствования, некстати повинуюсь сему род-

ственным чувствованию, к сожалению всех русских, он вызвал к себе всех принцев и принцесс всего многочисленного дома.

Взоры всех обратились на императрицу, но сия государыня, по-видимому, уединенная и спокойная, не внушала никакого подозрения. Во время похорон покойной императрицы она приобрела любовь народа примерною набожностью и ревностным хранением обрядов греческой церкви, более наружных, нежели нравственных. Она старалась привлечь к себе любовь солдат единственным средством, возможным в ее уединении, разговаривая милостиво с наружными и давая целовать им свою руку. Однажды, проходя темную галерею, караульный отдал ей честь ружьем; она спросила: почему он ее узнал? Он отвечал в русском, несколько восточном вкусе: «Кто тебя не узнает, матушка наша? Ты освещаешь все места, которыми проходишь». Она выслала ему золотую монету, и поверенный ее склонил его в свою партию. Получив обиду от императора, всякий раз, когда надобно ей было явиться при дворе, она, казалось, ожидала крайних жестокостей. Иногда при всех, как будто против ее воли, наворачивались у ней слезы, и она, возбуждая всеобщее сожаление, приобрела новое себе средство. Тайные соучастники разглашали о ее бедствиях, и казалось, что она в самом деле оставлена в таком небрежении и в таком недоверии, что лишена всякой силы в хозяйственном распоряжении и будто служители ее повинуются ей только из усердия.

Если судить о ее замыслах по ее бедствиям и оправдывать ее решительность опасными ожиданиями, то надобно спросить: какие именно были против нее намерения ее мужа? Как их точно определить? Такой человек не имел твердого намерения, но поступки его были опасны. Известнее всего то, что он хотел даровать свободу несчастному Иоанну⁹ и признать его наследником престола, что в сем намерении он приказал привезти его в ближайшую к Петербургу крепость и посещал его в тюрьме. Он вызвал из чужих стран графа Салтыкова, того... который по мнимой надобности в наследственной линии был избран для императрицы, и принуждал его объявить себя публично отцом великого князя, решившись, казалось, не признавать сего ребенка. Его возлюбленная начинала безмерно горячиться. Во дворце говорили о разводе молодых дам, которые принесли справедливые жалобы на своих мужей. Император точно приказал изготовить двенадцать кроватей, во всем

равных, для каких-то двенадцати свадеб, из коих не было в виду ни одной. Уже слышны были одни жалобы, роптание и уловки людей, взаимно друг друга испытывавших.

В уединенных прогулках императрица встречалась задумчивою, но печальною. Проницательный глаз приметил бы на лице ее холодную великость, под которую скрываются великие намерения. В народе пробегали возмутительные слухи, искусно рассеянные для вернейшего его возмущения. Это был отдаленный шум предмета ужасной бури, и публика с беспокойством ожидала решительной перемены от великого переворота, слыша со всех сторон, что погибель императрицы неизбежна, и чувствуя также, что революция приготовлялась. Посреди всеобщего участия в судьбе императрицы ужаснее всего казалось то, что не видно было в ее пользу никакого сборища и не было в виду ни одного защитника; бессилие вельмож, ненадежность всех известных людей не позволяли ни на ком остановить взоров, между тем как все сие произведено было человеком, досель неизвестным и скрытым от всеобщего внимания.

Григорий Григорьевич Орлов¹⁰, мужчина стран северных, не весьма знатного происхождения, дворянин, если угодно, потому что имел несколько крепостных крестьян и братьев, служивших солдатами в полках гвардейских, был избран в адъютанты к начальнику артиллерии графу Петру Ивановичу Шувалову¹¹, роскошнейшему из вельмож русских. По обыкновению сей земли, генералы имеют во всякое время при себе своих адъютантов; они сидят у них в передней, ездят верхом при карете и составляют домашнее общество. Выгода прекрасной наружности, по которой избрал Орлов, скоро была причиною его несчастья. Княгиня Куракина, одна из отличных природных щеголих, темноволосая и белолицая, живая и остроумная красавица, известна была в свете как любовница генерала, а на самом деле его адъютанта. Генерал был столь рассеян, что не ревновал; но надлежало уступить очевидному доказательству; по несчастию, он застал его. Адъютант был выгнан и, верно, был бы сослан навсегда в Сибирь, если бы невидимая рука не спасла его от погибели. Это была великая княгиня. Слух о сем происшествии достиг ушей ее в том уединении, которое она избрала себе еще до кончины императрицы Елисаветы. Что было говорено о сем прекрасном несчастливце, уверяло ее, что он достоин ее покровительства; притом же княгиня Куракина была так известна, что можно всякий раз, завязав глаза, принять в любовники того, который был у нее.

Горничная, женщина ловкая и любимая, Екатерина Ивановна, употреблена была в посредство, приняла все предосторожности, какие предусмотрительная недоверчивость внушить может, и Орлов, любимец прекрасной незнакомки, не зная всего своего счастья, был уже благополучнейший человек в свете. Что ж чувствовал он тогда, когда в блеске публичной церемонии увидел он на троне обожаемую им красоту? Однако же он тем не более стал известен. Вкус, привычка или обдуманый план, — но он жил всегда с солдатами, и хотя по смерти генерала она доставила ему место артиллерийского казначея с чином капитана, но он не переменил образа своей жизни, употребляя свои деньги, чтобы привязать к себе дружбою большое число солдат. Однако он везде следовал за своею любезною, везде был перед ее глазами, и никогда известные сношения не производились с таким искусством и благоразумием. При дворе недоверчивом она жила без подозрения, и только тогда, когда Орлов явился на высшей степени, придворные признались в своей оплошности, припоминали себе условленные знаки и случаи, по которым все должно было бы объясниться. Следствием сих поздних замечаний было то, что они давно имели удовольствие понимать друг друга, не открыв ничего своею нескромностью. Таким-то образом жила великая княгиня, между тем как целая Европа удивлялась благородству ее сердца и несколько романтическому постоянству.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова¹² была младшая из трех знаменитых сестер, из коих первая, графиня Бутурлина, прославилась в путешествиях по Европе своею красотою, умом и любезностью, а другая — Елизавета Воронцова, которую великий князь избрал между придворными девицами и фрейлинами. Все они были племянницы нового великого канцлера гр. Воронцова, который, достигнув сей степени тридцатилетнею искательностью, услугами и гибкостью, наслаждался ею в беспорядке и роскоши и не доставлял ничего своим племянницам, кроме своей случайности. Первые две были приняты ко двору, а младшая воспитывалась при нем. Она видела тут всех иностранных министров, но с 15-ти лет желала разговаривать только с республиканскими. Она явно роптала против русского деспотизма и изъявляла желание жить в Голландии, в которой хвалила гражданскую свободу и терпимость вероисповеданий. Страсть ее к славе еще более обнаруживалась; примечательно, что в стране, где белила и румяна были у дам во всеобщем употребле-

нии, где женщина не подойдет без румян под окно просить милостыни, где в самом языке слово красный есть выражение отличной красоты и где в деревенских гостинцах, подносимых своим помещикам, необходимо по порядку долженствовала быть банка белил,— в такой, говорю, стране 15-летняя девица Воронцова отказалась повиноваться навсегда сему обычаю. Однажды, когда князь Дашков¹³, один из отличнейших придворных, забавлял ее разговором в лестных на своем языке выражениях, она подозвала великого канцлера с сими словами: «Дядюшка! Князь Дашков мне делает честь своим предложением и просит моей руки». Собственно говоря, это была правда, и молодой человек, не смея открыть первому в государстве человеку, что сделанное им его племяннице предложение не совсем было такое, на ней женился и отправил ее в Москву за 200 миль; она провела там 2 года в отборном обществе умнейших людей; но сестра ее, любовница великого князя, жила, как солдатка, без всякой пользы для своих родственников, которые посредством ее ласкались управлять великим князем, но по своенравию и ее неосновательности видели ее совершенно неспособною выполнить их намерения. Они вспомнили, что княгиня Дашкова тонкостию и... гибкостию своего ума удобно выполнит их надежды и хитро овладеет другими, употребили все способы, чтобы возвратить ее ко двору, который находился тогда вне города. Молодая княгиня с презрением смотрела на безобразную жизнь своей сестры и всякий день проводила у великой княгини. Обе они чувствовали равное отвращение к деспотизму, который всегда был предметом их разговора, а потому она и думала, что нашла страстно любимые ею чувствования в повелительнице ее отечества. Но как она делала противное тому, чего от нее ожидали, то и была принуждена оставить двор с живейшим негодованием против своих родственников и с пламенною преданностию к великой княгине. Она поселилась в Петербурге, живя скромно и охотнее беседуя с иностранцами, нежели с русскими, занимая пылкие свои дарования высшими науками, видя при первом взгляде, сколь не давали во оных любезные ее соотечественники, и обнаруживая в дружеских своих разговорах, что и страх эшафота не будет ей никогда преградой. Когда сестра ее готовилась взойти на престол, она гнушалась возвышением своей фамилии, которое основалось на гибели ее друга, и если удерживалась от явного роптания, то причиною тому были решительные планы, кои при самом начале она себе предначертала.

Во всеобщем забвении сии-то были две тайные связи, которые императрица про себя сохраняла, и как они друг другу были не известны, то она управляла в одно время двумя партиями и никогда их не соединяла, надеясь одною возмутить гвардию, а другую восстановить вельмож.

Орлов для лучшего успеха продолжал тот же образ жизни. Его первыми соучастниками были братья и искренний его друг Бибиков. Сии пять человек, в чаянии нового счастья или смерти, продали все свое наследство и рассыпались по всем питейным домам. Искусство, с которым императрица умела поставить Орлова хранителем артиллерийской казны, доставило им знатные суммы, которыми они могли удовлетворять все прихоти солдат. Во всеобщем волнении умов нетрудно было дать им одинаковое направление; во всех полках рассеивали они негодование и мятеж, внушали сострадание к императрице и желание жить под ее законами. Чтобы уверить ее в первом опыте, они склонили целые две роты гвардейского Измайловского полка и крестным целованием приняли от них присягу. На всякий случай хотели удостовериться даже и в их полковнике, зная, что по характеру своему он не способен ни изменить заговор, ни сделаться его зачинщиком.

Это был граф Кирилло Григорьевич Разумовский¹⁴, простой казак, который, живучи в самом низком промысле по брачному состоянию своего брата с покойною императрицею, достиг до такой милости, что для него восстановили ужасное звание гетмана, или верховного малороссийского казачьего предводителя. Сей человек колоссальной красоты, непричастный ни к каким хитростям и изворотам, был любим при дворе за свою сановитость, пользовался милостию императора и народною любовью за то, что в почестях и величии сохранял ту простоту нрава, которая ясно показывала, что он не забывал незнатного своего происхождения; не способный быть зачинщиком, от его присутствия в решительную минуту мог зависеть перевес большинства. Орлов, которого он никогда не видал, осмелился потребовать от него секретного приема, представил глазам его все беспорядки правления и без труда получил обещание, что при первой надобности он представится к услугам императрицы. Разумовский не принял, да от него и не требовали другого обязательства. Орлов уведомил о сем государыню в тайных своих свиданиях, которыми избегали они как злословия казарм, так и самого двора, и поелику она была тогда в припадках беременности, о которой она никому не сказывала, то одна завеса скрыла и любовь ее с ним, и единомыслие.

С другой стороны, императрица поддерживала свою связь с княгиней Дашковой беспрестанными записками, которые сначала были не что иное, как игра юных умов, а потом сделались опасною перепискою. Сия женщина, дав своему мужу поручение, чтобы избавиться труда объяснять ему свои поступки, а может быть, для того, чтоб удалить его от опасностей, которым сама подвергалась, притворилась нездоровою и как бы для употребления вод выехала жить в ближайший к городу сад, где, принимая многочисленные посещения, избавилась всякого подозрения.

Недовольные главы духовенства, и в особенности архиепископ новгородский, при первом слове обещали со стороны своей всякое пособие. Между вельможами искала она прежние происки императрицы и с некоторыми только возобновила их опять.

Один только человек, который по званию своему казался необходим для той и другой партии, — граф Разумовский; но императрица, тайно уверившись в нем, предупредила княгиню, что уже не нужно было ему об этом говорить, что с давнего времени он обещал уже ей свое содействие, когда то будет нужно, что она, зная его слишком твердо, полагается на его обещание и что надобно только уведомить его в решительную минуту. Слова сии, доказывающие и благоразумную осмотрительность, и великодушную доверенность, чистосердечно были приняты доверчивою княгинею и легко отвратили ее от единственного пути, на котором она могла сведать о двояком происке. Но обстоятельство, несовместное с выгодами государыни и княгини; противоположило им непреодолимое препятствие.

Екатерина, обратив в свою пользу оскорбление, которое император сделал ее сыну, не называя его наследником престола, хотела сама оным воспользоваться.

Дядька малолетнего великого князя граф Панин¹⁵, которого польза, сопряженная с пользою его воспитанника, без труда склоняла его в заговор, хотел, лишив короны императора Петра III, возложить оную по праву наследства на законного наследника и предоставить императрице регентство. Долго и упорно сопротивлялся он всякому другому предложению. Тщетно княгиня Дашкова, в которую он был страстно влюблен, расставляла ему свои сети; она льстила его страсти, но была непоколебима, полагая между прочими причинами по тесной связи, которую имела с ним мать ее, что она была дочь этого любовника.

Пьемонтец по имени Одар, хранитель их тайны, убедил сию женщину отложить всякое сомнение и на сих условиях также пожертвовать своим ребенком. Чтобы иметь понятие об этом пьемонтце, довольно привести здесь собственные его слова к одному из его преданных: «Я родился бедным; видя, что ничто так не уважается в свете, как деньги, я хочу их иметь, сего же вечера готов для них зажечь дворец; с деньгами я уеду в свое отечество и буду такой же честный человек, как и другой».

Панин и княгиня одинаково мыслили насчет своего правления, и если последняя по врожденному чувству ненавидела рабство, то первый, быв 14 лет министром своего двора в Швеции, почерпнул там некоторые республиканские понятия; оба соединились они в намерении исторгнуть свое отечество из рук деспотизма, и императрица, казалось, их ободряла; они сочинили условия, на которых знатнейшие чиновники, отрешив Петра III, при единственном избрании должны были возложить корону на его супругу, с ограниченной властью. Таковое предположение завлекло в заговор знатную часть дворянства. Исполнение сего проекта приобретало ежедневно более вероятности, и Екатерина, употреблявшая его средством обольщения, чувствовала, что от нее требуют более, нежели она хочет.

В то же самое время обе партии начинали встречаться. Княгиня, уверенная в расположении знатных, испытывала солдат; Орлов, уверенный в солдатах, испытывал вельмож. Оба, неизвестные друг другу, встретились в казармах и посмотрели друг на друга с беспокойным любопытством. Императрица, которую уведомили они о сей встрече, почитала за нужное соединить обе стороны и имела столько искусства, что, подкрепляя одну другою, она сделалась главным лицом всего действия.

Орлов, наученный ею, обратил на себя внимание княгини, которая, думая, что чувства, ее одушевлявшие, были необходимы в сердце каждого, видела во главе мятежников ревностного патриота. Она никак не подозревала, чтобы он имел свободный доступ к императрице, и с сей минуты Орлов, сделавшись в самом деле единым и настоящим исполнителем предприятия, имел особенную ловкость казаться только сподвижником княгини Дашковой.

Но как скоро открылось перед ним намерение вельмож, он опрокинул все их предположения и клялся не допустить, чтобы они предлагали условия своей монархине. Он сказал, что, поелику императрица дала слово устано-

вить права их вольности, они должны ей верить, впрочем, как им угодно, но он предводитель солдат; он и гвардия будут действовать одни, если это нужно, и имеют довольно силы, чтобы сделать ее монархиней.

Тут не забыли и народ, и чтобы поселить дух возмущения, то пропустили слух, будто оное вспыхнуло во всех губерниях; будто монастырские крестьяне сбегались толпами со всех сторон и не повиновались новому указу; будто крымские татары стоят на границе и приготовлялись к нападению, как скоро император выведет все войска из империи для войны, совершенно чуждой для России. Не только сии слухи, смесь истины и лжи, быстро распространялись, как и везде случается, где правление становится ненавистным и где всеобщее негодование жадно хватается за все, что может ему льстить или раздражать; но в России, где не разговаривают о делах публичных, где за сие любопытство иногда наказывают смертью, подобные слухи сами по себе были уже началом бунта, и безрассудная нелепость императора к отъезду истребила из его памяти, что, по древнему обыкновению, должно ехать в Москву и принять корону прежних царей в Соборной церкви, почему явно почти кричали, что позволительно свергнуть с престола государя, который небрежет помазать себя на царство.

В то же время императрица уведомляла министров тех дворов, коих союз нарушил император, что она ненавидит такое вероломство и находится принужденною просить у них денег, в которых начинала она нуждаться. Сии министры, и особенно французский, барон Брейтель, привыкшие с давних лет управлять умами сей нации, в теперешнем переломе общественных дел старались споспешествовать намерениям, в которые увлекали императора враги их государей. Они немедленно воспользовались средством, которое подавал к тому сей заговор; и хотя им предписано было от дворов не принимать особенного участия в сих движениях, однако они деятельно и успешно старались доставить императрице всех своих участников. Напротив, министры, друзья императорские, всячески старались ускорить отъезд его, в угодность ему предавались изнурительным удовольствиям двора, и между тем как им расставляли везде сети, они восхищались успехами своей деятельности, видя проходящие со всех сторон войска, готовый выступить в море флот, императора, усиленного всеми способами своей империи, и уже назначенный день своего отъезда.

И так составила многочисленная партия и надежные средства, между тем как в минуту наступившей опас-

ности казалось, что у них никакого еще плана нет к сему заговору. Знающие хорошо русскую нацию и прежних заговорщиков уверяют, что такого рода предприятия должны всегда так производиться, и хотя сей народ весьма способен к возмущениям по образу своего правления, по враждебному расположению к тайному и по самому терпению в наказаниях, по причине непримиримой вражды, гнездящейся во всех фамилиях, и крайней недоверчивости их друг к другу, неблагоприятно было бы собирать тут общество заговорщиков, которые раздробили бы на разные части исполнение одного намерения; притом же привычка видеть, как часто восходят из самых низких состояний на первые степени, давала каждому право на ту же надежду; следственно, было бы опасно указывать на главные лица, которых будущее величие могло бы возбудить в них зависть, а надлежало, уверившись в каждом порознь, подавать им надежду на величайшую милость и не прежде их соединять, как в самую минуту исполнения.

Если бы желали убийства, тотчас было бы исполнено и гвардии капитан Пассик лежал бы у ног императрицы, прося только ее согласия, чтобы среди белого дня в виду целой гвардии поразить императора. Сей человек и некто Баскаков, его единомышленник, стерегли его дважды подле пустого и того самого домика, который прежде всего Петр Великий приказал построить на островах, где основал Петербург и который посему русские с почтением сохраняют; это была уединенная прогулка, куда Петр III хаживал иногда по вечерам со своею любезною и где сии безумцы стерегли его из собственного подвига. Отборная шайка заговорщиков под руководством графа Панина осмотрела его комнаты, спальню, постель и все ведущие к нему двери. Положено было в одну из следующих ночей ворваться туда силою, если можно, увезти; будет сопротивляться, заколоть и созвать государственные чины, чтобы отречению его дать законный вид, а императрица, которая бы, казалось, не принимала ни малейшего участия в сем заговоре, отдавая всякое на себя подозрение, долженствовала для виду уступать только просьбе народной и принять по добровольным и единодушным восклицаниям права, ни с какой стороны ей не принадлежащие. Таково было основание ее поведения, следствием которого было то, что она, будучи почти невидима в заговоре, действовала всеми его пружинами и даже после очевидных опытов, в которых она по необходимости себя обнаруживала, старалась направлять умы на прежнюю точку зрения.

Император был в деревне за 12 миль. Императрица, избегая подозрений, если бы осталась в городе во время его отсутствия, удалилась сама в другую. Срок отъезда императора на войну положен был по его возвращении, а императрица назначила в то же время исполнение своего заговора; но сумасбродная ревность того самого капитана Пассика все разрушила. Этот неистовый соучастник, неумеренный в своих выражениях, говорил о злоумышлении пред одним солдатом, которого недавно побил. Сей тотчас донес на него в полковой канцелярии, и 8 июля в 9 часов вечера Пассик был арестован, а к императору отправлен тотчас же курьер.

Без предосторожности пиемонтца Одара, которая втайне была известна только ему и княгине Дашковой, все было бы потеряно.

Близ каждого начальника места находился шпион, который не упускал его из виду. В четверть десятого княгиню уведомили, что Пассик был арестован. Она послала за графом Паниным и предложила в ту же минуту начать исполнение — предложение такое точно, какое настоящие римляне некогда сделали в подобном заговоре: «Надобно взбунтовать вдруг народ и войско и собрать злоумышленников; неожиданность поразит умы, овладеет большею частью оных; император совсем не приготовлен к отражению сего удара; нечаянное нападение изумляет самых отважных, да и что мог противопоставить им сей Дон-Кишот с шайкою развратников? Вещи, невозможные здравому рассуждению, выполняются единственно по отважности, и как сохранить тайну между пораженными ужасом заговорщиками? Верность присяге устоит ли между казнью и наградами? Чего было ожидать? Смерть была неминуема, и смерть постыдная. Не лучше ли было погибнуть за свободу отечества, умоляя его о помощи, погибнуть от ошибки солдат и народа, если они откажутся помогать, но быть достойным и своих предков, и бессмертия?»

Римский заговорщик не последовал сему совету и умер от руки палача. Русский думал также, что поспешное открытие испортило бы все дело; если бы и успели взбунтовать весь Петербург, то сие было бы не что иное, как начало междоусобной войны, между тем как у императора в руках военный город, снаряженный флот, 3000 собственных голштинских солдат и все войска, проходившие для соединения с армией; ночь никак не благоприятствовала исполнению, ибо в сие время оные бывают ясны; императрица в отсутствии и не может приехать

прежде утра; надлежало подумать о следствиях, и не поздно было бы условиться в исполнении одного на другой день. Так думал граф Панин, по своей медлительности, и лег спать.

Княгиня Дашкова выслушала и ушла. Уже была полночь. Сия 18-летняя женщина одевается в мужское платье, оставляет дом, идет на мост, где собирались обыкновенно заговорщики. Орлов был уже там со своими братьями. Любопытно видеть, как счастье помогло неусыпности. Узнав об аресте Пассика и времени немедленного возмущения, все оцепенели, и когда радость заняла место прежнего удивления, все согласились на сие с восторгом. Один из сих братьев, отличавшийся от других рубцом на лице от удара, полученного на публичной игре, простой солдат, который был бы редкой красоты, если бы не имел столь суровой наружности, и который соединял проворство с силою, отправлен был от княгини с запискою в сих словах: «Приезжай, государыня, время дорого». Другие ж и княгиня приготавливались во всю ночь с таким искусством, что к приезду императрицы было все уже готово, или если бы какое препятствие остановило ее, то никакой безрассудный шаг не открыл бы их тайны. Они даже предполагали, что предприятие могло быть неудачное, и на сей случай приготовили все к побегу ее в Швецию. Орлов со своим другом зарядили по пистолету и поменялись ими с клятвою не употреблять их ни в какой опасности, но сохранить на случай неудачи, чтобы взаимно поразить друг друга. Княгиня не приготовила себе ничего и думала о казни равнодушно.

Императрица была за 8 миль в Петергофе и под предлогом, что оставляет императору в полное распоряжение весь дом из опасения помешать ему с его двором, жила в особом павильоне, который, находясь на канале, соединенном с рекою, доставлял при первой тревоге более удобства к побегу в нарочно привязанной под самыми окнами лодке.

Означенный Орлов узнал от своего брата самые потаенные изгибы в саду и павильоне. Он разбудил свою государыню, и, думая присвоить в пользу своей фамилии честь революции, сей солдат имел дерзкую хитрость утаить записку княгини Дашковой и объявил императрице: «Государыня, не теряйте ни минуты, спешите!» И, не дождавшись ответа, оставил ее, вышел и исчез.

Императрица в неизъяснимом удивлении одевалась и не знала, что начать; но тот же самый человек с быстротою молнии скачет по аллеям парка. «Вот ваша

какета!» — сказал он, и императрица, не имея времени одуматься, держась рукою за Екатерину Ивановну, как бы увлеченная, бежала к воротам парка. Она увидела тут карету, которую сей Орлов отыскал на довольно отдаленной даче, где, по старанию княгини Дашковой, за два дня перед сим стояла она на всякий случай в готовности, — для того ли, что по нетерпению гвардии ожидали действия заговора несколько прежде, или для того, чтобы иметь более средств сохранить императрицу от всякой опасности, держа подставных лошадей до соседственных границ.

Карета отправилась с наемными крестьянами, запряженная в 8 лошадей, которые в сих странах, будучи татарской породы, бегают с удивительною быстротою.

Екатерина сохраняла такое присутствие духа, что во все время своего пути смеялась со своею горничною какому-то беспорядку в своем одеянии.

Издали усмотрели открытую коляску, которая неслась с удивительною быстротою, и как сия дорога вела к императору, то и смотрели на нее с беспокойством. Но это был Орлов, любимец, который, прискакав навстречу своей любезной и крича: «Все готово!» — пустился обратно вперед с тою же быстротою. Таким образом продолжали путь свой к городу. Орлов один в передней коляске, за ним императрица со своею женщиною, а позади Орлов-солдат с товарищем, который его провожал.

Близ города они встретили Мишеля, француза-камердинера, которому императрица оказывала особую милость, храня его тайны и отдавая на воспитание побочных его детей. Он шел к своей должности, с ужасом узнал императрицу между такими проводниками и думал, что ее везут по приказу императора. Она высунула голову и закричала: «Последуй за мною!» — и Мишель с трепещущим сердцем думал, что едет в Сибирь.

Таким-то образом, чтобы деспотически чувствовать в обширнейшей в мире империи, прибыла Екатерина в восьмом часу утра, по уверению солдата, с наемными кучерами, руководимая любимцем, своею женщиною и парикмахером.

Надлежало переехать через весь город, чтобы явиться в казармах, находящихся с восточной стороны и образующих в сем месте совершенный лагерь. Они приехали прямо к тем двум ротам Измайловского полка, которые уже дали присягу. Солдаты не все выходили из казарм, ибо опасались, чтобы излишнею тревогою не испортить начала. Императрица сошла на дорогу, идущую мимо ка-

зарм, и между тем как ее провожатые бежали известить о ее прибытии, она, опираясь на свою горничную, переходила большое пространство, отделяющее казармы от дороги. Ее встретили 30 человек, выходящих в беспорядке и продолжающих надевать кителя и рубашки. При сем зрелище она удивилась, побледнела и ужас, видимо, овладел ею. В ту же минуту, которая представляла ее еще трогательнее, она говорит, что пришла к ним искать своего спасенья, что император приказал убить ее и с сыном и что убийцы, получа сие повеление, уже отправились. Все единогласно поклялись за нее умереть. Прибегают офицеры, толпа увеличивается. Она посылает за полковым священником и приказывает принести распятие. Бледный, трепещущий священник явился с крестом в руке и, не зная сам, что делал, принял от солдат присягу.

Тогда явился граф Разумовский, более преданный ей, нежели императору; с ним приехали: генерал Волхонский и племянник того великого канцлера, который отрешен, между прочим, за особенную преданность свою к сей государыне; граф Шувалов, который в последнее царствование с редким благоразумием пользовался величайшею к нему милостью и которого любили солдаты, вспоминая Елисавету; граф Брюс, премьер-майор гвардии; граф Строганов, которого супруга вместе с графинею Брюс были с императором, обе знаменитые по своей красоте и почитаемые в числе, как говорили, назначенных к разводу. В сем первом собрании некоторые провозгласили императрицу правительницею. Орлов прибег к ним, говоря, что не должно оставлять дело вполнину и подвергаться казни, откладывая его до другого времени, и первого, кто осмелится упомянуть о регентстве, он заколет из собственных рук. Майор Шепелев, на которого полагались, не явился, и первый ордер, данный императрицею, был такой: «Скажите ему, что я не имею в нем надобности и чтобы его посадили под арест». Простые офицеры явились к своим местам и командовали к оружию. Замечательно, что из великого числа субалтерных офицеров, давших свое слово, один только, именем Пушкин¹⁶, по несчастию или по слабости, не сдержал его. Императрица объехала кругом казарм и пробежала пешком каждый из трех гвардейских полков — стражу, всегда ужасную своим государям, которая, некогда быв составлена Петром I из иностранцев, охраняла его от мятежников, но потом, умноженная числом русских, уже трикратно располагала регентством и короною.

Идучи от Измайловских казарм к Семеновским, предводительствуя тем первым полком, который возмутила

она только представлением своих опасностей, солдаты кричали, что, идучи пред ними, она была не без опасности, и составили сами собою баталион-каре. Во всех казармах только два офицера Преображенского полка воспротивились своим солдатам и были арестованы. Проходя мимо полковой тюрьмы, где Пассик-заговорщик содержался, она послала его освободить, и тот, который приготовился перенести все пытки, не открывая тайны, пораженный столь непредвидимую новостью, имел дух не доверять, подозревая в том хитрость; посредством которой по его движениям хотят открыть цель заговора, и не пошел. Когда собрались все три полка, солдаты кричали «ура!», почитали уже все конченным и просили целовать руку императрицы; тогда она, укротив сей восторг, мило-стиво представила им, что в сию минуту у них есть другое дело. Орлов бежал к артиллерии, войску многочисленному, опасному, которого все почти солдаты носили знаки отличия за кровавые брани против короля прусского. Он воображал, что звание казначея давало ему столько доверенности и они тотчас примутся для него за оружие; но они отказались повиноваться и ожидали приказания от своего генерала.

Это был Вильбуа, французский эмигрант, главнокомандующий артиллериею и инженерами, человек отличной храбрости и редкой честности. Любимый несколько лет Екатериной, он надеялся быть таковым и вперед; посредством его даже во время немилости доставила она Орлову место казначейское, столь полезное своим намерениям. Но Орлов, без сомнения, желая разорвать его связь с императрицею, не включил его в число заговорщиков. Он работал в это время с инженерами, когда один из заговорщиков объявил ему, что императрица, его государыня, приказывает ему явиться к ней в гвардейские караулы. Вильбуа, удивленный таким приказанием, спросил: «Разве император умер?» Посланный, не отвечая ему, повторил те же слова, и Вильбуа, обращаясь к инженерам, сказал: «Всякий человек смертен»,— и последовал за адъютантом.

Вильбуа, до сей минуты ласкавший себя надеждою быть любимым, приехав в казармы и видя императрицу, окруженную сею толпою, со смертельною досадою чувствовал, что столь важный прожект произвели в действо, не сделав ему ни малейшей доверенности. Он обожал свою государыню и, притворно или действительно извиняясь пред нею в затруднениях, которые представлялись ему при ее действии ее предприятия единственно по-

тому, что по несчастью не имел участия в ее тайне, старался чрез то упрекать ее: «Вам бы надлежало предвидеть, государыня», — прибавил он, но она поспешила прервать его и отвечала ему со всею гордостью: «Я не затем послала за вами, чтобы спросить у вас, что надлежало мне предвидеть, но чтобы узнать, что вы хотите делать». Тогда он бросился на колени, говоря: «Вам повиноваться, государыня», — и отправился, чтобы вооружить свой полк и открыть императрице все арсеналы.

Из всех известных людей, которые были преданы императору, оставался в городе один только принц Георг голштинский, его дядя. Адъютант уведомил его, что в казармах бунт, он поспешно оделся и тотчас был арестован со всем семейством.

Императрица, окруженная уже десятью тысячами человек, вошла в ту же самую карету и, зная дух своего народа, повела их к Соборной церкви и вышла помолиться. Оттуда поехала она в огромный дворец, который одной стороной стоит над рекой, а другой обращен к обширной площади. Сей дворец, сколь возможно, был окружен солдатами. При концах улиц поставлены были пушки и готовы фитили. Площади и другие места были заняты караулами, и чтобы не допустить ни малейшего сведения императору о происходившем, то поставили отряд солдат на мосту, ведущем при выезде из Петербурга на ту дачу, где был император, но было уже поздно.

В целом городе один иностранец выдумал уведомить императора — это был некто Брессан, урожденный из княжества Монако, но воспитанный по-французски, почему и выдавал себя в России за француза, чтобы иметь лучший прием и покровительство, человек умный и честный, которого император принял к себе в парикмахеры, чтобы возвести его на первые степени счастья, и который, по крайней мере в сем случае, оправдал своею верностью высшую к нему милость. Он послал ловкого лакея в крестьянском платье на деревенской тележке и, не смея полагаться в такую минуту ни на кого из окружающих императора... приказал посланному своему вручить лично ему свою записку. Сей мнимый крестьянин только что проехал, когда заняли солдаты мост.

Один офицер с многочисленным отрядом бросился по повелению императрицы к молодому великому князю, который спал в другом дворце. Сей ребенок, узнав о предстоящих опасностях своей жизни, проснулся, окруженный солдатами, и пришел в ужас, которого впечатление оставалось в нем на долгое время. Дядька его Панин,

бывший с ним до сей минуты, успокаивал его, взял на руки во всем ночном платье и принес его таким образом матери.

Она вынесла его на балкон и показала солдатам и народу. Стечение было бесчисленное, и все прочие полки присоединились к гвардии. Восклицания повторялись долгое время, и народ в восторге радости кидал вверх шапки. Вдруг раздался слух, что привезли императора. Понуждаемая без шума толпа раздвигалась, теснилась и в глубоком молчании давала место процессии, которая медленно посреди ее пробиралась. Это были великолепные похороны, пронесенные по главным улицам, и никто не знал, чье погребение. Солдаты, одетые по-казацки, в трауре несли факелы; а между тем, как внимание народа было все на сем месте, сия церемония скрылась из вида. Часто после спрашивали об этом княгиню Дашкову, и она всегда отвечала так: «Мы хорошо приняли свои меры».

Вероятно, сие явление выдуманно, чтобы между чернию и рабами распространить полное понятие о смерти императора, удалить на ту минуту всякую мысль о сопротивлении и, действуя в одно время на умы и сердца зрителей, произвести всеобщее единодушное провозглашение. И подлинно, из всего множества на месте и по улицам стеснившегося народа едва ли двадцать человек, даже и во дворце, понимали все сие происшествие, как оно было. Народ, солдаты, не зная, жив или нет император и восклицая беспрестанно «ура!» — слово, не имеющее другого смысла, кроме выражения радости, — думали, что провозглашают императором юного великого князя и матери дают регентство. Многие заговорщики, поспешая в первые минуты уведомить друзей своих, писали им ложную сию новость, от чего все были в полной радости, никакая мысль о несправедливости не возмущала народного самодовольствия, и друзья целовались, поздравляя себя взаимно.

Но манифест, розданный по всему городу, скоро объяснил истинное намерение, манифест печатный, который пиемонтец Одар в смертельном страхе хранил уже несколько дней в своей комнате. На другой день, как бы отдыхая на свободе, он говорил: «Наконец я не боюсь быть колесован». В нем заключалось, что императрица Екатерина II, убеждаясь просьбою своих народов, взошла на престол любезного своего отечества, дабы спасти его от гибели, и, укоряя императора, с негодованием восставала против короля прусского и отнятия у духовенства

имущества. Так говорила немецкая принцесса, которая подтверждала сей союз и привела к окончанию помянутое отнятие имений.

Все вельможи, узнав поутру о сей новости, торопились во дворец; это было не последнее зрелище, которое представляли их физиономии, изображавшие беспокойство и радость, где суэта и улыбка видимы были на бледных и испуганных лицах.

Они услышали во дворце торжественную службу, увидели священников, принимающих присягу в верности, и императрицу, употребляющую все способы оболъщения. В присутствии ее был шумный совет о том, что должно было быть вперед. Всякий, страшась опасности и стараясь показать себя, предлагал и торопился исполнить. Не почитая нужным никакие предосторожности против города, совершенно возмущенного, и не предвидя никакой опасности оставить позади себя Петербург, скоро положено было, не теряя ни минуты, вести всю армию против императора. Великий шум между солдатами прервал их совещание. В беспрестанной тревоге насчет предстоявшей императрице опасности и ожидая всякую минуту, чтобы мнимые убийцы, посланные к ней и ее сыну, к ней не приехали, они полагали, что она не довольно безопасна в сем обширном дворце, который с одной стороны омывается рекою и, не быв окончен, казался открыт со всех сторон. Они говорили, что не могут ручаться за жизнь ее, и с великим шумом требовали, чтобы перевели ее в старый деревянный дворец, гораздо меньший, который, будучи на небольшом пространстве, могли бы они окружить со всех четырех сторон. И так императрица перешла площадь при самых шумных восклицаниях. Солдатам раздавали пиво и вино; они переоделись в прежний свой наряд, кидая со смехом прусский унформ, в который одел их император и который в их холодном климате оставлял солдата почти полуоткрытым, встречали с громким смехом тех, которые по скорости прибегали в сем платье, и их новые шапки летели из рук в руки, как мячи, делаясь игрою черни.

Один полк явился печальным; это были прекрасные кавалеристы, у которых с детства своего император был полковником и которых по восшествии на престол он тотчас ввел в Петербург и дал им место в гвардейском корпусе. Офицеры отказались идти и были все арестованы, а солдаты, коих недоброхотство было очевидно, были ведены другими из разных полков.

В полдень первое российское духовенство, старцы почтенного вида (известно, сколь маловажные вещи, дей-

ствуя на воображение, делаются в сии решительные минуты существенной важности), украшенные сединами, с длинными белыми бородами, в блестящем и приличном одеянии, приняв царские регалии, корону, скипетр и державу со священными книгами, покойным и величественным шествием проходили чрез всю армию, которая с благоговением хранила тогда молчание. Они вошли во дворец, чтобы помазать на царство императрицу, и сей обряд производил в сердцах, не знаю, какое-то впечатление, которое, казалось, давало законный вид насилию и хищению.

Как скоро совершили над нею, она тотчас переделалась в прежний гвардейский мундир, который взяла у молодого офицера такого же роста. После благоговейных обрядов религии следовал военный туалет, где тонкости щегольства возвышали нарядные прелести, где молодая и прекрасная женщина с очаровательной улыбкою принимала от окружавших ее чиновников шляпу, шпагу и особенно ленту первого в государстве ордена, который сложил с себя муж ее, чтобы вместо него носить всегда прусский.

В сем новом наряде она села верхом у крыльца своего дома и вместе с княгиней Дашковой, также на лошади и в гвардейском мундире, объехала кругом площадь, объявляла войскам, как будто хочет быть их генералом, и веселым и надежным своим видом внушала им уверенность, которую сама от них принимала.

Полки потянулись из города навстречу императору. Императрица опять взошла во дворец и обедала у окна, открытого на площадь. Держа стакан в руке, она приветствовала войска, которые отвечали продолжительным криком; потом села опять на лошадь и поехала перед своею армиею.

Весь город был в смятении, и армия взбунтовалась без малейшего беспорядка; после выхода в Петербурге было все совершенно спокойно. В 6 часов (появился) казачий трехтысячный полк, идучи в недалеком расстоянии, которого посланные императрицы встретили прежде, нежели императорские; вслед за нею проходили через город хорошо вооруженные люди на добрых лошадях и офицеры, отменно учтивые. Шествие сие уподоблялось празднику, который поселял в воображении мысль о благополучии императрицы и ручался за благосостояние народа.

Краткое географическое описание необходимо нужно к уразумению следующих за сим обстоятельств. Нева

впадает в море при конце Финского залива и служит ему продолжением. За 12 миль до ее устья на нескольких островах, где широта различных рукавов образует прекраснейший вид, за 60 лет построен Петербург на низком и болотистом месте, но которое по непрочности первых зданий, поспешно строенных, и от частых пожаров покрылось развалинами более 3 футов. Спускаясь по реке, правый берег еще не возделан и покрыт большими лесами, левый же образует холм повсюду одинаковой высоты, до самого того места, где оба берега расходятся на необозримое пространство и заключают между собою беспредельное море. На сем месте на высоте холма в прелестном положении стоит замок Ораниенбаум, который построил знаменитый Меншиков и который в несчастное время сего любимца по конфискации его имения поступил в казну. Это особенное местопребывание императора в его молодости. Там была построена для учения его маленькая примерная крепость, у которой высота окопов была не более 6 футов, дабы молодому великому князю дать на опыте идею о великих управлениях, и потому сама по себе не способна была ни к какой обороне. В сем же намерении собрали там арсенал, не способный для вооружения войск, бывший не что иное, как кабинет военных редкостей, между коими хранились наилучшие памятники сей империи, знамена, отбитые у шведов и пруссаков. Император любил особенно сей замок и в нем-то жил с тремя тысячами собственного своего войска из герцогства Голштинского.

Против него виден простым глазом в самом устье реки на острове город Кронштадт. Дома построены со времен Петра I и, мало населенные, приходят в ветхость. Надежная и спокойная его пристань находится на стороне острова, обращенной к Ораниенбауму, которая весьма укреплена, а укрепления другой стороны не были докончены; но сей рукав реки, самой по себе опасной, сделался непроходимым по причине набросанных туда огромных камней. В пристани сего-то острова большая часть флота, готовая выступить в Голштинию, хорошо снабженная съестными припасами, амунициею и людьми, находилась под команду самого императора, а другая, под его же команду, была в Ревеле, старинном городе, лежащем далее на том же заливе.

По всей длине холма, идущего по берегу реки между Ораниенбаумом и Петербургом, в приятных рощах построены увеселительные дома русских господ не в дальнем между собою расстоянии. Посреди их находится пре-

красный дворец, который построил Петр I по возвращении своем из Франции, надеясь поблизости моря сделать подражание водам версальским. В сем-то месте находилась императрица, и пребывание ее, как из сего видно, было избрано замечательно: между Петербургом, где был заговор, Ораниенбаумом, где был двор, и соседственным берегам Финляндии, где могла бы она найти свое убежище. В сей самый замок, именуемый Петергоф (двор Петра), император долженствовал прибыть в тот самый день, чтобы праздновать день своего ангела — святого Петра.

Сей государь был в совершенной беспечности, и когда уведомили его о признаках заговора и об арестовании одного заговорщика, он сказал: «Это дурак». Из Ораниенбаума отправился он и весело продолжал путь свой в большой открытой коляске со своею любезною, с министром прусским, с прекраснейшими женщинами. Всех умы, казалось, были оживлены ожиданиями веселого праздника, но в Петергофе, куда он ехал, были уже в отчаянии. Бегство императрицы было очевидно, тщетно искали ее по садам и рощам. Часовой сказал, что в 4 часа утра он видел двух дам, выходящих из парка. Приезжавшие из Петербурга, не подозревая того, что происходило в казармах при их отъезде, не только не привезли никакой новости, но еще клятвенно уверяли, что там не было никакой перемены. Один из таковых и один из камергеров императрицы отправились пешком по той дороге, по которой надлежало ехать императору. Они встретили его любимца, адъютанта Гудовича, который ехал вперед верхом, и рассудили за благо открыть ему сию новость. Адъютант быстро повернул назад, остановил карету, несмотря, что император кричал: «Что за глупость?» — приблизившись, говорил ему на ухо. Император побледнел и сказал: «Пустите меня вон». Он остановился несколько времени на дороге и с крайнею горячностью расспрашивал адъютанта; но приметив близко ворота в парк, он приказал всем дамам выйти, оставил их среди дороги в удивлении и страхе от такого поступка, которого они не понимали причины, и, сказав только им, чтоб они приходили к нему в замок по аллеям парка, поспешно сел в карету с некоторыми людьми и погнал с удивительною быстротою. Приехав, он бросился в комнату императрицы, заглянул под кровать, открыл шкафы, пробовал своею тростью потолок и панели и, видя свою любезную, которая бежала к нему с теми молодыми дамами, он ей кричал: «Не говорил ли я, что она способна на все!» Все его придворные, признавая в душе своей роковую истину,

хранили около него глубокое молчание; не доверяя друг другу, они чувствовали про себя, чего им держаться, или потому, что в сию минуту боялись раздражать государя, приводя его в недоумение. Слуги узнали... от крестьян, встречавшихся в рощах... о том, что происходило в Петербурге.

Иностранец лакей, приехав из города (это был молодой француз, который, судя обо всем по понятиям своей земли, видел начало возмущения и не вообразил тому причину), крайне удивился, нашед Петергоф в таком унынии, и спешил уведомить, что императрица не пропала, она в Петербурге и что праздник св. Петра будет праздновать там великолепно, ибо все войска стоят под ружьем, между тем как император в простоте сего рассказа видел, что царство его миновалось. Пользуясь беспорядком, вошел к нему крестьянин, который, по обычаю страны помолясь и поклонясь, молча подошел к императору, вынул из пазухи записку и вручил ее, поднимая глаза к небу. Это был переодетый слуга, который, по приказу своего господина, не отдал никому сей записки и тщетно старался встретиться в рощах с самим государем. Все в молчании и неизвестности окружили императора, который, пробежав ее глазами, перечитал потом вслух. Она состояла в следующем: «Гвардейские полки взбунтовались; императрица впереди; бьет 9 часов; она идет в Казанскую церковь; кажется, весь народ увлекается сим движением, и верные подданные вашего величества нигде не являются». Император вскричал: «Ну, господа, видите, что я говорил правду?»

Первый чиновник в империи, великий канцлер Воронцов¹⁷, поговорив о той силе, какую имеет он над умом народа и императрицы, вызвался тотчас ехать в Петербург. И в самом деле, приехав к императрице, он мудро представлял ей все последствия сего предприятия. Она отвечала, показывая на народ и войско: «Причиною тому не я, но целая нация». Великий канцлер отвечал, что он это очень видит, дал присягу и в то же время прибавил, что, будучи не в состоянии последовать за нею в поход и после такого посольства, которое он тотчас сделал, боясь сделаться ей подозрительным, он ее всеподданнейше просит приказать посадить его дома под арест, приставив к нему одного офицера, который бы от него не отходил. Таким образом, каков бы ни был конец происшествия, он остался безопасен с той и другой стороны.

Однако император послал приказ к своим голштинским войскам, чтобы поспешно явились с артиллериею.

По всем петербургским дорогам разослали гусаров, чтобы узнавать новости, собирать крестьян в соседственных деревнях и сзывать окрест проходящие полки, если время сие позволит. Он наименовал генералиссимусом того самого камергера императрицы, который шел к нему навстречу, чтобы известить его о побеге. Он приказал послать в Петербург за своим полком, и многие, пользуясь сим случаем, его оставили. Он бегал большими шагами, подобно помешанному, часто просил пить и диктовал против нее два большие манифеста, исполненные ужасных ругательств. Множество придворных занимались перепискою оных, и такое же число гусар развозили сии копии. Наконец в сей крепости он решился оставить свой прусский мундир и ленту и возложил все знаки Российской Империи.

Все придворные прогуливались по садам в уединении и печали, но Миних хотел спасти своего благодетеля. Слава прежних побед доставила ему место при сем много военном дворе, и, по 20-летней ссылке нашед только новую экзерцицию, которая с исступлением занимала целую Европу и в которой младший поручик наверно превзошел бы старого генерала, он до сего времени ни во что не мешался, но в предстоящих опасностях великие таланты воспринимают сами собою всю свою силу, и, без сомнения, спасая императора, он льстил себя надеждою еще раз сделаться обладателем империи; он представил ему и время, и силы императрицы, возвестил, что в несколько часов она явится с 20 000 войска и ужасной артиллериею; доказал, что ни Петергоф, где они находятся, ни окрестности его не могут держаться в оборонительном положении, и присовокупил из опыта, который имеет он о свойстве русского солдата, что слабое сопротивление произведет только то, что они убьют императора и женщин, его окружающих; спасение его и победа состоят в Кронштадте — там находится многочисленный гарнизон и снаряженный флот; все женщины, при нем находящиеся, должны служить ему залогом; все зависит от выигрыша одного дня; народное движение, ночной бунт — все сие должно само собою уничтожиться, а если бы и продолжались, то император мог бы противопоставить силы почти равные и заставить трепетать Петербург.

Сей совет оживил все сердца; даже те, которые помышляли о бегстве, видя некоторую возможность в успехе, решились последовать за императором, чтобы разделить общую с ним участь, если ему удастся, или чтобы снискать удобный случай изменить ему с пользою для себя, если постигнет его несчастье.

Преданный ему генерал был послан в Кронштадт принять над ним начальство, а адъютант его возвратился с известием, что гарнизон пребывает верным своему долгу и решился умереть за императора; его там ожидают и трудятся с величайшею ревностию, дабы приготовиться к обороне. Между тем прибыли его голштинские войска, и уверенность в убежище поселила в нем некоторую беспечность. Он выстроил их в боевой порядок и, предаваясь безумной своей страсти, говорил, что не должен бежать, не видав неприятеля. Приказали подвести к берегу две галеры; но как тщетно старались склонить его к отъезду, то употребили к тому шутов и любимых его слуг. Он называл их трусами и рассматривал, с какою выгодною можно бы употребить некоторые небольшие высоты. Между тем как он терял время на сии пустые распоряжения, узнали от гусар, пойманных со стороны императрицы, которые заехали для розысков, что в Петербурге ей всё покорилось и она предводительствует 20 000 войска. В 8 часов адъютант прискакал стремительно, говоря, что сия армия в боевом порядке была на пути к Петергофу. При сем известии император и весь двор бросились к берегу, заняли две галеры и поспешно отправились: таким образом, ужасный план, предложенный Минихом, был исполнен только от испуга.

Здесь не излишне упомянуть о таком обстоятельстве, которое само по себе ничего бы не значило, если бы не доказывало, с каким примерным хладнокровием можно смотреть на сии ужасные происшествия. Один очевидный свидетель сего бегства, оставшись спокойно на берегу, рассказывал об этом на другой день; у него спросили, почему, когда его государь отправлялся оспаривать свою корону и жизнь, он не захотел за ним следовать. Тогда он отвечал: «В самом деле, я хотел сесть в галеру, но было уже поздно; ветер дул к северу, а со мною не было плаща».

Они плыли к Кронштадту на веслах и парусах; но после ответа адъютанта в сем городе случилась странная перемена. В шумном совете, который посреди самого возмущения поутру был в Петербурге долгое время, не вспомнили о Кронштадте. Молодой офицер из немцев первый упомянул о нем, и одно сие слово доставило ему справедливые награды. Вице-адмирал Талызин¹⁸ вызвался ехать в сей город и не взял никого в свою шлюпку. Он запретил гребцам под опасением жизни сказывать, откуда он. Когда приехали в Кронштадт, то комендант, без приказания коего не велено было никого про-

пускать, вышел сам к нему навстречу; видя его одного, он позволил ему выйти на берег и спросил о новостях. Талызин отвечал, что он ничего не знает, но, живучи все в деревне, слышал, что в Петербурге беспокойно, а как его место на флоте, то он и приехал сюда прямо. Комендант поверил ему и как скоро от него ушел, то он (Талызин), собрав несколько солдат, приказал им его арестовать и сказал, что император лишен престола, надобно оказать услугу императрице, сдавши ей Кронштадт, за что, верно, получит награду. Они последовали за ним; комендант был арестован, а он, собравши гарнизон и морские войска, сделал к ним воззвание и заставил присягнуть императрице.

Уже показались вдали две императорские галеры. Талызин, по одной отважности властелин города, чувствовал, что одно появление императора обратило бы все к его гибели и что надлежало развлечь умы. Вдруг по приказанию его раздался в городе звук набатного колокола; целый гарнизон с заряженными ружьями вылетел на крепостные валы, и 200 фитилей засверкали над таким же числом пушек. К 10 часам вечера подъезжает императорская галера и готовится к высадке. Ей кричат:

— Кто идет?

— Император.

— Нет императора.

При сем ужасном слове он встает, выходит вперед и, сбрасывая свой плащ, дабы показать орден, говорит:

— Это я — познайте меня!

Уже он готов выходить вон, но весь гарнизон, прибежав на помощь к часовым, устремляет против него штыки, а комендант угрожает открыть огонь, если он не удалится. Император упадает в руки окружавших его, а Талызин кричал с пристани обеим галерам:

— Удалитесь! В противном случае по вас будут стрелять из пушек.

И вся сия толпа повторяла: «Галеры прочь! Галеры прочь!» — с таким ожесточением, что капитан, видя себя под тучею пуль, готовых раздробить его, взял трубу и закричал:

— Уедем, уедем! Дайте время отчалить.

А чтобы скорее сие исполнить, приказал рубить канаты.

За трубным криком последовало в городе ужасное молчание, и по отплытии галеры раздался еще ужаснейший крик:

— Да здравствует императрица Екатерина!

Между тем как галера бежала на веслах из всей силы, император в слезах говорил:

— Заговор повсеместный — я это видел с первого дня своего царствования.

Без сил пошел он в свою каюту, куда последовали за ним одна его любезная с отцом своим. Оба судна, отъехав на пушечный выстрел, остановились и, не получая никакого приказа, стояли на одном месте и били по воде веслами. Таким образом провели они целую ночь, которая была тиха. Миних, спокойно стоя на верхней палубе, любовался ее тишиною. <...>

Когда все войска императрицы вышли из города и построились, то было так уже поздно, что в тот день не могли далеко уйти. Сама государыня, утомленная от прошедшей ночи и такого дня, отдыхала несколько часов в одном замке на дороге. Прибыв на сие место, она потребовала некоторых прохладений и, делаясь частию с простыми офицерами, которые наперерыв ей служили, говорила им: «Что только будет у меня, все охотно разделю с вами».

Все думали, что идут против голштинских войск, которые были выстроены перед Петергофом, но по отплытии императора они получили приказание возвратиться в Ораниенбаум, и Петергоф остался пуст. Однако соседственные крестьяне, которых посылали собирать, явились туда, вооруженные вилами и косами, и, не находя ни войск, ни распоряжений, ожидали в беспорядке, что с ними будет под командою тех самых гусар, которые их привели. Орлов, первый партизан армии, приблизился в 5 часов утра для обозрения, ударил плашмя саблями на сих бедных, крича: «Да здравствует императрица!» — и они бросились бежать, кидая оружие свое и повторяя: «Да здравствует императрица!» И так армия беспрепятственно прошла на другую сторону Петергофа, и императрица самовластно вошла в тот самый дворец, откуда за 24 часа прежде убежала.

Между тем император стоял на воде несколько часов. От столь обширной империи осталось ему только две галеры, бесполезная в Ораниенбауме крепость и несколько иностранного войска, лишённого бодрости, без амуниции и провианта, между флотом <и> готовой поразить его армией, в первом исступлении бунта, и двумя городами, которые от него отложились. Он приказал позвать в свою каюту фельдмаршала Миниха и сказал: «Фельдмаршал! Мне бы надлежало немедленно последовать вашему совету. Вы видели много опасностей. Скажите наконец, что

мне делать?» Миних отвечал, что дело еще не проиграно: надлежит, не медля ни одной минуты, направить путь к Ревелю, взять там военный корабль, пуститься в Пруссию, где была его армия, возвратиться в свою империю с 80 000 человек, и клялся, что ближе полутора месяца приведет государство в прежнее повиновение.

Придворные и молодые дамы вошли вместе с Минихом, чтобы изустно слышать, какое еще оставалось средство ко спасению; они говорили, что у гребцов неостанет сил, чтобы везти в Ревель. «Так что же! — возразил Миних. — Мы все будем им помогать». Весь двор содрогнулся от сего предложения, и потому ли, что лесть не оставляла сего несчастного государя, или потому, что он был окружен изменниками (ибо чему приписать такое несогласие их мнений?), ему представили, что он не в такой еще крайности; неприлично столь мощному государю выходить из своих владений на одном судне; невозможно верить, чтобы нация против него взбунтовалась, и, верно, целью сего возмущения имеют, чтобы примирить его с женою.

Петр решился на примирение, и, как человек, желающий даровать прощение, он приказал себя высадить в Ораниенбауме. Слуги со слезами встретили его на берегу. «Дети мои, — сказал он, — теперь мы ничего не значим». Их слезы тронули его до глубины души и сердца. Он узнал от них, что армия императрицы была очень близко, а потому тайно приказал оседлать наилучшую свою лошадь в намерении, переодевшись, уехать один в Польшу, но встревоженная мысль скоро привела его в недоумение, и его любезная, обольщенная надеждою найти убежище, а может быть, в то же время для себя и престол, убедила его послать к императрице просить ее, чтобы она позволила им ехать вместе в герцогство Голштинское. По словам ее, это значило исполнить все желания императрицы, которой ничто так не нужно, как примирение, столь благоприятное ее честолюбию. И когда императорские слуги кричали: «Батюшка наш! Она прикажет умертвить тебя!» — тогда любезная его отвечала им: «Для чего пугаете вы своего государя?!»

Это было последнее решение, и тотчас после единогласного совета, в котором положено, что единственное средство избежать первого ожесточения солдат было то, чтобы не делать им никакого сопротивления, он отдал приказ разрушить все, что могло служить к малейшей обороне, свезти пушки, распустить солдат и положить оружие. При сем зрелище Миних, объятый негодованием,

спросил его — ужели он не умеет умереть как император, перед своим войском? «Если вы боитесь,— продолжал он,— сабельного удара, то возьмите в руки распятие — они не осмелятся вам вредить, а я буду командовать в сражении». Император держался своего решения и написал своей супруге, что он оставляет ей Российское государство и просит только позволения удалиться в свое герцогство Голштинское с фрейлиною Воронцовой и адъютантом Гудовичем.

Камергер, которого наименовал он своим генералиссимусом, был послан с сим письмом, и все придворные бросались в первые суда и, поспешно оставляя императора, стремились умножить новый штат.

В ответ императрица послала к нему для подписания отречение следующего содержания:

«Во время кратковременного и самовластного моего царствования в Российской Империи я узнал на опыте, что не имею достаточных сил для такого бремени, и управление таковым государством не только самовластное, но какую бы ни было формою превышает мои понятия, и потому и заметил я колебание, за которым могло бы последовать и совершенное оною разрушение к вечному моему бесславию. Итак, сообразив благовременно все сие, я добровольно и торжественно объявляю всей России и целому свету, что на всю жизнь свою отрекаюсь от правления помянутым государством, не желая так царствовать ни самовластно, ни же под другою какою-либо формою правления, даже не домогаться того никогда посредством какой-либо посторонней помощи. В удостоверение чего клянусь перед богом и всею вселенною, написав и подписав сие отречение собственною своею рукою».

Чего оставалось бояться от человека, который унизил себя до того, что переписал и подписал такое отречение? Или что надобно подумать о нации, у которой такой человек был еще опасен?

Тот же самый камергер, отвезши сие отречение к императрице, скоро возвратился назад, чтобы обезоружить голштинских солдат, которые с бешенством отдавали свое оружие и были заперты по житницам; наконец он приказал сесть в карету императору, его любезной и любимцу и без всякого сопротивления привез их в Петергоф.

Петр, отдаваясь добровольно в руки своей супруги, был не без надежды. Первые войска, которые он встретил, никогда его не видали; это были те 3000 казаков,

которых нечаянный случай привел к сему происшествию. Они хранили глубокое молчание, и невольное чувство, которому он не мог противиться при виде их, не причинило ему никакого беспокойства. Но как скоро увидела его армия, то единогласные крики: «Да здравствует Екатерина!» — раздались со всех сторон, и среди сих-то новых восклицаний, неистово повторяемых, проехав все полки, он лишился памяти. Подъехали к большому подъезду, где при выходе из кареты его любезную подхватили солдаты и оборвали с нее знаки. Любимец его был встречен криком ругательства, на которое он отвечал им с гордостью и укорял их в преступлении. Император вошел один, в жару бешенства. Ему говорят: «Раздевайся!» И как ни один из мятежников не прикасался к нему рукою, то он сорвал с себя ленту, шпагу и платье, говоря: «Теперь я весь в ваших руках». Несколько минут сидел он в рубашке, босиком, на посмеяние солдат. Таким образом Петр был разлучен навсегда со своею любезною и своим любимцем, и через несколько минут все трое были вывезены под крепкими караулами в разные стороны.

Петербург со времени отправления императрицы был в неизвестности и 24 часа не получал никакой новости. По разным слухам, которые пробегали по городу, думали, что при малейших надеждах император найдет еще там своих защитников. Иностранцы были не без страха, зная, что настоящие русские, гнушаясь и новых обычаев, и всего, что приходит к ним из чужих краев, просили иногда у своих государей в награду позволения перебить всех иностранцев; но каков бы ни был конец, они опасались своевольства или ярости солдат.

В 5 часов вечера услышали отдаленный гром пушек; все внимательно прислушивались, скоро по равномерным промежуткам времени различили, что это были торжественные залпы; дождались об окончании дела, и с того времени во всех было одинаковое расположение.

Императрица ночевала в Петергофе, и на другой день поутру прежние ее собеседницы, которые оставили ее в ее бедствиях, молодые дамы, которые везде следовали за императором, придворные, которые, в намерении управлять сим государством в продолжение сих лет, питали в нем ненависть к его супруге, явились к ней все и поверглись к ногам ее.

Большая часть из них были родственники фрейлины Воронцовой. Видя их поверженных, княгиня Дашкова, сестра ее, также бросилась на колени, говоря: «Государыня, вот мое семейство, которым я вам пожертвовала».

Императрица приняла их всех с пленительным снисхождением и при них же пожаловала княгине «орденскую» ленту и драгоценные уборы сестры ее. Миних находился в сей же толпе, она сказала ему:

— Вы хотели против меня сражаться?

— Так, государыня, — отвечал он. — А теперь мой долг сражаться за вас.

Она оказала к нему такое уважение и милость, что, удивляясь дарованиям сей государыни, он скоро предложил ей в следующих потом разговорах все те знания во всех частях сей обширной империи, которые приобрел он в продолжительный век свой в науках на войне, в министерстве и ссылке, потому ли, что он был тронут сим великодушным и неожиданным приемом, или, как полагали, потому, что это было последнее усилие его честолюбия.

В сей самый день она возвратилась в город торжественно, и солдаты при сей радости были содержимы в такой же строгой дисциплине, как и во время возмущения.

Императрица была несколько разгорячена, и встревоженная кровь произвела по ее телу небольшие красноты. Она провела несколько дней в отдохновении. Новый двор ее представлял зрелище, достойное внимания; в нем радость столь великого успеха не препятствовала никому наблюдать все вокруг себя внимательно; тончайшие предосторожности были приняты посреди беспорядка, в котором придворные старались, уже по своей хитрости, взять преимущество над ревностными заговорщиками, гордящимися оказанною услугою, и поелику щедроты государыни не определяли никому надлежащего места, то всякий хотел показаться тем, чем непременно хотелось сделаться. В сии-то первые дни княгиня Дашкова, вошед к императрице, по особенной с нею короткости, к удивлению своему, увидела Орлова на длинных креслах и с обнаженною ногою, которую императрица сама перевязывала, ибо он получил в сию ногу контузию.

Княгиня сделала замечание на столь излишнюю милость, и скоро, узнав все подробнее, она приняла тон строгого наблюдения. Ее планы вольности, ее усердие участвовать в делах (что известно стало в чужих краях, где повсюду ей приписывали честь заговора, между тем как Екатерина хотела казаться избранною и, может быть, уснула себя в этом уверить); наконец, все не нравилось Екатерине), и немилость к ней (Дашковой) обнаружилась по дни блистательной славы, которую воздали ей из приличия.

Орлов скоро обратил на себя всеобщее внимание. Между императрицей и сим дотоле неизвестным человеком оказалась та нежная короткость, которая была следствием давнишней связи. Двор был в крайнем удивлении. Вельможи, из которых многие почитали несомненным права свои на сердце государыни, не понимая, как, несмотря даже на его неизвестность, сей соперник скрывался от их проницательности, с жесточайшею досадою видели, что они трудились только для его возвышения. Не знаю почему — по своей дерзости, в намерении заставить молчать своих соперников, или по согласию со своею любовью, дабы оправдать то величие, которое она ему предназначала, он осмелился однажды ей сказать в публичном обеде, что он самовластный повелитель гвардии и что лишит ее престола, стоит только ему захотеть. Все зрители за сие оскорбились, некоторые отвечали с негодованием, но столь жадные служители были худые придворные; они исчезли, и честолюбие Орлова не знало никаких пределов.

Город Москва, столица империи, получил известие о революции таким образом, который причинил много беспокойства. В столь обширном городе заключается настоящая российская нация, между тем как Петербург есть только резиденция двора. Пять полков составляли гарнизон. Губернатор приказал раздать каждому солдату по 20 патронов. Собрал их на большой площади пред старинным царским дворцом в древней крепости, называемой Кремлем, которая построена перед сим за 400 лет и была первою колыбелью российского могущества. Он пригласил туда и народ, который, с одной стороны, встревоженный раздачей патронов, а с другой — увлекаемый любопытством, собрался туда со всех сторон и в таком множестве, какое только могло поместиться в крепости. Тогда губернатор читал во весь голос манифест, в коем императрица объявляла о восшествии своем на престол и об отречении ее мужа; когда он окончил свое чтение, то закричал: «Да здравствует императрица Екатерина II!» Но вся сия толпа и пять полков хранили глубокое молчание. Он возобновил тот же крик — ему ответили тем же молчанием, которое прерывалось только глухим шумом солдат, роптавших между собою за то, что гвардейские полки располагают престолом по всей воле. Губернатор с жаром возбуждал офицеров, его окруживших, соединиться с ним; они закричали в третий раз: «Да здравствует императрица!» — опасаясь быть жертвою раздраженных солдат и народа, и тотчас приказали их распустить.

Уже прошло 6 дней после революции: и сие великое происшествие казалось конченным так, что никакое насилие не оставило неприятных впечатлений. Петр содержался в прекрасном доме, называемом Ропша, в 6 милях от Петербурга. В дороге он спросил карты и соорудил из них род крепости, говоря: «Я в жизнь свою более их не увижу». Приехав в сию деревню, он спросил свою скрипку, собаку и негра.

Но солдаты удивлялись своему поступку и не понимали, какое очарование руководило их к тому, что они лишили престола внука Петра Великого и возложили его корону на немку. Большая часть без цели и мысли были увлечены движением других, и когда всякий вошел в себя и удовольствие располагать короною миновало, то почувствовали угрызения. Матросы, которых не льстили ничем во время бунта, упрекали публично в кабачках гвардейцев, что они на пиво продали своего императора, и сострадание, которое оправдывает и самых величайших злодеев, говорило в сердце каждого. В одну ночь приверженная к императрице толпа солдат взбунтовалась от пустого страха, говоря, что их матушка в опасности. Надлежало ее разбудить, чтобы они ее видели. В следующую ночь новое возмущение, еще опаснее, — одним словом, пока жизнь императора подавала повод к мятежам, то думали, что нельзя ожидать спокойствия.

Один из графов Орловых (ибо с первого дня им дано было сие достоинство), тот самый солдат, известный по находящемуся на лице знаку, который утаил билет княгини Дашковой, и некто по имени Теплов, достигший из нижних чинов по особенному дару губить своих соперников, пришли вместе к несчастному государю и объявили при входе, что они намерены с ним обедать. По обыкновению русскому, перед обедом подали рюмки с водкою, и представленная императору была с ядом. Потому ли, что они спешили доставить свою новость, или ужас злодеяния понуждал их торопиться, через минуту они налили ему другую. Уже пламя распространялось по его жилам, и злодейство, изображенное на их лицах, возбудило в нем подозрение — он отказался от другой; они употребили насилие, а он против них оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли на землю; но как он защищался всеми силами, какие придает последнее отчаяние, а они избивали всячески, чтобы не нанести ему раны, опасаясь за сие наказание, то и призвали к себе на помощь двух офи-

церов, которым поручено было его караулить и которые в сие время стояли у дверей вне тюрьмы. Это был младший князь Барятинский¹⁹ и некто Потемкин²⁰, 17-ти лет от роду. Они показали такое рвение в заговоре, что, несмотря на их первую молодость, им вверили сию стражу. Они прибежали, и трое из сих убийц, обвязав и стянувши салфеткою шею сего несчастного императора (между тем как Орлов обеими коленями давил ему грудь и запер дыхание), таким образом его задушили, и он испустил дух в руках их.

Нельзя достоверно сказать, какое участие принимала императрица в сем приключении; но известно то, что в сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменною веселостию.

Вдруг является тот самый Орлов — растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости. Войдя в комнату, сверкающие и быстрые глаза его искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ее министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом публиковать о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другое утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тою же веселостию. Наутро, когда узнали, что Петр умер от геморроидальной колики, она показала, орошенная слезами, и возвестила печаль своим указом.

Тело покойного было привезено в Петербург и выставлено напоказ. Лицо черное, и шея уязвленная. Несмотря на сии ужасные знаки, чтобы усмирить возмущения, которые начинали обнаруживаться, и предупредить, чтобы самозванцы под его именем не потрясли бы некогда империю, его показывали три дня народу в простом наряде голштинского офицера. Его солдаты, получив свободу, но без оружия, мешались в толпе народа и, смотря на своего государя, обнаруживали на лицах своих жалость, презрение, некоторый род стыда и позднего раскаяния.

Скоро их посадили на суда и отправили в свое отечество; но по роковому действию на них жестокой их судьбы буря потопила почти всех сих несчастных. Некоторые спаслись на ближайших скалах к берегу, но были также потоплены тем временем, как кронштадтский губернатор посылал в Петербург спросить, позволено ли будет им помочь.

Императрица спешила отправить всех родственников покойного императора в Голштинию со всею почестью и даже отдала сие герцогство в управление принцу Георгу. Бирон, который уступал сему принцу права свои на герцогство Курляндское, при сем отдалении увидел себя в прежних своих правах; а императрица, желая уничтожить управляющего там принца и имея намерение господствовать там одна, чтобы не встречать препятствий своим планам на Польшу, и не зная, на что употребить такого человека, как Бирон, отправила его царствовать в сие герцогство.

Узнав о революции, Понятовский, почитая ее свободною, хотел перед ней явиться, но благоразумные советы его удержали; он остановился на границах и всякую минуту ожидал позволения приехать в Петербург; со времени своего отъезда он доказывал к ней самую настоящую страсть, которая может служить примером. Сей молодой человек, выехавший из России поспешно, в такой земле, где искусства не усовершенствованы, не мог достать портрета своей любезной, но по его памяти, по его описанию достиг того, что ему написали ее совершенно сходною. Не отнимая у него надежды, она умела всегда держать его в отдалении, и скоро употребила русское оружие, которое всегда желает квартировать в Польше, чтобы доставить ему корону. Она склонила принца Ангальт-Цербстского, своего брата, не служить никакому монарху; но она не принимала его также и в Россию, всячески избегая всего того, что могло напоминать русским, что она иностранка, и через то внушать им опасение подпасть опять под иго немцев. Все государи наперерыв искали ее союза, и один только китайский император, которого обширные области граничат с Россиею, отказался принять ее посольство и дал ответ, что он не ищет с нею ни дружбы, ни коммерции и никакого сообщения.

Первое старание ее было вызвать прежнего канцлера Бестужева, который, гордясь тогда самою ссылкою своею, расставил во многих местах во дворце свои портреты в одеянии несчастного. Она наказала слегка француза Брессана, уведомившего императора, и оставив ему все его имущество, казалось, удовлетворила ненависти придворных только тем, что отняла у него ленту третьего по империи ордена. Она немедленно дала почувствовать графу Шувалову, что он должен удалиться, и жестоко подшутила, подарив любимцу покойной императрицы старого араба, любимого шута покойного императора. Укрепив порядок во всех частях государства, она пое-

хала в Москву для коронования своего в Соборной церкви древних царей. Сия столица встретила ее равнодушно — без удовольствия. Когда она проезжала по улицам, то народ бежал от нее, между тем как сын ее всегда окружен был толпою. Против нее были даже заговоры, пиемонтец Одар был доносчиком. Он изменил прежним друзьям своим, которые, будучи уже недовольны императрицею, устроили ей новые ковы, и в единственную за то награду просил только денег. На все предложения, деланные ему императрицею, чтобы возвести его на высшую степень, он отвечал всегда: «Государыня, дайте мне денег», — и как скоро получил, то и возвратился в свое отечество.

Через полгода она возвратила ко двору того Гудовича, который был так предан императору, и его верность была вознаграждена благосклонным предложением наилучших женщин. Фрейлине Воронцовой, недостойной своей сопернице, она позволила возвратиться в Москву в свое семейство, где нашла она сестру княгиню Дашкову, которой от столь знаменитого предприятия остались в удел только беременность, скрытая досада и горестное познание людей.

Вся обстановка сего царствования, казалось, состояла в руках Орловых. Любимец скоро отрешил от должности главного начальника артиллерии Вильбуа и получил себе его место и полк. Замеченный рубцом на лице остался в одном гвардейском полку с главным надзором над всем корпусом, а третий получил первое место в Сенате. Кровавый переворот окончил жизнь Иоанна, и императрица не опасалась более соперника, кроме собственного сына, против которого она, казалось, себя обеспечила, поверив главное управление делами графу Панину, бывшему всегда его воспитателем. Доверенность, которую пользовался сей министр, противопоставалась всегда могуществу Орловых, почему двор разделялся на две партии — остаток двух заговоров, и императрица посреди обеих управляла самовластно с такою славою, что в царствование ее многочисленные народы Европы и Азии покорялись ее власти.

Л.-Ф. СЕГЮР

ЗАПИСКИ
О
ПРЕБЫВАНИИ
В РОССИИ
В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II

обеда, балы, спектакли и празднества — все это было запечатлено благородством, достоинством и вкусом. Великая княгиня, величавая, ласковая и естественная, прекрасная без желания нравиться, непринужденно любезная, представляла собой изящное воплощение добродетели. Павел Петрович желал нравиться; он был образован; в нем заметны были живость ума и благородное великодушие. Тем не менее без труда можно было заметить в его обращении и особенно в его разговорах о настоящем и будущем его положении какую-то чрезвычайную щекогливость...

Не приступая еще к переговорам и не имея к тому никакого особенного повода в настоящую минуту, я старался только узнать лица, имевшие вес при дворе, и изучить нравы и обычаи жителей этой северной столицы, еще недавно основанной, малоизвестной большей части моих соотечественников и куда я был перенесен судьбою на несколько лет. Путешественники и составители разных словарей подробно описали дворцы, храмы, каналы и богатые здания этого города, служащего дивным памятником победы, одержанной гениальным человеком над природой. Все описывали красоту Невы, величие ее гранитной набережной, прекрасный вид Кронштадта, унылую прелесть дворца и садов петергофских, наводящих путешественника на грустные мысли. Дорога от Петергофа в Петербург чрезвычайно живописна. Она идет между красивыми дачами и прекрасными садами, где петербургское общество ежегодно проводит короткое лето и в несколько теплых дней забывает о жестокости сурового климата, наслаждаясь постоянной зеленью деревьев и лугов, которая на болотистой почве поддерживается до первого снега.

Петербург представляет уму двойственное зрелище: здесь в одно время встречаешь просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу. С одной стороны — модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют избранное общество Парижа и Лондона; с другой — купцы в азиатской одежде, извозчики, слуги и мужики в овчинных тулупах, с длинными бородами, с меховыми шапками и рукавицами и иногда с топорами, заткнутыми за ременными поясами. Эти одежды, шерстяная обувь и род грубого котурна на ногах напоминают скифов, даков, роксолан и готов, некогда грозных для римского мира. Изображения дикарей на барельефах Траяновой колонны в Риме как будто оживают и движутся перед вашими глазами. Кажется,

слышишь тот же язык, те жекрики, которые раздавались в Балканских и Альпийских горах и перед которыми обращались вспять полчища римских и византийских цезарей. Но когда эти люди на барках или на возах поют свои мелодические, хотя и однообразно грустные песни, то вспомнишь, что это уже не древние независимые скифы, а москвитяне, потерявшие свою гордость под гнетом татар и русских бояр, которые, однако, не истребили их прежнюю мощь и врожденную отвагу.

Их сельские жилища напоминают простоту первобытных нравов; они построены из сколоченных вместе бревен; маленькое отверстие служит окном; в узкой комнате со скамьями вдоль стен стоит широкая печь. В углу висят образа, и им кланяются входящие прежде, чем приветствуют хозяев. Каша и жареное мясо служат им обыкновенною пищею, они пьют квас и мед; к несчастью, они, кроме этого, употребляют водку, которую не проглотит горло европейца. Богатые купцы в городах любят угощать с безмерною и грубою роскошью: они подают на стол огромнейшие блюда говядины, дичи, рыбы, яиц, пирогов, подносимых без порядка, некстати и в таком множестве, что самые отважные желудки приходят в ужас. Так как у низшего класса народа в этом государстве нет всеоживляющего и подстрекающего двигателя — *самолюбия*, нет желания возвыситься и обогатиться, чтобы умножить свои наслаждения, то ничего не может быть однообразнее их жизни... ограниченнее их нужд и постоянное их привычек. Нынешний день у них всегда повторение вчерашнего; ничто не изменяется; даже их женщины, в своей восточной одежде, с румянами на лице (у них даже слово *красный* означает *красоту*), в праздничные дни надевают покрывала с галунами и повойники с бисером, доставшиеся им по наследству от матушек и украшавшие их прабабушек. Русское простонародье, погруженное в рабство, не знакомо с нравственным благосостоянием, но оно пользуется некоторою степенью внешнего довольства, имея всегда обеспеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяет своим необходимым потребностям и не испытывает страданий нищеты, этой страшной язвы просвещенных народов. Помещики в России имеют почти неограниченную власть над своими крестьянами, но, надо признаться, почти все они пользуются ею с чрезвычайною умеренностью; при постепенном смягчении нравов подчинение их приближается к тому положению, в котором были в Европе крестьяне, прикрепленные к земле (*servitude de la glèbe*). Каждый

крестьянин платит умеренный оброк за землю, которую обрабатывает, и распределение этого налога производится старостами, выбранными из их среды.

Когда переходишь от этой невежественной части русского населения, еще коснеющей во тьме средних веков, к сословию дворян богатых и образованных, то внимание поражается совершенно иным зрелищем. Здесь я должен напомнить, что изображаю русское общество так, как оно было за сорок лет перед этим. С тех пор оно изменилось, улучшилось во всех отношениях. Русская молодежь, которую война и жажда познаний рассеяли по всем европейским городам и дворам, показала, до какой степени усовершенствовались искусства, науки и вкус в государстве, которое в первую пору царствования Людовика XV считалось необразованным и варварским.

Когда я прибыл в Петербург, в нем под покровом европейского лоска еще видны были следы прежних времен. Среди небольшого, избранного числа образованных и видевших свет людей, ни в чем не уступавших придворным лицам блистательнейших европейских дворов, было немало таких, в особенности стариков, которые по разговору, наружности, привычкам, невежеству и пустоте своей принадлежали скорее времени бояр, чем царствованию Екатерины.

Но это различие оказывалось только по тщательном наблюдении; во внешности оно не было заметно. С полвека уже все привыкли подражать иностранцам — одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как французы, англичане и немцы. Все, что касается до обращения и приличий, было перенято превосходно. Женщины ушли далее мужчины на пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красою, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии. Между тем мужчины, исключая сотню придворных, каковы, например, Румянцевы, Разумовские, Строгановы, Шуваловы, Воронцовы, Куракины, Голицыны, Долгоруковы и прочие, большею частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно вежливы и, по видимому, мало знали о том, что происходило за пределами их отечества. Впрочем, обычаи, введенные Екатериною, придали такую приятность жизни петербургского общества, что изменения, произведенные временем, могли только вести к лучшему. Кроме праздничных дней, обеда,

балы и вечера были немногочисленны, но общество в них было непестрое и хорошо выбранное; они не были похожи на пышные наши рауты, где царствует скука и беспорядок. Одежда, занятая у французских придворных, была менее покойна, чем фраки, сапоги и круглые шляпы, но она поддерживала приличие, любезность и благородство в обращении. Так как все обедали рано, то время после полудня было посвящено исполнению общественных требований, обычным визитам и съездам в гостиных, где ум и вкус образовывались приятным и разнообразным разговором. Это напоминало мне то веселое время, которое я проводил в парижских гостиных. Но слишком частые и неизбежные празднества не только при дворе, но и в обществе показались мне слишком пышными и утомительными. Было введено обычаем праздновать дни рождения и именины всякого знакомого лица, и не явиться с поздравлением в такой день было бы невежливо. В эти дни никого не приглашали, но принимали всех, и все знакомые съезжались. Можно себе представить, чего стоило русским барам соблюдение этого обычая: им беспрестанно приходилось устраивать пиры.

Другого рода роскошь, обременительная для дворян и грозящая им разорением, если они не образумятся, это — многочисленная прислуга их. Дворовые люди, взятые из крестьян, считают господскую службу за честь и милость; они почитали бы себя наказанными и разжалованными, если бы их возвратили в деревню. Эти люди вступают между собою в браки и размножаются до такой степени, что нередко встречаешь помещика, у которого 400 и до 500 человек дворовых всех возрастов, обоих полов, и всех их он считает долгом держать при себе, хоть и не может занять их всех работой. Не менее того удивил меня другой обычай, введенный тщеславием: лица чином выше полковника должны были ездить в карете в четыре или шесть лошадей, смотря по чину, с длиннобородым кучером и двумя фореиторами. Когда я в первый раз выехал таким образом с визитом к одной даме, жившей в соседнем доме, то мой фореитор уже был под ее воротами, а моя карета еще на моем дворе!

Зимой снимают с карет колеса и заменяют их полозьями. Зимний санный путь по гладким, широким улицам всегда прекрасен, так ровен и тверд, как будто убит мельчайшим песком; ничто не может сравниться с быстротой, с которою едешь или, лучше сказать, катишься по улицам этого прекрасного города.

Я уже говорил, с какою умеренностью русские поме-

ники пользуются своею, по закону неограниченную, властью над своими крепостными. Во время моего долгого пребывания в России многие примеры привязанности крестьян к своим помещикам доказали мне, что я насчет этого не ошибся. В числе многих подобных примеров, на какие я бы мог указать, ограничусь одним. Обер-камергер граф ***, наделав больших долгов, вынужден был для их уплаты продать имение, находившееся в трехстах или четырехстах верстах от столицы. Однажды утром, проснувшись, он слышит ужасный шум у себя на дворе; шумела толпа собравшихся крестьян; он их призывает и спрашивает о причине этой сходки. «До нас дошли слухи, говорят эти добрые люди,— что вашей милости приходится продавать нашу деревню, чтобы заплатить долги. Мы спокойны и довольны под вашею властью, вы нас осчастливили, мы вам благодарны за то и не хотим остаться без вас. Для этого мы сделали складчину и послали поднести вам деньги, какие вам нужны; умоляем вас принять их». Граф, после некоторого сопротивления, принял дар, с удовольствием сознавая, что его хорошее обращение с крестьянами вознаградилось таким приятным образом. Тем не менее эти люди достойны сожаления, потому что их участь зависит от изменчивой судьбы, которая, по своему произволу, подчиняет их хорошему или дурному владельцу. Эта истина не нуждается в доказательствах; несмотря на то, я не могу не вспомнить кстати анекдот, который показал мне, до какой степени неограниченная власть помещика, предающегося своим страстям, может оскорблять невинность, слабость и добродетель, которым нет никакой опоры в законах. Случай этот покажет, какой опасности могут подвергаться даже иностранцы свободные, но неизвестные, по несчастным обстоятельствам принужденные служить в стране, где господствует рабство. Они неожиданно могут стать наряду с самыми угнетенными рабами и не найдут защиты в самом сильном покровителе.

Мария-Филисите Ле Риш (Le Riche), девушка молодая, хорошенькая и с сердцем, приехала в Россию вместе с отцом, которого молодой русский барин вызвал для управления своей фабрикой. Предприятие это не удалось, и разоренный старик не в состоянии был содержать себя и дочь. Мария была влюблена в молодого работника, но вместе с тем она возбудила сильную страсть в русском офицере, помещике, у которого служил ее отец. Этот господин, стремясь к удовлетворению своих желаний, легко склонил отца Марии отказать бедному ее жениху и

вместе с тем сказал старику, что одна из его родственниц желает иметь при себе молодую девушку и что это место было бы выгодно для его дочери. Несчастный отец принял с благодарностью его предложение. Мария, разлученная со своим женихом, отправилась в Петербург, где была помещена под присмотр хитрой старухи, в маленькой квартире; здесь она имела все необходимое, кроме свободы, покровительства, на которое она надеялась, и возможности видеться и переписываться со своим женихом. Мария была в поре надежд, терпела и положила на будущее. Но скоро разразилось над ней горе. Ложный ее благодетель приезжает, сбрасывает с себя личину притворства и является низким соблазнителем. Она противится ему с двойною силою любви и добродетели. Убежденный в бесполезности всех средств к обольщению до тех пор, пока молодая девушка сохранит малейшую надежду принадлежать хоть когда-нибудь любимому человеку, похититель обманывает ее ложною вестью о смерти ее жениха. Она впадает в отчаяние и меланхолию. Ее преследователь пользуется ее беспомощным положением, с неистовством довершает свое преступление и потом бессовестно бросает ее. Несчастливая изнемогает и теряет рассудок; добрые соседи сжалились над ней и поместили ее в больницу. Два года спустя после этого происшествия я видел эту несчастную жертву преступления и любви. Она была бледна, слаба; в ее лице заметны были следы прошлой красоты; она молчала, потому что не находила слов, чтобы выразить свое страдание. С недвижным взором, с рукой на сердце, она стояла в том же самом оцепенении и безмолвии, как в ту минуту, когда узнала о смерти своего милого. Только тело ее жило; душа же ее как будто искала того, который мог бы составить счастье ее жизни. Эта грустная картина никогда не изгладится из моей памяти. Г-н Дагесо, муж моей сестры, находившийся в то время в Петербурге, был, подобно мне, тронут видом этой молодой девушки и набросал ее портрет. Я сохранил этот рисунок, и он часто напоминает мне бедную Марию и ее судьбу.

Обычай наказывать за проступки без всякого разбирательства и пересуда вводит в ужасные ошибки даже самых кротких помещиков. Вот пример такого недоразумения, кончившийся довольно забавно благодаря действующим лицам, хотя начало было очень печально и даже жестоко.

Раз утром торопливо прибегает ко мне какой-то человек, смущенный, взволнованный страхом, страданием и

гневом, с растрепанными волосами, с глазами красными и в слезах; голос его дрожал, платье его было в беспорядке; это был француз. Я спросил его, отчего он так расстроен.

Граф,— отвечал он,— прибегаю к вашему покровительству, со мной поступили страшно несправедливо и жестоко; по приказанию одного вельможи меня сейчас оскорбили без всякой причины: мне дали сто ударов кнутом.

Такое обращение,— сказал я,— даже в случае важного проступка непростительно; если же это случилось без всякого повода, как вы говорите, то это даже непонятно и совершенно невероятно. Кто же это мог сделать?

Его сиятельство граф Б.

Вы с ума сошли,— возразил я,— невозможно, чтобы человек такой почтенный, образованный и всеми уважаемый, как граф Б., позволил себе такое обращение с французом. Вероятно, вы сами осмелились его оскорбить?

Нет,— возразил он,— я даже никогда не знал графа Б.; я повар. Узнав, что граф желает иметь повара, я явился к нему в дом, и меня повели наверх, в его комнаты. Только что доложили обо мне, он приказал мне дать сто ударов, что сейчас же и было исполнено. Вы не поверите, что это так случилось, однако это правда; если хотите, я могу представить вам доказательство и показать мою спину.

Слушайте же,— сказал я ему наконец,— если, вопреки всякому вероятию, вы сказали правду, я буду требовать удовлетворения за это оскорбление. Я не потерплю, чтобы обращались таким образом с моими соотечественниками, которых я обязан защищать. Если то, что вы мне сказали,— неправда, то я сумею наказать вас за такую клевету. Снесите сами письмо, которое я сейчас напишу графу; кто-нибудь из моих людей пойдет с вами.

Я действительно тотчас написал графу Б. о странной жалобе повара и, между прочим, заметил, что хоть я и не верю всему этому, однако обязан оказать защиту моему французцу и прошу его объяснить мне это странное дело. Очень могло быть, что кто-нибудь из его слуг недостойно воспользовался его именем для такого насилия. Я его предупредил, что с нетерпением ожидаю его ответа, чтобы принять нужные меры для наказания того, кто принес жалобу, в случае, если он солгал, и чтобы удовлетворить его, если он, против всякого вероятия, говорит правду.

Прошли два часа; я не получал никакого ответа. Наконец я стал терять терпение и хотел уже идти сам за объяснением, которого требовал, как вдруг опять явился повар, но в совершенно другом настроении: он был спокоен, улыбался и смотрел весело.

— Ну, что же, принесли вы мне ответ? — спросил я его.

— Нет, граф, его превосходительство сам доставит вам его вскоре; а мне уж больше не на что жаловаться, я доволен, совершенно доволен; тут вышла ошибка, мне остается только поблагодарить вас за вашу милость.

— Как, разве уже следы ваших ста ударов исчезли?

— Нет, они еще на моей спине и очень заметны, но их очень хорошо залечили и меня совершенно успокоили. Мне все объяснили; вот как было дело: у графа Б. был крепостной повар, родом из его вотчины; несколько дней тому назад он бежал и, говорят, обокрал его. Его сиятельство приказал отыскать его и, как только приведут, высечь. В это-то самое время я явился, чтобы проситься на его место. Когда меня ввели в кабинет графа, он сидел за своим столом, спиной к двери, и был очень занят. Меня ввел лакей и сказал графу: «Ваше сиятельство, вот повар». Граф, не оборачиваясь, тотчас отвечал: «Свести его на двор и дать ему сто ударов!» Лакей тотчас запирает дверь, тащит меня на двор и, с помощью своих товарищей, как я уже вам говорил, отсчитывает на спине бедного французского повара удары, назначенные беглому русскому. Его сиятельство сожалеет обо мне, сам объяснил мне эту ошибку и потом подарил мне вот этот кошелек с золотом.

Я отпустил этого бедняка, но не мог не заметить, что он слишком легко утешился после побоев.

Все эти выходки — выходки то жестокие, то странные и редко забавные — происходят от недостатка твердых учреждений и гарантий. В стране безгласного послушания и несправедливости владетель самый справедливый и разумный должен остерегаться последствий необдуманного и поспешного приказанья.

Приведу случай, может быть, немного странный, но достоверность его мне подтвердили многие русские, а один из моих сослуживцев, теперь член палаты пэров, не раз слышал о нем в России. Заметьте, что это случилось в царствование Екатерины II, которая как прежде, так и теперь считается всеми подданными своей пространной империи образцом мудрости, благоразумия, кротости и доброты.

Один богатый иностранец, Судерланд, приняв русское подданство, был придворным банкиром. Он пользовался расположением императрицы. Однажды ему говорят, что его дом окружен солдатами и что полицеймейстер Р. желает с ним переговорить. Р. со смущенным видом входит к нему и говорит:

— Господин Судерланд, я с прискорбием получил поручение от императрицы исполнить приказание ее, строгость которого меня пугает; не знаю, за какой проступок, за какое преступление вы подверглись гневу ее величества.

Я тоже ничего не знаю и, признаюсь, не менее вас удивлен. Но скажите же наконец, какое это наказание?

У меня, право, — отвечает полицеймейстер, — недостает духу, чтоб вам объявить его.

Неужели я потерял доверие императрицы?

Если б только это, я бы не так опечалился: доверие может возвратиться и место вы можете получить снова.

Так что же? Не хотят ли меня выслать отсюда?

Это было бы неприятно, но с вашим состоянием везде хорошо.

Господи, воскликнул испуганный Судерланд, — может быть, меня хотят сослать в Сибирь?

Уны, и оттуда возвращаются!

В крепость меня сажают, что ли?

Это бы еще ничего: и из крепости выходят.

Боже мой, уж не иду ли я под кнут?

Целивание страшное, но от него не всегда умирают.

Как, воскликнул банкир, рыдая, — моя жизнь в опасности? Императрица, добрая, великодушная, на днях еще говорила со мной так милостиво, неужели она захочет? Но я не могу этому верить. О, говорите же скорее! Лучше смерть, чем эта неизвестность!

— Императрица, отвечал уныло полицеймейстер, — приказала мне сделать из вас чучелу...

— Чучелу? вскричал пораженный Судерланд. — Да вы с ума сошли! И как же вы могли согласиться исполнить такое приказание, не представив ей всю его жестокость и нелепость?

— Ах, любезный друг, я сделал то, что мы редко позволяем себе делать: я удивился и огорчился, я хотел даже возражать, но императрица рассердилась, упрекнула меня за непослушание, велела мне выйти и тотчас же исполнить ее приказание; вот ее слова, они мне и теперь

еще слышатся: «Ступайте и не забывайте, что ваша обязанность — исполнять беспрекословно все мои приказания».

Невозможно описать удивление, гнев и отчаяние бедного банкира. Полицеймейстер дал ему четверть часа сроку, чтоб привести в порядок его дела. Судерланд тщетно умолял его позволить ему написать письмо императрице, чтоб прибегнуть к ее милосердию. Полицеймейстер наконец, однако со страхом, согласился, но, не смея нести его во дворец, взялся доставить его графу Брюсу. Граф сначала подумал, что полицеймейстер помешался, и, приказав ему следовать за собою, немедленно поехал к императрице; входит к государыне и объясняет ей, в чем дело. Екатерина, услышав этот странный рассказ, восклицает: «Боже мой! Какие страсти! Р. точно помешался! Граф, бегите скорее, сказать этому сумасшедшему, чтобы он сейчас поспешил утешить и освободить моего бедного банкира!»

Граф выходит и, отдав приказание, к удивлению своему, видит, что императрица хохочет.

— Теперь,— говорит она,— я поняла причину этого забавного и странного случая: у меня была маленькая собачка, которую я очень любила; ее звали Судерландом, потому что я получила ее в подарок от банкира. Недавно она околела, и я приказала Р. сделать из нее чучелу, но, видя, что он не решается, я рассердилась на него, приписав его отказ тому, что он из глупого тщеславия считает это поручение недостойным себя. Вот вам разрешение этой странной загадки.

Впрочем, я считаю нужным повторить, что общественные нравы и мудрые намерения Екатерины и двух ее преемников сделали для образования почти столько же хорошего, сколько могли произвести дельные законы. Во время пятилетнего моего пребывания в России я не слышал ни одного случая жестокости и угнетения. Крестьяне действительно живут в рабском состоянии, но с ними хорошо обращаются. Нигде не встретишь ни одного нищего, а если они попадают, их отсылают к владельцам, которые обязаны их содержать; сами же дворяне хотя и подчинены неограниченной власти, но пользуются, по своему положению и уважению к ним общества, гораздо большим значением, чем во всех прочих, даже конституционных, странах Европы. Екатерина дала дворянству право выборов, и каждая губерния выбирает своих руководителей и судей. Все военные и гражданские должности находятся в их руках. Недостает только прочных зако-

нов, которые обеспечивали бы права престола, права дворянства и постепенное улучшение быта крестьян...

Иностранцы принимаются в России с самым внимательным гостеприимством. Никогда я не забуду приема, не только любезного, но и радушного, сделанного мне блестящим петербургским обществом. В короткое время знакомство с истинно достойными людьми и с любезными дамами заставило меня забыть, что я у них чужой... Трудно было бы найти женщину добродушнее и умнее графини Салтыковой; как искренно и непритворно добры были графини Остерман, Чернышева, Пушкина, госпожа Дивова; в Париже все любовались бы красотой и прелестью княжны Долгоруковой и ее матери, княгини Барянской, графини Чернышевой, прелестной графини Скавронской, головка которой могла бы служить для художника образцом головы Амура. Молодые Нарышкины, графиня Разумовская, уже немолодая, фрейлины, украшение дворца императрицы, привлекали к себе взгляды и похвалы. Бывало, нехотя покидаешь умный разговор графини Шуваловой или оригинальную и острую беседу госпожи Загряжской (Zagreski).

Графы Румянцев, Салтыков, Строганов, Андрей Разумовский, известный своими успехами в политике; Андрей Шувалов, своим *Épître à Ninon* (Поэтическое послание к Нинон) занявший место в ряду французских поэтов; братья графы Воронцовы³⁰, отличавшиеся один на поприще правительственном, другой в дипломатии; граф Безбородко³¹, скрывавший тонкий ум под тяжелую наружность; князь Репнин, вежливый царедворец и вместе храбрый генерал; благородный и прямодушный Михельсон³², победитель Пугачева; фельдмаршал Румянцев, обессмертившийся своими победами; даже Суворов³³, который лаврами прикрывал свои странности, забавные ужимки и едва позволительные причуды, наконец, множество молодых полковников и генералов, которые доказывали, что Россия идет вперед на пути славы и просвещения, — все, разумеется, привлекали мое внимание и уважение. Я бы мог включить в число этих лиц имена Голицына, Куракина, Кушелева и других, если бы меня не удерживали тесные пределы моего рассказа. Но я не могу умолчать о старухе графине Румянцевой, матери фельдмаршала. Разрушающееся тело ее одно свидетельствовало об ее преклонных летах; но она обладала живым, веселым умом и юным воображением. Так как у нее была прекрасная память, то разговор ее имел всю прелесть и поучительность хорошо изложенной истории.

Она присутствовала при заложении города Петербурга, и потому наша поговорка: *стара, как улица* (*vieille comme les rues*), могла вполне быть применена к ней. Будучи во Франции, она присутствовала на обеде у Людовика XIV³⁴ и описывала мне наружность, манеры, выражение лица и одежду г-жи Ментенон, как будто бы только вчера ее видела. Она передавала мне любопытные подробности о знаменитом герцоге Мальборо, которого посетила в его лагере. В другой раз она представила мне верную картину двора английской королевы Анны, которая осыпала ее своими милостями; наконец, она рассказывала о том, как за ней ухаживал Петр Великий.

Но всего любопытнее и важнее для меня было знакомство со знаменитым и могущественным князем Потемкиным. Если представить очерк этой личности, то можно быть уверену, что никто не смешает его с кем-нибудь другим. Никогда еще ни при дворе, ни на поприще гражданском или военном не бывало царедворца более великолепного и дикого, министра более предприимчивого и менее трудолюбивого, полководца более храброго и вместе нерешительного. Он представлял собою самую своеобразную личность, потому что в нем непостижимо смешаны были величие и мелочность, лень и деятельность, храбрость и робость, честолюбие и беззаботность. Везде этот человек был бы замечателен своею странностью. Но за пределами России и без особенных обстоятельств, доставивших ему благоволение Екатерины II, он не только не мог бы приобрести такую огромную известность и достичь до такого высокого сана, но едва ли бы дослужился до сколько-нибудь значащего чина. По своей странности и непоследовательности в мыслях, он не пошел бы далеко ни на военном, ни на гражданском поприще.

Еще в начале царствования Екатерины Потемкин был не более как девятнадцатилетний унтер-офицер; в день переворота он один из первых стал на сторону императрицы. Однажды, на параде, счастливый случай привлек на него внимание государыни: она держала в руках шпагу, и ей понадобился темляк. Потемкин подъезжает к ней и вручает ей свой; он хочет почтительно удалиться, но его лошадь, приученная к строю, заупрямилась и не захотела отойти от коня государыни; Екатерина заметила это, улыбнулась и между тем обратила внимание на молодого унтер-офицера, который против воли все стоял подле нее; потом заговорила с ним, и он ей понравился своею наружностью, осанкою, ловкостью, ответами. Осведомившись о его имени, государыня пожаловала его офицером

и вскоре назначила своим камер-юнкером. И так упрямство непослушной лошади повело его на путь почестей, богатства и могущества. Он сам рассказал мне этот анекдот.

Потемкин обладал счастливой памятью при врожденном живом, быстром и подвижном уме, но вместе с тем был беспечен и ленив. Любя покой, он был, однако, ненастоящим сластолюбив, властолюбив и склонен к роскоши, и потому счастье, служа ему, утомляло его; оно не соответствовало его лени и при всем том не могло удовлетворить его причудливым и пылким желаниям. Этого человека можно было сделать богатым и сильным, но нельзя было сделать счастливым. У него было доброе сердце и ясный ум. Будучи и скуп, и расточителен, он раздавал множество милостыни и редко платил долги свои. Свет ему надоел; ему казалось, что он в обществе лишний; но, несмотря на то, он дома окружил себя как бы двором. Любезный в тесном кругу, в большом обществе он являлся высокомерным и почти неприступным; впрочем, он стеснял других только потому, что сам чувствовал себя связанным. В нем была какая-то робость, которую он хотел скрыть или победить гордым обращением. Чтобы снискать его расположение, нужно было не бояться его, обходиться с ним просто, первому начинать с ним разговор, стараться ничем не затруднять его и быть с ним как можно развязнее.

Хотя он и воспитывался в университете, но он меньше научился из книг, чем от людей; лень ему мешала учиться, но любознательность его повсюду искала пищи. Он чрезвычайно любил расспрашивать, и так как по сану своему он сходил с людьми различных сословий и званий, то толками и расспросами обогащал свою память и приобрел такие сведения, что уму его дивились все, не только люди государственные и военные, но и путешественники, ученые, литераторы, художники, даже ремесленники. Любимый предмет его было богословие. Будучи тщеславен, честолюбив и прихотлив, он был не только богомолен, но даже суеверен. Мне случалось видеть, как он по целым утрам занимался рассматриванием образцов драгунских киверов, чепчиков и платьев для своих племянниц, митр и священнических облачений. Бывало, непременно привлечешь его внимание и удалишь его от других занятий, если заговоришь с ним о распрях греческой церкви с римскою, о соборах Никейском, Халкедонском³⁵ или Флорентийском³⁶. До мечтательности честолюбивый, он воображал себя то курляндским герцогом, то

королем польским, то задумывал основать духовный орден или просто сделаться монахом. То, чем он обладал, ему надоедало; чего он достичь не мог — возбуждало его желания. Ненасытный и пресыщенный, он был вполне любимец счастья, и так же подвижен, непостоянен и прихотлив, как само счастье.

Во всех столицах европейских, исключая однако Париж и Лондон, ввелось в обычай, что иностранные послы и министры (которых — не знаю почему — разумеют под именем *дипломатического корпуса*, тогда как члены этого тела всегда разъединены и не согласны между собою) делаются душою общества того города, где живут. Они обыкновенно деятельнее, нежели местные вельможи, оживляют общество, потому что держат открытые дома и часто дают роскошные обеды, блистательные пиры и балы. В то время, как я находился в Петербурге, дипломатический корпус составляли люди, достойные уважения во многих отношениях. Они оживляли и веселили петербургское общество. Австрийский посол *граф Кобенцель*³⁷, впоследствии заслуживший известность в Париже при Наполеоне, своею любезностью, живым разговором и постоянною веселостью заставлял всех забывать его необыкновенно неприятную наружность. Прусский министр *граф Герц*, более важный, но едва ли не более пылкий, заставлял любить и уважать себя за чистосердечие и живость, благодаря которой его глубокая ученость никогда не доходила до педантства. Его оживленный разговор всегда был занимателен и никогда не истощался. *Фитц-Герберт*, впоследствии лорд Сент-Еленс, с чувствительной душой и британскою причудливостью соединял всю прелесть самого образованного ума. Искусный и тонкий дипломат, постоянный в своих чувствах, всегда благородный и великодушный, он был лучший друг и вместе опаснейший соперник. На политическом поприще мы в продолжение нескольких лет старались вредить друг другу; но как частные люди мы были в самых дружественных отношениях между собою, что равно удивляло и русских, и наших соотечественников. *Барон Нолькен*, шведский министр, и *Сен-Сафорен* (Saint Saphorin), министр датский, пользовались также всеобщим уважением, как люди скромные, общительные и образованные. Неаполитанский министр, *герцог Серра-Каприола*, нравился всем своим добродушием и веселостью. Красавицу жену его убил суровый климат, к которому он сам, однако, так привык, что поселился в России и женился на дочери князя Вяземского, одного из значительнейших лиц при

дворе Екатерины. Я не буду распространяться о голландском посланнике *бароне Вессенере* — его пребывание в Петербурге было кратковременным и незаметным и кончилось расстроившимся сватовством с довольно скандальными подробностями.

С самого начала моего пребывания при русском дворе я нашел здесь те же скучные затруднения при соблюдении этикета, которые мне наделали столько хлопот в Майнце. Верженнь уверил меня, что в Петербурге в дипломатическом церемониале господствует совершенная свобода. Колиньер сказал мне, что, точно, императрица допустила эту свободу, но что в действительности она не существовала. Каждое воскресенье государыня, выходя из церкви и вступая в свои покои, встречала представителей иностранных дворов, стоявших в два ряда вдоль зала. По старому ли обыкновению или по странному невниманию моих предшественников, — но, вслед за посланниками австрийским и голландским, которые по праву становились впереди, на первое место становился английский министр, а за ним уже французский. Не желая сохранять этот неприличный обычай и, с другой стороны, боясь усилить невыгодное обо мне мнение государыни, так как после истории в Майнце ей внушили, что я надменен и обидчив, я принужден был прибегнуть к хитрости, чтобы не потерять расположения двора, который желал сблизить с своим, и чтобы вместе с тем не выказать неуместной уступчивости. Для этого в первый приемный день я отправился во дворец пораньше; но как я ни спешил, однако нашел Фитц-Герберта уже занявшим первое место. Одна очень милая парижская дама поручила мне передать ему письмо, и я воспользовался этим случаем, чтобы исполнить ее поручение. Когда я сказал ему имя дамы, он поспешно взял у меня письмо и отошел к окну, чтобы прочесть его; тогда я занял его место, и он уступил его без спора, потому что завладел им не по праву, а только по привычке. На следующее воскресенье я опять собрался пораньше и занял первое место. При третьей аудиенции, заметив, что шведский посланник и другие сторонятся и дают мне дорогу, я сказал им: «Нет, господа, вы пришли прежде меня, и я стану после вас; здесь принято за правило не соблюдать строго дипломатического этикета, и теперь мы именно стоим не по чинам».

Недели две употребил я на то, чтобы познакомиться с обычаями петербургского общества и с главнейшими его представителями. После того принялся я за мои служебные дела, которые на первых порах были немногочисленными.

численны и неважны. Холодность в отношениях между нашим и русским двором не давала нам никакого веса в России; всем известно было предубеждение Екатерины против версальского кабинета. Министры и царедворцы, пользовавшиеся ее милостью, были весьма холодны в обращении и разговорах со мною. Чтобы дать понятие о нашем политическом значении, достаточно будет изложить содержание инструкции, полученной мною от Верженя пред моим отъездом в Россию. Министр, между прочим, писал:

«Составляя эту инструкцию и перечитывая инструкции, данные вашим предшественникам, я с сожалением усмотрел, что прежние распоряжения ныне не могут идти к делу. Наше сопротивление видам императрицы на Турцию совершенно изменило отношения нашего монарха к ней. До тех пор, пока граф Панин имел некоторое влияние на ум Екатерины, этот умный и миролюбивый министр умел победить в императрице недоброжелательство к Франции. В его министерство мы сблизились с Россиею и способствовали водворению согласия между ней и Турциею. Мы поддерживали столь славное для императрицы учреждение вооруженного нейтралитета. Англичане уже теряли в Петербурге прежнее влияние и опасались за ненарушимость своих торговых привилегий. Но со времени немилости и смерти графа Панина важнейшие государственные дела поручены были Потемкину; пылкий и честолюбивый князь совершенно предался англо-австрийской партии, надеясь при их содействии устранить препятствия, которые встречали виды Екатерины на Турцию. Правда, что мы союзники австрийцев. Но двадцативосьмилетний опыт доказал нам, что, несмотря на этот союз, венский двор не внушал своим представителям у других держав оставить свой старый обычай противодействовать нам. Граф Кобенцель довел этот образ действия до крайности, всячески потворствовал Англии и укрывал самые явные ее несправедливости. Наконец, несмотря на то что Екатерина оставила прусского короля, соединилась с Австриею и потому, казалось бы, должна была сблизиться и с нами, мы видим, однако, что венский и петербургский кабинеты обращаются с нами так недоброжелательно, как будто мы составили против них союз с Пруссиею. А между тем монарх наш поступил так снисходительно и, может быть, даже слишком опрометчиво, что дал свое согласие на завоевание Крыма. Но эта уступка доставила нам только холодное выражение признательности со стороны Екатерины, и мы даже не могли полу-

чить от русского кабинета вознаграждения, издавна испрашиваемого за несколько важных нанесенных нам убытков. Вот в каком положении найдете вы императрицу; опасаются, чтобы в предстоящей борьбе Голландии с Иосифом II она не приняла сторону императора. Ее вероятною целью будет действовать таким образом, чтобы, сообщая с Англиею, принудить голландцев просить ее покровительства и чтобы император остался обязанным ей за ее уступки. Наконец, я уверен, что все попытки снискать нам дружественное расположение императрицы будут напрасны и что король должен будет в сношениях с нею ограничиться одним лишь строгим исполнением приличий. Впрочем, я вам советую стараться понравиться государыне и лицам, имеющим вес при дворе. Мы не имеем никакой надежды на заключение торгового договора с Россиею. Но если, противу чаяния, представятся к тому благоприятные обстоятельства, то воспользуйтесь всяким удобным случаем и постарайтесь уверить русских министров, что преимущества, данные англичанам, вредны для России, между тем как мы гораздо скромнее в наших требованиях и просим только, чтобы с нами обходились так же, как со всеми прочими промышленными странами».

Министр полагал, что главным образом мне нужно было иметь в виду — открыть настоящие замыслы Екатерины, разузнать характер и значение ее отношений к императору и к Англии и изведать ее намерения относительно Швеции и попытки приобрести влияние на Неаполь. В особенности я обязан был различать вероятное от действительно существующего, угрозы от настоящих действий и ложные слухи от действительных намерений. Полагая, что главнейшею целью императрицы было разрушение Оттоманской империи и восстановление греческой державы, и чтобы заставить замолчать льстецов, предсказывавших скорый и легкий успех этому огромному предприятию, министр приказал мне всеми возможными способами стараться убедить русских министров в том, что этому перевороту воспротивятся все значительные европейские державы. Переходя к более частным предметам, министр предписывал мне отвечать вежливостью на вежливость графа Кобенцеля, но не доверяться ему, между тем как с прусским министром он советовал мне быть откровенным. Вообще с представителями дружественных держав мне велено было обходиться дружелюбно и даже не пропускать случая сблизиться с министрами неприязненных к нам государств; сверх того,

мне велено было переписываться с нашими посланниками и министрами в Константинополе, Берлине, Стокгольме и Копенгагене и доводить до их сведения все, что им нужно было знать. Из очерка этих инструкций можно видеть, что не рассчитывали на мой успех; обязанность моя ограничивалась внимательным наблюдением за ходом дел при дворе, на который мы не имели никакого влияния, и единственное прямое поручение состояло в том, чтобы после многолетних напрасных требований добиться справедливого удовлетворения марсельским торговцам, которых русские каперы захватили и ограбили во время турецкой войны.

Мне нетрудно было узнать расположение главных министров: Воронцов, Остерман и Безбородко не скрывали своей приверженности к англичанам, и мои попытки сблизиться с ними ограничились чинным приемом и внешними выражениями вежливости. К тому же желание и необходимость угождать государыне приучили их образовывать свое поведение с ее намерениями и показывать ей, что они в политике, как и во всем другом, разделяют ее мнения. Но так как царедворцы в этом подобострастии доходят до крайности, то они выражали свое благорасположение и недоброжелательство с большею решительностью, нежели сама государыня. Императрица благоволила к послу австрийскому и к министру английскому, а потому и ее ближайшие советники были с ними в приятных отношениях. Так как министры знали нерасположение государыни к французскому двору и неудовольствие ее по поводу поведения и насмешек прусского короля, то не сближались с графом Герцем и со мною и были всегда скорее готовы вредить нам, нежели услужить. Общество также отчасти следовало их примеру. Однако в Петербурге было довольно лиц, особенно дам, которые предпочитали французов другим иностранцам и желали сближения России с Францией. Это расположение было мне приятно, но не послужило в пользу. Петербург в этом случае далеко не походит на Париж: здесь никогда в гостиных не говорили о политике, даже в похвалу правительства. Недовольные из жителей столицы высказывались только в тесном, дружеском обществе; те же, кому это было стеснительно, удалялись в Москву, которую, однако, нельзя назвать центром оппозиции — ее нет в России, — но которая действительно была столицей недовольных.

Прежде всего мне надо было познакомиться с князем Потемкиным, а потом уж с прочими министрами. К сожа-

лению, мне трудно было победить в нем предубеждение против Франции. Он был совершенно противных мнений с графом Паниным, разделял и возбуждал честолюбивые замыслы Екатерины II, а во Франции видел препятствие своим намерениям и ненавидел нас, как защитников турок, поляков и шведов. Он придумывал всевозможные средства, чтобы во вред нам и Пруссии снискать доверие, расположение и содействие кабинетов австрийского и английского. Поэтому он был холоден с нами и чрезвычайно ласков с Кобенцелем и Фитц-Гербертом, равно как с австрийскими и английскими купцами и путешественниками. Но эти препятствия не останавливали меня. Мне передали обстоятельные сведения о характере, свойствах и слабостях этого министра, и я попытался употребить эти сведения в дело, что мне и удалось, хотя сначала попытки мои казались безуспешны. Потемкин, как военный министр, главнокомандующий войсками, правитель вновь завоеванных южных областей империи, всемогущий по неограниченному доверию к нему императрицы, был предметом лести и ухаживания всего дворянства и даже знатнейших вельмож. В торжественных случаях и в праздники он одевался очень пышно и обвешивал себя орденами; речью, осанкою и движениями представлял из себя вельможу времен Людовика XIV; но в обыкновенной домашней жизни он снимал с себя эту личину и, как истый баловень счастья, принимал всех без различия, среди восточной роскоши, которую многие ошибочно приписывали его высокомерию. Когда, бывало, видишь его небрежно лежащего на софе, с распущенными волосами, в халате или шубе, в шальварах, с туфлями на босу ногу, с открытой шеей, то невольно воображаешь себя перед каким-нибудь турецким или персидским пашою; но так как все смотрели на него как на раздавателя всяких милостей, то и привыкли подчиняться его странным прихотям.

Холодностью своею он отвратил от себя почти всех иностранных министров. Они считали его неприступным и встречались с ним только в обществе. Только Кобенцель да Фитц-Герберт были с ним в коротких отношениях. Английский посол еще в отечестве своем уже свыкся с оригиналами и не удивлялся выходкам князя. Как умный и ловкий человек, он умел быть с ним запросто, никогда не нарушая приличий и всегда сохраняя собственное свое достоинство. Не таков был граф Кобенцель. Несмотря на свой ум и сан, которым был облечен, он держался того мнения, что в политике все средства дозволены, лишь бы цель была достигнута, и потому в угождении и

внимательности к князю превзошел самых усердных и преданных его прислужников. Я не мог подражать ему. К тому же я полагал, что чем менее мы были друзьями, тем более должны были избегать фамильярности; кто нас не любит, должен, по крайней мере, уважать нас. Свобода в обращении хороша между людьми коротко знакомыми, иначе она смешна.

Я письменно просил князя дать мне аудиенцию. В назначенный мне день и час я явился, велел доложить о себе и сел в приемной зале, где со мною дожидалось несколько русских вельмож и граф Кобенцель. Мне было неприятно дожидаться. Прошло с четверть часа, а дверь все еще не отворялась; я еще раз велел доложить о себе. Мне объявили, что князь еще не может меня принять; тогда я сказал, что мне некогда ждать, вышел, к удивлению всех присутствующих, и преспокойно отправился домой. На другой день я получил от Потемкина письмо, в котором он извинялся в своей неисправности и назначал мне новое свидание. Я явился к нему, и на этот раз, только что я вошел, как был тотчас же встречен князем; он был напудрен, разодет в кафтане с галунами и принял меня в своем кабинете. Он обратился ко мне с обычными приветствиями и несколькими незначительными вопросами. В его обращении заметна была какая-то принужденность. Когда я хотел было удалиться, он удержал меня. Ища предмета для разговора, он, по своему обыкновению, начал меня расспрашивать и, между прочим, с особенным любопытством заговорил об Американской войне, о важнейших событиях этой великой борьбы и о будущности новой республики. Он не верил в возможность существования республики в таких огромных размерах. Его живое воображение беспрестанно переходило от предметов важных к самым незначительным. Так как он очень любил ордена, то несколько раз брал в руки, переворачивал и рассматривал мой орден Цинцинната и хотел непременно знать, что это за орден, какого братства или общества, кто его учредил и на каких правилах. Заговорив о любимом предмете, он целый час почти толковал со мною о разных русских и европейских орденах. Беседа наша не имела никакого особенного значения; но так как она тянулась довольно долго — что было против правил князя, — то в городе об этом заговорили, особенно дипломаты; они всегда в таких случаях пускаются в догадки и редко попадают на правду. Впрочем, они скоро нашли повод к основательнейшим и более справедливым толкам.

В Петербурге был тогда дом, непохожий на все прочие: это был дом обер-шталмейстера Нарышкина, человека богатого, с именем, прославленным родством с царским домом. Он был довольно умен, очень веселого характера, необыкновенно радушен и чрезвычайно странен. Он и не пользовался доверием императрицы, но был у ней в большой милости. Ей казались забавными его странности, шутки и его рассеянная жизнь. Он никому не мешал; оттого ему все прощалось, и он мог делать и говорить многое, что иным не прошло бы даром. С утра до вечера в его доме слышались веселый говор, хохот, звуки музыки, шум пира; там ели, смеялись, пели и танцевали целый день; туда приходили без приглашений и уходили без поклонов; там царствовала свобода. Это был приятный веселья и, можно сказать, место свидания всех влюбленных. Здесь, среди веселой и шумной толпы, скорее можно было тайком пошептать, чем на балах и в обществах, связанных этикетом. В других домах нельзя было избавиться от внимания присутствующих; у Нарышкина же за шумом нельзя было ни наблюдать, ни осуждать, и толпа служила покровом тайн.

Я вместе с другими дипломатами часто ходил смотреть на эту забавную картину. Потемкин, который почти никуда не выезжал, часто бывал у шталмейстера; только здесь он не чувствовал себя связанным и сам никого не беспокоил. Впрочем, на это была особая причина: он был влюблен в одну из дочерей Нарышкина. В этом никто не сомневался, потому что он всегда сидел с ней вдвоем и в отдалении от других. За ужином он тоже не любил быть за общим столом со всеми гостями. Ему накрывали стол в особой комнате, куда он приглашал человек пять или шесть из своих знакомых. Я скоро попал в число этих избранных. Однако прежде нужно было удалить препятствия, мешавшие нашему сближению. Со своей стороны, Потемкин стал строже наблюдать правила вежливости, которые иногда забывал, а я решился требовать от него уважения, должного моему сану. Раз, например, он пригласил меня на большой обед. Я и все гости были парадно одеты, а он явился попросту — в сюртуке на меху. Мне это показалось странным, но так как никто не обращал на это внимания, то и я не дал заметить своего недоумения. Однако через несколько дней после того я, в свой черед, пригласил его обедать и оплатил ему тем же, объяснив заранее прочим моим гостям, что подало повод к этому поступку. Князь тотчас понял причину моего поведения и после этого обращался со мною так, как я же-

лал. Я узнал его нрав; он любил, чтобы угождали его прихотям, но отплачивал за это высокомерием и презрением, между тем как легким сопротивлением можно было снискать его уважение.

Не прошло месяца, как исчезла холодность, водворившаяся между нами от взаимной осторожности в обращении. Раз, на вечере у Нарышкина, прохаживаясь с ним по комнатам, я навел разговор на два предмета, совершенно различные, но которыми, я уверен был, займу его внимание. Сперва я говорил ему о новых завоеваниях императрицы, о южных областях, подчиненных его управлению, о прекрасном его намерении довести торговлю на юге до той степени, до какой она достигла на севере. Это составляло главный предмет его попечений, и князь с таким жаром предался разговору, что продлил его сверх моих ожиданий. Когда после этого речь зашла о Черном море, Архипелаге и Греции, мне уже нетрудно было, минуя вопросы политические, навести его на любимый предмет и заговорить о причинах отделения церкви западной от восточной. Тогда он повел меня в кабинет, подсел ко мне и с видимым удовольствием стал высказывать мне свои обширные сведения о давнишних, пресловутых прениях пап с патриархами, о соборах, и местных, и вселенских, наконец, о всех этих распрях, то важных, то забавных, а порой и кровавых, которые велись с таким ожесточением, что падение Греческой империи и взятие Константинополя турками не могли их прекратить и что они длились среди грабежа и разгрома столицы. Разговор этот продолжался до глубокой ночи. Я узнал слабую струну князя, и с этих пор, казалось, он стал нуждаться во мне. Часто приглашал он меня побеседовать с ним о разных делах, и особенно о проектах, предлагаемых ему французскими купцами; они старались доказать ему пользу и удобство торговых сообщений между Марселем и Херсоном. Решившись изгнать из бесед наших всякое принуждение, он раз написал мне, что желает переговорить со мною кое о чем, но что болезнь мешает ему встать и одеться. Я отвечал, что немедленно явлюсь к нему и прошу принять меня запросто, без чинов.

В самом деле, я нашел его лежащим на постели, в одном халате и шальварах. Извинившись передо мной, он прямо сказал: «Любезный граф, я истинно расположен к вам, и если вы сколько-нибудь любите меня, то будемте друзьями и бросим всякие церемонии». Тогда я присел на кровать, у его ног, взял его за руку и сказал: «Я с удовольствием соглашаюсь на это, любезный князь. Новое

знакомство всегда несколько связывает; но вы говорите о дружбе, а в таком случае должно устранить все, что может нас связывать и обременять». Всех удивило это неожиданное сближение, эта короткость между первым министром Екатерины и представителем двора, к которому императрица была явно не расположена. В особенности дипломаты не знали, что и подумать об этом. Беспокойный, пылкий граф Герц напрасно старался выведать повод и цель этого сближения. Я ему откровенно объяснил, в чем дело; но он не хотел верить, чтобы вопросы богословские или дела каких-нибудь купцов могли быть настоящими предметами наших долгих частых бесед. Он был убежден, что дело шло о каких-либо важных сделках между Австриею, Франциею и Россиею во вред Пруссии. Недоумение и догадки этих искателей тайн там, где тайны не было, час от часу возрастали. Потемкин, вероятно, сообщил императрице свое выгодное мнение обо мне. День ото дня императрица принимала меня с большею любезностью и внимательностью, исчезла холодность министров, придворные брали с них пример. Хотя неприязнь между нашим кабинетом и петербургским нисколько не смягчалась, но общество обманулось на этот счет, когда заметило, что французского посла осыпают похвалами, ласками, внимательностью, которыми прежде исключительно пользовались представители союзных держав — Кобенцель и Фитц-Герберт.

Скоро ощутил я влияние этой перемены — сперва в незначительных, потом и в более важных делах. Незадолго до моего приезда из России были высланы три француза, и русское правительство даже не известило об этом Колиньера, тогдашнего нашего поверенного в делах. Он, по долгу своему, выразил русскому правительству сожаление, но в осторожных выражениях, зная, что эта мера строгости имела свои достаточные причины. Министры отвечали ему неопределенно и неудовлетворительно; в то время они как будто нарочно пользовались каждым удобным случаем, чтобы сделать нам неприятность. Правда, что тогда в Россию приезжало множество негодных французов, развратных женщин, искателей приключений, камер-юнгфер, лакеев, которые ловким обращением и умением изъясняться скрывали свое звание и невежество. Но этому не было виною наше правительство. Все эти люди никем не были покровительствуемы, не имели никаких бумаг, кроме паспортов, которые повсюду выдаются лицам низших сословий, если они не преступники и покидают отечество, с тем чтобы торгом или трудом до-

быть в чужом краю средства существования. Скорее можно было винить самих русских, потому что они с непонятною беспечною принимали к себе в дома и даже доверяли свои дела людям, за способности и честность которых никто не ручался. Любопытно и забавно было видеть, каких странных людей назначали учителями и наставниками детей в иных домах в Петербурге и особенно внутри России. Если иногда обман открывался и таких господ выгоняли, сажали в тюрьму или ссылали, то они не могли жаловаться французскому посланнику: он не обязан был оказывать им покровительства. Но другое дело было с тремя изгнанными тогда французами; все трое были люди известные и достойные, и один из них, племянник герцога де Г., был даже представлен ко двору. Один из этих французов, чрезвычайно вспыльчивый и взбалмошный, в припадке гнева обругал и прибил другого, который отомстил ему низким доносом о предмете, несколько не касавшемся их спора и подписанном, по преступной слабости, третьим, о котором я упомянул выше. Императрица, узнав через обер-полицеймейстера об этой драке и ложном доносе, велела выслать всех троих из России. Этот приговор был строг, но справедлив, и я бы не мог вмешаться в это дело, если бы Колиньеру не отказали сообщить требуемого им объяснения. Поэтому я счел нужным представить русским министрам неприличие этого поступка, противного взаимному вниманию, которое оказывают друг другу два двора для поддержания согласия между собою. Затем я требовал, чтобы жалоба моя была представлена императрице. Спустя несколько дней после того государыня удовлетворила меня вполне, приказав вице-канцлеру объяснить мне причины ее строгого решения и уверить меня, что впредь не будет решать таких дел, не предварив меня. В самом деле, с этих пор слова ее были исполняемы в точности.

Кстати, я расскажу историю об одном ловком, дерзком плуте, чтобы показать степень неблагоразумия петербуржцев, людей самых гостеприимных в мире, принимавших без разбору иностранцев. Этот смелый обманщик называл себя, помнится, *графом де Вернелем*. Он, по-видимому, был богат и несколько лет путешествовал. Он уверял, что, не имев прежде намерения быть в России, он не взял с собой никаких бумаг, нужных для предъявления нашему посольству, и показывал только какие-то неважные письма, будто бы писанные к нему какими-то немецкими или польскими дамами. Он хорошо говорил, был недурен собою, забавен, мило пел и играл и потому, как мне расска-

звали, втерся в лучшее петербургское общество. Ему все удавалось, и все шло успешно. Но скоро в одном доме заметили пропажу столовых приборов, в другом пропали часы, там — табакерки и драгоценные вещицы. Так как эти вещи исчезали именно в тех домах, где бывал этот модный плут, то его стали подозревать, о нем стали поговаривать, наконец, на него донесли, хотели его схватить, но он скрылся. Тогда в России паспорта предъявлялись только при переезде через границу; внутри же России всякий мог беспрепятственно и свободно разъезжать от Балтийского моря до Черного, от Борисфена и Двины до Амура, отделяющего Китай от России, и до самой Камчатки. Только если кто-либо хотел выехать в чужие края из Петербурга, то должен был свой паспорт вытребовать за восемь дней до отъезда, чтобы между тем можно было объявить о выезжающем кредиторам и предохранить их от обмана. Самозванец граф, разумеется, не мог исполнить этих правил. Он об них и не заботился и, поехав на авось, достиг границы безо всякого вида. Тут он остановился в гостинице, пешком отправился к местному начальнику, сказал свое имя и велел о себе доложить. Лакей отвечал ему, что генерал только что встал, одевается и просит его подождать. Через несколько минут граф наш начинает сердиться, кричать и браниться, называет губернатора невежею и объясняет, что он не вышел бы из Польши, если бы знал, что в России встретит только варваров, грубых лакеев и невоспитанных губернаторов. Лакей тотчас же отправился к его превосходительству и рассказал ему, что пришедший иностранец расходился и бранит его так и так. Губернатор, вышедший из себя, велел схватить дерзкого незнакомца, посадить его немедленно в кибитку и высадить на польскую землю, о которой он так сожалел. Приказание немедленно было исполнено; а не прошло трех часов, как курьер из Петербурга привез губернатору повеление захватить мошенника.

Теперь возвратимся к политике. Исполняя данные мне наставления, я деятельно старался разузнать настоящие намерения русского правительства относительно дел, важных для нашего двора. Все, что говорил мне Стакельберг в Варшаве, оправдывалось совершенно. То, что я слышал от многих лиц, достойных доверия, послужило мне доказательством, что императрица, несмотря на участие, с которым она, казалось, приняла предложение об обмене Баварии, нисколько не желала способствовать распространению австрийских владений и ослабить через

это влияние свое на Германию. О несогласиях Иосифа II с Голландиею думали иначе; Потемкин желал, чтобы они продлились долее: он надеялся между тем исполнить преднамеренные им завоевания в Турции. Он предвидел ясно, что Франция, начав войну с императором, уже не может препятствовать честолюбивым видам Екатерины на Восток.

Скоро стало известным, что императрица снаряжает в Черном море пять линейных кораблей и восемнадцать фрегатов. Она была недовольна англичанами, потому что они не разделяли ее политических планов. Питт был лично не расположен к ней; он не мог допустить владычества огромной морской державы на востоке. К тому же императрица провозглашением начал вооруженного нейтралитета посеяла семена раздора между Англиею и Россиею. Англичане уже стали опасаться потерять торговые выгоды, исключительно им предоставленные в России. Посланник их деятельно старался удалить опасность; купцы их, расточая подарки и услуги, нашли возможность увеличить в Петербурге количество вывоза товаров и уменьшить привоз их; с другой стороны, они грозили русским министрам и купцам, что если их стеснения будут продолжаться, то они замедлят ход торговли и лишат сбыта русские товары. В самом деле, английские негоцианты образовали в Петербурге целую грозную колонию. Разбогаченные торговыми оборотами и находясь под покровительством своего благоразумного правительства, которое не потворствует частным выгодам, а имеет всегда в виду общее благо, они до того размножили свои заведения и дома, что занимали в Петербурге целый квартал, называемый Английскою линиею. Их соединял общий интерес; они имели правильные совещания старшин, хороший устав и всегда друг друга поддерживали. Они сообща устанавливали на целый год смету торговых оборотов, определяли ценность товаров и даже вексельный курс. При продаже товаров своих русским они предоставляли им кредит на восемнадцать месяцев, а сами покупали у них на чистые деньги пеньку, мачтовый лес, сало, воск и пушной товар. Вот какова была сила, с которой я должен был бороться в стране, где было только несколько одиноких наших купцов и один лишь значительный торговый дом Рембера (Raimbert), который с трудом и ловкостью держался среди нападков и препятствий всякого рода. Русские считали торг с англичанами необходимым для сбыта своих произведений и находили мало выгод в торговых сношениях с французами, которые покупали у них мало, а продавали много и дорого.

Когда англичане, пугая русских, остановили запрос на пеньку, я, пользуясь этим обстоятельством, присоветовал нашим министрам потребовать пеньки на большую сумму. Но мой совет исполнили поздно и не вполне. Петербургские англичане вредили нам даже во Франции. Купцы нантские и бордоские, обманутые их выгодными предложениями и опасаясь переездов и таможен, поручали англичанам и голландцам перевозку своих товаров в Россию. Мы почти исключительно снабжали Россию кофею, сахаром и вином; но, пользуясь нашею беспечною, иностранцы лишали нас большой прибыли и вместе с тем увеличивали свои морские силы, которые впоследствии обратили против нас же. Эту перевозкою заняты были ежегодно до 2000 судов, между тем как в русские порты входило не более 20 французских судов.

Выгоды положения англичан делали их иногда до того требовательными, что они начали надоедать графу Воронцову; я это заметил из его разговора. Но он был еще сильно к ним привержен, и я выжидал благоприятнейших обстоятельств, чтобы разочаровать его. Мне легче было преклонить к себе князя Потемкина, потому что англичане явно противудействовали его видам относительно торгового сообщения между Херсоном и Марселем.

Со дня на день императрица становилась ко мне благосклоннее. На большом балу у графа Разумовского она пригласила меня играть с нею, долго говорила и была особенно ласкова со мною. Это меня ободрило, и я стал действовать решительнее. Я жаловался Безбородку и Остерману на проволочку дела об удовлетворении марсельских купцов. Я повторил им, в чем состоят наши требования, и доказал им основательность их. Потом старался объяснить им, что если они откажут нам в справедливом удовлетворении или замедлят его, что будет равносильно отказу, то нарушат высокие правила, начертанные государынею при объявлении вооруженного нейтралитета. Министры извинялись в общих выражениях, ссылаясь на то, что расстояния огромны и что поэтому трудно получать верные сведения и произвести надлежащую оценку, что много и других затруднений. Впрочем, они обещали решить это дело вскоре, но это обещание было не раз сделано моим предшественникам, и все напрасно. Я написал Верженню и предложил ему принять более действительные меры для окончания этого дела и даже грозить возмездием (*représailles*), если русское правительство не вознаградит нас выгодами, какие мог бы нам доставить торговый трактат с Россиею.

Я старался даже довести до сведения министров мое собственное мнение по этому делу и впоследствии узнал, что моя настойчивость несколько не возбудила негодования императрицы, но, напротив того, понравилась ей. Впрочем, зная государыню, я был в этом уверен заранее.

Находясь по этому случаю в частых сношениях с русскими министрами и знакомясь с несколькими приближенными к ним лицами, я имел возможность разведать их образ мыслей, который они тщательно скрывали. Они не разделяли политических мнений князя Потемкина и не любили его. Они искренно желали мира, потому что война и завоевания не представляли им никаких личных выгод, напротив того, затрудняли ход их дел и были губительны для всего государственного состава. Воронцов опасался, чтобы война не прервала торговых сношений, Безбородко предвидел многочисленные препятствия в делах дипломатических, и все они боялись возрастания могущества Потемкина. Дворяне, несколько не желая завоевания каких-нибудь степей, знали только, что понесут новые тяжкие повинности, необходимые для умножения армии. Только некоторые генералы и молодые офицеры желали войны, сулившей им славу и награды. Впрочем, исключая последних, все скрывали свои мысли, опасаясь лишиться благосклонности государыни. Приближенные к ней особы боялись представить ей откровенно, как опасен был тогда ее несбыточный замысел восстановления Греческой империи.

Я скоро заметил, что хотя министры видимо оказывали более внимания к Кобенцелю и Фитц-Герберту, чем ко мне, они, однако же, рады были моей приязни с князем Потемкиным. Они были уверены, что, следуя политике моего двора, я воспользуюсь этою приязнью, чтобы умерить пыл князя, и постараюсь расположить его к миру, представив ему на вид, что многие первенствующие европейские державы будут дружно сопротивляться исполнению его замыслов, грозивших нарушить всеобщее спокойствие Европы. Прусский министр хотя и не мог действовать в мою пользу своими настояниями, однако должен бы был помогать мне советами и сообщением разных сведений, но нрав его был таков, что он больше вредил мне, чем помогал. Своею поспешностью и беспокойством он совершенно оправдывал то, что король Фридрих сказал мне о нем: «Он без разбора верил всем ложным известиям, какие ему удавалось слышать от людей недовольных». Вместо того чтобы радоваться моему сближению с Потемкиным, он стал меня подозревать и вообразил се-

бе, что мы хотим предать Голландию императору, а турок — Екатерине. Ежеминутно ожидал он объявления всеобщей войны. С другой стороны, Потемкин, объясняя в пользу своих замыслов высказанное мной желание сблизить Францию с Россиею, надеялся завлечь нас в свою систему и изредка намекал мне о разделе земель, которыми владеют мусульмане, или, лучше сказать, которые они опустошают.

Я не мог соглашаться с этими предположениями, потому что они были совершенно противны мирным намерениям моего короля, и, не давая дельного ответа, обращал намеки князя в шутку. Незаметным образом отклонил я его внимание от этого предмета и заговорил о средствах к оживлению торговли полуденной России. Получив почти неограниченную власть над южными областями империи и желая сравнять их с северными, он не мог не признать несомненной истины, что мы одни только можем открыть пути для сбыта произведений этого огромного, но почти пустынного края, который государыня поручила ему населить, просветить, обогатить и подчинить правильному устройству. Со дня на день он говорил мне об этом все с большим жаром, откровенностью и доверчивостью. Наконец, он выразил даже готовность, если бы я этого пожелал, заключить частный трактат о торговле между южными областями России и Франции. Но чем охотнее выказывал он свою готовность заключить такой частный договор, тем упорнее отклонял я это намерение. Вержень был слишком тонок, чтобы согласиться на это, потому что, если бы мы дались в обман, то лишились бы надежды заключить общий торговый договор. Потемкин, удовлетворив требованиям подведомых ему областей, не стал бы много заботиться о прочих и оставил бы меня без помощи, а без его содействия я бы встретил непреодолимые препятствия и не сладил бы с ловким Фитц-Гербертом и деятельными английскими купцами. Было бы слишком невыгодно для Франции, при невозможности пользоваться северною торговлею, которой овладели англичане, довольствоваться одним лишь южным краем, где ничего еще не было устроено.

Мне нужно было доказать князю, что торговое развитие подведомых ему южных областей зависит от союза с нами и от заключения торгового трактата, и тогда я мог надеяться, что, при первом удобном случае, он поможет мне своим влиянием. Вот что я ему говорил: «Так как вы сознаете пользу всеобщей конкуренции и невыгоду исключительных преимуществ в торговле, то зачем же вы

допускаете монополию некоторых народов, так что Россия, а равно и Франция получают из вторых рук товары, которые можно было бы обменивать непосредственно? Мы желаем только, чтобы формальный общий договор установил равенство взаимных прав и преимуществ; тогда купцы наши, в уверенности найти праведный суд и вознаграждение в случае убытков, были бы поощрены и освобождены от грозного превосходства народа, пользующегося исключительным покровительством».

«Но как же вы хотите,— возражал князь,— чтобы мы пошли наперекор насущным нуждам наших купцов и помещиков? Требования англичан на наши товары очень велики, а с вашей стороны они незначительны, и потому у нас вообще полагают, что союз с вами скорее послужит нам во вред, чем в пользу, и что нам некуда будет сбывать наши товары, если прервутся сношения с Англией. Британское правительство поддерживает, оживляет, поощряет свою торговлю и нашу; ваше правительство в этом отношении действует вяло, беззаботно. Ваши купцы робки, непредприимчивы; у вас здесь всего один надежный торговый дом, и народ наш почти не знает ваших negociантов».

На это я старался доказать ему, что незначительность нашей торговли в России есть необходимое последствие невыгодных для нее учреждений. «Безрассудно было бы,— прибавил я,— нашим купцам пускаться в торговлю в стране, где правительство своим тарифом доставляет до $12\frac{1}{2}$ процентов прибыли их соперникам. Давая такие несправедливые преимущества во вред нам и самим себе, вы подражаете португальцам и в отношении к Англии ставите себя в положение колонии, зависящей от своей метрополии. Преимуществами, которые вы ей предоставляете, вы до такой степени подчиняетесь ей, что ваши купцы и помещики, как вы сами сказали, не могут обойтись без нее. Но разорвите эти роковые преграды, и вы увидите, какие выгоды доставит вам соперничество народов, которые станут покупать ваши произведения. Вы напрасно считаете нашу торговлю незначительною: она сильна и обширна в Индии, Америке, Африке, во всех портах Европы, кроме русских, где не дают ей ходу ваши торговые постановления».

Эти доводы, кажется, подействовали на князя, но еще не убедили его окончательно. Однако мы условились переговорить об этом деле основательнее и тайком, потому что в ту минуту обстоятельства еще не довольно выяснились. С другой стороны, я не мог предпринимать реши-

тельных мер, потому что в случае отказа правительство наше могло бы оскорбиться. На всякий случай я известил Верження об этом разговоре и, чтобы знать, как мне действовать вперед, просил его уведомить меня предварительно, согласится ли король в случае заключения договора принять правила вооруженного нейтралитета, сбавить пошлины на русские кожи, освободить русские суда в Марселе от двадцатипроцентного сбора, закупать ежегодно значительное количество пеньки, конопли и солонины для французского флота и захотят ли наши генеральные арендаторы (*fermiers-généraux*) забрать на большую сумму украинского табаку, за доброту которого здесь поручатся; наконец, если соглашение будет основываться на утверждении взаимных преимуществ, то уполномочит ли меня его величество заключить договор, на возможность которого я уже рассчитываю до некоторой степени.

В конце апреля 1785 года я испросил себе у императрицы аудиенцию, чтобы вручить ей письмо короля с известием о рождении герцога Нормандского — несчастного ребенка, второго сына короля, который по смерти старшего едва лишь стал наследником престола, как был заключен в темницу, где смерть сразила его во цвете лет. Императрица на этот раз снова была ко мне весьма благосклонна и удостоила довольно продолжительным разговором. Вскоре после того вице-канцлер объявил мне от имени государыни, что она желает, чтобы с французами обращались в России так же, как обращаются с ее подданными, что она против воли должна была строго наказать троих из моих соотечественников и что если впредь представится такой же неприятный случай, то меня немедленно предупредят об этом. В то же время пришло известие, что турки подвигали войска к Силистрии и Украине; это встревожило русских и дало основательный повод к жалобам со стороны австрийцев. Граф Остерман говорил мне об этом с недовольным видом и сказал, что деятельность этих варваров ясно доказывает, что им *подают советы и подстрекают*. Я уверял его, что политика нашего правительства миролюбивая и прямая, что мы никогда никого *не подстрекаем*, а стараемся только удерживать алчных к завоеваниям и угрожающих спокойствию Европы. «Я желал бы поверить этому,— отвечал вице-канцлер,— потому что мы не можем понять, для чего Франция старается образовывать, обучать и делать опасными варваров, издавна бывших грозою Европы?» Я отвечал, улыбаясь, что, при бессилии их, мы только

желаем им покоя, и если кто-нибудь его нарушит, то возникнут раздоры между европейскими державами.

Граф Остерман не имел большого веса, стало быть, и слова его не много значили. Но вскоре сам Потемкин сказал мне почти то же. «Дивлюсь, — сказал он, — каким образом просвещенные, тонкие, любезные французы с такою настойчивостью поддерживают варварство и чуму? Как вы полагаете: если бы такие соседи ежегодно вторгались к вам, грабили, заносили язву и уводили бы сотни христиан в рабство, а мы бы стали препятствовать их изгнанию, каково бы вам это показалось?»

Чтобы соединить мое собственное мнение с чувством долга, я отвечал, что, разумеется, должно желать рассеяния невежества и распространения просвещения по всему земному шару. «Но, — присовокупил я, — варварство и чума не единственные бичи человечества; я могу назвать другие, не менее разрушительные — это честолюбие и алчность к завоеваниям. Если бы главнейшие европейские державы, действуя совокупно и без всякой корыстной цели, имея в виду лишь общее благо, захотели водворять просвещение по берегам африканским, в Тунисе и Алжире, в странах, которые некогда процветали, а теперь опустошаются дикими магометанами, это был бы подвиг, достойный похвалы. Но об этом нечего и думать; это так же несбыточно, как вечный мир, воображаемый аббатом Сен-Пьером³⁸ Правительство наше старается обеспечить спокойствие турок для того только, чтобы не нарушить равновесия Европы».

«Так зачем же они нас тревожат? — возразил князь. — По моему мнению, если ведомо, что соседи заняты грозными приготовлениями к войне, то должно предупредить зло, напасть на них и обессилить, по крайней мере, лет на двадцать».

Это возражение было бы хорошо, если бы оно было искренно. Но вспомним, что в то время русские уже владели Крымом, перешли через Кавказ, приближались к Турции через Грузию и потому не без причин внушали опасение турецкому правительству. Впрочем, так как из Вены было получено известие о дипломатических совещаниях в Париже для примирения Голландии с Австрией, повод к войне устранился, прусский король был успокоен, и Екатерина оставила или, по крайней мере, отложила на время намерение беспрепятственно завоевать Турцию.

С этой поры Потемкин в частых разговорах со мною высказывал скорее опасение, чем желание войны. Он сказал мне, что русская армия состояла из 230 000 человек

регулярных и 300 000 нерегулярных войск. Но я узнал из довольно достоверных источников, что она далеко не достигала такой полноты, что дисциплина ее и обучение были в небрежности, что при беззаботности князя полковые командиры наживались, так что даже не скрывали этого и считали делом совершенно естественным и законным получать таким образом от 20 до 25 тысяч рублей ежегодной прибыли. Наконец, еще одно обстоятельство должно было, по-видимому, умерить честолюбие Екатерины: торговля и земледелие не были еще довольно производительны, а потому и доходы недостаточны, и Россия в этом году должна была сделать заем в Голландии.

Между тем маршал де Кастри³⁹ предупреждал меня о скором прибытии в Кронштадт фрегата с несколькими королевскими судами для закупки в России и доставки во Францию разных запасов для флота. По этому случаю меня ожидали новые переговоры и хлопоты, так как за год пред тем такие же суда прибыли в Ригу, отказались от платежа требуемых пошлин и так и уехали, не внося их. Но впоследствии, несмотря на сопротивление консула, французских купцов заставили выплатить требуемую сумму. Другие народы берут товары только на торговые суда; мы же ошибочно полагаем, что наши казенные суда с товарами могут пользоваться исключительными правами, в сущности приличными только военным судам.

Верженнь, сообразуясь с ходом дел, предписывал мне при встрече с Потемкиным по возможности избегать толков о политике, он желал, чтобы предметом наших разговоров были дела торговые. Но мне совершенно невозможно было предписать себе в этом отношении такие тесные границы: переход от одного предмета к другому неизбежен. Например, я как-то жаловался князю на невнимание других русских министров к нашим торговым делам. На это он мне сказал:

— Холодность эта происходит от того, что они не уверены в искренности вашего желания сблизиться с нами; они совершенно уверены, что вы подстрекаете турок к войне.

— Мы вовсе их не подстрекаем, — отвечал я, — но мы можем потерять всякое политическое влияние, если, зная о ваших действиях на Кавказе и в Грузии, о деятельном вооружении войск и недружелюбном поведении ваших консулов в Архипелаге, мы не станем советовать Порте думать об обороне и не доверяться слепо вашим мирным уверениям.

— Нам приписывают предприятия, о которых мы и не

помышляем,— отвечал князь.— Я знаю, что распускают ложные слухи о восстановлении Греческой империи, о будущем назначении и судьбе великого князя Константина. Меня представляют каким-то алчным завоевателем, вечно возбуждающим к войне; все это выдумки. Я очень хорошо знаю, что разрушение Турецкой империи есть дело безумное; оно потрясет всю Европу. К тому же если бы в самом деле мы имели такое намерение, то разве не согласились бы прежде с Франциею? Но будьте уверены, что теперь мы ничего не желаем, кроме мира. Можете ли вы сказать то же, действуя за турок даже и тогда, когда их еще не трогают? Для чего недавно еще вы послали в Константинополь инженера и офицеров французской армии, которые только и толкуют, что о войне?

Я отвечал:

— Ваши грозные приготовления в Крыму, вооружение эскадры, которая в тридцать шесть часов может явиться под Константинополем, так же как ваши действия в Азии, заставляют нас, как союзников турок, советовать им предпринять нужные меры, чтобы поставить себя в оборонительное и грозное положение.

— Хорошо,— сказал Потемкин,— я готов письменно заверить вас, что мы не затронем турок, но помните, что если они нападут на нас, то быть войне, и мы пойдем как можно далее.

— Если вы хотите только мира,— возразил я,— то имеете верное средство достигнуть его сближением с нами. Когда мы станем действовать согласно, то нашего влияния будет достаточно, чтобы поддержать спокойствие в Европе.

Между тем как я по долгу своему старался указывать министрам Екатерины те неодолимые препятствия, которые государыня их должна будет встретить прежде, нежели овладеть Константинополем, Потемкин, не переставая уверять меня, что императрица не желает войны, доказывал мне, что если она вынуждена будет начать ее, то легко и скоро достигнет своей цели. «Вы хотите,— говорил он мне,— поддерживать государство, готовое к падению, громаду, близкую к расстройству и разрушению. Изнеженные, развращенные турки могут убивать, грабить, но не могут сражаться. Для победы над ними не нужно даже много искусства; в продолжение сорока лет в каждую войну они впадают в те же ошибки и терпят постоянный урон. Они не умеют пользоваться уроками опыта. В суеверной гордости приписывают они наши победы какому-то злему духу, который передает нам свое

знание, свои изобретения и умение вести войну; причиною же их поражений — один аллах, карающий их за грехи. При первом воззвании к войне толпы их выступают из Азии, приближаются в беспорядке и истребляют в один месяц весь запас продовольствия, заготовленный на полгода. Пятисоттысячное войско стремится, как река, выступившая из берегов. Мы идем на них с армиею из 40 или 50 тысяч человек, размещенных в три каре, с пушками и кавалериею. Турки нападают на нас, оглашая воздух своими криками; обыкновенно они строятся треугольником, в вершине которого становятся отважнейшие из них, упитанные опиумом; прочие ряды, до самого последнего, замещены менее храбрыми и, наконец, трусами. Мы подпускаем их на расстояние ружейного выстрела, и тогда несколько картечных залпов производят беспорядок и страх в этой нестройной толпе. Несколько отчаянных, разгоряченных опиумом, бросаются на наши пушки, рубят их и падают под нашими штыками. Когда эти погибли, прочие пускаются бежать. Наша кавалерия преследует их и производит страшную резню; она гонится за ними до их стана и овладевает им. Оставшиеся из них, ошеломленные, прячутся за городскими стенами, где их ждет чума и часто истребляет прежде, чем мы успеем сделать приступ. Этого довольно, чтобы дать понятие о всякой другой кампании, потому что всегда они оказываются такими же трусами и невеждами, и мы поражаем их всегда одними и теми же средствами. Они храбры только за своими окопами; да и тут, при осадах, как глупо они действуют! Они делают беспрестанные вылазки и, вместо того чтобы стараться нас обмануть, безрассудством своим обнаруживают все свои намерения. Во-первых, мы уже всегда заранее знаем, что они нападут на нас в полночь. К тому же они в тот день непременно выставляют на стене с той стороны, откуда намерены выйти, столько лошадиных хвостов, сколько отрядов наряжено для вылазки. Поэтому мы знаем наперед час нападения, число нападающих, ворота, из которых они выйдут, и направление, по которому сделают свое движение».

Разумеется, этот рассказ был несколько преувеличен, но в основании его была истина: инженер Лаффитт, посланный отцом моим в Константинополь, чтобы дать туркам несколько наставлений и помочь им обороняться, в письмах своих ко мне передал несколько случаев, доказывающих безрассудство турок...*

---

* Следующие за этим подробности о турках выпущены при переводе по своей незначительности. (Здесь и далее прим. переводчика)

Императрица, имея пред собою таких бессильных и безрассудных врагов, откладывала свои намерения только потому, что опасалась оружия Швеции, Пруссии и Франции, а может быть, и английского флота. Поэтому я доверялся, по крайней мере, на время мирным уверениям русского правительства.

В это время, в мае 1785 года⁴⁰, императрица издала знаменитый указ о дворянстве. Изложение этого законоположения заняло бы здесь слишком много места. Скажу только, что особенно замечательно показалось мне распределение дворян по классам, так что старинное дворянство причислено было к шестому, дворянство завоеванных областей к пятому, а пожалованное грамотами к двум первым. Вероятно, это было сделано с тою целью, чтобы показать, что приобретенные отличия предпочтительнее старинного титула. Этим же указом дворянам предоставлено было право заводить фабрики, собираться для совещаний и подавать прошения монарху.

Около этого же времени я совершенно неожиданно получил от императрицы знак ее благоволения. Она предложила мне сопутствовать ей в поездке по России, которую она намеревалась совершить для осмотра работ, предпринятых для окончания канала, соединяющего Каспийское море с Балтийским через Ладожское озеро, Волхов, озеро Ильмень, Мсту, Тверцу и Волгу. Ее величество объявила мне, что во время путешествия правила этикета будут изгнаны и что только немногие лица удостоятся чести следовать за ней. Я поручил Колиньеру заменить меня в совещаниях с министрами и по заведенному порядку отправлять депешки нашему кабинету. До отъезда моего я получил письмо от Верження, приятное для меня, потому что он предписывал мне отвечать Потемкину о турках, нашей торговле и политике именно в том смысле, в каком я говорил с ним. Вскоре заметил я в обращении русских министров со мною некоторую перемену, внушенную им явным благоволением ко мне императрицы. В разговорах со мною они уже стали поговаривать о пользе взаимности между нашими дворами.

Когда я приехал в Царское Село, императрица была так добра, что сама показывала мне все красоты своего великолепного загородного дворца. Светлые воды, тенистая зелень, изящные беседки, величественные здания, драгоценная мебель, комнаты, покрытые порфиром, лазоревым камнем и малахитом,— все это представляло волшебное зрелище и напоминало удивленному путешественнику дворцы и сады Армиды. Императрица сказала

мне, что, узнав о поручении нашего правительства Лаперузу⁴¹ пополнить наблюдения, сделанные знаменитым Куком по русским берегам Тихого океана, и предвидя, что по приближении к северу он может встретить русского капитана, которому велено обогнуть Чукотский мыс и осмотреть северные берега Америки, она приказала этому моряку в случае встречи с королевскими судами отдать им должный почет. Я уверил ее, что Лаперуз, без сомнения, получит соответственные приказания относительно императорских судов. При этом я сказал ей, что легко и вместе с тем приятно предвидеть, сколько союз двух могущественных монархов может придать славы их веку, что, видя их соревнование в делах, касающихся блага человечества, нельзя не предполагать, что они не замедлят сблизиться и в своих политических правилах.

При совершенной свободе, веселой беседе и полном отсутствии скуки и принуждения, один только величественный дворец напоминал мне, что я не просто на даче у самой любезной, светской женщины. Кобенцель был неисчерпаемо весел; Фитц-Герберт выказывал свой образованный, тонкий ум, а Потемкин — свою оригинальность, которая не оставляла его даже в нередкие минуты задумчивости и хандры. Императрица свободно говорила обо всем, исключая политики; она любила слушать рассказы, любила и сама рассказывать. Если беседа случайно умолкала, то обер-штальмейстер Нарышкин своими шутками непременно вызывал на смех и остроты. Почти целое утро государыня занималась, и каждый из нас мог в это время читать, писать, гулять, одним словом, делать, что ему угодно. Обед, за которым бывало немного гостей и немного блюд, был вкусен, прост, без роскоши; послеобеденное время употреблялось на игру или на беседу; вечером императрица уходила довольно рано, и мы собирались у Кобенцеля, у Фитц-Герберта, у меня или у Потемкина.

Однажды, помню я, императрица сказала мне, что у нее околела маленькая левретка *Земира*, которую она очень любила и для которой желала бы иметь эпитафию. Я отвечал ей, что мне невозможно воспеть Земиру, не зная ее происхождения, свойств и недостатков. «Я полагаю, что вам достаточно будет знать, — возразила императрица, — что она родилась от двух английских собак: *Тома* и *Леди*, что она имела множество достоинств и только иногда бывала немножко зла». Этого мне было довольно, и я исполнил желание императрицы и написал следующие стихи, которые она чрезвычайно расхвалила:

Ici mourut Zémire, et les Graces en deuil
Doivent jeter des fleurs sur son cercueil.
Comme Tom, son aïeul, comme Lady, sa mère,
Constante dans ses goûts, à la course légère,
Son seul défaut était un peu d'humeur;
Mais ce défaut venait d'un si bon coeur.

Quand on aime, on craint tant Zémire aimait tant celle
Que tout le monde aime comme elle!
Voulez-vous qu'on vive en repos,
Ayant cent peuples pour rivaux?
Les dieux, témoins de sa tendresse,
Devaient à sa fidélité
Le don de l'immortalité,
Pour qu'elle fût toujours auprès de sa maitresse*

Императрица велела вырезать эти стихи на камне, который был поставлен в царскосельском саду.

Третьего июня мы отправились в путь. Поезд состоял из двадцати карет. В экипаж императрицы попеременно садились Потемкин и Кобенцель или Фитц-Герберт и я. Постоянно же пользовалась этою честью всегда находившаяся при ней г-жа Протасова⁴², тетка графини Растопчиной, блиставшей в Париже своим умом, образованием и добродетелью, и любимец императрицы, флигель-адъютант Ермолов⁴³; кроме того, иногда она приглашала к себе обер-шталмейстера. Екатерина, будучи много раз обманута легкомыслием и завистливостью некоторых знатных дам, которых она удостоивала своего доверия, принимала в свой тесный круг только г-жу Протасову, которой был поручен надзор за фрейлинами. Кроме нее, она изредка допускала к себе одну из племянниц Потемкина, графиню Скавронскую.

Императрица ехала без всякого конвоя: она напоминала стих Вольтера про Лая:

Comme il était sans crainte, il marchait sans défense**.

Мы трогались с места по утрам, в восемь часов. Около второго часу останавливались для обеда в городах

* Здесь пала Земира, и опечаленные Грации должны набросать цветов на ее могилу. Как Том, ее предок, как Леди, ее мать, она была постоянна в своих склонностях, легка на бегу и имела один только недостаток — была немножко сердита; но сердце ее было доброе. Когда любишь, всего опасаться, а Земира так любила ту, которую весь свет любит, как она! Можно ли быть спокойною при соперничестве такого множества народов? Боги, свидетели ее нежности, должны были бы наградить ее за верность бессмертием, чтобы она могла находиться неотлучно при своей повелительнице.

** Бесстрашный, он шел, не нуждаясь в защите.

или селах, где все уже было приготовлено так, чтобы императрица нашла те же удобства, что в Петербурге. Мы всегда обедали с государыней. В восемь часов пополудни мы останавливались, и вечер императрица по обыкновению проводила в игре и разговорах. Каждое утро, порабатав с час, Екатерина, перед отъездом, принимала являвшихся к ней чиновников, помещиков и купцов того места, где останавливалась; она допускала их к руке своей, а женщин целовала и после этого должна была уходить в туалетную, потому что, по общему обыкновению в России, все женщины, даже мещанки и крестьянки, румянились, и по окончании такого приема все лицо государыни было покрыто белилами и румянами. В каждом городе императрица тотчас по приезде своем отправлялась в местную церковь и молилась.

Через четыре или пять дней мы доехали по дороге, незаметно отлогой, до Вышнего Волочка — самого возвышенного места на огромном пространстве между Северным и Черным морями, не пересекаемом поперечными горами. Здесь, на этом высоком месте, мы видели знаменитые шлюзы, которые сдерживают течение нескольких рек и передают воду в каналы Тверцы и Мсты для сообщения с Каспием по Волге и для сплава к Петербургу произведений юга; этот судоходный путь поддерживает и обогащает целые огромные области. Работы, предпринятые для устройства этих шлюзов, могут сделать честь самому искусному инженеру. Между тем они были соображены и исполнены в царствование Петра I простым крестьянином Сердюковым, который никогда не путешествовал и ничему не учился. Ум часто пробуждается воспитанием, но гений бывает врожденным. Преемники Петра Великого не радели об усовершенствовании этого великого и полезного дела, но императрица деятельно об нем заботилась. Она велела заменить деревянные постройки каменными и провести к каналу несколько новых притоков и предположила прорыть еще два канала: один — для соединения Каспийского моря с Черным и другой — для соединения Черного с Балтийским через Днепр и Двину.

На пути нашем мы везде видели осушенные болота, строящиеся селения, города, вновь основанные или обновленные. Повсюду народ, как будто торжествуя свои победы над природою, добываемые без крови и слез, усердно выражал своей повелительнице чувства искренней преданности. Толпы крестьян падали пред нею на колени, вопреки ее запрещению, потом поспешно вставали,

подходили к ней и, называя ее *матушкой*, радушно говорили с нею. Чувство страха в них исчезало, и они видели в ней свою покровительницу и защитницу. После небольшого роздыха мы предполагали проехать по берегу Мсты, чтобы миновать пороги, затрудняющие плавание по этой реке до самых Боровичей, где мы должны были сесть на суда. Но Екатерина подготовила нам неожиданную перемену: не предупредив никого и не дав никаких предварительных приказаний, она изменила путь наш и поехала на Москву. Тамошний губернатор узнал об этом только за несколько часов до нашего прибытия.

Вид этого огромного города, обширная равнина, на которой он расположен, и его огромные размеры, тысячи золоченых церковных глав, пестрота колоколен, ослепляющих взор отблеском солнечных лучей, это смешение изб, богатых купеческих домов и великолепных палат многочисленных, гордых бар, это кишашее население, представляющее собою самые противоположные нравы, различные века, варварство и образование, европейские общества и азиатские базары — все это поразило нас своею необычайностью. Впрочем, в эту первую мою поездку в Москву я успел только вскользь осмотреть ее: мы пробыли в ней только три дня. Екатерина показала нам свои дворцы в Петровском, Коломенском и Царицыне, городские сады и чудный водопровод, устроенный по ее распоряжению. После этого мы снова отправились до Боровичей через Тверь, Торжок и Вышний Волочек. Императрица, желая ознаменовать свое краткое пребывание в Москве благодеянием, увеличила городской доход и дала еще значительную сумму для учреждения больницы в здании, где прежде, при Анне и Елисавете, помещалась тайная канцелярия. В Твери она также оставила память по себе своими пожертвованиями. Тверь очень красивый город. При взгляде на толпу горожанок и крестьянок в их кичках с бусами, в их длинных, белых фатах, обшитых галунами, богатых поясах, золотых кольцах и серьгах можно было вообразить себе, что находишься на каком-нибудь древнем азиатском празднестве.

В Боровичах мы пересели на красивые галеры; особенно великолепна была галера, назначенная для императрицы. В той, где поместили Кобенцеля, Фитц-Герберта и меня, были три изящно убранные комнаты и хор музыкантов, будивших и усыплявших нас сладкой музыкой.

Еще до этого плаванья, когда мы ехали берегом в каретах, князь Потемкин и я вздумали для любопытства, не спрашивая позволения императрицы, проехать и спус-

тяться через пороги на маленькой лодке. Говорили, что проезд опасен, что здесь пошло ко дну несколько судов. Императрице понравилась эта выходка, хотя она и пожурила нас за излишнюю отвагу.

При въезде в Ильменское озеро, которым проехали мы к Новгороду, мы насладились зрелищем, совершенно новым для нас. Все озеро, подобное тихому, светлому морю, было покрыто множеством шлюпок всех величин, разукрашенных пестрыми парусами и цветами. Рыбаки, крестьяне и крестьянки, находившиеся на них, наперерыв старались приближаться к нашим блистательным судам. Вокруг нас раздавались звуки музыки и клики и под вечер их мелодическое, простое и заунывное пение.

Во время этого недолгого плавания, воспользовавшись удобным случаем, я решился на попытку, которая не осталась без последствий и осуществила мое предположение,— заключить с Россией выгодный торговый договор, после стольких тщетных попыток к тому с нашей стороны в продолжение сорока лет. Однажды, сойдя с галеры, на которой мы обедали с государыней, на этот раз, против обыкновения своего, задумчивой и молчаливой, я пошел с Потемкиным, тоже что-то неразговорчивым, на его галеру. После небольшого, бессвязного разговора, в продолжение которого он обнаруживал какое-то внутреннее беспокойство, хмурил брови и говорил сухо и отрывисто, я сказал ему:

— Любезный князь, вы нынче вовсе не так любезны, как обыкновенно: вы задумчивы, рассеянны; мне кажется, будто вы на меня сердитесь. Нельзя ли мне узнать причину этой перемены, которую я также заметил в холодном обращении императрицы. Не кроется ли тут какая-нибудь придворная сплетня?

— Да,— отвечал Потемкин,— императрица сегодня не в духе, и я также; но поводом к тому не вы, не ваше правительство, а английские министры; они действуют наперекор всем дружественным уверениям и расстраивают наши намерения. Я уже давно говорил императрице, да она мне не верила, что Питт не любит ее. Он всячески старается возбудить против нее вражду в Германии, Польше и Турции. Прусский король, всегда подозрительный, не может нам простить, что мы променяли его ненадежную дружбу на полезный союз с Иосифом II; он тревожится, хлопочет и вместе с другими курфюрстами составляет довольно опасный союз против Австрии. Он, таким образом, готовит новую войну в центре Европы, тогда как мы находим выгодным поддерживать там мир. Мы

действовали заодно с императором и потому не слишком беспокоились о кознях Пруссии. Но теперь мы узнали из достоверного источника, что английский король, на которого императрица и император полагались, без всякого повода начинает действовать во вред нам и в качестве курфюрста ганноверского приступает к политической системе Фридриха и к его союзу. Эта перемена расстраивает все наши предположения. Все это проделка англичан. Меня это ужасно сердит, и я не знаю, что бы дал, чтобы отомстить им.

Негодование князя обнаружило мне его задушевную мысль, и я, пользуясь этим случаем, сказал ему:

— Если вы хотите отплатить им, то можете сделать это скоро и легко, и притом вы вправе это сделать: лишите их исключительных преимуществ в торговле, которыми они пользуются в России назло другим народам и во вред вам самим.

— Я вас понимаю,— возразил он тотчас, оживляясь и улыбаясь,— но слушайте, я буду говорить с вами как с другом. Двор ваш давно уже желает заключить торговый договор с нами; теперь пришло время — пользуйтесь им; вы увидите, что императрица уже оставила прежние свои предубеждения против Франции, она теперь недовольна англичанами. Не пропускайте такого благоприятного случая: предложите ей решительно условия договора и союза, и я даю вам слово, что буду помогать чем могу.

— Я охотно последую вашим советам,— возразил я,— но между нашими дворами давно уже водворилась такая холодность, что меня еще не уполномочили официально к подобной попытке, и хотя успех в этом деле обрадовал бы наш двор, но успех этот неверен, а потому я и не решусь действовать наобум; я боюсь оскорбить достоинство короля таким смелым предложением от его имени.

Князь помолчал несколько минут и потом сказал:

— Ваши опасения неосновательны. Впрочем, если вы уж до того осторожны, то послушайтесь моего совета: мы с вами не раз толковали о торговле; теперь предположите, что у меня память слаба, напишите мне то, что вы мне часто изъясняли, как личное ваше мнение; только изложите ваши мысли в виде конфиденциальной ноты; можете даже не подписывать своего имени. Таким образом, вы ничем не рискуете. Вы можете быть уверены, что я буду осторожен и что прочие министры узнают об этом уже тогда, когда вы получите удовлетворительный ответ, на ос-

новании которого вам можно будет без затруднения представить ноту официальным порядком, в обычной форме. Таким образом, вы можете получить ответ, не делая еще предложения. Но повторяю вам: куйте железо, пока оно горячо; принимайтесь за дело скорее, мне бы хотелось, чтобы оно уже было сделано.

На это я ничего не возражал и поспешил на свою галерею, убежденный, что надо скорее пользоваться этим дружелюбным расположением князя, потому что оно, вероятно, порождено гневом и может скоро охладиться. Я вхожу в свою комнату, ищу чернильницу... но она была заперта в комод, а ключ от него мой камердинер унес и отправился кататься на шлюпке. Раздосадованный, вошел я в комнату Фитц-Герберта и, кажется, нашел его играющим в кости с Кобенцелем. Я объявил им, что хотел бы воспользоваться тем временем, покуда суда наши на якоре, и написать несколько писем, но что лакей мой ушел и я не могу достать ни пера, ни бумаги. Тогда Фитц-Герберт одолжил мне все, что мне было нужно, и я отправился к себе. Не знаю для чего некоторые лица, которым я рассказывал подробности моего путешествия, впоследствии напечатали это в виде анекдота, приписывая шалости то, что было делом случая. Мне было весьма досадно, если бы распространение этого анекдота могло хотя сколько-нибудь оскорбить Фитц-Герберта, которого я всегда уважал за ум и дарования, платил за его расположение дружбою и сохраню ее во всю мою жизнь. Дело в том, что легкомысленным людям показалось забавным рассказать, что я подписал торговый трактат пером английского посла, тогда как в самом деле я написал им только простую записку.

Следующую ноту я написал в течение двух часов и отнес к Потемкину. Я считаю нужным привести здесь эту импровизированную бумагу, потому что, по счастливому случаю, она имела такое важное влияние на успешный ход моих дел.

Конфиденциальная нота

Если когда-либо две державы должны были заключить торговый договор, так это Россия и Франция: этого требуют их положение, их произведения, их взаимная польза. Они слишком отдалены, чтобы вредить друг другу и чтобы между ними мог возникнуть повод к войне или вражде. По числу жителей и богатству они могли бы властвовать в Европе, если бы их политические виды были сходны. Между тем как огромные страны, их разделя-

ющие, отдаляют от них причины к несогласиям, моря Средиземное, Черное и Балтийское, наконец, океан открывают им поприще для сбыта их произведений. Было бы слишком долго исчислять причины, по которым торговля между этими странами была всегда так слаба и шла по ложному направлению, вместо того чтобы идти по естественному пути, указанному положением этих стран и их взаимными выгодами. Французы принуждены были получать товары от русских и посылать им свои чрез посредство более счастливых англичан, которые пользовались двойными выгодами на счет обоих народов и все более и более утверждали свои преимущества, так что стали неизбежными покупателями... потому что неравенство в платеже пошлин и разные привилегии необходимо устранили всякое соперничество. Ныне царствующая императрица, правление которой достопамятно столькими улучшениями и уничтожением вредных предрассудков, кажется, намерена оживить торговлю возбуждением соперничества и уничтожением исключительных привилегий и признает свободу и равенство основой успеха торговли. Мнения короля французского совершенно согласны с мыслями ее величества. Он полагает, что теперь время устранить препятствия, мешавшие заключению торгового договора. Это тем нужнее для обоих государств, что императрица имеет ныне порты на Черном море. Мы находимся в самом выгодном положении для того, чтобы открыть места сбыта для южных областей империи, отправляющих свои произведения по дальнему, трудному пути к Балтийскому морю. Французские порты на океане по положению своему могут быть в сношениях с Ригою, Архангельском и Петербургом. С другой стороны, между нашими портами на Средиземном море и Херсоном могут возникнуть деятельные сношения. Россия всегда будет потреблять в большом количестве французские вина, и сахар, и кофе наших колоний. Франция, нуждаясь в разных предметах, необходимых для содержания флота, всегда охотнее будет покупать их в России, нежели в Америке. Она потребует также много пеньки, хотя имеет свою. Солонину она также лучше добудет из южнорусских областей, нежели из Ирландии. Кожами, салом, воском, селитрой природа наделила Украину и другие южные области; огромная империя изобилует тысячами иных произведений, и было бы долго исчислять все предметы, могущие увеличить собою количество вывоза и доходы России и вместе с тем доставить пользу Франции, которой выгоднее торговать непосредственно с Россиею, чем платить другим народам

огромные суммы за русские товары. Такая взаимная мена так нужна Франции и России, что порты их немедленно наполнятся купеческими судами обеих стран, лишь только будут устранены препятствия, удерживающие благоразумных капиталистов от торга, в котором они должны опасаться соперников, пользующихся привилегиями. Однако уничтожение этих преимуществ и открытие всеобщего соперничества еще не достаточны для купцов, если между обоими народами не будет заключен договор для оживления торговли. Будет ли договор заключен для удовлетворения существенных потребностей, или только для удовлетворения желаний купцов,— во всяком случае, он дает им покровительство правительства. Только этим путем можно внушить им доверие, побуждающее к обширным торговым предприятиям. Пока не предпримут таких поощрительных мер в пользу наших купцов, они будут обращать свою деятельность на торг с нашими колониями, с Индией, с Малой Азией и с теми государствами, с которыми мы заключили договоры. Русские товары они получают из третьих рук; от этого возвышается их цена и уменьшается сбыт, ко вреду нашей и русской торговли. Несколько французских купцов, без денег и без кредита, водворяются в Петербурге, но не только не скрепляют торговых сношений обеих держав, а напротив, ослабляют их своими неудачами и неосторожными поступками. Но лишь только торговым договором водворится соперничество и равенство прав, сюда приедут купцы, достойные доверия, образуются торговые общества и взаимные выгоды возрастут вместе с увеличением требований. Теперь, когда, по-видимому, и петербургский, и версальский кабинеты сознали эти истины, нужно, кажется, сделать об этом более решительное предложение русскому правительству, и должно надеяться, что такая полезная сделка не встретит препятствий и что оба кабинета, для ускорения дела, сообщат друг другу свои мнения об этом важном предмете. Чтобы такой договор между Францией и Россией был прочен, нужно основать его на равенстве прав. Вследствие этого русские во Франции должны пользоваться всеми возможными преимуществами, какие имеют другие народы; они будут судимы в тех же судах, их товары будут обложены теми же пошлинами и выплачивать их они станут тою же монетой, как нация, пользующаяся во Франции самыми большими выгодами.

Таковы в общих чертах предположения, которые мне дозволено высказать, если к тому представится удобный случай.

Намерения Потемкина не изменились по прочтении этой бумаги. Он расхвалил ее и не хотел мне ее возвратить, как я его ни просил. «Я возьму это,— сказал он с усмешкою,— покажу только императрице и обещаю после того тотчас же возвратить ее вам».

В самом деле, на другой день, лишь только он увидел меня, тотчас отдал мне мое писание и сказал: «Мне поручено передать вам ответ, вероятно, приятный для вас; государыня сама скоро подтвердит его. Она приказала сказать вам, что с удовольствием прочитала вашу ноту и находит ваши замечания справедливыми; ей нравится ваша доверчивость, она даже расположена к заключению желаемого вами договора и, когда приедет в Петербург, даст министрам своим нужные приказания, после чего вам уже можно будет действовать официально, без всяких опасений; она дает вам обещание, что предложения ваши будут приняты». Князь передал мне совершенную правду: когда мне случилось быть у императрицы, она отвела меня в сторону и сказала: «Вы уже знаете мой ответ. Уверения в дружбе, которые я недавно получила от вашего короля, побуждают меня охотно заключить договор, который нас сблизит еще более. Ваше доверие мне понравилось; мне весьма приятно видеть вас при себе, и я бы желала, чтобы переговоры об этом деле, важном для обоих государств, были бы ведены и окончены вами». Можно себе представить, как я был рад, что смелая попытка моя кончилась так удачно.

Через несколько дней после того мы проехали Ладожский канал и прибыли в Петербург 19/28 июня. Таким образом, мы в месяц совершили самую занимательную и приятную поездку.

Я получил письмо от Верженя, который предписывал мне воспользоваться расположением ко мне графа Герца, чтобы успокоить его кабинет и доказать ему, что союз курфюрстов и старания прусского короля усилить этот союз послужат только к укреплению связи между Австрией и Россией.

В это время я часто бывал у императрицы в Царском Селе; она с жаром передавала мне ложные слухи, распускаемые в Европе об ее честолюбии, эпиграммы, на нее направленные, и забавные толки об упадке ее финансов и расстройстве ее здоровья. «Я не обвиняю ваш двор,— говорила она,— в распространении этих бредней; их выдумывает прусский король из ненависти ко мне, но вы иногда верите им. Ваши соотечественники, несмотря на мое расположение к миру, вечно приписывают мне честолю-

бивые замыслы, между тем как я решительно отказалась от всяких завоеваний и имею на это важные причины. Я желаю одного мира и возьмусь за оружие в том только случае, если меня к тому принудят. Одни неугомонные турки да пруссаки опасны для спокойствия Европы, а между тем мне не доверяют, а им помогают». В ответах моих было более вежливости, нежели убеждения, потому что, хотя Потемкин говорил мне точно то же, я замечал, что он только на время отложил свои честолюбивые намерения, но еще не отказался от них.

Раз как-то, рассказывая о грабежах кубанских татар и жестокостях визиря, он сказал мне: «Согласитесь, что турки — бич человечества. Если бы три или четыре сильные державы соединились, то было бы весьма легко отбросить этих варваров в Азию и освободить от этой язвы Египет, Архипелаг, Грецию и всю Европу. Не правда ли, что такой подвиг был бы и справедливым, и религиозным, и нравственным, и геройским подвигом? К тому же, — присовокупил он с усмешкой, — если бы вы согласились способствовать этому делу и если бы на долю Франции досталась Кандия или Египет, то вы были бы достойно награждены».

Я возразил, что такое приобретение нисколько не возбуждает моего честолюбия. И в самом деле, неловкий намек этот мне не понравился и придал мне в эту минуту твердости исполнить долг, несогласный ни с моими чувствами, ни с моим личным убеждением. Действительно, я никогда не постигал и теперь еще не понимаю этой странной и безнравственной политической системы, вследствие которой упрямо поддерживают варваров, разбойников, изуверов, опустошающих и обливающих кровью обширные страны, принадлежащие им в Азии и Европе. Можно ли поверить, что все государи христианских держав помогают, посылают подарки и даже оказывают почести правительству невежественному, бессмысленному, высокомерному, которое презирает нас, нашу веру, наши законы, наши нравы и наших государей, унижает и поносит нас, называя христиан собаками? Но в качестве посланника я должен был следовать данным мне инструкциям и действовать сообразно с ними.

Делая вид, что принимаю слова князя за шутку, несогласимую с его постоянным расположением к миру, я сказал ему:

— Любезный князь, вы, без сомнения, увлеклись, и потому не буду вам отвечать серьезно. Вы, человек рассудительный, без сомнения, поймете, что нельзя разру-

шить такое государство, как Турция, не разделив его на части, а в таком случае нарушатся все торговые связи, все политическое равновесие Европы. Раздоры заменят согласие, так медленно водворенное после долгих жестоких войн, которые возникли и длились вследствие яростных споров за веру, обременительного владычества Карла V и его вторжения в Италию, соперничества Франции и Англии, завоеваний Людовика XIV и беспрестанных честолюбивых замыслов австрийского дома насчет Германии. Окончить полюбовно этот раздел так же невозможно, как найти философский камень. Одного Константинополя довольно, чтобы разъединить державы, которые вы хотите заставить действовать заодно. Поверьте мне, что главный союзник ваш, император австрийский, никогда не допустит вас овладеть Турцией. Мне кажется, он даже как-то сказал, что *хотя он и не забудет страха, какой навели на Вену турецкие чалмы, но он стал бы еще более опасаться, если бы имел в соседстве войска в киверах и шляпах.*

— Вы правы, — воскликнул поневоле князь, — но мы все в этом виноваты! Мы всегда действуем дружно для дурных целей, а не для пользы человечества.

Не передавая всех этих подробностей своему правительству, я написал, однако, Верженню о моих разговорах по этому поводу с Потемкиным и другими министрами. Он вполне одобрил меня в том, что я успел показать русским, сколько препятствий мешает разрушению Турецкой империи, и рассеять подозрения Екатерины, полагавшей, что мы только и думаем, как бы возбудить смуты в ее империи и увеличить число ее врагов.

Императрица день ото дня все чаще доставляла мне случай видеть ее: я встретил ее на даче у обер-мундшенка и у обер-шталмейстера. Она предложила мне сопровождать ей в поездке, которую намерена была сделать для осмотра оружейного завода в Систербеке. Во время этой прогулки, я помню, она много шутила по поводу толков о чрезвычайных издержках нашего двора и о беспорядках в отчетности этих расходов. Мне хотелось представить какие-нибудь оправдания на этот счет, хотя это и было довольно затруднительно. Не столько защищаясь, сколько возражая, я сказал:

— Такова уже участь великих монархов, занятых более государственными, нежели своими, делами и не вынуждаемых подражать Карлу Великому, который, на диво всем, сам считал произведения своих полей — хлеб, сено и даже огородные овощи и яйца. Но зато, ограни-

ченный одними лишь доходами со своих владений, он не мог покрывать своих расходов податями, тогда еще неизвестными во Франции. Правда, государей наших обманывают; но позвольте мне сказать вам, что, судя по слухам, и вас, государыня, нередко обкрадывают. Это и неудивительно, потому что ваше величество не можете же сами заглядывать в кухню и конюшню и заниматься хозяйственными мелочами.

— Вы отчасти правы, отчасти нет, любезный граф,— возразила она.— Что меня обкрадывают, как и других, с этим я согласна. Я в этом уверилась сама собственными глазами, потому что раз утром рано видела из моего окна, как потихоньку выносили из дворца огромные корзины и, разумеется, не пустые. Помню также, что несколько лет тому назад, проезжая по берегам Волги, я расспрашивала побережных жителей о их жизни. Большею частью они питались рыболовством. Они говорили мне, что могли бы довольствоваться плодами трудов своих, и в особенности ловлею стерлядей, если бы у них не отнимали части добычи, принуждая их ежегодно доставлять для моей конюшни значительное число стерлядей, которые стоят хороших денег. Эта тяжелая дань обходилась им в 2000 рублей каждогодно. «Вы хорошо сделали, что сказали мне об этом,— отвечала я смеясь.— Я не знала, что мои лошади едят стерлядей». Эта странная повинность была уничтожена. Однако я постараюсь доказать вам, что есть разница между кажущимся беспорядком, который вы замечаете здесь, и беспорядком действительным и несравненно опаснейшим, господствующим у вас. Французский король никогда не знает в точности, сколько он издерживает; у него ничто не распределено и не назначено вперед. Я, напротив того, делаю вот что: ежегодно определяю известную, всегда одинаковую, сумму на расходы для моего стола, мебелировки, театров, конюшни — одним словом, для содержания всего дома; я приказываю, чтобы за столом в моих дворцах подавали такие-то вина, столько-то блюд. То же самое делается и по другим частям хозяйства. Когда мне доставляют все в точности, в требуемом количестве и качестве, и если никто не жалуется на недостаток, то я довольна, и мне совершенно все равно, если из отпускаемой суммы сколько-нибудь украдут. Для меня важно то, чтобы эта сумма не была превышаема. Таким образом, я всегда знаю, что издерживаю. Это такое преимущество, которым пользуются немногие государи и даже немногие богачи из частных лиц.

В другой раз, когда она хотела знать, что меня всего более поразило с тех пор, как я находился при ее дворе, я, пользуясь добрым расположением ее ко мне, осмелился сказать:

— Меня всего более удивляет ненарушимое спокойствие, которым ваше величество пользуетесь на троне, издавна обуреваемом грозами. Трудно постигнуть, каким образом, прибыв в Россию из чужих стран молодою женщиною, вы царствуете так спокойно и не бываете принуждены тушить внутренние смуты и бороться с домашними врагами и не встречаете никаких важных препятствий?

— Средства к тому самые обыкновенные,— отвечала она.— Я установила себе правила и начертала план: по ним я действую, управляю и никогда не отступаю. Воля моя, раз выраженная, остается неизменною. Таким образом все определено, каждый день походит на предыдущий. Всякий знает, на что он может рассчитывать, и не тревожится попустому. Если я кому-нибудь назначила место, он может быть уверен, что сохранит его, если только не сделается преступником. Таким путем я устраняю всякий повод к беспокойствам, доносам, раздорам и совместничеству. Зато вы у меня и не заметите интриг. Пронырливый человек старается столкнуть должностное лицо, чтобы самому заместить его, но в моем правлении такие интриги бесполезны.

— Я согласен, государыня,— отвечал я,— что такие благоразумные правила ведут к хорошим последствиям. Но позвольте мне сделать одно замечание: ведь и при обширном уме невозможно иногда не ошибиться в выборе людей. Что бы вы сделали, ваше величество, если б, например, вдруг заметили, что назначили министром человека, неспособного к управлению и недостойного вашего доверия?

— Так что же? — возразила императрица.— Я бы его оставила на месте. Ведь не он был бы виноват, а я, потому что выбрала его. Но только я поручила бы дела одному из его подчиненных; а он остался бы на своем месте, при своих титулах. Вот вам пример: однажды я назначила министром человека неглупого, но недостаточно образованного и неспособного к управлению довольно значительную отрасль государственных дел. Одним словом, ни в каком правительстве не нашелся бы министр менее даровитый. Что из этого вышло? Он удержал свое место, но я предоставила ему только незначительные дела по его ведомству, а все, что было поважнее, поручила

одному из его чиновников. Помню, однажды ночью курьер привез мне известие о славной Chesменской победе и истреблении турецкого флота; мне показалось приличным передать эту новость моему министру прежде, нежели он узнает ее со стороны. Я послала за ним в четыре часа утра; он явился. Надо вам сказать, что в это время он был чрезвычайно занят одной ссорой между своими подчиненными и, по случаю ее, даже забылся и сделал несправедливость. Поэтому он вообразил себе, что я собираюсь пожуричь его за это. Когда он вошел ко мне, то, не дав мне сказать ни слова, начал меня упрасивать: «Умоляю вас, государыня, поверьте мне, я не виноват ни в чем, я в этом деле непричастен». — «Я в этом совершенно уверена», — отвечала я с усмешкой. Потом сообщила ему о блистательном успехе, увенчавшем предприятие, задуманное мною с Орловым, — отправить флот мой из Кронштадта, вокруг Европы, через Средиземное море и уничтожить турецкий флот в Архипелаге.

— Пример этот, государыня, — сказал я улыбаясь, — не многим может пригодиться. Мало таких мудрых государей, которые могли бы делать великие дела при посредственных и даже плохих министрах.

Верженнь знал, что я успел снискать благосклонность и доверие императрицы. Однако же, когда он получил мою депешу и узнал, что по стечении благоприятных обстоятельств и в уверенности получить удовлетворительный ответ я намереваюсь представить русскому правительству официальную ноту и предложить начать переговоры о торговом трактате, он счел мой поступок слишком поспешным и упрекал меня, что я так легко убедился в возможности такого неожиданного оборота дел. Ему казалось, что я был обольщен вниманием императрицы, которое относилось только к моему лицу, что я с излишней самоуверенностью приступил к делу и сделал предложение, может быть, во вред своему правительству.

С другой стороны, еще страннее показалось мне, что вице-канцлер граф Остерман, от которого императрица, верная своему слову, скрыла все, что слажено было во время нашей поездки, был чрезвычайно удивлен, когда я ему вручил свою ноту. Она была известна только императрице и Потемкину, и то лишь как выражение моего личного мнения. Не приготовленный к этому, Остерман сказал мне с важностью: «Я представляю ваше предложение на благоусмотрение императрице, потому что могу принять его только *ad referendum*. Признаюсь даже, что это меня несколько удивляет; я не был приго-

товлен к этому предварительными условиями, какие обыкновенно предлагаются в таких случаях, и потому позвольте заметить вам: обдумали ли вы хорошенько ваше намерение? Уверены ли вы в том, что оно теперь будет своевременным?»

Я сказал на это, что предложение союза благовидного и выгодного для обоих дворов, по моему мнению, вероятно, принято будет императрицею с тем же чистосердечием, с каким оно сделано королем, и что сходство их обоюдных чувств и мнений дает мне возможность надеяться на успех.

Однако министры в продолжение целой недели не сообщили мне ничего по этому важному делу. Это меня несколько беспокоило. Я знал, что императрица не медлила в своих соображениях, планах и приказах, но что иногда по неусердию ее чиновников предположения ее исполняются чрезвычайно тихо.

Я ездил в Петергоф, где давались пышные праздники; здесь, на маскараде, граф Безбородко сказал мне на ухо, что ему приказано немедленно вступить в переговоры со мною. В самом деле, только что возвратился я в столицу, как граф Остерман пригласил меня к себе и, поздравив меня с успехом, сказал: «Ее императорское величество приказала мне сказать вам, что она с большим удовольствием прочла вашу ноту, что, не дожидаясь возвращения графа Воронцова, отправленного для обзора таможен, она послала ее к нему, чтобы он мог скорее приступить к переговорам, и что она искренно желает успешного окончания этого дела». Затем я получил официальный ответ русских министров на мою ноту и изложение правил, которыми императрица постоянно руководствуется при заключении торговых договоров. Сверх того, мне объявили, что императрица назначит своих уполномоченных, когда я со своей стороны буду уполномочен к этому делу.

Я отослал все эти факты в Версаль с курьером, и они послужили к моему оправданию. Верженнь, получив приказание короля, похвалами своими вознаграждал меня за несколько строгий выговор, полученный мною незадолго пред тем. Изъявляя ему свою благодарность, я предупреждал его, что хотя императрица выразила свои намерения и уверена в невыгодах привилегий и выгодах конкуренции в торговле, однако министры ее издавна свыклись с запретительной системой, и потому, вероятно, пройдет много времени в толках об уменьшении пошлин. Я предвидел, что особенно граф Воронцов будет настой-

чиво защищать необходимость запрещений и высоких пошлин и не убедится в том, что они производят застой промышленности и только поощряют контрабанду. К тому же я был уверен, что если нам сбавят пошлины с наших вин и предоставят право платить пошлины на русские деньги, то взамен этого с нас потребуют значительного уменьшения с пошлин на русские товары, ввозимые к нам.

Стеснительные меры поддерживались даже наперекор желаниям императрицы и Потемкина. Они, в видах пользы для южных областей империи, хотели сбавить одну четвертую со стоимости пошлин, платимых всеми на таможенных и в портах этих областей. Даже император австрийский, союзник Екатерины, принужден был сделать значительные уступки, когда заключил торговый договор с Россиею. Россия, нуждаясь в местах для сбыта своих товаров и отыскивая их, всегда наблюдала свои выгоды. Особенно добивалась она значительных преимуществ для своего торгового судоходства. Последнее было незначительно, потому что при 25 вооруженных военных кораблях она имела не более 50 купеческих судов. По этому поводу Гаррис, впоследствии лорд Мальмсбери, заметил, что русский купеческий флот — самый сильный в мире, потому что в нем на два торговых корабля приходится по одному военному для обороны.

Мои предположения оправдались: прошло более девятнадцати месяцев, прежде чем я мог заключить договор и кончить переговоры, к которым приступлено было так решительно и при самых благоприятных обстоятельствах. Я послал также Верженню мои замечания на ноту, заключающую в себе основные правила, установленные и соблюдаемые Екатериною II при заключении торговых договоров. Эти записки сделались бы слишком обширны и сухи, если бы я вздумал поместить в них все предположения и возражения, которые я делал сам и получал в продолжение этих девятнадцати месяцев, или если бы захотел подробно рассказывать о различных препятствиях, замедлявших это дело и едва не прервавших его совершенно. Те из моих читателей, которые готовят себя к дипломатическому поприщу и которым могло бы быть полезно узнать все это дело, пусть ищут его в архивах. Прочим же я бы скоро надоел, если бы занял их толками о политических сплетнях. Они охотнее последуют за мною по пути более разнообразному и удобному, быстро переходя от одного предмета к другому: от петербургских праздников к горам Кавказа, от сераля татарских ханов и бере-

гов Крыма в украинские степи, от рассказов о придворных интригах к описаниям сражений русских с турками, со шведами и поляками, предпринявшими последнюю попытку, чтобы возвратить свою независимость.

В это время императрица была несколько встревожена известием об уроне, который потерпело ее кавказское войско после нескольких битв с чеченцами и кабардинцами. Полковник Пьерри сжег несколько аулов, был окружен горцами и погиб вместе со своим отрядом.

Тогда же сделалось известным, что король прусский останавливает торговые сообщения города Данцига по каналу между Вислой и Нейссой учреждением таможен и фортов по этому пути, привлекает таким образом в свои владения всю торговлю этого вольного города и, сверх того, тревожит его жителей разными угрозами и враждебными поступками. Екатерина покровительствовала гражданам данцигским и обещала обеспечить их спокойствие. Она написала Фридриху письмо и просила его не расстраивать их обоюдного согласия и не нарушать безопасности, которою пользовались жители Данцига и поляки под их общим покровительством. Императрица поручила графу Безбородку сообщить мне это, и он сказал мне, что такая откровенность должна служить доказательством французскому королю, как искренно императрица желает действовать сообща с ним для утверждения мира в Европе. Откровенность государыни в этом случае убедила меня, что, опасаясь бесчисленных препятствий к исполнению своих замыслов, она начинала освобождаться от своих предубеждений против нас и была уже расположена содействовать нам в утверждении мира.

Знаки доверия государыни ко мне произвели на разных лиц различное действие. Министры сделались ко мне внимательнее. Граф Герц уже не скрывал своего нерасположения. Великий князь, всегда хорошо расположенный ко мне, даже до пристрастия, перестал со мною говорить. Наконец, граф Кобенцель старался теснее сблизиться со мною, но больше как придворный, нежели как посланник. Через Кобенцеля узнал я, что слаженный им торговый договор не приводится к окончанию за спором о первенстве в подписях акта, потому что император хотел подписаться первый, а императрица не хотела поставить имя свое после него. Мне сказали, что дело это должно было уладиться таким образом, что в Вене напишут акт на немецком языке, где первым подпишется Иосиф II, а в Петербурге — на русском, где подпись Екатерины будет выше, и потом соединят эти два акта.

Я был предуведомлен, что несколько французских габар пристанут к Кронштадту. Они прибыли, и снова начались толки о платеже пошлин. В другое время из-за этого вышли бы неудовольствия. Но так как на меня уже смотрели другими глазами, то и обещали кончить это дело полюбовно. Императрица прекрасно приняла наших морских офицеров: они веселились в столице и были приглашены на спектакль в Царское Село. Между тем как в Петербурге со мною обходились так дружелюбно, граф Шуазель писал мне из Константинополя, что поведение русского посланника вовсе несогласно со вниманием, мне оказываемым, и с дружелюбными уверениями, мне данными. Он извещал меня, что Булгаков⁴⁴ старается возбудить в турках недоверчивость к нам, что он не допускает их согласиться на пропуск наших судов в Черное море и подстрекает русских агентов в Архипелаге к неприязненным действиям против нас. Поэтому, с одной стороны, казалось, что русское правительство сближалось с нами и покидало замыслы о завоеваниях, с другой стороны — в Константинополе и Греции подготавливало все для исполнения своих намерений на случай разрыва с Портою, что могло произойти вскоре. Однако ж Потемкин, казалось, исключительно занят был делами торговыми, а не военными. По указу императрицы он получил восемнадцать миллионов для скорейшего совершения предприятий, начатых им в южном крае. Иностранцам, которые пожелали бы селиться в тех местах, обещана была свобода от платежа податей на пять лет.

В это время прусский король официально сообщил Екатерине II, что союз курфюрстов окончательно составиля с целью поддерживать и защищать германских князей от честолюбивых намерений Иосифа II. Это известие возбудило неудовольствие Екатерины и вместе с тем усилило ее желание соединиться с нами, чтобы нашим посредничеством предотвратить войну, по-видимому готовую вспыхнуть тогда в Германии. Я воспользовался этим положением дел и повторил свои жалобы о том, что русское правительство медлило исполнить свое обещание и удовлетворить марсельских купцов за убытки, понесенные ими в последнюю войну. Через несколько дней после того, 6 сентября 1785 года, граф Безбородко известил меня письмом, что это дело окончено и что при первом совещании вице-канцлер, по приказанию государыни, сообщит мне судебный приговор по этому делу, равно как и обо всех распоряжениях, какие будут сделаны для исполнения этого приговора.

Вознаграждение было скудное. Купцы наши получили только часть того, что требовали по праву. Но так как некоторые из их исков не были подкреплены достаточными доказательствами, то они могли считать за счастье, что возвратили хотя часть имущества, которое уже давно считали потерянным.

В это время Екатерина, более щедрая на подарки, чем министры ее в своих платежах, блистательным образом изъявила свою милость естествоиспытателю Палласу. Она была так добра и великодушна, что вошла в его домашние нужды. Паллас искал случая продать свое собрание произведений природы, чтобы составить приданое дочери своей. Императрица, узнав об этом, велела спросить его, во сколько он ценил свои вещи, и он назначил 15 000 рублей. Когда императрице сообщили это, она написала ученому академику, что он весьма сведущ в естественных науках, но не умеет сделать приданого, и прибавила, что берет его собрание за 25 000 рублей, предоставляя ему право пользоваться им по смерти.

Конец этого года прошел без особенных происшествий, за исключением мира между императором и Голландиею, заключенного посредством нашего двора. Известие о подписании предварительных актов этого мира обрадовало императрицу и ее министров, и удовольствие их, казалось, было искреннее, чего я не ожидал прежде. Военные действия на Кавказе продолжались. Черкесы в одном жарком деле были разбиты и потеряли до 1000 человек. Австрийский посол сообщил мне свой торговый трактат, написанный, по взаимному соглашению, в двух экземплярах. Договором этим император и императрица уменьшили на $1/4$ пошлины, взимаемые на таможах обоих государств. С кронштадтских доков спущены были два корабля: один 100-пушечный, другой 74-пушечный. Я присутствовал при этом торжестве вместе с императрицею. Благоволение ее ко мне до тех пор было неизменно. Но скоро совершенно непредвиденный случай подал русскому правительству повод к неудовольствию и сомнениям насчет искренности наших дружелюбных уверений. Один русский чиновник, посланный в Персию с подарками шаху, был там ограблен и обижен. Тогдашний шах оказывал покровительство кавказским и дагестанским племенам во вред России. Другой чиновник, более счастливый, был милостиво принят шахом. С помощью нескольких англичан он успел перехватить переписку Феррьерера-Совбефа (M. de M. Ferrières Sauveboeuf), французского агента, будто бы посланного для того, что-

бы вооружить персиян против русских. Потемкин в сердцах обратился ко мне с жалобой на этот поступок, не согласный с дружественными уверениями нашего двора. Мы жарко поспорили. Напрасно старался я доказать ему, что чиновники, не имеющие официальных дипломатических поручений, обязаны только сообщать сведения о положении страны, куда они посланы; что они не заслуживают никакого доверия, когда выходят из границ данного им поручения, с целью придать себе более веса и не имея на то никакого полномочия. Я сказал ему, что мы имеем более причин жаловаться на беспрестанные козни и неприязненное поведение не только тайных лазутчиков, но самих русских консулов в Архипелаге. «А, так вот что! Вы опять почувствовали слабость к туркам,— сказал Потемкин голосом более ласковым.— Согласитесь, что я не без основания величаю вас иногда *Сегюр-Еффендием*. Впрочем, ведь я сообщу вам перехваченные письма, и посмотрим, каковы-то будут объяснения вашего правительства!»

Несмотря на шуточную выходку, заключившую этот разговор, вслед за тем, однако, со мною стали обращаться холоднее, что несколько замедляло ход моих дел. Я отослал графу Верженню перехваченные и переданные мне бумаги и предупредил об этом Шуазеля. Оба они вследствие этого происшествия увидели необходимость умерять тревожное рвение наших тайных агентов и осторожнее вести свою переписку. Впрочем, опрометчивый поступок этого посланца, который не удовольствовался ролью простого наблюдателя, был скоро забыт. Персидский трон занял другой шах, более расположенный к России.

Наконец, я был уполномочен на заключение договора. Императрица, со своей стороны, назначила уполномоченными графов Остермана, Безбородка и Воронцова и г. Бакунина. Мы начали совещаться, но на первый раз еще далеко не установили главных условий договора. Главная остановка была за нашими винами: их не хотели уравнивать относительно пошлин с винами испанскими и португальскими. Мы согласились только, какую монетою платить пошлины и как решать тяжбы, но никак не могли установить тариф.

Министры обещали мне по возможности скоро передать акт договора, ими составленный. Между тем я препроводил в Версаль ноту, содержащую мнения русских уполномоченных, присоединив к ним мои замечания.

Императрица объявила мне о своем намерении ехать в Крым. С обычною своею любезностью она прибавила, что если эта поездка для меня будет любопытна, то она с удовольствием согласится иметь меня своим спутником. Через несколько дней после того она дала мне для библиотеки короля экземпляр книги *Flora Rossica*.

Императрица была очень довольна, когда узнала о заключении мира Иосифом II с Голландскими штатами, но равнодушно встретила известие о союзном акте Франции с этой республикой. Союз этот возбудил неудовольствие императрицы, потому что лишал ее надежды поддержать влияние свое на Голландию. Казалось даже, что холодность ее к англичанам с этого времени несколько уменьшилась. Фитц-Герберт воспользовался этим случаем и предложил русским министрам переговорить о возобновлении торгового договора с Англиею, которому наступал срок в конце 1786 года.

Один новый указ перетревожил тогда всех петербургских купцов. Указом этим предписывалось всем торгующим лицам вписываться в гильдии и объявлять правительству свои капиталы. Эта мера многим не понравилась, и они жаловались императрице. Несколько французов имели по этому случаю неудовольствие с полициею, но я все уладил.

На восточном и южном крае империи дела принимали дурной оборот. И в Европе, и в Азии опасались войны. Ахалцихский паша напал на Грузию. Новый пророк Мансур возбуждал к войне жителей Кавказа; кубанские татары готовились вместе с лезгинами и турками сделать набег на Имеретию. Наконец, турецкий гарнизон Очакова производил грабежи в пределах России. Потемкин снова стал недоверчив и считал нас зачинщиками этих смут. В пылу негодования он приказал всем офицерам быть при своих полках, усилил войска на Кавказской линии и объявил, что через несколько месяцев сам примет начальство над армией и выступит за Кубань. Таковы были зловещие предзнаменования, которые в конце 1785 года указывали на скорый, почти неизбежный разрыв с Портою*

Война русских на Кавказе, предпринятая для прекращения разбоев черкесов, до моего приезда в Петербург, по-видимому, не имела важности. Несколько кавказских

---

* В этом месте текста Сегюр, по поводу волнений на Кавказе, делает очерк кавказских народов на основании одной записки, ему сообщенной. Пропускаем его, как поверхностный и лишний.

князей поселились даже в России и служили в русской армии. Я встречал при дворе и принимал у себя кабардинских князей, прибывших для того, чтобы испросить у императрицы милостей своему народу. Они показывали мне свое оружие, которым владели с большим искусством. Я был свидетелем, как на всем скаку и в значительном расстоянии они сшибали стрелой шапку, повешенную на шесте. Я сохранил рисунки, где они изображены в своей военной одежде со стальной сеткой. Тогда как они в столице только и твердили, что о своей покорности, единоплеменники их нападали на русских. Борьба с ними со дня на день становилась затруднительнее, потому что силы их росли при содействии других народов, лезгин и даже турок, которые под предводительством ахалцихского паши вторгнулись в Имеретию.

В то же время на краю Азии возникли раздоры между русскими и китайцами, за то что последние завладели островом на Амуре и выстроили крепостцу. Китайский император написал Екатерине обидное письмо, и она была принуждена с большими затруднениями посылать туда войско и пушки. Я, может быть, был единственный европеец, которого могли занимать и тревожить эти смуты. Воронцов, президент Коммерц-коллегии, изъявил намерение ехать на китайскую границу, а отъезд его мог бы приостановить нашу торговую сделку, может быть, на целый год. Давно уже высокомерный владыка Китая оскорблял самолюбие императрицы, привыкшей внушать уважение. В начале ее царствования многочисленное калмыцкое племя, населявшее северо-восточные прибрежные равнины Каспийского моря, вздумало освободиться от тяжелых для них налогов и законов, установленных русским правительством. Вдруг в один день и в тот же час сто пятьдесят калмыцких семейств складывают свои шатры, навьючивают их на кибитки, седлают своих коней, собирают стада и уходят на восток. После двухлетнего перехода они достигли границы Китая и отправили к китайскому императору послание с просьбою дать им пристанище. Это неожиданное посещение двух или трех сот пришельцев нисколько не встревожило, а напротив, польстило китайскому императору. Он дал им земли и посреди их поселения воздвиг пирамиду с надписью, провозглашавшей его владыкою монархов всего света. В ней сказано было: «Иные завоевывают золотом и мечом, истощают все силы свои, чтобы с большими издержками и затруднениями овладеть несколькими городами, несколькими местечками. Нас же боятся и уважают,

наши законы мудры, подданные счастливы, и мы видим, что целые народы, из самых дальних стран, приходят и покоряются нашей власти». Хотя императрица порою и смеялась над этими выходками азиатского хвастовства, однако самая насмешка эта обнаруживала ее скрытую досаду.

Впрочем, среди этих политических хлопот русские министры по приказанию государыни продолжали вести переговоры со мною и Фитц-Гербертом. Хотя возобновление прежнего трактата легче составления нового, однако дело Фитц-Герберта подвигалось так же медленно, как мое. С одной стороны, царские уполномоченные были ужасно осторожны, даже до мелочности, с другой же — обвиняли нас в упрямстве и излишней щекотливости. Они привыкли, чтобы все делалось, как они хотели, и потому наша твердость им не нравилась. Когда я явился на первое совещание, то, к удивлению, заметил, что, наперекор правилу учтивости, требующему уважения к иноземцам, они уселись за длинным столом на главном конце и по бокам, а мне оставили место на другом конце. Чтобы избегнуть неприятностей, я не подал вида, что заметил это. Но на следующий раз я поспешил войти в зал вместе с другими и сел на диван, стоявший у главного конца стола. Кажется, это всех удивило, но они промолчали. Зато во время переговоров они выказали свою досаду: спорили о каждой статье и передали мне составленный ими акт, где пошрины на наши вина не были убавлены ни на копейку. Впрочем, урок, который я им дал, удался совершенно, потому что при всех последовавших затем совещаниях мы садились за круглый стол и потому все места были равны.

Нрав моих противников особенно затруднял меня. Граф Остерман, человек благонамеренный, но простоватый, никак не мог забыть успеха, с которым Верженнь действовал против него, когда они были вместе послами в Швеции. С тех пор он был не расположен к нам. Граф Воронцов, человек способный, но придирчивый и упрямый, держал себя строго и восставал против роскоши. Он, кажется, хотел бы, чтобы русские пили только мед и одевались бы в платье домашнего изделия. Потемкин его ненавидел; другие министры его боялись. Императрица не слишком любила его, но уважала и почти безусловно предоставила на его волю торговые дела. Так как его брат был весьма любим в Англии и пользовался там большим весом, то он охотнее покровительствовал англичанам, чем нам. Что касается до Бакунина, то он был совершенно предан англичанам. Министры не слишком-то уважали

его. Он когда-то очернил себя таким неблагородным поступком в отношении к графу Панину, что великий князь не хотел принимать его к себе. Всю свою надежду полагал я на одного только графа Безбородка. Умный, ловкий и уступчивый, но отчасти слабый, он несколько помогал мне в моих делах с тех пор, как ему показалось, что императрица желает их успеха. Но он не мог устоять против проделок Бакунина и решительности Воронцова, желавшего разными запрещениями и пошлинами уменьшить ввоз в Россию всевозможных иностранных произведений.

В борьбе с такими препятствиями Потемкин служил мне твердою опорой. Враг мелочных расчетов, с широким взглядом на торговлю, он твердо защищал меня против Воронцова, который мешал ему и колол глаза своим весом при дворе. Но чудак-князь, порою столь гениально-проницательный, часто оказывался непостоянным, как дитя. Обширные предприятия подстрекали его деятельность; мелочные заботы его утомляли. Никто не соображал с такою быстротою какой-либо план, не исполнял его так медленно и так легко не забывал. Вдруг заводил он фабрики и так же скоро оставлял их. Он всегда был готов продать то, что купил, и разрушить то, что создал. Случалось, что он оставлял сочинение, касающееся политики или торговли, для какой-нибудь музыкальной пьесы или стихов и часто из легкомыслия упускал из виду дела, требующие постоянства и труда. Вот почему деятельность его соперников и собственная лень иногда мешали его влиянию на государыню — умную, проницательную и умевшую справедливо ценить как его достоинства, так и недостатки. Чтобы лучше представить живость его ума, твердость памяти и легкомыслие, я расскажу один его поступок, который в то время меня очень рассердил и чуть было не поссорил с ним. Однажды я попросил его назначить мне день, чтобы переговорить с ним об одном торговом заведении, основанном по его желанию г. Антуаном (Anthoine), марсельским уроженцем, ныне бароном Сен-Жозефом, близ Херсона. Князь принял меня и попросил меня прочесть толстую, полную расчетов и цифр тетрадь, представленную мне этим негоциантом, известным по своему кредиту, богатству, сведениям и честности; в труде своем он жаловался на местное начальство, всячески мешавшее ему, и предлагал меры для устранения препятствий, замедлявших успех его предприятий. Но каково было мое удивление, когда я заметил, что, пока я читал эту записку, без сомнения достойную внимания, к князю входили один за другим священник, портной, секретарь, модистка и что всем им он давал

приказания. Когда я хотел остановиться, он настоятельно просил меня продолжать. Эта странная невежливость меня бесила, и я спешил дочитать скорее. Когда я кончил и он хотел взять у меня тетрадь, я удержал ее и сказал ему довольно сухо, что не привык к такому невниманию и беспечности, когда дело идет о важном предмете, и что в подобных случаях вперед буду относиться к одному лишь графу Воронцову. Не прошло трех недель, как я получил от г. Антуана письмо, где он меня благодарил за скорое исполнение его поручения. Он писал мне, что Потемкин ответил ему обстоятельно на все пункты его донесения и сделал все нужные распоряжения, чтобы облегчить его и упрочить успех его предприятия. Я тотчас же поспешил к князю. Только что вошел я, как он встретил меня с распростертыми объятиями и сказал: «Ну что, *батюшка*, разве я вас не выслушал, разве я вас не понял? Поверите ли вы наконец, что я могу вдруг делать несколько дел, и перестанете ли дуться на меня?» Я поцеловал и благодарил его, крайне удивляясь живости его способностей.

Чем благосклоннее князь становился ко мне, тем более я опасался его отсутствия. Он все еще собирался принять начальство над Кавказскою армиею. К счастью, подоспело известие, изменившее его намерение. Фанатик *Мансур*, лжепророк, во имя Магомета вооружил кабардинцев и другие черкесские племена, и они толпами врывались в русские области с изуверством, которое усиливало их природную отвагу. Они ждали себе верной победы. Их предводитель поклялся им аллахом, что артиллерия христиан окажется безуспешна против них. Впрочем, при первой же стычке пушки, не слишком-то уважающие пророков, не оправдали предсказания и истребили множество мусульман. Тогда Мансур вздумал перед каждым отрядом выставлять подвижные брустверы, утвержденные на дрогах с четырьмя колесами и сплоченные из досок, между которыми был фашинник. Горцы, в восторге от этого необыкновенного изобретения и уверенные, что за эту слабую защиту они пройдут невредимы, подвигаются вперед. Но скоро русская артиллерия разгромила эти преграды, и черкесские колонны окружены, разбиты, уничтожены совершенно. Знамя пророка с надписями из Алкорана было захвачено, и пророк погиб или бежал. Я поспешил сообщить эту новость графу Шуазелю, которого турки обманывали тогда ложными известиями о мнимых победах, будто бы одержанных ими на Кавказе и в Грузии. Тогда же Верженнь доставил мне средства рассеять сомнения Потемкина насчет бумаг, перехваченных у наше-

го лазутчика в Персии. Он переступил данные ему приказания и получил за это выговор. Мне нетрудно было доказать, что наши жалобы на поведение русских консулов в Архипелаге гораздо основательнее. Таким образом, рассеялись сомнения, которые этот случай возбудил в уме императрицы. Потемкин, со своей стороны, также старался оправдать поступки русских консулов. Он доказывал мне, что нужно готовиться к войне, что ее нельзя избежать, если турки не перестанут снабжать оружием лезгин и другие кавказские народы.

Екатерина II была ко мне по-прежнему благосклонна. Раз утром рано входит ко мне обер-штабмейстер Нарышкин с огромной пачкой писем, журналов, брошюр и памфлетов в руках и говорит мне: «Ее величество поручила мне передать вам эту посылку, присланную вам из Парижа на ее имя. Она велела вам сказать, что если ей будут посылать такие пакеты, то она прикажет мне купить маленького лошака для перевозки ваших вещей». Я чрезвычайно удивился, поблагодарил его, а он без дальних объяснений вышел от меня громко смеясь. Я поспешно распечатал письма и в одном из них, от моей жены, нашел объяснение всего этого.

«Тебе, вероятно, покажется странным,— писала она,— что я так легкомысленна и осмеливаюсь адресовать на имя императрицы огромный пакет, который я тебе посылаю. Но виною этому барон Гримм: это сделано по его желанию. Он знает, как благосклонна к тебе государыня, и уверил меня, что она меня не осудит». Несмотря на это объяснение, в тот же вечер на эрмитажном спектакле я подошел к императрице и с заметным смущением начал было извиняться, но она сказала мне улыбаясь: «Напишите от меня вашей супруге, что она может вперед пересылать вам через мои руки все, что хочет. По крайней мере, вы тогда можете быть уверены, что ваших писем не станут распечатывать». Императрица говорила правду. В ее империи, как и везде, чиновники раскрывали всякие письма и депеши. Это — обыкновение не только безнравственное, но и опасное по злоупотреблениям, к которым оно может подать повод. С другой стороны, оно довольно бесполезно, потому что все это знают и, следовательно, пишут осторожно, а иные даже пользуются этим, чтобы понравиться разными обманчивыми похвалами. Но так как императрица вовсе не желала, чтобы министры останавливали жалобы, ей приносимые, и заглушали голос правды, то она наказала бы со всею строгостию министра, который вздумал бы открыть письмо или какую-либо бумагу, посланную на ее имя.

В этом году императрица истребила старинный обычай, по которому просьбы на высочайшее имя писались так: *бьет челом раб твой такой-то*. Новым указом запрещено было употреблять это выражение, и велено слово *раб* заменить словом *подданный*.

Екатерина никогда не действовала так произвольно, как ее министры. Особенно Потемкин миловал и наказывал помимо законов, даже таких, которых строгое исполнение необходимо для общественной пользы. Некто Жюмильяк, представленный Потемкину мною и принятый в петербургском обществе, так понравился князю, что когда ему вздумалось проехаться в Константинополь и обратно, то он получил от князя разрешение *миновать карантин*. Из этого видно, что с французами обходились ласково, хотя и завидовали их успехам на поприщах военном и политическом и усилению их влияния. Петербургский кабинет был так недоволен известием, что Швеция приступила к нашему союзу с Голландией, что запретил шведам вывозить из России хлеб и лошадей. По той же причине русские министры выразили свое неудовольствие испанскому послу, но он с достоинством защищал наш мирный союз. На самом деле союз этот возбуждал в русском правительстве более зависти, нежели опасения.

В этом же году императрица издала три новых указа: первые два обрадовали купцов и дворян, третий огорчил украинское и малороссийское духовенство, потому что ставил его в одинаковое положение с прочим духовенством империи и тем лишил его 200 000 душ крестьян, перешедших в казенное ведомство. По части торговли была учреждена комиссия из пяти русских и пяти иностранных negociантов для рассмотрения и удовлетворения жалоб, представленных купцами правительству. Еще один указ касался дворян. Назначен был выпуск 33 миллионов банковых билетов, из коих 22 миллиона разрешено было раздать заимообразно дворянству за восемь процентов и на двадцатилетний срок, до погашения долга; к этим 22 миллионам присоединены были еще четыре миллиона, составлявшие фонд прежнего заемного банка. Остальные 11 миллионов назначены были для займа купцам наравне с дворянами: первым — под залог домов, вторым — под залог земель. Банку разрешено было чеканить в свою пользу медную монету и менять ее за границу на золото и серебро. Он должен был иметь во всякое время достаточное количество этой монеты, чтобы мена делалась в пользу России и чтобы предупредить лаж (убыток). Всех банковых билетов указано выпустить не более как на один мил-

лион. Князь Вяземский⁴⁵, говорят, горячо восставал против этой меры и написал по этому предмету целое рассуждение, но оно не понравилось императрице. Меня уверяли, будто в этой записке он старался доказать, что чрезмерное умножение ассигнаций подорвет кредит. В некоторых губерниях ассигнации-то уже упали или совсем вышли из обращения. Князь представлял, что дворянству, уже и без того обедневшему, представлялся новый повод к разорению. Наконец, он утверждал, что, распределив уплату на двадцатилетний срок, правительство потворствует ростовщикам, потому что они скупают эти билеты и пускают их впоследствии в оборот в свою пользу. Но представления князя не были уважены, потому что все члены совета ее величества ожидали себе выгод от успеха этого установления, так как с помощью его они могли уплатить свои долги. Вообще порицали этот указ все иностранные негодяи. Они считали его необдуманном, дурно составленным и едва ли удобным к исполнению.

События, предвещавшие войну, скоро отвлекли государыню от ее законодательных трудов. Шуазель полагал, что война неизбежна. Английское правительство, имея в виду разрушить наш торговый союз с Россиею, подстрекало турок помогать татарам, лезгинам и ахалцихскому паше в их враждебных действиях против России. Подготавливая разрыв, Англия надеялась уменьшить наше влияние в Петербурге и совершенно уничтожить наше значение в Константинополе.

Все эти проделки снова пробуждали в императрице прежнюю недоверчивость к нам, и со мною стали реже совещаться. Но в личных отношениях ко мне императрица была по-прежнему любезна. Она пригласила меня отобедать с нею в новом дворце, построенном князем Потемкиным. В этом дворце была такая длинная галерея с колоннадою, что стол на пятьдесят приборов, накрытый в одном конце, был едва заметен для входящих с другого конца. За нею находился зимний сад, такой обширный, что посредине построена была беседка, где могли свободно поместиться пятьдесят человек, а между тем она вовсе не казалась слишком огромною по величине сада. Здесь князь дал нам самый необыкновенный концерт. Это был хор роговой музыки, в котором каждый трубач мог брать только одну ноту. Несмотря на это, они легко и отчетливо исполняли самые трудные пьесы.

Вице-канцлер также дал большой ужин для императрицы. На ту пору приехал в Петербург граф Кюстин, и мне хотелось, чтобы его тоже пригласили. Но так как он не

был еще представлен ко двору, то граф Остерман не смел просить его к себе. Я сообщил свое желание государыне, и граф тотчас же был приглашен.

С пышностью отпраздновав в Петергофе петров день, императрица, по обыкновению, воспользовалась этим торжественным случаем, чтобы излить на многих свои милости. Графу Безбородку подарила она 4000 душ, графу Воронцову — 50 000 рублей. Шесть человек были пожалованы сенаторами, несколько сановников назначены губернаторами, и роздано было много орденов.

К удивлению всего двора, Ермолов начал тогда интриговать против Потемкина и вредить ему. Крымский хан Сагим-Гирей, оставляя свою власть, получил от императрицы обещание, что его вознаградят и дадут ежегодное жалованье. Не знаю почему, уплата этой пенсии была отложена. Хан, подозревая Потемкина в утайке этих денег, написал жалобу и, чтобы она вернее дошла к государыне, обратился к любимцу ее Ермолову, который воспользовался этим случаем, чтобы возбудить государыню против ее министра. Он думал, что успеет свергнуть его. Все недовольные высокомерным князем присоединились к Ермолову. Скоро императрицу обступили с жалобами на дурное правление Потемкина и даже обвиняли его в краже. Императрицу это чрезвычайно встревожило. Гордый и смелый Потемкин, вместо того чтобы истолковать свое поведение и оправдаться, резко отвергал обвинения, отвечал холодно и даже отмалчивался. Наконец, он не только сделался невнимательным к своей повелительнице, но даже выехал из Царского в Петербург, где проводил дни у Нарышкина и, казалось, только и думал, как бы веселиться и рассеяться. Негодование государыни было очень заметно. Казалось, Ермолов все более успевал снискать ее доверие. Двор, удивленный этой переменой, как всегда, преклонился пред восходящим светилом. Родные и друзья князя уже отчаивались и говорили, что он губит себя своею неуместною гордостью. Падение его, казалось, было неизбежно; все стали от него удаляться, даже иностранные министры. Фитц-Герберт вел себя всех благороднее, хотя, собственно, и он рад был падению министра, который в то время более держал сторону французов, нежели англичан. Что касается до меня, то я нарочно стал чаще навещать его и оказывать ему свое внимание. Мы видались почти ежедневно, и я откровенно сказал ему, что он поступает неосторожно и во вред себе, раздражая императрицу и оскорбляя ее гордость.

— Как! И вы тоже хотите, — говорил Потемкин, — чтобы я склонился на постыдную уступку и стерпел обид-

ную несправедливость после всех моих заслуг? Говорят, что я себе врежу; я это знаю, но это ложно. Будьте покойны, не мальчишке свергнуть меня: не знаю, кто бы посмел это сделать.

— Берегитесь,— сказал я,— прежде вас и в других странах многие знаменитые любимцы царей говорили тоже: «Кто смеет?» Однако после раскаивались.

— Мне приятна ваша приязнь,— отвечал мне князь.— Но я слишком презираю врагов своих, чтобы их бояться. Лучше поговоримте о деле. Ну, что ваш торговый трактат?

— Подвигается очень тихо,— возразил я,— полномочные государыни настойчиво отказывают мне сбавить пошлины на вина.

— Так, стало быть,— сказал Потемкин,— это главная точка преткновения? Ну, так потерпите только, это затруднение уладится.

Мы расстались, и меня, признаюсь, удивило его спокойствие и уверенность. Мне казалось, что он себя обманывает. В самом деле гроза, по-видимому, увеличивалась. Ермолов принял участие в управлении и занял место в банке вместе с графами Шуваловым, Безбородком, Воронцовым и Завадовским⁴⁶ Наконец повестили об отъезде Потемкина в Нарву. Родственники потеряли всякую надежду; враги запели победную песнь; опытные политики занялись своими расчетами; придворные переменили свои роли.

Я терял главнейшую свою опору, и, зная, что Ермолов скорее мне повредит, чем поможет, потому что считал меня другом князя, я уже опасался за успех моих дел, которые и без того подвигались туго. Однако министры пригласили меня на совещание, после коротких переговоров и нескольких неважных возражений согласились на уменьшение пошлин с наших вин высшего разбора и даже подали мне надежду на более значительные уступки. Обещания князя исполнились, и я не знал, как сообразить это с его падением, в котором все были уверены. Через несколько дней все объяснилось: от курьера из Царского Села узнал я, что князь возвратился победителем, что он приглашает меня на обед, что он в большей милости, чем когда-либо, и что Ермолов получил 130 000 рублей, 4000 душ, пятилетний отпуск и позволение ехать за границу. На подвижной придворной сцене зрелища перемениются как будто по мановению волшебного жезла. Екатерина II назначила нового флигель-адъютанта Мамонова⁴⁷, человека отличного по уму и по наружности.

Когда я явился к Потемкину, он поцеловал меня и сказал: «Ну что, не правду ли я говорил, *батюшка*? Что, уронил меня мальчишка? Сгубила меня моя смелость? А ваши полномочные все так же упрямы, как вы ожидали? По крайней мере, на этот раз, господин дипломат, согласитесь, что в политике мои предположения вернее ваших».

Новый адъютант государыни, покровительствуемый Потемкиным, действовал с ним заодно. Он скоро показал мне свое желание сблизиться со мною. Императрица дозволила ему принять приглашение, которое я ему сделал. Чтобы показать нам свое особенное внимание, она в то время, как мы выходили из-за стола, тихонько проехала в своей карете мимо моих окон и милостиво нам поклонилась.

В это время я получил письмо от принца Нассау-Зигена⁴⁸ из Варшавы. Он просил меня выхлопотать ему дозволение провезти произведения своих поместий под русским флагом через Черное море в Архипелаг и Францию. Я передал его просьбу князю Потемкину, и он объявил мне, что этого исполнить невозможно, что русского флага не дают иностранцам, разве только если они вступят в русское подданство и приобретут землю в России. Потемкин прибавил, что императрица не расположена к принцу, и не без причины, потому что незадолго пред тем он ездил в Константинополь и был весьма расположен воевать с турками против русских. Когда, несмотря на этот ответ, я продолжал упрашивать князя, то моя настойчивость его удивила, и он спросил, отчего я так ревностно защищаю человека, не связанного со мною родством. «Нассау по-настоящему даже не соотечественник вам,— говорил князь.— По происхождению он не француз, женился в Польше, и там теперь его отечество». Тогда я рассказал ему о моем знакомстве с принцем, о нашей ссоре, страшной дуэли и о том, как мы после того поклялись во взаимной дружбе. Потемкин ничего не отвечал на это, но через несколько дней он объявил мне, что императрица в доказательство своего внимания ко мне поручает мне написать принцу Нассау, что она жалует ему землю в Крыму и позволяет выставить русский флаг на его судах. Можно представить себе изумление и радость Нассау, когда он получил это неожиданное известие. По моему совету он написал Потемкину и просил его довершить милость, ему оказанную, и испросить ему дозволение лично благодарить государыню.

Императрица уже публично объявила о своем намерении ехать в Крым, и я должен был сопровождать ее.

В Киеве Нассау присоединился к нам. Князь де Линь, который тоже должен был ехать с императрицею, прибыл в Петербург. Во всех европейских дворах его принимали и ласкали. Его любили за добродушие и обходительность, за оригинальный ум и живое воображение; он мог оживить самое бездушное общество. Он отличался рыцарскою храбростью на войне, обладал обширными сведениями в военных науках, истории и литературе, был внимателен, ласков со стариками, перешеголял молодежь своею живостью, участвовал во всех забавах своего времени, во всех войнах, во всех торжествах. В пятьдесят лет он сохранил свою мужественную красоту. Умом своим он был еще двадцатилетний юноша. Вежливый с равными, ласковый с низшими, развязный с высшими и монархами, он умел обойтись со всяким, ни перед кем не терялся, писал стихи всем дамам. Обожаемый своею семьею, он детям своим был скорее товарищ, чем отец. По-видимому, всегда откровенный, он, однако, свято хранил поверенную ему тайну. Другой старик с таким беспечным нравом показался бы смешным, но де Линь был так разнообразен, любезен, остроумен и притом так добродушен, что нравился даже своими недостатками.

Он был в большой милости у императрицы. Едва он приехал, как она объявила ему, что жалует его имением в Крыму, на берегу Черного моря, на том самом месте, где, по преданию, находился храм, в котором царица Ифигения была жрицею. Я уже несколько лет был дружен с де Линем и потому более других наслаждался приятною мыслью, что буду иметь в пути такого милого товарища.

Чем более приближалось время отъезда, тем более я должен был стараться покончить свои дела, потому что с отъездом нашим все могло остановиться. Политический барометр всегда почти стоит на переменном, и при моем тогдашнем положении долгая отсрочка могла бы повести к совершенной неудаче. Торжественное шествие Екатерины на юг, сбор многочисленных войск к берегам Днепра до самого Черного моря — все это легко могло встревожить турок, пробудить в них опасения и подать повод к несогласиям, которые мы всячески старались предупредить. Поэтому я удвоил свою деятельность; Верженнь помог мне очень удачно, Булгаков получил приказание откровенно объясниться с Шуазелем, и таким образом, хотя на время, прекратился спор о Грузии. Диван обещал не оказывать впредь содействия лезгинам и

черкесам. Ахалцихскому паше запрещено было поощрять разбои кубанских татар и делать набеги на владения грузинского царя Ираклия, данника императрицы. Повеления эти в самом деле были отданы, но худо исполнялись; паша ахалцихский, некогда христианин, восставал уже не раз и усмирился с условием, чтобы его пашалык сделали наследственным в его роде. Поэтому на повиновение его нельзя было надеяться, и сменить его было не легко.

Спор о взысканиях, которые следовали с французских судов, прибывших в петербургский порт, все еще продолжался по упрямству графа Воронцова. Г-н Галисоньер, командир нашей эскадры, вел себя в этом деле с отличным благоразумием и твердостью, так что заслужил одобрение человека, предубежденного против нас, — англичанина Грейга⁴⁹, адмирала русского флота. Наконец мы согласились на сделку, по которой положена была легкая пошлина на товары, привезенные нашими судами. Что же касается до нашего фрегата, то решено было, что он будет принят в русских портах на одинаковых правах с английским фрегатом, привезшим в Россию лорда Каткарта, английского посла при русском дворе. Несмотря на этот уговор, кронштадтские таможенные чиновники затеяли спор с нашими моряками. Даль, заведовавший таможенными делами, человек грубый, хотел непременно освидетельствовать наши габары. Узнав об этом, я решился пожаловаться прямо государыне, помимо медлительного и пристрастного графа Воронцова. Она тотчас же объявила мне, что чрезвычайно недовольна поведением Даля и немедленно прикажет ему удовлетворить всем нашим требованиям. Таким образом, все препятствия были устранены, и эскадра наша отправилась обратно во Францию. Эта скорая и удачная развязка послужила мне доказательством того значения, которым я пользовался, и немало способствовала к облегчению сношений моих с министрами.

Чрез несколько дней после того императрица позволила мне отобедать с нею у Потемкина и потом поехать с нею же на Охтинский пороховой завод и в Пеллу — новый загородный дворец, воздвигаемый для нее. В то же время я и Кобенцель получили приказания в наших сношениях действовать со взаимною откровенностью. Император хотел вместе с нами способствовать сохранению мира между Россией и Турцией. Тогда министры английский, прусский и португальский сделались нашими постоянными и деятельными противниками. Дания и

Швеция также выказывали свою недоверчивость, которой, впрочем, было основание по некоторым свежим еще воспоминаниям и по честолюбию обоих императорских дворов. Наше сближение с этими дворами, хотя и с миролюбивою целию, внушало Швеции и Дании опасения. Они помнили, что русское правительство уверяло в дружбе прусского короля и между тем вступало в союз с Австриею, что оно то же самое сделало с польским королем, когда обещало ему защиту его владений, тогда как готовилось к их разделу, и, наконец, с султаном, с которым утвердило торговый договор, когда овладело Крымом. Эти воспоминания и меня несколько тревожили. Но Шуазель прислал мне утешительные вести. С другой стороны, я узнал через Кобенцеля, что Иосиф II раскаивался, что способствовал Екатерине приобрести Крым, не получив взамен того помощи в спорах своих с Голландиею и Бавариею, и потому решился вперед не поддерживать более императрицу в ее стремлении к завоеваниям.

Принц де Линь объявил императрице, что Иосиф II встретит ее на берегах Днепра, а граф Комажерский, посланник польского короля, просил назначить Киев местом свидания с Станиславом. Императрица выразила свое согласие. Между тем прибыл курьер из Константинополя. Тотчас же потребовали во дворец английского посланника; он более часа пробыл там с императрицею и Потемкиным, и это всполошило всех дипломатов. Я вместе с другими терялся в догадках. Один бог ведает, сколько зашифрованных депеш разошлось по европейским кабинетам и сколько родилось различных предположений и догадок! К счастью, в тот же вечер я видел государыню в эрмитаже и узнал от нее, что единственным предметом этого совещания было рассмотрение любопытных рисунков, привезенных кавалером Ворслеем из Египта.

Время приближалось к отъезду. Наши совещания замедлились; наконец меня позвали на конференцию. Но на этот раз мне отказывали в уменьшении тарифа. Мне возражали, что дешевизна наших вин сделает подрыв испанцам и португальцам, которые привозят в Россию много денег, а вывозят их мало, между тем как по заключении нашего трактата множество русских денег уйдет на предметы роскоши, доставляемые французами в большом количестве. Наконец, министры оправдывали свою медлительность тем, что они завалены делами. Они уверяли меня, что дело о торговых трактатах с Англиею,

Неаполем и Португалиею подвигается еще медленнее. Воронцов заключил конференцию обещанием сообщить мне свое окончательное мнение, но при этом объявил, что пошлина будет сбавлена на одно только наше шампанское. Я всего мог опасаться в стране, где всё начинают и ничего не оканчивают. К тому же Воронцов намеревался ехать в Финляндию, и мне казалось, что министры, не расположенные ко мне, нарочно тянут дело, чтобы оно осталось неоконченным до нашего отъезда в Крым. Я обратился с своими жалобами к Потемкину. Он также находил эти проволочки несправедливыми, но не мог мне помочь, потому что должен был ехать в Киев. Тогда, не видя других средств, я решился избрать себе нового посредника в лице Мамонова. Он был хорош со мною и всегда уверял, что желает мне счастливого окончания моих дел. В письме к нему, описывая все свои неприятности, я, между прочим, выразился так: «Между тем как императрица желает успешного окончания торгового акта между Россиею и Франциею, ее приказания худо исполняются, и она этого не знает. Из потворства ли Англии, из нерасположения ли к Франции, по другим ли каким причинам,— но только министры ее делают мне беспрестанные затруднения. Они как будто хотят только протянуть это дело до отъезда нашего в Крым. Если до тех пор они его не покончат, то нельзя уже будет выполнить повеления государыни. Таким образом, не удастся сделка, по последствиям своим полезная для обеих сторон». Мне нетрудно было догадаться, что какая-то тайная сила подействовала на расположение уполномоченных. Воронцов стал уступчивее, Безбородко деятельнее, Остерман любезнее; один только Морков⁵⁰, заместивший между тем Бакунина, еще упрямился. Проект Верження разобрали по статьям и, видимо, желали согласиться. Все почти перемены, какие желал наш двор, были сделаны. Оставалось только решить несколько незначительных пунктов относительно вознаграждений, требуемых Россиею за обещанное мне уменьшение пошлин с наших вин.

Я послал окончательную редакцию проекта Верженню и советовал ему не настаивать на мелочных требованиях, а иметь в виду огромные выгоды, какие предоставляются нам этим актом. В самом деле: нам дозволяли платить пошлины на русские деньги. Таким образом, мы уравниены были в правах с англичанами и другими народами, которые до этого времени платили 12% менее нас. Договор этот утверждал за нами все преимущества, при-

вилегии и права, какие имели другие народы, пользовавшиеся в России особенными выгодами. Пошлины на наши вина были уменьшены на четвертую долю в южных областях и на пятую — в северном крае империи. Мыло наше было допущено к привозу наравне с венецианским и турецким. Вообще пошлины на все наши товары были сбавлены на одну четверть. Исключению из этого подлежали только соль и водка. Но это исключение относилось и к прочим народам, потому что соль составляла значительную отрасль торговли в Крыму, а хлебное вино, выкуриваемое в России и отданное на откуп, приносило казне до 50 миллионов дохода. Я писал министру, что мы очень можем довольствоваться уступками, сделанными относительно наших вин, потому что потребление их, несмотря на высокие цены, увеличивается, тогда как запрос на португальские и испанские вина уменьшается. К тому же нужно взять в соображение, что ноябрь месяц близок, что императрица едет в первых числах января и что если мне вскоре не сообщат окончательного решения, то противники наши употребят в свою пользу упущенное время. Тогда дело наше прервется продолжительным путешествием, а может быть, и совсем расстроится, потому что хотя и Шуазелю, и Булгакову удалось заключить выгодные условия с Портою, политический горизонт, однако, довольно сумрачен. «Меня уверяют,— писал я,— что желают мира. Однако на юге собирают огромную армию, будто бы для того, чтобы придать более пышности торжественной поездке императрицы. Министры Пруссии и Швеции утверждают, что хотя императрица отложила намерение завоевать Турцию, однако она предполагает положить основание новой империи; что, будучи обладательницей некоторых частей древней Греческой империи, именно Тавриды, Босфора Киммерийского и Иверии, она намеревается короновать в Херсоне внука своего Константина, в надежде возбудить этим в греках желание свергнуть турецкое иго. Вследствие этого громадная Оттоманская империя рано или поздно должна рушиться среди ужасов продолжительной междоусобной войны». План этот казался мне несбыточным, но он мог встревожить турок, и этого было достаточно, чтобы повести к раздору. Мы в таком случае возбудили бы против себя Россию и лишились бы надежды когда-либо окончить торговый договор.

Дела Фитц-Герберта шли успешно; но в то самое время, как он уже полагал заключить договор, встретилось неожиданное и непреодолимое препятствие. Надоб-

но знать, что русские уполномоченные предложили мне поместить в договорную грамоту статью о том, что король наш признает начало вооруженного нейтралитета. Я на это согласился, но только с условием, чтобы императрица торжественно обещала не заключать и не возобновлять никакого договора с другими державами, не истребовав от них такого же признания. Когда объявили об этом Фитц-Герберту, он, разумеется, отклонил эти требования и настаивал на уничтожении этой статьи, утверждая, что его правительство никогда не согласится на такое предложение. Уполномоченные отвечали, что невозможно исполнить его требования, потому что императрица по этому предмету заключила с некоторыми значительными державами обязательства, которых нельзя нарушить. После этого совещания прекратились, и договор не состоялся. Согласились только прежний договор, которому выходил срок, оставить в силе еще на три месяца, для того чтобы английское правительство в течение этого времени могло изъяснить свое решительное мнение по этому предмету.

Императрица была тогда огорчена семейными неприятностями. Она хотела взять с собою на юг внуков своих, Александра и Константина. Великий князь и его супруга не должны были участвовать в путешествии и потому горячо жаловались на эту разлуку. Но молодые князья заболели корью, и императрица должна была оставить их при родителях.

В то же время при дворе произошла совершенно неожиданно довольно неприятная сцена. Однажды, после спектакля в эрмитаже, принцесса Виртембергская, невестка великой княгини, вместо того чтобы, по обыкновению, последовать за нею, прошла в комнаты императрицы, бросилась к ее ногам и стала умолять ее о защите от мужа, который, по ее уверениям, обращался с нею самым жестоким образом. Она объявила, что не может более сносить обиды и насилия, которые могли усилиться по отъезде императрицы. По всей вероятности, вместе с жалобами она высказала какие-нибудь важные известия и подробности, ибо в тот же вечер после этой сцены государыня написала строгое письмо принцу, велела ему оставить службу и выехать из России в Германию. Принцесса осталась в эрмитаже, где ей отвели покой. Великий князь и великая княгиня были очень огорчены, потому что принцесса, сестра их, оказалась в этом случае свое нерасположение к ним.

Декабрь прошел, и я не получал никаких известий от своего правительства. Англичане и приверженцы их,

желавшие, чтобы договор не состоялся, торжествовали. Наконец 6 января (нового стиля) прибыл курьер от Верження. Я тотчас же написал статьи, в которых нужно было, по мнению министра, сделать изменения и дополнения. 7-го просил я совещания, и оно состоялось 8-го. Я прочел уполномоченным ноту, написанную с тою целью, чтобы доказать им справедливость и умеренность тех новых требований, которые мне приказано было предложить им. Мне сделали несколько незначительных, кратких возражений. Заметно было, что дипломаты получили секретное предписание скорее покончить дело. Однако они настоятельно требовали, чтобы пошлина на русское железо была сбавлена в сравнении с железом, привозимым другими нациями, и объявили, что без этого невозможны уступки в отношении к нашим винам и мылу. Верженнь предварительно уполномочил меня согласиться на эти требования, но только в крайнем случае. Увидев, что русские уполномоченные спешат окончить переговоры, я решился воспользоваться этим. Вместо того чтобы объявить им о полученном мною разрешении, я решительно отказывался сбавить пошлину с железа, ко вреду других держав, особенно Швеции, нашей союзницы. Я даже объявил, что эти требования могут послужить достаточным поводом к моему отказу подписать акт. Эта смелая выходка мне удалась. Русские члены конференции, чтобы предупредить разрыв, удовольствовались условием, что для продажи им будут предоставлены те же выгоды, какими пользуются народы, платящие меньшие пошлины. В вознаграждение за это уравнивание прав они согласились на сбавку пошлин с нашего вина и мыла, как было условлено прежде. Таким образом, при обоюдном желании скорее совершить этот акт, мы после двухчасового совещания окончательно составили все статьи трактата. 9 января (ст. ст.) были написаны грамоты, и наконец $\frac{31 \text{ декабря } 1786}{11 \text{ января } 1787}$ года договор был скреплен подписями, а 2/13 я отослал его с курьером к Верженню.

Января 17-го (1787) я отправился в Царское Село и 18-го числа выехал оттуда с императрицею в Крым. Я уезжал совершенно довольный тем, что успел заключить выгодный договор между королем и государыней, которая оказывала такую искреннюю приязнь и была так добра ко мне. Я предпринимал это любопытное и великолепное путешествие при самых счастливых обстоятельствах, потому что мне удалось тогда согласить требования моего долга с чувством моей признательности.

Только что окончил я продолжительные, важные и трудные переговоры и устранил разные препятствия, которые мне предстояли, с одной стороны, в происках завистливых английских купцов, с другой — в нерасположении ко мне русских министров, когда мне открылось новое поприще. Предназначенный судьбою на самые различные роли, я должен был на этот раз следовать за торжественной колесницей Екатерины, проехать по ее огромному царству, посетить Тавриду, славную в мифологии и в истории и ныне смело исторгнутую женщиной от диких сынов Магомета. Мне суждено было видеть, как на пути принесут ей дань лести и похвал толпы иностранцев, привлеченных блеском власти и богатства; увидеть польского короля, возведенного на престол и недавно лишенного части своих владений этою могущественною государыней; наконец, наследника цесарей, императора Запада, который, сложив на время венец и багряницу свою, станет в ряды царедворцев, чтобы закрепить с нею связи взаимного союза, грозившего нарушить свободу Польши, безопасность Пруссии и мир всей Европы. Будучи вместе придворным и дипломатом, я должен был, снискивая благорасположение Екатерины, в то же время деятельно следить за предприятиями и действиями честолюбивой государыни, которая тогда, покрывая многочисленными войсками берега Днепра и Черного моря, казалось, грозила вместе с Иосифом II разрушить Турецкую империю. Для исполнения этой странной обязанности я не имел ни чиновников, ни канцелярии, ни секретаря. Я должен был участвовать в беспрестанно сменяющихся поездках, празднествах, публичных аудиенциях, собраниях и забавах, не имея достаточной свободы для наблюдений и довольно времени, чтобы давать себе отчет в том, что могло поразить мой взор и мой ум.

Путешествия двора нисколько не походят на обыкновенные путешествия, когда едешь один и видишь людей, страну, обычаи в их настоящем виде. Сопровождая монарха, встречаешь всюду искусственность, подделки, украшения... Впрочем, почти всегда очарование привлекательнее действительности, поэтому волшебные картины, которые на каждом шагу представлялись взорам Екатерины и которые я постараюсь изобразить, по новости своей будут для многих любопытнее, нежели во многих отношениях полезные рассказы иных ученых, объехавших и исследовавших философским взглядом это огромное государство, которое недавно лишь выступило

из мрака и вдруг стало мощно и грозно, при первом порыве своем к просвещению.

За месяц до нашего отъезда в Крым князь де Линь, к сожалению моему, оставил нас, чтобы отвезти Иосифу II маршрут императрицы. Мы съехались с ним уже в Киеве. Он снова явился, как был всегда — непринужденно веселый и остроумный, полный благородства и естественности в обращении, всегда в одинаковом расположении духа, как человек умный и благонамеренный, с тем творческим разнообразным воображением, которое всегда находит пищу для разговора и, несмотря на придворный этикет, разгоняет скуку.

Января 17-го Фитц-Герберт, граф Кобенцель и я, пообедав в С.-Петербурге у австрийского консула, отправились в Царское Село, где мы нашли императрицу молчаливою и задумчивою против ее обыкновения. Ее огорчила невозможность взять с собою великих князей Александра и Константина. Граф Мамонов был в лихорадке, Екатерина ощущала то, что обыкновенно чувствуют люди, которым судьба постоянно благоприятствует: малейшее стеснение составляет для них предмет неожиданного горя. Она приняла нас ласково, но мало говорила и посадила за лото, хотя, сколько мне известно, играла в эту игру довольно редко. Она скоро заметила, какую скуку наводила на меня эта забава: я нехотя дремал. Несколько раз она шутила надо мною; чтобы отшутиться, я сказал ей стихи, сочиненные мною в Париже для супруги маршала Люксембурга — женщины, известной своим умом и тем не менее любившей это скучное средство препровождения времени:

Le loto, quoi que l'on en dise,
Sera fort longtemps en crédit;
C'est l'excuse de la bêtise
Et le repos des gens d'esprit.
Ce jeu vraiment philosophique
Met tout le monde de niveau;
L'amour propre, si despotique,
Dépose son sceptre au loto.

Esprit, bon goût, grâce et saillie,
Seront nuls tant q'on y jouera.
Luxembourg, quelle modestie!
Quoi! vous jouez à ce jeu là?*

---

* Что бы ни говорили, а лото долго будет в почете; это убежище для глупых и отдохновение для умных.

Эта истинно философская игра уравнивает всех; деспот-самолюбие слагает скипетр свой пред нею.

Ум, вкус, красота, остроумие ничтожны во время этой игры. Герцогиня, как вы скромны! Неужели вы играете в эту игру?

Мы сидели недолго: в восемь часов все разошлись. Мы сошлись снова у графа Кобенцеля, но и там не было веселее. С любопытством приняли мы приглашение участвовать в этом путешествии и ожидали его, но перед отъездом нам было как-то тягостно. Это было как бы предчувствие тех долгих бурь и страшных переворотов, которые за ним последовали. Впрочем, величественная и вместе ужасная будущность была сокрыта от нас непроницаемым покровом, и наша мгновенная грусть объяснилась самыми простыми, обыкновенными обстоятельствами и нисколько не зависела от каких-либо дальновидных предположений.

Фитц-Герберт, склонный к задумчивости и уединению, не мог освоиться с придворною жизнью и с сожалением расставался с одною русскою дамою, которую страстно любил, и с искренним другом своим, прелюбезным англичанином г-ном Еллисом. Я был чрезвычайно озабочен письмами, полученными мною из Франции. Волшебная повязка, которую навязал нам на глаза министр Каллонь⁵¹, спала; все предвещало Франций великий переворот, а смелый и легкомысленный министр только ускорял его крутыми мерами, которыми думал его предупредить. К тому же во время долгого пути в 400 миль до Крыма и других 400 миль обратно до Петербурга я должен был ограничить свою переписку и только изредка мог получать известия о моей жене, моих детях, моем отце, моем правительстве — обо всем, к чему я был привязан. Это обстоятельство усиливало горечь разлуки. Из нас троих один граф Кобенцель оставался ненарушимо веселым. Двор был его стихиею, и чувство зависимости имело для него свою прелесть. Впрочем, мы были еще молоды. В пору жизненной весны заботы не оставляют следов в сердце и морщин на лбу; наша задумчивость была лишь легкое облачко; на другое утро оно исчезло, как сон.

18 января 1787 года мы пустились в путь. Императрица посадила к себе в карету г-жу Протасову, графа Мамонова, графа Кобенцеля, обер-шталмейстера Нарышкина и гофмаршала Шувалова. Во вторую карету поместили Фитц-Герберта, меня, графа Чернышева⁵² и графа Ангальта. Поезд состоял из четырнадцати карет и 124 саней с 40 запасными. На каждой станции нас ожидали 560 лошадей.

Было 17 градусов мороза, дорога прекрасная, и мы ехали славно. Наши кареты на высоких полозьях как будто летели. Чтобы защищаться от холода, мы закута-

лись в медвежьи шубы, надетые сверх другой, более нарядной и богатой, но тоже меховой одежды; на головах у нас были собольи шапки. Таким образом, мы не замечали стужи, даже когда она доходила до 20 градусов. На станциях везде было так хорошо натоплено, что скорее мы могли подвергнуться излишнему жару, чем холоду. В это время самых коротких дней в году солнце вставало поздно, и чрез шесть или семь часов наступала уже темная ночь. Но для рассеяния этого мрака восточная роскошь доставила нам освещение: на небольших расстояниях по обеим сторонам дороги горели огромные костры из сваленных в кучи сосен, елей, берез, так что мы ехали между огней, которые светили ярче дневных лучей. Так величаясь властительница Севера среди ночного мрака изрекала свое: «*Пусть будет свет!*» В 72 верстах от Петербурга мы остановились отобедать в маленьком, новом и красивом городке Рождественске (Рождествено). Здесь ее величество, возвратившись к своей обычной веселости, с крайнею любезностью выразила мне удовольствие по поводу заключения торгового трактата, подписанного за несколько дней перед тем ее министрами и мною.

Этот рассказ был бы однообразен, если бы я, как чересчур добросовестный путешественник, стал говорить о всех городах и местечках, чрез которые мы проезжали или где останавливались на этом длинном пути. Я упомяну только о тех, которые по своему объему, древности, богатству и истории могут быть достойны нашего внимания*.

Первая часть этого путешествия, начатого холодною зимою, не может быть обильна описаниями. Достаточно сказать, что мы проезжали по обширным снежным равнинам, чрез леса сосен и елей, которых ветви, опущенные инеем, порою при солнечном освещении блистали брильянтами и кристаллами. Можно себе представить, какое необычайное явление представляли на этом снежном море дорога, освещенная множеством огней, и величественный поезд царицы Севера со всем блеском самого

---

* Мы опускаем большую часть этих описаний, совершенно незначительных и замедляющих ход рассказа. Наблюдения Сегюра из окон кареты не могли быть дельны; притом оказывается, что он заимствовал свои исторические и географические сведения из путеводителя, изданного для этого путешествия (см. *Роспись Смирдина, № 8801*). Эта книга, вероятно, передана была иностранцам, сопутствовавшим государыне, во французском переводе, из которого Сегюр делал извлечения, иногда даже не изменяя слов.

великолепного двора. В городах и деревнях этот одинокий путь покрывался толпами любопытных горожан и поселян: они, не замечая стужи, громкими криками приветствовали свою государыню.

Обычный порядок, который императрица ввела в свой образ жизни, почти не изменился во время ее путешествия. В шесть часов она вставала и занималась делами с министрами, потом завтракала и принимала нас. В девять часов мы отъезжали и в два останавливались для обеда; после того снова останавливались в семь. Везде она находила дворец или красивый дом, приготовленный для нее. Мы ежедневно обедали с нею. После нескольких минут, посвященных туалету, императрица выходила в залу, разговаривала, играла с нами; в девять часов уходила к себе и занималась до одиннадцати. В городах нам отводили покойные квартиры в домах зажиточных людей. В деревнях мне приходилось спать в избах, где иногда от нестерпимой жары нельзя было уснуть.

Во второй день странствия я с Фитц-Гербертом сидел в карете императрицы. Разговор был жив, весел, разнообразен и не умолкал. Она, между прочим, рассказала нам, как однажды, узнав, что ее хулили за данное ею согласие на брак одного морского офицера с негритянкою, она на это сказала: «Видите, что это согласно с моими честолюбивыми видами на Турцию, потому что я дозволила торжественно отпраздновать союз русского флота с Черным морем». Часто говорила она о варварстве, вялости, невежестве мусульман, о глупой жизни их султанов, которых деятельность ограничивалась стенами гарема. «Эти слабоумные деспоты,— говорила она,— изнеженные наслаждениями сераля, управляемые улемами и покорные янычарам, не умеют ни рассуждать, ни говорить, ни управлять, ни вести войну и вечно остаются детьми». Она уверяла, что евнухи, стоящие ночью на страже у ложа султана, доводят свою глупую и раболепную внимательность до того, что будят своего владыку, когда им покажется, что он видит дурной сон. Эта внимательность менее опасная, но столь же благоразумная, как услуга, оказанная медведем своему другу в забавной басне Лафонтена. Когда разговор зашел об огромности Русской Империи, о разнообразии ее обитателей и о множестве препятствий, которые должны были преодолеть Петр и его наследники для просвещения стольких разнообразных племен, то государыня рассказала нам о своей поездке по берегам Волги. «В тех мес-

тах,— говорила она,— такое изобилие всего, что успехи промышленности по необходимости должны быть медленны; там не знают нужды, которая одна только может подстрекнуть народ к труду. Если даже прибрежные жители этой большой реки будут пренебрегать обработыванием своих полей и многочисленными стадами, то и тогда одна рыбная ловля не даст им умереть голодною смертью. Мне случилось видеть, что сто двадцать человек наедались досыта стерлядями, которые все вместе стоили не более 35 копеек».

Места, которые мы проезжали в начале путешествия, представляли мало пищи вниманию: повсюду леса и замерзлые болота. В одной Петербургской губернии заключалось 72 000 десятин леса. Но потребление его, вынуждаемое климатом, увеличилось до такой степени, что заметно стало уменьшение этих лесов, и государыня запретила указом вырубать более трети его в год.

Исключая предметы политические, разговор шел обо всем, что могло оживить беседу, и государыня поддерживала его с чрезвычайною непринужденностью, умом и веселостью, так что дни мелькали незаметно, и мы не видели, как приехали в Порхов — замечательный город, где псковский губернатор князь Репнин принял нас торжественно и пышно. Князь Репнин, приобретший некоторую известность на поле брани, был нелюбим в Польше за свою гордость. Достаточно одной черты: однажды в Варшаве король Станислав был в театре; первый акт пьесы был уже сыгран, когда русский посланник вошел в свою ложу. Заметив с досадою, что его не дождались, он велел опустить занавес и снова начать пьесу.

Русские так привыкли к такому обхождению с поляками, что граф Стакельберг, который был гораздо любезнее и обходительнее князя Репнина, играл, однако, в Варшаве роль скорее короля, чем дипломата. Мне рассказывали, что когда барон Тугут, будучи проездом в Польше и пожелав представиться Станиславу, вошел в залу аудиенций, то увидел человека, обвешанного орденами и окруженного высшими сановниками двора; он принял его за короля и сделал перед ним три обычных поклона. Окружавшие его заметили ему, что он ошибся, и указали на короля, который сидел в углу и запросто разговаривал с двумя-тремя лицами.

Так как я не намерен предлагать здесь скучный курс географии, то поспешу достигнуть Смоленска, будучи уверен, что никому не любопытно следить за мною чрез

села и деревни, в которых мы останавливались по два раза в день и которые совершенно неожиданно делались местопребыванием величественного двора. Бедные поселения с заиндевевшими бородами, несмотря на холод, толпами собирались и окружали маленькие дворцы, как бы волшебною силою воздвигнутые посреди их хижин, дворцы, в которых веселая свита императрицы, сидя за роскошным столом и на покойных широких диванах, не замечала ни жестокости стужи, ни бедности окрестных мест; везде находили мы теплые покои, отличные вина, редкие плоды и изысканные кушанья. Даже скука, эта вечная спутница однообразия, была изгнана присутствием любезной государыни... Иногда по вечерам мы забавлялись играми, сочинением шарад, загадок, стихов на заданные рифмы. Раз Фитц-Герберт предложил мне следующие рифмы: amour, frotte, tambour, pote. Я написал на них следующие стихи:

De vingt peuples nombreux Catherine est l'amour:
Craignez de l'attaguer; malheur à qui s'y frotte!
La renommée est son tambour,
Et l'histoire son garde-note*

Эта безделушка понравилась и заслужила себе более похвал, чем иная ода. При дворе, и притом в дороге, все сходит с рук.

Кто постоянно счастлив и достиг славы, должен бы, кажется, сделаться равнодушным к голосу зависти и к злым, насмешливым выходкам, которыми мелкие люди действуют против знаменитостей. Но в этом отношении императрица походила на Вольтера. Малейшие насмешки оскорбляли ее самолюбие; как умная женщина, она обыкновенно отвечала на них улыбкою, но в этой улыбке была заметна некоторая принужденность. Она знала, что многие, особенно французы, считали Россию странюю азиатскою, бедною, погрязшею в невежестве, во мраке варварства; что они с намерением не отличали обновленную, европеизированную Россию от азиатской и необразованной Московии. Сочинение аббата Шаппа, изданное, как думала императрица, по распоряжению герцога Шуазеля, еще было ей памятно, и ее самолюбие беспрестанно уязвлялось остротами Фридриха II, который часто со злою ирониею говорил о финансах Екатерины,

---

* Екатерина — предмет любви двадцати народов. Не нападайте на нее: беда тому, кто ее затронет! Слава — ее барабанщик, а история — памятная книжка.

о ее политике, о дурной тактике ее войск, о рабстве ее подданных и о непрочности ее власти. Зато государыня очень часто говорила нам о своей огромной империи и, намекая на эти насмешки, называла ее своим *маленьким хозяйством*: «Как вам нравится *мое маленькое хозяйство*? Не правда ли, оно понемножку устраивается и увеличивается? У меня не много денег, но, кажется, они употреблены с пользою?» Другой раз, обращаясь ко мне, она сказала:

— Я уверена, граф, что ваши парижские красавицы, модники и ученые теперь глубоко сожалеют о вас, что вы принуждены путешествовать по стране медведей, между варварами, с какой-то скучною царицей. Я уважаю ваших ученых, но лучше люблю невежд; сама я хочу знать только то, что мне нужно для управления *моим маленьким хозяйством*.

— Ваше величество изволите шутить на наш счет,— возразил я,— но вы лучше всех знаете, что думает о вас Франция. Слова Вольтера как нельзя лучше и яснее выражают вашему величеству наши мнения и наши чувства. Скорее же, вы можете быть недовольны тем, что необычайное возрастание вашего *маленького хозяйства* внушает некоторым образом страх и зависть даже значительным державам.

— Да,— говорила она иногда, смеясь,— вы не хотите, чтобы я выгнала из моего соседства ваших детей-турок. Нечего сказать, хороши ваши питомцы, они делают вам честь. Что, если бы вы имели в Пьемонте или Испании таких соседей, которые ежегодно заносили бы к вам чуму и голод, истребляли бы и забирали бы у вас в плен по 20 000 человек в год, а я взяла бы их под свое покровительство? Что бы вы тогда сказали? О, как бы вы стали тогда упрекать меня в варварстве!

Мне трудно было отвечать в таких случаях. Я отделывался, как умел, общими местами об утверждении мира, о сохранении равновесия Европы и т. д. Впрочем, так как это были отрывочные разговоры, шутки, а не политические совещания, то я не приходил в замешательство, и несколько шуточных выходов выводили меня из затруднительного положения защищать пышными словами дурное дело. Мне кажется постыдною эта ложная и близорукая политика, по которой сильные державы вступают в союз и делаются почти данниками грубых и жестоких мавров, алжирцев, аравитян и турок, в разные времена бывших бичом и ужасом образованного человечества.

До Смоленска наши дни распределились следующим порядком: первый — в селе Городце, второй — в Порхове, третий — в Бежаницах, четвертый — в Великих Луках, пятый — в Велиже и шестой — в Смоленске. В шесть дней мы проехали около 200 миль. Императрица устала. Впрочем, трудно было в такую холодную пору ехать с большим удобством, скоростью, роскошью и удовольствием. Против стужи взяты были разные предосторожности, быстрота санной езды делала большие расстояния незаметными, а свет огромных костров на каждые 30 саженьях дороги рассеивал мрак длинных ночей. Но так как везде императрица должна была делать приемы и выходы, осматривать заведения, давать советы и поощрительные награды, то на отдых ей оставалось немного времени. Даже сидя в своей карете и оставляя заботы правления, императрица употребляла досуг свой на то, чтобы пленять нас, и была неистощимо умна, любезна и весела; это занятие, конечно, приятное, но вместе с тем и утомительное.

Екатерина решилась остаться три дня в Смоленске. Это отдалило наше прибытие в Киев, где нас ожидало множество приезжих со всех сторон Европы. Государыня, помолившись в соборе, удалилась в свой дворец. Но на другой день она принимала дворянство, городские власти, купечество, духовенство, а вечером дала пышный бал, на котором было до трехсот дам в богатых нарядах; они показали нам, до какой степени внутри империи дошло подражание роскоши, модам и приемам, которые встречаешь при блистательнейших дворах европейских. Наружность во всем выражала образование, но за этим легким покровом внимательный наблюдатель мог легко открыть следы старобытной Московии.

Архиепископ Могилевский явился к императрице. С виду он более походил на военного человека, чем на пастыря: это меня поразило. «Не удивляйтесь,— сказала мне императрица,— он долго был драгунским капитаном; я бы советовала вам поисповедаться у него». Добрый пастырь показал нам, что он не забыл еще того поприща, на котором прежде действовал: он проводил нас до Киева верхом, проскакивая по 35 верст в день и не жалуясь ни на усталость, ни на гололедицу.

Я обрадовался, когда миновали эти три дня, которые императрице угодно было величать днями отдыха, между тем как они употреблены были на беспрестанные приемы и представления и показались мне утомительнее дней, проведенных в дороге. В самом деле, не приятнее ли было

быстро катиться по снегу в просторной, покойной карете, в теплой одежде, среди приятного, образованного, веселого общества, чем стоять в пышном наряде целое утро среди огромных зал, присутствовать при приеме разных депутаций и выслушивать длинные и вычурные речи?

Мы снова пустились в путь и после десятидневной езды, $\frac{29 \text{ января}}{8 \text{ февраля}}$ 1787 года, приехали в Киев, древ-

нюю столицу первых русских князей. Город этот лежит на Днепре и отстоит от Петербурга почти на 400 миль. Это был предел первой части нашего путешествия, и мы должны были остаться здесь до тех пор, пока река освободится от льда и откроется навигация. А этого нельзя ожидать ранее апреля. От Смоленска до Киева, несмотря на то что густой снег застилал нам виды, заметно было, что по мере нашего приближения к югу селения попадались все чаще и были обширнее. До Киева мы проехали десять городов: Мстиславль, Чериков, Новое Место, Стародуб, Новгород-Северск, Сосницу, Березну, Чернигов, Нежин и Козелец. Императрица, не ограничиваясь одними лишь обычными приветствиями, везде подробно расспрашивала чиновников, духовных, помещиков и купцов о их положении, средствах, требованиях и нуждах. Вот чем она снискивала себе любовь своих подданных и допытывалась правды, чтобы обнаружить огромные злоупотребления, которые многие старались скрыть от нее. Однажды она сказала мне: «Гораздо более узнаешь, беседуя с простыми людьми о делах их, чем рассуждая с учеными, которые заражены теориями и из ложного стыда с забавною уверенностью судят о таких вещах, о которых не имеют никаких положительных сведений. Жалки мне эти бедные ученые! Они никогда не смеют сказать: *«Я не знаю»*, а слова эти очень просты для нас, невежд, и часто избавляют нас от опасной решимости. Когда сомневаешься в истине, то лучше ничего не делать, чем делать дурно».

По этому поводу она рассказала мне историю про Мерсье де ла Ривьера, писателя с замечательным талантом, издавшего в Париже сочинение *«О естественном и существенном порядке политических обществ»*. Книга эта пользовалась блестящим успехом по соответствию со державшихся в ней мыслей с началами, принятыми экономистами. Так как Екатерина хотела познакомиться с этой политико-экономическою системою, то она пригласила нашего публициста в Россию и обещала ему за это приличное вознаграждение. Это было в то время, когда

государыня приготовлялась к торжественному въезду в Москву и потому просила Ривьера дожидаться ее в этой столице.

«Господин де ла Ривьер,— рассказывала императрица,— недолго собирался и по приезде своем немедленно нанял три смежных дома, тотчас же переделал их совершенно и из парадных покоев поделал приемные залы, а из прочих — комнаты для присутствия. Философ вообразил себе, что я призвала его в помощь мне для управления империею и для того, чтобы он сообщил нам свои познания и извлек нас из тьмы невежества. Он над всеми этими комнатами прибил надписи пребольшими буквами: *Департамент внутренних дел, Департамент торговли, Департамент юстиции, Департамент финансов, Отделение для сбора податей* и пр. Вместе с тем он приглашал многих из жителей столицы, русских и иноземцев, которых ему представили как людей сведущих, явиться к нему для занятия различных должностей соответственно их способностям. Все это наделало шуму в Москве, и так как все знали, что он приехал по моей воле, то нашлись доверчивые люди, которые уже заранее старались к нему подделаться. Между тем я приехала и прекратила эту комедию. Я вывела законодателя из заблуждения. Несколько раз поговорила я с ним о его сочинении, и рассуждения его, признаюсь, мне понравились, потому что он был неглуп, но только честолюбие немного помutilo его разум. Я, как следует, заплатила за все его издержки, и мы расстались довольные друг другом. Он оставил намерение быть первым министром и уехал довольный как писатель, но несколько пристыженный как философ, которого честолюбие завело слишком далеко».

На этот же случай намекала Екатерина, когда писала к Вольтеру: «Г де ла Ривьер приехал к нам законодателем. Он полагал, что мы ходим на четвереньках, и был так любезен, что потрудился приехать из Мартиники, чтобы учить нас ходить на двух ногах».

Знаменитый Дидро внушил Екатерине желание познакомиться с де ла Ривьером. Дидро сам приезжал в Петербург; Екатерине понравилась в нем живость ума, своеобразность способностей и слога и его живое, быстрое красноречие. Этот философ — может быть, недостойный этого названия, потому что был нетерпим в своем безверии и до забавного фанатик в идее небытия — был, однако, одарен пылкою душою и потому, казалось бы, не должен был сделаться материалистом. Впрочем, имя его, кажется, пережило большую часть

его сочинений. Он лучше говорил, нежели писал; труд охлаждал его вдохновение, и сочинениями своими он далеко отстоит от великих наших писателей, но пламенная речь его была увлекательна, сила выражений, которые он всегда находил без труда, предупреждала суд о верности или пустоте его мыслей; речь его поражала, потому что была блестяща и картинна; это был гений на парадоксы и проповедник материализма.

«Я долго с ним беседовала,— говорила мне Екатерина,— но более из любопытства, чем с пользой. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовать всю мою империю, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и заменить их несбыточными мечтами. Однако так как я больше слушала его, чем говорила, то со стороны он показался бы строгим наставником, а я — скромной его ученицею. Он, кажется, сам уверился в этом, потому что, заметив наконец, что в государстве не приступают к преобразованиям по его советам, он с чувством обиженной гордости выразил мне свое удивление. Тогда я ему откровенно сказала: «Г Дидро, я с большим удовольствием выслушала все, что вам внушал ваш блестящий ум. Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо. Составляя планы разных преобразований, вы забываете различие наших положений. Вы трудитесь на бумаге, которая все терпит: она гладка, мягка и не представляет затруднений ни воображению, ни перу вашему, между тем как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы». Я уверена, что после этого я ему показалась жалка, а ум мой узким и обыкновенным. Он стал говорить со мною только о литературе, и политика была изгнана из наших бесед».

Несмотря на эту неудачу, автор *«Отца семейства»*, *«Жизни Сенеки»* и основатель великого памятника, *«Энциклопедии»*, более обязан России, чем Франции. В отечестве своем он был заключен в тюрьму, тогда как императрица приобрела за 50 000 франков его библиотеку, предоставив ему право пользоваться ею до смерти, и сверх того купила ему дом в Париже. Полагаю, что здесь будет кстати привести отрывки из двух писем Екатерины к Вольтеру и ответ Вольтера.

«Милостивый государь, моя голова так же тверда, как имя мое неблагозвучно. Я буду отвечать дурною прозою на ваши прелестные стихи. Сама я никогда не писала стихов, но тем не менее восхищалась вашими. Они ме-

ня так избаловали, что я почти не могу читать других. Я ограничусь своим огромным ульем — нельзя же приниматься вдруг за несколько дел. Никогда я не думала, что приобретение библиотеки доставит мне такие похвалы, какими все осыпают меня по случаю покупки книг Дидро. Вы, кому человечество обязано защитой невинности и добродетели в лице Каласа, согласитесь, что было бы жестоко и несправедливо разлучать *ученого с его книгами*».

Другое письмо Екатерины: «Блеск северной звезды — только северное сияние. Благodeяния, распространяющиеся на несколько сот верст и о которых вам угодно было упомянуть, не принадлежат мне. Калас обязан тем, что имеет, друзьям своим, так же как Дидро продажею своей библиотеки — своему другу. Ничего не значит — помочь своему ближнему из своих излишков, но быть ходоцем человечества и защитником угнетенной невинности — значит заслужить бессмертие».

Ответ Вольтера: «Прошу извинить меня, ваше императорское величество! Нет, вы не северное сияние; вы — самая блестящая звезда Севера, и никогда не бывало светила столь благодетельного. Все эти звезды оставили бы Дидро умереть с голоду. Он был гоним в своем отечестве, а вы взыскали его своими милостями».

Все государи этого времени видели, как наши парламенты обвиняют и осуждают смелые произведения философов, и в то же время ухаживали за философами, которых считали раздавателями славы. Екатерина и Фридрих в особенности жаждали ее и, как боги Олимпа, с наслаждением упивались ее благоуханием. Чтобы заслужить ее, они расточали милости Вольтеру, Руссо⁵³, Райналю⁵⁴, д'Аламберу и Дидро. Люди против своей воли живут среди атмосферы своего века, невольно увлекаются его вихрем; и те именно, которые более всего огорчались его прогрессом, первые содействовали его ускорению. Дворяне следовали их примеру, и только после такого участия в укреплении этого здания нового общественного порядка те и другие позабыли, что разум человеческий, как время, постоянно идет вперед и никогда не отступает, и задумали неисполнимую вещь — разрушить этот новый порядок. Можно устраивать настоящее, украшать будущее, все в мире может изменяться, но прошедшее возродиться не может; это не что иное для нас, как тень, которая существует только в наших воспоминаниях. Благоразумный страх, который обнаруживала Екатерина перед всем, что могло увлечь ее на опасный путь нововведе-

ний, напоминает мне, с каким гневом рассказывала она, как один русский лекарь, Самойлов, вздумал было лечить чуму, как оспу, и хотел для постепенного ослабления заразы прививать ее. Он сделал опыт на себе и несколько раз зачумлялся. Он просил дозволения распространить этот страшный опыт. Но добродушный доктор вместо дозволения от правительства получил добрый выговор за свое бессмысленное человеколюбие.

Фельдмаршал Румянцев в качестве местного губернатора принял государыню на границе губернии. Лицо этого маститого и знаменитого героя служило выражением его души; в нем видна была и скрытность, и гордость, признаки истинного достоинства; но в нем был оттенок грусти и недовольства, возбужденного преимуществами и огромным значением Потемкина. Соперничество во власти разъединяло этих двух военачальников: они шли, борясь между славой и милостью, и, как всегда почти бывает, восторжествовал тот, кто был любимец государыни.

Фельдмаршал не получал никаких средств для управления должностью; труды его подвигались медленно: солдаты его ходили в старой одежде, офицеры напрасно домогались повышений. Все милости, все поощрения падали на армию, над которою начальствовал первый министр.

Подъезжая к Киеву, испытываешь то особенное чувство уважения, какое всегда внушает вид развалин. К тому же живописное положение этого города придает прелесть первому впечатлению; смотря на него, вспоминаешь, что здесь колыбель огромной державы, долго пребывавшей в невежестве, от которого она освободилась не более как лет за сто и теперь стала так огромна и грозна.

Когда мы осмотрели эту древнюю столицу с ее окрестностями, императрица захотела узнать, какое впечатление она произвела на меня, Кобенцеля и Фитц-Герберта, и после с усмешкою заметила, что различие наших мнений дает довольно верное понятие о характере трех народов, которые мы представляли. «Как нравится вам Киев?»—спросила она у графа Кобенцеля. «Государыня,—воскликнул граф с выражением восторга,—это самый дивный, самый величественный, самый великолепный город, какой я когда-либо видел!» Фитц-Герберт отвечал на тот же вопрос: «Если сказать правду, так это незавидное место, видишь только развалины да избышки». Когда с таким же вопросом обратились ко мне, я

сказал: «Киев представляет собою воспоминание и надежды великого города».

Для государыни построили дворец просторный, изящный и богато убранный. Она принимала в нем духовенство, правительственных лиц, представителей дворянства, купцов и иностранцев, приехавших во множестве в Киев, куда привлекло их величие и новость зрелища, здесь их ожидавшего. В самом деле, им представлялся великолепный двор, победоносная императрица, богатая и воинственная аристократия, князья и вельможи, гордые и роскошные, купцы в длинных кафтанах, с огромными бородами, офицеры в различных мундирах, знаменитые донские казаки в богатом азиатском наряде и которых длинные пики, отвагу и удалство Европа узнала недавно, татары, некогда владыки России, теперь подданные, женщины и христианки, князь грузинский, повергший к трону Екатерины дань Фазиса и Колхиды, несколько послов от бесчисленных орд киргизов, народа кочевого, воинственного, часто побеждаемого, но никогда еще не покоренного, наконец, дикие калмыки, настоящее подобие гуннов, своим безобразием некогда наводивших ужас на Европу, вместе с грозным мечом их жестокого владыки — Аттилы. Весь Восток собрался здесь, чтобы увидеть новую Семирамиду, собирающую дань удивления всех монархов Запада. Это было какое-то волшебное зрелище, где, казалось, сочеталась старина с новизною, просвещение с варварством, где бросалась в глаза противоположность нравов, лиц, одежд самых разнообразных.

Императрица, всегда верная своим привычкам, в Киеве, как и в других городах, дала великолепный бал. Я надеялся, что, будучи в свите императрицы, на этом длинном пути увижу разные заведения и постройки в местах, где мы останавливались. Обманутый в своих ожиданиях, я в порыве негодования необдуманно высказал, что мне досадно проехать так далеко для того только, чтобы видеть везде тот же двор, слушать все те же православные обедни и присутствовать на балах. Екатерина узнала об этом и сказала: «Я слышала, будто вы порицаете меня за то, что я во всех городах устраиваю аудиенции и празднества; но вот почему это так: я путешествую не для того только, чтоб осматривать местности, но чтобы видеть людей; я довольно знаю этот путь по планам и по описаниям, и при быстроте нашей езды я бы немного успела рассмотреть. Мне нужно дать народу возможность дойти до меня, выслушать жалобы и

внушить лицам, которые могут употребить во зло мое доверие, опасение, что я открою все их грехи, их нерадение и несправедливости. Вот какую пользу хочу я извлечь из моей поездки; одно известие о моем намерении поведет к добру. Я держусь правила, что «глаз хозяйский зорок» (l'oeil du maître engraisse les chevaux).

Так как мы все, Кобенцель, Фитц-Герберт и я, предвидели, что, может быть, принуждены будем прожить в Киеве месяц или два, то приказали нашим людям приехать к нам, чтобы нам можно было устроиться порядочно и принимать знатных особ здешних и приезжих. Но все наши приготовления и сборы были напрасны, и мы должны были отослать нашу прислугу. Императрица непременно хотела, чтобы в продолжение всей дороги мы жили на ее счет. Я остановился в прекрасном доме, назначенном для меня и снабженном всем, что мне было нужно. Императрица прислала мне дворецкого, камердинеров, поваров, официантов, гайдуков, кучеров, фореиторов, чудесное серебро, белье и фарфоровый сервиз, прекрасные вина, так что у меня было все, чтобы жить роскошно. Она запретила принимать от нас какую-либо плату, так что в продолжение всего путешествия единственно дозволенную для нас издержкою были подарки, какие бы нам заблагорассудилось делать хозяевам домов, в которых нас помещали. Мы соображались с волею императрицы, и как некогда в Польше я прожил несколько дней настоящим польским паном, так и в Киеве жил своим двором, как любой русский боярин или какой-нибудь потомок Рюрика или Владимира. Когда императрица не приглашала нас к своему столу, что случалось раза два в неделю, мы давали обеды у себя. Но скоро нам надоело жить раздельно, и мы согласились сходитьсь у графа Кобенцеля, потому что дом его был просторнее и покойнее и мог свободно вмещать большее число гостей, что для нас было приятнее. Сообща нам было легче нести тягостную обязанность принимать множество иностранцев, прибывших в Киев. По этому распорядку мне приходилось обедать дома только тогда, когда я был нездоров или хотел принять у себя только своих приятелей.

Мне было очень приятно свидеться с прибывшим из Варшавы графом Стакельбергом. Он радовался моим успехам, которыми, по правде сказать, я был отчасти обязан ему. Но какую перемену заметил я в нем! Это был другой человек: гордый и важный вице-король в Польше

превратился в России в придворного, едва заметного в толпе; мне казалось, что я вижу развенчанного монарха. Впрочем, хотя Потемкин и другие русские министры добились того, что императрица обращалась с ним холодно, он довольно удачно выпутывался из этого неприятного положения. Привычка властвовать придавала некоторую важность его движениям и медленность его речи, что казалось странным при дворе, но обличало в нем сильного человека, который привык внушать уважение и заставлял молчать.

Поляки явились толпами, разумеется, более из страха, чем по привязанности к владычице Севера. Между ними были графы Браницкий, Потоцкий, Мнишек, князь Сапега, княгиня Любомирская. В это время распространился слух, что десять русских полков вступят в польскую Украину, и это известие немало напугало поляков.

По случаю глупостей, наделанных недавно в России несколькими молодыми французами, и также из опасения, чтобы это не повредило моим намерениям сблизить Россию с Францией и рассеять предубеждение императрицы против нас, я принужден был просить г-на Верженя и отца моего, чтобы они реже и осторожнее дозволяли нашей молодежи выезжать в Россию. Они меня поняли, и поэтому в Киев прибыли только два француза, оба достойные люди: Александр Ламет⁵⁵ и граф Эдуард Дилльон. Лафайет тоже объявил свое намерение явиться ко двору Екатерины, но так как он был выбран в члены собрания государственных чинов, то и не мог исполнить своего намерения. Императрица сожалела об этом: она очень желала познакомиться с ним. Императрица с отличным благоволением приняла Эдуарда Дилльона и особенно Александра Ламета. Умная, славолубивая государыня любила покорять себе внимание людей, особенно достойных такой победы; она знала, что люди, известные по имени, достоинствам, подвигам, талантам, сочинениям или успехам в свете, распространяют славу монархов, польстивших их самолюбию. Раз ей случилось очень забавно обмолвиться в разговоре с Ламетом. У них как-то зашел разговор о дяде Ламета, маршале де Брольи (de Broglie). Отдав справедливость подвигам и способностям этого известного полководца, она сказала: «Да, мне всегда было жаль французов, что этот знаменитый маршал, слава и украшение своего отечества, не имеет детей, которые наследовали бы славу его имени и были бы так же известны в летописях войны». На это Ламет отвечал: «Замечание это было бы

очень лестно для маршала, но, к счастью, оно ошибочно. Ваше величество имеет о нем неверные сведения; дядя мой так же счастлив в женитьбе, как и на военном поприще: у него большое семейство: он отец двадцати двух детей».

В Киеве увидел я многих генералов, с которыми не был знаком в Петербурге, потому что они были постоянно на службе или жили в своих поместьях, в удалении от двора. Двое из них особенно меня поразили: один — живостью нрава, а другой — странностью и оригинальностью, которую он обыкновенно прикрывал свои дарования, возбуждавшие зависть в его соперниках. Первый был генерал Каменский⁵⁶, человек живой, суровый, буйный и вспыльчивый. Один француз, напуганный его гневом и угрозами, пришел ко мне искать себе убежища; он сказал мне, что, определившись в услужение к Каменскому, он не мог довольно нахвалиться его обхождением, куда они были в Петербурге, но что скоро господин увез его в деревню, и тогда все переменялось. Вдали от столицы образованный русский превратился в дикаря: он обходился с людьми своими, как с невольниками, беспрестанно ругался, не платил жалованья и бил за малейший проступок иногда и тех, кто не был виноват. Не стерпев такого своеволия, француз убежал и приехал в Киев, но и здесь клеветы генерала его преследовали. Один из них, который был добродушнее прочих, предупредил его, что генерал поклялся отделать его хорошенько, если он попадетс я ему в руки.

Рассказ этот возмутил меня. Я отправился к его гонителю и объявил ему, что не потерплю такого обхождения с французом. Мы горячо поспорили. Каменский находил странным, что я вмешиваюсь в дела его слуг и защищаю мерзавца, и объявил, что, несмотря на меня, разделается с ним. «Если так, генерал,— сказал я,— то я имею полное право взять вашу жертву под защиту. Я посланник и француз. Если вы решительно не захотите дать мне обещание прекратить преследование человека свободного по законам своего отечества и с которым вы не можете поступать, как с рабом, то я, как посол, сейчас же иду жаловаться к императрице, а потом, как французский офицер, потребую от вас удовлетворения за обиды, которые буду считать лично мне нанесенными, потому что я беру этого человека под свое покровительство».

Частное столкновение со мною не устрасило бы генерала, но, боясь прогневать императрицу, он усмирился.

Он обещал исполнить мои требования, и мы расстались.

По прошествии многих лет этот же самый Каменский доказал мне свое злопамятство самым грубым образом. В первую войну французов с русскими, завершленную славным Тильзитским миром, сын мой, генерал Филипп Сегюр, после блистательного дела слишком далеко погнался за отступавшим неприятелем, был окружен и схвачен; его привели к генералу Каменскому. Каменский спросил его имя и хотел получить от него сведения о положении и числе французских армий. За его отказ он отплатил ему самым неприличным обращением. Он хотел заставить его пройти двадцать лье в снегу по колена, не дав ему времени оправиться и перевязать свои раны. Но русские офицеры, возмущенные жестокостью генерала, дали моему сыну кибитку, и чрез несколько дней он приехал в главную квартиру Апраксина, который своею любезностью и внимательностью заставил забыть дурное обращение мстительного москвитянина. Впоследствии мне рассказывали, что этот же самый Каменский под старость нисколько не стал мягче и будто бы погиб жертвою своей жестокости.

Генерал Суворов в другом отношении возбуждал мое любопытство. Своею отчаянною храбростью, ловкостью и усердием, которое он возбуждал в солдатах, он умел отличиться и выслужиться, хотя был небогат, не знатного рода и не имел связей. Он брал чины саблею. Где предстояло опасное дело, трудный или отважный подвиг, начальники посылали Суворова. Но так как с первых шагов на пути славы он встретил соперников завистливых и сильных настолько, что они могли загородить ему дорогу, то и решился прикрыть свои дарования под личиною странности. Его подвиги были блистательны, мысли глубоки, действия быстры. Но в частной жизни, в обществе, в своих движениях, обращении и разговоре он являлся таким чудачком, даже можно сказать сумасбродом, что честолюбцы перестали бояться его, видели в нем полезное орудие для исполнения своих замыслов и не считали его способным вредить и мешать им пользоваться почестями, весом и могуществом. Суворов, почтительный к своим начальникам, добрый к солдатам, был горд, даже невежлив и груб с равными себе. Незнавших его он поражал, закидывая их своими частыми и быстрыми вопросами, как будто делал им вопрос,— так он знакомился с людьми. Ему неприятно было, когда приходили в замешательство; но он уважал тех, которые отвечали определенно, без запинок. Это

я испытал, будучи еще в Петербурге: я понравился ему моими лаконическими ответами, и он не раз у меня обедывал во время краткого своего пребывания в столице. Помнится мне, что раз я спросил его, правда ли, что в походах он почти не спит, принуждая себя к тому даже без надобности, ложится не иначе как на солому и никогда не снимает сапог. «Да,— отвечал он,— я ненавижу лень. Чтобы не разоспаться, я держу в своей палатке петуха, и он беспрестанно будит меня; если я вздумаю иногда понежиться и полежать покойнее, то снимаю одну шпору». Когда ему дали чин фельдмаршала, то он в ознаменование этого события устроил престранную церемонию в присутствии своих солдат. Он велел поставить вдоль стены столько стульев, сколько было генералов старше его по службе, и, сняв мундир, начал перепрыгивать через каждый стул, как школьники, играющие в чехарду; показав этим, что он обогнал своих соперников, он надел фельдмаршальский мундир со всеми своими орденами и с важностью приказал священнику отслужить молебен. Рассказывают, что, получив от императора почетнейший из австрийских орденов, он также сам совершил свое посвящение в кавалеры его перед огромным зеркалом, с самыми странными причудами. Известно, что во время похода в Швейцарии, будучи принужден, по ошибке Корсакова, отступить от Массены, он приказал вырыть яму и, встав в нее, закричал солдатам, что если они хотят бежать и не станут грудью против неприятеля, то пусть прежде зароят его и попрут прах его ногами.

В бытность мою в России Суворов еще не достиг высших военных чинов. Мы видели в нем славного воина, генерала, отважного в армии и весьма странного при дворе. Когда Суворов встретился с Ламетом, человеком не слишком мягкого нрава, то имел с ним довольно забавный разговор, который я поэтому и привожу здесь. «Ваше отечество?»— спросил Суворов отрывисто. «Франция».— «Ваше звание?»— «Солдат».— «Ваш чин?»— «Полковник». — «Имя?»— «Александр Ламет». — «Хорошо». Ламет, не совсем довольный этим небольшим вопросом, в свою очередь обратился к генералу, смотря на него пристально: «Какой вы нации?»— «Должно быть, русский».— «Ваше звание?»— «Солдат».— «Ваш чин?»— «Генерал».— «Имя?»— «Александр Суворов».— «Хорошо». Оба расхохотались и с тех пор были очень хороши между собою. /

Князь Потемкин постоянно почти находился в отсутствии, занятый приготовлениями великолепного зрелища, которое намеревался представить взорам своей государыни при вступлении ее в области, ему подчиненные. Даже заочно не смели гласно осуждать его, лишь тайком бессильная зависть подкапывалась под его славу. Порою до слуха императрицы доходили легкие жалобы и намеки на своевольное управление, гордость и несправедливость могущественного любимца. Один только фельдмаршал Румянцев высказывал прямо и благородно свое мнение и свое неудовольствие. Скоро князь приехал. Тогда снова слышались одни похвалы, снова стали оказывать ему одни почести, с самою усердною лестью. Вместе с ним прибыл и принц Нассау-Зиген, и мы встретились, как старые товарищи по службе. Я представил его императрице, и он благодарил ее за подаренную ему землю в Крыму и за дозволение выставить русский флаг на своих судах. Ее величество пригласила его путешествовать с нею. В ожидании разрешения от моего двора я уполномочил его носить мундир, присвоенный русским дворянам. Наконец и князь де Линь возвратился из Вены. Своим присутствием он оживил все наше общество, рассеял скуку и придал жизни всем нашим увеселениям. Тогда нам стало казаться, что жестокая стужа не так сильна и что скоро пробудится веселая весна.

Раз или два в неделю императрица имела собрание при дворе и давала большой бал или прекрасный концерт. В прочие дни стол ее накрывался на восемь или на десять приборов. Трое послов, ее сопровождавших, были ее постоянными гостями, также князь де Линь и иногда принц Нассау. Вечера мы всегда проводили у нее, в это время она не терпела принуждения и этикета, мы видели не императрицу, а просто любезную женщину. На этих вечерах рассказывали, играли в бильярд, рассуждали о литературе. Однажды государыне вздумалось учиться писать стихи. Целые восемь дней я объяснял ей правила стихосложения. Но когда дошло до дела, то мы заметили, что совершенно напрасно теряли время. Нет, я думаю, слуха, столько не чувствительного к созвучию стиха. Ум ее, обширный в политике, не находил образов для воплощения мечты. Он не выдерживал утомительного труда прилаживать рифмы и стихи. Она уверяла, что попытки ее в этом роде будут так же неудачны, как попытки славного Малекбранша, который говорил, что, сколько ни старался, не мог сочинить более двух стихов:

Il fait le plus beau temps du monde
Pour aller à cheval, sur la terre et sur l'onde*

Безуспешность этих опытов, казалось, раздосадовала государыню. Фитц-Герберт сказал ей: «Что же делать! Нельзя же в одно время достигнуть всех родов славы, и вам должно довольствоваться вашим двустушием, посвященным вашей собаке и вашему доктору:

Ci-git la duchesse Anderson,
Qui mordit Monsieur Rogerson»**.

Итак, я отказался от этих уроков поэзии и объявил августейшей моей ученице, что ей надо ограничиться одной прозой.

Князь де Линь не допускал, чтобы скука хоть на минуту водворилась в нашем маленьком кружке. Он беспрестанно рассказывал разные забавные анекдоты и сочинял на разные случаи песенки и мадригалы. Пользуясь исключительным правом говорить что ему вздумается, он вмешивал политику в свои загадки и рассказы. Хотя веселье его доходило иногда до дурачества, но порой под видом шутки он высказывал дельные и колкие истины. Он был привычный царедворец, расчетливый льстец, добр сердцем, мудрец умом. Его насмешки забавляли, но никогда не оскорбляли. Однажды он презабавно подшутил надо мною и Кобенцелем. Страдая вместе с нами легкою лихорадкою, он как-то вздумал укорять нас, что мы напрасно не лечимся и что мы ужасно переменялись в лице, жалеть о нас и наконец объявил, что решится показать нам пример: будет лечиться и употребит все средства, чтобы поскорее выздороветь и быть в состоянии продолжать путь. Убежденный его доводами, Кобенцель, у которого болело горло, пустил себе кровь; я также принял какие-то лекарства. Несколько дней спустя мы сошлись у императрицы, и она сказала князю: «У вас сегодня совсем здоровый вид; я думала, что вы больны. Был у вас мой доктор?»—«О, государыня, мои болезни не бывают продолжительны, у меня есть особенное средство лечиться. Как только я занемогу, я тотчас обращаюсь к своим двум друзьям: пущу кровь Кобенцелю, а Сегюру даю слабительного, и после этого я здоров».

---

* Теперь отличная погода, чтобы ездить верхом и по земле, и по воде.

** Здесь похоронена герцогиня Андерсон (любимая собачка императрицы), укусившая господина Роджерсона. (Роджерсон Иван Самойлович — лейб-медик императрицы.)

Императрица похвалила его средство, намеревалась его испробовать и вдоволь посмеялась над нашею покорностью.

Общество в Киеве представляло три различные картины. У императрицы можно было видеть то великолепнейший двор, то самый тесный кружок. Дом, где жили Кобенцель, Фитц-Герберт и я и где мы принимали и русских, и иностранцев, принял вид какой-нибудь европейской кофейни, которая была всегда полна и в которой сходились разноплеменные люди; здесь раздавалась речь на различных языках и употреблялись блюда, фрукты и вина разных стран. Время проходило в общей беседе или в частных толках о разных предметах — от важнейших до самых обыкновенных.

Напротив того, если кто подымался в Печерский монастырь, чтобы посетить Потемкина, который там расположился, то подумал бы, что он присутствует при аудиенции визиря в Константинополе, Багдаде или Каире. Там господствовало молчание и какой-то страх. По врожденной ли склонности к неге или из притворного высокомерия, которое он считал уместным обнаруживать, этот могущественный и прихотливый любимец Екатерины, изредка показываясь в фельдмаршальском мундире, покрытом орденами с бриллиантами, весь в шитье и галунах, расчесанный, напудренный, чаще всего ходил в халате на меху, с открытой шеей, в широких туфлях, с распущенными и нечесаными волосами; обыкновенно он лежал, развалясь на широком диване, окруженный множеством офицеров и значительнейшими сановниками империи; редко приглашал он кого-нибудь садиться и почти всегда усердно играл в шахматы, а потому не считал себя обязанным обращать внимание на русских или иностранцев, которые посещали его.

Я знал все эти странности. Но так как большая часть из присутствовавших не знала об искренней взаимности, которая водворилась между нами, то, признаюсь, мое самолюбие иногда страдало, когда мне приходило на мысль, что иностранцы увидят посла французского короля принужденным подчиняться вместе с прочими высокомерию и причудам Потемкина. Но, чтобы не возбудить ложных толков, я поступил следующим образом: когда я приехал к нему и обо мне доложили, я вошел и, видя, что князь сидит за шахматами, не удостоивая меня взглядом, я прямо подошел к нему, обеими руками взял и приподнял его голову, поцеловал его и попросту сел подле него на диван. Эта фамильярность немного удивила зрителей, но так как Потемкину она не показалась неуместною, то

все поняли мои отношения к нему. Из уважения ли ко мне или к достоинствам Ламета и Дилльона, которых ему расхвалили, он принял их довольно любезно и вежливо.

Вскоре после того прибыл в Киев один испанец, которого имя впоследствии получило жалкую известность в политическом мире; он назывался *Миранда*. Это был человек образованный, умный, вкрадчивый и смелый. Рожденный в Америке, он был в родственных отношениях с семейством Аристегибита, которое я узнал в бытность мою в Каракасе и о котором упоминал в начале записок. Во время войны испанское правительство открыло, что Миранда, изменив своему долгу, передал английским адмиралам планы и карты Кубы и других испанских колоний. Его хотели захватить — он убежал, но был лишен чинов и преследуем испанскими властями. Он получал от англичан жалованье, бродил по Европе, замышляя отмщение за неудачу своих честолюбивых планов и выжидая удобного случая, чтобы возвратиться в Каракас и возбудить там восстание. Я тогда не знал всех этих обстоятельств. Но так как Миранда явился ко мне без всяких рекомендательных писем, то я отказался представить его императрице. Однако это его не остановило. В Константинополе он познакомился с принцем Нассау, который ввел его к Потемкину; очаровав последнего умом своим, он через него добился тайной аудиенции у императрицы.

Явясь пред государыней, он прикинулся угнетенным философом, жертвою инквизиции и успел снискать ее внимание, так что, когда он уехал в Петербург, императрица приказала своему вице-канцлеру принять его достойным образом, как человека, которого она уважает. Из дальнейшего рассказа видно будет, сколько хлопот доставило мне его присутствие по возвращении моем в столицу.

В те дни, в которые князь Потемкин не принимал гостей, или, лучше сказать, не разыгрывал роль азиатского владыки, я любил бывать у него по-домашнему, видеть его окруженного любезными племянницами и друзьями. Это был другой человек, правда, всегда причудливый, но остроумный и умевший придать занимательность разговорам самым разнообразным.

Правила русских таможен были тогда чрезвычайно стеснительны, строги и соблюдались с чрезмерной точностью. Даже посланники принуждены были давать курьерам своим посылки определенной величины, чтобы ни под каким видом вместе с депешами не замешались какие-либо запрещенные товары. Но те, которые писали законы и должны были наблюдать за исполнением их, чаще других

их нарушали. Привожу для доказательства следующий, довольно странный, случай.

Когда мой камердинер Еврар, которого я послал курьером в Версаль с подписанным торговым договором, возвратился с этим актом, ратификованным моим двором, то русское правительство, зная, что он везет подарки короля русским министрам, дало приказание пограничной таможне пропустить его без осмотра. Зная об этом распоряжении, он воспользовался им и, без моего ведома, приехал в Киев в карете, набитой кружевами и разными запрещенными вещами. Раз завтракаю я у Потемкина с его племянницами и несколькими посторонними лицами и вдруг замечаю, что некоторые из присутствующих беспрестанно уходят в соседнюю комнату и тщательно притворяют за собою двери. Всякой раз, как я пытался тоже войти туда, одна из племянниц князя задерживала меня под каким-либо предлогом. Это еще более подстрекало мое любопытство; я при удобном случае ускользнул, поспешно отворил дверь и увидел на большом столе, окруженном любопытными и покупателями, целую огромную кучу разных запрещенных товаров, которые мой камердинер показывал, всячески выхваляя их достоинство и объявляя цену. Мое появление поразило всех. Князь, любопытные зрители, покупатели — все были виновны и пойманы на деле. Мой торговец, озадаченный, начал поскорее собирать свои вещи. Я принял на себя гневный вид, выбрал контрабандиста и объявил ему, что отказываю ему от места. Напрасно дамы старались меня уговорить и упрашивали простить его; я целый час крепился, но наконец должен был уступить, когда сам князь, первый министр, просил у меня помилования виновного. «Что же делать, — сказал я, — когда, к удивлению моему, вы сами в числе виновников и укрывателей?»

Среди всех этих веселых собраний, праздников, балов, забав, торжеств политика не оставалась в бездействии, и со стороны Константинополя поднималась буря, предвестница тех, которые почти целые тридцать лет волновали и тревожили Европу. Все тогдашние политики боялись, чтобы разрыв России с Портою, возбудив соперничество прочих держав, не произвел всеобщей европейской войны. В самом деле, казалось ясно, что если император и императрица попытаются нарушить политическое равновесие и увеличить свои государства обширными турецкими владениями в Европе, то Франция, Пруссия и Швеция всеми силами воспротивятся этим завоеваниям, даже если бы Англия соединилась с двумя империями в надежде воспользоваться этим переворотом и овладеть Архипелагом.

Уму человеческому не суждено предвидеть происшествий самых близких. В то время никто не думал о последствиях легких смут, тогда волновавших Францию. Все, напротив того, полагали, что ее внутренние беспокойства, происшедшие от дурного состояния финансов, ослабят вес ее в европейских делах, так что всех тревожил один лишь Восток. Двор Екатерины становился средоточием политики, к нему обращены были взоры всех государственных людей. Екатерина II, при всей проницательности своего ума, жестоко ошибалась тогда насчет положения французского правительства, которому предвещала она славу и счастье.

В Киеве получил я последнее письмо от Верженя. Он поручал мне сообщить императрице решение короля собрать государственные чины всего королевства. Узнав об этом, императрица выразила мне свое удовольствие и с увлечением выхваляла эту меру; она видела в ней несомненный залог будущего восстановления наших финансов и учреждения общественного порядка. «Я, право, не нахожу довольно слов,— сказала она,— чтобы похвалить молодого короля, который для Франции является достойным соперником Генриха IV». Все иностранцы, находившиеся в Киеве, какой бы нации они ни были, поздравляли меня по этому случаю. Чувство человеколюбия, благородство мысли, желание искоренить злоупотребления и предрассудки, ослабить самовластие и достигнуть свободы, которая в собственном смысле есть справедливость, тайно волновали тогда все души, окрыляли все умы, оживляли все сердца. Для личных побуждений тогда еще не предвиделось ударов, их ожидавших впоследствии, и только одно общее благо было в виду и на уме у каждого. Счастливые дни, которые миновались навсегда! Какие благородные мечтания лелеяли нас в ту пору нашей неопытности! И для чего взрыв страстей и ярость духа партий с той поры иссушили души, отравили самые естественные чувства и далеко отдалили благополучие, к которому мы все, казалось, стремились, так согласно озаренные светочами разума и истины, вскоре превратившимися в факелы раздора. Я тогда чистосердечно разделял блестящие надежды большей части моих современников и не понимал темных предчувствий, которые созвание чинов внушало моему отцу. В письмах своих он говорил мне о грядущих несчастьях и о переворотах, почти неизбежных. Он писал мне: «Когда король пожелал узнать мое мнение о намерении созвать выборных из народа, я посоветовал ему обсудить хорошенько все возможные последствия такой меры, потому

что в настоящих обстоятельствах, при всеобщем волнении умов, созвание чинов может послужить подготовкою к народному сейму, а кто мог взвесить последствия этого?» Происшествия оправдали предсказания старого министра. Но тогда они показались мне внушенными духом старины и предрассудков, который противился всяким нововведениям, даже полезным.

Через несколько дней после этого я узнал о смерти графа Верження; это было несчастье для Франции и, можно сказать, потеря для всей Европы, на которую он оказывал благотворное влияние духом согласия, дальновидностью и благоразумием. Граф Монморен⁵⁷, заступивший его место, в самых лестных выражениях изъявил мне благоволение короля к моей деятельности в России. Его величество поручил ему сказать мне, что он доволен мною во всех отношениях. Но вместе с тем мне было предписано употребить всевозможные старания, чтобы разведать причины важных недоразумений, возникших в Константинополе между Шуазелем и Булгаковым по поводу новых споров, которые могли причинить войну, несмотря на все наши старания. В то же время Шуазель писал мне, что Булгаков грозил турецкому министерству, безумно разжигая раздор, прекращенный нашим посредничеством, и притом еще не сообщал французскому послу известий о своих действиях. Я знал, что Шуазель обыкновенно видел во всем только дурную сторону и часто тревожился напрасно. Но в этом случае его жалобы были основательны. Он в этих затруднительных обстоятельствах вел себя с достоинством, ловко и благоразумно. Его объяснения были скромны и благородны; он высказывал свои мнения дивану решительно и вместе с тем осторожно. Действуя таким образом, он не устранял возможности примирения в случае искренности со стороны русских. Если же Россия захотела разрыва, то он уничтожал всякий основательный предлог к начатию войны, и вследствие этого несправедливые притязания высказались бы ясно, во всей их постыдной наготе.

Мое положение становилось щекотливо. С одной стороны, будучи в свите и в близких сношениях с императрицей, едва заключив выгодный торговый трактат с ее министрами, я легко мог навлечь на себя подозрение в потворстве выгодам России, по-видимому жертвуя для нее долгом из чувства благодарности. С другой стороны, я должен был избегать увлечения в разговорах, чтобы не оскорбить чем-нибудь гордости русских и не выйти из роли миротворителя, которую мне задали. Наконец, мне надобно было пользоваться временем, не дожидаясь наставлений

моего двора; дело было спешное: молчание или медленность могли повредить ему. Побуждаемый такими обязанностями к мерам решительным, каковы бы ни были последствия их, я избрал те, которые мне казались сообразными с достоинством моего монарха и моего отечества. Поэтому, испрося совещания с графом Безбородком, заведовавшим иностранными делами, я объявил ему решительно, что король не может остаться равнодушным, когда русское правительство, испрося нашего посредничества, помощью которого оно достигло удовлетворения всех своих требований, вдруг, не известив нас, начинает снова прежний спор и, следовательно, не ставит ни во что недавний формальный договор, утвержденный подписью ее величества. Я, между прочим, напомнил также о данном мне положительном обещании, что русское правительство не будет требовать от Порты торжественного признания прав императрицы на Грузию. Я сказал, что требовать этого признания теперь, без особенного предлога и без нашего ведома, значит поступать наперекор приязни, существующей между двумя государями, и что я приписываю это действие одной неблагоразумной поспешности Булгакова, который, вероятно, не понял или нарушил свою обязанность. Наконец, я объявил, что буду ждать решительного ответа, чтобы рассеять сомнения короля насчет этого непредвиденного происшествия.

В ответ на это русский министр сказал мне вот что: «Императрица готова повторить королю уверение в своей дружбе. Она осталась совершенно довольна договором, заключенным в Константинополе при посредничестве его величества, и требует только его исполнения, напрасно и давно ею ожидаемого. Порта, вместо того чтобы, по обещанию своему, послать ахалцихскому паше фирман, приказала ему вступить в переговоры с грузинским царем Ираклием, которого продолжает называть своим данником. Она обещает Ираклию свое покровительство и защиту от лезгин, а между тем позволяет ему держать в своих владениях лишь небольшой отряд русских войск, да и то советует ему отдать их в распоряжение турецким властям. Ираклий, недовольный этими стеснениями, прекратил всякие переговоры с Турциею и известил нас о своих действиях. Вследствие того Булгакову повелено было, не посылая официальной ноты, жаловаться словесно и ускорить отсылку фирмана к паше, соответственно договору. Императрица ни в каком случае не уступит прав своих на Грузию, хотя и запретила Булгакову требовать формального признания зависимости этой области от России. Что же ка-

сается закубанских татар, которые беспрестанно делают набеги на наши владения, то мы весьма скромно говорим туркам: «Если это — ваши подданные, то накажите их; если нет, то предоставьте нам с ними справиться». Порта получила разрешение взять из Крыма соли на продовольствие 100 000 человек; но забирает на целый миллион. Запорожские казаки, поселенные на землях султана, должны были оставаться за Бугом, а им дозволили селиться близ Очакова. Впрочем, последние два обстоятельства могут быть устранены частными сделками с турецкими властями и не послужат поводом к обоюдным несогласиям. Что касается до Булгакова, то он получит приказание оказывать должное внимание к французскому послу, и если он нарушит долг свой, то я его извещу о неудовольствии императрицы».

Вслед за тем я узнал, что настоящею причиною этих внезапных недоразумений с обеих сторон была неоткровенность во взаимных отношениях. Турки точно старались увернуться от исполнения своих обещаний относительно фирмана.

Русское министерство, осторожное в своих инструкциях, приказало Булгакову только жаловаться словесно и в умеренных выражениях. Но в то же время посол получал другого рода наставление от Потемкина, который втайне желал войны. Он надеялся предводительствовать войском и иметь таким образом возможность получить Георгиевскую ленту, которой одной только недоставало, чтобы удовлетворить его тщеславию.

Боялся ли Булгаков могущественного министра, или думал исполнить тайные замыслы императрицы, но он последовал увещаниям Потемкина, увлекся, принял грозный и высокомерный тон. Наконец, боясь сопротивления со стороны нашего посла, Булгаков, скрывая от него свои действия, от пустых переговоров дошел до важного спора, который усиливался при деятельных интригах со стороны Англии и Пруссии. Эти две державы, недовольные торговым договором, который я заключил между Францией и Россией, представили его турецкому правительству как одно из следствий союза против него.

Но до самой крайности эти раздоры довели огромные массы войск, которые князь Потемкин подвинул к Черному морю, желая будто бы придать тем более величия и пышности зрелищу, представленному Европе в виде торжественного поезда императрицы. Султан с явным беспокойством замечал, что пограничные русские области полны пехотой и конницей и снабжены артиллериею, что войска

эти превосходно обмундированы, что заготовлен огромный запас денег и продовольствия и что все было готово к начатию войны и взятию Очакова при первом знаке, поданном Екатериною. Впрочем, мое усердное вмешательство послужило в пользу: мне дали оправдания. К тому же австрийский император, казалось, не одобрял разрыва с Портою. Пруссия и Англия ясно выражали свое сопротивление честолюбивым видам России. По всему видно было, что императрица, будучи благоразумнее своего первого министра, в то время не желала войны и отложила до другого времени исполнение своего задушевного и обширного предприятия, которого целью было не покорение Константинополя, но создание греческой державы из завоеванных областей, с присоединением Молдавии и Валахии, для того чтобы возвести на новый престол великого князя Константина.

Как бы то ни было, но Екатерина при первом свидании с Потемкиным с такою живостью укоряла его за поспешность, что он счел за должное извиниться передо мною. «Я согласен,— сказал он мне,— что при первом известии о переговорах турок с Ираклием и о набеге татар, которые побили до 300 наших казаков, я, может быть, увлекся в минуту негодования и ввел Булгакова в ошибку, послав ему слишком решительные предписания. Впрочем, могу вас уверить, что наш посланник, не уведомив о своих действиях г-на Шуазеля, поступил несообразно с моими наставлениями, и я уже писал ему, чтобы он поправил свою ошибку и не утаивал бы ничего от вашего посланника».

Я немедленно уведомил Шуазеля об этих заявлениях; вместе с тем я известил его о деятельных вооружениях русских войск в Херсоне и Севастополе. «Несмотря на склонность к миру, в чем меня уверяют,— писал я ему,— опасности, грозящие Оттоманской империи, увеличиваются. Кажется, нельзя ей предвещать спокойствия более году. Действуя политично и справедливо, мы должны рассеять недоверчивость, внушенную туркам нашими врагами. Нам не следует успокаивать их в то время, когда русские так грозно укрепляются в их соседстве на Черном море, но должно посоветовать им также стать в оборонительное положение и принять грозный вид».

С некоторого времени в политике императора (Иосифа II) заметна была видимая перемена. Вовсе не отвечая видам Екатерины II, его союзницы, он приказал графу Кобенцелю соединиться со мною и помогать мне в моих попытках отдалить русское правительство от опасного намерения его вторгнуться в пределы Турции. Император по-

ступил в этом случае чистосердечно. Впрочем, по многим причинам я полагал, что если он не соглашался на совершенное изгнание турок и взятие Константинополя, он, однако же, не воспрепятствовал бы Екатерине занять Очаков и Аккерман и таким образом без затруднения овладеть торговлею Черного моря и устьями Днепра и Днестра.

Мнение Шуазеля на этот счет совершенно сходилось с моим, и он старался оживить сонливых турок, побуждал их снаряжать флот, усилить крепости, послать войска к Дунаю и, наконец, советовал им ответить на угрозы Булгакова в умеренных, но прямых и решительных выражениях.

Переговоры по поводу фирмана, татар и запорожцев шли своим чередом. Императрица, вновь сообщив мне свои жалобы на Порту, объявила мне, что, жертвуя всем для достижения мира, она намерена оставить в покое турок за их переговоры с Ираклием и будет терпеливо ждать, пока Порта сама сознает неприличие и несправедливость ее отказа исполнить договор, заключенный и скрепленный при посредничестве Франции.

Все эти уверения, равно как и действия Австрии, могли бы совершенно успокоить меня при других обстоятельствах. Но нельзя было полагаться на будущее в государстве, где первый министр имел столько силы и смелости, что мог предписывать враждебный образ действий послу, мог подвигать войска в Польшу и снова возвращать их по своему усмотрению, не дожидаясь разрешения государыни и не извещая о том других министров.

Между тем я получил от моего двора депешу, в которой мне предписывался именно тот образ действия, какой я употребил по случаю турецких дел. Вскоре после того Монморен по приказанию короля выразил мне его благоволение за то, что я отгадал их намерения в таких щекотливых обстоятельствах.

Князь Потемкин, которому не нравилось поведение мое и Кобенцеля, не мог более удержаться и высказал мне свое неудовольствие. «Стало быть, решено,— сказал он,— что ваша нация, самая образованная в мире, будет всегда защитницею изуверов и невежд. И все это под предлогом торговых выгод, которые могли бы быть вполне заменены для вас приобретениями в Архипелаге. Вся Европа вправе обвинить Францию, которая упорно охраняет в недрах ее варварство и чуму».

Я всегда затруднялся опровергать это мнение, которое не мог не оправдывать внутренно. Но, чтобы исполнить долг свой, я отвечал, что Потемкин, как человек просвещенный, может лучше другого понять и оценить при-

чины, по которым французский король, видя свое государство цветущим, спокойным и сильным, не может не желать сохранения всеобщего мира Европы. «Надежды на приобретения,— продолжал я,— которых выгоды более мнимые, нежели действительные, не заставят его решиться возмутить благоденствие его подданных и общественное спокойствие, захватить владения давнего своего союзника, наконец, возобновить времена крестовых походов, и все это для того, чтобы произвести дележ, который возбудил бы честолюбие, алчность и зависть прочих держав. Европа сделалась бы тогда позорищем всеобщей войны, которая, подобно Тридцатилетней, длилась бы долго и разрушительно».

Почти в это же время Фитц-Герберт получил депеши от лондонского кабинета, который отказывался подписать окончательный договорный акт, посланный русским правительством. С тех пор переговоры о возобновлении торгового договора между Англиею и Россиею были окончательно прерваны. Между тем произошел обмен подписанных обоими государями актов договора, который я заключил незадолго пред тем. Каждый из русских уполномоченных получил от короля по 40 000 франков и портрет его величества, осыпанный бриллиантами и стоивший почти то же; русская и французская канцелярии получили каждая по 1000 червонцев. Мне императрица тоже подарила свой портрет, осыпанный бриллиантами, прекрасные меха и 40 000 франков. Так как вскоре после того ее написали в охотничьем наряде, она мне дала другой портрет, отличавшийся бóльшим сходством.

Сообразно с полученными мною приказаниями, я выразил императрице удовольствие короля по случаю заключения дружественных связей с ее величеством. «Король,— сказал я,— желает усилить и утвердить доверенность, залогом которой служит этот договор, желает скрепить более и более этот союз, столь полезный для спокойствия Европы, в уверенности, что равновесие ее удобно может быть поддержано двумя великими державами, которые в настоящих обстоятельствах должны быть руководимы одинакими целями».

Ответ императрицы был любезен, обязателен и совершенно сообразен моим миролюбивым ожиданиям. Но недостаточно было утверждения торгового договора. Нужно было привести его в действие. Я советовал Монморену условиться с государственным контролером, какими способами можно было бы поощрить водворение французских торговых домов в русских портах. Это было дело необходи-

мое, без которого весь договор становился бесполезным. При этом я напомнил Монморену о благоразумном устройстве английских факторий. Для поощрения нашего мореплавания на Черном море я предлагал сбавить некоторые взыскания и пошлины, которым подлежат и наши суда, тогда как ими следовало обложить только суда иностранные. Я требовал также заведения в наших портовых городах школ для обучения языкам английскому и немецкому, чтобы наши купцы не были принуждены предпочитать наемные арматорские суда англичан, голландцев и гамбургцев своим. Эти предостережения и советы были, однако, напрасны. Волнение во Франции было тогда уже слишком сильно, и наши министры исключительно занялись мерами предупреждения переворота, которого приближение они предчувствовали. Чем более страшились смут внутренних, тем более старались отклонить всякий повод к войне. Поэтому наш министр снова писал ко мне, чтобы я изведal обстоятельно настоящие намерения двух императорских дворов. Для этого и мне надо было преодолеть множество препятствий. Лица, годные для того, мелкие чиновники, чрез которых я узнавал многое, были в отсутствии. Я был окружен придворными, ничего не знавшими. Политические тайны того времени оставались в ведении Екатерины, Потемкина и Безбородка. Никогда я не был так близок к особе государыни и так удален от дел.

Однако, наблюдая новое и двуличное направление австрийской дипломатии, нетрудно было понять, что император, хотя наружно и принял вид искреннего друга императрицы, чувствовавшего такую же, как и она, ненависть к туркам, однако готов был поддержать нас в старании предупредить несогласие с Портою. Основываясь на этом, я надеялся, что граф Кобенцель по приезде императора объяснит мне многое, так как политическое согласие, водворившееся между императором и императрицею, могло давать ему возможность узнавать тайны, мне неизвестные. Воображение Екатерины не могло оставаться в покое, оттого ее предначертания были более смелы, нежели обдуманны. Эта быстрота ума, казалось, нередко подавляла в зародыше некоторые из ее творческих замыслов. Она в одно и то же время хотела образовать среднее сословие, привлечь иностранную торговлю, заводить фабрики, распространить земледелие, утвердить кредит, умножить ассигнации, возвысить курс монеты и уменьшить лаж, строить города, основывать академии, населять степи, покрыть Черное море обширным флотом, обессилить татар, вторгнуться в Персию, расширить свои завоевания

в Турции, обуздать Польшу и распространить свое влияние на всю Европу. Все это были огромные предприятия, и хотя много дела предстояло в едва просвещенном государстве, однако было бы полезнее ограничить предметы преобразований или, по крайней мере, отказавшись от замыслов завоеваний, заняться внутренним благосостоянием, которое одно лишь доставляет истинную славу монархам. Впрочем, Екатерина уже пользовалась некоторыми плодами своих забот. Кроткое правление ее способствовало быстрому умножению населения; многие фабрики шли успешно; земледелие усиливалось быстро; вновь основанные школы постепенно смягчали нравы и разливали свет просвещения; суды решали справедливее и сообразнее с законами все дела, если только они не касались сильных особ; крепостная зависимость смягчилась; пожалование дворянству прав собираться, выбирать предводителей и судей и приносить жалобы монарху оживило деятельность помещиков, приучало их к занятиям и приготавливало, таким образом, правительству полезных деятелей, а вместе с тем предотвращало вредное влияние обеих столиц, изнуравших Россию сосредоточением всей промышленности, всего богатства и всей производительности империи.

Несмотря на то что мне высказывали желание сохранить мир, я замечал, однако, какую-то мнительность и беспокойство, не согласные с этими миролюбивыми намерениями. Так, например, всем иностранцам, желавшим ехать в Херсон, Крым и вообще в области, подведомые управлению Потемкина, отказывали в выдаче паспортов и лошадей. Ламет изъявил намерение ехать в Константинополь через Херсон. Ему не дали решительного отказа, но князь просил, чтобы я уговорил его отложить это предприятие. «При нынешних обстоятельствах,— сказал он мне,— эта поездка может не понравиться императрице. Она поверила бы тогда ложным подозрениям, которые ей внушают насчет французов, и это повредит нашим стараниям склонить ее к дружбе с вашим двором. Между Портой и нами по-настоящему нет разрыва; но так как обе стороны вооружаются, то императрице было бы неприятно знать, что французский полковник, которого она обласкала, проехал через все наши военные посты прямо в турецкий лагерь. Разумеется, в качестве министра я готов выдать вам нужные бумаги, если вы непременно этого потребуете; но как друг я советую вам избегать всего, что может повредить взаимному согласию, только что утвержденному».

Я отвечал, что думать так — значит, уже слишком много придавать значения поездке молодого француза, путешествующего для удовольствия и из любознательности; я уверял князя, что если бы нам грозила война с Англиею и какой-нибудь русский генерал случился тогда во Франции, то мы без всякого опасения пустили бы его из Бреста в Портсмут. Я, однако, исполнил его желание, потому что всегда старался водворять согласие и предотвращать ссоры. Хотя Ламета поразила такая недоверчивость, но он из дружбы ко мне решился снести эту неприятность. Мне казалось странным, что Шуазель не переставал тревожиться и жаловаться и усердно побуждал турок к вооружению, между тем как я уже послал ему депеши, чтобы успокоить его. Граф Безбородко объяснил мне, в чем дело: он сказал, что курьер, посланный месяц тому назад с его депешами к Булгакову и с моими к Шуазелю, был захвачен и ограблен на границе. Впоследствии будет объяснено, каким образом этот случай помешал успеху наших стараний успокоить Порту и предотвратить разрыв.

Через несколько дней после этого князь Потемкин намекнул мне о союзе, который, по его мнению, можно и должно было заключить между Россиею и Франциею. Пользуясь этим случаем, я сказал ему:

— Прежде всего нужно бы увериться в настоящих намерениях русского двора и узнать, откажется ли он искренно от мысли о разрушении государства, которого безопасность важна для многих значительных держав.

— Пусть так, — отвечал Потемкин, — если уж вы непременно хотите сохранить чуму и полагаете, что христианское государство или греческие республики будут менее благоприятны для вашей торговли, нежели гордые, своевольные и высокомерные мусульмане. Но, по крайней мере, вы бы должны были согласиться на то, что турок должно стеснить в более естественных, приличных им границах для избежания беспрестанно ожидаемых войн.

— Понимаю, — отвечал я. — Вам нужен Очаков и Аккерман: это почти то же, что требовать Константинополь. Это значит — объявить войну будто бы для того, чтобы доказать, что вы желаете сохранить мир.

— Вовсе нет, — возразил он. — Но если на нас нападут, мы возьмем вознаграждение такое, какое захотим. Если бы вы только захотели, есть возможность без всякой войны объявить Молдавию и Валахию независимыми и освободить эти христианские страны от меча злодеев и от грабежей разбойников.

— Без войны? — воскликнул я. — Никогда! Турки не

согласятся на такую уступку, пока не будут побеждены.

Разговор тем и кончился и послужил мне доказательством, что если могущественный министр так думает, то графу Безбородку трудно поддержать в императрице мирное расположение, к которому она склонялась и которое тогда, по-видимому, было чистосердечно и непритворно. Курьер из Константинополя привез Потемкину известия, которые возбудили негодование императрицы. Булгаков писал, что несколько французских офицеров, назвавшись купцами, отправились в Очаков. Я сказал князю, что так как границы Турции в опасности, то пусть он не удивляется, что Франция, ее союзница, употребляет для ее защиты офицеров, посланных нашим правительством в Константинополь, но что я не понимаю, для чего они скрывались под видом купцов, потому что мы действуем прямо и открыто. Англичане воспользовались этим случаем, чтобы возбудить подозрение императрицы, и в продолжение некоторого времени расположение ее ко мне изменилось в явную холодность.

В это время оппозиционная польская партия старалась воспользоваться пребыванием императрицы в Киеве, чтобы унижить в ее мнении короля Станислава. Потоцкий, своим доносом, и генерал Браницкий, чрез свою жену, племянницу Потемкина, уверяли князя, что король не соглашается на уступки, которые русские хотели приобрести в Польше. Но принц Нассау и граф Стакельберг уничтожили их проделки и помирили короля с первым министром. Князь де Линь писал по этому случаю: «Знаете ли, что делают здесь эти паны Великой и Малой Польши? Они обманываются, их обманывают, и они, в свою очередь, обманывают. Жены их льстят императрице и полагают, что она не знает, как ее осуждали под шумок последнего сейма. Все ловят взгляд Потемкина, а взгляд этот нелегко поймать, потому что князь не то близорук, не то кос. Прекрасные полячки добиваются Екатерининской ленты, чтобы кокетничать ею и возбуждать зависть своих родственниц и знакомых. Императрица недовольна посланниками английским и прусским за то, что они подстрекают турок, между тем как сама не дает им покою. Здесь желают и боятся войны; Сегюр всячески старается предотвратить ее. Я ничем не рискую, а скорее могу достигнуть славы, и потому искренно желаю войны; а приятель мой ставит мне в укор такое опасное желание, и я отказываюсь от него; но иногда вновь взволнуется кровь, и я опять возвращаюсь к моей мечте». Из этого видно, что этот друг, хотя и пользовался доверием Екатерины, не мог содействовать мне, чтобы утвердить в уме государыни мысль о мире.

Станислав предложил императрице вспомогательное войско — она не приняла его. Дела шли благоприятно для короля, но он не умел ими пользоваться. Глава буйного народа, легкомысленный, добродушный и роскошный, тогда как нужно было выказывать твердость и благородие, Станислав не снес легкий венец свой; его притесняли соседи и презирали подданные.

Зима миновала. Днепр освободился из ледяных оков своих; природа, сбросив траурный покров и засияв блеском весны, подавала Екатерине знак к отъезду. Мы отпраздновали день ее рождения. Помолясь усердно в Печерском монастыре, императрица раздала много наград, лент, бриллиантов и жемчугу. Де Линь сказал: «Киевская Клеопатра не глотает жемчугов, а раздает их во множестве». Наконец 22 апреля императрица пустилась в путь на галере в сопровождении великолепнейшей флотилии, которая когда-либо шла по широкой реке. Она состояла из 80 судов с 3000 человек матросов и солдат. Впереди шли семь нарядных галер огромной величины, искусно расписанных, с множеством ловких матросов в одинаковой одежде. Комнаты, устроенные на палубах, блистали золотом и шелками. Одна из тех галер, которые следовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фитц-Герберту; другая — де Линю и мне; прочие были отданы князю Потемкину и его племянницам, обер-камергеру, шталмейстеру, министрам и сановникам, которые удостоились чести сопровождать императрицу. На остальных судах поместились разные служители, пожитки, провизия. Г-жа Протасова и каждый из нас имел комнату и еще нарядный и роскошный кабинет с покойными диванами, с чудесною кроватью под штофною занавесью и с письменным столом красного дерева. На каждой из галер была своя музыка. Множество лодок и шлюпок носилось впереди и вокруг этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебством.

Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкие суда и катались вдоль берега, вокруг зеленеющих островков, которыми усеяна река. Множество народа громкими кликами приветствовало императрицу, когда при громе пушек матросы мерно ударяли по волнам Борисфена своими блестящими, расписанными веслами. По берегам появлялись толпы любопытных, которые беспрестанно менялись и стекались со всех сторон, чтобы видеть торжественный поезд и поднести в дар императрице произведения различных местностей. Порою на береговых равнинах Днепра маневрировали легкие отряды казаков. Города, деревни, усадьбы,

а иногда простые хижины так были изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами. Снег стаял; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрели цветами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали все предметы. Гармонические звуки музыки с наших галер, различные наряды побережных зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъезжали к большим городам, то перед нами на определенных местах выравнились строем превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом. Противоположность их щегольского вида с наружностью румянцевских солдат уже доказывала нам, что мы оставляем области этого маститого, знаменитого воина и вступаем в места, которые судьба подчинила власти Потемкина. Стихии, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучего любимца. Окружая императрицу такими дивами, когда она проезжала страны, недавно покоренные его оружием, он надеялся возбудить ее самолюбие и внушить ей желание и смелость решиться на новые завоевания.

Мы были свободны только по утрам и приятно проводили их в чтении, в разговорах, в переходах с одной галеры на другие и в прогулках по берегам. В час мы отправлялись на царскую галеру и обедали с императрицей. Стол ее, как всегда, был накрыт на десять приборов. Только раз в неделю она сзывала всю свиту, имевшую честь сопровождать ее. Тогда стол устраивался на огромном судне, где помещалось до 60 человек.

Чрез пять дней (апреля 27 (-го)) по отъезде нашем мы остановились в Каневе, где нас ожидал польский король. Здесь было назначено свидание Станислава с Екатериною. Оба они за 25 лет пред тем блистали любезностью и красотою и с тех пор немало изменились и в наружности, и в чувствах своих. Станислав, с нетвердою короною на голове своей, выпросил из страха и расчета краткое свидание у своей высокой покровительницы; согласие на это дипломатическое свидание было дано как уступка приличиям.

Я никогда не видал императрицы более любезною, как в первый день нашего плавания; за обедом было очень весело; мы все рады были, что выехали из скучного Киева, где льды держали нас целые три месяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолепие нашего флота, величественная река, движение, радость зрителей, толпив-

шихся на берегу, азиатская или воинственная пестрота в разнообразных нарядах тридцати различных народов, наконец, уверенность видеть каждый день новые, любопытные предметы — все это возбуждало и подстрекало воображение, которое в стремлении своем опережало нас самих. Не останавливаясь долго на одном предмете, мы в разговорах наших беспрестанно переходили от одного к другому. Мы сравнивали прежние времена с новыми, Францию с Грецией, Англию с Карфагеном, Пруссию с Македониею, империю Екатерины с Кирковою, рассказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила нам несколько случаев из жизни Петра Великого и Елисаветы. Когда мы дивились скорости, с какою она успела смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые, она сказала нам: «Правда, наши старики должны находить различие при сравнении их времени с нынешним. Я не могу без ужаса думать о положении народа в правление императрицы Анны, или, лучше сказать, ее министра Бирона; этот жестокий человек, которому она доверялась, лишил жизни и сослал более семидесяти тысяч человек».

Мы говорили о диких племенах, населявших отдаленные края ее империи. «Поток времени еще не коснулся до этих кочующих народов,— сказала государыня.— Они издавна сохраняют первоначальную простоту нравов: живут под шатрами, питаются мясом и скопами своих стад, подчинены начальникам, которые скорее отцы их, нежели владыки. Можно считать их счастливыми, потому что нужды их ограничены и легко удовлетворимы. Если бы, по прежним намерениям моим, я их образовала, то это, может быть, послужило бы к их развращению. Небольшая дань мехами их не обременяет, потому что они охотятся по привычке и по страсти».

В одном только отношении эти древние орды гуннов, киргизов, татар, известные прежде под многими названиями, значительно изменились. Долго они наводили страх своими кочеваньем, набегами и грабежами, но теперь образованные народы лишили их возможности делать новые завоевания, и эти племена потеряли прежний воинственный дух свой. Когда зашел разговор о их вере, шаманах, или волхвах, и идолах, императрица сказала нам, что иные из этих племен придерживаются каких-то непонятных верований, что жрецы их сохранили древнейший сборник молитв, притч и духовных песней, писанных на языке, совершенно неизвестном, и которые они читают по преданию, не понимая смысла их. «Это возбудило мое любопытство,— сказала она.— Я обратилась с запросами к уче-

ным, но они об этом предмете, как и о многих иных, казались ничего не знающими. Я, однако, приказала навести основательные справки. Наконец недавно уже открыли, впрочем еще не наверно, что эти молитвы писаны на древнем, священном языке индусов — на санскритском».

Так как в продолжение этой беседы императрица в беглом очерке изобразила учения законодателей Греции, Азии, Рима и Аравии, то я заметил ей, что она после этого, кажется, потеряла право смеяться над учеными по старой своей привычке.

— Точно, — прибавил де Линь. — После всего, что мы слышали, мы, по совести, принуждены включить вас в число тех ученых, на которых вы так нападаете.

— Да, я знаю, — сказала императрица. — Я вообще вам нравлюсь, и вы хвалите меня *«целиком»*, но, разбирая меня поподробнее, осуждаете во мне многое. Я беспрестанно делаю ошибки против языка и правописания. Сегюр знает, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить шесть стихов. Без шуток, я думаю, несмотря на ваши похвалы, что если бы я была частною женщиною во Франции, то ваши милые парижские дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отужинать с ними.

— Прошу вас вспомнить, государыня, — возразил я, — что я здесь представитель Франции и не должен допускать клевет на ее счет.

Но императрица, бывшая в духе, продолжала в том же тоне:

— Как вы полагаете, чем бы я была, если бы родилась мужчиною и частным человеком?

В ответ на это Фитц-Герберт сказал, что она была бы мудрым законоведцем, Кобенцель полагал, что она бы сделалась великим министром, а я уверял ее, что она сделалась бы знаменитым полководцем.

— На этот раз вы ошибаетесь, — возразила она. — Я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и в чине поручика в первую кампанию не снесла бы головы.

В другой раз мы говорили о предположениях, которые тогда делались в Европе по поводу ее путешествия. Мы все были одинакового мнения и уверяли, что везде будут думать, будто она с императором хочет завоевать Турцию, Персию, даже, может быть, Индию и Японию, наконец, что странствующий кабинет Екатерины занимает и тревожит все прочие.

— Стало быть, этот петербургский кабинет, находящийся теперь на волнах Днепра, кажется весьма значительным, если так тревожит другие?

— Точно так, государыня,— сказал тогда де Линь.— А между тем я не знаю ни одного, который был бы так мал: он и весь-то в несколько дюймов, потому что простирается от одного виска до другого и от переносицы до волос.

Нам предстояло проплыть 446 верст от Киева до Кайдака, где начинаются пороги и где мы должны были пересесть в кареты и ехать до Херсона.

Флот наш остановился под Каневом, в котором выставлены были польские войска в богатых мундирах, с блестящим оружием. Пушки с кораблей и из города возвестили прибытие обоих монархов. Екатерина послала на красивой шлюпке несколько генералов встретить короля польского. Король, чтобы избавиться от затруднительного этикета, хотел сохранить инкогнито, несообразное, впрочем, с торжественностью встречи, и сказал посланным, которые его сопровождали: «Господа, король польский поручил мне представить вам графа Понятовского».

Когда он вступил на императрицыну галеру, мы окружили его, желая заметить первые впечатления и слышать первые слова двух державных особ, которые находились в положении, далеко не сходном с тем, в каком они были некогда. Но мы обманулись в наших ожиданиях, потому что после взаимного поклона, важного, гордого и холодного, Екатерина подала руку королю, и они вошли в кабинет, в котором пробыли с полчаса. Они вышли, и так как мы не могли слышать их разговор, то старались прочитать в чертах их лиц помыслы их, но в них ничего не высказалось ясно. Черты императрицы выражали какое-то необыкновенное беспокойство и принужденность, а в глазах короля виднелся отпечаток грусти, которую не скрыла его принужденная улыбка.

Монарх обращался к тем из нас, которых знал, прочих представила ему императрица. Со мною он был очень любезен. Все было рассчитано, чтобы наполнить день, который с обеих сторон желали провести скорее. Все пересели в красивые шлюпки, чтобы переправиться на галеру, где должен был происходить обед. Трудно было представить себе судно великолепнее, изящнее и роскошнее этого. За столом по правую руку возле императрицы сидел король, по левую — Кобенцель; князь Потемкин, Фитц-Герберт и я поместились против их величеств.

За обедом мало ели, мало говорили, только смотрели друг на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здра-

вие короля при грохоте пушечного залпа. По выходе из-за стола король взял из рук пажа перчатки и веер императрицы и подал ей. После того он стал искать и никак не мог найти своей шляпы; императрица, заметив это, велела принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станислав сказал: «Когда-то, ваше величество, вы пожаловали мне другую шляпу, которая была гораздо лучше этой».

Мы возвратились на царскую галеру. Король пробыл еще немного времени и в восемь часов уехал в Канев.

Когда наступила ночная темнота, каневская гора заделалась огнями; по уступам ее была прорыта канава, наполненная горючим веществом, его зажгли, и оно казалось лавою, текущею с огнедышащей горы; сходство было тем разительнее, что на вершине горы взрыв более 100 000 ракет озарил воздух и удвоил свет, отразившись в водах Днепра. Флот наш тоже был великолепно освещен, так что на этот раз для нас не было ночи. Король пригласил нас к себе, и мы отправились. Он дал великолепный бал, но императрица отказалась участвовать в нем. Напрасно Станислав упрасивал ее остаться еще хоть сутки: пора милостей для него миновала! Екатерина сказала ему, что боится опоздать и заставить ждать императора, который должен был съехаться с нею в Херсоне. Мы уехали на другое утро; так минуло это свидание, которое, несмотря на пышную торжественность, займет место скорее в истории, нежели в романе... В некотором отношении оно было выгодно для короля: он успел разрушить замыслы партии, вредившей ему. Князь Потемкин даже пытался помирить с ним племянника своего, генерала Браницкого, но Браницкий так неохотно склонился к тому и вел себя так неприлично гордо, что они расстались, еще более недовольные друг другом, чем прежде. Так как король выразил совершенную покорность воле императрицы, то она, во уважение этого, решилась защищать его от врагов. Она пожаловала ему Андреевскую ленту, и с ее дозволения король надел орден Белого Орла на генерала Энгельгардта, племянника Потемкина. По отъезде из Канева Станислав Август поспешил на встречу с императором Иосифом II, надеясь снискать его расположение и отвратить опасность, грозившую ему со стороны могучего и честолюбивого соседа, уже обнаружившего желание свое распространить пределы Галиции. Император принял его ласково и уверял, что не только не замышляет гибели Польши, но что будет противиться другим державам в случае покушений их на эту страну. Тщетные обещания! В глазах самых строгих к себе государей политика редко подчиняется нравственным зако-

нам — польза руководит их действиями. Станислав, на время успокоенный, не замечал опасностей своего положения. Одна лишь сила упрочивает независимость; она уже потеряна, когда вся надежда возложена на чуждое покровительство. Только в случае готовности к борьбе можно внушить уважение к себе и найти союзников вместо покровителей.

Наше плавание было успешно. Иногда только нас задерживали противные ветры. 30 апреля мы благополучно прибыли в Кременчуг

Скучное пребывание в Киеве, зима и в особенности недовольный вид Румянцева расположили к грусти веселую императрицу. По высадке нашей в Кременчуге иная картина представилась взорам ее: весна, оживив природу, придала предметам праздничный вид, и светлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Дом обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины; английский сад, в котором волшебным образом князь Потемкин насадил огромнейшие деревья; прекрасный вид, украшенный тенистой зеленью, цветами и водою; 12 000 вновь снаряженного войска; собрание всего дворянства губернии, в богатых нарядах, и купцов, съехавшихся со всех концов империи; наконец, повсеместное движение после трехмесячного покоя и близость к цели этой необыкновенной поездки, занявшей внимание Европы, — вот чем открылись для меня эти новые зрелища. Удовольствие Екатерины при ежедневном виде новых занимательных предметов высказалось ясно. Потемкин, необыкновенный всегда и во всем, явился здесь столько же деятельным, сколько был ленив в Петербурге. Как будто какими-то чарами умел он преодолевать всевозможные препятствия, побеждать природу, сокращать расстояния, скрывать недостатки, обманывать зрение там, где были лишь однообразно песчаные равнины, дать пищу уму на пространстве долгого пути и придать вид жизни степям и пустыням. Станции были размещены таким образом, что путешественники не могли утомиться: флот останавливался всегда в виду селений и городов, расположенных в живописных местностях. По лугам паслись многочисленные стада; по берегам располагались толпы поселян; нас окружало множество шлюпок с парнями и девушками, которые пели простонародные песни, — одним словом, ничего не было забыто.

Надобно согласиться, что хотя Потемкин был плохой полководец, своенравный дипломат и далеко не великий государственный человек, но зато был самый замечатель-

ный, самый ловкий царедворец. Впрочем, если бы и сняты искусственную оболочку с его созданий, то осталось бы все-таки много существенного. Когда он принял в управление эти огромные области, в них было только 204 000 жителей, а под его управлением население в несколько лет возросло до 800 000— число, впрочем, еще незначительное для пространства на 800 верст в длину и 400 в ширину.

Приращение это составляли колонисты греческие, немецкие, польские, инвалиды, уволенные солдаты и матросы. Один француз, поселившийся здесь за три года до нашего приезда, сказал мне, что, проезжая ежегодно эту страну, он находил новопостроенные, богатые селения там, где за год были пустыни.

В Кременчуге Потемкин доставил нам зрелище больших маневров, в которых участвовали 45 эскадронов конницы и многочисленная пехота. Я редко видывал такое прекрасное и блестящее войско. Движения их могли дать нам понятие об этой тактике, страшной для турок, может быть, и недостаточной против других войск. Впоследствии мы дали им славные уроки, которыми они прекрасно воспользовались. Вся их тактика, в то время, как я их видел, состояла в движении четырьмя колоннами с цепью стрелков впереди, предшествуемых казачьим отрядом. Предположив, что неприятель приближается в значительных силах, колонны строились в четыре большие трехшеренговые каре; казаки отступали за колонны и, построясь фронтом в одну шеренгу, становились в их интервалы таким образом, что весь боевой порядок имел вид четырех бастиев и двух куртин; артиллерия становилась в углах каре. В эту минуту, предполагая, что каре оружены неприятелем, как обыкновенно бывает в сражениях с турками, вдруг открывался сильный огонь, после которого, если неприятель приведен в замешательство, каре двигалось, стрелки высылались вперед, а казаки, опустив пики, с гиком бросались на опрокинутого неприятеля, чтобы довершить его поражение.

После блистательного смотра войск императрица, чтобы выразить князю свое удовольствие, в порыве искренней радости сказала ему: «От Петербурга до Киева мне казалось, что пружины моей империи ослабли от употребления; здесь они в полной силе и действии».

Следуя непрременной привычке своей, императрица и здесь принимала духовенство, местное начальство и купцов, потом пригласила все дворянство на вечер, кончившийся балом, и вслед за тем возвратилась на свою галеру.

Несмотря на то что река становилась все шире, плавание наше затруднялось. Часто противные или слишком

слабые ветры прибивали нас к островам или останавливали на мели; иногда мы принуждены были стоять на якоре целые сутки. Но вид незнакомых мест, приятность поездки через страну, где недавно еще жили запорожские казаки, разбойники и враги всякого труда, а теперь поселились люди мирные и трудолюбивые, наконец, уютность наших галер, приятное чтение и беседа — все это сокращало время так, что незначительные остановки на этом дальнем пути доставляли нам развлечение. Даже императрица, казалось, была так довольна собой и нами, что с досадою ожидала скорого окончания нашего плавания. Она должна была поспешить, чтобы не заставить долго ждать императора, который тогда, по дошедшим к нам известиям, уже прибыл в Херсон.

Де Линь, будучи двадцатью годами старше меня, удивлял меня живостью своего воображения и юношеским умом. Рано утром будил он меня стуком в тонкую перегородку, которая отделяла его кровать от моей, и читал экспромты в стихах и песенки, только что им сочиненные. Немного погодя его лакей приносил мне письмо в 4 и 6 страниц, где остроумие, шутка, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы мешались самым оригинальным образом. Он требовал немедленного ответа. Ничего не могло быть последовательнее и точнее этой странной, ежедневной переписки, которую вели между собою австрийский генерал и французский посланник, лежа стена об стену в галере, недалеко от повелительницы Севера, на волнах Борисфена, в земле казаков и на пути в страны татарские! Множество разнообразных забав, любопытные и остроумные рассказы Екатерины, дельные, хотя несколько грустные, рассуждения Фитц-Герберта, шутки Нарышкина и неутомимая веселость Кобенцеля, который заставлял нас разыгрывать пьески в спальне государыни, — все это приятно разнообразило наш досуг.

Между тем препятствия и задержки на пути умножались, нетерпение государыни возрастало, как вдруг мы получили известие, что император на другой день по приезде в Херсон выехал оттуда и поспешил в Кайдак, от которого мы были недалеко. Император намеревался выехать навстречу царской галере. Но Потемкин, который отправился вперед в Кайдак, предупредил об этом императрицу, вследствие чего она вышла на берег, оставила почти всех нас на галерах, села в карету, поспешила навстречу императору и встретила его близ одинокого казацкого хуторка, где монархи пробыли несколько часов и вместе отправились в Кайдак, куда и мы приехали на следующий день, 8/19 мая утром.

Так как императрица собралась в путь с такою поспешностью, что даже не взяла достаточной прислуги, то не легко было приготовить обед для двух державных особ. Князь Потемкин, генерал Браницкий и принц Нассау весело состряпали обед как умели, и, разумеется, плохо; иначе нельзя было и ожидать от таких сановитых поваров.

Мы пробыли в Кайдаке 8-е число, чтобы дожидаться если не всех судов, потому что многие из них сели на мель, то, по крайней мере, тех, на которых находились люди и вещи, необходимые для продолжения нашего путешествия. 9 мая мы расположились в палатках в восьми верстах от Кайдака, на месте, где императрица хотела построить Екатеринослав. В царском шатре отслужили молебен, и государи в присутствии архиепископа совершили закладку собора нового города в чрезвычайно красивой местности. Он должен был быть построен на высоте, с которой далеко виден извивающийся Днепр с его лесистыми островками, оживляющими его течение в этом месте. После этого мы обедали в усадьбе местного губернатора. Она была расположена по берегу реки, в виду главнейшего порога, который долго считался непреодолимым препятствием для прохода торговых судов. В самом деле, Днепр в этом месте во всю свою ширину загроможден цепью скал, из которых одни равны с водою, а другие высятся над ее уровнем и местами образуют несколько столь шумных водопадов, что мы не могли слышать слова друг друга. Поток здесь с яростью и пеною бьется о скалы. С первого взгляда кажется, что невозможно проехать между этими скалами на самом легком челне и с самыми отважными гребцами. Однако ж невдалеке стояли на якоре большое судно и лодка, назначенные для проезда через пороги. Князь Потемкин, принц Нассау и я хотели было отважиться на эту поездку, но нас остановило решительное запрещение императрицы. Суда в виду нас счастливо прошли опасный пролив с быстротою стрелы. Но их так сильно качало, что, казалось, они ежеминутно могут разбиться или исчезнуть в волнах; особенно мелкие лодки беспрестанно исчезали из виду. Нам сказали, что при полной воде проезд этот удобнее, особенно при помощи ловких старых запорожцев, привыкших к таким опасным подвигам. Князь Потемкин так полагался на их опытность и уверение, что предположил спустить до Херсона все суда, на которых мы плыли из Киева до Кайдака...

Накануне нашего приезда в Херсон мы переехали реку Каменку, некогда служившую рубежом между ногайскими

татарами и казаками. После поездки по 400-верстному степному пространству нас неожиданно и приятно поразил вид Херсона. Но и без этого обстоятельства мы не могли не дивиться при виде стольких новых величественных зданий. Мы увидели почти уже оконченную крепость, казармы на 800 000 человек, адмиралтейство со всеми принадлежностями, арсенал, заключающий в себе до 600 орудий, два военных корабля и фрегат, снаряженные к спуску, публичные здания, воздвигаемые в разных местах, несколько церквей прекрасной архитектуры, наконец, целый город, уже торговый, с 2000 домов и лавками, полными греческих, константинопольских и французских товаров; в гавани его заходили и стояли до 200 купеческих судов. Если присоединить к этому 18 000 рабочих, блестящее войско, присутствие нескольких иностранных дипломатов и путешественников в стране, приобретенной Россией только со времени Кайнарджийского мира, которою занялись недавно и только три года пред тем освободили от татарских набегов, то можно себе представить, в какой степени зрелище это льстило самолюбию императрицы, и понятно удивление присутствующих и восторг, с каким они превозносили дарование и подвиги Потемкина.

Правда, что очарование было мимолетное, и удивление наше несколько охладилось размышлением. Рассмотрев Херсон вблизи и подробно, мы заметили, что его местоположение дурно выбрано, что корабли вообще не могут подыматься по Днепру иначе, как без груза, а военные суда, здесь построенные, не могут свободно спускаться по реке без помощи камелей⁵⁸. Не было ни набережной, ни пакгаузов для товаров, судебные места были худо устроены и отправляли дела медленно и дурно, наконец, испарения болот и островков возле города вредно действовали на здоровье жителей.

Я решился сообщить Потемкину эти замечания, которые я слышал от многих купцов. Чтобы поправить дело, князь предполагал устроить порт в 30 верстах ниже по Днепру, учредить карантин, построить набережную и магазины, преобразовать суды и осушить окружные болота. Он уже истребовал и получил деньги, нужные для некоторых из этих работ. Но высушка болот мне казалась невозможною; для этого нужно было истребить весь тростник, необходимый для топки и покрышки домов в этом краю, где на пространстве нескольких сот верст не было и лесу.

Первые дни нашего пребывания в Херсоне были употреблены на разъезды по городу, на парадные приемы, обе-

ды, на которых бывало до 120 гостей, концерты и балы. Императрица пригласила нас обедать с нею на даче, верстах в 15 от Херсона.

На следующий день мы присутствовали с нею при спуске 120-пушечного корабля, другого, 66-пушечного, и одного фрегата. На следующий день при дворе был парадный бал, во дворце, построенном не слишком прочно, но изящно.

Императрица намеревалась отправиться в Кинбурн, в виду Очакова, но это было похоже на военный осмотр турецкой территории и уже чересчур смело. Прибытие турецкой эскадры, состоявшей из 4 кораблей и 10 фрегатов и вошедшей в лиман близ Очакова, отстранило намерение Екатерины; эта неудача произвела на нее неприятное впечатление. Когда нам уж нечего было делать в Херсоне, мы отправились в Крым, вослед за двумя державными предводителями нашего каравана.

Говоря о Херсоне, кстати сообщим полученные нами тогда известия о ходе военных переговоров в Константинополе. Неожиданное появление турецкой эскадры в устье Днепра и приезд нескольких французских офицеров в Очаков возбудили в русских министрах и придворных неудовольствие, возраставшее до негодования. «Как понять это, — говорили они, — что именно в то время, когда только что подписан был дружественный трактат с Францией и французский посол сопровождает императрицу, которая оказывает ему внимание и доверие, мы видим, что французские инженеры занимаются устройством артиллерии, флота и приготовлениями к войне у врагов наших!»

Князь Потемкин несколько раз с жаром и негодованием говорил мне об этих мнимых кознях французского правительства и упрекал меня в том, что я поднял пустую тревогу и только подстрекнул этим турок к неприязненным действиям, которые могли повести к войне. Если бы я хотел употребить хитрость, притвориться, будто ничего не знаю, и осудить эти действия, исполненные по моим же советам, то не успокоил бы негодующего князя и только потерял бы то уважение, которое снискал своею прямою. Поэтому я отвечал не как царедворец, а как министр, что турки имеют повод беспокоиться, что поведение Булгакова в отношении к Шуазелю отняло у нас всякую возможность успокаивать их далее; в заключение я прибавил даже, что мы бы должны были поощрять, одобрять и поддерживать оборонительные меры Порты: «Наш образ действий откровен и неизменен. Мы всегда объявляли, что хотя король

всячески старается об удовлетворении справедливых жалоб России, однако же, руководясь высокими целями, решил употребить с своей стороны все возможные средства, чтоб охранять безопасность Оттоманской империи. Нечему удивляться, что, несмотря на ваши мирные уверения, которые, конечно, искренни, Порта принимает благоразумные предосторожности. Поставьте себя на ее месте... Если бы султан приехал в Очаков с своими визирями, с могущественным союзником, с грозным флотом и 150 000 армиею, то, разумеется, это вас бы несколько обеспокоило; вы стали бы настороже и принялись бы укреплять Херсон и собирать войска».

Мои доводы были неоспоримы; князь мне не возражал. Откровенная речь моя успешнее подействовала, чем неловкая скрытность. Холодность императрицы в обращении со мною исчезла мало-помалу.

В Каневе видел я государя, лишенного власти и значения, но окруженного величием и блеском, свойственным великим монархам. По странной противоположности, в Херсоне увидел я могущественного императора, отличавшегося простотою внешности, скромного и приветливого, врага всякой принужденности. Он допускал и сам заводил разговор обо всем, без всяких притязаний блистать чем-либо, кроме обширного знания, основательных суждений и образованного ума. Когда Екатерина хотела представить меня Иосифу II, он сказал ей: «Здесь я только граф Фалкенштейн, а потому мне самому следует представиться посланнику Франции».

Иосиф приехал в Россию в простой коляске в сопровождении одного генерала и двух служителей. При строгом соблюдении инкогнито он имел выгоду и удовольствие лучше все видеть и слышать, поэтому он непременно хотел, чтобы его принимали не как монарха, а как обыкновенного путешественника. Каждое утро приходил он к императрице перед ее выходом и, вмешавшись в толпу, вместе с прочими ожидал ее появления. Днем гулял он по окрестностям, и так как я имел счастье ему понравиться, он делал далекие прогулки вместе со мною запросто, взяв меня под руку. В разговорах со мною он дал мне понять, что мало сочувствовал честолюбивым замыслам Екатерины. В этом отношении политика Франции ему нравилась. «Константинополь,— говорил он,— всегда будет предметом зависти и раздоров, вследствие которых великие державы никогда не согласятся насчет раздела Турции». Его не поражали быстрые успехи русских предприятий. «Я вижу более блеска, чем дела,— говорил он.— Потемкин деятелен, но

он более способен начать великое предприятие, чем привести его к окончанию. Впрочем, все возможно, если расточать деньги и не жалеть людей. В Германии или во Франции мы не посмели бы и думать о том, что здесь производится без особенных затруднений».

В другой раз разговор зашел о Потемкине. Иосиф сказал, между прочим: «Я понимаю, что этот человек, несмотря на свои странности, мог приобрести влияние на императрицу. У него твердая воля, пылкое воображение, и он не только полезен ей, но необходим. Вы знаете русских и согласитесь, что трудно сыскать между ними человека, более способного управлять и держать в руках народ еще грубый, недавно лишь тронутый просвещением, и обуздать беспокойный двор».

Кобенцель, видя внимание ко мне императора, тоже становился со мною откровеннее и доверчивее. Но хотя он искренно уверял меня, что ему предписано содействовать мне в утверждении мира, он боялся, чтобы император не склонился к войне, если императрица, ограничиваясь предположением занять Очаков и Аккерман, отстранит мысль о дальнейших завоеваниях. Но Кобенцель говорил мне, что император крайне неохотно согласится на это, потому что будет опасаться разрыва с Пруссией и Францией в случае такой уступки в пользу своей союзницы.

Между тем из Константинополя приехали Булгаков и Герберт, интернунций императора, и между ними, графом Безбородком и мною начались переговоры. Мне сказали, что дела все более и более запутываются, что в Кандии чернь предалась неистовствам и сорвала флаг с дома русского консула. Также носились слухи, что в Родосе, вследствие возмущения, русский консул убит. Мы сговорились, с согласия императрицы, изложить письменно несколько предложений и тут же условились о главных пунктах.

Проводив нас до Севастополя, Булгаков должен был отправиться в Константинополь и представить эти предложения Порте, сообщив их, однако, наперед французскому послу и австрийскому интернунцию, и действовать согласно с ними.

Граф Безбородко уверял меня, что он немало упрекал Булгакова за его поведение в отношении к Шуазелю, чем русский посол встревожил турок. Так как Безбородко говорил совершенно то же, что Кобенцель, то я не мог сомневаться в его чистосердечии. Основные пункты предложений, нами составленных согласно с прежними договорами, были следующие: Порта должна выдать требуемый

фирман; споры о зависимости Грузии прекращаются; Порта должна принудить алжирцев возвратить захваченные ими русские суда, дозволить русским наказать кубанских татар, которые тогда взяли в плен до 1000 русских, и удерживать за пределами Буга запорожцев, поселившихся на ее землях; затем турки должны обязаться вперед не забирать соли в Крыму более установленного количества, не возобновлять требований о выдаче господаря Маврокордато, бежавшего в Россию, и, наконец, наказать бунтовщиков, которые нанесли обиду консулам императрицы в Родосе и Кандии. Эти требования были справедливы. Но, несмотря на это, легко могло случиться, что в случае неискренности в действиях последовал бы отказ, стоило только, вручая этот акт, принять высокомерный и грозный вид. Князь Потемкин мог отважиться на это, имея под руками готовую армию, состоявшую из 153 000 человек, совершенно снаряженных и расположенных в Кременчуге, Херсоне, Елисаветграде, Полтаве и Крыму.

Новое обстоятельство подтвердило, однако, надежды на мир. Иосиф II получил неприятное известие из Нидерландов, где возникали беспокойства. Эти смуты, разумеется, отвлекли его от мысли содействовать императрице, если бы она захотела начать войну с турками. В это же время прибыл в Херсон неаполитанский дипломатический агент г-н Галло под предлогом изъявить императрице дружественное расположение своего двора, но, собственно, он имел целью осмотреть Херсон и изведать средства к выгоднейшему употреблению торговых льгот, которые неаполитанское правительство упрочило договором.

17 мая мы отправились из Херсона в Кизикермень, находящийся на правом берегу Днепра, в 75 верстах от Херсона... Здесь мы переправились через Днепр. По выходе на противоположный берег императрица была встречена семьями знатных татар, явившихся с приветствием и последовавших вслед за государынею. Отсюда до Перекопа мы поехали Ногайскою степью. На этой безлесной равнине только в одном месте видны следы человеческого труда: это древний белокаменный мост над небольшою речкою, называемою Колончаком. Татары, как арабы, состоят из нескольких орд, из которых одни живут по крымским городам, а другие кочуют по степи со своими многочисленными стадами. Когда страна эта была завоевана русскими, большая часть этих кочующих орд покинули ее и двинулись на Кубань, и потому мы застали только небольшие станы их; шатры, табуны лошадей, стада и верблюды их несколько оживляли однообразный вид.

Так как Потемкин всегда старался преодолевать препятствия, разнообразить величественные картины, представлявшиеся взорам императрицы, и оживлять даже пустыню, то он устроил стан из 30 нарядных и богато убранных шатров; вокруг них нежданно перед очами Екатерины появилось 50 эскадронов донских казаков. Их живописный азиатский наряд, быстрота движений, легкость лошадей, их гарцевание, гикание, пики — все это дало нам возможность позабыть, что мы в степи, и приятно провести время, которое иначе показалось бы долгим и скучным.

Императрица, будучи недовольна мною, не говорила со мною в продолжение нескольких дней, но здесь она обратилась ко мне с прежней ласкою. Кто-то усердно постарался уверить ее, что я намереваюсь воспользоваться отпуском и отправиться во Францию. Поэтому в Кизикермене, садясь в карету, она сказала мне:

— Напрасно вы связываете себя, граф. Если вам скучно в степи, то кто же вам мешает отправиться в Париж, где вас ожидает столько удовольствий?

И затем она села в карету, не дождавшись моего ответа.

Понятно, что я горел нетерпением получить объяснение этих странных, неожиданных слов. Только что она расположилась в своем шатре, я подошел к ней и попросил ее истолковать мне смысл этой непонятной шутки.

Императрица сказала мне:

— Это вовсе не была шутка. Я уже не раз вам говорила, что ваши парижские красавицы, без сомнения, сожалеют о вас, что вы должны проехать 6000 верст по варварской стране, по степям, со скучной царицей. А потому, узнав, что вам прислали отпуск, я не хотела со своей стороны задерживать вас, хотя мне и не хотелось бы вас отпускать.

Я с жаром опровергал ее неосновательное мнение обо мне и моих чувствах к ней.

— Стало быть, ваше величество, — отвечал я, — вы считаете меня человеком слепым, неблагодарным, безрассудным и с грубым вкусом. Я даже, к моему горю, принужден видеть в этом остаток вашего предубеждения вообще против всех французов, но они не заслуживают такого неосновательного осуждения. Нигде вас так не уважают и не ценят, как во Франции, и в этом отношении я верный представитель своих соотечественников. К искреннему моему сожалению, я должен буду на время уехать по

возвращении вашем в Петербург, но если вам угодно, чтобы я ехал ранее, то это будет для меня то же, что ссылка.

— Я этого вовсе не хочу,— сказала она с улыбкою.— Напротив того, мне бы хотелось, чтобы вы всегда могли быть при мне, и вы это очень хорошо знаете. Хоть я немножко и посердилась на вас по случаю недавнего посещения, которым меня удостоили ваши умные ученики, бородатые турки, но теперь моя досада прошла совершенно.

После этого она стала говорить о предложениях, сделанных ею Порте, и, между прочим, сказала:

— Король увидит, что я уступчива, искренно желаю мира и вовсе не так честолюбива, как обыкновенно полагают.

С этой поры государыня была со мною снова очень любезна и приветлива.

Впрочем, когда разошлись от императрицы, Иосиф II, желая воспользоваться прекрасною ночью, взял меня под руку и отправился со мною гулять. Мы довольно долго ходили по этой обширной равнине, где взор не находил преград. При виде нескольких верблюдов и татарских пастухов, бродивших в степи, император сказал мне:

— Какое странное путешествие! Кто бы мог подумать, что я вместе с Екатериною II, французским и английским посланниками буду бродить по татарским степям! Это совершенно новая страница в истории!..

— Мне, скорее, кажется,— отвечал я,— что эта страница из «Тысячи и одной ночи», что меня зовут Джафаром и что я прогуливаюсь с халифом Гаруном аль-Рашидом, по обыкновению своему, переодетым.

Чрез несколько минут после того император вдруг остановился и, протирая себе глаза, сказал:

— Право, я не знаю, наяву ли это, или ваши слова о «Тысяче и одной ночи» подействовали на мое воображение: посмотрите в ту сторону...

Я обернулся, и предмет, поразивший его, и мне показался не менее странным. В самом деле: шагах в 200 от нас высокая, огромная палатка сама собою двигалась по земле и приближалась к нам. Несмотря на высокую траву, мы тотчас же побежали, чтобы поближе посмотреть на это диво. Палатка остановилась, и из нее вышло до 30 человек калмыков. Император приказал мне войти и, вероятно, знаками объяснил калмыкам, чтоб они вошли за мною и опустили занавес, который закрывал вход в палатку; таким образом император, в шутку, сделал меня пленником калмыков. Тогда я понял все.

Вот устройство их жилищ: из планок делается решетка и составляется круглая загородка около 4 футов вышиною, сдерживаемая сверху деревянным обручем, который образует карниз. На этом круге утверждают длинные шести футов в 30, которые на вершине скрепляются деревянным кружком. Вся эта решетка затягивается ремнями. Этот остов накрывается верблюжьей кожей до земли. Покрывало это поднимают с той стороны, которая защищена от ветра и солнца. Куски той же кожи служат вместо кровати и диваном. Наверху оставляют отверстие для дыма. В таком шатре удобно помещается до 30 человек, а вокруг них располагается их скот. Когда они оставляют место кочевья, то снимают покрывало, разбирают подставки, складывают решетку в связки и все это сваливают на телегу. Но если калмыки хотят только переменить место для того, чтобы найти лучшее пастбище скоту, то, не расстраивая своего жилья, став внутри палатки и обращаясь все в одну сторону, приподымают на себя решетку и таким образом переносят эти легкие дома. Именно этот перенос и послужил причиною нашего удивления, когда мы вдруг увидели движущийся шатер, между тем как не видно было ни людей, ни животных, двигавших его. После того как я прошел несколько шагов под шатром, меня выпустили, и я увидел императора, смеявшегося над моим заключением. Он сам вошел в шатер и согласился со мной, что это жилье довольно уютно для тех, кто привык к нему, и что оно может служить хорошею защитою от всяких непогод во всякое время года.

На другой день мы достигли узкого Перекопского перешейка, отделяющего Черное море от Азовского. Он перерезан от одного моря к другому стеною и рвом. Здесь видно каменное и четырехугольное укрепление и поселение, состоящее из нескольких домишек. Перекоп есть ключ и ворота ко входу в Крымский полуостров, которому новая владычица его возвратила старинное название Тавриды...

Государыня-победительница имела приятную возможность торжественно вступить в Тавриду и занять престол татарских ханов, которых предки не раз заставляли русских князей являться с поклонами к высокомерным предводителям Золотой Орды.

19 мая мы проехали через знаменитую Перекопскую линию, которая, несмотря на выгодное положение и глубину рвов, никогда не могла остановить неприятелей и теперь осталась только как предмет любопытства. Мы

осмотрели также и защищающую ее крепость Ор. При выезде нашем мы увидели довольно значительный отряд татарских всадников, богато одетых и вооруженных: они выехали навстречу государыне, чтобы сопровождать ее на пути.

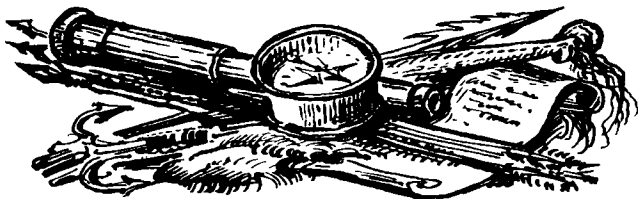
Монархиня, с мыслями всегда возвышенными и смелыми, пожелала, чтобы во время ее пребывания в Крыму ее охраняли татары, презиравшие женский пол, враги христиан и недавно лишь покоренные ее власти. Этот неожиданный опыт доверчивости удался, как всякий отважный подвиг.

П. С. ПАЛЛАС

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО
РАЗНЫМ
ПРОВИНЦИЯМ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

КРАСНОЯРСК

По прибытии моем в Красноярск, чем я заключил вторую часть моего путешествия¹, погода стояла чрезвычайно тихая и приятная; но сколь в полуденной стороне Сибири она непостоянна бывает, столь почти во всех к востоку лежащих гористых землях обыкновенно ясною осенью наслаждаются. Во всем октябре 1771 года хотя разные пасмурные и холодные, однако по большей части приятные и благорастворенные дни стояли, но жестокие ночью морозы продолжались непрерывно, и потому в середине еще сего месяца река Кача замерзла, а на Енисее 22(-го) дня стал лед появляться. В последней же половине октября по большей части бури случались, которые даже и до 19 ноября с великою жестокостью беспрестанно стояли. Таковым ненастьям Красноярский уезд из году в год столь часто бывает подвержен, что в Сибири, где обыкновенно по гористому ее состоянию ветры чаще и сильнее держатся, нет почти другого места, где б воздух так был в беспрестанном движении, как здесь. По 18(-е) число ноября было несколько снежно и дождливо; потом легким морозом так закрепило, что 20(-го) дня Енисей весь льдом покрылся. Обыкновенно за быстрым реки течением сие не прежде случается, как в последней ноября половине, а вскрытие в апреле бывает.

Сибирская зима еще только в декабре и январе появилась, какая, однако, здесь редко столь долго и сильно бывает. Термометр в ночи с седьмого на восьмое число декабря стоял на 196(-м) градусе², 9(-го) д(ня) поутру — на 194(-м) гр(адусе), 10(-го) д(ня) — на 203(-м)

гр<адусе>, 11<-го> д<ня> — на 209<-м> гр<адусе>, а 12<-го> д<ня> — на 202<-м> гр<адусе>, потом переменялась в оттепель; в начале нового года опять чрезвычайная стужа настала, так что 5 января — 201 гр<адус>, 6<-го> дня — 206 гр<адусов>, 8<-го> дня — 212 гр<адусов>, а 9-го еще 196 гр<адусов> термометр показывал. Ужасный северо-западный ветер 19<-го> числа прекратил сию жестокую погоду, а после настали продолжительные с запада ненастья, кои снег от часу умножали. Таким образом, зима стояла умеренно и одинаково, только что в конце февраля несколько сильных было морозов, которые после в теплые солнечные дни переменялись, отчего по сторонам песчаных здешних гор снегу много стаяло, и верхи довольно оголились.

Город Красноярск почти еще таков же, каков был в бытность профессора Гмелина³, или очень мало переменялся. Кроме соборной церкви, которую каменную строить начали, однако совершить еще не в состоянии, в публичных строениях совсем не прибавился, так как и число обывателей, несмотря на великое расселение по степи, почти ничем не умножилось, и весьма мало хороших купцов, а рукодельных, впрочем, самонужнейших почти совсем не находится. Может быть, нерадение простых людей и праздники, которые за чрезвычайной дешевизною хлеба и излишком всего, к житию потребного, бывают главною худому приращению сего места причиною: ибо иначе Красноярск к купечеству способнейшее место; все, что российские купцы зимою на торг к китайцам ни отвезят, проходит чрез оный город; проезжая же чрез Томск — город, недалеко отсюда лежащий, множество тут закупают простых соболей и другой в Китай похожей рухляди. От ноября даже до февраля можно видеть многие тысячи обозов, которые, нимало не останавливаясь, проходят чрез город, потому что хозяева обыкновенно вперед уезжают, чтоб на чистые деньги заблаговременно закупить все, что из рухляди им ни попадет. Российские товары в Красноярске обыкновенно дороже продаются, нежели в Иркутске, а китайские — посредственною ценою, однако всегда выше настоящего, понеже расход оных невелик, и только два купца, которые таковые держат в состоянии, так и сии цену накладывают по их обиходу и, можно сказать, себе без урона.

Вокруг Красноярска чем более урожая, тем жить дешевле; да я и совершенно уверен, что, хотя в благополучной сей империи нет ни одного уезда, где б на дороговизну жаловаться можно было, однако ни в которой части

сего государства земные продукты так дешевы не найдутся, как здесь. Едва можно поверить, если скажу, что, как я туда приехал, в городе ржаной муки пуд по две копейки и по пяти денег, пшеничной же по четыре копейки с деньгою и по пяти продавали, мясо от пятнадцати до двадцати пяти копеек пуд, а целого быка за полтора рубля, корову за рубль, рабочую лошадь за три, за два рубля и меньше достать можно, овцы от тридцати до пятидесяти копеек, свиньи же немного дороже. Но в то же время, поелику многие хлеба отправки по Чулыму и Оби то на Колывано-Воскресенские горные заводы, то на пограничные по Иртышу крепости воспоследовали, также следующей зимою на Тулуме и в городе винокурни, магазинны на казенный кошт завелися, то и цена на хлеб возвысилась; однако рожь не свыше пяти и шести копеек осталась. Итак, из сего можно заключить, сколь велико изобилие в Красноярском ведомстве в хлебе. И хотя правда, что немногие в самом городе покупают, поелику большая часть обывателей своими собственными полями и скотом довольствуется, однако ж недавно заведенное хлебное отправление в северные по Енисею и в Иркутской губернии находящиеся бесплодные места, как и в Сургут и Нарым, довольно могло б возвысить настоящую цену, если б изобилие сего уезда не было чрезвычайно. О всеобщем недороде, кроме обыкновенно хорошей жатвы, здесь не знают и примеру: ибо от посева рожь летом сам-десята, озимь сам-осьма, а ячмень самодвенадцатой приходит. <...> Простая греча, хотя ее и очень мало сеют, но если случится, то по причине доброты земли, где она как трава зарастает, не иначе как на обветшалой сеять должно, да и там в двенадцать и пятнадцать крат больше приносит. Повсюду одинакое состояние полей — из легкого чернозему по горам и по долинам — запрещает употребление здесь более вредного, нежели полезного растениям навозу, как то по опытам известно; однако большая часть оных, если только чрез два года отдыхать оставляются, 10 и 15 лет плодоносны бывают. Но если урожай и уменьшится, то довольно для мужика по степи и по нагорью для заведения новой пашни места найдется, что и делают обыкновенно вскоре после летнего посева. Вспахивают таковое новое поле, или залог, в начале июня, коренья заборанивают и в конце того ж месяца, еще перепахав, оставляют лежать чрез весь июль под наступающую в августе озимь, которую ныне только что заборонить остается, или оставляют и до следующей весны под пшеницу, в котором случае его еще раз вспахать бу-

дет надобно. Зимовалая же, хотя в Казанском ведомстве и по Каме довольно и с пользою урожается, однако нигде в Сибири не бывает. По снятии первого хлеба дают ему (полю) отдыхать целую зиму без вспахивания, и тогда называют его перелогом, а следующим летом так, как в третий год, под летний посев, употребляют. На четвертый год, два раза вспахавши, оставляют под пары до осени или до весны следующего года, ибо по большей части невысокие поля сряду по два года и более, высокие, сухие и несколько песчаные около двух лет всякий хлеб, не выключая коноплей и гороху, приносить могут.

Я несколько распространил свое описание о полях Восточной Сибири, желая показать, сколь благополучен в плодородной сей стране крестьянин и сколь нужно бы таковую обнародить. Красноярский уезд в длину и ширину почти на 600 верст простирается, но при всем том немногим более 15 000 народу мужеска полу имеет, в коем числе и три тысячи татар и других сибирских народов, никаких полей не имеющих, а одною звериною ловлею питающихся, полагаются. Однако же что до других уездов касается, далее к востоку лежащих, то Красноярск числом жителей пред ними еще может иметь преимущество. Но если кто вспомнит, что нет почти двухсот лет, что Сибирь столько многолюдна была, как и Северная Америка, и столь же неизвестных степей имела, тот удивится, глядя на нынешнее ее состояние, что русских ныне число гораздо превышает собственных ее уроженцев. И справедливо, что как открытие и скорое приведение в высшее состояние сих пространных, неизвестных и вовсе диких земель, даже до самого восточного океана, свойству, бесстрашию и постоянству российской нации приписать должно, так наипаче и беспрестанное население тех же, как достойнейший пример благоразумности правления между достопамятностями в вечную похвалу остаться имеют; да и не неудобно то учинить, чтоб в немногие столетия желанного конца достигнуть в такой стране, где, сверх изобилия, во всех потребностях для простого мужика здоровый и беспрестанными ветрами расчищенный горный воздух, чистая, по камню текущая вода и прибылейнейшие берега имеются; где жители при всякой невоздержанности, однако, обыкновенно до глубокой старости достигают и многих детей рожают. Сверх хлебопашества, хотя в полуденных местах Сибири и Красноярского ведомства всякие огородные овощи с пользою разводить можно, однако сибиряки о том мало стараются, только что некогда ранние иныи, а более всего часто

случающиеся в мае напоздны нежным растениям вредить могут, и для того только, что огурцы да тыквы, а дыни и арбузы совсем не успевают. Для сильного походу табаку в языческие народы начали оный сеять с нарочитою пользою, однако еще не совершенно знают, когда листья снимать и когда лучше приготавливать оные: почему Красноярский табак, который по зелени своих листьев зеленчаком и прозывается, много что в двадцать пять копеек фунт продается, а, напротив того, простой черкасский — сорок копеек и выше, а в Удинске нередко и в двадцать алтын фунт приходит.

Красноярские жители знатную притом получают прибыль с островов, по Енисею лежащих, особливо около Абаканска и выше, где множество растет дикого хмелю, за которым многие осенью туда ездят и, сплавив на плотах в город, продают от пятидесяти копеек до рубля. По большей части, с лучшею прибылью отвозят его в Енисейск, Иркутск и по другим местам по Тунгуске, где хмель не родится. Изобилие сего и дешевизна хлеба подают красноярцам повод к всегдашнему содержанию бражки и быть веселеньку.

Между полезнейшими на Красноярских горах дикими растениями особливо достойно внимания ремень (рапонтик), который ныне, по большей части, отсель достается. Оный, в случае надобности, медицинской коллегии приказывает Красноярская канцелярия нарочным для того собирать за известную цену в особый ящик; а сии заказывают мужикам под осень рыть по разным местам на горах, особливо вверх по Абакану и по ту сторону Енисея, по рекам Сальбе и Сизыму. Однако самый лучший достается из Удинска, с рек Уды и Бирюзы. Сии коренья обыкновенно суть волнистого рапонтика* Я не знаю, сырости ли мест около пригорных рек, где он родится, или климату, или наиболее дождливому месту приписать должно, что корень у старого ремня, который часто очень велик бывает, в верхнем коленце всегда гнил находится. Внутренность в корне до самой коры всегда в желто-темную, сердешную, вкусом горькую и вяжущую материю превращается. И так только, что круглые от больших отпрыскивающие корешки в медицину употребительны, почему в общем житии и называют сибирский рапонтик по сходству с черенковым ременем. В 1771 году зимою из Красноярска отправили его в Тобольск для медицин-

---

* Латинские названия, повторяющие их русские названия, здесь и далее из текста исключены. (Прим. сост.)

ской коллегии пятьсот одиннадцать пуд и десять фунтов. Можно бы его несравненно лучше и сильнее делать, если бы для приготовления его другое последовало учреждение, нежели как какое добыватели оно имеют. Лишь только свежие корни добудут, тотчас дома оные облупают и, разрезывая на части, сушат в большом тепле, от чего теряет он свою крепость и, сморщившись, засыхает, так что он сколько действием настоящему ревеню подобен, столько чрез сие делается отличен. Напротив того, у меня частью из Удинска, а частью с Саянского хребта полученные корешки, кои я, завялив совершенно и хорошие облупя, сушил повешенные на вышке в теплой избе, нимало не попортились; они столь крепки и цветны были, как самый лучший китайский рабарбар, да и силою мало чем различны, а, напротив того, просто приготовляемого рапонтника во вкусе и действии много превосходнее. Если б возможно было найти где-нибудь в сибирских горах рапонтник, у коего б столовый корень был не ржавый, то, обходя сии корни вышеописанным образом, я б не усомнился сравнить с китайским настоящим ревенем, как в величине, изрядстве и крепости, а может быть, что и в силе мало или ничего не уступил бы.

Во всяком лесе Красноярск, как и большая часть Сибири, имеет великое изобилие, так что самые изряднейшие на строение дерева не многого труда стоит с подлежащих гор на Енисей вывезти и так плотами в город сплавить; выключая клен, вяз и липу, коих в Сибири к востоку не находится, прочие все сорта обыкновенных деревьев в излишестве, также и кедры растут на Мане-реке, почти дома. Около Абаканска при Енисее находится весьма много некоторого хорошо пахнущего деревца, коего смолистые почки в зимнее время любезнейшею тетерям служат пищею, от которой все черева⁴, наконец, приятнейшим в свете запахом заражаются. Из деревцов особливо находятся черемуха, боярышник и еще другое, на боярышник похожее, по речке Каче в множестве и до хорошей вышины вырастают.

Зимою Красноярск дичиной и разными звериными шкурами весьма доволен. Ловля таковых зверей, коих шкурки в нарочитой цене становятся, собственно, принадлежит сибирским народам, кои ими и оброки свои оплачивают, и единственным себе упражнением считают. Однако многие и русские крестьяне не упускают в праздное время равным образом оною пользоваться. В таких случаях или тайно в близости на горностаев, белок и других, какие попадутся, силки и ловушки поставляют, полу-

ча на то позволение или от главнейших татарских князьков, или от приказу; иначе, в первом случае, должны много опасаться, чтоб не быть от татар примечену, пойману и тут же наказану или в приказ отослану, от коего в таких обстоятельствах, по сибирским правам, прощения никак надеяться не можно.

Соболи в Красноярском уезде попадают в нарочитом множестве и суть двоякого сорту: одни никуда не годятся, так, как и томские долгохвостые, иссера; приходят по большей части с Июсских гор и с Чулыму, другие, которые промышляются лучше по Саянскому хребту. За Енисеем, особливо около реки Оя и по другим из гор в Кубу текущим речкам, они имеют ось низкую и обыкновенно нарочито черны, только что очень седы. Большая часть из сих имеют на шейке под горлом желтоватое пятно, так, как у куницы, от коей они, однако, другими, соболям собственными признаками легко отличествуют. Впрочем, все красноярские соболи редко ставятся высоко, и удинские всегда пред ними имеют превосходство как в оси, так и в цвете.

Волки как в Красноярске, так и во всей почти Сибири нарочито вытравлены. Лисиц еще-таки по некоторым местам довольно; а снизу случается, что привозят в Красноярск высокой цены и черных, и черно-бурых лисиц.

Бобры и выдры по ту сторону Енисея на горных речках в множестве водятся, и последние часто по семи рублей покупают на промен на границе с китайцами. Рыси реже случаются и в той же цене приходят, как выдры, только без пестрых передних лапок, кои особливо продаются. Еще многочисленнее находятся росوماхи, коих во все черная шкура около четырех рублей коштует. Барсуков также довольно, но поелику их кожи не в почтении, то и бьют их случайно, или когда они, проявившись, много пакостят, или когда их жир понадобится. Белки около Красноярска водятся очень средственно. Меж Саянским хребтом и Тунгускою-рекою временем видають великие стада, коими малое сие животное переходит от полудня на север, чему причиною бывает недостаток древесных грибов или недород кедровых орехов. В степи, на север от Красноярска и около Абаканска, ловят премножество горностаев, кои нарочито длинны, и часто во время походу к китайцам по 25 копеек штука становилась, а теперь насилу в четвертую или пятую долю сей цены и то на охотника отдается. Колонки пламенного цвету могли бы промышляться в множестве по лесистым горам, однако

никто об этом не старается, а когда невзначай в ловушку попадутся, то от проезжих по 57 копеек и более скупаются; а как сии шкурки китайцам приятны и они хорошо за них платят, то для сего они в Иркутске и гораздо дороже, и в Русь совсем не отпускаются. Ласок здесь никто не ловит и никто не покупает, хотя иные шкурки волосом гораздо белее, чище и ровнее, нежели у русских.

Наибольшие и выгоднейшие промыслы состоят в сохатых зверях, как-то: лосях, зынях, козулях (роды оленей), кабаргах, кои по горам за Енисеем в великом изобилии водятся. Татары большую часть их ясаков оплачивают сими кожами, которые в казну для конницы от 20 до 40 алтын берутся: ибо хотя ясак и поныне еще по соболям распределяется, а, по новому учреждению, не каждый поголовно и по колону оный выплачивает, и как на Красноярское ведомство поставлено собрать пять тысяч сто шестьдесят два соболя с половиною, то та же самая сумма на число соболей, по рублю соболю, или другими шкурами, или деньгами собирается.

Козулей около Красноярска столь много, что целая с мясом иногда в 15 копеек продается. Кожи, кои по большей части оттуда на продажу привозятся для делания обыкновенных дорожных шуб, стоят иногда не более десяти копеек. Кабарги порою, как летом, не менее многочисленны бывают, самчики, или по-тамошнему казачки, для их струек от 30 до 50 копеек покупаются, а самочки и с мясом по гривне продаются. Из Абаканска я получил совсем белую кабаргу, как самую редкость, однако после прислали ко мне также белую кожу и с самчика.

Только в одних рыбах Красноярск не так изобилен. Кача, как и многие другие в Сибири речки, зимою мелка и подо льдом замирает и потому рыбы ничего не имеет. У Енисея по сторонам не много заливов, а в нем то для каменистого дна, то за быстрым течением рыба не очень держится, а, лучше сказать, и гораздо не много, в чем с Обью, Иртышом и Томью нимало сравниться не может. Подъемная рыба из Ледяного моря по нем мало заходит, и для того, кроме тайменей, линьков, хариусов и сигов, никаких других из лососьего роду не имеется; осетры и стерляди, самые вкуснейшие, розницею водятся, однако в таких глубоких местах, что и приступить к ним не можно. И так для великого поста надобно ожидать в городе привозу из Томска соленой белой рыбы, которая также из лососьего роду, однако не так, как лосось, и называется муксунами.

Все Красноярское ведомство, коего воеводская канцелярия состоит под Енисейскою провинциальною, а комен-

дант и воинская команда под томским комендантом, имеет оброчных мужиков 9228 душ, 807 колонистов, 128 к колонистам причисленных ссылошных, 2023 граждан и ремесленных людей, т. е. посадских и цеховых, а из татар разного поколения 2994 ясашных, которые на шесть земель разделены, как на татар качинских, койбальских, яринских, каисских, калачинских и удинских, из коих каждая земля еще разделена на уделы, или колена, а все вместе приносят ясаку на 5161 рубль. <...>

ОТЪЕЗД ИЗ КРАСНОЯРСКА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДРУГИХ ПОЕЗДОК

Я теперь опять возвращаюсь на мою зимовку в Красноярске. 28<-го> числа февраля приехали ко мне сюда из Томска г-н аптекарь Георги⁵, бывший в езде помощником г-на профессора <Иоаганна> Фалка⁶, со студентами Быковым, Кашкаревым и Лебедевым, коих г-н профессор Фалк за болезнью своею, по соизволению Императорской Академии наук, возвращаясь на возвратный путь, мне для продолжения дальнейшего пути по Сибири поверил. Я ж, напротив того, отправил в Томск от себя находившегося досель при мне студента г-на Валтера, и ныне едущего в Петербург к г-ну профессору Фалку, с коим 4<-го> дня марта и большую часть собранных прошлым годом натуральных вещей послал. И как по окончании моих зимних поделок ничего более не оставалось, что б препятствовало предприятию нового пути далее по Сибири к востоку, и собственное состояние желанием видеть достопамятные страны подкреплялось, и добрым концом предприятие мое обнадеживало, то и отправился я 7<-го> дня марта с помянутым аптекарем Георги, который особливо просил меня о сей на Байкал поездке, и с двумя студентами до Иркутска, куда я еще в январе студента г-на Соколова с егерем вперед отправил, дабы он по ту сторону Байкала весны дожидался и собирал надобные известия. А чтоб моим отъездом и на Енисее собрание натуральных вещей не упустить, то оставил я в Красноярске для собрания тутошних и поблизости лежащим горам трав студента г-на Кашкарева; а приобвыкшему на севере студенту г-ну Зуеву⁷, о коего рачении я свежие имел доказательства, поверил я ехать еще зимним же путем в Енисейск, оттоль по вскрытии вод отправиться в Мангазею и далее к северу для собрания и дальнейшего изве-

ствия сибирских продуктов, под холоднейшим поясом находящихся.

Итак, отправился я из Красноярска после обеда по ту сторону Енисея; меж селом Лодейками и деревнею Березовкою надобно было проезжать небольшие горы, на коих так мало снегу было, что мы с великим трудом на санях протащились. Равным образом и первая половина от деревни Ботой, где первая лошадей перемена до Кускуну, если не была труднее, то такая же. После выехали мы на гористую, лесистую и глубоким снегом покрытую дорогу, каковая беспрерывно до самой Ангары продолжалась. Тут начинают поля и березники становиться час от часу реже, но снега гораздо более, и страна гористее, выше и холоднее, нежели по подле Енисея лежащим полям и песчаным Красноярского ведомства степям, так что и хлеб не иначе как позже выходит. Обстоятельнейшее сей дороги описание я оставляю впредь на возвратный путь, а здесь только упомяну проездом.

Поелику мы к скорейшему переезду прихвачивали и ночей и во всю дорогу, которая ныне от Красноярска до Иркутска населена или старожилами, или новыми из Руси переведенцами, на станциях порядок должным образом наблюдается и переменой не задерживают, то мы и прибыли 8(-го) числа рано в Рыбинскую слободу. В сию ночь проехали мы Канский острог и через реку Кану, за которою вдруг начался непрерывный даже до Удинского острогу красный лес, который, или по борам, или по болотам беспрерывно распространяясь, всю страну от самых гор, из коих сии реки вытекают, покрыл по самую реку Тунгуску. Сии дикие и не от многих языческих фамилий кое-где населенные леса, большею половиною болотистые, и почему дорогу всегда неотменно во многих местах мостить должно, зимнюю дорогу и мостами, и валенником делают весьма затруднительною. 9(-го) д(ня) ввечеру приехали мы в Бирюзинскую слободу, при быстрой реке того же имени стоящую, а 10(-го) дня ночью и до Удинского острогу добрались. Я здесь остался до утра, чтоб изведать содержание промышляемой в близости отсель, по горам меж Удою и Бирюзою реками, новонайденной слюды, которая особливо по рекам Шелме, Соби и Нереху в жирных квасцовых споях находится, и часто в три пядени величиною штуки попадают. Добывает оную один крещеный буретинский князец, живущий недалеко от Удинска, именем Худоногов, который, по нашествии сей слюды, с тем чтоб платить в казну десятую долю, получил позволение ломать оную. Мы сделали некоторый

округ, верст на шесть от Удинска, в деревню на правом берегу, при устье маленькой речки стоящую, где помянутый Худоногов со своею роднею и с другими одноверцами поселился, а оттоль чрез Уду на каменные горы и так на почтовую нашу дорогу. В большом сосняге по ту сторону реки Уды я впервые увидел по первым выходящим листьям багульник, коего после нигде более, как за Байкалом, не видно было и который инде обыкновеннейшее по лесам деревцо, особливо где по горам есть низменные пади.

Того ж вечера приехали мы на становище Тулуйское, где границы Иркутской губернии начинаются, и отсель опять начинаются поля и приятные места. Ночью пересхали мы сто пять верст, а следующего, 12<-го> дня, поелику было ненастно и холодно, остановились мы в Камелгуйском становище.

Как скоро в Иркутскую губернию въедешь, то везде уже можно найти по дороге на всех станках весьма покойные, светлые и чистые дома для прития приезжих, кои содержатся от деревень для их собственного облегчения.

Следующего 13<-го> дня марта проехали мы 131 версту и остановились ночевать за чрезвычайною стужею в Черемном паду. Таким образом, осталось нам на 14<-е> число до Иркутска ровно день езды, куда мы с худыми и с загнанными лошадьми ввечеру в 11 часов и приехали.

Многие достопамятности, кои я здесь имел случай видеть, полезные известия, кои про неизвестнейшую по большей части мне сторону за Байкалом собрать мог, притом многие милости его превосходительства тамошнего губернатора г. генерал-поручика и кавалера фон Бриля задержали меня целую неделю в суетах, так что об описании города мне и думать не случилось: и так я оное оставил аптекарю Георги, который, может быть, в ожидании, когда Байкал вскрыется, пробудет в Иркутске несколько месяцев; между тем к будущей его поездке по берегам моря я ему сообщил и те известия, кои собрал о достопамятностях, какие около Байкала приметить надобно.

Необычайнейшая редкость, какую я получил по милости губернатора, заслуживает, чтоб я об ней упомянул теперь. Якуты, идучи на промысел эту зимою по реке Вилую, нашли какое-то незнакомое и ужасной величины тело; управитель в Вилуйском зимовье, именем Иван Аргунов, взяв от него голову, одну переднюю и одну заднюю ногу, послал через Якутскую канцелярию в Иркутск. В приложенном при том известии, посланном от

17 января, упоминается, что сие мертвое и почти истлевое тело еще в декабре, за сорок верст выше Вилуйского зимовья, в песчаном берегу, на несколько сажень от воды и 4 сажени от верху приярого берегу, половина в песке, найдено. Его смерили на месте, и оно было длиною в $3\frac{3}{4}$ аршина, вышиною же сочли на два аршина с половиною. Все туловище находилось еще в натуральной его толщине, одетое кожею, но так изнывшее, что ничего целого, кроме головы и ног, отнять было нельзя; и так для редкости прислали оные в Иркутск, а третью еще ногу оставили в Якутске. Присланные в Иркутск части с первого виду уже казали, что они должны были быть носороговы. Голова покрыта была вся естественною своею кожею, и по чему свободнее узнать было можно. По коже на одной стороне видно было несколько шерсти, и внешнее строение кожи еще изрядно сохранилось, так что и веки еще не совсем сгнили, под кожею около костей местами, как и в черепае, находилось несколько гнили, которая, как видно, от согнития мягких частей там задержалась. Но в ногах сверх кожи видны были по суставам еще крепкие остатки жильных перевязок и самых сухих жил. Рогу на носу и копыт на ногах не было, но место, где был рог с округом кожи, которая вокруг его нарастала, так, как и раздвоенные передней и задней ноги, были несомненные свидетельства, что они от сего зверя. Я сделал сему чудному откровению особое описание, которое внесено в сочинения Императорской Академии наук, и для того здесь еще повторять не буду. О причине, какую я почитал, как сей зверь в отдаленнейшие северные по Лене края зашел и как прочие остатки других зверей по всей Сибири рассыпались, упомянуто там. Я здесь хочу только прибавить некоторые обстоятельства, кои я получил письменно на мои запросы от вилуйского управителя Аргунова, после как уже мое описание в печать было отправлено, и из коих можно яснее видеть, где сии редкие вышеописанного зверя остатки найдены, и удобнее понять, как они так долго без порчи хранились.

Места по Вилую гористы, но горы все слоеватые, содержат или песок, или известной шифер, или мягкую, слоями, глину со многим колчеданом. Также находят по берегам разбитое каменное уголье, коего выше по Вилую где-нибудь надобно гнезду находиться. Река Реммендой (или, как Гмелин пишет, Раптендой), где целая гора из селениту, другая из алебастру, и подле горная соль находится, отстоит от помянутого места, где нашли зверя, еще более, нежели на триста верст вверх по Вилую. По

правую сторону Вилуя к оному месту лежит песчаная, но и опочистого камня слои показующая гора, коей высоту глазомером на пятнадцать сажень считали и в коей помянутое тело животного в замерзлом хряще в нарочитой глубине найдено. Ибо земля по Вилую никогда на великую глубину не растаивает. Самые большие жары на песчаных и возвышенных местах не более как на два аршина земли отмягчают; но по долинам, где места глинистые с песком, там в конце лета не более как на пол-аршина талой земли находят. Иначе было бы невозможно, чтоб еще кожа сего зверя с другими мягкими частями в земле уцелела, коего поспешное переложение с южных мест в морозный климат не иначе как с повсемирного попопа считать должно; ибо самые древнейшие человека предания о никаких других земли переменах не упоминают, кои б могли приняты быть за справедливейшую причину пребывания в сих местах носороговых остатков, слоновых костей и других зверей, по Сибири рассеянных.

Для наступивших больших оттепелей уже в последние почти видели мы снежных жаворонков и черных воробьев, кои на север полетали; напротив того, в здешней стране только собственный пестрый ворон, который зиму в теплейших странах около Могола или и в Китае проводит, в великом множестве по городам и деревням везде появился; с 20<-го> на 21<-е> число марта выпало опять ужасное множество снегу, однако оный вскорости потом опять растаял, так что я неотменно принужден был из Иркутска торопиться, чтоб зимнего пути не лишиться: и так выехал я из оного города 22<-го> дня сего месяца.

Уже за восемнадцать верст от города река Ангара, по которой дорога лежит, великие польныи имела, а повыше Пашковой или Хромовой станицы река почти вся ото льду очистилась, и многие утки и гагары плавали. (...) Нам тут надобно было ехать по каменному реки берегу, по которому, понеже на нем немного снегу было, езда была весьма отяготительна. Чем ближе к Байкалу подъезжаешь, тем горы становятся выше и вид дичее; напротив того, далее по Иркутской губернии оные были довольно отлоги и слоисты. Жерло реки Ангары с обеих сторон стеснено каменными горами, промеж которых, как будто сквозь ворота, великое моря пространство и стоящие по берегу каменные хребты видны. По проехании выходу из моря Ангары недалеко оттоль имеется другое зимовье Лиственнишное на самом берегу моря, от коего б я мог еще далее вдоль по берегу ехать до Голоустного зимовья, если бы лошади на станке не были в отлучке, а старые не

пристали: ибо от Иркутска до Селенгинска по станкам не более положено содержать для почты, как шесть лошадей; но множество проезжих по разным делам по сей дороге не дадут почти никогда быть дома. И для того я принужден был остаться здесь на ночь, а поутру до обеда ходил еще по горам и по морскому берегу. На горах еще травы чуть только выходили, меж коими прекрасные вырастали позимние травки. Но оголившиеся морские берега удовольствовались меня неожиданною новостью, которая состояла в одной сумнительной в море растущей бодяге, которая от всех ныне известных бодяг отлична и нарочитой величины бывает. Ее здесь случаем собирают под именем морской губы, и в Иркутске у серебряников для чищения и глажения простых резных медных, томпаковых и серебряных сосудов в употреблении.

Следующего утра отправился я в Голоустное зимовье; дорога по льду была прямая и часто от берегов далеко отходила. Таким образом надобно было ехать верст 50, а после все по берегу по всем заливам или бухтам более семидесяти и одной версты; а расстояние меряно так: от Лиственнишного зимовья до пади Крестовой 300 сажен, далее к реке Черемше 200 сажен, до Безымянной пади 500 сажен, до Лиственнишного мысу одна верста и 400 сажен, до Круглой губы 500 сажен, до рыбацких изб 3 версты, до Грезнухи 3 версты, до Широкой пади 2 версты 400 сажен, до Сенной пади 3 версты, до Соболева мысу 2 версты 400 сажен, до Кадильного зимовья 6 верст, до Ушкановой пади 6 верст и после до Голоустного 2 версты. Мы почти переехали половину дороги пособствием жестокого ветра, который дул нам (в спину) и бегущих подле саней ямщиков уносил почти по льду так, что они не иначе как ножами должны были одерживаться. Опасность, чтоб не замерзнуть в такую погоду и чтоб не попасться в трещины, от штурма во льду причиняющиеся, довольно велика: и действительно, в такое время никто поперек моря ехать не отважится.

Понеже вихри от часу умножались, а хотя еще и довольно времени оставалось для переезду за Байкал, однако я не хотел отважиться насчет рока и, хотя поневоле, однако остался на здешнем берегу до завтра, в ожидании хорошей погоды. В зимовье было множество народу, который на промысел тюленей готовился. Сии промыслы все на Байкале отдаются на откуп, а откупщик принимает к себе добровольных работников, коим он дает потребную сбрую, и они ему за сходную цену отдают с тюленей кожу с салом. Самый лучший промысел в апреле. Тюле-

ни, кои зимою расходятся по быстрым речкам или по теплым берегам и ключам, полыньи над собою имеющим, ныне все выходят на лед гулять и спать на солнце. Таковые места уже промышленникам должны быть знакомы, как, например, при устье реки Баргузиной и Турки, куда они походят с салазками, на коих растягивают белый парус, из-за которого подходят близко к тюленю, который думает, что это тычмя стоящая льдина, и из ружья убивают.

Мы переехали, наконец, чрез Байкал скоро и благополучно. От устья реки Голоустной, докуда еще и от зимовья 2 версты и 300 сажен считается, по льду обыкновенно кладут 60 верст. В проезде мы по льду не видали никакой опасности, а только одна расселина, аршина на полгора, заставила нас объехать довольное расстояние. Море нынешнего года так гладко замерзло, что лед как зеркальное стекло был; только по берегам видны были стоячие льдины, или торосы; однако так равно замерзать не всякий год случается. Снег на сей пространной равнине не держится, и для того по льду, по крайней мере, сначала нельзя ездить, разве с хорошими окованными лошадьми и притом с острыми шипами. После как след (сахма) пробьется, то можно по нужде и с неподкованными бегать. Обыкновенно на Байкале лед бывает с сентября, но в этом месяце он весьма редко замерзает, а в январе наиболее и держится даже до последних чисел апреля. Если весною подле берегов ездить станет опасно, то берут дорогу прямо чрез Байкал с Лиственнишного зимовья на Посольский монастырь, которое расстояние обыкновенно платится за 94¹/₂ версты, а по мере еще и 70 верст не находится. Когда на море лед начнет расседаться, то в запас берут с собою доски, по которым и лошадей, и сани сколько можно проводят. В самонужнейших посылках люди отваживаются переходить Байкал, когда самая расселина на несколько сажен шириною, но тогда только идут пешком и тянут за собою маленькую лодку, в которой они от одной льдины до другой перегибают. Раннею весною сухопутною дорогою, которая летом вверх по Иркуту до Тункинского острогу, а оттоль до нагорных рек Жонмурины и Жиды в Селенгинск лежит, на лошадях не ездят, как разве по нужде, потому что при таянии снегов меж высоких гор проехать не невозможно.

Из Посольского монастыря без всякой остановки отправился я далее. По пескам на великое расстояние снег здесь почти весь растаял, так что едва проехать было можно. Многие промоины и наводнения, или соры, вдоль по берегам из Байкала разлившиеся, еще нам в пути не-

сколько пособляли. Во время проезда я заметил здесь по отмелым местам особый род рыбных заводов, кои-ми подымающуюся к камышам рыбу весною ловят. Оные состоят из одного, прямо с берегу в воду на несколько аршин простирающегося, из прутья сделанного плетню, коего конец в воде окружен другим плетнем, концами к прямому плетню сходящимся, так что округом своим сделав две по сторонам прямого продолговатые каморки, у схождения меж собою делают по обе стороны прямого плетня угол острый. <...> Таким образом, рыба, пришед к плетню, пробирается по нем в глубину и, дошед до сих углов, входит в отверстие, надеясь пройти насквозь, однако и назад не может, потому что проход так, как у верши, внутрь сужен и опущен. Они называются котсы.

От монастырской деревни Степной еще был на несколько верст перегон по льду по одному заливу. Далее уже начинали боры, соснягом и березником покрытые, по которым дорогою почти ничего снегу не находилось. В Твороговой слободе я принужден был остановиться, пока одну из моих телег поставят на взятые с собой колеса, потому что сани уже не годились и потому не могли далее уехать, как до Кабанского острогу, проехав Кальскую и Каргину деревни. Оный стоит на реке Кабанке, но, как и прочие, недалеко от левого берегу реки Селенги. Ночью проехав деревни Брескую, Трескову, Таракановку, Троицкий монастырь, Пьяновское зимовье, под вечер прибыли в Ильинский острог, или в большую заимку; в остроге деревянная крепость хотя совсем развалилась, однако церковь и обывательские дома многие хорошо выстроены. В сию ночь выпало опять столько много снегу, что можно было ехать на санях: и как кибитка на колесах много дорогою причинила остановки, то я здесь велел ее опять посадить на сани.

Отсель начинаются страшные горы и леса, по которым узким путем лежит дорога в том месте, где Селенга хребет пробивает; тут поставлена так называемая Половинная застава, при которой нынешний губернатор для переправы чрез реку приказал построить, наподобие лифляндских, паром. По ту сторону Селенги, в стороне меж Ильинским острогом и заставою, лежит Итаичинский острог и несколько маленьких деревушек; в Половинной заставе осматривают все с китайских границ провозимые товары, фуры и другие товарами нагруженные телеги, наблюдая, все ли должною заклеяены печатью, к чему приставлен унтер-офицер с небольшою командою.

Недалеко от заставы надобно спуститься на реку, беспрестанно меж высоких и каменистых гор текущую, по

которой зимним путем ездят до самого Селенгинска. На левой стороне перед Удинском видно много деревень, с правой же впадает река Уда, при устье коей, на правом берегу, стоит пригородок Удинск. В нем имеются многие изрядные дома заживных купцов, также комендантский дом и красивая церковь. До сих пор проезд по Селенге за множеством стоячих льдин, кои быстрая река по берегам в замороз навораживает, хотя был безопасен, однако затруднителен. Далее множество полыней было, кои после случившегося пополуночи жестокого северного ветра и метелицы путь по реке ночью делали опасным; и для того я отъехал еще сего дня только на 25 верст до первой от Удинска станицы, где ночевать остановился.

Сия предосторожность была очень к месту: ибо следующего дня в дальнейшей езде узнали, что дорога весьма была опасна, и, хотя извозчики все средства к безопаснейшему проезду употребляли, то подле самых берегов, то с одной стороны на другую переезжая, однако и тут во многих местах лошади проламывались, а, наконец, и мои сани, по счастью, что еще на мелком месте, со всеми лошадьми проломилась. Наконец, приехал я еще засветло в город, где застал наперед посланного студента г<-на> Соколова.

Селенгинский округ лежит меж песчаными горами в таком теплом месте, что весна в нем гораздо ранее бывает, нежели ближе к Байкалу и в других восточнейших пригорьях. 20<-го> дня февраля уже выгоняли овец в поле, а под исход сего месяца со всех мест, на полдень лежащих, снег стоял, и всякие птицы, кои зиму в теплых странах проводят, сюда налетели. 20<-го> дня марта убили первую трясогузку, и по лесам множество других птиц появлялось. <...> Снег держался еще только по лесам и на полуночных гор странах; и, хотя после красных весенних дней 31<-го> дня еще-таки много снегу выпало, однако оный 2<-го> дня апреля опять стоял.

3<-го> дня апреля отправился я вверх по Чикюю для смотрения там за 12 лет построенного монгольского капища, и оттоль чтоб ехать далее на Кяхту. Я выбрал к тому нарочно это время, ведая, что у монгольского и буретского духовенства после каждого новолуния всегда три дня праздновать установлено, т. е. 13, 14, и 15<-е> число, и так, чтоб мне, видя обыкновенное ламовское богослужение, можно было после сравнить с калмыцким.

Дорога сперва лежит на несколько верст вверх по Селенге, прежде нежели до Чикюя доедешь, притом по каменным, песком и хрящом засыпанным, горам, кои по Се-

ленге вверх поднимаются. По ту сторону при впадении реки Чикоя, в верстах девяти выше Селенгинска, мимо Петропавловской крепости проезжают великое пространство, вдоль по берегу Чикоя простирающееся, коего солончатое и наносным песком покрытое поле ничего другого не производит, как и другие по Селенге и Чикую песчаные бугры, кроме известного здесь деревца, илимовником называемого. Здесь мы переехали множество от помянутой крепости по деревням, на Хилке лежащим, идущих дорог, всегда управляя путь чрез высочайшие, но густым лесом покрытые горы, позади которых верст на двадцать от Селенгинска выехали наконец на пространную и открытую дорогу под одной маленькой, в Чикой текущей, реке. За нею опять каменный хребет находился, прежнему подобный, песком занесенный и небольшим соснягом оброслый, с коего надобно спуститься на одно пространнейшее поле, по коему маленькая речка, Студеная именованная, протекает. Она по-мунгальски называется Ике-Горехон и почти к Чикую склоняется, но, не дошед до оною, меж песком с неглубоким озером Турпановым, или Фроловским прозванным, пересыхает. Но понеже мелкая сия река со сторон обросла таловником и весь лед стаял, то множество по ней водилось красных уток, или по-здешнему турпанов, и особый род гусей, с полудня сюда прилетающих, кои похожи весьма на китайских, а по кустам стадами летали из роду клестов и тростников.

Уже становилось поздно, и лошади наши притомились, того ради выискивали мы место для ночевки, какое и попало нам в стороне верст на пять от дороги при помянутой речке Студеной, в деревушке селенгинского казачьего сотника, куда надобно заезжать вниз от озера по оной речке.

Поутру поехали мы далее по Чикую чрез пески, у коих по сторонам ближе богатый сосняг растет, а далее все пусто, кроме небольшого илимовника и другого стручковатого деревца. Промеж бугров протекает еще другая речка — Харалун, которая устьем своим в Чикой впадает. Верст за сорок переехали мы одну мелкую протоку от Чикоя, от льда оголившуюся, и через большой остров, оною окруженный, коего на верхнем конце строят купеческие суда, или дощеники, для справления китайских товаров по Селенге и по Байкалу. От оною острова на несколько верст находится деревня Истопникова на берегу Чикоя, в том месте, где помянутая протока начинается, которая называется Пьяным берегом, или просто Береговая; в деревне имеется дворов с восемь, в коих живут или се-

ленгинские обыватели, или пахотные мужики. Здесь, переменя лошадей, поехали мы соснягом, меж коим верст с шесть от деревни течет речка Песчанка, или Биркэ-Горехон, на которой построена мельница; оттоль немного побольше версты прибыли на Песчаную площадь при Чикое, на которой знаменитое сие под русским правительством находящихся монголов капище построено.

Оная площадь по растущему в великом множестве тут ковылю, по-мунгальски — хилгона, будто скоту полезная трава, называется от них хилгонтуй, а отчасти лесом, отчасти песчаными буграми будучи украшена, имеет приятное положение.

На оной, сверх шести капищ, находится еще дом для житья первейшему здешнего духовенства священнику, коему титул Бандиди-Хамбо-лама приписывается, и еще два двора: один — для жалованного писаря, другой — под одним крещеным мунгальцем, в казачьей службе находящимся. По сторонам капища к северу, востоку и западу имеются другие огороженные места, где знатнейшие духовные, приезжая сюда на служение, останавливаются, расстанавливая войлочные свои кибитки или просто по земле, или на возвышенных подмостках. Строение все деревянное и русскими плотниками только на вкус Хамбо-ламы построенное, который особливо капище старался в наружности и в украшении уподобить Тибетской пагоде, кою он в юности своей имел случай видеть. Это было бы излишне, если б захотел я подробно описывать сие капище, потому что я для сих других собранных известий, к сему принадлежащих, имею особливую книгу, до обычаев и обрядов в богослужении мунгальцев и калмыков касающуюся, которую теперь хочу исправить и поверить с тем, что я в первой части сих моих путешественных записок о калмыках выдал. Итак, сие оставя, возвращаюсь к писанию дальнейшего моего пути в Кяхту.

Пятого числа апреля, по окончании мунгальского моления, я далее отправился и тотчас переехал Чикой, на коем еще лед был крепок, и три острова, от проток его сделанные, из коих две ото льду вовсе вскрылись. На другом берегу Чикоя стоит зимовье Даргуево, которое построено было буретами, но во время приключившегося на скот падежу, от которого и самые верблюды не уцелели, так опустошилось, что принуждены были его вовсе оставить. От капища до его считают шесть верст. Ночью ехали мы чрез открытую гористую и сухую степь, с шестнадцать верст вверх по Чикою, на Мартово зимовье и

прибыли еще чрез высшие горы и каменистую долину, Монастырскую падью называемую, в другое зимовье, за четыре версты от Кяхты отстоящее, где для отвращения потаенных сею стороннею дорогою проездов имеется караул от пошлинной конторы. Здесь остался я до сумерек, а на утро 6 дня рано на границу в Кяхту приехал.

Сие славное пограничное и торговое место, где теперь самая мена меж русскими и китайцами отправляется, лежит на ровном, немного возвышенном месте, в пространной, Кяхтою-рекою разделенной долине, с коею помянутая Монастырская падь совокупляется. Она кругом окружена высокими каменными, но большею частью лесистыми горами, меж коими знатнейшая от мунгалов гора Бургултей называется (Орел-гора), подле которой крепость с полуденновосточной стороны и находится, так что с нее все улицы и лавки, равно и Китайская слобода, весьма хорошо видимы. Конечно, не для иной какой причины и китайцы при заключении последнего замирения сию гору, под видом, будто бы ихние священные роды, их праотцы в ней хоронились, к себе присвоили, хотя как бы пограничную линию ни вести, то все бы вершина оной на русской стороне должна была остаться; а ныне она совсем в их владении, и граница проведена гораздо далее к северу, по подошве горы оной. На другой, на запад лежащей, горе стоят друг против дружки русская межа и китайская: первая из камня и земли складена с крестом, а другая — только из камня, как юрта — кверху острее.

Китайская крепость обведена на все четыре стороны палисадником, у коей по углам сделаны четыре бастиона с батареями на защитах. Имеются трое ворот: одни на север и на Селенгинскую сторону, другие на полдень, или к Китайскому городку, а третьи на запад, на реку Кяхту и в находящееся тут предградие; сверх того, по Селенгинской дороге также находится несколько дворов перед крепостию, притом ревенной дом. В крепости изрядная деревянная церковь с хорошими курантами, пространный гостиный двор, в коем до 60 лавок считается, но по новому плану велено его выстроить каменный, для чего уже давно снутри под часовню фундамент заложен, однако далее еще по повелению ничего не построено; сверх того, комендантский дом, бывший пошлинный двор, старая гауптвахта, вместо которой ныне при Китайских воротах новая построена, некоторое число казарм и других казенных домов, кои наиболее зажиточным купцам для житья отдаются, и другие потребные для поклажи и запасов амбары. Предместие, или слобода, огорожено

частоколом и содержит в себе не более ста двадцати дворов, кои построены весьма беспорядочно, и имеет одни ворота также с караулом.

Кяхта ничем так не бедна, как водою: маленькая речка того же имени, протекая к северу, проходит мимо крепости и слободы, наклоняясь, наконец, к Китайской слободе на полдни, и там в их границах в большую реку Бурю впадает. На углу крепости, где она на полдни проходит, хотя и запирается плотиною, однако и тут летом так мало воды, что, выключая, когда сильный дождь шел, можно ее переходить не замочивши ног, так что и рекой почти назвать нельзя. Притом вода в ней мутная и к употреблению людям негодная; и для того копают всегда как в крепости, так и в слободе колодцы; но и в них вода или горькою солью, или известью пахнет и самый лучший чай портит и густит. Один только колодец в мою бытность на площади в крепости выкопали, в коем вода чиста, однако и она, как и прочие, не без погрешности. По сей причине китайцы богатых купцов, кои сильные чаев питоки, пускают из милости брать чистую воду из ключа на берегу Кяхты, на самой меже с китайской стороной находящегося.

Равным образом кяхтинские жители не выиграли в рассуждении и самого места, которое сверх того что песчано, каменно, но и ни под какие огороды не годится. Если бы межа, как настояще быть долженствовало, по реке Буре, верст с девять отсель с востоку прямо на запад текущей, была отмерена, то б Кяхта имела прекрасное положение, хорошую и довольную воду, плодородное поле и некоторое рыболовство, чем всем теперь одни китайцы довольствуются.

Укрепление Кяхты состоит в одной роте солдат и некотором числе казаков, здесь живущих. Комендант штаб-офицерского ранга, который, однако, в то же время отправляет и пограничные дела, и предлагаемые от китайского купечества запросы, и другие дела решит, но о важнейших делах отписывается в пограничную селенгинскую канцелярию и в Иркутскую губернию, откуда на представление должен ожидать повелений.

Наилучшие обыватели в Кяхте — русские купцы или приказчики из главных русских контор, кои мало-помалу разжились. Здесь повсюду господствует обыкновеннейшее всегда пиршество, какого, кроме Иркутска, почти ни в каком сибирском городе не найдешь. Но обхождение кяхтинских жителей было б гораздо приятнее, если б по компаниям не так чрезвычайно чаем докучали: ибо каж-

дый купец сим только и шеголяет, что приедем к гостю ставит пить чай ото всех сортов один после другого, сколько у него ни случится.

Границы кяхтинские к западу до реки Селенги, а к востоку до Чикоя уставлены рогатками, кои только что для пресечения мены скотами полезны. По всей границе расставлены форпосты, или караулы, на запад даже до Тобольской губернии, а к востоку пять караулов даже до большого хребта состоят под кяхтинским комендантом, а за хребтом продолжающиеся форпосты принадлежат к Аншинску. При описании мест небесполезно также, кажется, упомянуть и о форпостах, где который стоит и в каком друг от дружки расстоянии, так как и впредь в своем месте не премину показать и те, кои далее по линии к востоку находятся. От Кяхты на запад к Тобольскому ведомству по границе следующие находятся маяки.

Ухтинский караул — 30 верст от Кяхты, при реке Селенге, на горах.

Цагон-Уссунский караул — от первого в 25 верстах, также на Селенге.

Басинский караул — в 25 верстах на реке Джиде, по которой теперь граница вверх подходит.

Салтуранский кар(аул) — 30 верст от прежнего на реке Салтуре, с правой стороны в реку Сежиду впадающей; и горы поднимаются от часу выше.

Хулдацкий кар(аул) — также по подле лежащей горе, Уркил-Шалон называемой, 25 верст от Салтуранского.

Харацайский караул — 20 верст; доселе можно ехать в телеге, и по долинам пахотные места, которые, хотя как мало деревень по Джиде ни находится, однако и тех не довольствуют. С этих мест горы пойдут по правую реки сторону, наипаче в Мунгалию, таким высоким и диким хребтом, что к следующему караулу не иначе как только верхом, а летом, особливо после дождя, не без великой опасности проехать можно.

Цежинский караул — 25 верст от Харацайского по реке Содже, с правой стороны в Джиду впадающей.

Модоикольский кар(аул) — 75 верст, где река Модоиколь к Джиде подходит.

Начитутский кар(аул) — 70 верст, при соединении реки Зекары с Джидою, в диком болотистом и лесистом месте, где насили на лошади проехать можно.

Дотожисский кар(аул) — 12 верст, в таком же месте, как и первый; но после следует такой снежный хребет, что ни жить, ни проехать по местам, где Джиды и Джон-

мурин реки вершины свои имеют, ниже через 200 верст до Тункинского острогу, меж Джинмурином и Байкальским Култуком, для караулу места выбрать способного не можно. Также от Тункинского острогу продолжается тот же хребет внутри границы и за границей до самого Енисея так, что только для двух караулов есть место, т. е.

Туранский кар(аул) — 200 верст и

Хаидинский кар(аул) — 50 верст от Туранского, а за 160 верст первый Тобольской губернии караул Окинский имеется.

От Кяхты на восток сперва лежат караулы по Чикою:

Киранский кар(аул) — 16 верст от крепости на реке Киране.

Кудеринский кар(аул) — недалеко от слободы по реке Кудере, от Кирану 26 верст.

Шарагольский кар(аул) — 45 верст выше по Чикою, где река Шараголец с мунгальской стороны впадает.

Усть-Урлуцкий кар(аул) — на устье реки Урлука, 25 верст от Шарагольского.

Джидинский кар(аул), где Чикой с границ сворачивает, 15 верст от последнего. Оттуда начинается линия по реке Манзе, и находится Манжинский караул, от Джидинского 150 верст, потом следует большой хребет, который, меж Чикоем и Ононью простираясь, разделяет реки, которые в Байкал впадают, а другие в Аргун-реку. Через него до первого Акшинского караула по реке Болшакане, по крайней мере, 160 верст мерных полагают. (...)

9 дня апреля поехал я из Кяхты. Но как я во время моего на Кяхту пути не мог видеть в капищах мунгальского архиерея (Хамбо-ламы), а обещал он приехать, как я на обрат поеду, то и принял я ехать опять тем же следом по Чикою и следующего утра к капищу прибыл. На полыньях по Чикою попала мне прекрасная и еще не описанная утка с хохлатою головою и с косатыми в крыльях перьями, которая зиму, конечно, в Китае проводит, а летом по даурским рекам, по Лене и Енисею водится небольшими стадами и гнездится, а голос имеет, как свист пронизательный.

10(-го) дня после обеда мог бы я поспеть и до Селенгинска, но на дороге от Березовой, около Фроловой заимки, застигла нас ночь, и неискусные провожатые сбились с дороги и проехали на северо-восток, по ту сторону речки Студеной, еще через две другие, коих я, вперед едучи, не видал, потому что все подле Чикою пробирались. Первая из оных называлась Протасе-Шибир и впадает в одно

озеро, которое временем протекает в Чикой; а другая — Тагалсаре-Шибир, которая в песках пропадает. Здесь мы узнали наше заблуждение, и как в близости слышали братские юрты, то послали туда за проводником, который нас через нарочитое поле на дорогу в Фролову займку вывел; оттоль следующего утра приехал я в Селенгинск.

Время стояло доселева здесь нарочито сухо и приятно, несмотря что в половине апреля в Сибири в ту же самую пору беспрестанные северные ветры дули. Река Селенга, как я приехал, большею половиною ото льда очистилась, но на реке Чикое и Хилке стоял оный еще крепко и на последнем только 22(-го) дня апреля тронулся. Между тем солнышко так грело, что на полуденных косогорах луга зеленеть начинали и первые вешние цветки прорывались. 13(-го) дня сего месяца показалась ветреница из-под песку и с сих пор от часу больше выходила. В то ж самое время прилетели бакланы на реку Селенгу. <...>

Около 20(-го) дня видны были первые цветки, которые по пескам в великом множестве роятся. И как они под снегом зеленеют, то оголодавшим буретским стадам служат первую паствою. Овцы общипывают в то ж самое время обсохшие листки и цветочки обоих сортов ветрениц, из коих сии последние служат скоту слабительною своею силою вместо лекарства, очищая от зимней чесотки; напротив того, у людей она, на коже приложенная, разъедает и пузыри надувает.

Селенгинская страна по долгости весеннего времени долго бывает одинакова; но я не смел здесь долее остаться, хотя б ездю по Даурии и благовременно мог кончить, потому что осенью для собрания трав я по Енисею ехать намерен; и как для вешних трав в Селенгинске оставил я студента, то сам решился отселе выехать еще в апреле же.

В собственно так называемую Даурию, которую здесь обыкновенно Закаменную называют, идут через горы от Хилка на реку Ингоду различные дороги, из коих, хотя они еще все не очень известны, однако я б знал выбрать, которая лучше, если б весеннее время не препятствовало, в которое они все бывают или не проезжны, или лежат в северную хребтов сторону, где травы весьма поздно выходят, и для того мне в сие время сею дорогою ехать рано казалось.

Прежде нежели из Селенгинска поеду, хочу обстоятельно здесь дать известие и о верховой езде, и о тележ-

ной по новым, меж Хилком и Ингодой проложенным дорогам.

Вверх по Хилку от его устья более нежели на 200 верст населено деревнями. От последней деревни Сибилдинской вверх за каменными и лесистыми горами более телегой ехать не можно; а чтоб попасть летом на проезжую дорогу вышележащую, то надобно подыматься по Хилку в лодках, что летом в мелкую воду весьма затруднительно. Ближайшая дорога от Хилка начинается по речке Хилкочок (или Блудный Верх) и после также по впадающей в нее речке через горы Яблонский хребет до одного большого озера Тарая, далее по реке Танге, в Ингоду впадающей, через Ингоду самую меж двух солоноватых озер, Белыми прозванных, к реке и деревне Шюшаланн, откуда через деревни Шахалан и Горенскую вдоль по реке Ингоде в село Дорослинское. Горами сею дорогою только зимою и весною, когда болота еще таять не начали, проехать можно.

Другая дорога верхом начинается верст 40 выше от устья реки Хилкочока от Горехинского зимовья на Хилке, вверх по речке Горехе, с левой стороны в Хилок впадающей, через хребет по реке Горехадан; потом мимо озера Тором (Круглое) в село Доропинское и включает езды от Хилка до Ингоды верст с 74; но в рассуждении каменных, гористых и болотистых мест по ней телегой также ехать не можно.

Третья дорога идет вверх по речке Улетае, в Хилок текущей, через горы до другой речки того же имени, но в Ингоду впадающей, по ней вниз до лежащей на ней деревушки Улетаи. Все сие расстояние не более 50 верст и довольно болотисто; однако в 1759 году пехотная рота, с Хилка вверх поднявшись в лодках, со всем обозом прошла в Даурию, и зимой часто провиант, весною же из нерчинских заводов свинец провозят, и оный путь весьма был бы способен, если б только проездную дорогу отыскать было можно.

Еще выше и не более 20 верст от озера Иргена, откуда Хилок начинается, есть проезжая дорога вверх по речке Кукае, с левой стороны в Хилок текущей, от нее на несколько верст выходит из гор другая речка — Кука, в Ингоду текущая, по которой вниз до Кукинской деревни здесь считают расстояние меж двух рек, Хилком и Ингодой, на 39 верст. От Кукинской деревни до Доронинского села тележною дорогою сто десять верст.

Деревенские жители по Ингоде знают еще ближайшую дорогу на Хилок, когда на озеро Иргень рыбу ло-

вить поезжают, т. е. прямо через горы по речке Рушма-лею, которая недалеко от своих вершин в Хилок впадает.

Обыкновенная проезжая в Даурию дорога, по которой и мне надобно было ехать, идет через Удинск вверх по реке Уде.

И так отправился я 22(-го) дня апреля со студентом г. Соколовым, рисовальщиком и стрелком, в Удинск, однако я не взял сей обыкновенной дороги, по Селенге и по горам с левой стороны оной реки идущей, но сделал некоторый округ от реки к востоку, дабы тем же случаем осмотреть на Куйтуне отысканную железную руду, которую тамошние кузнецы, вываривая в простых горнах, всю Селенгинскую страну железом и сталью снабжают. Дорога моя лежала вниз по Селенге верст на 18. Трава уже цвела, и по соснягам подорожники, а по тальникам при березах стадами голубые кедровки с черными головами и предлинными хвостами летали; они раннею весною прилетают из Мунгалии и Китаю и по Селенге, Онони и Аргуну в множестве гнездятся. Как ни много было сей птицы, однако за прозорливостью ее и беспрестанным летанием многими повсюду стадами ни одной застрелить было не можно. <...>

Наконец отделились мы от Селенги чрез песчаные и лесистые каменные горы, от коих чрез Нижнехиловскую падь доехали до реки Хилка. Она с два дня как вскрылась и великую воду имела; теперь поелику для перевозу плот надобно было делать, а вечер уже наступал, притом ненастливая наступившая погода тому несколько препятствовала, то остался я ночевать при хорошем огне, на берегу раскладенном; следующего утра все телеги в одной лодке, привязав по обе стороны по брусу, в Хиловскую, или Харазонову, деревню переправили. В деревне имеется около 30 дворов, меж коими две трети польские колонисты составляют, кои, здесь живучи уже лет с шесть, еще и до сих пор пашнею не завелись, а все старые жители из Иркутской губернии по два пуда на каждую десятину ежегодно давать обязаны.

Сеют здесь ярицу, также и арбузы, кои по садам у поляков, так как и около Селенгинска хорошо удаются, потому что слой лежит на полдень открытый, горячий и песчаный. Хилок, который теперь изрядную величину имеет, летом так мелок бывает, что в некоторых местах переехать можно, и для того из подъемной рыбы не много в нем случается, кроме как хариусы, линьки и немного тайменей. Омули в нее совсем не заходят, однако прежде временем видали. По оной реке вверх и по впадающим в

нее небольшим речкам имеются деревни: Паркина, Баленчинская, Камангарская, Динтунская, Кукульская, Кандабаевская, Нарын-Шибир, или Катаевская, Белоплотовская, Малстинская, Сохотоевская, Сардалмская, Песчанская, Уксулуцкая, Хоплорская, Буйская, Красноярская слобода, Бичурская, Яланская, Мангиртуйская, Сибалдуйская и Хабаровская; также выше Харитоновой, по впадающей в Хилок с правой стороны речки Тунгуя и других речек, новая слобода Мухор-Шибир и деревни Кокуйская, Шаралдаевская, Цаханская, Хара-Шибирская, Бурдуковская и Никольское село, в коих во всех 450 человек тутошних мужиков и 350 человек новопоселенных колонистов считается.

Еще примечания достойно, что верст с полтора от устья по Хилку находится богатая железная руда в лесистой горе, которую Якутского полку драгуны прежде в горнах плавил, но ныне никто более ее не употребляет.

Мы поехали от Хилка вдоль по маленькой речке Тиргутуй, при Харитоновой деревне в Хилок текущей; долина, по которой речка протекает, частью окружена горами, отчасти лесами покрыта, в коих многие маленькие птички водились, и меж ими попалась нам редкая птичка из роду камышников. <...> Наконец, оставя сию речку, переехали мы на высокий каменный хребет, в полуденную сторону травами цветущими испещренный, и прибыли в один деревенский дом, селенгинским казаком обитаемый; но верст с пять выше к ручьям, в речку Чигирин стекающим, находился еще хорошенький дом селенгинского дворянина. И так здесь остался я дожидаться свежих подвод со стороны из деревни Ключи и, получа, далее отправился. Отсель на Куйтун есть прямая дорога, которая идет от реки вправо через горы в деревню Тарбагантей, однако весьма затруднительна. И для того я взял лучше ровную дорогу через Тарбагантейскую слободу, даром что она несколько далее.

По Чигирину вверх ездят отчасти лугами, отчасти богами, потом верст через восемь его переезжают и выходят красным лесом на чистое и ровное поле, по которому к ночи я в вышепоказанную слободу приехал; в оной изрядная находится церковь и около 40 дворов, меж коими 10 польские колонисты занимают; лежит при соединении речки Куйтуна (Холодная) с Тарбагантеем (Сурочья река). Ночь после дневного жару такая была холодная и непогодная, что я принужден здесь был остаться до утра.

В слободе есть выборный, которого всеми сюда принадлежащими деревнями погодно выбирают. Деревни же,

сюда причисляемы, суть: Бурнашевка и Михайловка по Тарбагантею; Пестерева, Султуринская и Куйтунская по Куйтуну; Гайтуринская, Кабалина, Зуевска, Красноярова, Захарова, Каленова, Решикова, Сотинкова — все по Селенге; Рупишевка и Иволгинская на Иволге; Барская, Куналейская, Бренская, Хободольская; три деревни Убуканские и Енгашинская на реках, по коим имя себе имеют. Число жителей во всем уезде состоит из 309 мужиков и 466 новопоселенных колонистов.

Из Тарбагантею поехали мы вверх по речке Куйтуну, которая, приходя из диких гор, по справедливости заслуживает данное ей имя, потому что около ее не видно было нигде зелененькой травки. На низменных местах оказывалась соленая пыль, и повсюду местами большие голые солончаки находились, на коих никакой травы не росло. Может быть, не без основания соленость здешнего слоя можно принять за холодное сей страны место, к чему, вероятно, способствуют и близкие лесистые горы, и самое места положение.

Верст за шесть прибыли в деревню Пестереву, дворов с шесть, отоль в Надеину, дворов девять, проехав, переехали два ручейка, Улунтуй и Султура, в Куйтун текущие, отоль в недалеко от вершин Куйтуна находящуюся деревню того же имени, дворов с 30 старожилов имеющую и 44 польских колонистов, кои по лесистым горам не без малого труда и прилежания, но и не без желанного успеху расширяются. Они имеют довольное хлебопашество, а жалуются только, что по подлежащим сенокосам немного для скота травы родится, которым, напротив того, они уже довольно развелись. Понеже сие место в рассуждении Селенгинска чрезвычайно холодно, то на льду ни коноплей, ни гречухи, ни гороху, ни пшена никогда не родится, хотя трудолюбивые поляки всего сего сеять не упущали и много раз к новому посеву вновь закупали. Ныне им роздано сибирское гречушное семя, коего о расположении они все силы употребляют. Однако на низких местах и то не годится, потому что по Куйтуну осенью очень рано великие случаются туманы и иньи, а весною земля в долинах растаивает очень поздно; и так все, кроме ярового и зимового, по низким местам померзает, а только что которые места повыше, на тех и урожай бывает, если при том довольно часто случающаяся сушь не лишит земледельца последней надежды.

Поляки, чтоб кустоватые и лесистые места сделать пахотными, с чрезвычайным успехом употребляют плуг, коего сошники сделаны наподобие в их земле употребляе-

мой и здесь по опытам пригодною найденной косули в две припряжки, на колесах или без оных, коею орют гораздо глубже и лучше коренья подсекают, нежели русскою сохою. Сошники у плуга треугольные, шириною в ладонь и весьма вывострены; правый лежит плашмя и внутренним краем несколько поглубже, а левый к тому стойком и острым боком кверху; при сем находится лопатка железная или деревянная для оборачивания отрезанной стоячим сошником земли на другую борозды сторону. Стоячий, или косой, оный сошник наиболее служит для подрезывания попадающихся кореньев и еще от старых русских мужиков, в польских лесистых местах поселившихся, выдуман; а прежде поселенные сюда поляки из полуденных польских степных мест оный употребляют думали, но продолжать никак не умели.

Навóзить здесь по горам вовсе не годится. Поляки пытали оное на оставленных пашнях, но весь посев сожгся.

Из старожиллов некоторые имеют у себя множество овец из монгольского роду с маленькими курдюками, но они не крупнее русских. Большая часть родится черноголовые, а самки редко с рогами бывают. Держат также и коз, коих шкуры употребляют на шубы. Здесь козы наиболее бывают безрогие. <...> Во многих случаях, уверяли меня бурета, один козел в день может пятьдесят коз перепрыгать, а баран до шестидесяти овец, что кажется будто невероятно, однако то же самое я слышал и от калмыков. Меж ягнятами многие попадают, на которых овчинки хорошенькие мерлушки, и таковые здешние выкормленники гораздо дороже к китайцам походят, нежели бухарские. Поляки, по их прежнему в их земле обыкновению, молодых ягнят обертывают в полотно и зашивают, а наутро помачивают теплою водою и продолжают таким образом две, три и четыре недели, подпуская всегда под матку, пока мягкая шерстка, по их мнению, в кудерки завьется; потом дня со дня посматривают и шнурованье послабже распускают, смотря, как растет ягненок и как шерсть подымается, которой полотно распространиться довольно не позволяет. После, как видят, что шерсть завилась, как им хотелось, то ягненка убивают.

Лес на горах по Куйтуну — сосняг, а по буграм — лиственничник; оный особливо в северную сторону лежащую гору, Синюю прозываемую, как высочайшую из всех, из коей и Куйтуң-река, или иначе и Малый Куйтун прозванная, выходит, всю покрывает. По ней в великом множестве водятся лоси и другие дикие звери. Кедров ближе

не видно, как верст за 30 или 35 отсель, особливо на реке Белеге, которая, через Сухолу и Тунгуй протекая, в Хилок наконец впадает.

Вокруг лежащие горы должны быть не безрудны. К зюйд-весту версты на 3 от деревни находится одна ровная и безлесная, многими небольшими холмами от прочих лесистых гор отделившаяся гора, на коей задолго перед сим нерчинские рудокопы копали. Ездят туда через соединившиеся при деревне два Куйтуновы рукава и версты с две оттоль чрез впадающий в Куйтун Нарын-Горехон (Узкая речка). На самой вершине горы находятся две зачатые шахты, по узкому медному утреннему наклонению, которое после к зюйд-осту к долине склоняется, где по битым вокруг шурфам везде дикий камень имеетя. Жила покрашена некоторою небогатою капельною зеленью... также несколько примешано гланцу; но работа вскоре оставлена. <...>

Далее и с большею надеждою пробивали на одной горе на восток от деревни, выше по Куйтуну в левую сторону лежащей. Место, где шурфы биты, отстоит от деревни верст на шесть; его проезжают мимо, если ехать за железною рудою, на речке Китытей добываемую. Ибо тогда сперва поднимаются по речке Кочерге, при деревне в Куйтун впадающей, гора же лежит на правой стороне реки, коей в половине крутизны видны остатки древних кочергинских разработок, в глубоковатых нарочито шахтах состоящих. Руда была отыскана одним горным рудоискателем — Сибиряковым, а работники присланы были из Нерчинска. Жилу ломали в сером опочистом камне, медные следы с немногим гланцем имеющую, на полдень простирающуюся и в горе прдпавшую, почему лет за десять работа на сем месте так и оставлена.

Верст с пять от оной ямы лежит от востока по реке Кочерге простирающаяся гора, в коей вершины сей реки и Китытея, в Брен впадающего, скрываются; последняя при самом своем начале уже показывает на дне множество охры — знак в вершинах кроющейся железной жилы. В некоторых местах и медные видны признаки, кои, однако, к плавке не способны. Самая лучшая руда, что куйтунские кузнецы в своих кузницах плавят, берется подле родника, к северо-востоку близ вершин реки Китытея, с полверсты от нее расстоянием. Она лежит порядочно под красным глинистым валом и каменным горы слоем, в половине косогора к глубокой долине, толщиною от одного аршина на целую сажень, а шириною сажень на пятнадцать, но в горе так непостоянна, что тотчас и конец

ее видеть можно. Она вся разбита гнездами, так что легко кирками добывать можно; однако сама в себе тверда, с черным блеском, и много дает стали, выключая, что по горе валяется отчасти охристая красная, отчасти темно-бурая каменная, к плавке не годная и от мужиков исмоденом называемая. Ее отыскал во время церковного строения в Удинске какой-то Веретенев, а после осматривали и нерчинские горные люди. Но понеже вся она жила лежит наружи, а других надежных отпрысков от нее по горе не искано, то так она куйтунским кузнецам на собственное их употребление и оставлена, и ни однажды еще окладу с них не брано, хотя в Енисейской провинции и справедливо заведено брать погодно по десяти рублей с горну и хотя сия руда весь Селенгинский уезд снабжает, продаваясь от 70 до 80 копеек и до одного рубля пуд.

Для образца я хочу здесь подробно описать плавление железной руды у куйтунских кузнецов, как обыкновенную во всей Восточной Сибири оных людей работу, потому что я, для обития телег в даурскую поездку и за толмачом здесь оставшись довольное время, имел хороший случай все оное подробно видеть. Самое главное место, где плавят уже лет с 50 из белого камня железную лучшей доброты руду,— в Енисейске. Первейший кузнец, который здесь, на Куйтуне, плавить начал, пришел из Енисейска и ныне знатнейший заводчик в деревне, так что за богатство его железом мужики Тарбагантейского ведомства сделали его себе выборным.

Мужики руду добывают и домой привозят осенью в заморозы, прежде нежели как снег выпадет. Один человек в сутки может добыть пуд 50 и более; понеже руда весьма жестка, то обжигают ее сперва хорошенько в кучах, однако и тут еще столь тверда, что нельзя, чтоб не толочь ее в желобах над чугуною доскою. Печка состоит из четвероугольного поду, вышиною аршина на два и столько же шириною, посередь выкладена круглая яма, на пол-аршина простирающаяся вниз, до гнезда пядени на три, перед которым такой же величины имеется отверстие. Когда кузнец работу зачинает, то наполняет гнездо толченым угольем, под которым закладывает наперед несколько горящих углей, засыпанных землею. По земле проводится каменная труба в полтора вершка толщиной даже до половины гнезда, где для большего оной сбережения от огня надевают на ее другую старую трубу; после насыпают в печь несколько окалины, а потом закладывают устье каменную плиту, по сторонам все щели замазывают вязкою глиною и наконец короба три всыпа-

ют в печку; после кузнец наставляет свои мехи в трубу и дует, и как огонь повсюду разгорится, то накладывает один коробок толченой руды весом около десяти фунтов. Как скоро уголья, верхом прежде насыпанные, обгорят и опадут вниз, тотчас дополняют другим, свежим, и сверху надают коробку руды и продолжают таким образом до тех пор, пока сверху трех прежних еще восемь коробок насыплют. На второй и третий короб кладут одну меру руды, на четвертый и пятый — несколько побольше, на шестой и седьмой — две меры и на восьмой одну только меру накладывают. Во все это время беспрестанно дуют в мехи приставленные нарочно к тому работники, которые и трубу от обседающей шкварины ожогом очищают, и, ежели где в горне прогорит, новую землю закладывают. Когда уголье сгорит, то отнимают от горна плиту, остальное недогорелое считают, огарки и шкварину, которой с полтретья пуда до пуда — больше и меньше — бывает, еще колесными щипцами снимают и тотчас деревянными молотами на земле расколачивают и так чугун отделяют, а шлак от окалины каплями отседают. После сбивают еще окалину на наковальнях, и тем работа оканчивается. Верхний слой в выплавке выходит всегда крепок, как сталь, однако не особой доброты, напротив того, железо мягко и изрядно. Правда, в такой плавке всегда железа несколько пропадает, и в большем количестве руда была бы выгоднее; однако здешние плавильщики в то не вникают, и при таком малом количестве руд большие труды употреблять было бы тщетно.

Перед моим отсель отъездом получил я еще один род желтых трясогузок, которая своею величиною и совсем желтою головкою от обыкновенных отлична; ее весною при пролете на северные страны и в России видают.

Дорога с Куйтуну к Удинску лежит беспрестанно горами и сперва довольно-таки болотиста, а к Уде сухие и песчаные боры, вокруг коих повсюду кустарники, наиболее из собственной Восточной Сибири и Даурии белой березки, расстиались. Более нежели на половину дорога лежит вдоль по долине, Воровскою падью называемой, потому что в прежние годы, как сею стороною владеть начинали удинские жители, частые нападения от беспокойных еще и поныне буретов и мунгалов вытерпеть принуждены были, и потому ездить не иначе как по дороге тайным образом должны были; небольшую речку, в сем месте к Уде протекающую и по той же причине Воровскою называемую, бурета Сулдурую именуют.

Теперь надо было чрез реку Уду переправиться, и я послал вперед за паромом, который по Селенге ходит; и

так в ожидании оно́го была некоторая остановка. Однако еще не поздно мы в Удинск прибыли, в коем за некоторыми делами принужден был до полдень следующего дня остаться; место, на коем Удинск построен, ровное, на одном мысе, перед стечением рек Селенги и Уды протянувшимся, имеет ныне вновь построенную каменную церковь и две деревянные. Крепость, или по-тамошнему острог, деревянный с четырьмя башнями и одними воротами, стоит выше по реке Уде на одной песчаной горе, от прочего строения отделившись. Позади его находится новопостроенная для хлеба магазейна, из коей хлеб на серебряные заводы отпускается. Меж обывателями находятся зажиточные купцы. Богатство их состоит наиболее в скоте, буретских овчинах, даурских горных белках, коих каждый год здесь, особливо на Кяхту, до четырехсот тысяч походит, и другой мягкой рухляди. Также изрядный бывает выигрыш для удинских жителей, как и по всем местам, по Нерчинской дороге лежащим на даурские заводы, от провозу хлеба и соли и подряду на обратный путь под свинец, равным образом от поставления соленой рыбы, наипаче омулей, в места по ту сторону гор, рыбой недостаточные.

Мимо Удинска проходит большая Нерчинская дорога, по которой не везде столбы стоят и не везде исправлена или мосты имеются, а оставлена так, как она есть, потому что по ней не всегда ездят, а перевоз и другие казенные посылки все случаются зимою. От городка поезжают сперва песчаным бором или соснягом до реки Березовки, или Унгыссытаю, где проходит непространное сухое место, лежащее по левую сторону меж рекою Удою и горами, а по ту сторону равным образом великие горы, большими лесами покрытые. Таким образом, продолжается дорога где шире, где уже, однако везде спокойно почти на двести верст беспрерывно, выключая некоторых бугров и горок и множества речек, из гор в Уду текущих. Равнина сия состоит то из хрящу, то из песчаной глины, травой весьма не богата, и повсюду на полях и униженных местах солончаки выступали. По таковым местам начинал распускаться куричий цвет. <...> До первой станции проезжают речки Грезнуху, или Шабарту, Ике-Дабатей, Бага-Дабатей и Дзаха-Дабатей, которую русские, напротив, Иргилыком называют, потому что по ней от Уды через горы в Селенгу к деревне Иргилыку кратчайшая дорога.

Первая братская станция — на реке Нахой-Горехоне (Собачья река). Все станции от Удинска до Читинска со-

держат братские купно с хоринцинскими буретами. На каждой должны в готовности содержать пятьдесят лошадей и несколько верблюдов, как для провозу казенных вещей, так и для проезду других проезжих; к тому хоринцы или нанимают людей, коим за все убытки и проторы платят, или дают свой собственный скот и только людей нанимают. Везде по станциям находится по одному баргузинскому или нерчинскому казаку для осмотра подорожен, и чтоб припряжки были в готовности; над всеми же имеет присмотр удинский дворянин.

Здесь я впервые видел и для того упоминаю, как бурета вовсе неезжалых лошадей припрягают. Обыкновенно, они держат несколько смирных лошадей для запряжки в оглобли, но когда больше телег, нежели сколько смирных лошадей случится, то принуждено будет силою запрячь и дикую. Припряжные лошади обыкновенно к езде не привычны, и на них хомутов не надевают, но опоясывают их поперек чрез седло двойною веревкою с вальком; другую веревку привязывают к телеге также вдвое, потом, сев на лошадь, подъезжают к телеге так близко, пока веревкою, за валеk к седлу привязанной, захлестнут, и так скачут подле коренной без великой трудности, хотя такие устают гораздо скорее, нежели первые, и для того всегда несколько буретов едут порожние с запасными лошадьми.

Верст с десять проехав от Нахой-Горехону за Нарын-Шибир, увидишь заимку удинского купца Серебренникова, на болотистом месте построенную, где три небольшие речки, под именем Ага-Дзаха, в Уду протекают. Ночь уже наступила, и мы принуждены были здесь остаться до утра, а днем перебрались мы чрез разные речки и протоки, также чрез реки Харын-Голотей и Хара-Шибир до речки Курбы, которая уже нарочито разлилася и так глубока и быстра, что мы, не без нужды и не не помоча многие вещи, по мелкому ее месту переехали.

Шесть верст от Уды вниз начнет <ся> Кубинский бор, на стороне которого находится подле соленого болота небольшое, но почти высохшее озеро, белую горькую соль содержащее, Уемукей-Ноор называемое. Недалеко оттоль находится вторая буретская станция, которая по тем, кои ее содержат, называется Курдуцкою. Берега озера, так как и всего здешнего округа, плоски и песчаны, и на обсохшем озерном дне лежит множество белой горьковатой соли, которую бурета собирают под именем хужир и варят с своим чаем, чтоб придать ему довольную густоту. Однако не все горькие соли бурета любят, а только те,

кои более уринальный или алкалический вкус в себе содержат; в случае же оных недостатка употребляют по нужде острейшую березовую золу (шулта). Если стать здесь копать, то так, как и по всем солонистым болотам, найдется темно-серая вязкая глина, которая далее в глубину простирается.

В одной из здесь стоящих... юрт находится молодая шаманка (удугун), которую я призвал в ее шаманском уборе: однако она в своем ремесле еще столь мало искусилась, что дурачеств ее, пред нами деланных, не стоит того, чтоб описывать.

Убор ее был такой же, какой увидим на описанной ниже сего шаманке, выключая одни костыли, кои она в руках носит, обиты железом и разными гремушками и колокольчиками обвешаны; они были не прямые, а, наподобие сабель, кривые. Бубен нес ее муж за нею и бил. Как только она к юрте приблизилась, то хозяин, вышед, взял у нее клюки и просовывал сквозь дверь, приподняв войлошную закрывку.

От Уемукей-Ноора дорога лежит от Уды далее бором, а после — пустыми пригорками. Верст за 28 по левую руку было у нас в пади озеро Колпинное, или Наранг-Ноор (Солнышкино озеро), а по правую — небольшая, от вершин до основания от прочего хребта отделившаяся гора Наранг-Хадда, и поелику наши лошади притомились, то мы и вздумали под вечер, чтоб покормить лошадей, несколько остановиться при небольшой речке, из вышеобъявленного озера в Уду текущей. Ночью поехали далее, переехали речки Еныгутей, Нарын-Горехон, один безымянный ручей и Шакир (Река с солеными берегами); переменя подводы, продолжали наш путь чрез Могой-Горехон (Змеинная речка), Жерганту, Шубугу, Нарын-Шибир и еще две речки нарочито гористыми местами и к утру на реку Ону приехали. Здесь один кяхтинский мещанин имеет для зимовья поскотину, где я остановился, для того, что вблизи на Кудуне находилась некоторая рудокопная яма, так и ее осмотреть, и оставшихся в Удинске из моих спутников за починкою телег тут дожждаться.

Река Она, вышед из гор на равное место, при Уде находящееся, разделяется на три рукава, из коих нижний по-буретски Татур, а верхний Жиргиле называется. Средний удерживает настоящее свое имя, и немного повыше оно на Уде стоит зимовье; ниже же впадает в Уду с другой стороны река Кудун, отчего Уда, выше соединения не иначе как ручеек, здесь в большую речку возрастает.

29<-е) число весь день прошел в посылке за разными хоринцинскими шаманами и в посещении одного вблизи-

сти находящегося тайши Дамбы, который есть сын упоминаемого г(-ном) Гмелином Еринца, управляющего по наследству многочисленнейшим родом хоринцев. Из шаманов некоторый к нам не приехал, сказывая, будто б они за шаманством по разным местам разъехались. Хоринцинские бурета, населя всю страну меж Хилком и Байкалом, также и по ту сторону гор по обоим берегам реки Ингоды до Онони, разделяются на одиннадцать родов и состоят под нерчинским правлением, платя ясак зверем с одиннадцати тысяч луков. Большая половина из них настоящие язычники и подвластны своим шаманам; однако учителя ламайского закону, с немалым старанием обращая из них в свое суеверие, сопряженное с некоторым нравоучением, уже успели столько, что учредили между ими своего духовного гедзиля с двадцатью шестью простыми ламами, а знатнейшие из них зайсаны, как и сам тайша, уже несколько одного закону придерживаются.

30(-го) дня я поехал на оставленный Мунгальский рудник в 15 верстах от Лосьева зимовья, за Удою находящийся. Я ехал, переправясь через Уду бором: позади одного проехал я мимо верстах в четырех круглое, но почти пересохшее соленое озеро Тором, которое, как и другое, подле его находящееся, нарочито много горькой соли глауберовой, или худжиру, содержало. По ту сторону озера, на Кудуне, к Уде подъезжая, видны были остатки деревни мунгаловой, где несколько жилых изб оставлено при разработке рудника от горных людей, прежде обитавших.

Далее надобно будет проезжать через один двойнишный песчаный бор Хорой-Уда, или Пересохшею Удою называемый; оным прежде река Уда протекала, но ныне далее к северу около одной лесистой горы, подле самого Лосьева зимовья, обтекает. Сажень с двести оттоль переехал я Кудун, глубочайшую и быстрейшую прежде соединения, нежели сама Уда, реку, которая, протекая ниже по сему каналу, впадает, наконец, в помянутую Уду. Отсель дорога была по левую сторону Кудуна вверх нарочито гориста. По горе местами рос сосняг, сама ж гора состояла из опочистого красноватого ила, чистому дикому кремнистому камню подобного, который большими увалами продолжался на восток и запад, а к северу глубокою долиною кончался. (...) В расселинах в горах великое множество находилось нор некоего большого роду черноватых мышей.

Я пробыл несколько минут у буретского зайсана Шантана, у коего мне провожатого взять было надобно, а

притом я думал, что у него какого-нибудь шамана заста- ну. Потом, отъезжая далее от Кудуна, ехал вдоль по реке Мунгут (Серебряная речка) и верст с десять от того места, где я чрез оную переправился и где Мунгут из двух речек соединенных происходит, прибыл я на ту гору, на которой Мунгутский рудник построен.

Имя Мунгут, где гора сия имеется, реке еще издревле принадлежало; я не сомневаюсь, что не в отдаленности от сих мест по горному оных разысканию можно будет доискаться мест самих плавлен. Первые рудные призна- ки попались в 1758 году на хоринцинского тайшу Еринца, почему следующего году на верху круглой горы, от буре- тов Майлою называемой, тут было и разработано. В том месте, где медная руда зеленью своею наружу выступала, пробили шахту, по коей нашли, что руда идет настоящим порядком, так, как у всех сибирских свинцовых и сереб- ряных руд, и состояла сперва из меднистых и ярких кусков, после из твердых и суровых свинцовых камней, толщиной весь слой вершков шесть или восемь. На третьей сажени слой начинал кончаться, и руда в сером простом камне не иначе как разбитыми гнездами нача- ла показываться на шестой сажени... выходит в том месте, где гора яром окончалась. И так понеже ру- да в преследовании шахтами от часу тоне и скуднее ста- новилась и, на половине пятой сажени уже на полночь склонясь, лучшей по себе надежды не подавала, то оста- новили тут работу и по битым еще местах в шести, где признаки казались, шурфам ни одной порядочной жилы не отыскали. И как оный рудник один только на Уде на- ходился, и который при помощи другого хорошую б еще мог обещать выплавку, но оного не доставало, то он и другие, не много обещающие, по Кудуну и по другим реч- кам, Тарбагантею и Куйтуну, вовсе оставлены. Добытое камень лежит еще в куче и состоит отчасти из твердой чистой свинцовой руды, которая из одного пуда семи фунтов свинцу один золотник серебра дает и где-где колчеданные кусочки имеет; отчасти же из желтых с блейшпатом и ярью и другими небогатыми медными про- ростками охристых камней. Из первого сорту добыто ру- ды до тридцати тысяч пуд, а последней меднистой — бо- лее двенадцати тысяч. Горы вообще состоят по Кудуну из твердого древесного камню и всегда обещают руды.

По горе нашел я изрядные остатки редкой трав- ки (...), а в долинах посконная крапива расцветать начи- нала. На возвратной с рудника дороге захватило нас ве- ликое ненастье с градом, так что ужасною бурей в зи- мовье на Уде почти все окна и часть крыши сорвало.

Я 1 мая беспрестанно продолжал мой путь. От Лосьева зимовья, переезжая через верхний рукав оной реки (Джиргиле), считается 7 верст до Галсунского станца. Отселе — через сухую Джиргилу до Аншанской станции. Вверх по оной реке на левой стороне, верст с десять от устья в горе Билчир в сером песчаном камне находили признаки восточного хрусталя и темноцветного топазу; равным образом бурета показали таковой же на горе Урте по речке Кичинге, в одном месте Цаган-Куту называемой.

Из Ахчанги поехали мы чистыми и невысокими горами, коих положение было довольно неравно, и, кажется, они от часу выше и выше становились. Проехали речку Нахалу, по которой бурета черные, желтые, агатовидные кремешки собирают, Нарын-Горехон, Хорой-Марукту и Марукту, которые все вместе впадают в речку Поперешную, или Уегуту; наконец, переехав самую последнюю, остановились ночевать в буретских юртах, где и станок для перемены лошадей сохранился.

Места здешнего округа чисты и возвышенны; не видно никакого вокруг лесу, кроме малых где инде перелесков из небольших лиственниц. Возрастающие отсюда от часу горы становятся сырее и холоднее, так что нигде не только цветов, но и травы не видно. Пониженные места оброшены были маленькими березничками, тальничками и другими кустарничками лупины, в лесах же мох и голубица росли в великом изобилии. Сегодня же выпал небольшой снег, так что горы от того побелели.

Ближайшие реки, кои я следующего дня проехал, суть Хучирту и Хараху; сию последнюю русские называют Погромною. На ней находилсь некогда только зимовье, но ныне засланные в Сибирь за небольшие преступления люди размножили оное в деревню, из 25 дворов состоящую. На каждый двор прежде располагали по четыре человека, но как оные переженились, то, разделив семьи, разделили по другим местам по Нерчинской дороге, дабы всю сию дорогу мало-помалу населить русскими деревнями и по ним расставить станции, чтоб содержащих доселе оные буретов освободить от сего.

К северу версты полторы от деревни по реке Погромной находится один минеральный ключ, из коего в безмерном количестве пьют воду от головной болезни. Она производит рвоту, и буреты, по совету их лам, пьют ее во всяком расслаблении и внутренних припадках с хорошим успехом; но русские, употребляя ее также в тяжких болезнях с неосторожностью и без меры, имели от того смертельные следствия. Я было туда поехал для

рассмотрения сего источника но мокрое место вокруг оно-го, наводненное от реки и почти еще замерзлое, принудило меня оставить исследование сей воды до возвратного моего пути. Вокруг ключа по кустам развешены были распещренные лоскутья, расписанные лопатки и тому подобное, кои бурета, пользуясь водою, на том месте оставляют.

В восьми верстах от Погромной содержится станок буретами Шарацканского поколения. Сюда в юрты я велел позвать вблизи находящуюся шаранцинскую шаманку, Лабанцикса прозываемую, для просмотра ее шаманства. Она приехала со своим мужем и еще двумя буретами, кои несли за нею по бубену. Она сказывала, что сие не настоящее их число при таком действии, но в торжественные приключения должно оных числом быть девять. Сама она несла в руках две клюки (сорби), кои обиты были, как рейтарские ножны, а наверху имели по лошадиной головке, изукрашены были резными штучками и на каждой было по колокольчику. Равным образом и платье было извешано такими разными пустыми фигурами... пучками расшитыми; с плеч до земли по спине висели с тридцать из разных белых и черных шубных лоскутков сшитые змеи (нутхал) и ремнями вместе сшитые шкурки из ласок и рыжих летних горностаев. Меж змей одна была на конце натрое вдоль разрезана, которую она именно Могоем называла, и без коей... шаманства никогда не начинают. Шапка у нее была наподобие шишака, железом крест-накрест выложенная, и на ней были треконечные рога, будто оленье. В шаманстве она нимало не застенчивалась, хотя был и ясный день, а казалась в своем ремесле довольно хитрую и искусившеюся. Сперва она начала делать небольшие движения и скачки, потом от часу сильнее и сильнее мыча, нечто призывала; находящиеся бурета, сидя вокруг, у коих были бубны, те колотили в оные, другие подтягивали голосом; наконец, будто в судороге корчась и расслабевая, пялилась руками за рожу и тем заключила.

При первом пении представляла она, будто хотела бежать из юрты, но двое буретов, у дверей стоявшие, ее от того удержали. После многих других разных дурачеств при беспрестанном пении бросалась она на каждого из трех на левой стороне юрты с бубнами сидевших буретов, как бык. Однажды, взяв обе клюки в обе руки, бросалась с оными в дымную вверху юрты дыру, скакала многократно, будто б она демонов оными в юрту втащить хоте-

ла. Наконец показала веселый вид и приказывала, чтоб всякий у нее, что хочет, спрашивал, и она тут, беспрестанно шатаясь и поючи, ответствовала; после попросила вина и пророчествовала мне, что я счастлив на свете буду и что мне еще далеко морем ехать будет надобно, и тем окончила свое безумие.

Я здесь намерен было описать искусство о платье буретских шаманок только для примеру, чтоб видеть те, как кажется особливые, вначале деланные действия. После имея случай видеть у разных в Сибири языческих народов таковые шаманства, не премину равным образом при каждом упомянуть оные, дабы можно было видеть, в чем и сколь велико меж сими различными народами есть отличие: ибо главное дело обману и обворожения, кои они каждый по своему искусству сколько может укрывает, так как и самое всех сибирских язычников суеверие не много разнствует, что довольно можно видеть из пространно описанных не без скуки в Гмелиновом путешествии шаманских представлений.

Сего дня я проехал все по речке Уруденге находящиеся мокрые и по большей части лиственничником, мало березником покрытые горы, которые, от западу к востоку обходя дугою, отделяют реки, по витимским урочищам текущие, от оных, в реку Уду впадающих. Растаявшие по горам болотины делали нам проезд наитруднейшим. Кроме моху, никакой зелени было не видно, но меж мохом прекрасная росла порезна. Наконец выехали мы на площадь, на многие версты простирающуюся, от коей горы отошли и по коей мы под вечер, переехав одно болото Кургуте, добрались до одного озера без выходу и еще замерзшего, Укинор (Коровье озеро) называемого, при коем находится удинского дворянина Новоселова, над братскими станциями смотрения имеющего, заимка, где мы, каково ни есть, ночевать остановились.

Озеро Укинор весьма солоновато, но маленькое, не в отдаленности от него находящееся озерко имеет воду, которую еще пить можно; оно уже растаяло и все покрыто было дичью. Первое летом по умалении воды парами, когда станет гуще, то издали показывает на себе вид красный; а по берегам по спадении воды садится много горькой глауберовой соли.

Следующего утра ехали мы по ровным местам подле озера Укирнаралоту, или Соснового, которое в Еруну, или Еравну, издалече видимую, вытекает и небольшую речку, чрез дорогу текущую, в себя принимает. Далее продолжали путь наш подле Холой-Ноора, все по левую

сторону, кроме последнего небольшого, Хиротором (называвшегося), вправо оставшегося, до речки Догны, а порусски Домны, в озеро Еруна впадающей, где и перемена лошадям от хубдицких буретов содержится. Все сие поле, которое еще далее за реку простирается, имеет изрядный чернозем, однако столь холодно, что поныне еще трав ничуть не оказалось, а к северу и совсем голо. Многие тут находящиеся озера, в Витим и в Лену воды свои изливающие, напояют довольно иначе возвышенную сию область; вдоль по Догне вверх прилежат опять вышеобъявленные лесистые, болбтистые, между прочим, нарочито высокие горы, по коим мы с наивеличайшим трудом пробирались и насилу к вечеру к по ту сторону удинских вершин находящейся станции прибыли, где ночевали.

Следующего дня, несмотря на начавшийся с утром превеликий мокрый снег, который я не считал, что продлится долго, отправились мы пораньше далее в дорогу. Дорогу уже занесло, снег умножался, отчего грязь и слякоть и гористая с камнем дорога делали несказанные в пути препятствия. На буретских лошадях, и без того бесильных, и только что кожа да кости, не могли мы переезжать по полуверсте без остановки, не дав им снова времени с силою собираться. С величайшею нуждою и чрез долгое время наконец кое-как переправились мы за Уду, коей вершина и некоторые в нее впадающие речки, из коих при одной брошенная находилась землянка, влеве остались. Однако мы еще не совсем отчаивались, чтоб наши лошади нас до станции не дотащили: и так ползли мы еще на другой хребет, лиственницами обросший, также удинские реки от витимских отделяющий, и за полдень притащились до небольшой речки Конды-Кирете, Кунду буретами прозываемой. Она от растаявших снегов так увеличилась, что переезду едва надеяться было можно, притом лошади мои, кои тихою ступью еще довольно куражу имели, ныне за реку идти никоим образом не хотели; другие телеги были далеко, снег лежал глубоко, так что по шляху великие бугры оставались, он же не переставал, а шел от часу больше. К величайшему нашему счастью, по ту сторону Конды находилась оставленная без крыши землянка, и потому еще некоторая надежда в снегу не замерзнуть оставалась. Первое старание было под глубоким, более как на аршин, снегом сыскать дров, чтоб спасти себя от наступающего под вечер нарочитого морозу. Наконец принуждены мы были обобрать излишние у нашего убежища доски, так, как, видно, дельвали некогда и другие, и так добыли мы ог-

ню, но в отверстие отовсюду избе такой сделался дым, что мы то и дело принуждены были выбегать на двор и там на снегу дожидаться, пока пламя утхнет. Две телеги из оставшихся назади не имели сего счастья доехать до дымного сего гнезда, но ночевали по разным местам в лесу, хотя мы и всех тех лошадей, кои еще шатались, к ним на помощь послали.

Следующего утра после сильного ночного мороза мы находились в нашей избе, будто б в атаке, в нужде сдаваться неприятелям. Вокруг землянки и по дороге до оставшихся телег от нас версты за три нашли от наших припряжек, в двадцати одной состоящих, одиннадцать, то с голоду, то с морозу падших, кои лежали, растянувшись по снегу, и вороны, и воробьи клевали оные и, карканием своим других созывая, наполняли страхом всю сию область. Где только присталую лошадь выпрягли, тут она и пала, нимало не прикушав березового листу, который здесь обыкновенный корм буретским лошадям в нужде.

В таковой бедности, нимало не видя еще окончания, потому что снег не переставал нимало, подали мне некоторое утешение некоторые лесные птички, от голоду к нашему же убежищу залетевшие. Мы выбросили из зимовья сор на снег, к коему они еще более собрались, и так мы стреляли оных из окон. Меж всеми прочими известными птичками попались мне семь новых сортов, из коих я некоторых уже после и не видывал, потому что живут обыкновенно в густых лесах и весьма боязливы. Под вечер мы множество нашли в снегу других малых птичек, с голоду и от морозу умерших, и, между тем, одного мелкого сорту голухохвостую трясогузку, которая иначе весьма боязлива, но ныне, искав себе спасения в нашем пристанище, летала вокруг избы весьма близко.

Приятнейшую всем нам надежду подавало новолуние, с коим следующий день, 6 мая, ясным быть казался, и потому великую все надежду возымели о скором нашем избавлении от сего за дымом и капелью едва сносного уединения, в которое нас слякоть загнала. И так рано поутру послал я толмача в отстоявшую от нас еще на четырнадцать верст первую на Большой Конде станцию за свежими подводами; оные пригнали к нам под вечер, но вид их был не лучше старых наших кляч. Однако еще сего ж вечера нам можно было притащить оставшиеся назади телеги, а следующего утра отправились далее, ибо уже почти и запасу у нас не доставать начинало; всю сию дорогу, чтоб несколько облегчить лошадей, шли мы

все пешие по горам и по лесам в снегу, в грязи и в воде по колено. Несмотря на все поданное нами облегчение, ни же на частые для отдыха остановки, свежие наши лошади хотя правда не под пустыми телегами, но не могли далее перейти шести верст, и мы принуждены были остановиться их покормить прутьем в одном мелком березняке. Но равным образом мы не далеко б еще на них убрался, если б не подоспели к нам бурета с Шакша-Ноору со свежими подпряжками и верблюдами. Последних сих в нужде также запрягают и в оглобли: а именно свернутый войлок, привязав концами к оглоблям, накладывают верблюду на крестец, как хомут, меж шеей и горбом. Таким образом тянули нас верблюды по болотам и снегом, и водою наполненным долинам, хотя не скоро, однако без остановки. Но некоторые из них были столь упрямы, что ни сильным тянутием за веревку, сквозь ноздри пролетую, ни сильнейшими ударами не могли быть принуждены идти в оглоблях, а как лег на колени, так и лежал, пока его не выпрягли.

Нынешнего дня переехали мы речки Улгуй-Горехон, Шибирту и еще два безымянных ручейка, в Конду текущих. От Шибирту к Конде лес вдруг прерывается наклонным полем, по коему вода с снегом, как река, текла.

Конда по приезде нашем была столь велика, что без мосту никоим образом переехать оную было не можно. Чтоб оный построить, сегодняшнего дня было не довольно; и подпряжки наши, кои от самой станции тянули, все пристали, и для того необходимо их кормить было надобно, и так остались мы тут ночевать в буретских юртах, при берегу стоявших.

Поутру, как скоро мост на глубочайшем реки месте нам изготовили, то перетасили мы по оному наши телеги, и сами вплавь на верблюдах переехали. Едва мы успели ступить на другой берег, как прирастающая от часу вода, которая и без того его уже поднимала, с берегов сорвала и с собой утащила.

С такую же трудностью, как вчера, ехали мы вверх и по Уруденге, или Поперешной. Все было наводнено, как потопом; все маленькие речки за глубиною переезжать никоим образом было б не можно, если б мы не выдумали один род моста, который в нужде с пользою, как мы во многих местах и испытали, служить может: т. е. мы выискивали обыкновенно самое узкое реки место и где берега были крутоярые, потом, срубя две гладкие сосновины, буреты, переплыв на другую сторону на лошадях, перетаскивали оные и утверждали в берегах поперек ре-

ки; таким образом, посадя телеги осьми на гладкие деревья, перетаскивали вскользь на осях на другую сторону.

По ту сторону речки едучи, мы каменистыми буграми, лесом покрытыми, прибыли в сторону, к реке Хилку склоняющуюся, переезжали множество речек и ручьев, в нее текущих, и, наконец, переехав быструю реку Кисти, или Каменки, продолжали далее путь вдоль по реке Урбу-Догно ровною дорогою до стоящего над нею зимовья. Вышепомянутые речки впадают в сию Урбу-Догно, а сия — в озеро Иргень, из коего Хилок выходит к западу до Селенги-реки. Сверх того, в самое то же озеро втекает озеро Шайша, которое с другими к северо-востоку на горах лежащими озерами, как Рахлей, Тассеево и Иваново, воду свою к реке Витиму изливающими, имеет сообщение, так что в оном месте, примечания достойном, можно сделать водяную коммуникацию по рекам, в разные стороны текущим.

Мы остались ночевать в оном зимовье, потому что отсель следует затруднительная дорога через самый большой хребет, на переезд которого обыкновенно целый день полагается. Сия самая дорога через горы из всех тех, кои также от Хилка идут к Чикою в Даурию и о коих упомянуто выше, одна, которою всегда ездить можно, другими же или в известное только время, или только верхом.

9<-го> числа мая велели мы перетаскивать по бревнам чрез реку Урбу-Догно наши телеги. Ужасное оной стремление не воспрещало ничуть посередке играть прекрасному роду уток, который... водится по большим рекам и на горах по озерам в Восточной Сибири, и в сих местах, потому что всегда быстрейшие каменные речки избирает, <то> называется от русских каменушками.

За две версты от Урбу-Догно стояла еще братская станция, в которой мы принуждены были обобратить всех лошадей и верблюдов в запас с собою, дабы горами много не биться: вправо оставили мы многорыбное озеро Иргень, еще в Гмелиновом путешествии по чудесам своим упоминаемое, и где после поставлена часовенка. По несколько верстах прибыли мы на Шакша-Ноор, коего соединяющуюся речку с Иргенем мы по бревнам перетаскились. Озеро еще льдом было покрыто, и бурета хотели было речку по оному объехать, однако лед уже был почти изнылый, и посланные вперед для опыту бурета с лошадьми проломились и насилу на берег выбрались. По выступившей наверх льду воде великое множество плава-

ло уток, меж коими были и каменушки, кои обыкновенно на плаву в воду так глубоко погружаются, что видна одна только шейка. Равным образом они и с воды неохотно поднимаются, а где ж должно, там лучше вплавь или ныряя, чему они весьма искусны, спасаются.

Далее переправились мы за реку Жибкезель и 12 верст от Урбу-Догно за реку Ару-Догно, которая с прежнею в Шакшинское озеро впадает.

Чудное обыкновение буретов, что они реки, выходящие из противных сторон одного хребта, меж двух главных рек находящегося, где каждая по противоположенному скату течет к своей реке, в которую впадает, называют одним именем, особливо если еще лежит вдоль по такому верховой шлях или какая другая тропинка, что здесь весьма нередко. Здесь имя Догно прилагается к прерогим речкам. Я уже выше упомянул об одной речке под сим именем, в озеро Еравну впадающей; теперь сверх сих двух, в Иргень и Шакшу-Ноор текущих, по коим и почтовая лежит дорога, по ту сторону гор есть третья под таким же названием, в Ингоду впадающая.

При озере Шакшинском, вокруг коего нарочитые равнины находятся и которое в большей своей ширине по крайней мере верст десять имеет, стоит множество русских маленьких деревушек; в нем находится довольно рыбы, так, как и в Иргене, в половину его меньшем; рыболовство же производится подрядом. Ловят по большей части шук и других мелких рыб, весьма много превеликих окуней, коих, напротив, по ту сторону гор нигде в реках, к Амуру текущих, не примечено.

От реки Ару-Догно подошвы гор поднимаются выше, однако ровными местами, потом придет разбитый каменный хребет, который Яблени-Даба называется; оный не только Даурию от Сибири, но и реки, в Байкал и в Лену текущие, отделяет от амурских. Название ему дано буретское, и сколько я мог меж сими доведаться, то оно у них единственное и весьма старинное. Первые русские сих стран поселяне, конечно с буретского ж взяв, назвали его Яблонным хребтом; однако как самое имя значит горы, на коих бы яблони находились, то не преминули некоторые доискиваться причины сего названия, почему иные полагали, что то взято ироническим образом с рассыпанного по горе камню, однако углы оных не позволяют снести с подобием яблока; другие думали, что оно происходит от одного деревца, коего по горе, однако, нигде не видно... Весь оный гребень, шириною на двадцать верст, состоит из чистого серого камня и простирается от мун-

гальских границ меж Чикоем и Ононью непрерывно, различно только склоняясь даже до океана. Большею частью он кажет(ся) посредственной вышины, и есть другие горы подле, кои его гораздо выше глазам кажутся, и на некоторых все лето вершины снегом покрыты бывают; напротив того, на самом гребне оный весьма рано стаивает. Однако что и он чрезвычайно высок быть должен, то можно довольно видеть из вод, с ужасным стремлением в отдаленнейшие моря текущих.

Удивительно сие, что во всех сих горах не видно никаких слоев или рядов каменных, но малые и большие камни лежат, будто б размешанные, без всякого порядку; по ним растет мох, а по щелям деревья коренья свое растилают. По таковым камням на колесах ехать великая трудность и для их ужасная порча. О поправлении же дороги и думать невозможно, потому что стекающая от снегов вода тотчас бы опять испортила, так как и самые горы еще издревле все оголила. Все горы были мокроваты, лес же был из лиственниц, мелких березок, к южно-восточной стороне по речкам красная и белая сосна.

Мы проехали сего дня все оные горы поперек вверх по вышеобъявленной речке Ару-Догно, где еще от самого высочайшего хребта до станции двенадцать верст оставалось; потом по речке, к Ингоде текущей, Урбу-Догне вниз спустились. Но как ночь нас еще при подошве горы застигла, и дорога весьма трудна, и лошади обессилели, то и остановились мы ночевать в лесу, а утром на станцию прибыли, где несколько русских мужиков вниз по речке домами заселились.

По сю сторону гор в прошедшие дни только маленько снежку выпало, и потому все поля приятно были покрыты зеленью; напротив того, на северной стороне ни травки было не видно. Уже сюда прилетели и ласточки, меж коими не только видны были обыкновенные, но и другие в Восточной Сибири пременившиеся краснобрюшчатые касатки.

Понеже некоторые из моих спутников за охотою по Шакше-Ноору назад остались, то я и препроводил 10(-е) число мая в деревушке Притуповой, только из пяти дворов состоявшей.

11 (-го) дня продолжал я мой путь до Читинска. Места здесь становятся открытее, вольнее и приятнее, то только, что высочайшие горы лесом покрыты, меж коим хвост по камням толщиной в руку был виден. По долинам везде щебень, и меж мелким камнем много находится кварцу и белого халкедончатого кизелю. Мы проехали сего

дня речки Кек, или Кичик-Шибир, по коей в некоторых местах солончаки находились, и притом видны были древние могилы, над коими восставлены были каменя, Джирек и Хадапей; потом отправились далее мимо большого озера Кинона, большими карасями и щуками изобильного, до деревни Засопошной, которая шесть верст выше Читинска стоит на Ингоде, где мы остановились, чтоб на следующую езду напечь себе хлеба. Между тем я приказал в Читинске изготовить плот, коим бы по Ингоде спуститься, потому что сухопутная дорога на воду, отовсюду стекающею, никуда не годилась.

По теплым горам, при Ингоде лежащим, начал уже кустарничек (багульник) пурпуровые свои цветочки показывать, также и береза распушаться.

13(-го) дня мая повезли наши телеги из Засопошной на плот, на Чите стоявший, коим, плыв вниз, проехали мы Читинский острог, спустились в Ингоду, потом того же дня проплыли речки Песчанку, Никишиху (по-буретски Чегайту), Ельнишну-глубокую (по-буретски Бутевкен) и Кручину, все по левую сторону, и в зимовье Болетуе ночевать остановились. Немного повыше Кручины посередь Ингоды лежит камень, Капитан прозванный, который в межень проезд делает опасным. Ингода, или, как бурета говорят, Ингида, по обеим сторонам имеет каменистые крутые и лесом покрытые горы и часто от прилежащих сих гор каменные берега (...)

14(-го) числа проехали мы речку Оленгуй и деревню Оленгуйскую вправо; немного подалее влево осталась деревушка Макавеева, из двух дворов состоящая, и другие маленькие ручейки. Наконец прибыли мы за 50 верст от Читинска, к деревне Улзутуевой, или Харамунгут, где вокруг Ингоды места все чистые становятся и открытые, а из нее поехали мы сухим путем на полдни к реке Онони до Акшинской крепости. Того же самого дня я в... путь отправился из Улзутуевой деревни и, переехав реку Окажикан и сухую степь, под вечер при озере Чигалдзуре ночевать остановился.

15(-го) числа, переехав степь, въехали мы в лес и продолжали путь наш мокрыми местами, березником обросшими, до Туры: сперва ехали болотом, Килбири называемым, потом проехали реки Куркиреко, Куймак и Тирготуй, в озеро того же имени текущую. При Тирготуе мы остановились в полдни кормить лошадей, а в сумерки прибыли в Туру. Здесь на полдни лежащие горы уже роскошествовали весеннею даурскою флорой. (...)

Почти поверить невозможно, какое множество мышей здесь по низменным местам меж Ингодой и Аргуном на-

ходится: это самый тот же черноватенький род, что по Енисею и несколько по Барабе и Ишиму водится, который вьет под дерном пространные гнезда, прокапывает во все стороны проходы и учреждает для запаса особливые каморки, кои наполняет весьма чисто облупленными корешками в провизию на наступающую зиму. Их в одном гнезде бывает по большей части по две, редко больше; но если стать смотреть на запас, какой сии маленькие животные в твердом дерну наискали и в гнездо к себе натаскали, то почти понять не можно: ибо часто в мышьем запасном амбаре до восьми и до десяти фунтов чищеного коренья вынимают, а таковых магазейн при том гнезде три, четыре и более бывает. Коренья вырывают они от гнезд в нарочитом расстоянии, и где мышей много водится, там их узнать можно по ямкам в дерну и по дырам, оставшимся от вытащенных кореньев, кои они на том же месте, чистенько очистят от земли и мелких корешков, таскают задом в гнезда. Для облегчения в таске мыши пробивают от своих нор даже до сих кореньев по дерну гладкие дорожки. <...>

Маленькое сие животное трудами своими нигде столько не полезно, как здесь, в Даурии, и в других еще местах Восточной Сибири, где хлеб не сеют; там языческие народы поступают с оными так, как вотчинники-лихоимцы со своими мужиками. Тунгусы кажутся в сем пункте от всех прочих отменны: отнятого у мышей запаса им становится в пищу на целую зиму. Они осенью, когда мыши свои амбары наполнят, изыскивают такие, или ощупывая ногою, или пробуя лопаткою, и где дерн подастся, тут уж неотменно и есть или нора, травкою наполненная, или настоящая мышья магазейна, которую они называют урганом. Пустые норы они узнают легко снаружи по дорожкам, иссвежа пробитым, по запущенным норам от чищенья, по усмотрению, если нигде знаков не видно вновь вырытого в близости от норы коренья, в таком случае и не тратят трудов раскапывать напрасно. Найденный мышей запас тунгусы разбирают тут же на месте и отбирают тщательно <...> пьяное коренье. Оно похоже на коренье чахотной травы, только что вязче и побелее, а у этой чернее и ломче. Сию последнюю тунгусы не только в пище, но и в питье вместо чаю с охотою употребляют.

Хотя тунгусы мышей совсем обокрадывают, всего запаса их лишают, однако не лишают их, по крайней мере, жизни. Но дикие свиньи не менее до коренья охотны, как и тунгусы, с великим старанием изыскивают помянутые урганы и часто весь запас и с хозяином съедают.

Все сие в Гмелиновом путешествии пространнее упоминается, где он говорит о сурках, коих здесь, в Даурии, великое множество, однако норы оных и глубже под землею и кореньем не запасны, потому что они всю зиму в спанье проводят. <....>

16<-го> числа поехал я далее по левому берегу немалой реки Туры, с полдня и с вечернику на полночь в Ингоду текущей. По обеим сторонам оной лежат каменные горы, только сверху лесистые, которые, однако, в иных местах расходятся и оставляют способные к хлебопашеству долины, по коим и лугов также не недовольно. Я проехал с оной же стороны впадающие речки Уттагацаг, Шивою, Улунтуй, Ирчигит, Уттагашкан, Нылекок и после, переехав ровное, высокое издали, вокруг горами окруженное, зеленою травкою изобильное, но безлесное, многие солончаки и болота содержащее поле, прибыл на пространное озеро, Балдхина Амут называемое, в том месте, где Тура из него как мелкая речка истекает.

По всей реке Туре, так как и по всем гористым местам, меж Ингодою и Ононью находящимся, кроме очень малых, и то по первопопавшимся нам вверху речкам, нет никакого русского жилища или русских пашен, хотя выгодных к тому мест не недостает. Хоринцинские бурета, также и некоторые оскудевшие тунгусские поколения (Намет, Улет и Чулкар), кои ни людьми, ни скотом никогда не могут подняться и охотно держатся около деревень русских, препровождают в сих местах со своими стадами каждое лето.

Вокруг Большинского озера, наипаче с восточную его сторону, множество находится над могилами воздвигнутых каменьеv, кои в сумерки издали нам буретскими стадами казались, и мы почти были в намерении послать туда за подводами. Озеро само собою не глубоко и не многорыбно. По лугам, вокруг оногo лежащим, усмотрел я листки, из земли прорастающие, растения, козьей бородкой называемого, которое по всей Даурии весьма обыкновенно...

Ночью было нарочито морозно, и мы ничего к согретью своему не имели, кроме засохшего коровьего помету. Оный тунгусы, каковых я, по крайней мере, у себя имел, столько же искусно раскладывают, как голландцы торф свой, так что в середине в куче, пока другие со сторон зажигались, те уже палящим угольем горели.

17<-го> числа переправились мы за Туру и, едучи низменными горами, прибыли на реку Амиткаче, которая течет к речке Или и так в Ононь впадает, далее через

речку Сузулан до новопостроенного селения на одном роднике (Шибую-Булан), в Или текущем, в 8 верстах от Туры, Ключами называемого. Поселян всех 52 человека: женатые, отставленные из гарнизонов от службы на поселение солдаты, коим здесь места на житье показаны. Спускаясь по сему ручью, прибыли мы на речку Или, побуретски Уле, а потом и в новонаселенную русскими людьми деревню Илинскую, которая, хотя лежит на гористом и каменистом месте, однако еще-таки выгоднее, нежели другие, по Онони по жарким и сухим горам находящиеся.

Отсель видно за рекою Или высокую гору Алахану, которая вверху совсем бела от снегу, который во все лето никогда не сходит. Однако, несмотря на сего морозного соседа, тутошние места были нарочито теплы и горы, деревню окружающие, уже были все испещрены весенними цветами. <...> Сего дня и завтра видели мы где инде небольшие стада степных коз, или тамошних дзеренов.

Я под самую деревню переехал реку Или, которая шириною около десяти сажень и нарочито глубока; по ней едучи вниз по правому берегу, переехал речку Убджигею и против того места, где при Или на левой стороне другая высокая гора — Заханай — имеется, в деревне Долдорго ночевать остановился.

Еще по Туре видно было, но чем ближе к Онони, тем больше, как и по всей Аргунской степи, повсюду множество кочек, кои наносит один род больших, стаями живущих мышей, которые так, как кроты, иногда на несколько сот сажень по степи непрерывно подземный свой проход проводят и корни для своего пропитания в земле изыскивают.

Ниже по Или места становятся гористые, каменистые и от лесу свободнее. По горам цвели... дикий мак и в нарочитом количестве совсем маленькая, беленькая, мохнатенькая мать-и-мачеха, которая наиболее по удолам, где снежная вода протекает, водилась. Мы проехали 18<-го> дня речки Улан-Джигетей, Жибкессен, Тарбагантей, Талунтай и высокий меж сих рек, к Онони наклоняющийся хребет. Понеже уже ночь наступала и переменные от самой Ингоды досюдова лошади приставали, то принуждены мы были искать себе на Онони, верст за четырнадцать ниже Акшинской крепости, ночевки. После нескольких ясных и приятных дней сего дня в ночи выпало опять на пядень снегу, который, однако, не прежде как следующего дня пополудни стаял. Между тем луга от часу более и более расцветали. Я не знаю, можно ли что-нибудь вели-

колепнее представить, как сии крутые по Онони и безлесные горы, коих полуденная сторона цветами сибирского черносливу, полуношная же цветущим сверху до подошвы вишнево-пурпуровым (багульником) одевались. Во всю мою дорогу я подобного сему, будто вымышленного, места не видывал. Таковыми горами ехал я 19(-го) числа даже до Акшинской крепости, у которой для переправы на другую сторону через Ононь уже стоял паром в готовности. На сем малом расстоянии были еще речки Улаче, Джибкессен, Нахаланда, Онгоссен и Окша, или Акша, по коей и крепость именуется, все текут с левой стороны в Ононь.

Акшинская крепость стоит по правую сторону реки Онони, величиною менее реки Ингоды, на одном небольшом продолговатом озере, в которое Ингода-речка втекает. Она построена наподобие многоугольной крепостцы, в кося одна церковь, магазейн, канцелярия, несколько дворов офицерских и восемь казарм. Погоревший в прошлом году комендантский дом еще не построен. Оный... завести думали было еще в 1756 году, чтоб построить, да уже было и заложили по левую сторону реки Онони, повыше Окши, на яру меж скалами; однако прежде, нежели строение завелось, тотчас увидели неспособность такового предприятия. Понеже число работников в гарнизоне невелико, то не могли еще совершенно и крепости отделать. Простые дворы, меж коими главное число составляют определенные на поселение, построены почти все при помянутом малом озере, а по данному плану надобно бы было их поставить в предградии для увеличения самого городка.

Прежде 1755 года на том месте, где ныне крепость, была Акшинская деревня, в которую мужики с Шилка перебрались и пятнадцать дворов построили. Она деревня в помянутом году набегами и разбоем отправившейся в то время по всей Мунгалии, даже до российских границ, беглецов мунгальских шайки, известной под именем Харацирик, из соседственной пади Каргытей вышедшей и на деревню напавшей, разорена и выжжена, что подало причину к учреждению частых караулов из легкого войска то для сохранения границы, то для укрепления самого места. В то самое время взято было четыреста тунгусов в казачью службу, кои, соединясь с столькою же нерчинскими казаками, караулы по Аргуну и Онони содержать имеют так, как и по западной стороне хребта; караулы содержат часть иркутских, часть селенгинских казаков и часть России подданных мунгальцев, коих всех

в случае нужды более 1700 человек в готовности предстать обязаны. По даурской границе только одна половина назначенного на охранение границы легкого войска на караулы распределяется, где на каждом поставляется один ефрейтор из регулярных полков главным; другая половина разделена на шайки, кои стоят друг от дружки в известном расстоянии и на всякий внезапный случай должны быть в готовности.

Сверх Акшинска и Цурухайту, на половине меж оными, хотят еще заложить третью — на устье небольшой реки Ононь-Борзы, для коей уже и комендант назначен, и она будет Усть-Борзинскою называться. Мало-помалу впредь вся сия граница будет, так, как по Иртышу и по Оми, в линию крепостями и форпостами устроена, по крайней мере до тех пор, пока неприступные хребты отымут всю возможность к заложению какой-нибудь крепости. Ныне караулы, по учиненной во время распределения границ мере, в следующем находятся порядке и расстоянии.

Бальчиканский караул — 160 верст или прямою дорогою через горы 115 верст от последнего, к Кяхте принадлежащего Манжурского (Маньчжурского) караула.

Алтанский караул от первого — 83 версты, на реке Агузе.

Киринский караул — 36 верст от Алтанского, на реке Кире.

Верхне-Улхунский караул — 32 версты или ближе.

Мунгузский караул — по мере межевщика 30 верст, а по сказкам других только 15 верст от первого.

Нижне-Улхунский караул — 45 верст от Мунгузского, а 30 верст от Акшинской крепости, где пограничная линия идет мимо крепости, на 30 верст отстоящей от нее.

Тохторский форпост, который прямою полинейною дорогою, только 30 верст расстоянием. Потом следует:

Могойтуевский караул на озере Могойту, от Тохтору 25 верст.

Доролгуйский караул — 25 верст от прежнего, а все еще от Онони недалеко.

Кубухайтуевский караул — 33 версты.

Часучинский караул — 45 верст от Кубухайтуевского.

Кулуссутаевский караул — 35 верст от прежнего.

Удумкаевский караул — в таком же расстоянии от прежнего, по крайней мере по учиненному здесь измерению.

Чиндантурукуевский караул — 35 верст или далее, где уже линия от Онони отошла далеко, а подходит к Аргуну.

Ключевский караул — 30 верст от Чиндантуруку.

Заган-Олойский — 50 верст далее.

Соктуевский форпост — от Заган-Олою 40 верст.

Абагайтуевский караул от Соктую по мере прямою дорогою 50 верст, а по обыкновенной дороге до 80 верст; первая станция по Аргуну.

Кайласутуевский караул от Абагайтую — 50 верст.

Дуруевский караул — 49 верст от Кайласутую или менее.

Старый Цурухайту, где станция, — 25 верст.

Новый Цурухайту, или Урулунгуйская крепость, — 26 верст от прежнего.

Саргольский караул — 26 верст или прямою мерою 19.

Бирунский караул — от прежнего 25 верст.

Борзинский караул — от Бирунского 17 верст.

Булдуруевский караул — от Борзы 21 верста или еще и менее.

Чолбучинский караул и деревня — 17 верст от прежнего и только 12 верст от Нерчинского серебряного заводу, а от Аргуновского острогу, как последнего пограничного по Аргуну места, к востоку 45 верст.

Вся сия пограничная линия разделена ныне на три станции, кои под смотрением акшинского, новозаложенной на Ононь-Борзе крепости и новоцурухайтунского комендантов находятся; коменданты же сами получают ордера так, как и кяхтинский из селенгинской пограничной команды, над которой главным считается сам иркутский губернатор, а дела отправляются по губернской канцелярии.

Чтоб осмотреть хорошенько и самую страну и видеть, как здесь диких коз, дзеренами называемых, промышляют, остался я в Акшинске до 25 (-го) числа мая. Такой промысел мунгалы по-своему называют аблаха, а русские, взяв с того же и перевернув на свой образец, сделали облава: она — первейшее почти увеселение мунгалов и по чистым степям обитающих тунгусов. Учреждают ее наиболее на чистом и открытом поле к горе, или к лесу, или к какой-нибудь реке, чтоб зверя чрез то удержать было можно. Походят на оный промысел обыкновенно осенью, когда лошади отъелись, станицами, человек из 50 до 100 и 200, кои на лошадях весьма проворны, и еще каждый по заводной у себя лошади имеет, все снаряжены луком и стрелами, и каждый имеет при себе еще добрую и ученую собаку. Перед отъездом выбирают одного себе вожатым или старостою, который на промысле

управляет и учреждает во время их на оном пребывании. И так, где изберут для промыслу способное место, туда посылают объездом на высокие бугры или горы трех или четырех человек добрезрячих подсмотреть, в которой стороне стада дзеренов пасутся. Сии, взъехав на показанное высокое место и усмотря зверя, дают знать прочим или другими какими знаками, или оборачиваньем лошади в ту сторону, в которой пасущихся коз видят, чтоб надлежащим образом разделялись. Таким образом, вся ватага разъезжается на малые кучки, а после и поодиночке, так что, один от другого не более как на шестьдесят или восемьдесят сажен находясь, сделают превеликий округ. Концы или крылья вперед подававшегося или заходящего круга сходятся за тем местом, где дикие указаны, подкрадываясь всегда или из-за бугров, или из-за горок, дабы способнее и совершеннее окружить зверя. Как скоро обошли, то подходят ближе, круг становится людьми чаще, и лишь только дзерены промышленников увидят, то бросятся все в бег, а промышленники со своей стороны отовсюду на них во весь опор скачут и так, окружив и криком, и свистящими стрелами, обезумливают зверя и повергают, сколько могут; стрелять же из лука на бегу с лошади даурские степные народы столько искусны, что, скача изо всей силы, в цель попасть стрелой не промахнутся. Если охотникам с одной стороны вблизи лесистые горы или река попадется, к которой бы они стадо подогнать могли, то тем добыча им будет еще выгоднее: ибо в диких оных козах примечена удивительная свойственность, что они никогда в воду не лезут, хотя б промышленники или собаки в самой близости подле их находились, - в таком случае лучше всегда скаком насквозь неприятеля пробиться, нежели чрез воду спастись себе воображают. Мессершмид⁹ по достоинству назвал одного зверя водобоящимся, хотя, напротив того, Гмелин не справедливо также утверждает, что дзерен из доброй воли реки переплывает, что делает он равным образом и тогда, когда ему для кормных мест или других каких причин переплыть надобно, только чтоб за ним не было погони.

Подобным образом даурские сайги боятся лесу, так что если их загонишь меж дерев, то они, одурев, не могут перебежать ни ста сажен, но, обо всякое дерево головой ударяясь, тотчас убиваются.

В обоих случаях промышленники немного упускают. Иногда случается, что и волки, и другие хитрые звери к промышленникам подходят вместе, саег окружают и так

добычу усугубляют. Если же случится на чистом и просторном поле, что стадо окружить надобно, то промышленники не иначе как до тех пор подкрадываться должны, пока совершенно стадо кругом обойдут; или когда обойти не могли, а зверь встормошился, то в таком случае пускают вперед вышепомянутые свистящие стрелы, чтоб тем их пугнуть и назад в круг оборотить.

Между тем как сию охоту разучреждали, я имел случай рассматривать пролезающие вешние травки и водящиеся в Онони рыбы. <...>

Что касается до рыб, то даурские воды, в Амур-реку втекающие, весьма много имеют особенностей пред прочими сибирскими реками, какие, однако, в Онони все почти отыскать можно. Самая обыкновеннейшая здесь рыба из чешуйчатых двоякого сорту: одна по-русски называется красноперок; другая, превкусная и что из сетей скоро пробивается, прозвана конем. Обеих по другим местам нигде не видно. Небольшие сазанчики, коих от самого Яику по всей Сибири нигде не найдешь, здесь нередко попадаются и от волжских карпов, только что мельче и вкуснее, тем отличны. Равным образом, и простого сома от Уралу чрез всю Сибирь нигде не примечено; но здесь имеется некоторый сорт сомов, однако не тот, что в России водится, но меньше и никогда больше полутора аршина не бывает. <...> Также заходит по Амуру некоторый род рыб белуг только до Онони и Ингоды, а не выше, и называется здесь калугою. Я не имел случая ее видеть, потому что она попадает только осенью, да и то не всегда. Но по всем сказкам видно, что она, как по большей части в Шилке примечена, должна составлять также особый род рыбы. Простые щуки кажутся в здешней воде будто золотые и пятнами так живо испещрены, как индийские рыбы, так что почти с первого взгляду насилу распознать можно. Сверх того, водятся в Онони простые осетры, однако немного, так называемые линьки, таймени и крупный сорт сиомужек, которых на Байкале морским сигом называют; о мелких рыбах я уже не говорю. <...>

Что в даурских водах раки также находятся, которых во всей Сибири — от Яику и Камы — нет, то всем известнейшее дело. Они, точно как малые каменные раки, длиною не более перста, но только что глаже, нежели европейские. Напротив того, чебаков по сию сторону гор, как я и прежде упоминал, нигде не видно, но на западной стороне Яблонного хребта во всех озерах, кои от Ингоды в некоторых местах напрямик не более как на тридцать верст расстоянием, в ужасном множестве добывают. Но

окуней по всей Даурии, так как прочей белой рыбы, весьма довольно.

В Онони и других речках, в нее впадающих, находят жемчужные раковины особой величины, так как и рисовальщиками употребляемые в великом множестве. Болотных ракушек по озерам, вдоль по Онони и другим впадинам находят чрезвычайной величины и крепости. Я получил одну раковину с озера Шаранаю, вниз по Онони, которая хорошие пол-аршина была длиною и две или три линии толщиной. Раковины в полторы пядени там уже и не в редкость, а находят таковые и по Аргуну.

Река Ононь протекает по каменному дну и потому выкидывает на берега множество сердоликов, халкедонов и кашелоновидных камешков, которые если бы были покрупнее и без трещин, то б высокою ценою продавались. Куски зеленой, желтой, красной и полосатой яшмы повсюду валяются, и таковых неотменно в горах, кои Ононь пробивает, быть должно много. Кашелонов и сердоликов по Аргуну еще больше и чище находят; но Гобейская степь в Мунгалии должна быть сими камнями знаменитая, потому что она по кашелону, который в ней находят (да и самое имя мунгальское), особливо известна.

Зимю к Акшинску набегают множество прекрасных темных белок, кои нерчинским и баргузинским ни в чем не уступают; их ловят по высоким горам меж реками Ононью и Чикоем. Также и соболей здесь немало.

23<-го> числа принесли мне тунгусы после бывшей при Нижне-Улхунском карауле облавы нарочитое число дзеренов разного возрасту и роду, с коими я нынешний вечер и завтрашний день целый довольно имел управляться. Самое особливейшее в сих зверях, что в других того же роду козах не примечено, есть, что у козла, сверх рогов, под горлом яблоко, всеми своими частицами оно составляющими в чрезвычайную величину вырастает, так что у стариков, как кила под горлом кажет. Притом имеют они у струйки за кожицею нарочито пространный, наподобие яйца, продолговатый мешочек, с особливым проходом, который... наполняется только в то время, когда зверь гоняется, что бывает поздней осенью; а телятся в июне, в то время как сарана, или красные полевые лилии, поспеет. Молодых если стать выкармливать дома, то, как волжские сайги, весьма бывают ручны, входят сами в горницу, а коли в поле пустить, то к вечеру назад домой придут, и если собака за ними погонится, то прямо бегут к человеку. Дикие дзерены в поле часто вместе ходят с коровами и телятами, как я и сам видел подле Акшинска,

где они по лесу ходили с телятами без всякой боязни. Но на чистой степи никогда промышленника к себе не подпустят...

Во время моего в Акшинске пребывания получил я еще разные редкие и Даурии только почти собственные птички. <...>

25<-го> числа поехал я из Акшинска вниз по Онони по пограничной линии для собрания в сие наступившее столь прекрасное время по горам и долинам, меж Ононью и Аргуном лежащим, растений. Дорога лежит прямо по караулам, которые, смотря по местам или по водам, то ближе, то дале от маяков, или по-мунгальски обó, расставлены и в которых русские казаки, по новому учреждению, начинают уже и домами разводиться и пашни запахивать.

Первый караул, вниз по Онони лежащий, проехав, приходит долина Киргутей, которая с восточной стороны находящиеся при оной реке лесистые горы разделяет, и текущая по ней маленькая того же имени речка дорогу, вдоль по оной проложенную, от главной реки отводит. И как мы половину дороги окончили, то на одном равном песчаном месте при небольшой речке Шилбунгу, где и Ононь излучиной своей ближе подходит, лошадей кормить остановились. Здесь Ононь... имеет крутой каменный берег. <...>

Стрелки́ принесли мне некоторых новых птичек, как одну из скворцового роду, у коей прекрасные перья и она нигде не водится, как только меж Ононью и Аргуном; их видеть можно по большей части в тальниках, где они питаются червячками, молодыми дикого луку листками, а гнезда вьют в горных расселинах, иногда же и в деревенских домах по подкровелью, где воробьи свои свили. Яйца их зеленые, высокого цвету.

Оттоль пошли отчасти голые, отчасти соснягом покрытые песчаные горки даже до самой реки Тохтора, где казаки немного пониже устья оной реки на Ононьском заливе, где еще и другая маленькая речка Конджин в нее впадает, так называемый Доролгуй, или Тохторский караул, содержат и дома свои имеют. Но настоящее для караулу место лежит несколько верст полуденнее к границе, где выше река Могойту, а ниже Мачига с Тохтором соединяется и по правую сторону лежат лесистые горы, там тунгусские казаки юртами своими кочуют. Казаков числом почти на каждом карауле человек по десяти, и как одни из них только женатые ободворились, то и домов здесь имеется только четыре. Мы сего дня по причи-

не кривизны дороги, по крайней мере, верст сорок переехали; но прямым путем от крепости только 25 досюдова считают.

От Тохтора продолжается также самый бор... Потом идут пространные пески, продолжающиеся до речки Курулжи, в ононьской долине Тукахту пропавшей, отколь надобно переезжать нарочито высокий, на север склоняющийся, собою хладный, сырой и березником покрытый хребет Доролгуй. По ту сторону оного имеется чистая степь, сначала гориста и камениста, где вдоль по реке Ималхе, в проезде однажды переезжаемой, учрежден второй караул, при котором русские казаки на речке несколько домов построили и рогатками обнесли. Маяки отсель очень близко, а прежде сего форпост стоял далеко от границы, близ Онони, в долине Доролгуе, и это недавно, что его тут поставили. Река Ималха теперь в большой воде, течет отсель в мунгальскую сторону, куда и горы склоняются, на восток к одному озеру, Тарей прозываемому, но прежде, нежели с оным соединилась, в песках пропала: подобным образом и озеро, только что когда снега стаивают или дожди, ливни бывают, тогда и вода в нем стоит, однако скоро, кроме некоторых соленых болотин, опять высыхает.

Я уже давно думал отправить со мною бывшего студента г. Соколова вдоль по Аргунской линии и по пограничному хребту для собрания чрез все лето в тамошних странах трав и редчайших по даурским горам растений. И как я сам за многими попадающими примечания достойными натуральными вещами не мог скорее ехать, то и рассудил заблаговременно его вперед по Аргуну отправить... И так, чтоб снабдить его должною к поездке инструкциею, потребными на дорогу деньгами, остался после полудни до следующего утра, 27 (-го) числа, мая в здешнем форпосте, а поутру не прежде как перед Кулусутаевским караулом врознь разъехались.

От Ималхи горы становятся ниже. Верст за пять от караулу дорога проходит через один холм, на котором находится российский и китайский маяк, состоящий из одного конного караульного над нарочно из камню сделанным возвышением стоящего. Весь холм состоял из темно-зеленой, инде почти полупрозрачной, также и красноватыми жилками испещренной яшмы, коей слои в горе в натуральном их положении местами почти были наружи, так что не без основания заключить было можно, что сей прекрасный камень порядочным образом по оной простирается. От сего каменистого бугра далее приходит

пространная долина, окруженная небольшими бугорками, а в середине ее находится почти на две трети своей величины высохшее соленое озеро Цаган. Все низменное под озером место состояло из черной вязкой, в полуденную ж сторону из серой и смешанной глины, которую насилу можно было железною лопаткою откапывать, сверху же покрывала горькая соль как снегом, отчего озеро и имя свое получило; подобие его продолговато и от полудня к северу на место полукружия выгнулось. На западную сторону от сего Цаган-Ноора на несколько верст от дороги в сторону лежат бугры переносного песку половою, которая версты на две в длину простирается. Подобным образом и вся сия страна песком изобилует, который, однако, будучи смешан с хрящом и с глиной, делает поверхность всей равнины волнистою; она далеко вокруг Тарей-Ноора распространяется и даже до самой реки Ононь-Борзы и до степей мунгальских. Верст за пятнадцать от Большого Цаган-Ноора видно Малый, который при себе таковые же самые качества содержит. По степи уже показывались некоторые прекрасные цветочки. По всей рассеяны были кустарники вербовника и *gobinia сагагана*, которая по всей Даурии от корню не более как на аршин подымается, ибо степные пожары обжигают молодые ее отрасли, летние жары не попускают ей отрасти снова, и так почти во все лето остается она в листье и мала. Сверх того, овцы объедают молодые сучья до твердого ствола, и тунгусы уверяют, что их овцы столь велики и жирны не от чего иного, как от одного кустарника. <...> И справедливо, что даурские овцы величиною своею всех прочих в свете превосходят и самых киргизских гораздо больше. <...>

От Малого Цаган-Ноора до Кубухайтуевского караула надобно проезжать через один холм, на коем равным образом солончаки находятся и местами растут сосны. Оный караул прежде стоял на озере Кубухае далее к востоку, но ныне находится на Малом Хара-Нооре и разделяется на два караула, т. е. сверх сего, что на Хара-Нооре имеется, есть другой, в засушах стоящий. Будучи здесь, считают от пограничной линии..., которая, напротив, склоняется к полдням позади Тарейского озера, а вместо того должно бы было ее вести по сию сторону, т. е. по северному берегу, потому что в полуденную сторону степь вовсе безводна. Также и тунгусские казаки стоят там юртами только до зимы; русские же на полночь по реке Онони домами расселились, и то потому, что полуденная степь к хлебопашеству вовсе не годится, и зимою такие метелицы бывают, что скот часто оттого корму лишается.

В Кубухайту я было думал ночевать остановиться, однако вскоре узнал, что по заказанию наперед от меня посланного толмача тунгусы на Кулуссутаевском карауле дикую лошадь убили (джигетей), того ради рассудил ехать следующей ночью далее и как возможно торопиться, дабы в наступившее сие теплое время спасти редкого одного зверя от порчи.

Из Хара-Ноору я отправился в сумерки. Здесь и по другим далее мелким озерам, по степи рассеянным, даже до полуночи слышен был ужасный крик водяных жаб, которыми вся сия степь, как и Аргунская, весьма изобильна. Поелику вдоль по границе никакого не лежит шляху, а по степи везде путь открытый, и ездят обыкновенно по солнцу, как видно и по верховым следам, то блудили мы сею ночью по пространному полю так, что верст более десяти от форпоста на полдень заехали к мунгальским границам, и тогда лишь проводники о заблуждении своем узнали. К счастью, что еще ночь была ясная, и можно было распознать по компасу, куда нам ехать должно, и потому так хорошо на месте утрафили, что к свету прямо в Засушинский караул прибыли. Имя сего караула происходит от пространной долины, зимою снегом заносимой; а стоит сам на ключах в неотдаленности от двух несколько западнее лежащих горных и полувысохших озер — Баян-Цаган (Богатый Белый) и Гумба-Ноор. Отсель видны плоские, но сами в себе каменные горы прямо меж Доролгуем и далее продолжающимся удолом Кулуссутаем, от севера к полдню простирающиеся, коих широту можно счесть верст на пять, где на половине Засушинский караул имеется.

Я здесь остался, только чтоб позавтракать, пока лошадей переменяют, а после тотчас далее на Кулуссутай отправился. Верст за восемь не доезжая до караулу, имеется ровное и сухое солончатое место, которое длиною к Мунгалии верст на тридцать, а шириною в самом широком месте больше двадцати верст простирается. Поверхность сего пространного низменного поля, нарочито плоска и ровна, большею частию из хрящу и камню или из засохлого илу состояла. Местами торчали каменные бугры и представляли будто острова и высунувшиеся камни на сем безводном океане. В некоторых местах, особливо в западную сторону, довольно находится илистых и почти бездонных зыбунов. Вся поверхность солоновата, однако не много таких мест, где б горькая соль много садилась. Все было в сие время сухо, и ничего, кроме бессочной травы и полыни, было не видно. <...>

Вокруг Тарейя кругом окружает высокая открытая степь, коей поверхность состоит или из песку, или из глины, или из чистого камня, и по сказкам некоторых тунгусов будто б она должна быть самый северо-восточный конец великой Гобейской степи, или Шамо, которая даже до Далай-Ноора простирается, так как горы, непрерывным хребтом меж Амуром и Леною реками идущие, продолжение высокого Ханоолского хребта быть кажутся, который и справедливо с северной стороны с Гобейскою степью граничит, и на пути в Пекин из Кяхты переезжать через его необходимо надобно. Только что с восточной стороны Тарейя лежит черная шиферная гора, склонная от востока к западу, и разделяет сухое озеро на два залива, почему полуденновосточный и прозывается Малым Тареем.

В Большой Тарей с мунгальской стороны должна впадать еще речка Улдга, сверх вышепомянутой Ималхи, однако она также в самом устье пропадает, как и все озеро, которое уже без воды и большею частию совсем высохло, так что на полдни или на восток на берегу ни ручьев, ни болотин не видно.

Кулуссутаевский караул стоит на том месте, где три болота под тем же именем с небольшою и то тухлою водою, и по местам инде большие горькою солью покрытые места заключает. На карауле стоят только тунгусы с юртами, и на небольшом бугру построена казарма и обнесена рогатками. Прошлою зимой в ней жить было не можно, потому что на свежем и сухом месте под печкою пробил новый сильный родник, что, правда, в здешней стране и нередко бывает, так что в сухом месте, где б не надеялись, пробьет вода с приметным земли возвышением.

Российские казаки верст за 30 отсель по Онони расселились, по дороге туда, которая идет также по низменной долине от первой начавшейся и также Кулуссутаем прозванной. Верстах в 15 от Кулуссутаю находятся еще топи, горькою солью, будто снегом, покрытые, но и от воды почти обсохшие и другие соленые места; также 5 верст от Кулуссутаевского озера находится другое, Бумундак прозываемое, которое беловатую в себе воду имеет, с полуденной стороны окружено буграми, с полуночной же берег состоит из белой и солью изобильной глины, где и тунгусский караул в летнее время пребывает. На запад от долины, к северу от Тарейя, находятся еще два соленые озерка, хребтом меж собою разделенные, кои также Цаган-Ноором прозывают.

По лежащим около Тарей степям водится также тот род диких лошадей, кои мунгальцы джигетями долгоушими называют. По отдаленнейшим местам мунгальским, особливо в безводной степи Гобейской, водятся таковые и поныне великими стадами. Но в российских рубежах с тех пор, как караулы во многом числе стали быть расставлены, подобных стадов, кои бы водимы были старым жеребцом и чтоб из кобыл десяти, двадцати и тридцати состояли, видають очень редко, а которые попадаются, те все поодиночке и не иначе как или забегшие, или от табу-ну отбитые молодые жеребчики или кобылки, с мунгальской стороны за границу перебегающие. Да и оных, кроме как по степям в полуденную сторону Тарей-Ноора и в самом углу Аргуновской пустыни к Абагайту, нигде больше не попадает.

Оного джигетя нельзя точно назвать лошадью, но и ослом также не можно. Он с виду должен быть меж сими двумя междуумок, как лошак, и потому его Мессершмид, который первый сего зверя приметил, назвал плодящимся лошаком; это <...> особый род, который и много собственных качеств в себе имеет, и с внешнего виду гораздо красивей, нежели обыкновенные лошаки. Тех степных осликов, кои у западных киргизов куланами называются, не надобно мешать с оными: ибо оные, по достовернейшим сказкам, каковые я об них имею, суть настоящие дикие ослы, или онагеры, как древние называли, и водятся в степи по горам в Западной Татарии, так, как джигетей — в мунгальских пустынях. Сей последний столько хорош, что на осла никак не походит: телом весь гораздо легче, на ногах subtilнее, дикий, но быстрый взор и чистый шерсти цвет — суть превосходства, показывающие его части. Равным образом, уши, кои лучше, нежели у лошака, сделаны и торчат кверху, ему не пристали, и надобно хорошенько взглядеться, чтоб усмотреть, что голова у него тяжеловата и копытца, как у ослика. Потом прямая и острая спина и нехороший коровий хвост, что ослам свойственно, обезображивают сего зверя. Величина джигетя с иноходца, немножко побольше мелких лошаков. Голова как-то некрасива, грудь большая, с исподу остра и будто стиснута. Хребет у него не так, как у лошади, — с выгибом и круглый, ниже так прям и востр, как у осла, но плоск, ровен и с нагибом. Уши больше, нежели у лошади, но меньше, нежели у обыкновенного лошака. Грива невелика и курчава, точно так как у осла; равным образом хвост и копыта. Грудь и передние лопатки сухопары и далеко не столь мясисты,

как у лошади, также и задняя часть — как в ногах, так и в чреслах — поджарее, легче, суближнее, притом нарочито высока; цветом буланый; рыло и промеж ног соловее; грива и хвост вороные; по спине вдоль проходит полоса такого же цвету, которая на крестце шире, а к хвосту опять уже становится; когда он стоит, то голову держит прямо, а коли побежит, то заносит рыло совсем кверху. Сей, коего я в Кулуссутае описывать и потрошить имел случай, была трехгодовалая кобылка, которую, в степи гоняя, застрелили; незадолго перед тем тунгусы двух молодых жеребят убили и мясо меж своими как деликатеснейшее кушанье съели. Оные звери в сие время были в долгой косматой зимней шерсти, которая цветом светлее, а когда она вылиняет, то другая будет на то место короче, ровнее и лосклее.

О скорости джигетя в беге все единогласно уверяют, что она превосходит все, что б себе ни представить, и потому у мунгальцев он взошел в пословицу: «Какова б легка лошадь ни была, однако еще никогда ни на какой джигетя догнать не случилось». И потому иначе нельзя никоим образом его застрелить, как зашед под ветер и закравшись лежать, пока он сам набежит, что ружье достанет. Облавою, сколь бы много охотников ни было, обойтить его никак не можно, потому что у него весьма сильное обоняние и он чрезвычайно далеко слышит. Лишь только в стаде хоть чуть заколошилось, как, например, когда увидят стрелка издали, что он лежит на земле или ползет, то тотчас жеребец, как вожатый стада, сгонит всех в круг в ту сторону, где ему подозрительно, потом, два или три раза всфоркнув, со всем стадом сам первый ударяется в бегство. И потому-то случается, что жеребцы чаще всех на пулю попадают. Когда же они не побегут, то обыкновенно все стадо разбивается порознь, и тогда стреляют по кобылам.

Если б было возможно приучить сего зверя, то б не было в свете такого скорого иноходца, однако они всегда столь дики, что никак преодолеть не можно; и справедливо, за столько веков мунгалы и другие азиатские народы, имея довольно случаев хватать молодых жеребят, конечно б, не упустили для опыту у себя выкормить, обучить и разводить, если б только была какая возможность. Говорят, будто один нерчинский казак, за многие годы поймав такого жеребенка, кормил многие месяцы и искал разные способы его привадить, однако он не усмирел и, наконец, бившись чрезвычайно, сам собой ушибся; между тем, если взять надлежащую предосторожность с самыми моло-

дыми жеребятами, каких бы поймать вскоре после их рождения, то нельзя сказать, чтоб попытать еще было вовсе бесполезно и ненадежно. Если б на сие высочайшее повеление воспоследовало, то б оное легко могло учиниться в несколько лет в степи меж Тареем и Далай-Нором тунгусами, по границе стоящими. Я не сомневаюсь, что сие может легко удаться, и если так сбудется, то по скорости сего зверя и пользе в домовом содержании, как думаю, все истраты и награждения, кои не могут быть велики, не будут чрез то утрачены.

В Кулуссутае расстались мы со студентом г. Соколовым совершенно, и поехал он чрез Цурухайту в сторону к Аргуновскому острогу, я ж сам остался тут до 31 мая и столько в это время имел работы, что за описанием многих натуральных редкостей, а особливо из царства животных, коих и доставать здесь имел случай, насили имел столько времени, когда мне есть и спать было можно. Наипаче получил я множество редких и новых птиц, которые нигде инде не виданы и из которых я самые лучшие описал в прибавлении: чем больше где болот и маленьких озерков в окольных Аргуна, тем больше там всякой дичины, а особливо журавлей там множество. <...> Также находится чрезвычайно многое количество больших драхв и самцы, которых монголы из-за их перьев под горлом находящихся подвесочек называют захалтуями и которые под языком имеют отверстие к одному желвастому для воды пузырю величиною в хорошее гусиное яйцо; весом бывают более тридцати фунтов. Но, напротив того, стрепетов здесь совсем не знают.

В здешних степях находится весьма достопамятный зверок, который, правда, и по Селенге, да еще в гораздо большем количестве, водится, очень известный в Даурии под мунгальским именем оготона. Он имеет весьма великое сходство с чекушкой... и с каменным зайчиком... и находится в студеных даурских горах. Разность между сими тремя зверками не более, как и между зайцем и кроликом. Даурская чекушка величиною почти с... каменного зайчика, но шерстью гораздо нежнее и волосом изжелтасерая. Впрочем, как у обоих сходственных сортов уши большие, круглые, голова тупая, коротенькие ножки с известным знаком или отличием и без хвоста, но внутренним сложением, родом жития и голосом она наиболее подходит к каменному зайчику. По степям и по песчаным горам она обыкновенно роет норы с многими проходами и отверстиями. Из них не выходит она, как по большей части в полдни и в сумерки; и тогда она ищет себе корму,

обгладывает даурские деревца, для коих часто она по берегам и по островам остается жить. По утрам и по вечерам в тех местах, где их много, слышен повсюду их голос, как они, то и дело повторяя, чокают. Под осень нанашивают они около своих нор маленькие и круглые кочки, к чему выбирают разные травы, а особливо зеленую веронику и ветреницу; первую затыкают они все другие от нор своих отнорки, а как там всю сию траву приедят, то в хорошие дни выходят и накладывают снова, принося из запасных своих кочек, коих поперешник не более фута. Сей зверок обыкновенно бывает добычею даурским степным кошкам, или манулам, коих здесь довольно количество водится.

Мая 30 (-го), прежде нежели мне отъехать, заставил я ворожить одну славную в тунгусах шаманку, которая в здешнем месте у своей родни гостила. Как скоро стало смеркаться, то пришла она к огню, раскладенному за несколько времени перед одним шалашом, а шаманское ее платье, бубен и костыль несли молодые ребята; за нею шло несколько молодых баб и девок, которые будут ей в пении подтягивать. Платье ее, которое она перед огнем надевала на голое тело, походило на хороших колдунов одежду; кожаный халат извешен был вокруг разными железными гремушками и другими медными фигурками, позади с плеч множество висело разноцветных змей и хвостов, из коих к одному привязан был маленький колокольчик. Шапка была простая кожаная, и наместо железных рогов, кои б к ней приделаны быть должны, пришиты были к плечам рогам подобные машины, на кои нацеплены были железные лягушки. Бубен поперек был больше аршина, и чтоб настоящий страшный звук издавал, надобно было его нагреть и натянуть хорошенько, на что довольно требовалось времени. Потом взяла она (бубен) сперва сама в руки и стала от огня лицом на север, женщин всех поставила рядом перед собою, а мужчин — рассадя вкруг, начала страшным голосом распевать на север волшебные свои песни. После отдала бить в бубен своему мужу, а сама, взяв клюку в одну руку, начала прыгать, ломаться, всячески кривляться, притом икая, ворча, кукуя, как кукушка, и другими разными голосами, сделалась напоследок будто вне себя и велела у себя спросить что-нибудь, сама петь ничуть не переставая, на что и ответствовала между тем очень не худо. После спросила водки, и как ее еще просили продолжать отвечать, то она извинялась, говоря, что она не имеет больше как только три духа в своем повелении, из коих

каждый вечером не более служит как для одного вопроса; а живут из них один на севере, другой на востоке, третий на западе; правда, говорила она, могу я еще на два вопроса ответить, а более нет уже, потому что мне более не позволено. После того, отвернувшись к западу, начала прибирать свои волшебные молитвы к тому духу, коего Доролжою называла, и поелику тогда светил месяц, то смотрела она на него из-под руки очень часто и так, как будто б видела, что кто-то к ней издали подходит. Дабы ответить на третий вопрос, то перечитывала она неоднократно свои кануны к востоку. Однако на все три вопроса, кои мы не без осторожности задавали, она так хорошо отвечала и так потрафила, что я удивился и неотменно подозревать был должен, что, конечно, не толмач ли ей, переводя вопросы, пересказал, что мы думали. Тунгусы хвалились сею шаманкою, что она сему искусству ни у кого не училась, но сама собой дошла до сего совершенства, живучи сперва в девстве долгое время в задумчивости, так, как в безумии. Напротив того, казаки уверяют, что ее наставник был один шаман, живший на реке Онони, у которого ездившие прежде сего профессора отняли шаманское его платье, и потому с тех пор он более за свое ремесло уже и не принимался.

31 <-го> числа мая ехал я далее песчаными холмами; влеве лишь только на правый берег подымаешься, был солончак Конгэ, коего поверхность вся была покрыта белою солью, но в оной и земля была примешана, и много горькой соли содержалось, прочее составляли хрусталики глауберовой соли. Вскоре после того выехал я на странное поле, по коему речка Ононь-Борза протекает. Все оное изрядно покрыто зеленою травою, более или менее местами белело осевшею наверху солью и уже довольно много цветами испестрилось. <...> На тех же местах рос особый род плешивца со светлыми и желтыми цветами, также по сухим песчаным местам начинали распускаться... обыкновеннейшие даурские травы, равным образом один прекрасный с белым цветком касатик и желтая трава Стеллера¹⁰, которую я кроме сих стран нигде не видывал. Она из-за своего корня еще всегда у даурских русских в особливом почтении, несмотря на то что сильное оного действие уже многим на тот свет отправиться пособило. Корень сам более схож с дурною человеческою фигурою, нежели мандрагорин, и часто случается, что голову, и руки, и ноги весьма ясно распознать можно, и потому не без причины его мужиком-корнем прозвали. Старые кочки толщиною бывают с большую

брюкву и действием накрепчайшие. Из таких кочней выходит пятьдесят, а иногда и до ста стеблей, кои прекрасными своими и благовонными цветов пучками не иначе предвещают, как такого сильного и вредного корня, каков он есть в самом деле. Наружная цветов сторона обыкновенно темно-красная или, что только не так часто бывает, серо-желтая, а внутренняя белесовата. И потому пучки, кои с краев наперед распускаются, кажут по краям белого цвету, а в середку красного или желтого, взору весьма приятного. Тунгусские ребята, срезав всю траву с корню и оборотя стеблем кверху, носят таким образом для украшения на голой голове вместо летней распушенной шляпы. <...> Часто в одном пучке попадают цветочки, которые из двух срослися и два семечка имеют, девять цветных листков, восемнадцать тычинок, в два ряда расстановленных.

Низменные места и луга около Борзы имеют сию особенность, что в начале зимы, как река замерзнет, поверхность земли из дерну от замерзающей в реке воды подымается, а под ним находящаяся вода замерзает после, а как весною дерн прежде всего растает, то и опускается на свое место очень не скоро. Подобное что примечают и около Аргуна, что земля ежегодно то выше, то ниже бывает, о чем и у Гмелина в его путешествии упоминается, однако сие чудо с тех пор уменьшилось.

Река Борза собою очень невелика, а водою только что весною богата. Ее берега в сих низких местах, так как и около лежащие горы, вовсе безлесны. Но в вершинах, где и Курензелинский медный завод построен, соснягом, а наиболее из так называемых черных березок дубровами изобилует.

Зимою она речка течет так тихо, что вода весьма задышается, к чему иловатое дно, изобильное горькою солью... главнейшею тому служит причиною.

Вдоль по сему урочищу, верст за 15 от Кулуссутая, приехал я на Удагатаевский караул, в долине стоящий, коего название на российском языке Удумкаевским произносится. Здесь я, переменя лошадей, без малейшей остановки отправился далее до Чиндантурукуевского караулу. Я не понимаю, каким бы то образом сделалось, что межешники расстояние сие от Кулуссутая до Угатаю на тридцать пять верст назначили; сему не только глазомеры, но и самое время по часам показывает ясно, что тут нет и половины, и верно считать надобно верст на пятнадцать.

Чиндантурукская дорога лежит беспрестанно подле реки в ложбине, которая в нынешнее время прекрасное, вешнее, цветами усыпанное поле представляла, по коему трех сортов журавли и другие птицы в великом множестве гуляли. 27 верст от реки Удагатаю, на Борзе, имеется крутая гора, далеко в долину выдававшаяся, которую тунгусы Кирэ (Ворона) называют. На ней снаружи находятся различные камни, отпавшие от черноватого слою, руду содержащего, и сами на руду походящие, однако еще их надлежащим горным порядком не разведывали. <...> Верст 5 далее по ту сторону Борзы на берегу имеется одна деревянная корчма с несколькими шалашами для казаков, кои за соленое озеро, меж полуднем и западом находящееся, верст семь расстоянием на караул ходят, также и для рабочих людей, коих для собирания по озеру сами каждое лето здесь содержат. Самый караул, хотя имя свое имеет от некоторых небольших озерков, на полдни ближе к границе лежащих, однако поелику там ни корму, ни пресной воды совсем нет, то поставили его от Чиндантуруку версты на две, на той же реке Борзе; а как и здесь по Борзе на открытой степи летом бывают великие бураны, а зимой чрезвычайные метелицы, так что скота никак выпускать нельзя, то тунгусы приходят в сии места кочевать только в хорошее время, а зимою становятся немного подалее на север, верст на десять у одного в нашу сторону протекающего студеного родника, Куйтун-Булак называемого, подле которого и русские казаки начали уже выстраиваться.

Из Удагатаю уже видеть можно верхи по ту сторону Борзы находящихся гор Адон-Шоло. По всем сим горам, так, как и по другим чистым каменным хребтам, от Борзы в обеденную сторону вдоль по границе даже по Абагайту простирающимся, находятся в нарочитом множестве так называемые аргалы, или дикие каменные бараны. Они очень пужливы, и летом достать весьма трудно. Но я неотменно желал иметь сего зверя, и для того и из Акшинска еще на Соктуйский караул отправил и здесь при Чиндантуруке чрез толмачей велел проворным ребятам из буретов с реки Аги собраться, чтоб сделать в соседственных здешних горах большую облаву. И справедливо: как я приехал, то уже человек шестьдесят были совсем в готовности, и потому не стоило, чтоб я здесь несколько дней промедлил в ожидании, каков сему конец будет.

Первого числа июня ездил я сам за Борзу на вышеупомянутые горы Адон-Шоло, кои здесь не более были как

верст на двадцать. Понеже река была от стекающего ныне с горы снегу в ее полости, то надобно было при соляной будке все выбирать из кибитки и перевозить на верблюдах, а простую телегу чрез воду мужики перетасили. Сперва от Борзинской солончатой впадины начинают подыматься бугры, снаружи голые и песчаные с щебнем, а внутри каменные. Потом лежат самые горы, в длину не более 20 верст, от востока к западу прямо меж Борзой и Ононью, кои вскоре после того соединяются. Вокруг гор к Борзинской пади, так и к другим долинам, находятся топи, кои их кругом совершенно отделяют; в топях же земля чернозем. Окольные горы невысоки, чисты, зарослые, но далее от часу выше, и самые высочайшие чрезвычайно разбиты, круглы, преглубокими разделены долинами и удивительно какими верхами вверх подымаются. Каменья представляют в некоторых местах будто оставшиеся какого строения развалины, гроты, где на самых вышках как порталы или для стены взнесены были ужасной величины громады и прочее тому подобное. Многие другие горы равным образом такими камнями украшены, так что, издали едучи, нельзя не подумать, чтоб это не стада лошадей, коров или верблюдов паслися. <...> В двух местах по сим горам находятся пещеры, кои, однако, не великой важности. Все сии удивительные изображения составляет опока, из коего и самые горы, и большая часть даурских хребтов составляются. Камень сам лежит здесь превеликими увалами, один на другом, и так, что к полдню или к обеденнику почти на половину прямого угла в глубину упадает; и по сему-то слоев наклонение, как я во многих даурских горах приметил, по большей части в полуденную сторону отложее, нежели как в каменную северную, разными кабанями испещренную. С восточной стороны гор против Жиранчунгурукской лощины находится холм, состоящий из точильного камня, в коем видны рассеянные врозь отчасти зеленоватые, отчасти совсем прозрачные хрусталики, призматическою своею фигурою на бразильские смарагды похожие, которые только что на верху горы и находятся, понеже песок оттоль ветром свевает. Тунгусы, ходя на промыслы, собирают их детям на игрушки и тут нанесли столько, что мне самому никогда б найти столько было не можно, ибо они не слишком-таки много находятся. При всем том, сколь они ни схожи на бразильские смарагды, однако при делании неоднократно опытов ничуть электрической силы не оказали.

Различные гор кабаны, положением своим и фигуурою в удивление приводящие; приятной зеленью покрытые долины, гребень гор в разных местах пресекающие; продолговатые, из молодых березок и осинок, большею частию на северной стороне, с самых вершин до низу простирающиеся рощицы; множество оленей и других диких зверей, еще более различных птиц в сие вешнее время, делали страну столь приятно, что приятнее и уединеннее желать больше не можно, и я нигде в моей жизни лучше не видывал. Таковое восхищение, а наипаче многие хорошенькие травы, на южной половине уже в полном своем цвете стоящие, столько меня привлекли, что я тут при одном ключе, коих и на все в горах только два имеется, ночевать остановился.

В сих прекрасных местах, где я столько был доволен и где я, то вверх по горам подымаясь, то вниз опускаясь, не имел почти четверти часа покою, имеется великое множество дикого зверя, особливо оленей и вышепоказанных каменных баранов. Я сам только что успел перелезть через один камень, то видел семь баранов, с невероятною скоростью бегущих и, как будто испуганы, с камня на камень перепрыгивающих. Волков, лисиц, корсаков и диких кошек (манулов) также довольно, однако последних более на Селенге, а наипаче по Жиде. Зайцы здесь и в полуденной Даурии, также и на Селенге двоякого сорту: простой, по-мунгальски шандага называется и зимою бывает бел, другой называется шолай, который зимою и летом сер, головка маленькая и подоле, хвостик сверху черен, и от европейского кролика должен быть отличен; его когда гоняют, то он бежит прямо, а не виляет так, как простой заяц. Если попадетя ему навстречу сурочья нора или в горе расселина, то он и старается в ней скрыться. Иначе он водится по большей части в степях, наиболее под кустами горохового дерева, а собственных нор, как кролик, не роет.

Из редчайших птиц я заметил следующие: престрашно великого коршуна, еллоо по-мунгальски называемого, коих парочка сидела на высочайших и неприступных вершинах. Об нем и Гмелин под именем белого орла в некоторых местах упоминает. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

В комментарии включены сведения о важнейших событиях и деятелях эпохи.

Треугольными скобками в текстах отмечаются сокращения и пояснения составителя.

К. де БРУИН

Путешествия в Московию

Печатается по изданию: Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. Перевод с французского П. П. Барсова, проверенный по голландскому подлиннику О. М. Бодянским. М., 1873. С. 1—216.

¹ Сообщение де Бруина о нападении на Архангельск шведов летом 1701 г. основано только на рассказе голландца А. Боувгуйсена, который, естественно, не знал, да и не мог знать, всех подробностей этого события. Неверны и некоторые фактические детали рассказа (например, фамилия русского лощмана «Курепин»)

Посылка шведской эскадры в устье Северной Двины в самый разгар Северной войны имела важное стратегическое значение. Цель экспедиции заключалась в ликвидации морской торговли России с Западной Европой и дальнейшей экономической и политической изоляции страны. Для этого необходимо было захватить Архангельск — единственный морской порт России — и уничтожить Новодвинскую крепость (укрепление бастионного типа), надежно прикрывающую архангельский торговый порт. Подготовка экспедиции лично контролировалась королем Швеции Карлом XII. Она проходила в строгой тайне. Шведы рассчитывали на внезапность удара. Экспедиция на Русский Север была превосходно оснащена. Эскадра состояла из семи кораблей, они были вооружены 127 орудиями, личный состав насчитывал свыше восьмисот человек (из них 700 солдат морской пехоты для десанта).

В устье Северной Двины, при подходе к городу, шведская эскадра захватила в плен местных жителей — кормщика И. Рябова, командира пограничного караула капитана Н. Крыкова и переводчика Д. Борисова. Командир экспедиции командор Лёве потребовал от них провести суда по фарватеру к Архангельску. Все трое отказались. Д. Борисов все же рассказал о новой цитадели — Новодвинской крепости. Но его показания оказались ложными. Корабли не только сели на мель, но и попали под огонь крепостной артиллерии. Уже во время боя, когда шведы поняли, что попали в ловушку, они расстреляли мужественных патриотов — Н. Крыкова и Д. Борисова. Удалось спастись только И. Рябову. Посадив на мель корабли и потеряв половину эскадры, шведы ушли

обратно на запад. Петр I по достоинству оценил первую русскую победу на море (лето 1701), последовавшую после поражения под Нарвой (1700). Он писал об архангельской победе, что это «зело чудесно».

² Ласт — мера веса, в XVII—XVIII вв. 1820 кг.

³ В начале XVIII в. в Голландии и на побережье Европы мерой длины служил рейнский фут (он же прусский и датский), который был длиннее русского (и английского) приблизительно на 1 см и составлял 0,31 м.

⁴ «Морская собака» — морж или нерпа, тюлень.

⁵ «На Двине», т. е. в Архангельске, с 1700 по 1702 г. воеводой был боярин, князь Прозоровский Алексей Петрович.

⁶ Штивер — мелкая голландская монета.

⁷ «Мекльма» — нельма.

⁸ Pasciskaet — может быть, пикша?

⁹ «Королевец» — Кенигсберг (Калининград).

¹⁰ Бочонок, пина (пинта) — меры объема жидкости в XVIII в. в Западной Европе, колебались от нескольких литров до десяти.

¹¹ Вайда — краситель, сырье для красителя.

¹² Афанасий («в миру» Алексей) (1640—1702) — епископ холмогорский и важский (1683), известный духовный писатель, борец против старообрядчества, сторонник петровских преобразований; выступал за культурные и экономические контакты с Западом.

¹³ Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — великий князь (1533) и первый русский царь (1547). Пытался укрепить централизацию и самодержавие. При нем начался созыв земских соборов, составлен судебный кодекс — Судебник 1550 г., проведены реформы управления и суда. Покорил последние оплоты Золотой Орды — Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства. Установил тесные экономические отношения со странами Западной Европы. При Иване IV усилилось закрепощение крестьян; для борьбы со своими врагами внутри страны царь использовал особое опричное войско (1565—1572).

¹⁴ Каменное строительство в Вологде началось, как правильно сообщает де Бруин, по повелению царя. Это произошло в 1566 г. Царь в Вологде был дважды — в 1565 и 1571 гг.

¹⁵ Петр I Алексеевич (1672—1725) — русский царь (1682), самостоятельно стал править с 1689 г., император (1721). Преобразователь России, он осуществил реформы во внутренней и внешней политике, в материальной и духовной жизни общества. Укрепление абсолютизма, усиление эксплуатации народных масс вызвали волнения крестьян, горожан, казаков (Астраханское восстание, Булавинское восстание).

¹⁶ Витсен (Витзен) Николай-Корнелий (1641—1717) — известный ученый, географ, этнограф, бургомистр Амстердама, многое сделал для становления русско-голландских связей; создал ряд трудов по географии Северной и Восточной Азии, в том числе и Сибири.

¹⁷ Видимо, это Юрий Юрьевич Трубецкой (1668—1739) — князь, боярин, сенатор, «комнатный» стольник царей Федора и Петра I, дипломат, государственный деятель, белгородский губернатор (1727).

¹⁸ Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — боярин (1682), граф (1706), генерал-фельдмаршал, полководец, дипломат; участвовал в переговорах с Турцией (80-е гг. XVII в.), подписании «Вечного мира» с Польшей (1686), посольствах в Варшаву и Вену, вел переговоры с германским императором, папой римским, дожем Венеции и магистром Мальтийского ордена. Одержал победу на суше над шведами (30 декабря 1701—1 января 1702) при местечке Эрренсфере, около Дерпта (Юрьева). Во время Северной войны удачно провел кампанию в Прибалтике, при Полтаве командовал центром русской армии.

¹⁹ Стефан Яворский («в миру» Симеон) (1658—1722) — «местоблюститель патриаршего престола» после смерти патриарха Андриана (1700), ректор Славяно-греко-латинской академии (1707), президент Святого Синода (1721). Сперва сторонник, а затем противник петровских реформ, был связан с царевичем Алексеем. Известный писатель и проповедник своего времени, основной труд — трактат против лютеран «Камень веры».

²⁰ Здесь упоминается родная сестра Петра I — царевна Наталия Алексеевна (1673—1716).

²¹ Эпизод о казни женщины, убившей своего мужа, находим в книге А. Толстого «Петр Первый». Сочинение де Бруина, наряду с другими записками иностранцев, было использовано автором. (Толстой А. Собр. соч., т. 7. М., 1959. С. 209—211, 840, 844).

²² Установить, на чьей свадьбе присутствовал де Бруин, видимо, невозможно. Правда, ясно, что русские фамилии, транскрибированные им латинскими буквами, не обозначают ни князей Шуйских (их род превратился в России в 30-е гг. XVII в.), ни князей Шаховских.

²³ Меншиков (Меньшиков) Александр Данилович (1670—1729) — ближайший сподвижник Петра; происходил, по одной версии, из семьи пирожника, по другой — из семьи придворного конюха; вначале царский денщик, солдат «потешного войска», благодаря своим способностям стал крупнейшим военачальником, дипломатом, государственным деятелем, получил титул герцога Ижорского и светлейшего князя (1707), президента Военной коллегии, адмирала, рейхсмаршала, наконец, генералиссимуса (1727). При Екатерине I был фактическим правителем страны, при Петре II попал в опалу, сослан в Сибирь, где и умер в Березове.

²⁴ Речь идет о царице Прасковье Федоровне (урожд. Салтыковой) (1664—1723) — вдове сводного брата царя Петра, царя Ивана Алексеевича (1666—1696), который был его соправителем (1682—1696). Де Бруин упоминает в тексте своей книги дочерей царя Ивана и царицы Прасковьи. Это Екатерина Ивановна (1691—1733), ставшая матерью правительницы Анны Леопольдовны и бабкой малолетнего императора Ивана VI (1740—1741), Анна Ивановна (1693—1740), будущая императрица (1730—1740), и Прасковья Ивановна (1694—1731).

²⁵ Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640—1717) — князь, «князь-кесарь», начальник Преображенского приказа; вел розыски по делам государственных и политических преступлений, пользовался полным доверием Петра I, во время отъезда которого за границу обладал всей полнотой власти в стране.

²⁶ Бутурлин Иван Иванович (1661—1738) — премьер-майор Преображенского полка (1687), генерал-майор (1700); попал в плен под Нарвой, вернулся в Россию в 1710 г., участвовал в сражении при Гангуте в 1714 г., был произведен в генерал-аншефы (1721), умер в ссылке, попав в опалу при императоре Петре II.

²⁷ Речь идет о Василии Михайловиче Арсеньеве (умер после 1727) — брате жены Меншикова Дарьи Михайловны; он в молодости находился при русском посольстве в Голландии, затем принимал участие в Северной войне в качестве капитана каперского корабля на Балтике, в царствование Петра II стал гофмейстером. Его карьера закончилась после ссылки «светлейшего», т. е. Меншикова.

²⁸ Зотов Никита Моисеевич (ок. 1644—1718) — учитель Петра, думный дьяк (1690), граф (1710), глава Ближней походной канцелярии, непременный участник празднеств царя, который называл его «всешутейшим патриархом».

²⁹ Головин Федор Алексеевич (1650—1706) — боярин, граф, первый кавалер высшего ордена Российской Империи — ордена Андрея

Первозванного, государственный деятель, дипломат; в 1689 г. заключил Нерчинский договор с Китаем, в 1691 г. назначен наместником сибирским, в 1697—1698 гг. был послом в «Великом посольстве», которое было отправлено в Западную Европу, заключил союзные договоры с Данией и Саксонией, в 1699 г. стал генерал-адмиралом, а затем президентом Посольского приказа (1700—1706).

³⁰ Головкин Гавриил Иванович (1660—1734) — стольник, постельничий, граф (1710), кавалер ордена Андрея Первозванного, государственный деятель и дипломат, президент Посольского приказа (1706—1709), государственный канцлер, президент Коллегии иностранных дел, член Верховного тайного совета (1726—1730).

³¹ Ромодановский Григорий Григорьевич (ум. после 1703 г.) — князь, боярин, полководец, приближенный царя Алексея Михайловича; был членом Опекунского совета — «оберегателем» при малолетнем царе Петре. По завещанию царя кроме него «оберегателями» были Л. К. Нарышкин, Ф. А. Головин и князь П. И. Прозоровский.

³² Вильгельм III Оранский (1650—1702) — штатгальтер Голландии (с 1674), английский король (1689); правил совместно с женой Марией II Стюарт.

³³ «Союзники» — это Голландия, Англия и Германская Империя, воевавшие против Франции в «Войне за испанское наследство» (1701—1713).

³⁴ Стрешнев Тихон Никитич (1644—1719) — боярин, сенатор, «дядька» царевича Петра; пользовался его полным доверием, вместе с князем Ф. Ю. Ромодановским управлял страной, когда царь был за границей, возглавлял Приказ военных дел (1701), затем Разрядный приказ, был московским губернатором (1708).

³⁵ Победа русских войск под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева над шведами была одержана 18—22 июля 1702 г. у Гумоловой мызы, близ Пернова (Пярну).

³⁶ Бараши — ремесленники, шатерники, обойщики; здесь этот термин обозначает район, местность, где они жили.

³⁷ Кокуй — название Немецкой слободы.

³⁸ Ворота Каменного моста — Боровицкие.

³⁹ Ворота Трисвятские — Троицкие.

⁴⁰ Софья Алексеевна (1657—1704) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича от первого брака, сводная сестра Петра, правительница России (1682—1689); в годы ее правления были даны некоторые льготы торгово-ремесленным посадкам городов, ослаблен сыск беглых крестьян, основана Славяно-греко-латинская академия; в области внешней политики России был заключен «Вечный мир» с Польшей (1686), Нерчинский договор с Китаем (1689), подтвержден мир со Швецией и совершены неудачные Крымские походы (1687, 1689); потеряв поддержку ряда придворных группировок, она была свергнута и заточена в монастырь.

⁴¹ Это собор Василия Блаженного (Покровский собор на рву). Построен в 1555—1560 гг. русскими зодчими Бармой и Постником в честь покорения Казанского ханства

⁴² Федор Иванович (1557—1598) — русский царь (с 1584), сын Ивана Грозного; слабый и болезненный, в правлении страной участия не принимал; управлял страной Борис Годунов. В царствование Федора проходил постепенный подъем народного хозяйства страны, разоренной опричниной и Ливонской войной.

⁴³ Термин «царь» происходит от латинского «цезарь» — император. Как официальный титул употреблялся со времени Ивана Грозного и до Петра I (с 1547 по 1721 г.). При Петре был заменен титулом императора. Но титул «царь» неофициально существовал вплоть до 1917 г. Рас-

суждения де Бруина о титулатуре русских самодержцев содержат неточности и ошибки.

⁴⁴ «Гетман казачий» — это Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Левобережной Украины (1687—1708); во время вторжения Карла XII перешел на сторону шведов, после Полтавской битвы (1709) бежал в Бендеры, где и умер.

⁴⁵ «Эвергард Избрант» — Избрант (Избрант-Идес) Эбергард (Елизарий Елизаров) — немецкий купец, дипломат, географ; совершил по поручению Петра I путешествие в Китай во главе дипломатической миссии с целью проверки исполнения китайской администрацией Нерчинского договора; о своем путешествии затем написал книгу.

⁴⁶ Царь Федор Борисович Годунов был убит 10 июня 1605 г.

⁴⁷ Вайдовая зола — сырье,готавливаемое из золы специальных трав; употреблялась для изготовления синей и лазоревой краски; краситель для высококачественного сукна.

⁴⁸ Нотенбург был взят 14 октября 1702 г. Его древнее название Орешек, затем Нотенбург, Шлиссельбург и, наконец, с 1944 г. — Петрокрепость.

⁴⁹ Что за название обозначил де Бруин словом «Пешик» — определить трудно.

⁵⁰ «Господин Лофкрейлис» — Лев Кириллович Нарышкин (ум. 1705) — дядя Петра, брат царицы Натальи Кирилловны, боярин, начальник Посольского приказа.

⁵¹ Речь идет о князе, боярине Иване Семеновиче Прозоровском (а не «Петровском», как пишет де Бруин). Он был убит С. Разиным в 1670 г. в Астрахани. Его сыновья были повешены за ноги. Они привезли свше сукот. Младшего, восьмилетнего, избили и отдали матери, а старшего — Бориса — сбросили, как и отца, со стен астраханского кремля.

⁵² Де Бруин описывает свадьбу «стольника и инженера» графа Ивана Федоровича Головина, среднего сына «первого государственного министра», и Анны Борисовны Шереметевой, младшей дочери от первого брака фельдмаршала графа Бориса Петровича (а не Федоровича, как у автора) Шереметева.

⁵³ Крайчий — кравчий.

⁵⁴ Мусин-Пушкин Иван Алексеевич (ум. после 1728) — окольничий, затем боярин, граф (1710), воевода в Смоленске, затем в Астрахани, участник Полтавской битвы, начальник Монастырского приказа (1701—1717), в 1717 г. назначен сенатором, в 1726 г. — «докладчиком» у императрицы Екатерины I, в 1727 г. — заведующий Монетным двором.

⁵⁵ Измайлов Андрей (а не Алексей, как у де Бруина) Петрович (ум. после 1710) — «комнатный стольник» царя Петра, профессиональный дипломат, был послом в Дании (1700—1707), в Пруссии (1701), затем в чине «Суздальского наместника» при «малороссийском гетмане» Скоропадском (1708—1710).

⁵⁶ «Князь Григорий Григорьевич Гагарин» — такого не было, де Бруин ошибся, видимо, это Матвей Петрович Гагарин (ок. 1670—1721) — князь, сибирский губернатор, с 1701 г. — ответственный за постройку гидросооружений в Европейской России, начальник работ по строительству канала Волга — Дон, «начальный человек Сибирского приказа» (1706), комендант Москвы (1707), начальник Сибирской губернии (1708—1719); был уличен в казнокрадстве, судим, приговорен Сенатом к смертной казни и повешен.

⁵⁷ Толстой Иван Андреевич (умер после 1708 г.) — старший брат известного дипломата Петра Андреевича Толстого, стрелецкий полковник; был замешан в стрелецком бунте, затем перешел на сторону

царя Петра, которому верно служил, получил чин действительного тайного советника и стал губернатором Азовской губернии.

⁵⁸ Кикин Александр Васильевич (ок. 1673—1718) — царский денщик, советник по Адмиралтейству; получил образование судостроителя в Голландии, занимал ответственные посты на верфях Петербурга, Воронежа, Олонецка и Ладоги, исполнял личные поручения царя; за злоупотребления был отдан под суд, но вскоре был прощен царем; с 1713 г. стал активным сторонником царевича Алексея, был одним из инициаторов его заговора, направленного против Петра I и его реформ. В результате следствия по делу царевича Алексея Кикин был привлечен к дознанию, судим и казнен.

⁵⁹ Нарышкин Семен Львович — сын Льва Кирилловича Нарышкина, двоюродный брат царя Петра.

⁶⁰ Ораненбург, затем Ранебург — уездны́й город Рязанской губернии.

⁶¹ Апраксин Федор Матвеевич (1661—1728) — граф, генерал-адмирал, ближайший сподвижник Петра I; возглавил строительство военно-морского флота России, начальник Адмиралтейства (1700—1707), президент Адмиралтейской коллегии (1717), член Верховного суда, участник Северной войны, Персидского похода, член Верховного тайного совета (1726).

⁶² Речь идет о реке Дон.

⁶³ Александр Великий — Александр Македонский (356—323 до н. э.) — полководец, царь Македонии; захватил Ближний Восток, Переднюю Азию, создал крупнейшую мировую державу, которая распалась после его смерти.

⁶⁴ В районе Костенок находится палеолитическая стоянка древнего человека. Здесь и были найдены изделия из кости мамонта.

⁶⁵ Черкасы — здесь: украинцы.

⁶⁶ Видимо, опечатка; надо 7176, т. е. речь идет о епитрахили патриарха Никона.

⁶⁷ Борис Алексеевич Голицын (1654—1714) — князь, воспитатель Петра I, участник Азовского похода (1695), один из руководителей правительства при отъезде царя за границу (1697—1698), реорганизатор русской армии после поражения под Нарвой; был назначен начальником Казанского приказа, после восстания в Астрахани (1705—1706) подвергся царской немилости, принял монашество и умер в монастыре.

⁶⁸ Михаил Яковлевич Черкасский (ум. 1712) — князь, богатейший помещик (свыше 9 тыс. крестьянских дворов), воевода тобольский; способствовал развитию металлургии в Сибири.

⁶⁹ Испагань — ныне Исфahan.

⁷⁰ Григорий Дмитриевич Строганов (ум. 1716) — «именитый человек», потомок знаменитых Строгановых, владельцев огромных имений в Поморье, Перми и Зауралье, сторонник петровских реформ; субсидировал строительство кораблей в Воронеже и Архангельске.

⁷¹ Это известная Макарьевская ярмарка, существовавшая до 1817 г., когда она была переведена в Нижний Новгород. По своим торговым оборотам, насчитывающим многие миллионы рублей, занимала одно из первых мест в России. Имела интенсивные торговые контакты помимо стран Западной Европы с Ираном, Закавказьем, Средней Азией, Афганистаном и Индией.

⁷² Тамерлан (Тимур) (1336—1405) — эмир, полководец; совершил ряд завоевательных походов в Иран, Закавказье, Среднюю Азию, пытался создать государство на завоеванных землях.

⁷³ Нийен, Ниеншанц — крепость и посад, которые были расположены при впадении р. Охты в Неву, т. е. на территории современного Ленинграда.

⁷⁴ «...церковь Христа, изображенного на полотне» видимо, церковь «Спаса на холсте» (т. е. на убрусе). Речь идет об изображении, сделанном на убрусе — на холщовой плате, полотне.

⁷⁵ Ганжар, жардиньерка — подставка, этажерка, корзина для комнатных растений, цветов.

⁷⁶ «...в этот день обедом» — далее идет описание путешествия де Брунна по Востоку.

ГЕРЦОГ ЛИРИЙСКИЙ

Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского

Печатается по изданию: Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского.

1727—1730 годов.

Перевод с французского Д. Языкова. СПб., 1845. С. 1—134.

¹ Евгений Савойский (1663—1736) — принц, выдающийся полководец; воевал на стороне австрийских Габсбургов, одержал победу над турками (1697, 1716—1717) и французами (1707—1709) в «Воине за испанское наследство», подавлял восстание в Венгрии (1703—1711) и в Нидерландах (1717).

² Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская) (1684—1727) — русская императрица (1725), вторая жена Петра I; на престол после смерти мужа была возведена гвардией и А. Д. Меншиковым, при ней стал функционировать Верховный тайный совет (1726—1730), как совещательный орган при самодержцье.

³ «Царевич» — Петр II Алексеевич (1715—1730) — сын царевича Алексея Петровича и его жены Софьи-Шарлотты, принцессы брауншвейг-вольфенбюттельской, внук Петра I, русский император (1727—1730).

⁴ «Герцог и герцогиня голштейн-готторпские» — речь идет о дочери Петра I и Екатерины I Анне Петровне (1708—1728), которая была (с 1725) замужем за герцогом шлезвиг-голштейн-готторпским Карлом Фридрихом. Их сын Карл Петр Ульрих — будущий император Петр III (1728—1762).

⁵ Елизавета (Елисавета) Петровна (1709—1761) — дочь Петра I и Екатерины I, императрица (1741—1761); была возведена на престол гвардией, вела активную политику; в ее царствование наблюдается оживление экономики и культуры страны с одновременным ростом эксплуатации народных масс.

⁶ Остерман Андрей Иванович (1686—1747) — родился в Вестфалии; в России с 1703 г., здесь сделал блестящую карьеру от переводчика Посольского приказа до канцлера и члена Верховного тайного совета, получил титул графа (1730). Активно поддерживал при дворе фаворита императрицы Анны Бирона и его «немецкую партию». С приходом к власти императрицы Елизаветы был обвинен в ряде преступлений, в том числе и в казнокрадстве, и сослан в Сибирь.

⁷ Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1737) — князь, лидер «верховников» — членов Верховного тайного совета; составил требования «Кондиции» с целью ограничения власти императрицы Анны, однако они не были приняты; вскоре он по требованию Бирона и «немецкой партии» был арестован и умер в каземате Петропавловской крепости.

⁸ Толстой Петр Андреевич (1645—1729) — граф, известный дипломат и государственный деятель; принимал участие в стрелецком бунте,

поддерживал правительницу Софью, затем сблизился с окружением Петра, был послом в Турции и в Западной Европе, начальником Тайной канцелярии (1716), членом Верховного тайного совета (1726); в вопросе о престолонаследии выступал против Петра II и Меншикова, в пользу Елизаветы. Был арестован и сослан в Соловецкий монастырь, где вскоре умер.

⁹ Дивниер Антон Михайлович (ум. после 1729) — начал свою службу денщиком Петра I, затем — адъютантом, а вскоре стал генерал-полицмейстером Петербурга; несмотря на то что был женат на сестре Меншикова, выступил вместе с П. А. Толстым против Петра II и «светлейшего» в пользу Елизаветы; был арестован и отправлен в ссылку.

¹⁰ «Вдовствующая герцогиня курляндская» — Анна Ивановна (1693—1740) — дочь царя Ивана, сводного брата царя Петра, и царицы Прасковьи; была замужем за герцогом курляндским Фридрихом Вильгельмом (ум. 1711), в 1730 г. по выбору «верховников» стала императрицей.

¹¹ «Великая княжна, сестра его величества» — Наталья Алексеевна (1714—1728) — сестра Петра II, дочь царевича Алексея Петровича.

¹² «Герцогиня мекленбургская» — Екатерина Ивановна (1691—1733) — дочь царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи, жена Карла Леопольда, герцога мекленбург-шверинского.

¹³ «Герцогиня Параскевия» — царевна Прасковья Ивановна (1694—1731) — дочь царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи.

¹⁴ Ягужинский Павел Иванович (1683—1736) — государственный деятель, дипломат, ближайший сподвижник Петра I, генерал-прокурор Сената (1722), член Верховного тайного совета; вначале выступал за ограничение власти императрицы Анны, но затем отказался от своих требований; был послом в Пруссии (1732—1735), а по возвращении в Россию — кабинет-министром.

¹⁵ Иван Алексеевич Долгорукий (Долгоруков) (1708—1739) — князь, обер-камергер двора, майор гвардии, любимец императора Петра II, после смерти которого по повелению императрицы Анны был сослан вместе со своей семьей в Березов, по «процессу Долгоруких» в 1739 г. был судим и подвергнут мучительной казни — колесован.

¹⁶ Алексей Григорьевич Долгорукий (Долгоруков) (ум. в 1734) — князь; получил хорошее образование, долго жил за границей, служил смоленским губернатором, президентом Главного магистрата (1723), затем становится сенатором (1727), действительным тайным советником (1728), членом Верховного тайного совета. После смерти императора Петра II стремился провозгласить свою дочь Екатерину, невесту покойного, императрицей. При правлении Анны Ивановны был сослан в Березов, где заболел и умер.

¹⁷ Шафиров Петр Петрович (1669—1739) — дипломат, государственный деятель; начал свою карьеру как переводчик Посольского приказа, затем стал тайным секретарем и вице-канцлером, вел дипломатические переговоры с турками и шведами. За взятки и «воровство» был судим и приговорен к смертной казни, которая была заменена ссылкой.

¹⁸ «Царица, бабка нынешнего царя» — Евдокия Федоровна Лопухина (1670—1731) — первая жена Петра I (с 1689 по 1698 г.), мать царевича Алексея Петровича, бабка Петра II Алексеевича.

¹⁹ Трубецкой Иван Юрьевич (ум. 1750) — князь, генерал-фельдмаршал, сподвижник молодого Петра; начал службу в потешных войсках; в начале Северной войны попал в плен к шведам, вернулся только в 1718 г., затем служил в Сенате, был московским генерал-губернатором (1739).

²⁰ Рагузинский-Владиславич Савва Лукич (ок. 1670—1738) — дипломат, по происхождению серб; на русской службе с 1708 г., служил

в Посольском приказе, участвовал в Прутском походе, представитель России на Балканах и в Италии, возглавлял русское посольство в Китае (1725—1728), участвовал в заключении Буринского и Кяхтинского договоров.

²¹ Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772) — граф (1730), герцог курляндский (1737), фаворит императрицы Анны Ивановны; использовал свое влияние для личного обогащения, создал режим, получивший название «бирановщина», для которого характерны засилье и господство иностранцев во всех областях государственной и общественной жизни, разграбление страны, хищническая эксплуатация народа, репрессии, шпионаж, доносы, подавление любых форм национального развития. После смерти Анны Бирон был арестован и сослан в Пелым, затем в Ярославль (1742), при Петре III вернулся в Петербург, а затем в Курляндию.

²² Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович) (1683—1767) — граф (1728), генерал-фельдмаршал (1730), военный и государственный деятель; начал свою карьеру как наемник, служил инженером в немецких и польских войсках, затем перешел в Россию (1721), участвовал в строительстве шлюзов и каналов на Ладоге, при императрице Анне сотрудничал с Э. Бираном и А. Остерманом, стал президентом Военной коллегии (1730); во время русско-турецкой войны командовал войсками в Крыму (1735—1739). После смерти Анны совершил переворот и арестовал Бирона, но вскоре был сам уволен в отставку Остерманом, сослан в Пелым (1762), откуда был возвращен Петром III.

К.-К. РЮЛЬЕР

История и анекдоты революции в России в 1762 г.

Печатается по изданию: Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908. С. 13—71.

¹ Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — императрица, жена императора Петра III; после переворота 1762 г. правила единолично и самодержавно. При ней укрепилась абсолютная монархия, оформились сословные привилегии дворянства, одновременно усилилось угнетение крестьянских масс (восстание Пугачева 1773—1775 гг.), проводилась активная внешняя политика. Она заключалась в обеспечении безопасности России от турецко-крымской агрессии и перманентной угрозы Швеции на Балтике, в попытке нейтрализации Австрии и Пруссии за счет вынужденной уступки в решении вопроса о Польше, в активном противодействии Англии и в открытой поддержке Американской революции и нового государства — США. В области внутренней политики наблюдается интенсивное развитие экономики (промышленности, торговли), культуры и просвещения. Для конца правления Екатерины характерно усиление политической реакции (обвинения в «свободомыслии» Радищева и Новикова).

² Петр III Федорович (1728—1762) — император (1761); своей реакционной антинациональной политикой вызвал всеобщее недовольство, был свергнут гвардией, поддержавшей заговор Екатерины (28.6.1762).

³ Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766) — дипломат, государственный деятель, канцлер (1744—1758), генерал-фельдмаршал (1762).

⁴ Разумовский Алексей Григорьевич (1709—1771) — граф (1744), камергер, генерал-фельдмаршал (1756); из украинских казаков;

морганатический супруг императрицы Елизаветы, богатейший помещик России и Украины.

⁵ Понятовский Станислав Август (1732—1798) — граф, секретарь английского посольства в Петербурге (1755—1758); исполнял обязанности посла Саксонии и Польши; последний польский король.

⁶ Воронцова Елизавета Романовна (в замужестве Полянская) (1739—1792) — фаворитка Петра III, дочь Романа Илларионовича Воронцова, генерал-аншефа и сенатора, родная сестра кн. Ек. Р. Воронцовой-Дашковой.

⁷ Гудович Андрей Васильевич (1731—1808) — адъютант Петра III, затем генерал-аншеф.

⁸ «Мареборуго» — Мальборо Джон Черчилл (1652—1722), герцог (1702), полководец, государственный деятель; принимал участие в «Войне за испанское наследство».

⁹ Иоанн (Иван) VI Антонович (1740—1764) — русский император (1740—1741); его родителями были Анна Леопольдовна, внучка царя Ивана V Алексеевича, и Антон Ульрих, герцог брауншвейг-люненбургский. Иоанн Антонович был убит при попытке его освобождения (т. н. «заговор В. Н. Мировича»).

¹⁰ Братья Орловы активно участвовали в перевороте 1762 г. Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783) — граф (1762), генерал-фельдцейхмейстер (1765—1775), фаворит Екатерины II, один из руководителей переворота, первый президент Вольного экономического общества. Орлов Алексей Григорьевич (1739—1807/8) — граф (1762), генерал-аншеф (1769); командовал в Средиземном море русской эскадрой, одержал победы у Наварина и Чесмы (1770), за что получил титул «Чесменский». Как правильно указывает К.-К. Рюльер, на лице А. Г. Орлова был действительно шрам, полученный во время стычки с А. Швановичем. Орлов Иван Григорьевич (1738—1791) — граф (1762), капитан гвардии; участвовал в комиссии по составлению нового Уложения (1767). Орлов Федор Григорьевич (1741—1796) — граф (1762), обер-прокурор Правительствующего Сената, участник Комиссии по составлению нового Уложения (1767); командовал отрядом судов в битве при Чесме (1770). Орлов Владимир Григорьевич (1743—1831) — граф (1762), генерал-поручик, директор Академии наук (1766—1774).

¹¹ Шувалов Петр Иванович (1710—1762) — граф, государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1761); при императрице Елизавете фактически руководил правительством, провел ряд реформ в армии, усовершенствовал русскую артиллерию.

¹² Воронцова-Дашкова Екатерина Романовна (1743—1810) — княгиня, крупнейшая деятельница русской культуры, одна из активных участниц переворота 1762 г., директор Петербургской академии наук и президент Российской Академии (1783—1796), автор интереснейших мемуаров. Ее сестры — Воронцова Мария Романовна (в замужестве Бутурлина) (1737—1765) и упомянутая Е. Р. Полянская.

¹³ Дашков Михаил Иванович (1736—1764) — князь, камер-юнкер, вице-полковник гвардейского гусарского полка, муж Ек. Р. Воронцовой-Дашковой.

¹⁴ Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803) — русский государственный деятель, граф (1774), последний гетман Украины (1750—1764), президент Петербургской академии наук (1764—1798), крупнейший землевладелец; способствовал закреплению украинского крестьянства, активно помогал участникам заговора 1762 г., за что был произведен в генерал-адъютанты и генерал-фельдмаршалы.

¹⁵ Панин Никита Иванович (1718—1783) — граф, русский государственный деятель и дипломат, с 1747 г. посланник в Дании и Швеции, участник дворцового переворота (1762), воспитатель наследника Павла

Петровича; руководил Коллегией иностранных дел, автор конституционных проектов.

¹⁶ «...именем Пушкин» — Пушкин Лев Александрович А. С. Пушкина.

¹⁷ Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767) — граф, русский государственный деятель, дипломат, канцлер (1758—1762)

¹⁸ Талызин Иван Лукьянович (ум. после 1764) — адмирал

¹⁹ Барятинский Федор Сергеевич (1742—1814) — гвардейский офицер, обер-гофмаршал Петра III, участник переворота 1762 г

²⁰ Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — выдающийся государственный и военный деятель России, «светлейший князь Таврический» (1783), генерал-фельдмаршал (1784), президент Военной коллегии, фаворит Екатерины II; происходил из мелкопоместных дворян, обучался в гимназии Московского университета; участвовал в перевороте 1762 г., принимал участие в работе Комиссии по составлению нового Уложения (1767), в русско-турецкой войне (1768—1771), в 70—80-е гг. XVIII в. занимал высокое положение при дворе, проявил себя талантливым администратором и политиком; проводил политику укрепления абсолютистского государства, руководил хозяйственным освоением Северного Причерноморья, основанием городов Херсона, Николаева, Севастополя, Новороссийска, Екатеринослава, строительством черноморского торгового и военного флотов, провел реформы русской армии, вел мирные переговоры в Яссах с Турцией (1791). Несмотря на свои личные и узкоклассовые интересы (был богатейшим помещиком, выступал против казачьего самоуправления в Запорожской Сечи), он во многом способствовал развитию торговли, освоению земель, экономики страны, международному авторитету России.

Л.-Ф. СЕГЮР

Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II

Печатается по изданию: Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). Перевод с французского. СПб., 1865. С. 11—208.

¹ Де ла Колиньер — временный поверенный в делах Франции в тот период.

² Де Линь (1735—1814) — князь, фельдмаршал, австрийский дипломат.

³ Остерман Иван Андреевич (1725—1811) — граф, дипломат, государственный деятель, вице-канцлер (1796).

⁴ Верженнь Шарль де (ум. 1787) — граф, министр иностранных дел Франции.

⁵ Румянцев Николай Петрович (1754—1826) — граф, дипломат, государственный деятель, чрезвычайный и полномочный министр во Франкфурте-на-Майне при сейме «Священной Римской империи» (1782—1796), член Государственного совета (1801), а затем его председатель (1810—1812), известный коллекционер, библиофил и издатель.

⁶ Иосиф II Габсбург (1741—1790) — австрийский эрцгерцог (1780), соправитель своей матери Марии-Терезии (1765—1780), император «Священной Римской империи».

⁷ Шуазель Этьенн-Франсуа (1719—1785) — герцог, дипломат и государственный деятель, министр иностранных дел Франции (1758—

1770), одновременно морской (1761—1766) и военный (1766—1770) министр.

⁸ Аббат Шапп д'Отерош — член Парижской академии наук, в начале 60-х гг. XVIII в. посетил Россию с целью астрономических наблюдений. По возвращении на родину, как результат своих путешествий, издал в Париже в 1768 г. книгу. Ее антирусская направленность и враждебность вызвали возражения таких деятелей французского Просвещения, как Дидро и Гримм. В России на книгу Шаппа была опубликована обстоятельная критика.

⁹ Людовик XV (1710—1774) — король Франции; проводил неудачную внутреннюю и внешнюю политику; ему принадлежит знаменитое изречение: «После нас хоть потоп!»

¹⁰ Фридрих II (1712—1786) — прусский король (1740); путем агрессии значительно увеличил территорию своего королевства, установил в государстве военный деспотизм.

¹¹ Ланской Александр Дмитриевич (1758—1784) — граф, генерал-поручик, генерал-адъютант.

¹² Семирамида (конец IX в. до н. э.) — царица Ассирии; прославилась завоевательными походами и сооружением «висячих садов» в Вавилоне — одного из «чудес света».

¹³ «Елисавета английская» — Елизавета I Тюдор (1533—1603) — английская королева; укрепила абсолютизм, поддерживала протестантизм, осуществляла активную внешнюю политику.

¹⁴ Мария-Терезия Габсбург (1717—1780) — австрийская эрцгерцогиня (1740), императрица; проводила укрепление абсолютизма, вела неудачные войны с Пруссией, в результате чего потеряла Силезию.

¹⁵ Пугачев Емельян Иванович (ок. 1740—1775) — донской казак, предводитель Крестьянской войны (1773—1776); выдавал себя за Петра III.

¹⁶ Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796) — граф (1744), выдающийся русский полководец, дипломат и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1770), участник Семилетней и русско-турецкой войн; одержал победы под Ларгом и Кагулом, автор ряда военно-теоретических работ.

¹⁷ Репнин Николай Васильевич (1734—1801) — князь, генерал-фельдмаршал (1796), посол в Польше (1763—1796), участник русско-турецких войн и заключения мирных договоров с Османской империей (1774 и 1791).

¹⁸ Инициатором раздела Польши был Фридрих II.

¹⁹ Монтескье Шарль Луи (1689—1755) — французский правовед, философ; критиковал абсолютизм, выдвигал принцип «разделение властей»; автор знаменитой работы «О духе законов».

²⁰ «Фальконет» — Фальконе Этьенн Морис (1716—1791), известный французский скульптор; в 1766—1778 гг. работал в России, автор знаменитого «Медного всадника» — памятника Петру I.

²¹ При Екатерине II была основана Российская Академия (1783). Ее президентом была Е. Р. Воронцова-Дашкова.

²² Вольтер (Аруэ) Мари Франсуа (1694—1778) — французский писатель, философ-просветитель, деист, критик абсолютизма; сыграл выдающуюся роль в развитии общественно-политической мысли Европы.

²³ Д'Аламбер Жан Лерон (1717—1783) — французский математик, философ-просветитель, иностранный член Петербургской академии наук, редактор «Энциклопедии».

²⁴ Дидро Дени (1713—1784) — французский философ-материалист, писатель; в области общественных явлений защищал идеи просвещенного абсолютизма, редактор «Энциклопедии».

²⁵ Александр I Павлович (1777 -1825) — русский император (1801), в начале царствования провел либеральные реформы, в области внешней политики пытался лавировать между наполеоновской Францией и ее противниками. После Отечественной войны 1812 г. возглавил коалицию европейских держав против Наполеона; в конце правления проводил реакционную внутреннюю политику.

²⁶ Константин Павлович (1779—1831) — русский великий князь, второй сын императора Павла, участник похода А. В. Суворова (1799—1800), Отечественной войны 1812 г., фактический наместник Королевства Польского.

²⁷ Брюс Прасковья Александровна (1729—1786) — графиня, статс-дама, сестра известного полководца П. А. Румянцева-Задунайского, жена генерал-аншефа Я. А. Брюса.

²⁸ Grimm Фредерик-Мельхиор (ум. после 1789) — барон, французский писатель, библиограф, деятель культуры эпохи Просвещения, один из корреспондентов Екатерины II.

²⁹ Павел I Петрович (1754—1801) — великий князь, затем император (1796); проводил ограничение дворянских вольностей, укрепление военного и полицейского аппарата, в области внешней политики стремился выступать против революционной Франции, но с приходом к власти Наполеона наметился союз между двумя странами; был убит заговорщиками.

³⁰ «...*братья графы Воронцовы*» — речь идет о Воронцове Александре Романовиче (1741—1805) — государственном деятеле и дипломате, полномочном министре в Англии (1762—1764), в Голландии (1764—1768), президенте Коммерц-коллегии (1773—1794), канцлере (1802—1804) — и о его младшем брате Воронцове Семене Романовиче (1744—1832) — советнике русского посольства в Вене (1764), в Венеции (1783), в Лондоне (1785—1806).

³¹ Безбородко Александр Андреевич (1747—1799) — русский государственный деятель, дипломат, светлейший князь, секретарь Екатерины II, с 1783 г. один из руководителей внешней политики России, канцлер (1797).

³² Михельсон Иван Иванович (1740—1807) — полковник, а затем генерал, командовавший отрядом правительственных войск, которые сражались против Пугачева.

³³ Суворов Александр Васильевич (ок. 1730—1800) — граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), русский полководец, генералиссимус (1799); одержал победу над турками при Козлудже (1774), Кинбурне (1787), Фокшанах (1789), Рымнике (1789), Измаиле (1790), провел Итальянский и Швейцарские походы, автор ряда военно-теоретических трудов.

³⁴ Людовик XIV (1638—1715) — французский король (1643); провел некоторые реформы, способствовавшие полной победе абсолютизма в стране; в области внешней политики стремился к господству в Европе; конец его царствования ознаменовался кризисом в экономике страны и выступлением народных масс.

³⁵ Никейский и Халкедонский соборы — собрания высших иерархов церкви, на которых принимались важнейшие решения, обязательные для всех христиан (о ересьях, о «символе веры» и т. п.).

³⁶ На Флорентийском соборе (1439) была принята уния православной и католической церквей с папой римским во главе. Это решение ни юридически, ни фактически ни русской, ни другими православными церквями не принималось.

³⁷ Кобенцель — Кобенцель Людвиг (1753—1809) — граф, известный австрийский государственный деятель и дипломат, посланник в Пруссии (1774—1779), посланник, а затем посол в России (1779—1800);

многое сделал для сближения Австрии и России; министр иностранных дел (1800), канцлер и глава правительства (1801—1805).

³⁸ Сен-Пьер (1658—1743) — публицист, философ, автор книги «Проект о всеобщем мире» (1713).

³⁹ Кастри Шарль де (1727—1802) — маркиз, маршал (1783), государственный деятель Франции, военный министр.

⁴⁰ 21 апреля 1785 г. была обнародована «Жалованная грамота дворянству».

⁴¹ Лаперуз Жан Франсуа (1741—1788) — французский мореплаватель; совершил кругосветное плавание, открыл пролив (ныне — пролив Лаперуза), отделяющий Японские острова от острова Сахалина.

⁴² Протасова Анна Степановна (ум. 1826) — графиня (1801), камер-фрейлина Екатерины II.

⁴³ Ермолов Александр Петрович (1754—1787) — генерал-поручик, фаворит Екатерины II.

⁴⁴ Булгаков Яков Иванович (ум. 1809) — дипломат, писатель, действительный тайный советник, посол России в Стамбуле.

⁴⁵ Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793) — князь, генерал-прокурор.

⁴⁶ Завадовский Петр Васильевич (1738—1812) — граф, управляющий Дворянским и Ассигнационным банками, министр просвещения (1802—1810).

⁴⁷ Мамонов — Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (1758—1803) — граф (1788), генерал-адъютант и генерал-лейтенант, фаворит Екатерины II.

⁴⁸ Нассау-Зиген Карл (1745—1808) — принц, вице-адмирал, профессиональный военный, наемник, в России с 1788 г.

⁴⁹ Грейг Самуил Карлович (1736—1788) — адмирал, по национальности англичанин; перешел на русскую службу в 1764 г.

⁵⁰ Морков Аркадий Иванович (1747—1829) — граф, русский дипломат; служил в ряде посольств, с 1786 г. — при Иностранной коллегии.

⁵¹ «Каллонь» — Калон Карл-Александр де (1734—1802) — генеральный контролер и интендант Франции.

⁵² Чернышев Иван Григорьевич (1726—1797) — граф, генерал-фельдмаршал по флоту и президент Адмиралтейств-коллегии.

⁵³ Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель, философ; обосновал право народа на свержение абсолютизма в книге «Об общественном договоре»; полагал, что частная собственность — причина неравенства, осуждал клерикализм.

⁵⁴ «Райналь» — Рейналь Гийом Томас Франсуа (1713—1796) — французский историк, социолог, представитель Просвещения; сотрудничал в «Энциклопедии» Дидро, критиковал абсолютизм, католическую церковь, колониализм.

⁵⁵ Ламет Александр Виктор де (1760—1829) — граф, политический деятель, участник Войны за независимость в Америке, депутат от дворянства в Учредительное собрание, сторонник конституционной монархии, эмигрант, который вернулся во Францию при воцарении Наполеона; служил префектом, при Реставрации — член палаты депутатов, примыкал к оппозиции.

⁵⁶ Каменский М. Ф. (1738—1809) — граф, генерал-фельдмаршал.

⁵⁷ Монморен Арман-Марс де (1745—1792) — граф, профессиональный дипломат, министр иностранных дел (1787), конституционный монархист; был убит во время террора.

⁵⁸ Камели — пара плоскодонных судов, с выкатом, для подводки под корабль, подъема его и проводки по мелководью.

Путешествия по разным провинциям
Российского государства

Печатается по изданию: Петра Симона Палласа, Медицины доктора, натуральной истории Профессора Санктпетербургской Императорской Академии Наук и Вольного Экономического общества, Римской императорской Академии, Королевского Английского собрания и Берлинского естествоиспытательного общества члена, Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III, половина первая 1772 и 1773 годов.

Перевел Василий Зуев. СПб., 1788. С. 1—15, 126—314.

¹ В первой части описания путешествия рассказывается об экспедиции в европейскую часть России и в Западную Сибирь.

² В XVIII в. атмосферная температура могла измеряться не только по системе Цельсия, но и по другим — Реомюра, Делиля и Фаренгейта. Одна из них, видимо, и была использована Палласом.

³ Гмелин Иоагганн Георг (1709—1755) — натуралист, академик Петербургской академии наук; в 1733—1743 гг. путешествовал по Западной и Восточной Сибири; автор знаменитой «Флоры Сибири».

⁴ Черева — здесь: внутренности.

⁵ Георги Иван Иванович (Иоагганн Готлиб) (1729—1802) — натуралист, этнограф, академик Петербургской академии наук (1783), автор первого обобщающего труда по этнографии России.

⁶ Фалк Иоагганн Петр (1727—1773) — натуралист, ботаник, академик Петербургской академии наук; возглавлял отряд экспедиции Палласа, исследовал восточную часть России — от Астрахани и Уральска до Оренбурга, Сибирь — до Омска, Барнаула и Алтая.

⁷ Зуев Василий Федорович (1754—1794) — известный натуралист и путешественник, академик Петербургской академии наук (1779), переводчик трудов П. С. Палласа, автор «Путешественных записок от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг.» и первого учебника в России по естествознанию «Начертание естественной истории».

⁸ Буреты, буретские, братские — буряты, бурятские.

⁹ Мессершмид Даниил Готлиб (1685—1735) — натуралист, путешественник; в 1720—1727 гг. по заданию Петра I исследовал Сибирь вплоть до Забайкалья.

¹⁰ Стеллер Георг Вильгельм (1709—1746) — натуралист, путешественник, адъютант Петербургской академии наук (1737), участник второй Камчатской экспедиции; совершил ряд открытий в области флоры и фауны этого района. В тексте упоминается растение, названное его именем

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Примечания
Ю. Лимонов. Россия в западноевропейских сочинениях XVIII в.	3	
К. де Бруин. Путешествия в Московию	17	529
Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского	189	535
К.-К. Рюльер. История и анекдоты революции в России в 1762 г.	261	537
Л.-Ф. Сегюр. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II	313	539
П. С. Паллас. Путешествия по разным провинциям Российского государства	457	543

РОССИЯ XVIII в. ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

Подготовка текстов,
вступительная статья и комментарии
Юрия Александровича Лимонова

Зав. редакцией *А. И. Белинский*
Редактор *Л. Л. Решетникова*
Художник *Д. К. Титов*
Художественный редактор *Б. Г. Смирнов*
Технический редактор *Л. П. Никитина*
Корректор *З. А. Ривкина*

ИБ № 4747

Сдано в набор 14.02.89. Подписано к печати 07.07.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарн. литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 28,98. Уч.-изд. л. 31,99. Тираж 200 000 экз. Заказ № 38. Цена 2 р. 80 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.